ВЕЛИКИЕ

АВАНТЮРИСТЫ

БЕНЬОВСКИЙ

Annotation

Этот том Л. Дёмина, посвящённый жизни известного авантюриста XVIII века Мориса Августа Беньовского (де Бенёва), увлекательно рассказывает о многочисленных приключениях этого самозваного барона. Метания героя по свету, встречи со многими историческими деятелями позволяют читателю окунуться в атмосферу далёкой эпохи.

- Каторжник император. Беньовский
  -
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвёртая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Глава шестнадцатая
  - Глава семнадцатая
  - Глава восемнадцатая
  - Глава девятнадцатая
  - Глава двадцатая
  - Глава двадцать первая
  - Глава двадцать вторая
  - Глава двадцать третья
  - Глава двадцать четвёртая
  - Глава двадцать пятая
  - Глава двадцать шестая
  - ПОСЛЕСЛОВИЕ

- ОБ АВТОРЕ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37

- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69

Каторжник император. Беньовский

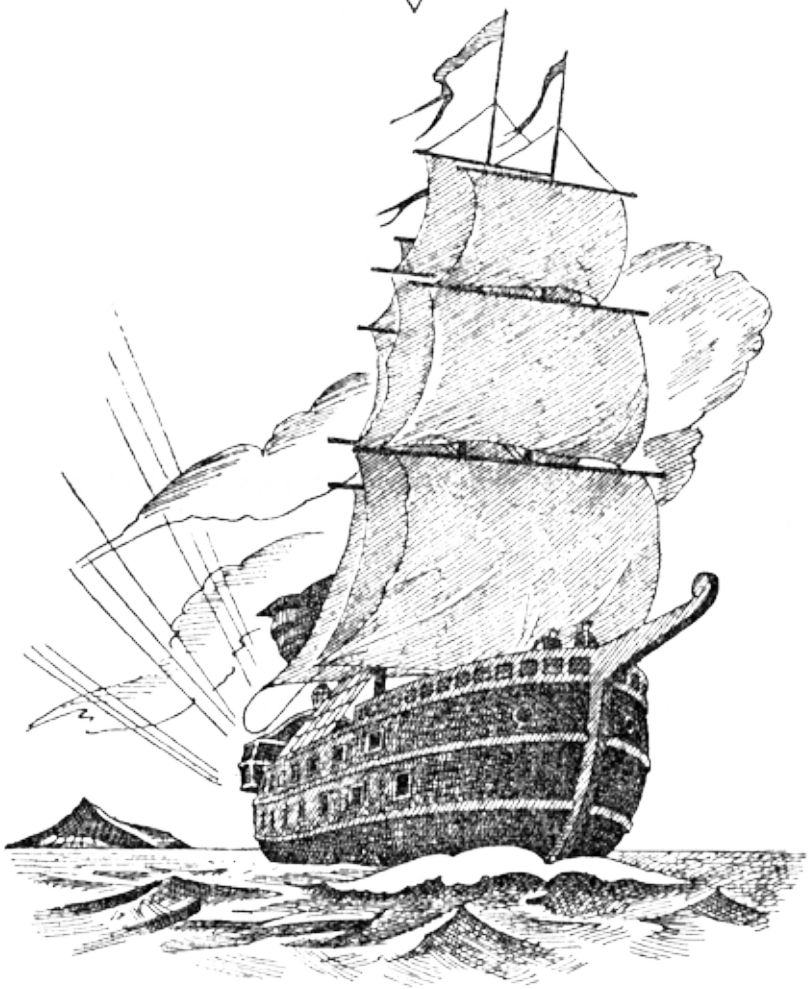
БЕНЬОВСКИЙ Морис Август (Бенёвский Мауриц Лугуст) (1746?—1786) — солдат, автор мемуаров, выходец из Венгрии. Сражался в Барской конфедерации. В 1770 г. депортирован русскими войсками на Камчатку. В 1771 г. возглавил там мятеж, организовал бегство на корабле, добрался до Макао. С 1772 г. на французской службе. В 1773 г. совершил захват Мадагаскара и стал там губернатором. С 1776 по 1778 г. действовал главным образом в Австрии и Венгрии.

В 1785 г. при поддержке Франклина и американских финансистов организовал собственную экспедицию на Мадагаскар. Погиб в сражении с французами.

Автор дневников, стилизованных под авантюрный роман — «История путешествий и необыкновенных событий». Герой многих польских (Ю. Словацкий, В. Серошевский), венгерских и немецких произведений. Был великим шахматистом (мат Беньовского).

Encyklopedia Powszechna PWN, 1974, Warszawa (Всеобщая энциклопедия, Государственное научное изд-во, Варшава, 1974).

КАТОРЖНИК ИМПЕРАТОР



Глава первая

Императрица Священной Римской империи, королева Венгерская и Богемская, эрцгерцогиня австрийская Мария-Терезия давала аудиенцию министру внутренних дел графу Гаугвицу в голубой гостиной Большого венского дворца.

Шёл второй год, как государыня овдовела, схоронив мужа и соправителя Франца-Стефана Лотарингского. Утрату свою переживала искренне, жалея Франца и как мужа и отца своих шестнадцати детей, и как соправителя, покладистого и во всех отношениях удобного.

Большой роли в государственных делах царственный супруг не играл, да и не стремился играть. Когда императрица, выслушивая доклады канцлера Кауница[1] или министра Гаугвица[2], соглашалась с докладчиком, Франц-Стефан поддакивал ей и бросал одобрительную реплику, хмурился и неодобрительно качал головой, если супруга возражала. Сложнее складывались отношения со старшим сыном, Иосифом II[3], назначенным вскоре после смерти отца её соправителем. Пылкий и порывистый Иосиф, зачитывавшийся трудами французских философов, был убеждённым сторонником идей просветительства и умеренных либеральных реформ, призванных обновить феодальную монархию с её неповоротливым и

громоздким бюрократическим аппаратом, своеволием клерикалов и аристократии. Жестокое поражение в Семилетней войне[4], поставившее Австрию на грань гибели, требовало таких реформ. Однако консервативного склада мышления императрица всячески противилась новшествам и неохотно уступала доводам сына. Всё же некоторые новшества претворялись в жизнь. Несколько облегчалось положение крестьянства, укреплялась государственная власть, обуздав своеволие земельных магнатов и высшего духовенства, — здесь Иосиф нашёл союзника в лице министра внутренних дел графа Гаугвица, — запрещалась по всей империи деятельность ордена иезуитов[5], отменялись пытки при судебном дознании. При всей своей любви к матери Иосиф вынужден был вести скрытую и упорную борьбу с ней, кончавшуюся порой острыми конфликтами. Так, мать и сын никак не могли прийти к взаимоприемлемой позиции по вопросу веротерпимости.

Императрица всё ещё соблюдала траур по мужу. Она была в чёрном муаровом платье, украшенном орденской лентой и ниткой тяжёлого жемчуга. За последние годы Мария-Терезия располнела, обрюзгла лицом. Сидевший справа от неё Иосиф казался рядом с матерью слишком сухопарым, узколицым.

Рослые камер-лакеи в расшитых золотом камзолах раскрыли перед министром двери голубой гостиной. Гаугвиц, входя в покои императрицы, почтительно поклонился ей и Иосифу.

— Всегда рада видеть вас, граф, — произнесла Мария-Терезия, протягивая ему для поцелуя руку в чёрной кружевной перчатке. — Ведь вы мой добрый ангел-хранитель. Водворили в империи порядок вместо хаоса.

— Балуете меня, вашего смиренного слугу, ваше величество, — подобострастно сказал граф Гаугвиц. Ему было приятно, что императрица не впервые напоминает о его заслугах.

— Не скромничайте, мой дорогой. Разве вы не укротили своенравных магнатов?

— Укротил, да не всех, к сожалению. Вынужден беспокоить ваши величества скандальным делом Мориса Беньова.

— Опять этот Морис!.. — воскликнул Иосиф.

— Увы, опять он, позорящий честь потомственного дворянина.

— Я уже слышала это имя. От вас, граф, кажется. Мы внимательно рассмотрим это дело. Воздадим должное. Но сперва начнём с закона о нравственности. Доложите нам, как вы претворяете сей закон в жизнь.

Мария-Терезия повелительным жестом пригласила министра сесть в

кресло у овального столика. Гаугвиц повиновался, раскрывая сафьяновую папку с бумагами.

— Вся полиция Священной Римской империи, не щадя сил своих, искореняет распутство и непотребство, преследует гулящих девок и жёнок, — начал свой доклад министр внутренних дел. — Ваш закон, ваше величество, суров, но справедлив.

— Суров — это мягко сказано, — с иронией перебил Иосиф.

— Разве царствующая семья не подавала своим подданным пример благочестивой, высоконравственной жизни? Разве вы, ваше величество, не подавали достойнейший пример любящей супруги и матери? — продолжал Гаугвиц. — Но многие недостойные люди не желали следовать доброму примеру.

— Вы справедливо сказали, граф, — перебила императрица, которой лесть графа пришлась по душе. — Разве я не стремилась быть доброй и примерной матерью своим подданным? Но если пример матери не действует, приходится от ласковых слов переходить к строгим мерам воздействия, к наказанию. Так ведь?

— Истинно так, ваше величество. Ваши мудрые мысли и были положены в основу закона. Разрешите продолжать?

— Да-да.

Речь шла о законе, утверждённом Марией-Терезией и направленном на искоренение проституции и вообще всякой любовной внебрачной связи. Нарушения закона влекли за собой суровые кары: денежный штраф, арест, телесные наказания. Уличённых в проституции женщин секли плетьми и розгами, а тех, кто оказывался разносчиком заразы, подвергали пыткам. Судебная практика выработала целый ритуал расправы с виновницей. Её раздевали до рубашки и вели босиком в приходскую церковь, благословлявшую наказание. Там провинившуюся женщину сажали в мешок, завязывавшийся у подбородка, затем совсем состригали волосы на голове и голый череп намазывали дёгтем и сажей. В таком виде виновницу выставляли на паперти во время воскресной литургии на поругание толпы. Со свистом и улюлюканьем беснующиеся зеваки швыряли в несчастную разные предметы, комья грязи и нечистот. По окончании службы её привязывали к скамье и нещадно секли по голому телу. После экзекуции истерзанную проститутку бросали в навозную тачку и вывозили за город. Обычно подвергнутых наказанию ссылали на восточную окраину империи, в Банат. Виновные в нарушении закона о нравственности переполняли тюрьмы, крепости, смирительные дома. Сечению и аресту или высылке подвергались не только женщины, но и мужчины, уличённые в распутстве,

а отцы и мужья, потворствовавшие разврату своих дочерей и жён, предавались казни.

— Закон дал свои видимые результаты, — подытожил свой доклад Гаугвиц. — Все публичные дома и тайные притоны закрыты. Готовится дополнение к закону, запрещающее держать женскую прислугу в трактирах. С высочайшего одобрения создана «Комиссия целомудрия», выискивающая всевозможными путями виновных в прелюбодеянии и проституции. Позвольте, ваши величества, подкрепить доклад внушительными цифрами. Каково количество лиц, коих достигла карающая рука правосудия...

— Цифр не надо, граф, — перебила его Мария-Терезия. — Верю вам на слово. Что скажешь, мой друг?

Последние слова относились к Иосифу, слушавшему доклад министра без видимого интереса.

— Не вполне разделяю оптимизм графа, — сухо произнёс Иосиф II. — Вы убеждены, что искоренили разврат суровыми мерами. Но открытый разврат уступил место тайному, скрытому. Уличная проститутка сменилась женской прислугой, промышляющей там же. Вы видите залог успеха борьбы с социальным злом в ужесточении законов. Но средневековая жестокость лишь ужесточает нравы. А ведь мы живём в просвещённом восемнадцатом веке...

— Всякий закон можно улучшить и усовершенствовать. Всему своё время, — перебила сына Мария-Терезия, давая понять, что сейчас она не намерена обсуждать и пересматривать детище графа, так называемый закон о нравственности. — Перейдём к делу, как его...

— Мориса Беньова, — подсказал Гаугвиц и неодобрительно подумал, что дело-то совсем нехитрое. Стоило ли императрице утруждать себя скандальными похождениями зарвавшегося венгерского магната? Почему всесильный министр внутренних дел не мог бы сам примерно наказать провинившегося в назидание другим? Но уже так заведено в Священной Римской империи — во всём мелочная бюрократическая централизация. И каждое мельчайшее дело, особенно касающееся дворянства, императрица, выслушав доклады министров, рассматривала самолично.

— Мы вас слушаем, граф. Чем на этот раз провинился этот венгр?

— Разрешите, ваше величество, сперва обрисовать его портрет. И это поможет оценить всю меру нравственного падения сего венгерского дворянина. Морис Август Беньов родился, как он сам утверждает, в 1741 году в местечке Вербове, или Вецке, в венгерской части империи, таким

образом, в настоящее время ему двадцать шесть лет.

— Пора бы и за ум взяться.

— Совершенно справедливо заметили, ваше величество. Пора бы... Отец его, венгерский дворянин, был кавалерийским генералом.

— Как же, припоминаю.

— Мать из старинного баронского рода Ревай. Как вы знаете, высокий титул не передаётся по женской линии, если на это нет высочайшей монаршей воли. Стало быть, Морис Август — сын баронессы, но никакой не барон. Мои осведомители сообщили мне, что среди поляков он представляется не иначе как Беньовский, барон в тринадцатом поколении. В Польше у него родственники и имение, унаследованное от двоюродного дяди.

— Самозванство не украшает дворянина.

— Должен заметить, ваше величество, что неумеренное бахвальство и фантазёрство свойственно Морису Августу. Он любит похвастать мнимыми военными подвигами. До четырнадцати лет он, по его словам, воспитывался в Вене, постигал науки, а потом поступил на военную службу и, быстро заслужив воинский чин, участвовал в сражениях при Лобовице, Праге, Домштате, будучи при генерале Лаудоне во время кампании против Пруссии.

— Неплохое для молодого дворянина начало карьеры.

— В том-то и дело, что это чистейшей воды вымысел. Военное ведомство не подтвердило участия Беньова в упомянутых сражениях. И ещё одно весомое доказательство лжи. Моя агентура раздобыла выписку из метрических книг Вербовского прихода. Подлинный год рождения Мориса Августа — 1746-й, а отнюдь не 1741-й. Стало быть, лет ему сейчас не двадцать шесть, как он утверждает, а всего лишь двадцать один год. Разве мог несовершеннолетний мальчик участвовать в сражениях Семилетней войны? Чтобы прослыть героем, Беньов приписал себе пять лет.

— Продолжайте, продолжайте, граф. Это всё занятно.

— В действительности Морис Август находился на службе в австрийском полку недолго и ни в каких сражениях не участвовал. Зато прославился буйными кутежами и дуэлями. Однажды он повздорил с командиром полка, допустив против старого заслуженного генерала оскорбительный выпад, чем уронил свою репутацию в глазах товарищей-офицеров. Это привело к вынужденной отставке и отъезду в родовое имение в Трансильванию. Там Беньов продолжал буйствовать, ссориться с соседями, драться на дуэлях. Из-за этого сложились напряжённые отношения с отцом, отставным генералом. Только отъезд Мориса в Польшу

предотвратил окончательный разрыв его с отцом. Получив известие о скоропостижной смерти старика отца, Беньов поспешил обратно в Венгрию, чтобы вступить во владение отцовскими трансильванскими имениями. Но в имениях тем временем хозяйничали его зятья. Решительный и скорый на расправу, Морис Август решил избавиться от соперников. Вооружив верных слуг и набрав наёмников-гайдуков, он нагрянул внезапно в Вербово и выгнал обоих зятьев из имения. В жалобе, поданной в органы правосудия, пострадавшие указывали, что подверглись грубым физическим действиям со стороны нападавших, испытали побои и унижения, нанесённые гайдуками.

Мария-Терезия при этих словах брезгливо поморщилась, раскрывая золотую табакерку с нюхательной солью. Слово «гайдуки» неприятно резануло её слух. Гайдуками в империи называли беглых крестьян, уходивших от помещичьего гнёта в леса и горы и собиравшихся в вооружённые отряды. Они доставляли имперским властям, особенно в прикарпатских землях Трансильвании, немало хлопот. Некоторые отряды из борцов против помещичьего гнёта перерождались в обыкновенные шайки грабителей, а другие были готовы служить тем магнатам, кто щедро платил за услуги.

— Можно осуждать поступок Беньова, уподобившегося гайдукам с большой дороги, — сказал Иосиф, — но ведь по наследственному праву он законный владелец.

— Дело запутанное. Но я его, кажется, распутал, — уверенно продолжал министр. — Генерал Беньов, недовольный недостойным поведением сына, перед смертью принял решение лишить Мориса наследства и передать имения мужьям двух своих дочерей. Однако же скоропостижная смерть помешала ему оформить нотариальное завещание.

— Вот видите... Воля покойного не доказана, — горячился Иосиф.

— Можно утверждать, доказана, — возразил Гаугвиц. — Намерения генерала Беньова подтверждаются свидетельскими показаниями соседей, с которыми дружил покойный, и, наконец, патером Стефаном, приходским священником. Пострадавшие находятся сейчас в Вене и ожидают рассмотрения их жалобы в суде. Убеждён, что суд решит дело в их пользу.

— Предвосхитим решение суда, — сказала императрица. — Дело представляется нам ясным. Ваши доводы, граф, убедили меня в их справедливости. Правда, бесспорно, не на стороне Мориса Августа. Повелеваем трансильванские имения у него конфисковать и вернуть его зятьям сообразно воле покойного генерала. А самого Беньова арестовать и примерно наказать. Это уже ваша забота, граф.

— Беньов, кажется, тоже находится в Вене. Он приехал, чтобы добиваться подтверждения своих наследственных прав.

— Тем лучше. Это облегчает вашу миссию.

— Позвольте, матушка, — возразил императрице Иосиф. — Надо ли злоупотреблять карающей властью? Беньов уже наказан потерей имений. Стоит ли раздражать магнатов арестом их собрата? Он, в конце концов, не лучше, не хуже десятков других ему подобных. А в среде дворянства, особенно венгерского, бурлит недовольство нашими жёсткими мерами против его вольностей. Горная Трансильвания кишит гайдуцкими шайками[6].

— Что ты предлагаешь, друг мой?

— Дать возможность этому самозванцу барону уйти в Польшу. Пусть он будет извещён неким доброжелателем о грозящих ему неприятностях. Тогда он сам будет таков, преспокойно махнув за Карпаты. Ведь не враг же он короны. Распоясавшийся буйный нахал.

— А пожалуй, ты прав, друг мой, — неожиданно согласилась императрица. — Любезный граф, наше повеление об аресте и примерном наказании злоумышленника остаётся в силе. Позаботься, чтобы Морис Август узнал о нём раньше, чем ваши жандармы придут его арестовывать.

— Слушаюсь, ваше величество, — ответил Гаугвиц, склоняясь в подобострастном поклоне.

Морис Август Беньов, или де Бенёв (он называл себя по-разному), остановился во второразрядной гостинице «Дагмар», в двух шагах от набережной Дуная. Мог бы по своим средствам выбрать апартаменты и пошикарнее, поближе к собору Святого Стефана, главной венской святыне, или к императорским дворцам Хофбургу и Бельведеру. Но в «Дагмар», которая скорее напоминала постоялый двор, нежели гостиницу, сподручнее расположиться с оравой слуг, с навьюченными лошадьми. За главным зданием тянулись конюшни, сенные сараи, приземистые флигели для слуг. Здесь за умеренную плату кормили челядь постояльцев и лошадей. Управляющий не слишком-то интересовался, откуда и за какой надобностью прибыл в столицу империи тот или иной гость. Впрочем, номер Морису достался вполне приличный, с камином, бронзовыми настольными часами и портретом покойного супруга императрицы Франца-Стефана Лотарингского в пышном парике и парадном камзоле. Окна выходили во двор, откуда доносились голоса прислуги и ржание лошадей. Вдали, за черепичными крышами флигелей и конюшен, сверкала извилистая лента реки. Дунай здесь неширок, не то что в Пеште. Но на нём

оживлённо. К берегам пришвартовались баржи и парусники с грузами, на палубах и сходнях суетятся грузчики. Идёт разгрузка венгерской пшеницы, баварского пива и виноградного вина в бочонках, карпатского леса и ещё всякой всячины. Снуют по реке большие и малые суда.

Министр Гаугвиц без большого труда выяснил, где именно остановился Беньов. Зачем же тогда армия полицейских осведомителей? Более того, усердные служаки установили, что в ресторации гостиницы «Дагмар» Морис Август столуется редко, предпочитая ближайший трактир «Весёлый рейтар» на набережной, где бражничали матросы, отставные солдаты, всякий подозрительный люд. Там нередки были скандалы и драки. Впрочем, ни в каких предосудительных поступках, как-то участие в драках и попойках, замечен он не был. Ведёт себя предельно сдержанно и осмотрительно, словно это и не прежний разгульный забияка. По-видимому, Беньов, человек волевой, мог быть собранным и выдержанным, сосредоточившись целиком на решении дела о наследстве.

Графу Гаугвицу было известно, что Морис Август неоднократно посещал судебную палату, занимавшуюся тяжбами о наследстве, но всякий раз наталкивался на бюрократическую рутину, чиновное крючкотворство. «А чем вы докажете, что вы единственный мужской наследник генерала Беньова?» — вопрошали чиновники. Морис писал новые объяснения, прилагал выписки из метрических книг, наконец, дал двум чиновникам щедрые взятки. Крючкотворы как будто стали любезнее, пообещали сдвинуть дело с мёртвой точки.

В «Весёлом рейтаре» Беньов обедал не в общем зале, а в одном из отдельных кабинетов, предназначавшихся для чистой публики и интимных встреч. Кабинеты располагались в глубине помещения, куда почти не доносились пьяные крики и песни. Обслуживали здесь смазливые молодые служанки. Приходил Морис в трактир всегда не один, а в сопровождении двух рослых чернявых парней-трансильванцев, по виду похожих скорее на валахов или молдаван, чем на венгров. Телохранители оставались у дверей кабинета, садились за маленький столик, пили пиво и переговаривались друг с другом на своём языке. Беньов же обедал обычно в одиночестве.

Лишь однажды этот привычный распорядок был нарушен визитом к Морису Августу пожилого господина в поношенном сюртуке. И это не ускользнуло от пристального взгляда полицейского агента. В посетителе не трудно было распознать представителя определённой породы людей, так называемых чернильных крыс, иначе говоря — мелкого отставного чиновника, промышлявшего составлением всяких ходатайств и жалоб и перепиской бумаг. В течение часа или двух этот человек помогал Морису

Августу составлять нужный документ, а потом переписывал его каллиграфическим почерком. Беньов отдал распоряжение трактирной служанке принести для гостя обед.

И ещё агенты заметили нечто пикантное. Морис Август явно увлечён этой самой трактирной служанкой, рослой голубоглазой красавицей. Зовут её Марта, родом она из Тироля, нрава общительного и не против того, чтобы принимать ухаживания богатых посетителей. Беньов дарит ей подарки и уединяется с ней в отдельном кабинете. Всё, кажется, идёт к их сближению, а возможно и...

— Можете не продолжать, — перебил Гаугвиц начальника сыскной службы. — Это уже не имеет существенного значения. Предоставим ловеласу возможность волочиться за польскими девками, а наших австрийских пусть оставит в покое. Вот ещё один аргумент в пользу ужесточения закона о нравственности и запрещения женской прислуги в трактирах и гостиницах.

Министр решил, что настала пора действовать. Для деликатного поручения он выбрал одного из своих сотрудников, уже немолодого, и напутствовал его.

— Вы выступаете в роли доброжелателя Мориса Августа. Скажем, старого друга и сослуживца его покойного отца-генерала. Вы не скрываете, что имеете прямое отношение к полицейской службе. От вашего приятеля, допустим, моего личного секретаря, вы узнали, что над Морисом сгущаются тучи. Ему грозит арест, заключение в крепость. По повелению императрицы трансильванские имения у него конфискованы и возвращены его зятьям и сёстрам. Вы на правах друга старого Беньова предупреждаете Мориса об опасности. Вот и всё. Никакого решения вы ему не предлагаете. Здравый смысл подскажет Морису Августу незамедлительно бежать в Польшу, где у него есть родня и пристанище. Уясните себе, мой дорогой, их величествам угодно, чтобы Морис Август Беньов покинул пределы Священной Римской империи. Моим жандармам дано распоряжение арестовать его. Но они придут в гостиницу «Дагмар», когда венгра уже не будет в Вене. Вы уяснили задачу?

— Вполне, ваше высокопревосходительство.

— Тогда действуйте. И немного сентиментальности. Психологический парадокс — нахалы, подобные Морису, иногда бывают сентиментальны. Присочините, что во время оно вы, тогда ещё молодой офицер, гостили в имении старого Беньова, ещё не генерала, и держали на коленях маленького Мориса.

Выслушав напутствия министра, сотрудник, названный для этого

случая Ульрихом Мидденхорстом, отправился в трактир «Весёлый рейтар», где в то время как раз обедал Морис. Два дюжих детины загородили ему вход в отдельный кабинет, угрожающе сверкая белками глаз.

— Вы слуги господина Беньова? — спросил названный Мидденхорст и, не удостоившись ответа, продолжал: — Доложите обо мне, старом друге его семьи. Вот моя визитная карточка.

Морис Август принял гостя настороженно, хмуро. Он был в плохом настроении. Судебные чиновники все только обещают дать его делу ход, но ничего реального не сделали. Может быть, ещё требуется взятка? Но ведь у него не бездонный мешок золота.

— Чем могу служить, господин...

— Мидденхорст, если вам угодно. Служил с вашим батюшкой в одном полку. Он в ту пору был полковником, я капитаном. Однажды гостил у вас в Вербове. Живописные пейзажи, горы, водопады... Вам, Морис, было годика два. Вряд ли вы меня помните.

— Ей-богу, не помню.

— Вы забрались ко мне на колени и теребили мой ус.

— Всё это очень интересно. Но не пойму, чем могу служить.

— Только выслушайте. Случилось так, что не по своей воле я променял армию на полицию. Удар по самолюбию для дворянина из старинного рода, в котором было немало и полковников, и генералов. Не скажу, чтобы я слишком любил свою теперешнюю службу. На правах друга вашего покойного батюшки счёл своим долгом поделиться с вами, Морис, небезынтересным для вас служебным секретом.

— Это так важно для меня?

— Судите сами: совершенно случайно я узнал, что вам в ближайшие дни, а может быть часы, грозит арест, тюрьма. Таково повеление императрицы. До неё дошла жалоба ваших зятьев.

— Но моё дело рассматривает суд. Надеюсь, что мои имущественные права будут подтверждены.

— Не надейтесь. Императрица решила передать имения зятьям. Вам это повеление её величества, очевидно, ещё не известно.

— Чёрт возьми! Вы-то откуда это знаете?

— Из окружения министра. Один из его секретарей мой приятель и в некотором роде мой свойственник. Наши жёны в дальнем родстве...

— Бог с ними, с вашими жёнами. Вам-то какая выгода сообщать мне обо всём этом?

— Одно лишь сочувствие к сыну старого друга и сослуживца.

— Пожалуй, я вам поверю.

— И поступите разумно.

— И что мне советуете?

— Ничего не советую. И не вправе советовать. А впрочем, на вашем месте я бы не медлил. В Польше у вас родные?

— Дальние. И имение в Литве, доставшееся в наследство от дяди.

— К тому же вы обладаете военным опытом.

— Некоторым.

— Стало быть, имеете возможность получить чин и должность в армии короля Станислава.

— Наверное, имею. Ведь я венгр с польской примесью в крови. Что вы ещё хотите мне сказать?

— Я всё сказал. Не медлите. А в ваших чертах лица угадывается что-то от того малыша, которого я держал на коленях. Прощайте, друг мой. Да хранит вас Бог.

Глава вторая

Скорый в принятии решений, Морис Август незамедлительно отдал распоряжение слугам собираться в дорогу. Понукать их не требовалось. Слуги знали необузданный нрав господина и его увесистую руку и вовсе не горели желанием заработать оплеуху или зуботычину.

Чтобы сбить преследователей со следа; Беньов небрежно бросил управляющему гостиницы, рассчитываясь за постой:

— Очень сожалею, что покидаю Вену. Неотложные дела в Трансильвании. И ещё хочу в Пешт к друзьям наведаться.

— Пешт прекрасный город, — ответил управляющий. — Кстати, в Пеште мой свояк держит гостиницу «Ласточка». Рекомендую воспользоваться.

— Благодарствую. Быть может, воспользуюсь вашей рекомендацией.

На второй день пути маленький караван — десять всадников и ещё несколько навьюченных дорожным скарбом и припасами лошадей — достиг Братиславы. Отсюда двинулись не на Пешт, а, переправившись через Дунай, углубились в просторы Словакии. Делали усиленные переходы, не щадя коней. Однако все меры предосторожности оказались излишними. Никто и не собирался преследовать венгерского злоумышленника. Это и не входило в планы Гаугвица, разыгравшего нехитрый спектакль.

Но отряд Мориса подстерегала у карпатской границы другая неожиданная опасность — шайка словацких гайдуков. Столкновение с ними оказалось вряд ли более приятным, чем возможная встреча с имперскими жандармами. Горную тропу преградил спустившийся по склону всадник в красном, отороченном мехом жупане, с кривой турецкой саблей на боку. За ним в чаще леса смутно маячили ещё несколько всадников.

— Кто такие? — громогласно крикнул по-словацки человек в красном.

— Не разумею, — ответил по-польски Беньов.

Разбойник повторил вопрос по-польски и по-венгерски, не спеша вытаскивая из ножен саблю. Позади раздался цокот копыт и послышались голоса. Отряд Мориса попал в окружение.

— Ты-то кто таков? — спросил Беньов, не теряя самообладания.

— Вольный атаман. Имя не имеет значения. А прозвище моё Жёлудь. Таких, как я, в Карпатах много. Пан небось?

— В этих краях все паны, — уклончиво отвечал Морис Август, желая выиграть время.

— Не скажи. Есть паны, а есть и хлопы горемычные. Видать по одёжке, ты паныч благородных кровей. Слушай меня. Выдашь по доброй воле всё оружие, порох, припасы, отпущу тебя и твоих людей с Богом. Иди своей дорогой.

— Как бы не так, хлоп! — яростно крикнул Беньов, молниеносно выхватывая из-за пояса заряженный пистолет и стреляя в атамана.

Жёлудь дрогнул и выронил саблю, но в седле удержался. Он был ранен, но не смертельно. А Морис зычно скомандовал слугам:

— Сабли наголо, ребятушки! И вперёд, только вперёд! Назад нам дороги нет.

Среди гайдуков произошло замешательство. И это позволило маленькому отряду Беньова с боем пробиться сквозь их кольцо. Рубились слуги Мориса отчаянно. Особенно отличились его телохранители великаны Мирчо и Ион, в прошлом не раз скрещивавшие свои сабли с турецкими. Лихих парней подобрал себе Беньов, с военным опытом, и платил им щедро. А Иону положил особое жалованье. Служивший в прошлом в войске валашского господаря, Ион успешно тренировал других слуг в рубке шашками.

И всё же гайдуки долго преследовали отряд Мориса, не прекращая беспорядочной стрельбы из пистолетов и ружей. Не остановил их и пограничный знак с изображением взъерошенного польского орла. Не обошлось без потерь. Был смертельно ранен Ион. Так и умер от потери крови в седле, вцепившись мёртвой хваткой в гриву коня. Двое слуг отделались лёгкими ранениями. Шальная разбойничья пуля слегка задела плечо Мориса Августа, вырвала клок сукна из его плаща и оставила ожог на теле. Да лишились одного навьюченного припасами коня, потерявшегося в суматохе и, вероятно, ставшего трофеем гайдуков.

Уже стемнело, когда преследование прекратилось и тропа перешла в пологую дорогу, окаймлённую елями. Впереди тускло светились оконца каких-то строений, залаяли псы. У околицы селения отряд был остановлен разъездом польских улан.

— Куда путь держите, Панове? — спросил один из них, как видно старший по чину.

— В Виленское воеводство. Имение там у меня. Я барон Беньовский, по-венгерски Беньов. Слышали небось?

— О да, да, — соврал улан, корнет из мелких шляхтичей. — Фамилия знатная. Это вы стреляли в горах?

— Отбивались от разбойников.

— Их здесь, увы, немало. Заходят и на нашу сторону, грабят панские усадьбы. Держим в Горлице конный эскадрон. Да что он один может сделать? А далековато вам придётся ехать. Через всю страну. В Польше ныне неспокойно.

— Что делать, любезный. Проводил бы ты нас к эскадронному командиру. У меня раненые, нуждаются в помощи. Убитого надо предать земле.

— Рад услужить вашей милости, барон. Следуйте за нами.

«А неплохо быть бароном, — подумал Беньов. — Молодец ты, Морис. Знал, что эти спесивые польские паны поклоняются титулам больше, чем доблестям».

Городка достигли глубокой ночью. На фоне влажного, хмурого неба едва угадывались шпили двух костёлов, черепичные крыши, голые пирамидальные тополя. Эскадронного, квартировавшего в богатом купеческом доме, долго не удавалось добудиться. Наконец он вышел к незваным гостям заспанный, помятый, в стёганом халате, со свечой в руке, разгневанный внезапным вторжением. Но корнет толково доложил ему о встрече с венграми, подвергшимися нападению разбойников в горах.

— Рад вам, барон. Искренне рад! — воскликнул эскадронный. — Перед вами полковник Казимир Збражский. Наш род из Люблинского воеводства. Сочувствую вам, сочувствую. Вы столько пережили.

— Пустое. Мой военный опыт помог мне. Во время Семилетней войны испытывал и не такое...

— О, так вы ветеран войны с пруссаками! Располагайтесь, будьте добры. Мой дом всегда к вашим услугам. Раненых немедля на попечение лекаря! К усопшему позовём ксёндза, отца Бонифация.

— Но, пан Казимир... — остановил его Беньов, или Беньовский — будем теперь его называть так, на польский лад. — Мой Ион валах, схизматик греческой веры. Его собрат по вере и племени Мирно прочитает над ним отходную молитву. И дело с концом. Дайте нам пару солдат выкопать могилу.

— Какой может быть разговор... Корнет, распорядитесь выделить четырёх солдат. А теперь, барон, не угодно ли разделить со мной трапезу и пропустить стаканчик-другой доброй польской сливовицы? Ради такого гостя повторить ужин, право же, не грех. Вы уж не взыщите за мой непрезентабельный вид и скромное жилище. Одичали мы в этой дыре на

границе. Иногда в нашу монотонную жизнь вносят оживление погони за разбойными шайками, которые укрываются в Карпатах. Визит благородного гостя поэтому большое и радостное событие для нас.

Пока денщики накрывали на стол и жарили индейку, пан Казимир обрядился в дворянский камзол, предпочтя его форменному военному мундиру. Он знал, что мундир плохо сидит на нём, подчёркивая его тучность. Что греха таить, был эскадронный великим чревоугодником, как, впрочем, и хлебосолом. Но достойные внимания гости наведывались в эти глухие края редко. И поэтому пан Казимир был неописуемо рад неожиданному появлению барона, которого ниспослал ему, казалось, сам Всевышний.

Денщики растопили камин и торжественно внесли индейку на овальном серебряном блюде.

— Прошу, пан барон, к столу, — приветливо пригласил хозяин. — Слуг ваших накормят, я распорядился.

Пышноусый пан Казимир рядом с сухопарым, мускулистым Морисом Августом казался фантастически дородным. Он давно уже не садился в седло, предпочитал передвигаться в коляске. В стычках с разбойничьими шайками карпатских гайдуков эскадронный самолично не участвовал, а посылал на боевые операции подчинённых младших офицеров. Был он словоохотлив и велеречив. Так что застольная беседа в старом купеческом доме свелась, собственно говоря, к пространному монологу полковника.

Пан Казимир сперва пожаловался на тоскливое прозябание на венгерской границе, на отсутствие достойного общества. Ксёндз, домовладелец-купец, подсчитывающий свои злотые, да несколько окрестных захудалых шляхтичей — разве это общество! Сам Бог послал ему такого благородного гостя и приятного собеседника. Барон давно не был в Польше? О, в этой безалаберной стране в последние годы и месяцы много произошло перемен. Барону, конечно, известно, что после смерти короля Августа III[7] наступило бескоролевье. Фактическая власть в стране была захвачена горсткой магнатов во главе с могущественными Чарторыскими. Люди эти были прорусской ориентации и поддерживали тесные связи с императрицей Екатериной. Опираясь на русскую военную помощь, Чарторыские возвели на престол своего родственника Станислава Понятовского[8]. Все говорят, что Станислав, ставленник Екатерины, этой северной Мессалины, в бытность свою послом в Петербурге был её другом сердечным. Король крайне непопулярен среди шляхты. Менее популярного короля, вероятно, не было за всю историю Речи Посполитой. И это скажет

вам любой офицер армии его величества.

— В чём вы видите причины непопулярности короля Станислава? — перебил Морис пространные рассуждения пана Збражского.

— Станислав — ставленник Екатерины. Об их прошлых амурных делах говорят в каждом дворянском доме. Но главное то, что король попытался перекроить традиционную польскую политическую систему на российский лад и стать абсолютным монархом. Можно ли представить себе что-либо более несовместимое, нелепое, чем абсолютный монарх и польская шляхетская держава? Это то же самое, как если бы я надел корове седло. Были в истории Речи Посполитой достойнейшие монархи — Ян Собеский[9], Стефан Баторий, одерживавшие блистательные победы на поле брани. Но и они соблюдали чувство меры в сложных взаимоотношениях короны со шляхтой и магнатами. А тут речь идёт о каком-то выскочке Понятовском, прорвавшемся к власти через альков будущей русской царицы.

Огромные берёзовые поленья приятно потрескивали в камине. Восковые свечи мерцали в тяжёлых медных настенных канделябрах. Был выпит не один бокал сливовицы из подвалов горлицкого купца. Збражский заметно захмелел, раскраснелся, но продолжал свои рассуждения довольно связно.

Надо ли доказывать, что у шляхты было достаточно причин, чтобы взбунтоваться? Вот и появилась на свет Радомская конфедерация с вооружёнными отрядами. Русские и их посол Репнин[10] посчитали, что король Станислав, Бог ему судья, зашёл слишком далеко в своих устремлениях к абсолютной власти. Ведь сильная Польша под властью самодержавного монарха не в интересах петербургского двора. И всесильный Репнин стал подстрекать конфедератов к более решительным действиям против короля. Когда же радомские конфедераты и впрямь стали действовать дерзко и наступательно, это тоже встревожило русских. Знайте, мол, меру, Панове. И Репнин потребовал примирения конфедератов с королём, а Станислава убедил отказаться от некоторых реформ, ущемляющих шляхетские вольности. Не забывайте, что за послом стоит реальная сила — тридцатитысячное русское войско.

— Вот почему Польша неспокойна, любезный барон, — с расстановкой произнёс пан Казимир и после минутного раздумья предложил: — Выпьем за то, чтобы не наступили худшие времена, А сливовица добрая.

Збражский осушил бокал до дна и принялся за ножку индейки.

Беньовский только пригубил и спросил испытующе:

— И чем это всё кончится? Как полагаете, полковник?

— Плохо кончится. Шляхта бурлит, как перегретый котёл... Возникнет какая-нибудь новая конфедерация... На этот раз нацеленная и против короля, и против русского войска. А это сблизит... ещё больше сблизит Станислава с русскими... Сделает его покладистым, уступчивым. Не забывайте...

Пан Казимир умолк, принимаясь яростно глодать ножку индейки. Обглодал, вытер рот салфеткой и продолжал:

— Не забывайте, что наши соседи: Россия, Австрия, Пруссия — зарятся на польские земли. То, что сейчас происходит в стране, ведёт нас к гибели, расчленению.

— Но ведь в стремлении Станислава к укреплению королевской власти есть свой резон, — перебил его Морис.

— Резон-то резон. Но ведь традиции Польши...

— Вот и держитесь за традиции, которые ведут вас к гибели.

— Не хотел бы я этого. Мы в замкнутом кругу, барон. Выпьем за то, чтоб нашёлся выход из этого замкнутого круга.

— Нет, увольте, — ответил Беньовский и отодвинул бокал.

— Как угодно. Вы говорите, что служили в армии, участвовали в сражениях Семилетней войны...

— Приходилось, — привычно соврал Морис Август.

— Почему бы вам не поступить на королевскую службу? Шляхта идёт теперь под знамёна короля неохотно. С вашим опытом вы через несколько лет станете полковником.

— Заманчиво. Но не стану спешить. Поосмотрюсь, подумаю. Как же вы, пан Казимир, советуете мне служить королю, который, по вашему глубокому убеждению, так непопулярен?

— Уж какой есть. Были же до него и саксонцы, и один француз, бежавший тайком из Польши, как только представилась возможность занять после смерти брата французский престол...

— Вы имеете в виду Генриха Валуа?

— Его.

Три дня прогостил Морис Август Беньовский в гостеприимном доме полковника Збражского, пока его люди отдыхали и залечивали свои раны с помощью эскадронного лекаря. Иона похоронили за кладбищенской оградой. Против погребения на кладбище воспротивился ксёндз — покойный всё же был схизматиком греческой веры, к которой отец Бонифаций питал убеждённую неприязнь. А в доме пана Казимира

следовали одно за другим обильные застолья, на которые приглашались все офицеры эскадрона. Полковник каждый раз пускался в свои пространные рассуждения о тревожном положении в стране. И перед Морисом вставала довольно отчётливая картина непростой политической жизни Польши: противоборство королевской власти, опирающейся на русские штыки, и своевольная шляхта, не принимающая русского ставленника.

Дорога предстояла длинная и утомительная, через Люблин, Белосток, Вильно — всю Восточную Польшу и Литву. Холмистые предгорья Карпат сменились широкой равниной. Хлеб на полях давно убрали. Лишь кое-где оставались необмолоченные скирды. Поля чередовались с островками дубрав. Оголённые деревья чернели разлапистыми великанами. К северу лесные массивы стали попадаться чаще, и лес пошёл смешанный, с примесью ели и сосны.

Попадались на пути средневековые замки богатых магнатов с зубчатыми башнями и подъёмными мостами, сложенные из грубо отёсанного камня, и более поздней постройки дворцы в стиле затейливого барокко. Фольварки[11] мелкой шляхты не поражали богатством. Избы же крепостных хлопов, крытые соломой, с оконцами, затянутыми бычьим пузырём, и вовсе говорили о вопиющей бедности. Бедность, как мог заметить Морис Август, здесь, в Польше, больше бросалась в глаза, чем в Австрии и Венгрии, где правительство Марии-Терезии хоть как-то ограждало крестьян от произвола помещиков. И везде: в сёлах, местечках, городках и городах — вонзались в небо шпили костёлов. Католическая церковь была в Польше великой силой, перед которой пасовал сам король.

Останавливался на ночлег Морис Август и у шляхтичей, на которых магически действовал его сомнительного свойства баронский титул, и на постоялых дворах, а однажды — в одинокой придорожной корчме. Приходилось встречать на своём пути и отряды королевской армии, и русских солдат, и вооружённых конфедератов. Однажды предводитель одного отряда, задиристый коротышка-шляхтич, придрался к Морису, намереваясь разоружить его людей.

— Какой вы барон! — воскликнул воинственно шляхтич. — Все знают, что в Польше нет никаких обладателей баронского титула. Назвались бы графом или князем...

— Я венгерский барон, чёрт возьми! В тринадцатом поколении. Вы слышите, в тринадцатом! Если вы хоть пальцем тронете моих людей, моя государыня Мария-Терезия вам этого не простит. Произойдут непоправимые осложнения. Да будет вам известно, что я подданный не только короля Станислава, но и императрицы Священной Римской

империи. И учтите, мои ребята умеют драться как львы. Я сам прошёл Семилетнюю войну, рубился с пруссаками и сумею постоять за себя.

Коротышка, не ожидавший столь яростного отпора, отстал от Беньовского, ругая про себя на все лады этого невесть откуда взявшегося барона. А Морис, посмеиваясь, удовлетворённо думал, что играет он свою роль совсем неплохо. Везде принимают его по самому высокому разряду, как взаправдашнего барона.

Беньовский прибыл в своё литовское имение глубокой осенью, когда деревья по утрам покрывались сизой изморозью. Барский дом, сложенный из брёвен, был невелик, приземист, придавлен высокой черепичной крышей. В комнатах, украшенных оленьими рогами, пахло сыростью и ещё какой-то затхлой кислятиной. Бревенчатые стены почернели не столько от времени, сколько от свечного нагара.

Первым делом Морис отдал распоряжение дворецкому протопить все печи и камины. Первые дни он бесцельно бродил по пустым, неуютным комнатам, предаваясь размышлениям. Итак, идёт противоборство между королём, за которым стоит Россия, и шляхтой. К какому лагерю примкнуть? Примкнуть так, чтобы не просчитаться, сделать карьеру, быстро достичь высоких чинов и рангов? Беньовский был чрезвычайно честолюбив, и не просто честолюбив. Имея авантюристический склад характера, он вечно стремился к перемене мест, приключениям. Ради достижения честолюбивой цели он готов был ринуться без оглядки в любое сомнительное и рискованное предприятие. Он бахвалился мнимым участием в сражениях Семилетней войны и почти верил сам в это участие, мысленно представляя себе поле битвы, летящие со свистом ядра, идущие в атаку шеренги гусар и улан в пёстрых мундирах и киверах. Он видел себя генералом, вершащим судьбу страны. На меньшее он никак не рассчитывал. Иногда он представлял себя в мечтаниях морским путешественником, открывающим и покоряющим неведомые острова и страны. В застольных беседах он осторожно намекал на то, что много повидал и испытал, участвовал в дальних плаваньях, побывал в заморских странах. Но говорил об этом приглушённо, осторожно, ибо сам не представлял, когда бы мог успеть за свою не слишком продолжительную жизнь совершить подобное. «Я честолюбивый мечтатель», — признавался сам себе Морис Август.

Итак, к какому лагерю примкнуть? Ответа на этот мучивший его теперь вопрос Беньовский пока не находил. Однажды он крикнул Мирно:

— Седлай коней, едем!

Мирно послушно повиновался. Выехали поохотиться на кабанов.

Лесной массив дугой охватывал усадьбу, а опушка леса почти вплотную подходила к барскому дому. В лесу водились кабаны и медведи, не говоря уже о косулях и всякой живности помельче. Нередко по ночам отчаянно выли сторожевые псы, чуявшие зверя.

В первый же день удалось подстрелить матерого секача. Потом охота наскучила, и Морис решил наведаться к ближайшим соседям. Начал с визита к помещику Генскому, у которого, как говорили, было несколько дочерей на выданье.

Усадебный дом пана Болеслава Генского, напоминающий крепость, возвышался на обрывистом берегу реки Нярис. Многочисленные службы, людские, конюшни, псарни, амбары, окружавшие старинный дом, были надёжно защищены крепкой стеной. Морис Август, сопровождаемый Мирно, въехал в арку ворот, украшенную фамильным гербом, и очутился в замощённом булыжником дворе. Всадников встретили заливистым лаем две пушистые лайки русской породы. На лай собак вышел слуга-литовец, угомонил псов и обратился к Морису:

— Как прикажете доложить, пан?

— Сосед, барон Беньовский. Так и доложи.

Слуга кивнул и проворно побежал, однако не к подъезду барского дома, а куда-то в глубину служебных построек. Через некоторое время оттуда вышел сам пан Болеслав с крохотным мокрым щенком на ладони.

— Милости просим, барон. Дом Генских всегда открыт для гостей, а особенно для соседей.

— Счёл своим долгом, пан Болеслав...

— И правильно сделали. Каков шельмец, гляньте-ка. Слепенький ещё. Вчера борзая сука ощенилась семерыми.

Генский с умилением полюбовался щенком и передал его слуге.

— Прошу в дом. О человеке вашем позаботятся.

Хозяин, весь пропахший крепким табаком и псиной, провёл гостя к себе в кабинет с узким стрельчатым окном. Стены украшали медвежьи шкуры с развешанными на них ружьями и саблями. Генский был заядлым охотником. Он предложил Беньовскому выкурить трубку домашнего табака и заговорил об охоте, о своей псарне, которой могли позавидовать все окрестные соседи-шляхтичи. Потом пан Болеслав знакомил гостя с семейством, дородной супругой пани Доменикой и тремя дочерьми: Фредерикой, Зосей и Марысей. Двадцатилетняя светловолосая Фредерика с тонкими чертами лица понравилась Морису. Она была стройна и миловидна. Угощали гостя медвежьим окороком с грибами. Не обошлось и без сливовицы, настоянной на мёду.

Мориса усадили за стол рядом с Фредерикой, которая на правах хозяйки подкладывала в тарелку гостя кушанья. Генский рассказывал со всеми подробностями, как он с егерями обложил медвежью берлогу. Зверь оказался могучий, матёрый. Одним ударом лапы он перешиб хребет несчастному псу, вцепившемуся было в ляжку медведя. Пришлось беднягу пристрелить. А матёрый великан поднялся на задние лапы и с угрожающим рёвом пошёл на охотников. Тут-то его и взяли на рогатину, и Генский прикончил раненого зверя выстрелом.

Увлечённо рассказывая охотничью историю, пан Болеслав бросал исподлобья пристальные взгляды на гостя, как будто пытливо изучал его. Потом он многозначительно переглянулся один-другой раз с пани Доменикой, загадочно улыбавшейся. Это не ускользнуло от настороженного внимания Мориса Августа. «Присматриваются к жениху, — подумал он. И в то же время пришла неожиданная игривая мысль: — А что? Чем плоха панночка?»

В разговор вмешалась Фредерика.

— Сколько раз просила отца взять на охоту. А он своё...

— Не девичье это развлечение, охота, — сказал Генский и погрозил дочери пожелтевшим от никотина пальцем.

— И неправда, — не унималась Фредерика. — А почему пани Янина из Кайшадориса ходит с братьями на медведя?

— Враки.

— И никакие не враки. Вся округа об этом говорит.

— А коли не враки, я бы эту Янину из Кайшадориса высек, как строптивую дворовую девку...

— Фи, Болесь, — остановила мужа пани Доменика. — Как ты можешь при девочках такое говорить...

— Правильно сказал. Их дело... цветочки вышивать, рукодельничать, музицировать... Ика, коханочка, покажи гостю твои последние вышивки.

— Да полно, отец, что интересного в моих вышивках?

— Не стесняйся, доченька, — присоединилась к просьбе отца мать.

— Покажите, Фредерика... Буду рад посмотреть ваши труды, — сказал Беньовский.

— Вот видишь, и барон просит.

Фредерика поупрямилась из приличия и убежала к себе в мансарду. Вернулась она с подушкой и небольшой скатертью. На подушечке был вышит букет алых цветов, а на скатерти — охотник с собакой. Морис Август отнёсся к трудам Фредерики равнодушно — препустое занятие. Однако, как этого требовали правила хорошего тона, он похвалил девушку:

— Превосходно. Талантливые работы. Особенно охотник.

— Подарок отцу. Скатерть для курительного столика. Ещё не совсем закончена.

— Всё равно превосходно.

— Вам нравится?! — воскликнула обрадованная Фредерика, воспринявшая похвалы гостя за чистую монету. — Коли так, я обязательно вышью для вас подушечку. Ведь вы теперь часто будете бывать у нас?

— Непременно, — поддержал дочь пан Болеслав. А Беньовский подумал: «Вот она охота на жениха по всем правилам. Обкладывают со всех сторон, как того медведя в берлоге... А что? Вдруг это судьба?»

Генский первым поднялся из-за стола и сказал извинительно:

— Не взыщите, дорогой сосед. После сытной трапезы имею обыкновение вздремнуть часок-другой. Что-то правое колено ломит. Видать, простыл на последней охоте. Надеюсь, вы у нас ещё погостите. Фредерика, доченька, займи гостя. Покажи ему псарню. Подарю вам пару борзых щенят, как подрастут немного.

Хозяин удалился почивать. Пани Доменика пошла распоряжаться по хозяйству. Куда-то выпорхнули и младшие панночки, Зося и Марыся. Беньовский остался наедине с белокурой зеленоглазой Фредерикой.

— Итак, вы покажете мне знаменитую на всю округу псарню, — сказал Морис.

— А ну её. Отцу бы только охота да псарня, — возразила Фредерика. — Хотите, я покажу вам портретный зал? А вы мне расскажете, как воевали с пруссаками. Говорят, вы герой Семилетней войны?

— Приходилось и с пруссаками скрещивать сабли.

— И было страшно?

— Поначалу. Потом привык.

Фредерика увлекла Мориса в продолговатую комнату, придавленную тяжёлыми дубовыми балками. Стены этой похожей на коридор комнаты были сплошь увешаны потемневшими от времени портретами. На них угадывались черты надменных породистых шляхтичей.

— Дедушка Иероним. Его ещё помню, — рассказывала Фредерика. — Об остальных знаю со слов отца. Верхний слева — Сигизмунд Генский, участник походов Яна Собеского. Пал в сражении с турками под Веной, прославив наш род.

В портретном зале было сыро и прохладно. Как видно, топили здесь камин нерегулярно. Фредерика поёжилась от холода. Морис заметил это и, как бы невзначай, взял девушку за руку.

— О, вы совсем продрогли. И рука совсем холодная.

Беньовский поднёс её ладонь к своим губам и стал согревать её своим дыханием.

Фредерика вздрогнула, но не вырвала ладони из его рук.

— Я жду вашего рассказа о Семилетней войне.

— В другой раз. На дворе уже сумерки. А впереди ещё дорога.

Морис Август Беньовский стал частым гостем в доме Генских.

Нередко он встречал здесь за столом и других соседей, а также людей, приехавших откуда-то издалека. Разговоры с охотничьей темы часто перескакивали на политическую. Поносили короля Станислава и пророчили скорое его падение.

— Но не забывайте, что за Понятовским стоит Екатерина, — возражал Генский.

— Кроме России есть ещё Австрия и Пруссия, — запальчиво отвечал ему Пулавский, приехавший с юга, из Галиции. — И не в интересах этих держав, чтобы Польша была растерзана и проглочена Россией. Да и шляхта, если она сплотится воедино, — это великая сила.

— Шляхта вооружается. Назревает взрыв, — высказался другой из гостей. — А что вы думаете на сей счёт, барон?

— Убеждён, что Австрия и Пруссия не допустят, чтобы Россия поглотила Польшу, — убеждённо сказал Беньовский.

— Вы слышали компетентное мнение венгерского собрата? — сказал Пулавский. Он держался в компании как предводитель.

— Барон, наверное, прав, — произнёс Генский. — Не в интересах Австрии и Пруссии одностороннее расширение границ России за счёт польских земель. Но если все три державы полюбовно договорятся о расчленении и разделе Польши, слабой, обессиленной усобицами?

— Вы слишком пессимистичны, пан Генский, — перебил его Пулавский. — Недооцениваете силу духа вольнолюбивой шляхты... Радомская конфедерация оказалась слабой, ибо опиралась на поддержку русских. Нужна новая конфедерация, направленная как против изменника-короля, так и против его русских союзников. И такая конфедерация будет.

— Когда? — поинтересовался Беньовский.

— Всему своё время, барон. Мы считаем вас своим и оповестим в нужный час. Ведь вы будете в наших рядах?

Морис Август уклонился от прямого ответа и подумал про себя: «Это мы ещё посмотрим». Он убедился, что в среде польской шляхты созревает заговор, готовый принять некие организационные формы. Все эти посещавшие дом Генского шляхтичи были активными заговорщиками. Среди них выделялся Пулавский, очевидно связанный с главарями

заговора.

При первой возможности Морис стремился уединиться с Фредерикой в одной из комнат просторного господского дома или отправиться с ней на верховую прогулку. Фредерика была неплохой наездницей. Она сама выбирала укромную лесную дорогу, пуская в галоп резвую вороную кобылку.

— Пан Морис, научите меня стрелять из пистолета, — обратилась она однажды с просьбой к Беньовскому.

— Зачем вам стрельба из пистолета? Ваш батюшка считает, что девичье дело заниматься вышивкой...

— У отца отсталые взгляды. Научите же... Я настаиваю.

— Извольте.

Беньовский выбрал пустынную заснеженную поляну. Всадники спешились. Морис сделал зарубку на стволе сосны и отсчитал по снежной целине двадцать шагов. Он вытащил из-за пояса пистолет, с которым никогда не расставался, прицелился и выстрелил. Выстрел отозвался гулким эхом в чаще леса. Стрелок Беньовский был меткий и попал в мишень с первого выстрела.

— А теперь вы, — предложил он Фредерике, перезаряжая и передавая ей пистолет.

Она прицелилась, неумело нажала курок и зажмурилась в испуге. Грянул выстрел. Пуля даже не задела сосны.

— Промах, — констатировал Морис. — Нажимайте курок спокойно, уверенно. Вот так.

Беньовский приблизился к Фредерике, обнял её. Его тяжёлая цепкая ладонь легла на руку девушки. Он резко прижал Фредерику к себе и поцеловал долгим, жадным поцелуем. Фредерика обмякла и не сразу вырвалась из его рук.

— Это тоже входит в урок стрельбы, пан барон? — сказала она с вызовом.

— К чёрту стрельбу! Ваш батюшка прав. Не женское это дело — баловаться с оружием. Ваше дело детей рожать и ублажать мужа. Я бы, пожалуй, женился на вас, Ика, если вы не против.

Она ничего не ответила и, сердито насупившись, побрела к лошади. Всю обратную дорогу ехали молча. Фредерика первая нарушила тягостное молчание, когда подъехали к воротам усадьбы.

— Поговорите с отцом. Как он решит...

Несколько дней Беньовский собирался с духом, прежде чем решиться на сватовство. Останавливала мысль: а не погорячился ли? Не рано ли

связывать себя брачными узами, освящёнными церковью? Достойная ли ему пара пустенькая и взбалмошная Фредерика Генская? Вскоре он отогнал прочь эти мысли и твёрдо сказал себе: будь что будет.

Но пан Болеслав опередил его, прислав к Беньовскому нарочного с письмом. Письмо извещало, что в доме Генских собралась окрестная шляхта, приехал и Михаил Пулавский с друзьями. Было бы желательно и присутствие уважаемого пана барона.

В кабинете Генского сидели десятка два мужчин, окутанных сизым табачным дымом. Прислугу и домочадцев велено было не пускать. Гости сами подходили к столу, уставленному графинами с домашними напитками, и наполняли бокалы.

— Вот и барон. Теперь все в сборе, — торжественно произнёс Генский. — Пан Пулавский привёз важное для всех нас сообщение.

— Панове, в городе Баре в Подолии в ближайшие дни соберётся съезд шляхты, — начал свою речь Пулавский. — Соберётся весь цвет польского и литовского дворянства. Инициатива принадлежит братьям Красинским, его преосвященству епископу Адаму и другим достойнейшим лицам. Цель этого благородного собрания — создать новую конфедерацию, бросающую вызов королю Станиславу и его русским союзникам. Я тоже спешу в Бар, где должен буду доложить нашим высоким руководителям, какими реальными силами могут располагать конфедераты на Виленщине. Мы надеемся, что каждый поместный шляхтич не только сам возьмёт в руки боевой меч, но и выступит во главе своего собственного вооружённого отряда.

Руководители конфедерации будут вправе наделить предводителей отрядов воинскими званиями вплоть до генеральских. Успешные боевые операции, которые нанесут серьёзный урон противнику, могут поощряться более высокими воинскими званиями. Готовы ли вы, Панове, встать под знамёна конфедерации?

Нестройный гул голосов прервал оратора. Раздавались реплики:

— Какой может быть разговор, пан Франц...

— Мы одна семья.

— Готовы, коли церковь с нами.

— Ещё бы, сам преосвященный Адам благословляет нас...

— Если я, мелкопоместный владелец, смогу выставить лишь нескольких воинов... На какой чин могу рассчитывать?

— Ваш отряд вольётся в более крупный. А вы, как дворянин, всё равно получите офицерский чин. Подхорунжего, например, — пояснил мелкопоместному дворянчику Пулавский. — А теперь пусть каждый

назовёт свои боевые силы. Начнём с вас, барон.

— Я мог бы выставить тридцать всадников, — ответил Беньовский. — Десять из них полностью вооружены, прекрасно владеют военным делом. Эти научат сражаться остальных. Безоружные овладеют оружием в первой же удачной вылазке. Оружие позаимствуем у короля и русских генералов.

— Достойный ответ, — удовлетворённо сказал Пулавский. — Пан Генский по возрасту и состоянию здоровья не решается сам выступить в поход. Но даёт вооружённых людей, которых мы присоединим к вашему отряду. Кроме того, к вам вольются мелкие отряды. Так что под вашим командованием, барон, окажется добрая сотня.

— Но позвольте один вопрос, пан Франц... Я как участник Семилетней войны, прошедший не одно сражение...

— Понимаю вас, барон. Вы хотели бы спросить, будет ли ваш военный опыт оценён должным образом. Отвечу: непременно будет оценён. Такие люди, как вы, нужны нам. Поэтому-то вы и становитесь во главе крупного отряда. А что касается звания... Пока вы капитан. Только до первого победного сражения. Победы принесут вам звание полковника.

«Недурственно», — подумал Беньовский. Слова Пулавского разожгли в нём честолюбие. Будет он непременно полковником, будет и генералом. Генералом, которому нет и тридцати. Чем, в конце концов, служба у конфедератов хуже службы королю или императрице? Поможет Бог, станет он одним из предводителей конфедератов, решающих судьбы Речи Посполитой. Да поможет Бог!

Когда ближние гости разъехались, а дальние разошлись по отведённым им покоям, Беньовский уловил момент, чтобы остаться наедине с Генским.

— Пан Болеслав, я ведь сам собирался сегодня к вам, да только по иному делу.

— По какому же, мой дорогой?

— По сердечному. Намеревался просить руки Фредерики.

— Вот порадовал старика. Я ведь, откровенно говоря, начинал догадываться, что к этому дело идёт. То-то вы с нашей Икой по укромным уголкам шушукаетесь. А как она?

— Как батюшкина воля, говорит...

— В доме Генских родительскую волю уважают. Так что же мы с тобой поделаем, голубчик? Война ведь...

— Да, война.

— Ты же венгр. Что тебе наши шляхетские свары? Можешь и не участвовать в баталиях. Никто не осудит.

Беньовский видел, что пан Болеслав хитрит и осторожничает. Он уклонился от участия в будущих боевых действиях конфедератов вовсе не потому, что был так уж дряхл и немощен. Все разговоры о преклонном возрасте и хворях были лишь хитрой игрой. Ведь ему ещё не было и пятидесяти. На самом деле Генский выдавал себя за убеждённого единомышленника конфедератов, но не хотел компрометировать себя в глазах королевской власти и идти на открытый разрыв со Станиславом и его русскими союзниками. Лучше выждать момент, когда перевес сил сложится явно не в пользу короля. Такую выжидательную позицию занимали многие шляхтичи. К ней подталкивал пан Болеслав и своего будущего зятя.

Морис Август, кажется, разгадал Генского и сказал запальчиво:

— Беньовский трусом никогда не был. В Польше я стал поляком и не хочу отделяться от шляхты.

— Достойно сказано, — с напускным восхищением произнёс Генский и подумал, что старшую дочку всё же придётся отдать этому молодцу. Засиделась девка в невестах. Ещё год, два, и старой девой назовёшь. А там ещё две подросли, Зося и Марыся.

— Давай-ка поступим так. Объявим о вашей с Фредерикой помолвке. А после первой победы приедешь к нам полковником... Тогда и свадьбу сыграем. Да такую, чтоб всему воеводству запомнилась. Приданым дочку не обижу. Любимица она у меня.

Пан Болеслав крикнул слугу и зычно приказал:

— Зови сюда пани Доменику, панночек! Да поживее!

Глава третья

29 февраля 1768 года в небольшом городке Баре в Подолии был заключён вооружённый союз польской шляхты, вошедший в историю под названием Барской конфедерации. А участников союза, направленного как против короля Станислава Понятовского, так и царской России, стали называть конфедератами. Верховным руководителем конфедерации шляхта избрала Михаила Иеронима Красинского, которому был выдан патент на чин маршала-генерала. Видную роль в руководстве конфедератами также играли брат Михаила Иеронима Адам, епископ Каменецкий, граф Михаил Ян Пац, назначенный маршалом Литвы, князь Карл Радзивилл[12], Игнатий Мальчевский и другие богатейшие магнаты. Среди них не последнее место занимал и Иосиф Пулавский, староста варецкий, отец уже известного нам Франца Пулавского.

Какую цель ставило перед собой движение конфедератов? Сохранение шляхетских вольностей и привилегий католической церкви, отказ от всяких реформ, направленных на централизацию и усиление аппарата управления. Они отрицали веротерпимость, которую пытался было привить король, а это означало на деле привилегированное положение католичества и гонения на другие религии, в первую очередь православие. В своих манифестах руководители конфедерации упорно игнорировали короля, поэтому все усилия Станислава достичь какого-то компромисса с ними оказались тщетными. Начались военные действия. Против конфедератов выступили объединённые силы королевских войск во главе с гетманом Ксаверием Браницким[13] и русских во главе с генералами Апраксиным[14] и Кречетниковым. Несколько позже в состав русской армии влился Суздальский полк молодого бригадира Александра Васильевича Суворова, прославившегося впоследствии многими славными победами.

Одним из отрядов конфедератов стал командовать Морис Август Беньовский, называвший себя венгерским бароном. Вместо ожидаемой сотни кавалеристов под его началом едва набралось полсотни. Прижимистый Генский выставил только пять всадников, вооружённых старыми кремнёвыми ружьями. А легко мог бы выставить и несколько десятков. Но пан Болеслав ссылался на всякие неотложные хозяйственные заботы, дескать, люди заняты на ремонте мельницы. Присоединились к отряду два дальних родственника Генского, совсем молодые братья

Лихницкие, мелкопоместные дворянчики, с четырьмя слугами. Чванливые и заносчивые, получившие звания подхорунжих, они только мешали Беньовскому, пытавшемуся наладить в отряде мало-мальскую дисциплину.

Регулярным вооружённым силам короля и русских генералов противостояло нечто аморфное, рыхлое, что можно было назвать армией с большой натяжкой. Скорее это был конгломерат разношёрстных, разнокалиберных отрядов, трудно управляемых из единого центра и действовавших самостийно. Высшее командование всеми этими силами, достигавшими по оценкам историков не более восьми тысяч человек, Номинально возглавлял Иосиф Пулавский. При нём, в его штабе, находились его сыновья Франц и Казимир. На первых порах, используя внезапность, но избегая открытых сражений с крупными силами противника, конфедераты наносили дерзкие удары по тылам королевских и русских войск, разоружали их передовые разъезды.

В одном селении под Волковыском отряд наткнулся на дозор королевского драгунского полка. В завязавшейся перестрелке один из драгун был убит метким выстрелом Мирчо, два других пришпорили лошадей и пустились галопом на Волковыск.

— Догнать! — скомандовал Беньовский.

Королевские драгуны, казалось, уходили от погони. Но вот малорослый кавалерист, несколько поотставший от своего напарника-капрала, не удержался в седле и бухнулся кубарем в снег — его конь споткнулся о полено, оброненное проезжим лесорубом. Тотчас упавший оказался в кольце преследователей. Он поднялся с усилием и, сообразив, что сопротивляться бесполезно, бросил ружьё в снег.

— О, матка боска...

— Вот тебе и матка боска, — передразнил его младший Лихницкий, подталкивая солдата палашом сабли.

— Пан подхорунжий, доставьте пленного в корчму для допроса, — приказал Беньовский.

Корчму у околицы села командир отряда облюбовал в качестве временной своей ставки. Корчмаря, рыжего пейсатого еврея, Мирно вытолкал взашей из избы — не положено постороннему присутствовать при допросе.

— Кто такой? — без особого интереса спросил Беньовский тщедушного кривоногого солдата с крепкими крестьянскими ладонями.

— Я-то?

— Кто же ещё.

— Рядовой второго эскадрона.

— Где стоит эскадрон?
— В городе. И русских солдат там много.
— Много, говоришь? Видишь, москали топчут твою землю.
— Королю помогают.
— Изменник твой король Станислав. Понятно?
— Бог ему судья.
— Бог всем судья. Кем был до военной службы?
— Землепашцем: Человеком пана Крулицкого.
— Это который из Люблинского воеводства? — вмешался в допрос старший Лихницкий.
— Какое это имеет значение, — перебил подхорунжего Беньовский и продолжал допрос: — И хорошо тебе платит твой король?
— Как угодно его милости.
— Вот видишь. Оставайся-ка в моём отряде обозным солдатом. Отличишься в первом бою, верну оружие.
— Не можно, пан начальник. Присяга...
— Присяга королю-изменнику, продавшемуся москалям!
— Бог ему судья, нашему королю Станиславу.
— А я твой судья, хлоп! — угрожающе сказал Беньовский. — Вот прикажу вздёрнуть тебя на первой осине.

Морис Август, по правде говоря, был озадачен: что делать с пленным, первым пленным в его военной практике. Не таскать же его за собой и не устраивать ради него походную гауптвахту. Повесить или пристрелить — дело не хитрое. Да уместно ли ожесточать и противника, и население жестокими мерами? Взятые из дома припасы давно кончились. Приходилось становиться на постой к шляхтичам, которые роптали и припрятывали харч, или реквизировать продовольствие у крестьян. Встречавшие конфедератов с угрюмой ненавистью во взгляде, они, казалось, готовы были взяться за топоры и вилы. Бесчинства и притеснения со стороны таких вот отрядов побуждали многих крестьян уходить на юг, в малороссийские земли, где собиралась недовольная голытьба под знамёнами дерзких атаманов Гонты и Железняка[15].

— Ты хочешь, чтобы тебя вздёрнули на суку? — повторил Беньовский.
— О нет, ваша милость. Лучше уж служить вам, чем висеть на осине.
— Давно бы так.
— А как же присяга?
— Церковь в лице преосвященного Адама освобождает тебя от королевской присяги. Присягнёшь конфедерации.

— Слушаюсь, пан начальник.

— Да не зови меня «пан начальник», болван. Зови — «пан капитан».

— Это как вам будет угодно.

Беньовский распорядился препроводить пленного в обоз и позвать корчмаря. Перепуганный корчмарь не заставил себя ждать. Он ожидал новых поборов, требований вина и еды, за которые это вольное воинство вряд ли расположено расплачиваться. Но пан начальник оказался милостив и потребовал немногого.

— Неси, Соломон, пуховую перину для меня... И клади сюда, поближе к очагу. Да ещё давай охапку сена для моих офицеров. И бутылку доброго вина, чтоб мы могли согреться перед сном.

— Будет исполнено, ясновельможный пан. Только я не Соломон, а Мендель.

— Мендель так Мендель. А в наших краях все корчмари Соломоны.

— Есть у меня отличное старое вино. Но это будет стоить...

— Это будет твой маленький вклад в наше общее дело.

Мендель тяжело вздохнул, ссутулился и отправился за вином и периной. А Беньовский выставил караулы и послал в сторону Волковыска ночной дозор во главе с незаменимым Мирно.

Утром прискакал на взмыленной лошади Мирно, растолкал спящего на пышной пуховой перине Мориса.

— Мой господин, худые дела. Ой, худые.

— Да говори толком, что случилось?

— Из города в нашу сторону движутся всадники. Много всадников.

— Как много? Сотня будет?

— Наверное, будет.

— А может, две сотни?

— Может, и две. И ещё на подводах солдаты. Много подвод, конца не видать.

— Поляки, русские?

— Конные, по форме, видать, поляки-драгуны, а на подводах, возможно, и русские.

— А точнее не можешь сказать?

— Темно ещё было, не разглядеть. Подводы шли позади всадников.

— Проклятый драгунишка, которого упустили вчера! Это он успел поднять тревогу.

Беньовский приказал немедля поднять и выстроить весь отряд. Выяснилось, что ночью сбежал пленный солдат. Да ещё и увёл коня. Караульные упустили его, потому что спали мертвецким сном после

изрядной выпивки. Бутыль самогона раздобыли у войта. Морис Август дал волю безудержному гневу, ругался по-польски и по-венгерски, грозился собственноручно пристрелить проштрафившихся караульных. Угрозу свою, однако, не выполнил. Только бы ноги унести и избежать встречи с превосходящими силами противника.

Свернув с большой дороги, ведущей из Волковыска на Белосток, отряд углубился в лес и долго петлял по лесным тропам. Впереди лежала знаменитая Беловежская пуща, излюбленное место охоты польских королей и магнатов. Однажды послышался тревожный рёв старого зубра, почуявшего приближение людей.

Обогнув Белосток с юга, отряд натолкнулся на берегу реки Нарев на русский обоз — десятка три саней, груженных овсом, мукой, морожеными тушами свиней и баранов. Обозная охрана" была невелика и состояла из пожилых нестроевых солдат во главе с таким же пожилым прапорщиком. Интендантская команда занималась закупками продовольствия у местных поставщиков. Люди Беньовского испытывали нужду в припасах и поэтому обоз оказался сущей находкой.

По команде командира отряда конфедераты атаковали слабо оборонявшихся обозников. Атаковали со всей яростью и злобой, накопившимися за время изнурительного и голодного скитания по лесным тропам. Одних русских солдат настигла пуля, других — острая шляхетская сабля. Лишь немногим удалось отступить в лес и скрыться в чаще. Хоронить убитых не стали — не было времени. Воспользовались оружием убитых, забрали другие трофеи. Отряд сразу оказался отягощённым внушительным обозом. Продолжали двигаться к Ломже, где Беньовский рассчитывал укрыться в лесистом болотистом массиве и оттуда совершать боевые вылазки.

На первом же привале, в доме деревенского ксёндза, Беньовский составил пространное и витиеватое донесение на имя Иосифа Пулавского. Подвиги отряда и свои собственные он, разумеется, приукрасил как мог, цифры военных трофеев изрядно завысил. Высокопарно обращаясь к «многовельможному пану генералу», Морис писал о великой милости Божьей Матери, ниспосланной рабам Божьим и помогавшей одерживать победы. Первая победа была одержана на подступах к городу Волковыску, где отряд вступил в бой с передовыми разъездами королевской конницы. Противник был частично перебит и частично обращён в бегство. При столкновении с многократно превосходящими вражескими силами, наступающими со стороны Волковыска, отряд умелым манёвром оторвался от преследователей без единой потери. Второе столкновение произошло

западнее, на берегу Нарева. Инициатива боя полностью оказалась в руках конфедератов. В результате успешного боя десятки русских солдат были уничтожены и лишь немногим удалось бежать. Отряду достались богатые трофеи — оружие, припасы. Теперь отряд полностью вооружён и надолго обеспечен продовольствием.

Таково было содержание хвастливого донесения. «Теперь нет препятствий к полковничьему чину», — самодовольно думал Беньовский. Он вручил пакет старшему Лихницкому.

— Отвезёшь в Брест и передашь канонику Клименту, декану большого костёла. Попадёшь в руки королевских солдат или русских — ты не конфедерат, а нейтральный шляхтич... Едешь в гости к родным. Понятно?

Отец Климент служил связующим звеном между штабом Пулавского и командирами отдельных отрядов, действовавших в северо-восточной Польше. В свою очередь через брестского каноника верховное командование рассылало приказы по отрядам.

Дерзкое нападение Беньовского на русский обоз встревожило противника и вынудило его к ответным мерам. Из районов Белостока и Ломжи выступили колонны русских войск и стали преследовать отряд Мориса. Навстречу им со стороны Треблинки наступала королевская конница. Конфедераты бродили по лесным дорогам, ещё не осознавая всей опасности, а когда осознали, заметались, как обложенные со всех сторон охотниками волки. Кольцо вокруг отряда замкнулось.

Русское командование, желая избежать кровопролития, послало в лагерь Беньовского офицера-парламентёра с ультиматумом — сложить по доброй воле оружие и избежать ненужных жертв. Позиция конфедератов под прицелом русских пушек. Всё это парламентёр произнёс на превосходном польском языке, которым успел овладеть за время службы в Польше.

Морис Август ответил надменно и самоуверенно:

— Не пристало польскому офицеру, дворянину, складывать оружие даже перед десятикратно превосходящими силами противника. На всё воля Всевышнего. Если мне суждено пасть в бою, значит, так угодно силам небесным.

— Жаль. Мы надеялись на ваше благоразумие, — с горечью сказал парламентёр. — Всё же подумайте. Оставляем вам час на размышление.

Час прошёл, конфедераты не выкинули белого флага, и цепь русских солдат, выгнувшись дугой и охватывая фланги Беньовского, пошла в атаку. Конфедераты нестройно отстреливались. Отступать было некуда. В тылу

отряда стояла королевская конница. Польские кавалеристы не спешили бросаться в атаку и ждали неминуемого исхода боя — всё же не хотелось рубить своих соотечественников.

Конфедераты падали один за другим, сражённые пулями и поражённые штыковыми ударами. Рядом с Беньовским упал, слабо вскрикнув, его верный Мирно, оставляя на истоптанном снегу алое расползающееся пятно. Падая, он что-то бормотал на своём непонятном полякам и венграм языке. Должно быть, произносил слова предсмертной молитвы. Вслед за ним упал как подкошенный младший Лихницкий, почти мальчик. Где-то рядом судорожно храпели испуганные и раненые лошади.

— Хватит с меня, холера ясна! — яростно выкрикнул Беньовский, бросая в снег пистолет.

Его примеру последовали другие, бросая ружья, сабли. Кто-то ещё пытался отстреливаться. Потом умолкли и одиночные выстрелы.

Мориса Августа взял в плен тот самый пехотный поручик, который приходил в его лагерь в качестве парламентёра.

— Зря не приняли наших добрых условий, пан... как вас величать, — сказал русский офицер, принимая у него саблю.

— Барон Беньовский, — чужим, глухим голосом ответил Морис.

— Сколько людей загубили, барон!

— Война есть война. На всё воля Божья...

— Моя бы воля...

— Куда вы меня поведёте?

— В штаб полка.

Командир полка, крупный, широкоплечий, с любопытством разглядывал пленного. Не впервые приходилось брать в плен шляхтичей, надменных и самоуверенных на первых порах. Потом у них гонор и самоуверенность сменялись обычно тупой отрешённостью, хотя плен и не сулил ничего особо страшного. Русское командование отвергало какие-либо суровые меры в отношении мятежной шляхты, надеясь на возможное примирение враждующих сторон. Часто с пленных брали слово, что они в дальнейшем не выступят против русских, и отпускали по домам. Пожалуй, полковника заинтересовал лишь баронский титул Беньовского, ибо и сам он происходил из прибалтийских немецких баронов, каких было немало на русской службе. Этот интерес и заставлял его с нескрываемым любопытством вглядываться в пленного.

— Вы из каких баронов, немецких? — спросил полковник по-немецки. — У поляков как будто бы нет баронского титула.

— Нет, я из венгерских. У моих родителей были именья в

Трансильвании, — ответил на том же языке Морис. Немецким он владел свободно.

— И охота вам, благородному венгру, путаться, прости Господи, с какими-то сомнительными авантюристами, смутьянами, поднявшими руку на своего государя?

— Что делать? Родина обошлась со мной несправедливо. Пути-дороги привели меня в Польшу. Что ждёт меня, полковник?

— Не знаю. Пошлю донесение генералу Апраксину. Он решит вашу судьбу. А пока отдыхайте.

Несколько дней Беньовский провёл в убогой избе, охраняемый караульным солдатом. Кормили его солдатской пищей из полковой кухни. В томительном ожидании Морис размышлял над событиями недавнего рокового дня, когда его отряд перестал существовать. Виделись Мирно с окровавленным лицом, раненный русской пулей в челюсть и шептавший предсмертные молитвы, и безусый розовощёкий подхорунжий, заколотый штыком. Слышался судорожный храп издыхающих коней. Но не чувство жалости к погибшим или раскаяние за погубленный отряд владели им. Лишь досада из-за оборвавшейся военной карьеры, казалось бы так успешно начавшейся. И ещё тревожное ожидание будущего. Разгром обозного отряда, во время которого его люди, разъярившиеся от долгого п утомительного похода, перебили без нужды нестроевых русских солдат, могли ему теперь припомнить.

Но всё, к полной для него неожиданности, закончилось благополучно. Беньовского привели к барону-полковнику, и тот приветливо произнёс:

— Его высокопревосходительство генерал Апраксин дал своё милостивое согласие отпустить вас с миром... Если вы, конечно, дадите нам честное слово дворянина никогда не поднимать оружия против русской армии и короля Станислава.

— Я принимаю ваши условия.

— Вот и отлично. Куда вы намерены направиться?

— Под Вильно, в своё имение. Там ждёт меня невеста.

— Завтра отправляется по служебным делам в Гродно мой адъютант. Он возьмёт вас с собой. А далее доберётесь сами.

— Благодарю вас, полковник. Вы поступаете благородно.

До своего виленского имения Беньовский добрался, когда начиналась весенняя распутица. Поэтому и двигался медленно. Почти одновременно с ним прибыли четверо его людей, также отпущенные из русского плена. Ещё двое или трое уцелевших ушли на юг, к Гонте и Железняку. В имении и приусадебном селении стоял плач. Жёны и матери оплакивали близких,

не вернувшихся с войны. Ксёндз служил заупокойную мессу.

Беньовский ещё не принял определённого решения — держать ли данное русским слово или с лёгкостью нарушить его. Ксёндзы снимут любую клятву, тем более вынужденную. Но, пожалуй, он более склонялся к тому, чтобы держать слово. Отряда больше не существовало. Его военные успехи оказались, увы, недолговечными. Да и общая обстановка складывалась не в пользу конфедератов.

Отоспавшись после дороги и всех последних жизненных передряг, Морис Август направился с визитом к Генским. Для Фредерики вёз подарок — янтарное ожерелье, купленное у виленского ювелира. Война не затронула привычный уклад жизни в доме пана Болеслава. Старый Генский покуривал свою трубку, толковал об охоте и собаках, пани Доменика хлопотала по хозяйству, девицы вышивали подушечки и скатерти.

— Тебе ещё повезло, сосед, — сказал пан Болеслав, выслушав историю Беньовского.

Конечно, Морис всячески приукрасил её. Его отряд одержал несколько крупных побед и вызвал этим переполох у русских и королевских генералов. Против него бросили крупные объединённые силы с пушками и кавалерией. Произошло сражение, самое кровопролитное в его боевой жизни. Только многократное превосходство сил позволило противнику подавить сопротивление отряда. Многие из его людей пали героями. Нет больше его верного Мирно, нет достойного Лихницкого. Его, Мориса Августа, оглушённого, обезоруженного, взяли в плен. Нет, это не было позорное пленение. Русский полковник, кстати, тоже барон, восхищался его мужеством и из уважения к нему отпустил его с миром под честное слово не служить против русских войск. Но что значит вынужденное слово, данное врагу?

— Это ты зря, Морис, — возразил Генский. — Ты дал слово дворянина. И кончай свои баталии, занимайся хозяйством, женись.

— Но я покуда не полковник. Ваше условие...

— Никаких условий! Ты благородный дворянин, барон Беньовский. И этого мне и моей Фредерике достаточно. И не вздумай нарушать слово, данное русским. У конфедератов дела совсем плохи. Русские и королевские силы наступают повсеместно, взяли Бар, цитадель братьев Красинских, и теснят отряды конфедератов. На юго-востоке положение осложнилось широким восстанием мужицкой черни. Так что сиди в своём гнезде и покуда не высовывайся.

— Последую вашему доброму совету. И поговорим, пан Болеслав, о свадьбе.

— Вот это деловой разговор. Доменика, Фредерика, идите скорее сюда!

Генский суетливо бегал по всему дому, созывая для большого разговора домочадцев, покрикивал на слуг, приказывая подать вина.

Свадьба была скромной. Приглашены были только ближайшие соседи да окружной каноник. На этом настоял Генский.

— Время такое тревожное. Не до шумных застолий теперь. Устроим всё скромно, по-домашнему, — убеждал скуповатый пан Болеслав, не желавший больших свадебных расходов.

После венчания в костёле молодые и гости отправились в дом Генских. Во дворе усадьбы, освещённом смоляными факелами, столпилась вся дворовая челядь, чтобы поприветствовать свадебный кортеж да и просто поглазеть из любопытства. Два старых скрипача наигрывали мазурку. Пан Болеслав распорядился выставить дворовым угощение и бочонок домашнего вина, а скрипачей пригласил в дом — пусть веселят гостей.

Веселье получилось, однако, каким-то принуждённым, натянутым. Печать озабоченности, тревоги лежала на лицах гостей, хотя за свадебным столом и было произнесено много тостов, сказано много речей. Ведь почти в каждой семье кто-либо сражался на стороне конфедератов, которые, как доходили слухи, терпели одно поражение за другим. Инициатива в войне явно переходила в руки короля и его русских союзников. Многие молодые люди из окрестных шляхетских семейств, примкнувшие к конфедератскому движению, погибали в вооружённых стычках, о судьбе других родным и близким ничего не было известно. Судьба самого жениха служила горестным примером неудач.

Застолье завершилось к полуночи, когда захмелевшие гости встали из-за стола и проводили новобрачных в отведённые им покои — комнату Фредерики в мансарде, где было приготовлено брачное ложе. До полудня вся компания отсыпалась и опохмелялась, а потом кортеж направился к усадьбе Беньовского, где продолжалось свадебное торжество. Морис Август постарался наспех обставить, как мог, своё неуютное мрачноватое жилище, приказал слугам отмыть и выскрести почерневшие от копоти стены. Но и эти усилия хозяина мало прибавили комфорта усадебному дому. Фредерика подавленно оглядывала свою новую обитель, явно уступавшую обжитому дому Генских. Что поделаешь? Зато теперь баронесса Беньовская!

Чувственность, жаркая страсть быстро пробудились в молодой женщине. Морис Август отвечал на её ласки сдержанно, с холодком. Беньовский был пресыщен лёгкими победами над доступными ему

женщинами, трактирными служанками и дворовыми девками. Ласки жены не принесли ему нового, неожиданного откровения. Через некоторое время Фредерика стала раздражать его мелочными заботами хозяйки, жалобами на нерадивых слуг, вышитыми подушечками и салфеточками, заполнившими дом, даже запахами французских духов. Беньовский заскучал, с тоской вспоминая вольную и разгульную жизнь в отряде. Пытался заглушить тоскливые воспоминания охотой.

Так прошли весна и лето. От тестя, который всегда был в курсе последних событий, Морис Август узнал, что началась война России с Турцией. Инициатива в развязывании военных действий исходила от турецкой стороны, подталкиваемой Англией и Францией. Турецкий фронт оттянул главные силы России. Это вызвало новый всплеск в движении конфедератов, активизировавшихся по всей Польше.

— Моё место в рядах сподвижников, — уверенно сказал Беньовский, выслушав рассказ тестя.

— Ты же дал слово.

— Слово врагу. Первый же ксёндз снимет с меня вынужденную клятву.

— Ты забыл, что у тебя молодая жена. И ты в ответе за неё перед Богом.

— Фредерика знала, что отдаёт руку шляхтичу.

— Поступай по совести, Морис.

Беньовский решил ехать в Брест к неведомому ему канонику Клименту, к которому стягивались тайные нити от отдельных отрядов и штаба Иосифа Пулавского. Морис Август не был намерен приставать к первому попавшемуся отряду конфедератов. Он сам хотел командовать крупной боевой единицей, напомнив руководителям движения конфедератов о своих заслугах, об обещанном полковничьем чине. Он принял решение ехать к Пулавскому, а дорогу к военному предводителю конфедератов мог указать ему конечно же всеведущий брестский каноник.

Прощание с женой вышло сдержанным, холодным. Беньовский говорил о своём долге перед польским дворянством, о том, что он солдат Речи Посполитой. Честь и долг дворянина снова зовёт его в ряды сражающихся собратьев. Фредерика молчаливо выслушивала мужа и отрешённо говорила:

— Повинуйся долгу. Только береги себя.

А сама думала горькую думу. Не ответил Морис, холодный самовлюблённый эгоист, на её любовь пылким ответным чувством. Пусть же пеняет на себя.

До Бреста Морис, сопровождаемый четырьмя конными слугами, добрался без затруднений. Дорога была знакома. Дважды встречались мелкие отряды конфедератов, настроенных воинственно и самоуверенно. В Бресте сразу же бросился в глаза остроконечный шпиль костёла, увенчанный крестом.

Отец Климент, декан костёла и каноник, почему-то представлялся Беньовскому сухим, угрюмым аскетом с горящим, фанатичным взором. Оказался же он добродушным упитанным человеком невысокого роста с широкой улыбкой на круглом лице.

— Чем могу служить, сын мой? — приветливо спросил он, перебирая янтарные чётки.

— Рассеять сомнения страждущего, — ответил смиренно Морис, подходя под благословение.

— Слушаю тебя.

Беньовский начал с того, что рассказал о своём пленении и о том, как был отпущен русским полковником под честное слово никогда больше не браться за оружие.

— И тебя, сын мой, мучает вопрос — достойно ли нарушать слово, данное врагу, схизмату. Так ведь? — проницательно спросил священник.

— Так, мой отец.

— Если ты нарушишь вынужденную клятву, грех с твоей души снимет святая церковь.

— Я рад это слышать, святой отец.

— Твоё место в рядах собратьев, поднявшихся в справедливом гневе на недругов Речи Посполитой. Благословляю тебя на подвиги.

— Я ищу дорогу в штаб генерала Пулавского.

— Иосиф Пулавский с основными силами, по моим сведениям, находится где-то между Люблином и Львовом. Загляни в Замостье к тамошнему канонику Яну Александру. Он сообщит тебе более точное его местонахождение. Я дам тебе рекомендательное письмо к отцу Яну. Кстати, донесение твоё юноша из отряда доставил в сохранности. Я передал его по назначению.

— Благодарю, мой отец.

С помощью каноника Яна Александра из Замостья Беньовский отыскал штаб Иосифа Пулавского в небольшом галицийском городке. Первый, кто попался ему в штабе, расквартированном в замке местного магната, оказался Франц Пулавский, не то адъютант, не то помощник у отца.

— Рад вас видеть, барон. Вот кстати! Люди нам нужны, —

воскликнул Франц, обнимая Мориса Августа.

— И я рад, пан Франц. Желал бы видеть вашего батюшку.

— Сию минуту доложу.

Иосиф Пулавский, облечённый в генеральскую форму, вышел из-за стола навстречу вошедшему в его кабинет Беньовскому. Казалось, каждый шаг давался ему с трудом. Лицо генерала, землисто-бледное, выглядело болезненным, осунувшимся. Глаза, обведённые тёмными окружиями, блестели лихорадочно.

— Давно вас ждём, барон. Рассказывайте.

Однако генерал несколько раз перебивал Беньовского и так и не выслушал его до конца.

— Поедете под Тернополь. Там действует наш крупный отряд. Командир отряда тяжело ранен. Вы формально зачисляетесь его заместителем, но фактически вступите в командование.

— Мой генерал, вы ознакомились с личным донесением?

— Что-то не припомню сразу. Через мои руки прошло столько всяких донесений. Напомните, о чём шла речь.

— Я докладывал о двух победах, одержанных моим отрядом под Волковыском и Белостоком.

— Ах да... Теперь помню. Вы действовали достойнейшим образом. Ваши заслуги не перечёркиваются последующим поражением и пленением.

— Я надеялся, пан генерал... что мои скромные заслуги не будут обойдены вашим вниманием.

— Они и не обойдены нашим вниманием. Вы видите, вам дали ответственное назначение. Я, кажется, послал маршалу-генералу Красинскому на утверждение проект патента на присвоение вам полковничьего чина. Мы сейчас проверим... Если же не послал, пошлю в ближайшие дни. Считайте себя полковником, барон. К сожалению, я очень занят всякими делами и не могу уделить вам много внимания. Пусть Франц ознакомит вас с общей обстановкой.

Франц Пулавский пригласил Беньовского к себе. Он квартировал вместе с братом в доме местного ксёндза, сочувствовавшего конфедератам.

— Война с турками оттянула главные силы русских[16], — начал Франц. — Но русские снова перешли к наступательным действиям по всей Польше, желая, очевидно, покончить с нашим движением. Среди русских военачальников выделяется способностями и неукротимой энергией бригадир Суворов. Он как неожиданный вихрь налетает на наши отряды и громит их один за другим. Одно его имя вызывает у шляхты неподдельный страх.

— Но ведь ряды конфедератов растут.

— Растут-то растут... Но учтите, барон, против нас действует прекрасно обученная регулярная армия во главе с генералами, профессионалами своего дела. А у конфедератов нет единства, нет выучки и дисциплины. Каждый военачальник действует по своему разумению. Отец пытается сплотить раздробленные силы воедино, укрепить дисциплину. Но это плохо удаётся.

— Я обратил внимание на болезненный вид генерала.

— Отец тяжело болен. Боюсь, что неизлечимо. Когда его не станет, а это может случиться в скором времени, в штабе конфедератов начнётся драчка за отцовское кресло. Так-то, барон. Не воодушевил я вас.

— Выходит, пан Франц, что конфедератское движение лишено обнадёживающих перспектив.

— А вот этого я вам не сказал. Надеемся, что Россия надолго увязнет в турецкой войне, как в болотной трясине. Постараемся привлечь внимание европейских держав, запросили у них помощи. Наши руководители намерены снарядить посольства в важнейшие европейские столицы и создать за пределами Польши свой эмигрантский центр. Быть может, удастся привлечь к нам на службу опытного генерала, например француза.

С противоречивыми чувствами выехал Беньовский из городка, держа путь на Тернополь.

Обстановка в отряде, куда прибыл Морис Август, оказалась напряжённой. Полк полковника Бринкена теснил конфедератов, и отряд, отбиваясь от планомерно наступавшего противника, отходил к Днестру. Местное украинское население относилось к шляхетским отрядам, как и вообще к полякам, недружелюбно, как к вековым поработителям. Русским же солдатам украинцы открыто симпатизировали и нередко оказывали им разные услуги, выдавали местонахождение конфедератов, служили проводниками.

С офицерами отряда с первых же дней у Беньовского сложились натянутые отношения. На руководство отрядом претендовал пан Ковальчик из галицийских помещиков, и за него стояли другие офицеры, все из местной шляхты. Незадолго до прибытия Мориса Августа раненого командира отряда оставили под присмотром монастырской братии в одном из монастырей и в командование отрядом фактически вступил Ковальчик. Подчинился он Беньовскому неохотно, как говорится, со скрежетом зубовным, да и то только после того, как Морис Август собрал всех офицеров и зачитал перед ними письменный приказ Иосифа Пулавского.

— Вы слышали приказ, господа офицеры? Согласно воле генерала, я

вступаю в командование отрядом. Хотел бы, панове, предстать в ваших глазах боевым офицером.

— Расскажите о вашем боевом опыте, — сказал со скрытой ехидцей один из друзей Ковальчика, долговязый хорунжий.

— Извольте. Вырос я в семье генерала австрийской службы. Прошёл Семилетнюю войну, участвовал во многих сражениях. Командовал отрядом конфедератов. За успешные боевые операции под Волковыском и Белостоком представлен к чину полковника. Вам этого мало?

— Понятно, полковник, — произнёс долговязый.

— О боевых заслугах капитана Ковальчика наслышан. Почту за честь видеть его своим заместителем.

Ковальчик с этим как будто смирился, но спорил с Беньовским по всякому случаю, пускался в пространные рассуждения, выслушивая его распоряжения. Главный спор разгорелся по принципиальной тактике боевых действий. Беньовский настаивал на том, чтобы отходить в предгорья Карпат и оттуда тревожить противника внезапными вылазками мелких групп. Он уже был научен массированным наступлением превосходящих сил русских под Белостоком. Ковальчик не соглашался с ним и предлагал свою тактику — необходимо соединиться с другими отрядами конфедератов, действовавшими по соседству, и дать русским сражение. Не пристало шляхтичам трусливо прятаться в горах. С ним соглашались и его сторонники, не желавшие уходить далеко от своих галицийских имений.

— Но поймите же, пан Ковальчик, несколько отрядов, собранных в единый кулак, — это великолепная мишень для противника, — убеждал Беньовский. — А наша главная сила именно в том и состоит, что мы действуем множеством мелких единиц, рассеянных на большой территории. Учтите ещё враждебное нам окружение в Галиции.

— Вы плохо знаете галицийцев. Они греко-католики. Если кое-кто из них и враждебен нам, можно и припугнуть. Не мешало бы устроить две-три публичные экзекуции и вздёрнуть на придорожных деревьях тех хлопов, которые явно служат русским.

— Чего вы этим достигнете? Подтолкнёте хлопов к массовому бегству в лагерь Гонты и Железняка?

Спор достиг критической точки, когда стала очевидной неизбежность столкновения с русским авангардом. Перед самым сражением Ковальчик увёл часть отряда в сторону Волочиска, по существу дезертировал с поля боя. Авангардный батальон полка Бринкена легко смял и рассеял ослабленные силы Беньовского. Его люди в панике разбегались по

окрестным хуторам и рощам. Сам Морис Август был пленён и доставлен в Тернополь, в штаб полка. Это произошло в мае 1769 года.

Говорят, беды не приходят в одиночку. В штабе полка, в приёмной полковника, Беньовский лицом к лицу столкнулся с тем самым русским офицером, который когда-то приходил в его отряд в качестве парламентёра, а потом взял его в плен. Это было на заснеженном поле в излучине реки Нарев.

— Господин барон! Вот неожиданная встреча, — преувеличенно громко воскликнул офицер, теперь уже не поручик, а штабс-капитан. Недавно его перевели за заслуги с повышением в полк Бринкена.

— Стало быть, снова свиделись. Судьба, — с ухмылкой ответил Беньовский.

— А ведь вы, кажется, слово нам дали...

— Дал, взял обратно...

— Нехорошо, господин барон. Не по-дворянски поступили. На этот раз не станем полагаться на ваше честное благородное слово.

— Воля ваша. Вы победители.

Полковник, выслушав доклад адъютанта о деле барона Беньовского, кисло поморщился и решил незамедлительно отправить пленного в штаб генерала Прозоровского.

А генерал, ознакомившись с его делом, глубокомысленно произнёс:

— Не резон, однако, шкодливого козла в огород пускать. В Киев его, мазурика, на поселение.

Сам он не счёл нужным беседовать с Беньовским, а поручил одному из офицеров штаба известить пленного о своём решении. Услышав приговор, Морис Август запротестовал было.

— Пусть мою судьбу решает мой король Станислав.

— С вашим королём мы как-нибудь столкуемся, — ласково ответил ему штабист. — А Киев, голубчик, — это ещё не Сибирь, не Камчатка.

Глава четвёртая

В Киеве Беньовский пробыл совсем недолго. Киевский военный губернатор приказал выслать его вглубь России, подальше от польской границы. Местом ссылки была определена Казань. Та же судьба постигла и пленного шведа Адольфа Винблада, также состоявшего на службе у конфедератов и пленённого где-то на Волыни. Они познакомились уже в пути.

Швед был угрюм и неразговорчив. Он тяжело переживал свои неудачи и, пожалуй, горько сожалел, что, покинув родную Швецию, связал свою судьбу с движением конфедератов. Польским языком он так и не овладел настолько, чтобы сносно изъясняться на нём и понимать собеседника. С Беньовским говорил с трудом и с чудовищным акцентом.

Везли их на разных подводах, сопровождаемых конвоем. На почтовых станциях меняли лошадей и делали лишь краткие остановки для ночлега конвойных. А с рассветом пускались в дальнейший путь по тряским российским дорогам. Лишь в Нежине конвойные оставили пленных наедине в почтовой избе. Там и разговорились.

— С кем имею честь? — с любопытством спросил Беньовский.

— Адольф Винблад, — неохотно ответил швед.

— В каком звании служили конфедератам?

— В майорском.

— Судя по выговору, вы не поляк и, похоже, не немец.

— Я швед.

— А я венгр. Полковник Беньовский.

Морис Август приврал насчёт звания, стараясь сразу же показать шведу своё превосходство и взять покровительственный, начальственный тон. Винблад стал жаловаться на судьбу.

— Я спросил у русского офицера, зачитавшего мне приказ о высылке в эту, как её... Казань, далёкий город на Волге, сколько времени продлится наш плен. И знаете, что он мне ответил? Продлится ваш плен до тех пор, пока последний конфедерат не сложит оружия. Каково?

— Мне сказали примерно то же самое. Так что наберитесь терпения, майор. Конфедераты складывать оружие пока не собираются.

— Будь проклят тот день и час, когда я покинул Швецию и прельстился службой шляхте!

— Зачем же покинули?

— А что оставалось делать мне, младшему сыну в многодетной семье? Наследование отцовского имения мне не светило. Вот и отправился искать счастья на чужбине.

— Отбросьте ваши мрачные настроения, майор. Берите пример с меня, неисправимого оптимиста. Не мыслю своей жизни без кипучей, бурной деятельности.

— Какая может быть деятельность в этой, как её... Казани.

— Казань ещё не Сибирь. Говорят, вполне цивилизованный большой город. Я вижу в нашем положении две перспективы...

Беньовский на минуту умолк, испытующе вглядываясь в шведа.

— Догадываетесь, собрат мой по несчастью?

— Нет.

— Тогда слушайте. Россией правит императрица Екатерина, свергнувшая и, как говорят, умертвившая своего мужа Петра[17]. Вряд ли всё русское дворянство довольно этой немецкой принцессой на русском троне. Есть же в стране наверняка и немало сторонников свергнутого и убиенного императора. А если допустить, что в России возникнет своё вооружённое оппозиционное движение наподобие нашей Барской конфедерации?

— Вы верите в такую возможность?

— Я лишь говорю — «если допустить»... Вот тогда наш опыт конфедератов, тираноборцев пригодится оппозиционному дворянству. Мы, наёмники-профессионалы, встанем во главе русских дворянских полков, окажемся среди вождей движения, будем вершить судьбы империи.

— Дерзко, полковник. Но фантастично и неубедительно. Вы плохо знаете жизнь в России. Это не Речь Посполитая с её шляхетскими вольностями. И престиж российской короны — это нечто иное, чем престиж эфемерной власти выборного польского короля или даже нашего шведского Карла.

— Не скажите, майор. Я вам расскажу одну занятную историю на русскую тему. До нас доходили смутные слухи о заговоре, правда неудачном, против императрицы Екатерины. Это произошло несколько лет тому назад. Молодой караульный офицер, позабыл его имя, пытался освободить из крепости томившегося там в заключении царевича Ивана[18]. Намерение этого офицера состояло в том, чтобы, устранив Екатерину, возвести на престол Ивана, свергнутого ещё в раннем детстве императрицей Елизаветой. Заключённый царевич был убит стражей, а тот

офицер сдался властям, был судим Сенатом и казнён.

— Вот видите, не удался же заговор.

— Потому что был плохо подготовлен, не опирался на достаточный круг сторонников. Но ведь перед вами свидетельство, что не все довольны Екатериной.

— А если ваши надежды на «русскую конфедерацию» окажутся пустой мечтой, блефом? Вы говорили о двух перспективах...

— Другой логичный для нас исход — бегство.

— Вот это разумнее. В возможность того, чтобы мы с вами стали вождями русских бунтарей, я не очень-то верю. Как вы мыслите себе план бегства?

— Необходимо добраться до крупного портового города, например Санкт-Петербурга или Риги. Столица предпочтительнее. Там легко затеряться, не привлекая ока царской полиции. А нам останется только договориться со шкипером иностранного судна о тайном отъезде морем. Вы возвращаетесь в свою милую вашему сердцу Швецию. Я вернусь в ряды конфедератов или отправлюсь в дальнее путешествие. А может быть, поступлю на службу к королю Людовику и буду помогать французам завоёвывать заморские земли.

Вошёл конвойный солдат с едой для пленных, и Беньовский умолк.

— Продолжайте, барон. Вряд ли этот солдат уразумеет, о чём мы толкуем, — сказал швед.

— Вряд ли, — согласился Морис. — Но лучше не испытывать судьбу. А если это переодетый агент тайной службы? Мы ещё не знаем всех нравов этой страны. А впереди у нас будет много свободного времени для приятных бесед.

Путь был долгий, через всю Европейскую Россию. Миновали Курск, Воронеж, Тамбов, Арзамас. И вот однажды на исходе летнего дня впереди открылась широкая лента Волги. За ней в некотором отдалении от реки виднелся силуэт города, стены и башни кремля на холме, купола церквей и минареты мечетей. У спуска к Волге выстроилась в ожидании парома длинная очередь телег, колясок, всадников и пеших.

— А ну, поберегись! По указу государыни... — зычно кричал конвойный унтер-офицер, расталкивая очередь и устремляясь к берегу.

Определили Беньовского на постой к богатому купцу Степану Силычу Вислогузову, владевшему в городе двухэтажным каменным домом с флигелями. В нижнем этаже помещалась лавка, в верхнем жил сам купец с семьёй. Во флигелях обитали квартиранты, в основном мелкая чиновная братия. Винблада поселили на другом конце города у отставного чиновника

епархиальной консистории Греховодова. Можно было бы пленным поселиться и вместе — у Вислогузова пустовали комнаты в одном из флигелей. Казна оплачивала хозяевам постой и пропитание ссыльных, так что убытка домовладельцам не было. Но губернатор рассудил так:

— Только порознь! Знаем таких голубчиков.

Встречаться ссыльным, однако, не возбранялось. Раз в неделю их навещал унтер-офицер из местной воинской команды, чтобы удостовериться, не сбежали ли они, да расспросить хозяев о поведении новых постояльцев. Ничего предосудительного хозяева сообщить не могли. А в целом Беньовский и Винблад были предоставлены сами себе. Швед обычно приходил к Морису Августу, и они отправлялись бродить по городу, знакомясь с Казанью.

На высоком холме, господствующем над городом, возвышался кремль, заложенный ещё Иваном Грозным сразу же после покорения Казанского ханства[19]. В кремле каменные громады древних соборов, Спасо-Преображенский монастырь, резиденция губернатора и казармы воинской команды. Кремлёвский холм отделён от города, вытянувшегося вдоль речки Казанки, притока Волги, широким оврагом. В городском центре дома каменные. Лавки купцов, присутственные места, пожарная каланча. А отойдёшь в сторону от центра — и видишь деревянные дома и домишки, среди которых выделяются помещичьи особняки, облепленные со всех сторон верандами и хозяйственными пристройками. Все строения сравнительно новые и поэтому, ещё не успели почернеть. Они воздвигнуты уже после страшного пожара 1748 года, почти начисто уничтожившего деревянную Казань. Старожилы ещё помнят об этом опустошительном бедствии и охотно делятся воспоминаниями. Как во всяком российском городе, в Казани много церквей, самых разнообразных, больших и малых, с луковичными, сферическими и шатровыми куполами. К собственно городу примыкают татарские слободки, ощетинившиеся пиками минаретов. По православным праздникам Казань оглашается разноголосым колокольным звоном, а по мусульманским — надрывными, гортанными призывами муэдзинов.

Первые дни и были посвящены знакомству с городом. Выходили на Волгу. Чтобы достичь её, надо было миновать обширные заливные луга и озера Большой и Малый Кабан. Волга здесь куда шире, чем Дунай у Вены. На пристани шумная, крикливая толчея. Во время весеннего половодья река выходит из берегов и широко разливается, достигая города. Но это время года миновало, и Волга вернулась в своё обычное русло.

Во время первой же прогулки Беньовский твёрдо сказал шведу:

— Надо, Адольф, осваивать русский язык, если мы намерены чего-нибудь достичь в этой стране. Без языка мы беспомощны. Я пытался разговориться с моим хозяином и его приказчиком, и ничего из этого не вышло. Я говорил по-польски в надежде, что родственный славянский язык будет им понятен. И это вызвало только смех.

— О, эти варварские славянские языки мне плохо даются, — сердито буркнул Винблад.

— И всё-таки учите русский язык, майор.

Не в пример шведу Морис Август Беньовский успешно овладел новым для него языком, и за короткое время. Помогли природные способности и настойчивость. Кроме родного венгерского и польского он прилично владел немецким и французским. Зная четыре языка, Морис без большого труда овладел ещё одним. Он не упускал ни одного случая, если представлялась возможность попрактиковаться в разговоре. Пытливо вслушивался в деловые беседы хозяина, Степана Силыча, с приказчиком, крещёным татарином Митькой, проворным и весёлым малым. Нередко купец покрикивал на Митьку:

— Чтоб тебя черти унесли к твоим шайтанам.

За столом в верхней зале с образами в тяжёлых серебряных окладах и кадками с лимонными деревьями Морис обратился к хозяину с вопросом:

— Прошу, пан Стефан... Вы сказали Димитрию: «Чтоб тебя черти унесли к шайтанам». Черти — это я понимаю. А кто такие шайтаны?

За столом поднялся смех. Заливисто смеялась детвора. Гремел хриплым смешком, постукивая костылём по половице, квартирант Сабельников, отставной поручик. Робким хихиканьем отвечал ему семинарист Воскресенский, учитель хозяйских детей.

— Всё бы тебе знать. Любознательность дело хорошее, — откликнулся Вислогузов, поглаживая окладистую бороду. — Да будет тебе известно, что шайтан — это тот же чёрт, только татарской породы. А подробнее про него тебе Митька расскажет.

— А, татарский чёрт... Понятно, пан Стефан.

— Да не обзывай ты меня на твой бусурманский лад. Какой я тебе пан? Зови меня Степаном Силычем или просто Силычем.

— Что значит Силыч? Сын Силы?

— Точно. Сообразительный пан. Батюшку моего Силой Фомичом звали.

Бывало, Морис Август заходил в лавку, где хозяйничал Митька, шустрый и улыбчивый с покупателями. Когда заходили татары, приказчик бойко балагурил с ними на своём родном языке, сыпал прибаутками. Если

же заходил русский, с виду человек солидный и состоятельный, Митька восклицал на всю лавку:

— Лучшие в Казани товары у Вислогузова. Покупайте только у Вислогузова. Есть прекрасный московский атлас... Свежая астраханская икра...

— Мне бы вот это... — неуверенно отвечал покупатель, указывая тростью на полку.

— Как вам угодно, достопочтеннейший.

Митька снимал с полки груду товаров и раскладывал на прилавке, расхваливая на все лады и то и другое. В сторонке выстраивались немой шеренгой младшие приказчики и мальчишки-подростки для услуг. Наконец покупатель, чтобы заставить назойливого Митьку умолкнуть, выбирал какую-то безделицу. Приказчик велеречиво хвалил его тонкий вкус и передавал покупку мальчику.

— Заверни и доставь его милости на дом. И чтоб живо.

Бывало и так, что покупателей не было. Тогда Морис донимал Митьку расспросами — как называется по-русски тот или иной товар. Митька охотно отвечал, открывая в улыбке крепкие белые зубы.

— Ты, значит, крещёный татарин? — с любопытством спрашивал Беньовский.

— Ага, крещёный. У нас говорят «выкрест».

— Так-так, выкрест, говоришь? Этого слова я не знал. Запомню. И свинину кушаешь?

— Всё, что на хозяйский стол подают.

Вместе с хозяйской семьёй столовались и учитель-семинарист, и приказчик — выкрест Митька, и ещё квартирант, отставной поручик Сабельников. Другие квартиранты жили семьями и готовили сами.

Когда семинарист, окончив уроки словесности с хозяйскими детьми, выходил из дома, Морис Август старался поймать его у крыльца и увлекал в сад, засаженный яблоневыми и вишнёвыми деревьями. Как мог, постоялец пространно объяснял Воскресенскому, что самостоятельно изучает русский язык и очень бы хотел потолковать с грамотным человеком. Пусть пан учитель поправляет его речь.

— Отчего же не потолковать? — соглашался семинарист. Занятный поляк — все в доме считали Беньовского поляком — притягивал Воскресенского.

Морис Август просил семинариста рассказать об истории Казани. Воскресенский садился на своего любимого конька и рассказывал о волжских булгарах, разгромленных киевскими князьями, кровавом

нашествии Чингисхана и Батыя, отделении от Золотой Орды Казанского ханства, его последних днях, яростном штурме Казани войсками московского царя Ивана Грозного.

— Прошу не так быстро, пан учитель. Я не всё понимаю.

Семинарист сбавлял темп рассказа и, неоднократно повторяясь, переспрашивал: «Теперь понятно?», словно перед ним был малоспособный ученик-тугодум. Но Морис Август не был таким. Он жадно и настойчиво стремился овладеть русским языком, а заодно и постичь эту огромную страну, в которую забросила его судьба, начиная с истории и нравов её разноязычных обитателей.

— А теперь прошу внимания, пан учитель... Я расскажу вам о своих, как это сказать... Как я вижу ваш город.

— Вы хотите сказать о своих казанских впечатлениях?

— Да-да. Поправляйте меня.

— Я вас слушаю, господин Морис.

Беньовский заговорил о своих впечатлениях. Казань такой большой город, но почему деревянный? Говорят, он однажды выгорел, как это сказать... Совсем, совсем выгорел.

— Можно сказать, выгорел дотла, — поправил его семинарист. — А вы неплохо схватываете русскую речь.

— И ещё... Я обратил внимание на большой замок. Нет, лучше сказать, башню царицы... Позабыл её татарское имя.

— Вы имеете в виду башню Сююмбеки? О, с этой башней и с этой царицей связана интереснейшая история. Но об этом расскажу в другой раз. Спешу на урок. Уж увольте, пожалуйста.

С Сабельниковым Беньовский познакомился поближе, когда уже прилично овладел русским языком. От Степана Силыча он узнал, что отставной поручик был из вольных крестьян из-под города Хлынова, ещё не переименованного в ту пору в Вятку. Фортуна улыбнулась сержанту гвардии после того, как Преображенский полк оказался среди тех, кто возвёл на престол захудалую немецкую принцессу из Ангальт-Цербста на российский престол.

Морис Август сам однажды навестил Сабельникова в его скромном жилище. Старый служака усердно прочищал курительную трубку, когда к нему вошёл Беньовский. В клетке на окне задиристо чирикали желтобрюхие чижи — постоялец был любителем певчих птиц.

— Решил навестить вас, поручик, — сказал Беньовский. — Живём два боевых офицера, можно сказать, под одной крышей, встречаемся за одним столом, а по-настоящему не познакомились.

— Рад вас видеть в моей келье. Как прикажете величать?

— Зовите просто — полковник.

— Присаживайтесь на табурет. Не обессудьте, больше и посадить гостя некуда.

— Ничего. В походах ко всему привыкаешь, так что я человек неприхотливый. Вы были ранены?

— Это вы насчёт костылика? Нет, ранен не был. Зато отшагал на парадах да отстоял в караулах добрую половину жизни своей. Теперь на старости лет хворь разыгралась, в ноги ударила. Доктор говорит — ревматизма. Рекомендовал гусиным жиром натираться и Пантелеймону-целителю молиться.

— О вашей жизни наслышан от Степана Силыча.

— Силыч добрый человек. Приютил одинокого бобыля. Я за то детишек его арифметике учу. Я ведь на службе и грамотёшку постиг.

— Расскажите про вашу службу, поручик.

— Что рассказывать? Тянул нелёгкую лямку. Попал я в государево войско по жеребьёвке. Нас пятеро деревенских парней-одногодков тянули жребий. Выпал мне. Снарядили всей деревней в дорогу, в Санкт-Петербург. Там определили меня за мой отменный рост в гвардию, в Преображенский полк. Прослужил в гвардии всё царствование матушки Елизаветы Петровны. Не раз лицезрел её во дворце, у гроба государыни стоять довелось.

Сабельников умолк, вслушиваясь в чириканье чижей.

— Ишь, голосистые птахи! Так о чём я... Развод караулов любил принимать самолично граф Алексей Григорьевич Разумовский[20], из хохлов. Подойдёт к солдату, сам под хмельком — любил это самое дело по части выпивки, — и ошарашит служивого несуразным вопросом. Спросит, например: «Что должен сделать солдат, если к нему на штык сядет воробей?» Солдат должен ответить, не моргнув глазом: «Проснуться должен, ваше сиятельство». Если сообразит солдат, как надо отвечать, граф доволен, похлопает солдата по плечу и даст ему целковый. «На, выпей за моё здоровье, служивый». А замнётся солдат — не знаю, мол, — граф рассердится, обложит его матерно. «Дерьмо ты, а не гвардеец». И ещё в зубы норовит дать...

— Правда, что граф Разумовский был тайно обвенчан с императрицей?

— Все говорили об этом. А достоверно не ведаю. При матушке Елизавете Петровне до унтер-офицерского чина дослужился. А при ейном племяннике Петре Фёдоровиче совсем тягостной служба стала. Парады,

муштра на прусский манер. Генеральские чины государь своей немецкой родне щедро раздавал. Кругом одни спесивые голштинцы. Сам вечно пьяненький, дурит, как дитя малое. То в оловянные солдатики играет, то за фрейлинами бегает. С женой плохо жили по несходству характеров. Матушка Екатерина Алексеевна нашла опору в гвардии. О том, как она нелюбимого мужа устранила и сама трон заняла, знаете, конечно...

— Наслышан. Вся Европа об этом говорит.

— Сподвижников императрица наградила щедро. Самые главные из них получили княжеские и графские титулы, высокие военные чины, имения с крепостными душами. Особенно в гору пошли братья Орловы и Григорий Потёмкин[21]. Не обошла матушка вниманием и нас, рядовых участников событий. Крестьянский сын Авдюшка Блинов, сержант Преображенского полка, получил звание подпоручика и дворянское достоинство, правда без крепостных душ. Императрица, однако, знакомясь с проектом указа о наградах, обратила внимание на мою фамилию — не понравилась. Такая фамилия, говорит, мужицкой избой пахнет. И повелела Екатерина Алексеевна, чтобы оный Авдюшка Блинов писался отныне Авдеем Сабельниковым. А через два года, уже поручиком, уволился я на пенсию по выслуге лет и по хворям своим.

— А как вы в Казани оказались, поручик?

— До родной Вятчины не доехал, поразмыслив — стоит ли? Родные все вымерли или позабыли меня. Я давно отрезанный ломоть для них. А Казань понравилась. Вот и осел в доме сердобольного Степана Силыча. Стал как бы членом его семьи.

— Скажите мне, Авдей...

— Галактионыч по батюшке меня кличут.

— Скажите, Авдей Галактионыч, возможно ли в России такое, как в Польше? — выговорил Беньовский, медленно подбирая слова. — Чтоб дворянство поднялось против императрицы. Ведь поднялись же против её несчастного мужа.

— Так то Пётр Фёдорович, восстановивший против себя гвардию, дворянство. Случайный иноземец на русском троне.

— Разве Екатерина Алексеевна не случайная для России иноземка?

— Иноземка-то иноземка. И говорить по-русски чисто, без акцента не научилась. Что из того? Уразумела матушка, что править ей суждено не где-нибудь, а в России. Очень хорошо уразумела. По духу своему это мудрая русская баба. Гвардия её боготворит.

— Ещё бы не боготворить. Такие щедрые подачки...

— И дворянство довольно императрицей, кого ни спроси. Помещики

вправе творить суд и расправу над мужиками, приращивать свои владения. Матушка на страже интересов барина.

— Значит, исключаете дворянский бунт против императрицы?

— Да невозможно такое, голубчик, у нас. Дворянство встревожено другим. Голодный, замордованный мужик бежит на юг к казакам, на Дон, на Яик. Неспокойно на уральских заводах, где трудятся те же мужики, в башкирских степях. Кто защитит помещика? Матушка-императрица и её воинство. На них надежда.

Долгая беседа порядком утомила Авдея Галактионыча. Он вытянул больные ноги, потом с усилием встал, взявшись за костыль.

— Пойду на солнышко, прогрею старые косточки. А вы, пан полковник, приходите в другой раз.

Беньовский заходил к Сабельникову ещё и ещё. Иногда они присаживались на скамейку под яблонями. Отставной поручик закуривал трубочку и пускался в свои воспоминания, сумбурные, клочковатые. Вдруг в его памяти всплывали какие-то случайные, малоинтересные для Мориса детали.

— А ведь матушка Екатерина Алексеевна совсем небольшого росточка, не то что покойная Елизавета Петровна. Та была высокая, статная, в родителя. Говорят, нынешняя императрица носит туфельки на высокой подошве, чтобы прибавить себе роста.

— Да Бог с ними, туфельками, — перебивал его Беньовский. — Объясните мне, поручик, как Екатерина смогла увлечь гвардию и совершить переворот?

— Я же говорил вам... Гвардия не любила Петра Фёдоровича за его пристрастие к прусской муштре, засилье голштинцев при дворе, а Екатерина Алексеевна смогла найти ключик к сердцу каждого гвардейца, нашла общий язык с вельможами.

Познакомился Беньовский и с соседом-помещиком Алябьевым. Его особняк с колоннадой и мансардой стоял на той же улице, наискось от купеческого дома. Знакомство состоялось у Степана Силыча, к которому Алябьев приходил по своим делам — просить денег взаймы, как потом узнал Морис. Вислогузов хотел представить квартиранта соседу. Беньовский опередил купца и представился сам:

— Барон Беньовский, полковник армии польских конфедератов.

— О, барон... Весьма польщён. Заходите, в картишки перекинемся.

— Спасибо. Картёжной игрой не увлекаюсь, ибо сижу на мели, а зайду непременно.

И зашёл, мотивируя свой визит следующим образом:

— Истосковался по общению с благородными людьми. Степан Силыч хороший человек, но не моего сословия. Единственная отрада — поручик Сабельников, да и тот малокультурный мужик. Как у вас говорят, из грязи, да в князи. Впрочем, мне он нравится. Видать, был неплохим служакой.

— Мой сын тоже служит в гвардии. Отличился в событиях шестьдесят второго года, за что получил майорский чин. Это, конечно, ко многому обязывает. Широкий круг знакомств, дружеские пирушки, платье от дорогого портного... Для отца тяжкое бремя... Именье разорено долгами... Ну, это всё пустое. Мы возвели на российский трон достойную женщину. Не угодно ли водки на мяте?

— Нет, увольте. В моём положении, господин Алябьев, пить не пристало. От стакана домашнего кваса не откажусь.

— Палашка, квасу гостю! — крикнул Алябьев горничной. — И яблок.

— Всё ли дворянство на стороне императрицы, позвольте спросить вас? Каков бы ни был свергнутый Пётр, были же у него сторонники?

— Были, наверное. Но сейчас они убеждены, что не тому кумиру молились. Нас, дворян, беспокоит другое. Возможная стихия крестьянского и казачьего бунта под главенством какого-нибудь нового Стеньки Разина или Кондрашки Булавина[22]. В казачьих землях брожение. Многие холопы бегут к казакам. Только из моего заволжского имения бежали трое. Мы, дворянство, должны быть... во!

Для пущей убедительности Алябьев вытянул руку с растопыренными пальцами и сжал их в ядрёный кулак.

— Единой силой! И стоять горой за нашу матушку-императрицу, которая и нас в случае чего в беде не оставит.

Знакомился Беньовский через Алябьева и с другими казанскими дворянами и слышал от них примерно то же самое. Нетрудно было убедиться, что подавляющее большинство дворян, удовлетворённое политикой Екатерины, выступало как сплочённая сила перед угрозой народного бунта. Так что все надежды Беньовского на возникновение какой-то оппозиционной дворянской конфедерации по польскому образцу оказывались несостоятельными и несбыточными, как несостоятельны и несбыточны становились его мечты стать неким мессией, вожаком в подобном движении.

Впоследствии Морис Август Беньовский напишет непомерно хвастливые двухтомные мемуары с множеством выдуманных эпизодов из своей сильно приукрашенной биографии. Сошлёмся на русского

исследователя В. И. Штейна, опубликовавшего в «Историческом вестнике» № 7 за 1908 год интереснейшую и объективную статью о нашем герое под заголовком «Самозваный император Мадагаскарский (М. А. Беньовский)», и предоставим ему слово.

«Желая придать себе важности, Беньовский рассказывает, будто в Казани вступил в тесную связь с местным дворянством и вскоре посвящён был в тайны заговора, который будто бы затевал. Заговор этот был составлен дворянствами Казанской, Воронежской, Белгородской, Киевской и Московской губерний, недовольными деспотическою властью императрицы. Дворянство будто бы стремилось сбросить с себя иго рабства и добиться свободы по примеру просвещённых народов. Беньовский уверяет, что заговор этот вёлся весьма деятельно и имел надежду на успех, так как русские войска были заняты на западной границе, а духовенство было так же враждебно настроено против правительства, как и дворянство.

Заговорщики в довершение ко всему рассчитывали на поддержку казанских татар и политических ссыльных. Окружив себя конспиративным ореолом, Беньовский уверяет, что раскрытие заговора в ноябре 1769 г. побудило его вместе с майором Винбладом к побегу из Казани».

Все эти утверждения Беньовского, пересказанные Штейном в «Историческом вестнике», лживы от начала до конца. Никакого дворянского антиправительственного заговора в Казанской и соседних с ней губерниях не существовало. Сей заговор — суть плод необузданной фантазии Мориса Августа. Бегство из Казани, о котором Беньовский упоминает в своём мемуарном труде, действительно имело место, но совсем по другой причине. Он убедился в лояльных настроениях казанского дворянства. И здравый смысл подсказал ему, что здесь нет желанного поля деятельности для честолюбивого авантюриста. Все надежды на то, чтобы, затеяв заговор, стать одной из главных его фигур, лопнули как мыльный пузырь. Из Польши доходили запоздалые, отрывочные вести, что борьба конфедератов, теснимых русскими войсками, продолжает носить оборонительный характер. Особенно чувствительные удары конфедератским отрядам наносит бригадир Суворов. «Этот далеко пойдёт», — пророчат ему военные. Итак, оставался один исход — бегство в Европу.

Своим намерением Беньовский поделился с Винбладом.

— Я с вами, барон. Другого выхода для себя не вижу, — сказал швед. — Но я думаю, это будет трудно. У нас нет денег и нет документов.

— Деньги добудем. При мне сохранились кое-какие фамильные драгоценности: золотая табакерка с бриллиантами, перстень с камнем. Их

можно продать. Это поможет нам оплатить лошадей, дорожные пошлины.

— А документы?

— Я подумал об этом. Мой хозяин и его приказчик часто выезжают по торговым делам в другие города. Я выведал у них, какой в России порядок. Всякий отъезжающий куда-либо выправляет себе так называемую подорожную грамоту. Её придётся предъявлять на каждой почтовой станции, чтобы получить казённых лошадей. Могут её потребовать у городской заставы, чтобы проверить личность.

— Где же её взять, эту грамоту?

— Выкрасть у Вислогузова или Митьки. С такой грамотой я купец или на плохой конец его приказчик по торговым делам.

— А я?

— Вы мой слуга. Что поделаешь, друг мой? Вас, благородного дворянина, это шокирует? Но придётся сыграть такую роль, если хотите свободы. Ведь мне, родовитому барону, моя роль тоже не слишком по душе.

— Хорош слуга, который почти не говорит по-русски.

— И не надо. Вы будете глухонемым слугой.

— Да, но... Получится ли из вас правдоподобный купец с вашим иностранным акцентом?

— Я думал об этом. Хорошо бы раздобыть документы на имя не самого Вислогузова, а его приказчика. Вы понимаете, к чему я клоню? Митька — татарин, который не совсем чисто говорит по-русски, делает ошибки в русской речи.

— Разве вы похожи на татарина?

— Чернявый венгр чем не татарин? Однажды в Трансильвании меня приняли за цыгана.

— У вас гениальный ум, барон.

— А вы думали... Митька, это я знаю с его слов, собирается в Нижний Новгород. Какие-то там дела, связанные с астраханской икрой. До сих пор он никуда далее Симбирска и Царёво-Кокшайска не ездил. Стало быть, на всех станциях нашего пути через Нижний и Москву никто никогда Митьку в глаза не видел. Логично?

— Я говорю, у вас гениальный ум, барон.

— Оставим комплименты. Это ещё не всё. Надо отвлечь внимание наших надзирателей. Пусть они обнаружат наше исчезновение не сразу, а этак дня через три-четыре.

— Как это сделать?

— И это я продумал. В последние дни я делаю вид, что увлекаюсь рыбной ловлей. Хотя, откровенно говоря, не дворянское это занятие, не

благородное. То ли дело охота. Да и разве теперь время для рыболовства? Холод осенний, слякоть, изморозь. Облюбовал себе одно местечко на берегу Волги пониже устья Казанки. Там, кстати, лесные склады и изба сторожа.

— При чём тут рыбная ловля? При чём какая-то изба сторожа?

— А вот при чём. Я дважды ночевал на сеновале у этого старика, а хозяев предупреждал, что ухожу на Волгу, возможно, с ночёвкой. Ведь лучший клёв на рассвете. Понимаете, к чему я клоню?

— Кажется, начинаю понимать.

— Мы приучим наших хозяев к нашим длительным отлучкам. В день нашего бегства мы вооружимся удочками и скажем, что уходим порыбачить дня на три. Надо же бедному ссыльному чем-то убить время. А сами не задержимся в городе ни на одну минуту. Когда нас хватятся, мы будем уже далеко.

— Неплохо придумано. Совсем неплохо. Но как вы раздобудете нужный документ?

— Это моя забота.

Вислогузов был человеком начитанным и даже обладал неплохой по тем временам библиотекой. В ней были и календари, и религиозные книги для душеспасительного чтения — Четьи-Минеи[23], например, в толстенном переплёте с медными застёжками, но были и современные светские писатели: поэт-сатирик Антиох Кантемир, автор стихов и трагедий Сумароков, баснописец Хемницер. Книги купец регулярно выписывал из Москвы от известного книготорговца. После приятного послеобеденного отдыха спускался Степан Силыч, если не было других дел, в свой небольшой рабочий кабинет позади лавки, доставал с полки книжку, любовно разглядывал её со всех сторон и углублялся в чтение. А бывало, приносил книжку наверх, собирал в зале всё своё семейство и читал вслух понравившиеся ему басни или стихи. Читал не спеша, торжественно, немножко нараспев, как произносил молитвы перед едой.

Морис Август заинтересовался хозяйской библиотекой и получил любезное дозволение хозяина пользоваться ею в любое время. Так Беньовский стал вхож в кабинет Вислогузова и в его отсутствие. По правде говоря, и книги на непонятном ему церковнославянском языке, да и современные русские повести и трагедии, написанные тяжеловесно и вычурно, мало интересовали его. Интересовало совсем другое. Беньовский садился за письменный стол и машинально листал страницы книги в кожаном переплёте, оглядывая пристально обстановку кабинета. Особенно его внимание привлекал стоявший в простенке между окнами столик-бюро

со множеством ящиков, в которых, как можно было догадаться, хранились всякие нужные бумаги.

Степан Силыч уехал по торговым делам в Симбирск. Митька готовился после его приезда отправиться в Нижний Новгород. Беньовский узнал об этом от него самого. Приказчик был словоохотлив.

— Как приедет хозяин, сразу же и поеду в Нижний, — с гордостью сообщил Митька. — Говорят, большой город, больше, чем наша Казань.

Он знал, что хозяин-купец дорожит им как честным и расторопным помощником и готов послать с самостоятельным поручением.

— Сразу не сумеешь уехать.

— Это почему же?

— А документ выправить... Говорят, ваши чиновники ничего быстро не делают.

— Есть он уже, документ. Степан Силыч заранее позаботился.

— Есть, говоришь? Это хорошо.

Когда Митька занимался с покупателями, Морис вошёл в хозяйский кабинет, снял с полки первую попавшуюся книгу, раскрыл её наугад и положил на стол. Потом прислушался, не раздаются ли чьи-нибудь шаги, и поспешно подошёл к столику-бюро в простенке. Попробовал, открываются ли ящики. Некоторые были на запоре, другие открывались.

Вдруг Беньовскому показалось, что кто-то идёт. Нет, это шмыгнул хозяйский кот. Морис Август приоткрыл самый большой из ящиков, плотно набитый счетами, какими-то записками, выдранными из конторских книг листами. Под ними лежала вытертая сафьяновая папка. Беньовский осторожно извлёк её и нетерпеливо раскрыл. Вот то, что он искал! Какая удача! В папке как раз и лежала нужная ему бумага, удостоверяющая личность и дающая право на проезд казённым транспортом. На листе плотной шершавой бумаги было выведено чётким секретарским почерком следующее:

«Подорожная грамота

Предъявитель сего казанский мещанин Димитрий Закиров 28 лет от роду, доверенный человек казанского же купца Степана Вислогузова, следует по торговым делам в Нижний Новгород и в другие города, визиты в кои могут быть потребны в интересах торгового дома Вислогузовых. И с ним следует данный ему в помощь человек».

Под этим текстом стояла витиеватая подпись чиновника губернской канцелярии и была прилеплена сургучная гербовая печать.

Беньовский сложил документ вчетверо и сунул в карман камзола. Военный мундир, подобающий офицеру конфедерации, он так и не успел в своё время справить. Потом он осторожно положил сафьяновую папку на дно ящика, под ворох бумаг, и, задвинув его, вышел из кабинета.

«Ай да Морис Август... Каков!» — самоуверенно подумал он, насвистывая весёлый венский мотив. У себя в комнате Беньовский ещё и ещё раз перечитал документ, «...и в другие города, визиты в кои могут быть потребны...» Это же превосходно! Значит, и в Москву, и в Санкт-Петербург дорога ему открыта. «И с ним следует данный ему в помощь человек». Тоже превосходно. А теперь надо действовать. Вислогузов вернётся не раньше чем через неделю.

Первым делом Беньовский отправился добывать деньги к ювелиру-татарину и предложил золотую табакерку с бриллиантами.

— О, такой богатый вещь! У бедного Сулеймана нет столько денег, чтобы купить такой богатый вещь, — запричитал ювелир. — Моя может дать господину...

Сулейман назвал смехотворно низкую цену.

— Нет, так дело не пойдёт, — решительно сказал Беньовский и направился к выходу. — Найдём другого покупателя.

Ювелир догнал его уже на улице и, схватив за рукав, потащил силком обратно в свою лавку.

— Зачем так сказал нехорошо. Торговаться будем. Твоя цена называй, моя цена называй...

И торговались. До умопомрачения торговались. Сулейман всё-таки утроил первоначально названную цену. И Беньовский уступил, хотя знал, что продешевил. Что делать? Деньги были срочно нужны. Ювелир отсчитал всю сумму старинными золотыми монетами с портретами покойных императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны и жадно схватил табакерку. Беньовский вышел из лавки, проклиная Сулеймана и ощущая на груди позвякивающие монеты.

Он зашёл к товарищу по ссылке радостный, уверенный в себе.

— Дружище Адольф, поздравьте меня. Документ и деньги у меня в кармане. Идёмте скорее.

— Куда?

— Экипироваться. Мой поношенный камзол и ваш мундир шведского офицера явно не подходят для путешествия инкогнито. Обзаведёмся мещанскими поддёвками и русскими сапогами. Хорошо бы купить и полушубки. Время-то наступает зимнее, морозы, как говорят русские, на носу.

Вечером того же дня, одетые как простые мещане, Беньовский и Винблад с небольшими узелками и удочками направились к Волге, ещё пока не замерзшей. Хозяев своих предупредили, чтобы не ждали к ужину. Уходят они рыбачить дня на два, на три. Заночуют у сторожа лесного склада. У него есть и ведёрко, чтобы уху сварить. Хозяева не узрели в таком предупреждении ничего подозрительного.

У лесного склада беглецы задерживаться не стали. Упросили лодочника перевезти их на правый берег Волги. Там, забросив удочки в овраг, наняли крестьянскую подводу у оброчного мужика, промышлявшего извозом, и доехали до первой почтовой станции.

Глава пятая

Мелькали длинной вереницей почтовые станции с кипящими самоварами, поджидавшими путников, с вечной сутолокой и перебранкой между нетерпеливыми господами и станционными смотрителями. Забитые, затюканные важными персонами, превосходительствами и высокопревосходительствами, станционные смотрители, стоявшие на низшей ступени российской чиновной иерархии, отводили душу на кучерах и всякой мелкоте, коей тоже приходилось пользоваться почтовыми услугами.

В Нижнем Новгороде Беньовский, принявший теперь имя Димитрия Закирова, приобрёл в Гостином дворе добротный кожаный саквояж — не с нищенской же котомкой являться в столицу. Купил и ещё кое-что из необходимых вещей для себя и для своего спутника.

И всё же смотрители относили казанского мещанина, следовавшего с бессловесным слугой, к мелкоте и не спешили давать лошадей раньше, чем их получит богатый помещик, офицер в высоком чине и уж тем более фельдъегерь. Беньовский умело играл свою роль и не лез на рожон, останавливаясь на отдых в людской избе, а не в чистой половине, предназначенной для благородных. Если уж станционный смотритель преднамеренно куражился, срывая на молодом мещанине все накопившиеся обиды, и твердил своё, что лошадей, мол, нет, Морис Август раскрывал свой кошелёк, готовый щедро заплатить за услуги. И лошади появлялись.

Подорожная грамота, выписанная на имя Димитрия Закирова, не привлекала особого внимания смотрителей. Мало ли всякого люда проезжает? Лишь однажды, когда уже миновали Москву, Беньовский испытал неприятное волнение. Это произошло на станции Клин. Тамошний смотритель, желчный и въедливый старик, долго изучал бумагу Беньовского, вооружившись большими круглыми очками в металлической оправе.

— В Санкт-Петербург следуете, любезнейший?

— Так точно, в Санкт-Петербург.

— А откуда сие зримо?

— Из бумаги. Читайте, ваше благородие... «Следует по торговым делам в Нижний Новгород и другие города...»

— А почему не написано: «В Нижний Новгород и Санкт-Петербург»?

— Не могу знать. Не я составлял сие.

— Как-то неуважительно про столицу. Это что же получается? Славная столица российская и какой-нибудь Торжок на одну доску поставлены? Ишь ты, другие города...

Старик возмущённо крякнул, отчего очки подпрыгнули на его мясистом крупном носу.

— А почему говор у тебя какой-то нерусский? И фамилия...

— Закиров моя фамилия. Самая что ни на есть татарская.

— Ты бусурманин?

— Никак нет. Крещёный я. В церковь православную хожу.

Беньовский перекрестился на образа, вспоминая, что москали-схизматы крестятся тремя перстами, а не всей ладонью, как правоверные католики.

— Не похож ты на татарина, и по выговору, и ликом своим, — не унимался старый смотритель. — Служил я в молодости под Казанью, с татарами не один пуд соли съел, по-татарски мало-мало балакать научился.

— Точно заметили, ваше благородие. Татарин я, да только не из казанских татар. Родители мои с Кавказа. У тамошних татар свой язык. Скажу вам что-нибудь по-нашему, и не поймёте.

Беньовский решил идти напролом и заговорил по-венгерски. Только бы не показать своё замешательство.

— Хватит, хватит, — остановил его смотритель. — Тьфу ты, господи. И кого только не носит нелёгкая по российским дорогам.

Он ещё хотел что-то сказать, но тут, к счастью для Мориса, в дом ввалились два воинственно настроенных офицера-драгуна.

— Где лошадь, хозяин? Едем по указу государыни... — резко произнёс один из них, тот, что постарше.

— В расходе все лошади, — невозмутимо ответил старик, разглядев невысокие ранги офицеров. — Отдыхайте, пейте чаек. При первой возможности вас отправлю.

— Сию минуту чтоб были лошади, старик! Или пеняй на себя, — воскликнул другой офицер, что помоложе.

— Быть может, господин корнет научит меня, старого, как стать волшебником? Чтоб произнёс волшебное слово, и появились мигом лошади... А пугать меня не пристало. Я тоже служу на своём месте государыне.

Перебранка с офицерами отвлекла станционного смотрителя от

Беньовского. Однако старик не забыл про мещанина-татарина и сказал ему:

— А ты иди в людскую. Там тебя и твоего человека накормят. А будут лошади, уедешь.

— Премного благодарен, ваше благородие, — ответил Морис с поклоном.

Далее до самого Санкт-Петербурга добирались без особых приключений, если не считать того, что под Новгородом опрокинулся на повороте экипаж — был ноябрьский гололёд. Винблад основательно расшибся и, позабыв свою роль глухонемого, стал охать и ругаться по-шведски и по-немецки. К счастью, кучер и ехавший с ними ещё один пассажир, какой-то мелкий акцизный чиновник, почёсывая побитые бока, не обратили внимания на шведа.

Вот и столица. Остановились на Садовой улице, выбрав нечто среднее между постоялым двором и гостиницей, сообразно мещанскому званию Димитрия Закирова. Выпили чая с калачом и медовым вареньем. И Беньовский отправился в город, оставив Винблада отлёживаться в постели — новгородские ушибы всё ещё давали о себе знать.

Город показался Беньовскому огромным и красивым. Его прорезало множество рек и каналов с перекинутыми через них горбатыми мостами. На углу Садовой и широкой Невской першпективы, главной улицы города, находилась громада Гостиного двора с открытыми галереями. Здесь в лавках купцы-гостинодворцы торговали всякой всячиной. Мальчишки-зазывалы старались завлечь прохожих, расхваливая на все лады товары, а иногда и хватая за рукав того, кто останавливался в нерешительном раздумье. Мимо проносились богатые экипажи и кареты. Шагала под барабанную дробь рота гвардейцев. На Невском и соседних улицах было много красивых дворцов вельмож, возвышались величественные храмы, чернели оголённые деревья садов и парков за чугунными оградами. На Невском же строилось какое-то огромное здание, похожее на храм. От строительных рабочих Беньовский узнал, что это возводится костёл Святой Екатерины, который будет главным католическим храмом города.

Морис подумал, что хорошо бы отыскать ксёндза для причастия и исповеди. Он далеко не был фанатиком и к религии относился, как все люди авантюристического склада характера и циничного склада ума, довольно равнодушно. И причастие, и исповедь были для него скорее предлогом для того, чтобы встретиться с католическим священнослужителем. Неужели святой отец не поможет попавшему в беду единоверцу? А вдруг это окажется соплеменник, венгр или поляк?

Беньовский с видом любопытного зеваки бродил вокруг строящегося,

заключённого в леса храма, пока не привлёк внимания десятника-немца.

— Что вам угодно? — спросил он.

— Судя по акценту, вы немец, — обрадованно сказал Морис. — Католик, конечно?

— Баварский католик.

— Надеюсь, вы поможете брату по вере. Я приезжий. Так сложились обстоятельства, что я давно уже не вступал под сень храма Божьего. Хотел бы причаститься и исповедаться. Есть ли в Петербурге действующий костёл?

— Есть, и не один. Рекомендую вам костёл Святого Станислава. Это не близко отсюда. Деканом там отец Бенедикт, человек преклонного возраста, итальянец. Он тяжело болен. Служит и совершает требы обычно младший священник, отец Максимилиан, мой земляк-баварец. Очень приятный молодой человек. Кстати, передайте ему привет от Франца Шнабеля, то есть от меня.

Десятник растолковал Беньовскому, как добраться до костёла Святого Станислава. Лучше всего на извозчике и не платить за проезд больше гривенника.

Службы в костёле не было, и храм был закрыт. В боковой пристройке отыскался служка, который показал ему жильё отца Максимилиана.

Беньовский решил быть перед ксёндзом откровенным, надеясь на тайну исповеди и сочувствие к единоверцу. Он рассказал священнику о всех своих злоключениях, вплоть до бегства из Казани.

— Вы правильно сделали, сын мой, что пришли к служителю Божию облегчить душу святой исповедью, — сказал ксёндз, сдержанный, чопорный.

— Мне нужна ваша помощь, святой отец.

— Понимаю. Вы хотели бы тайно покинуть Россию.

— Вместе с моим товарищем по несчастью. Он швед, лютеранин.

— Оставим ваши политические убеждения и поступки, продиктованные политикой. Наша церковь не намерена ссориться с правительством Екатерины, оказывающей нам гостеприимство. Но мой долг служителя Божия помочь страждущему брату во Христе.

— Помогите, святой отец.

— Порекомендую вам нашего прихожанина Иоганна Вебера, владельца аптеки. Он связан с одним иностранным шкипером, кажется голландцем. У них какие-то общие торговые дела. Поговорите с Иоганном.

Когда Беньовский выходил от ксёндза, над городом нависли холодные сырые сумерки. Дворники зажигали керосиновые фонари.

Морис Август решил не откладывать до утра визит к аптекарю и отправился на его поиски. Аптека Иоганна Вебера находилась на Садовой улице, невдалеке от Гостиного двора, и найти её не составляло большого труда.

Вебер, изысканно одетый, в очках с золотой оправой, напоминал скорее профессора, чем аптекаря. Встретил он Беньовского с обворожительной улыбкой.

— Что вам угодно?

— Мне угодно иметь с вами, герр Вебер, небольшой конфиденц, — сказал Беньовский по-немецки. В аптеке ещё находились два провизора. Они расставляли по полкам банки с аптекарскими снадобьями.

— Прошу, — сказал Вебер, открывая дверь во внутреннее помещение и пропуская гостя вперёд. — Вам, очевидно, нужно лекарство против дурной болезни? Есть ртутные притирания французского производства. Эффективное средство. Знатные вельможи пользуются, — щебетал аптекарь.

— В этом не нуждаюсь.

— Тогда не угодно ли снадобье от мужской немощи? Тоже пользуется успехом.

— И в этом не нуждаюсь. Я к вам по рекомендации отца Максимилиана.

— О, отец Максимилиан... Мой земляк и большой друг. Ради него готов всё сделать.

— Прошу вас помочь мне ради вашего земляка и друга. Вам известен некий голландский шкипер?

— Ах, вот вы о чём? Шхуна ван ден Боша ещё стоит на Неве. Но в скором времени покидает Петербург.

— Когда именно?

— Полагаю, дня через два. Отчаянная голова этот Бош.

— Отчаянная? Это хорошо.

— Привозит мне кое-какую мелочишку. Французские духи, женскую помаду, ценные лекарства. Я постоянный его покупатель. На этой почве у нас со шкипером старая дружба. Он нужен вам по этой части?

— Совсем не по этой. Я не собираюсь заказывать ему женскую помаду и ртутные притирки от дурной болезни. Я бы хотел с помощью этого шкипера...

Беньовский не договорил, а сделал красноречивый жест. Вебер догадался, что хотел этим сказать посетитель, и произнёс шёпотом:

— Вы хотите покинуть Россию тайно?

— Вот именно. Я не в ладах с законом.

— По какой статье, позвольте полюбопытствовать?

— Я сторонник свергнутого и убиенного императора Петра, — соврал Беньовский.

— О, бедный, бедный Петер... Я вас понимаю. Бош может вам помочь. Но предупреждаю, этот малый прижимистый и любит деньгу. Он запросит с вас немалый куш. Вы богаты?

— Некоторой суммой располагаю. И ещё продам ювелиру вот этот перстень.

— А зачем ювелиру? Продайте мне. Покажите-ка...

Аптекарь пристально разглядывал перстень с крупным изумрудом, потом достал из ящика стола увеличительное стекло и снова стал разглядывать.

— О, это отличный перстень. Я дам вам хорошую цену.

Иоганн Вебер действительно дал Беньовскому за его семейную драгоценность хорошую цену.

— Надеюсь, этих денег мне хватит, чтобы ублажить вашего шкипера. Где я его найду? — спросил Морис.

— Шхуна «Орания» стоит на якоре на Неве у впадения Мойки.

— Могу я сослаться на вашу рекомендацию?

— Ради Бога.

Ранним утром Беньовский отправился отыскивать голландского шкипера. Винблад хотел было сопровождать Мориса, но тот остановил его:

— Оставайтесь дома, дорогой Адольф, и залечивайте свои ушибы. Я возьму на себя миссию переговоров.

Беньовский свернул с Садовой на Вознесенский проспект, миновал мост через Екатерининский канал, Вознесенскую церковь, Мойку и вышел на набережную Невы. Река была величественна, широка и могуча. Над ней высился, отражаясь в воде, золотистый шпиль Петропавловской крепости. Вдоль набережных тянулись фасады роскошных особняков сановной знати. Но всех затмевал Зимний дворец, царская резиденция, возведённая ещё при императрице Елизавете знаменитым зодчим Растрелли[24]. На другой берег реки был перекинут наплавной мост на баржах. Постоянного моста через Неву в ту пору ещё не было. На берегу шли строительные работы, громоздились груды камня. Нева одевалась в гранит.

Морис Август остановился у Невы, вглядываясь в панораму Петропавловской крепости, окаймлённой мрачными гранитными стенами-казематами.

«Говорят, крепость служит теперь тюрьмой для опасных политических

преступников», — подумал Беньовский и поёжился, ощущая неприятный холодок в спине.

Шхуну «Орания» он отыскал в конце Английской набережной. Шла погрузка. Трюмы шхуны загружались тяжёлыми тюками с русским льном. По палубе расхаживал и покрикивал на грузчиков рослый бородатый человек в кожаной куртке и вязаном колпаке. Беньовский сперва решил, что это и есть ван ден Бош. Но это оказался лишь боцман. Он выслушал Беньовского и провёл его в каюту-салон, где шкипер угощал голландским джином двух русских купцов, поставщиков льна. Шла застольная деловая беседа.

— Какой-то человек спрашивает вас, господин шкипер. Говорит, по делу, — доложил боцман.

— Я бы хотел потом, не буду мешать вам, — отговорился Беньовский, не входя в каюту.

Ждать, пока шкипер освободится и проводит гостей, пришлось долго. Беньовский в ожидании прохаживался по палубе. Мимо него гуськом сновали оборванные грузчики-лапотники, согнувшиеся под тяжестью огромных тюков. Раздавалась хриплая ругань боцмана на какой-то невообразимой смеси всех известных ему европейских языков. Наконец из каюты шкипера вышли нетвёрдой походкой, покачиваясь, купцы. За ними показался и сам ван ден Бош, приглашая Беньовского войти.

Морис вошёл в каюту-салон, не слишком опрятную. На столе ещё сохранились следы попойки, пустые стаканы, посуда с остатками еды. Однако сам шкипер выглядел трезвым, хотя и раскрасневшимся.

— Хотите джина? — предложил он.

— Нет, увольте. Я хотел бы сразу перейти к делу.

— К делу так к делу. Люблю деловых людей. А кто вы, собственно говоря, такой?

Беньовский назвал фамилию казанского приказчика, которая ни о чём, впрочем, не говорила голландцу.

— Я бы хотел, господин Бош, с вашей помощью тайно покинуть эту страну. И не один. Со мной товарищ.

— Гм... — Бош насупился и не сразу ответил. — Кто вас послал ко мне?

— Иоганн Вебер. Он рекомендовал вас как достойного и надёжного человека.

— У Иоганна Вебера нет подлинного размаха коммерсанта. Но коли рекомендовал... Итак, вы хотели бы тайно покинуть Санкт-Петербург на моей шхуне?

— Именно на вашей, голландской. Читал историю Нидерландов, боровшихся против испанской тирании[25]. Поэтому голландцы мне симпатичны.

— Вы протестант?

— Нет, католик. Но какое это имеет значение? Борьба с тиранией велась и ведётся под разными знамёнами.

— Допустим, спрятать вас двоих на моей шхуне я бы смог. Да так упрятать, что никакой таможенный досмотр вас не обнаружил бы. И благополучно высадил бы вас в Штеттине или Бремене. Но вы понимаете, это риск. Большой риск.

— Понимаю.

— Мы заходим в Ревель, где новая таможенная проверка. И снова риск... Риск был бы оправдан... Короче говоря, что я буду иметь, рискуя головой и добрым именем?

Беньовский назвал сумму.

— Это всё, чем я располагаю. Сумма всё же, согласитесь, не малая.

— Не густо, не густо, — недовольно буркнул шкипер и, немного подумав, произнёс: — Поразмышляю до утра. Всё же риск... Ссориться из-за вас с русскими я бы не хотел. У меня с ними добрые деловые отношения. Неплохо кормлюсь на старости лет. Судя по вашему выговору, вы не русский. Да Бог вам судья. Всё же приходите утром с вашим товарищем. Если решусь, то сразу беру вас на борт. И тогда деньги вперёд.

На том и договорились.

Ван ден Бош долго раздумывал. И в итоге размышлений он стал склоняться к тому, что впутываться в рискованную авантюру не стоило бы. И вовсе не потому, что он был человеком трусливым или нерешительным. За свою долгую службу на море голландский шкипер не раз перевозил тайком из одного государства в другое таинственных людей, не спрашивая у них ни имени, ни звания. Лишь бы те щедро платили. Но всему наступает конец. Ван ден Бош уже немолод, обременён большим семейством. Он выкупил шхуну в свою собственность, вложил накопленный капиталец в торговый дом, закупающий русский лён. От добрых отношений с Россией зависит благополучие и торгового дома, и его акционеров. Ронять свою репутацию в глазах России из-за каких-то беглых авантюристов почтенный шкипер никак не хотел.

И ещё одно соображение. Старый шкипер, истовый протестант-кальвинист, терпеть не мог католиков. Он знал, что его предок был гёзом, сражавшимся с испанскими поработителями, был взят в плен в одном из сражений и приговорён инквизиционным судом к сожжению на костре.

Поэтому Морис Август Беньовский, сообщивший ему о своём вероисповедании, сразу же вызвал у ван ден Боша глубокую неприязнь.

Её, эту неприязнь, можно было бы и перебороть, если бы сей католик мог предложить иную, более крупную сумму. Но здесь, как видно, и не очень поживишься.

Все эти соображения и заставили шкипера ван ден Боша отправиться в ближайшую полицейскую часть и рассказать о визите на шхуну подозрительного человека, замышляющего бегство из России.

Пристав выслушал шкипера и поощрительно произнёс:

— Похвально сие усердие ваше. Зело похвально...

— Я поступил так, ваше благородие, как подсказывала мне совесть. Ведь я искренний друг России.

— Похвально.

Частный пристав приказал немедленно заложить пролётку и поспешил к генерал-полицмейстеру города.

Утром следующего дня Беньовский и Винблад со всеми своими нехитрыми пожитками отправились к шхуне. Настроение у обоих было неясное. Ведь шкипер лишь слегка обнадёжил, но определённо ничего не обещал.

— У меня сохранились серебряные наконечники от аксельбантов, — сказал Винблад. — Дадим их в придачу к вашей сумме.

Беньовский ничего не ответил. Чувство тревоги не покидало его.

На шхуне матросы драили палубу, готовясь к отплытию. Погрузка закончилась ещё накануне, к исходу дня. Мориса и Винблада встретил боцман, бросив им неприветливо:

— Идите к шкиперу.

В каюте они услышали грубый оклик:

— Вы оба арестованы!

Перед ними стояли офицер в чине поручика и четверо вооружённых солдат.

— Оружие имеете? — спросил офицер.

— Откуда у нас оружие? — растерянно отвечал Морис. — Мы люди мирные.

Поручик всё же приказал солдатам прощупать всю одежду задержанных и осмотреть их саквояж.

— Выходи, при попытке к бегству стреляем.

Их усадили на телегу, сопровождаемую конвоем. Офицеру подали коня.

— Куда вы везёте нас? — спросил Беньовский конвойного капрала.

— В крепость, милок. В Петропавловскую. Оттуда ещё никогда никто не убегал. И ты не убежишь.

«А вот убегу», — хотелось зло крикнуть Морису и этому пожилому капралу с обвислыми усами, и строгому офицеру. Но он сдержал себя и промолчал. Хотел ещё что-то спросить конвойного, но тот перебил его:

— Помалкивай-ка. С конвоем говорить не положено.

Голые сырые стены одиночной камеры, низкие своды... Зарешеченное оконце под потолком. Тяжёлая, окованная железом дверь со скрежетом открывается, когда солдат приносит пищу и выносит нечистоты. Пахнет затхлой кислятиной и людскими испражнениями.

Беньовского и Винблада поместили в разных камерах. На прогулку их выводили раздельно. Поэтому не было возможности договориться об общей линии поведения на допросе.

Морис Август шагает взад и вперёд по камере, как обречённый зверь в клетке. Длина её всего восемь шагов. Восемь шагов от оконца к двери, восемь — обратно. Каблуки стучат по холодным каменным плитам и гулко отдаются где-то в каменных сводах. Он напряжённо обдумывает ситуацию. Настаивать на легенде, соответствующей подорожной записи, бессмысленно. Любой опытный следователь без затруднения установит, что никакой он не приказчик-татарин. Да и зачем приказчику понадобилось тайное бегство за границу? Из Казани наверняка пришла депеша губернского полицмейстера к столичному генерал-полицмейстеру о дерзком бегстве двух ссыльных конфедератов: Мориса Августа Беньовского и Адольфа Винблада. В депеше конечно же сообщены приметы двух беглецов, по которым легко установить их сходство с заключёнными в крепости.

И Беньовский твёрдо сказал себе — запираться, играя роль приказчика, бессмысленно. Он предстанет перед следователем и судьями как барон, полковник армии конфедератов. Будет держаться с высокомерным достоинством, как подобает истому аристократу. Слава Богу, пытки в российском судопроизводстве, кажется, отменили ещё при императрице Елизавете. Да и вряд ли посмеют обходиться грубо и неуважительно с человеком благородных кровей. Что грозит ему с беднягой Адольфом? Скорее всего ссылка в снежную Сибирь.

На допрос вызвали на четвёртый день. Беньовского привели под конвоем в дом коменданта крепости. Допрашивал его какой-то невыразительной, незапоминающейся внешности господин из канцелярии генерал-полицмейстера.

— При вас обнаружена подорожная грамота на имя казанского мещанина Закирова Димитрия.

— Это не моя подорожная. Я воспользовался ею, чтобы облегчить себе поездку до Санкт-Петербурга.

— Кто такой Закиров?

— Старший приказчик купца Вислогузова, у которого я квартировал.

— Как попал к вам этот документ?

— Я похитил его из ящика стола в отсутствие хозяина.

— Значит, признаете факт кражи документа?

— Если вам угодно...

— Ваше настоящее имя, национальность?

— Я венгр, барон Морис Август Беньов, или Беньовский. Служил в армии конфедератов в чине полковника.

— Чем вы подтвердите своё баронское достоинство?

— Вы понимаете, что в моём положении это сделать затруднительно.

— Зато мы можем это легко установить. В Польше, как нам известно, баронских званий не существует.

— Я же не польский, а венгерский барон. А в Польше владею имением.

— Сделаем запрос в миссию Священной Римской империи.

Чиновник говорил монотонно, бесстрастно. То был винтик в бюрократической машине чиновной Российской империи, работающий безотказно. «Этот сделает запрос», — убеждённо подумал Беньовский и тут же нашёлся.

— Разрешите уточнить... Я сын генерала Беньова и матери из баронского рода Ревай, стало быть, сын баронессы. У нас в Венгрии принято в таких случаях называть человека из уважения к нему бароном. Проведём некоторую аналогию. В нашей армии, да, я читал, и в вашей российской, к подполковнику всегда уважительно обращаются «полковник», как бы завышая его звание.

— Так вы барон или не барон?

— Я же объяснил вам... Я только потомок баронов по матери. Из уважения к её роду и меня в Венгрии все называют бароном.

— Допустим. С какой целью вы намеревались бежать из России?

— С той же целью, с какой пленник бежит из места заключения или ссылки.

— Вы стремились вернуться в ряды конфедератов?

— О нет. Я убедился, что воевать с таким сильным противником, как Россия, бессмысленно. У шляхты нет перспектив победы. Я намеревался

добраться до Парижа, поступить на французскую службу и уехать в колонию. Моя склонность к путешествиям...

— У нас нет оснований верить вам.

— Воля ваша.

— На днях вас допросит Николай Иванович Чичерин[26], генерал-полицмейстер. Советую вам быть предельно искренним и откровенным с его высокопревосходительством. Этот человек близок к государыне, и от него во многом зависит решение вашей судьбы.

Генерал-полицмейстер, генерал-аншеф и сенатор Чичерин приехал в крепость в карете в окружении эскорта конных полицейских. Из крепости Николай Иванович намеревался отправиться прямо на приём к государыне, чтобы доложить о скандальном деле с беглецами из Казани. Екатерина, конечно, улыбнётся и скажет не без скрытой желчи: «До каких пор, мой любезный друг, ссыльные будут убегать из-под носа вашей полиции? Не ждала я от вас такого, не ждала».

Чтобы поднять себя в глазах императрицы, Чичерин решил придать заурядному делу политическую окраску. Нити заговора конфедератов тянутся из Польши в Россию, в Санкт-Петербург. Заговор угрожает государыне Екатерине Алексеевне. Не случайно два видных конфедерата — оба в чинах, не мелкие пташки — появляются в столице. Надо выявить их связи, круг знакомств, тайные намерения.

Чичерин появился в доме коменданта при полном генеральском параде, импозантный, весь в орденах. Сказал Беньовскому ласково, участливо:

— Проиграно ваше дело, батенька мой. В политике следует быть реалистом.

Беньовский выжидательно молчал, ещё не зная, куда клонит нарядный генерал.

— Назовите ваши петербургские связи, встречи.

— Встреч почти и не было, если не считать визита к отцу Максимилиану, ксёндзу костёла Святого Станислава.

— Он ваш земляк, соплеменник?

— Нет, кажется, немец из Баварии. Я нуждался в святом причастии, так как давно не посещал костёла. Ещё были неоднократные разговоры с владельцем постоялого двора. Я расспрашивал его про город.

— Как отыскали шхуну «Орания»?

— Бродил по набережной и вдруг увидел судно под голландским флагом.

Беньовский умолчал об аптекаре Вебере, которого не хотел впутывать

в своё дело.

— А шкипер-то «Орании» оказался честным голландцем и сообщил нам о ваших намерениях, — с довольной ухмылкой сказал генерал.

— Пусть это будет на его совести.

— Вы, Беньовский, были видной фигурой среди конфедератов, и вы должны многое знать. Есть ли у Красинского сторонники в России? Поддерживает ли он связи с ними? Имеются ли у конфедерации планы распространить заговор и на Россию?

— Затрудняюсь ответить, генерал. Если и есть такие планы, меня в них никто не посвящал. Для поляков я ведь всё-таки оставался чужеземцем, венгром, и поэтому не пользовался их полным доверием. Я был только военным наёмником.

Беньовский сознательно прибеднялся. Генерал-полицмейстер так и не добился желанных показаний, хотя ещё и ещё раз повторял свои вопросы, ставил их в иной форме, в иных формулировках. Приезжал он в крепость ещё дважды. Но и на последующих допросах Беньовский не сообщил ничего нового. Морис повторял, что его, человека по своей натуре деятельного, тяготила казанская ссылка, вынужденное безделье. Власти обращались с ним вполне гуманно, не досаждали мелочным опекунством. Поселили его у милейшего человека, купца Вислогузова. Его, Беньовского, даже мучит совесть оттого, что он не оправдал доверия Степана Силыча, похитив у него документ. Но тоска по свободе взяла своё. И он, после долгих и мучительных раздумий, решился на побег. Пусть не судят строго его сотоварища-шведа. Адольф Винблад, мягкий, легко сговорчивый человек, поддался уговорам. Инициатором побега был он, Морис Август Беньовский. В Санкт-Петербурге у них была единственная цель — отыскать иностранное торговое судно и договориться за хорошую плату с его шкипером. Никаких связей у них в столице нет. Ни о каких планах конфедератов распространить свой заговор на Россию он, Беньовский, ничего и никогда не слышал.

Чичерин выслушал показания Беньовского, повторяя:

— Допустим, допустим...

Похоже, венгр говорил правду. И весь грандиозный план генерал-полицмейстера сделать из заурядного дела беглецов громкую политическую сенсацию и преподнести её на золотом блюде матушке-государыне рушился.

Екатерина выслушала доклад Чичерина и осталась недовольна. Она ждала большего. Она сама желала раздуть дело, чтобы потом припомнить полякам и это. Её давнишний друг сердечный Станислав Понятовский не

оправдал надежд русского престола. Он оказался слабым и нерешительным правителем, не способным без русской помощи сладить со своенравной шляхтой. Екатерина конфиденциально обсуждала с графом Никитой Ивановичем Паниным[27], главой внешнеполитического ведомства, планы раздела Польши. Только бы удалось полюбовно договориться с Австрией и Пруссией.

В пику Чичерину, не проявившему, по её мнению, всей необходимой настойчивости и последовательности, императрица поручила Панину, чтобы тот сам допросил Беньовского.

— Граф Никита Иванович, дело-то тонкое... Чует моё сердце, здесь замешана большая политика и угроза устоям нашего трона. Поэтому сей орешек оказался не по зубам Николаю Ивановичу. Попробуй ты разгрызть его.

— Попробую, матушка-государыня, — ответствовал Панин с поклоном.

Графа Никиту Панина Екатерина в глубине души недолюбливала, а порой и опасалась, хотя ценила его острый ум, трудолюбие и даже поручила ему роль воспитателя цесаревича Павла Петровича. Императрица знала, что граф находится в скрытой оппозиции к самодержавной системе и мечтает о некотором ограничении единоличной власти государыни аристократической олигархией. Но явных сторонников у Никиты Ивановича было мало, а свои убеждения проявлял он весьма сдержанно и императрицу, разыгрывавшую роль просвещённой либеральной монархини, переписывавшейся с французскими философами, занимавшейся литературным трудом, особенно не пугал.

Ехать самолично в крепость граф не соизволил, а приказал доставить заключённого венгра для допроса к нему во дворец. И вот Беньовский стоял перед Никитой Паниным, вальяжным вельможей, словно только что сошедшим с парадного портрета. Он расхаживал по кабинету, и его массивная фигура отражалась в натёртом до зеркального блеска узорчатом паркетном полу. Морису бросились в глаза крупные бриллианты, украшавшие пряжки графских туфель.

Допрос не дал ничего нового. Панин задавал те же вопросы, какие задавал до него и генерал-полицмейстер, — с кем был связан Беньовский в Санкт-Петербурге, располагают ли конфедераты сетью заговорщиков в России, имеют ли они злые умыслы против императрицы.

— В столице ни с кем не связан. На другие вопросы, граф, затрудняюсь ответить по причине неосведомлённости. От вождей конфедератского движения я был далёк, — твёрдо отвечал Беньовский.

Никита Иванович достаточно хорошо знал свою государыню и умел ей угодить. Он знал, как, сообразуясь с настроением Екатерины, доложить, подать ту или иную новость, расставить акценты в докладе.

— Матушка-государыня, — вкрадчиво начал он. — Прямого ответа на мои вопросы сей Беньовский не дал. Хитёр, умён — ничего не скажешь. Но и меня, старого дипломата, на мякине не проведёшь. Проницательность подсказывает мне, что он суть опасный злодей.

— Опасный, говоришь? Так в Сибирь его.

— Матушка-государыня, доброта твоя несравненная... Не в Сибирь, а на Камчатку его. На край света. Оттуда не сбежит. И сотоварища его туда же.

— Быть по сему. На Камчатку, — согласилась императрица.

Глава шестая

Утро было холодным, пасмурным. Падал мелкий, колючий снег. Сквозь снегопад смутно маячили силуэт собора, колокольня со шпилем...

На плацу перед собором выстроился в каре гарнизон крепости. Под барабанную дробь вывели из казематов заключённых, поставили в центре каре. Кроме Беньовского и Винблада привели ещё четверых. Трое из них, как можно было судить по мундирам, офицеры и один цивильный.

Комендант крепости, приняв из рук помощника бумагу, развернул её и зычно зачитал:

— «По повелению ея императорского величества! Военнопленные венгр Бейнокс и швед Винблад, состоявшие до этого на службе у так называемых конфедератов и поднявшие оружий против русской армии и нашего друга и союзника короля Польши Станислава, бежавшие с места поселения, города Казани, завладевшие обманным путём чужими документами и выдавшие себя за казанского мещанина Закирова и его слугу, вознамерившиеся тайно бежать за границу с дурными умыслами, нарушившие российские законы и посему признанные опасными преступниками...»

Беньовский вслушивался в зычный, с хрипотцой голос старого служаки. Почему исказили его имя и сделали Бейноксом? Так, видимо, написано в приговоре. Да какая разница. Пусть будет Бейнокс. А комендант называл имена следующих лиц:

— «Бывший гвардии поручик Панов, бывший капитан армии Степанов, бывший полковник артиллерии Батурин и бывший секретарь московского Сената Софронов, уличённые как участники возмутительного заговора, имевшего целью свержение законной государыни императрицы нашей...»

«Хорошая подобралась компания, ничего не скажешь», — подумал Морис Август и почувствовал даже какое-то облегчение в душе. Не перевелись ещё заговорщики у москалей.

— Всё вышеупомянутые лица высылаются на дальнее поселение в Камчатский край, где будут существовать за счёт собственного промысла, но отнюдь не государственного вспомоществования.

Комендант закончил чтение приговора, свернул бумагу в трубку и передал помощнику. И прибавил уже от себя:

— Желаю счастливого пути вам. И не вздумайте бежать. Всё равно попадёте ко мне, под сей гостеприимный кров.

Он был не лишён чувства юмора, этот старик комендант. За чугунной оградой собора находилось небольшое кладбище — несколько каменных крестов. Такой чести, быть погребёнными рядом с императорской усыпальницей, удостаивались лишь коменданты крепости, персоны, близкие к трону. Здесь уже покоилось несколько его предшественников. Ждал своей очереди и этот.

— Не вздумайте бежать, — повторил комендант. — С Камчатки ещё никто не бегал.

«Ну это мы ещё посмотрим», — подумал Беньовский, и отчего-то ему стало весело.

Деньги и ценности, отобранные при аресте, заключённым, теперь уже ссыльным, вернули. Получил свой кошелёк, в котором ещё оставалось немало монет, и Морис. Комендант порекомендовал приобрести тулупы и валенки. Впереди была долгая дорога, многомесячная, через всю огромную страну. Предстояли и суровые морозы.

Тулупы и валенки привёз прямо в крепость купец-поставщик и запросил за товар втридорога. У бывшего гвардейца Панова таких денег не оказалось. Беньовский выручил его из беды…

— Век буду признателен вам, — прочувствованно произнёс Панов.

— Полно, полно, поручик. Все мы теперь одной ниточкой повязаны. Вместе и на берег выкарабкаемся, — многозначительно сказал Морис.

Настал день выезда. На рассвете распахнулись тяжёлые ворота крепости, и возки тронулись по снежной скрипучей дороге, сопровождаемые конвоем. Остались позади угрюмые стены крепости, взметнувшийся в небо шпиль собора.

Утомительно долог зимний путь в Сибирь. Недели, месяцы проходят, а конца-края пути не видно. Тянутся заснеженные поля, леса. Ветви елей прогнулись под тяжестью снеговых подушек. Уютно подымается в небо струйками дымок от печей. Мелькают села, городки, города: Вологда, Пермь, Екатеринбург, Тюмень. Города украшены белокаменными громадами соборов и монастырей.

Вологда встретила путников лютыми морозами. От закуржавелых лошадей шёл пар. Винблад страдал мучительным, лающим бронхиальным кашлем, пряча лицо в воротник спасительного тулупа. Беньовский упрашивал конвойных поднести больному чарку водки. На привалах швед горько жаловался на свою судьбу и выговаривал Морису:

— И зачем я, дурак, послушался вас. Не так-то уж и плохо жилось

нам в Казани.

— Не вешайте носа, Адольф. Что-нибудь придумаем, — успокаивал его Беньовский.

В крупных городах менялся конвой, и ссыльных на два-три дня размещали в местный острог. Можно было обогреться и отдохнуть. Но что это был за отдых на жёстких нарах, кишевших клопами! Почему-то во всех острогах печи нещадно дымили и плохо прогревали камеры. Беньовский старался сблизиться со своими спутниками-заговорщиками, выведать их прегрешения. В первую очередь он постарался разговориться с Батуриным, немолодым уже полковником-артиллеристом.

— Рад, полковник, вашему обществу. Я ведь тоже в вашем чине. Вы готовили заговор с целью свержения Екатерины?

— Какой там заговор? Никакого заговора, по сути дела, не было. Велись тайком крамольные беседы. Осуждали узурпацию власти Екатериной и убийство её мужа. А почему у власти она, когда налицо есть цесаревич Павел[28]? Говорили и о превосходстве британской системы власти — король суть символ, знамя, а реальная власть в руках выборного парламента, представляющего разные сословия. Панов, самый молодой и горячий среди нас, произнёс однажды такую сакраментальную фразу: «До каких пор Россией будет править развратное бабье?» Наш кружок состоял всего лишь из пяти человек.

— Я вижу, вас здесь четверо. А какая судьба пятого?

— Пятый оказался доносчиком. Он регулярно сообщал в полицию содержание наших разговоров. Это послужило основанием для нашего ареста. Нам вменили в вину попытку организовать заговор с целью свержения государыни и ещё оскорбление её величества. Императрица была напугана делом поручика Мировича. Теперь мы с вами люди общей судьбы.

— Из всякого, казалось бы безвыходного, положения можно найти выход.

— Какой может быть выход?

— Бегство, полковник.

— С Камчатки не убежишь. Тысячи вёрст до крупных центров. Кругом студёное море.

— Вы правы. Но всё равно, бегство — наш единственный выход. Нас уже шестеро. Наверняка найдутся друзья и сторонники там, на Камчатке. Мы захватим торговое судно и отплывём к берегам Японии или Китая. А там видно будет.

— Захватить судно... Вероятно, это вызовет вооружённую стычку,

жертвы.

— Очень может быть.

— То, что вы предлагаете, это открытый бунт.

— Называйте так, если вам угодно. Другого выхода у нас нет.

Этот разговор произошёл в вологодской тюрьме. В дальнейшем Беньовский заговаривал о своём плане захвата судна и побега морем и с Батуриным, и с другими. Сперва все, кроме гвардейского поручика, встречали слова Мориса с сомнением. Но по мере того, как накапливалась усталость и усиливалась тоска от утомительно нудной, нескончаемой дороги, каждый ссыльный обращался в своих помыслах к дерзкому плану захвата судна и бегства в загадочную заморскую страну.

— Пожалуй, вы правы, полковник. Это наш единственный выход, — сказал ему Батурин во время отдыха в екатеринбургской тюрьме.

— Рассчитывайте на меня! — воскликнул Панов.

И даже угрюмый Винблад невольно оживился и стал с интересом прислушиваться к разговорам Беньовского с попутчиками.

— В ваших планах, Морис, есть что-то привлекательное, — сказал швед. — Терять нам, кажется, уже нечего.

За Тюменью леса сменились ровной, скучной степью, наводившей уныние. Зима подходила к концу. Солнце после ночных заморозков начинало с утра припекать, и снег становился рыхлым и ноздреватым. Иртыш у Омска ещё преодолели по льду. Но когда достигли Оби, там начался ледоход. На реке стоял гул и грохот. Льдины лопались, громоздились друг на друга, крошились, устремлялись в бурные водовороты.

В Колывани, на левом берегу Оби, задержались дней на десять, ожидая, пока могучая река не очистится ото льда. Конвойные пьянствовали и сквернословили. Ссыльные скучали, вслушиваясь в грохот льдин. Наконец переправились на правый берег на барже-пароме. Дальше следовали уже не в санях, а на телегах по тряской, раскисшей от весенней распутицы дороге. К началу мая семидесятого года добрались до Томска.

За Томском местность стала разнообразней, оживилась. Степь сменилась лесными массивами. Могучие разлапистые кедры и стройные, словно корабельные мачты, лиственницы подступали к самой дороге, образуя зелёные коридоры. Пахло весенней прелью, свежей хвоей, разными лесными запахами. Из чаши доносились птичьи голоса. Селения попадались по пути не часто. Добротные избы под тесовыми крышами были срублены из толстоствольных лиственниц — не избы, а крепости. На пригорках возвышались бревенчатые церкви с шатровыми колоколенками.

Миновали Красноярск, переправившись через широкий Енисей. Далее пошла пересечённая, холмистая местность. К югу, над лесными далями, синели отроги Саянских гор. В Иркутске произошла очередная смена конвоя. Ссыльных поместили в одну общую камеру острога и даже сводили в баню. Камеру посетил православный священник, благословил и причастил православных — Панова, Степанова, Батурина и Софронова. Беньовский и Винблад не стали настаивать, чтобы ради них прислали ксёндза и пастора. Их могло в Иркутске и не оказаться.

Покидая камеру, священник напутствовал:

— Всевышний послал вам, дети мои, тяжёлое испытание. Несите же свой крест с кротостью и смирением.

— С кротостью и смирением... Как бы не так! — дерзко произнёс Беньовский, когда за священником захлопнулась дверь камеры.

— Не кощунствуйте, — возразил Софронов, тщедушный, сухопарый человек. — Мы жертва оговора. Надо писать кассацию на высочайшее имя.

— Посылали уже. А что толку? — сказал Батурин.

— Вернёмся к прежнему разговору, господа, — решительно произнёс Беньовский. — Разделяете ли вы мой план захватить у берегов Камчатки торговое судно и бежать на нём в заморские страны? План рискован, дерзок — слов нет. Но предложите что-нибудь другое. Готов вас выслушать.

— Рассчитывайте на меня. Другого пути у нас нет, — тихо воскликнул Панов.

— И на меня, — одновременно сказали Батурин и Степанов.

Винблад насупился и не сразу сказал своё слово.

— Я как все, господа.

— А вы, любезный бывший секретарь Сената? — обратился Беньовский к Софронову.

— Опасное предприятие затеваете, господа, — не сразу ответил Софронов. — Но императрица ещё сравнительно молода, царствовать будет долго. Вряд ли нас помилуют в её царствование. Так что и я с вами.

— Вот и отлично. Будем считать, что достигнуто полное согласие, — подытожил Беньовский. — Нам осталось, господа, избрать руководителя сего предприятия, которому мы доверились бы всецело и подчинялись безоговорочно.

— Изберём полковника, — сказал Батурин, указывая на Беньовского. — Вам принадлежит идея... Вам, как говорится, и карты в руки. И ваш военный опыт, и чин, наконец...

С доводами Батурина, старшего по возрасту, все согласились. Сам

Беньовский пишет, что это соглашение было достигнуто 29 августа 1770 года.

Из Иркутска выехали трактом на Верхнюю Лену. Миновали бурятские поселения и достигли села Качуг. Здесь погрузились в лодки и пошли на вёслах вниз по реке. В верховьях Лена совсем не широка и ничем не напоминает ту могучую в своём среднем и нижнем течении реку, которая во время весеннего половодья разливается на десятки вёрст, так что с одного берега не увидишь другого. Не река — море.

Лена петляла, стиснутая высокими, обрывистыми берегами. В быстрой, прозрачной воде сновали стайки рыбёшек. Нередко киль лодки со скрежетом упирался в каменистое дно. У села Усть-Кут пересаживались в большой парусник-дощаник. Если позволял попутный ветер, шли под парусом. Если ветер стихал, полагались на течение. Лоцман умело направлял руль, чтобы не сбиться с фарватера и обойти мели и камни.

Река, становясь всё более широкой и полноводной, и здесь змеилась петлями. Иногда она растекалась по протокам, образуя лесистые островки. Иногда отвесные берега сужались до узких коридоров, а прибрежные скалы принимали фантастические очертания великанов, которые, словно стражи, хранили покой реки. Берега Лены были заселены, хотя и не густо. Встречались и русские поселения с лиственничными срубами изб и амбаров. На берегу сушились на жердях рыболовные сети, чернели вытащенные на берег лодки. Детвора с любопытством провожала проплывавший мимо дощаник и махала вслед ему руками. Встречались и тунгусские становища с остроконечными чумами, возле которых паслись олени.

Приняв полноводные притоки Киренгу, Витим и Олёкму, Лена становилась широкой и могучей рекой. Что против неё Волга у Казани! Прибрежные горы сменились широкой лесистой долиной. Теперь встречались якутские села с жилищами-балаганами, сооружёнными из наклонно поставленных брёвен, обмазанных глиной и коровьим навозом. На лугах паслись стада коров.

Вот и Якутск, деревянный, разбросанный. Среди построек выделяются несколько церквей, гостиничный двор и ещё бревенчатые башни острога с остроконечными тесовыми кровлями. Острог поставлен ещё в прошлом веке. К нему жмутся избы побогаче — в них обитают чиновники, купцы, духовенство. А по окраинам рассыпаны избы всякого малоимущего люда, русских и якутов.

О прибытии партии ссыльных доложили воеводе. Воевода послал в острог, куда заключили Беньовского и его сотоварищей, исправника.

Приняв у начальника конвоя список ссыльных, исправник устроил им перекличку и потом глубокомысленно произнёс:

— О, важные птицы! Заговорщики, беглые... Будет капитану Нилову достойное пополнение.

— Кто такой Нилов, позвольте полюбопытствовать, ваше благородие? — спросил Батурин.

— Ваш будущий бог и царь. Вновь назначенный управитель Камчатского края. У него таких, как вы, мазуриков, пруд пруди.

Беньовский с удовлетворением подумал, что это превосходно. Значит, список заговорщиков будет расширен.

Для проформы исправник спросил, нет ли у ссыльных каких-либо просьб, пожеланий, жалоб. За всех ответил Беньовский:

— Жалоб нет, ваше благородие. Премного всем довольны. Есть одна просьба — лекаря бы прислать. Двое наших товарищей разболелись.

Речь шла о Винбладе и Софронове. На одном привале ссыльные отведали купленной у якутов вяленой рыбы. Она оказалась несвежей, с душком. С непривычной пищи у всех началось острое расстройство желудка. К концу плавания все выздоровели, за исключением Винблада и Софронова, вообще склонных ко всяким заболеваниям.

— Будет вам лекарь, — пообещал исправник.

В тот же день в острог к заключённым пришёл лекарь-немец. Какой-то весь неопрятный и помятый, словно после трудного пути.

— Врач Гофман, — представился он. — Эта кошмарная дальняя дорога... Я совсем раздавлен. Тоже следую на Камчатку. В некотором роде ваш товарищ по несчастью.

— Вы тоже осуждённый? — спросил его Беньовский.

— Нет. Назначен главным хирургом Камчатки. Но чем это назначение, шорт бы его побрал, лучше ссылки? Увы, у меня не было связей среди влиятельных людей Петербурга...

— Стоит ли смотреть так мрачно, доктор, на вашу предстоящую камчатскую жизнь? Вы всё-таки свободный человек.

— Грош цена такой свободе. Я бы сбежал с этой проклятой Камчатки при первой возможности.

— И бегите на здоровье.

— Легко сказать, бегите! Куда бежать, на чём бежать?

— А вот об этом мы с вами поговорим в другой раз, если у вас действительно серьёзные намерения. А сперва окажите помощь больным.

Гофман осмотрел больных и покачал головой:

— Вам бы, господа, бульон и тёплую постель. Чем я могу помочь!

Всё же лекарь принёс закрепляющие порошки и кувшин с черничным отваром.

— Я настоял, чтобы воевода задержал ваш выезд в Охотск до выздоровления больных, — сообщил Гофман. — Впереди самая ужасная часть пути.

— Уж что может быть ужаснее плавания в тесном дощанике, езды при лютом морозе, — простонал Софронов.

— Это всё были лёгкие увеселительные прогулки, смею заверить вас, — возразил лекарь. — Готовьтесь к худшему. Тракт Якутск — Охотск существует только на карте. В действительности это вьючная тропа, кое-где просека. Путь сей недоступен для колёсного транспорта. Вам подадут якутскую лошадёнку. Вы будете пробираться сквозь лесные завалы, вязнуть в болоте, страдать от полчищ ненасытного гнуса. Я знаю, мне рассказывали люди.

Лекарь-пессимист вновь стал жаловаться на горькую судьбу свою. Он был в отчаянии от назначения главным хирургом Камчатского края, дикого и заброшенного в его представлении.

— Вы не исключаете возможного бегства в Китай, или Японию, или, наконец, в испанские владения? — пытливо спросил его Беньовский.

— Если бы это было так легко. Был бы я богат, купил бы у купцов рыболовное судно, нанял бы команду...

— Вы так богаты, что можете покупать суда?

— Только в мечтах.

— Тогда спуститесь на нашу грешную землю, мой дорогой доктор.

Постепенно Беньовский посвятил Гофмана в свои намерения захватить для побега торговое судно. Лекарь после некоторых колебаний согласился присоединиться к заговорщикам.

— Ваш план рискован, но это всё же лучше, чем лечь костьми на этой проклятой Камчатке.

— Мы рады вашему согласию, — сказал Беньовский. — Нам необходим свой врач. Вы будете нашим главным корабельным хирургом.

Винблад и Софронов выздоровели, и воевода распорядился, чтобы ссыльные следовали дальше, в Охотский порт. Гофман зашёл в острог попрощаться.

— Надеялся следовать вместе с вашим караваном, — сокрушённо сказал он. — Но совсем разболелся. Замучила каменная болезнь. Второй день не проходит приступ. Шорт побери...

Гофман любил чертыхаться, но не мог произнести правильно слово «чёрт». Он осунулся, пожелтел и выглядел тяжелобольным.

— Помните о нашем уговоре, доктор, — сказал ему на прощание Беньовский.

Дорога от Якутска до Охотска превзошла все мрачные ожидания. Гофман оказался прав — Охотский тракт существовал только на карте. Навьюченные скарбом и тащившие всадников коренастые мохнатые лошадёнки якутской породы медленно плелись по тропе, взобравшись на сопки, спускались в овраги и лощины, переходили вброд стремительные ручьи и топкие болота. Совсем замучил таёжный гнус, тучами преследовавший путников и лошадей, проникавший под платье, за воротник, под обшлага рукавов. Только у дымных костров на привалах и удавалось на короткое время спастись от кровопийц. Люди до крови расчёсывали искусанную кожу. Их лица вспухли, покрылись волдырями.

На всём пути от Якутска до Охотска было всего несколько почтовых станций, где меняли лошадей. Лишь у перевоза через реку Алдан, крупный приток Лены, станция была при небольшом поселении, состоявшем из нескольких русских изб и якутских жилищ-балаганов. Другие же станции представляли собой одинокую избушку и рядом с ней две-три юрты-времянки да загон для лошадей.

На одной из таких затерянных в тайге станций караван нагнал казак, сопровождаемый двумя якутами.

— Какие новости, служивый? — спросил его урядник, начальник конвоя.

— Немец-лекарь преставился.

— Не тот ли самый, что к нам в острог захаживал? — спросил Беньовский, слышавший слова казака.

— Должно быть, тот самый. Сказывают, нашли у него какую-то важную бумагу. Написал он её будто бы перед кончиной. Велено мне по этому случаю с депешей от воеводы скакать незамедлительно к господину Плениснеру, начальнику Охотского порта. И непременно ваш караван обогнать. Стало быть, дело сурьёзное.

— Тяжёлая у тебя служба, братец, — сочувственно сказал Беньовский, лихорадочно раздумывая. Слова казака внушали тревогу. Депеша, которую вёз казак в Охотск, была, очевидно, каким-то образом связана с предсмертным письмом Гофмана. А что, если лекарь проговорился о плане побега с Камчатки в минуту раскаяния? Конечно же проговорился. Зачем же в таком случае воевода посылал гонца-казака к начальнику Охотского порта и с наказом непременно обогнать их караван? А затем, чтобы предупредить. Что их теперь может ожидать? Дальше Камчатки, пожалуй, не сошлют. Некуда. А вот разъединить, разбросать

поодиночке по разным отдалённым поселениям, да и заковать в кандалы, пожалуй, могут. И тогда прощай навеки план побега.

Решение в голове Беньовского созрело быстро. И он решил действовать с поспешностью, дерзко и смело. Начальник станции, полукровка, сын русского казака и якутки, кроме выполнения своих прямых служебных обязанностей, ещё и поторговывал вином, потчуя проезжих русских и окрестных якутов. Зоркий взгляд Мориса Августа уловил, как конвойные один за другим заходили в почтовую избу и, пробыв там некоторое время, выходили на волю раскрасневшимися, осоловелыми. И Беньовский тоже зашёл в избу.

— Водочки бы, любезнейший, — попросил он начальника станции.

— Ссыльным не положено, — ответил тот не очень уверенно.

— Да не для себя прошу. Служивых хочу угостить. Вот возьми. Сдачи не надо.

И Беньовский бросил на стол золотую монету.

— Ну, коли так... Служивых угостить не грех.

Морис Август вышел из избы с четвертной бутылью и подошёл к уряднику.

— Тяжёлая ваша служба. И всё из-за нас, смутьянов, страдаете...

— Уж это точно, из-за вас.

— Угощайтесь-ка, ребята.

Урядник покуражился из приличия, но четверть всё же принял бережно из рук Беньовского. Глаза его разгорелись в предвкушении удовольствия. К конвойным присоединился и казак-гонец. За первой четвертной бутылью последовала вторая. Сморённые водкой и усталостью конвойные засыпали у костров. Казак, продублённый якутскими зимними морозами и летним зноем, гнуса не боялся и улёгся в сторонке на охапке сена. Через минуту он уже храпел.

Только теперь Беньовский обратился к своим спутникам и растолковал им опасную ситуацию.

— Надо найти пакет и вскрыть его, — сказал он.

— С огнём играете, барон, — предупредил его Винблад.

— Похоже, нам грозят большие неприятности. И весь план бегства может рухнуть ещё до того, как мы достигнем камчатского берега. Положитесь на меня.

Беньовский подошёл к казаку, храпевшему на охапке сена.

— Не угодно ли, братец, ещё? — ласково говорил Морис, а сам ощупывал грудь и карманы никак не реагировавшего на его слова гонца. Нет, пакета при нём не было. Значит, пакет остался в перемётной суме,

притороченной к седлу, сообразил Беньовский. Так и есть, он оказался в суме. Он был помят, сургучная печать от долгой и тряской езды попортилась, покрошилась, и поэтому пакет легко вскрывался. Беньовский огляделся, удостоверившись, что все конвойные и казак мертвецки пьяны и спят, что называется, без задних ног, а сопровождавшие казака якуты разошлись по юртам, и извлёк из пакета два письма и внимательно прочёл их.

Одно из них, сумбурное, бессвязное, украшенное кляксами, было письмом Гофмана. Лекарь, страдавший от тяжёлой болезни и предчувствовавший свой конец, впал в раскаяние и признавался в своём согласии принять участие в заговоре ссыльных с целью побега с Камчатки. Упоминалось и о плане захвата судна. «Да простит Господь прегрешения мои, вызванные слабостью духа моего и дурным влиянием людей, переступивших закон. Хочу уйти из жизни чистым» — так заканчивалось это письмо.

Письмо воеводы было чётким, лаконичным, написанным отменным писарским почерком. Воевода советовал начальнику борта ссыльных на Камчатку не отправлять, а задержать в Охотске до дальнейшего распоряжения Сената, куда он, воевода, направит донесение обо всём случившемся.

— Господин Софронов, — обратился Беньовский к бывшему секретарю Сената, — у вас хороший почерк?

— С плохим почерком не держали бы в секретарях.

— Отлично. Попросите у начальника станции перо, чернила и лист бумаги.

— Зачем? Что я ему скажу?

— Скажите что угодно. Стихи, мол, писать захотелось.

— Я не пишу стихи.

— Тогда скажите, что собираетесь заранее написать прошение на имя начальника Охотского порта. Нуждаюсь, мол, в лечении. И помните, вы все согласились повиноваться мне.

Софронов выпросил у станционного начальника медную чернильницу, гусиное перо и чистый лист бумаги. Облюбовали укромное местечко и приспособили саквояж Беньовского в качестве письменного стола.

— А теперь пишите, — приказал Морис. — Старательно и красиво пишите.

Так было составлено подмётное письмо от имени воеводы к начальнику Охотского порта Плениснеру. Воевода извещал, что в Охотск следуют шестеро ссыльных. По его наблюдениям, эти люди за время

пребывания в Якутске ни в чём предосудительном замечены не были. Более того, они вели себя как достойные люди, жалоб не высказывали и, казалось, были одержимы чувством раскаяния. По мнению воеводы, несчастные заслуживают снисходительного к себе отношения и облегчения участи.

Беньовский диктовал, а бывший секретарь писал, внося редакционные коррективы по правилам русского языка и придавая письму необходимый бюрократический колорит. Когда подмётное письмо было готово, Морис уложил его в пакет и упрятал в перемётную суму. Подлинное же письмо он скомкал и бросил в костёр. А казак, проспавшись, отправился дальше, обгоняя ссыльных.

Нелёгким был переход по кручам перевалов хребта Джугджур. Каменные осыпи уходили из-под ног лошадей в пропасть и, казалось, готовы были увлечь за собой весь караван. Кони испуганно прижимались к отвесной скале, неуверенно нащупывая ногами дорогу. Но вот кончились перевалы, и караван вышел в долину реки Охоты, окаймлённой зарослями тальника и ольхи. Наконец на горизонте открылось море, Охотское, или Ламское, как называли его местные аборигены-эвены, или ламуты. Море штормило. Высокие пенистые гребни волн накатывались на каменистый берег. На берегу чернели два-три десятка строений, среди них возвышалась церковь. Порт был открытым, неудобным для стоянки судов. На рейде виднелись два стоявших на якорях корабля.

Беньовский и его спутники приближались к Охотску не без чувства опасения. Казак-гонец прибыл в порт, вероятно, дня два тому назад. Как воспринял начальник порта Плениснер подмётное письмо? Признал ли его подмётность? Насколько сам казак был осведомлён о содержании сожжённых писем? Хотя вряд ли. Казак-гонец — мелкая сошка, не посвящённая в дела воеводы.

Начальник порта действительно прочитал доставленное казаком письмо с чувством некоторого недоумения. Он знал якутского воеводу как человека властного, прямолинейного и грубого. И вдруг такое письмо с налётом сентиментальности и даже с проявлением заботы о ссыльных. Впрочем, неожиданный характер письма начальник порта объяснил переменчивым характером воеводы и поэтому не придал ему особого значения. Беньовского и его спутников он приказал расконвоировать — из Охотска не убегут — и предоставить самим себе. Ссыльные расселились по обывательским избам, ожидая отплытия на Камчатку.

— Кажется, Плениснер принял подмётное письмо за истинное, — сказал Беньовский спутникам, когда они собрались, чтобы обсудить положение.

— Не забывайте, что воевода посылает донесение в Сенат, раскрывая ваши планы, — возразил Степанов.

— Пока, дорогой мой капитан, письмо воеводы дойдёт до столицы, пока в него вчитаются сенатские чиновники и пока придёт в Якутск решение Сената, пройдёт не менее полутора лет. Российские просторы наш союзник. Мы тем временем, да поможет нам Бог, будем далеко от России.

— Всё же не резон засиживаться в Охотске. Чем дальше от якутского воеводы, тем на душе спокойнее, — сказал Батурин.

— Да и к освобождению ближе, — добавил Панов.

— Вы правы, — согласился с ними Беньовский. — Пойду-ка я к Плениснеру упрашивать его, чтоб поскорее отправил нас на Камчатку.

Начальник порта встретил Мориса дружелюбно, пригласил его присесть в кресло, расспросил о дороге и даже угостил табаком. Он был рад свежему человеку, вносившему разнообразие в монотонный уклад охотской жизни.

— Надеюсь, вы и ваши спутники не в обиде на меня за то, что я не спешу с вашей отправкой? — сказал Плениснер. — Впереди жестокие осенние шторма. Почему бы вам не переждать зиму в Охотске? Наша тихоокеанская столица — это всё же не Богом забытый Большерецк.

— Я пришёл просить вас об обратном. Императрица повелела определить местом нашей ссылки Камчатку. Просим вас незамедлительно отправить нас в Большерецк, как это было угодно государыне. Пусть скорее решится наша судьба. Мы же готовы безропотно нести свой крест.

— Смирение похвально. Но я вам говорил уже, в это время года Охотское море встречает мореплавателей жестокими штормами. И случается, что корабли гибнут.

— На всё воля Божья. Не нам ей перечить.

— Если вы так настаиваете... На днях выходит к устью Большой реки галиот[29] с припасами для Камчатки.

Охотское море встретило путников неласково: едва слилась с линией горизонта зубчатая кромка берега, как галиот подхватило, как пушинку, водоворотом. Шальные водяные валы с гулом налетали один на другой. Острые брызги заливали палубу. Жалобно скрипели мачты. Стремительные порывы ветра трепали паруса. Судно кренилось и, казалось, вот-вот готово было нырнуть в пучину волн. А сверху моросил холодный мелкий дождь. Свинцовые тучи заволакивали небо, не оставляя просвета.

Первым свалился от морской болезни Софронов, за ним последовал Панов. В каюте было душно и жутко. Корпус корабля содрогался от ударов и скрипел. Лучше других держались Беньовский и Батурин, хотя и они не

рисковали выходить на верхнюю палубу.

— Если бы среди нас оказался опытный моряк... — задумчиво произнёс Морис.

— А если бы нас было не шестеро, а два десятка, и все вооружённые... — подхватил в том же тоне Батурин.

— Но среди нас нет опытного моряка. И нас только шестеро, и мы безоружны, — с грустью подытожил Беньовский. — А жаль. Момент для захвата судна самый подходящий. Команда деморализована штормом. Половина её страдает морской болезнью. Захватив галиот, мы изменили бы курс и направились в испанские владения.

Несколько дней шторм неистово трепал небольшое судно. Матросы усердно молились Николаю Чудотворцу, покровителю моряков. Опытный штурман уверенно вёл галиот наперерез водяным валам к западному берегу Камчатки. Шторм стал несколько стихать, когда на горизонте показалась тёмная полоска камчатской земли.

Морис Август Беньовский и пятеро других ссыльных высадились в устье реки Большой 2 декабря 1770 года.

Глава седьмая

Тогдашний Большерецк, по описанию, сделанному в 1773 году капитаном Тимофеем Шмалевым, был небольшим поселением, расположенным на реке Большой, в тридцати вёрстах от её устья. В нём находились церковь Успения Богородицы и другие деревянные строения, в том числе большерецкая канцелярия с помещением для воинской команды, казённый командирский дом, 4 амбара, 23 купеческие лавки и 41 обывательский дом. Большерецк служил административным центром всей Камчатки, делившейся на четыре участка. Участковая власть была представлена исправником, располагавшим небольшой воинской командой. Кроме Большерецка гарнизоны находились в Тигильской крепости на северо-западе полуострова и в Нижне- и Верхнекамчатском острогах по реке Камчатке. Администрация всей Камчатки находилась в подчинении начальника Охотского порта.

Жители Большерецка кормились рыбной ловлей и охотой, летом занимались заготовкой грибов, ягод и съедобных кореньев. Пушнину выменивали у купцов на муку, солонину, соль и другие продукты. В августе или сентябре из Охотска приходило казённое судно с припасами, зимовало в Чевакинской гавани в устье реки Большой. Из-за дальности расстояний привозные продукты стоили по тем временам неимоверно дорого. Цена за пуд ржаной муки достигала трёх-пяти рублей, пшеничной — десяти, масла коровьего — шестнадцати и солонины — шести рублей. И всё же местные обыватели и ссыльные как-то ухитрялись приспосабливаться к нелёгким условиям камчатской жизни и не голодать.

Такова была камчатская земля, на которую ступили Беньовский и его ссыльные спутники. Строения Большерецка бессистемно рассыпались по речной долине. К селению подступала чахлая редколесная тайга. На горизонте синели горы с окутанными облаками вершинами.

Прибывших встречало все немногочисленное население Большерецка. Беньовский заметил в небольшой толпе нескольких плосколицых аборигенов-камчадалов и ещё старика с изуродованным лицом. У него были вырваны ноздри.

— За что это тебя так, братец? — сочувственно спросил Морис, подходя к старику. Тот промычал в ответ что-то невнятное и, раскрыв рот, высунул обрубок языка.

— По повелению матушки Елизаветы Петровны сей муж был удостоен вырезания ноздрей и языка, — пояснил рослый человек с военной выправкой, видать тоже ссыльный. — Слава Богу, эти жестокие времена прошли. Теперь палачи не рвут ноздри и языки. Мы вот со товарищи за все прегрешения наши отделались ссылкой.

— С кем имею честь?

— Бывший капитан Измайловского полка Пётр Хрущов. Старинный род...

Начальник края, армейский капитан Пётр Нилов, пожелал самолично познакомиться с прибывшими ссыльными и пригласил их в канцелярию.

— С благополучным прибытием, господа, — начал он свою речь. — Вам выдадут на три дня провиант. Но предупреждаю... В дальнейшем вы уже сами должны снискать пропитание. Из казны вам будут выданы рыболовные снасти, охотничьи ружья с запасом пороха и свинца. Пока вас расселим по обывательским избам. И стройте собственное жильё на многие годы. Набор плотничьих инструментов получите. Если у вас есть средства, нанимайте плотников — не возбраняется. Если ваши карманы пусты, беритесь сами за топор.

Нилов умолк, ожидая вопросов. Но ссыльные подавленно молчали. Они поняли из слов начальника Камчатки, что их ждёт тяжёлая борьба за выживание, придётся стать и рыбаком, и охотником, и плотником и в поте лице добывать хлеб свой насущный. Нилов заметил их растерянность и сказал миролюбиво:

— Я без нужды не свирепствую. И досаждать вам мелочным опекунством не намерен. Предоставляю вам полную свободу, в рамках дозволенного, разумеется. Надеюсь, и вы не подведёте меня всякого рода предосудительными поступками.

Он отпустил всех, кроме Беньовского, чем-то заинтересовавшего его.

— Кто вы такой? — спросил Нилов.

— Теперь невольник, а был когда-то бароном и генералом, — сказал Морис. Почему бы не назваться генералом? Этот губернатор или начальник, как его... по всей видимости, человек простодушный и недалёкий. Может быть, разжалобить его?

— Такой молодой — и генерал?! — удивлённо воскликнул Нилов.

— Что тут удивительного? В армии конфедератов люди выдвигаются быстро. Начинал капитаном. До этого пришлось участвовать в Семилетней войне.

— Вы, вероятно, образованный человек?

— Как вам сказать... Отец мой, тоже генерал, не жалел средств на

моё воспитание. Сперва меня обучали домашние учителя в отцовском имении, люди учёные и достойные. Потом я продолжал образование в Вене у отцов иезуитов. Там больше налегали на латынь, богословие, риторику.

— Латынь знаете в совершенстве?

— Можно сказать, да. А ещё владею кроме родного венгерского польским, немецким и французским. Нужда заставила овладеть и вашим русским.

— Похвально, похвально. Я не случайно спрашиваю о вашем образовании. Мы ещё вернёмся к этому.

Подселили Беньовского к Петру Алексеевичу Хрущову, тому самому, с которым Морис уже разговаривал. С первых же бесед у него сложилось впечатление о Хрущове как человеке образованном и рассудительном. Днём они отправлялись на рыбалку. Пётр Алексеевич хорошо изучил реку и знал каждый омуток, где можно вдоволь наловить хариуса. Он превосходно наловчился плести из ивового прута верши-ловушки. На зиму Хрущов засолил большой запас лосося и лососёвой икры. На берегу реки велись нескончаемые беседы, продолжавшиеся вечерами в избе при сальной свече.

— Что вы можете сказать о Нилове? — спросил Хрущева Беньовский.

— Человек он по натуре своей добрый, — ответил Пётр Алексеевич. — Один грех за ним водится — подвержен пьянству. И администратор нерадивый. Людей подраспустил. Караульные у него спят на посту и тоже пьянствуют, по примеру начальника.

— Так-так, — произнёс Беньовский, думая своё. От Нилова, очевидно, больших претензий не будет. Другой бы на его месте житья не давал ссыльным, следил за каждым их шагом. Гарнизон подразболтался и утерял бдительность. Значит, надо осуществлять план бегства, пока начальником в Большерецке этот добрый и пьющий Нилов.

Беньовский расспрашивал Хрущова о старых ссыльных. Их было в Большерецке четверо. Самым старым по возрасту и сроку пребывания был Александр Турчанинов, бывший камер-лакей правительницы Анны Леопольдовны, матери императора-младенца Иоанна Антоновича. Сохранив приверженность Брауншвейгской династии, он возмечтал составить заговор с целью свергнуть и умертвить императрицу Елизавету Петровну и возвести на престол отстранённого Иоанна. К участию в заговоре Турчанинов привлёк прапорщика Преображенского полка Ивашкина и сержанта Измайловского полка Сновидова. Усилия нескольких заговорщиков, не нашедших сколько-нибудь широкой поддержки ни в

армии, ни среди придворных, оказались бесплодной авантюрой и были обречены на заведомый провал. Заговорщики были арестованы, биты кнутом, а Турчанинову, как главному зачинщику заговора, вырвали ноздри и язык, после чего все трое были сосланы на Камчатку. Это произошло в 1742 году, в самом начале царствования Елизаветы Петровны. К прибытию Беньовского в камчатскую ссылку в Большерецке находился только Турчанинов, а два его сообщника были расселены по другим пунктам Камчатки: Ивашкин — в Верхнекамчатск, а Сновидов — в Нижнекамчатск.

Двадцать лет спустя другая группа заговорщиков составила новый заговор с целью свержения Екатерины II и возведения на престол всё того же злополучного узника Иоанна Антоновича. Во главе заговора встал поручик Измайловского полка Семён Гурьев. В заговоре также приняли участие его братья, Иван и Александр Гурьевы, и капитан того же полка Пётр Хрущов. Все они были приговорены к ссылке на Камчатку. Из них Семёна Гурьева и Хрущова определили на поселение в Большерецк. Четвёртым ссыльным здесь был немец Магнус Мейдер, бывший адмиралтейский лекарь. Причину его ссылки Хрущов объяснить не смог. Помалкивал об этом и сам Мейдер, человек малообщительный. По предположению Хрущова, лекарь мог быть уличён и арестован как агент прусского короля.

— Поручик Мирович был связан с вами? — спросил Беньовский, выслушав рассказ Петра Алексеевича.

— Нет. Это имя нам тогда вовсе не было известно. Мирович пытался два года спустя вызволить несчастного Иоанна Антоновича из Шлиссельбургской крепости. Погибли оба. До нас дошли запоздалые слухи.

— В чём вы видите причину неудач таких заговоров?

— Наверное, в том, что нас было слишком мало. Кучка смельчаков, не имевших широкой опоры со стороны людей, окружавших трон. Мы пытались расширить число заговорщиков, заводили опасные беседы с лицами, внушавшими нам доверие. Но обожглись на первом же человеке, оказавшемся доносчиком. И это привело к провалу. Увы, имя Иоанна Антоновича мало кого привлекало. Екатерина, щедрой рукой одаривая гвардию, дворянство, вельмож, была реальной, осязаемой фигурой. На неё молились. Это мы поняли не сразу. А если бы поняли ещё тогда, то скорее всего отказались бы от своих романтических замыслов.

— Как вы мыслите своё будущее, капитан?

— Оно беспросветно. Нам было выдвинуто серьёзное обвинение. Такое монархи так легко не прощают.

— А вам не приходила в голову мысль изменить вашу судьбу?

— Конечно, приходила, и не раз. Но что значит изменить судьбу? В нашем положении это может быть только бегство.

— Да, бегство. Вы совершенно правы.

— А для этого нужно вовлечь в заговор моряков и завладеть судном.

— Вы прямо читаете мои мысли, капитан.

— Я следую логике вещей. А логика подсказывает единственный выход.

— Единственный. Мы с вами единомышленники. Вашу руку, Пётр Алексеевич.

Они обменялись рукопожатиями, как два сообщника.

— На ваших сотоварищей можно рассчитывать? — испытующе спросил Беньовский.

— Я думаю, что да. Впрочем, от старика Турчанинова практической пользы ждать не приходится. Стар, вечно на хвори жалуется. А с Гурьевым и Мейдером я поговорю.

Нилов продолжал проявлять интерес к Морису Августу и приглашал его то в канцелярию, то к себе в дом. С утра начальник области бывал ещё трезв и рассуждал внятно. Завязывалась беседа. Нилов расспрашивал Беньовского о сражениях Семилетней войны, о столице Священной Римской империи Вене, о движении конфедератов и с интересом слушал его рассказы. Почувствовав в характере собеседника доброту и жалостливость, Морис Август решил сыграть на этой струнке.

— Я горький неудачник, господин Нилов. Передо мной, сыном генерала и богатого магната, открывалась блестящая карьера в австрийской армии. Но карьера внезапно оборвалась — поссорился с начальством. Думал заняться хозяйством. Отцовские имения — богатейшие в Трансильвании. Но отец внезапно умер, и началась тяжба с роднёй из-за наследства. Зятья опередили меня, подкупив суд, и лишили меня имений. Я вынужден был покинуть родину. Предложил свои услуги конфедератам, не питая никаких враждебных чувств к вам, русским. Надо же кому-то служить.

— Да, да, понимаю вас.

— Стремительный взлёт — молодой полковник, генерал. И вдруг всё обрывается. Русский плен... Неудачный побег... Суровый приговор императрицы.

Нилов произносил слова сочувствия и старался отвлечь Беньовского от грустных мыслей рассказами о Камчатке. Какой край несметных богатств! Какая здесь охота и какая отличная пушнина! А какая лососёвая рыба,

которая весной и летом заходит в реки и ручьи нереститься! Вот только с хлебом и овощами плохо. Всё привозное и дорогое.

— А почему бы вам не завести своё хлебопашество? — спрашивал Беньовский.

— Пытались уже. Ещё до вашего приезда. Выдал я из казны взаимообразно одному предприимчивому человеку тысячу рублей. Посеял он рожь и ячмень, но все всходы были побиты заморозками.

— Стоит ли отчаиваться от одной неудачной попытки?

К вечеру Нилов почти всегда бывал навеселе. Становился оживлённым, болтливым. Приглашал Беньовского к столу, угощал водкой и красной икрой. Пить Морис отказывался, а икоркой и другими камчатскими угощениями не брезговал, ибо изголодался за дорогу. При беседах присутствовал и сын Нилова Игната, крепкий парень лет шестнадцати. Он с интересом внимал рассказам гостя. В них смешались какая-то часть правды о европейских городах и странах с безудержной и буйной фантазией Мориса Августа. Поэтому рассказы и получались такими занимательными.

Однажды Нилов, ещё относительно трезвый, таинственно сказал Беньовскому:

— Дело к вам особое... — Он запнулся, не зная, как обращаться к венгру. Персона, по его понятиям, была когда-то важная. Барон как-никак, генерал.

— Называйте меня просто Морис, мой капитан, — подсказал ему Беньовский. — Вы старше меня и по возрасту, и по положению и вправе на простое обращение.

— Вот что, Морис... Не взяли бы вы на себя роль домашнего учителя моего Игнаши? Вам будет обеспечен стол в моём доме. Малому пора постигать науки, да отправлять парня из родительского дома за тридевять земель не хотелось бы.

— Не знаю, что и ответить вам. Мой жизненный путь всегда был связан с военным делом. Учительствовать никогда не приходилось. Разве что из уважения к вам...

— Начальной грамоте Игнату обучал здешний поп. Теперь бы языкам подучить, латыни, французскому да и арифметике с географией.

— Можно и языкам. Можно и арифметике с географией, — согласился Морис.

В душе Беньовский был рад такому предложению. Выходит, Нилов проникался к нему доверием, делал его своим человеком в доме, снимал с него заботы о хлебе насущном. А это облегчало подготовку к побегу.

Занятия с Игнашей начались в тот же день. Беньовский не был педантичным и требовательным педагогом, не придерживался никакой систематической методики. С Игнашей у него установился полный контакт. Если Нилов не присутствовал на уроках, Морис занимал своего ученика рассказами о всяких далёких заморских странах, в которых ему якобы доводилось побывать. Это называлось уроками географии. Когда же появлялся раскрасневшийся от выпитого вина Нилов, Беньовский переходил к арифметическим задачкам или латыни. При всей бессистемности таких занятий Игната, парень Способный и сообразительный, всё же схватывал какие-то крохи знаний. А старый Нилов с гордостью говорил, что сына его, обучает всяким наукам образованный человек, генерал, и делился заветной мечтой открыть в недалёком будущем в Большерецке школу, в которой смогли бы обучаться сыновья торговых и служилых людей. «Дай-то Бог», — отвечали купцы.

— Хорошо бы воспользоваться доверием Нилова, — поделился своими мыслями с Хрущовым Беньовский. — Хочу добиться у него права свободно передвигаться по камчатской земле, да не знаю, под каким предлогом.

— А я подскажу предлог, — уверенно ответил Хрущов.

— Готов вас выслушать.

— Нилов жаловался вам на трудности с доставкой хлеба, на неудачную попытку посеять рожь и ячмень?

— Жаловался, и не раз.

— Заинтригуйте его вашими планами исследовать юг Камчатки на предмет возможного устройства там земледельческой колонии. На юге полуострова климат помягче. Уверен, что Нилов и поручит вам это исследование.

— А что? Неплохо задумано. Чтобы скрыть приготовления к побегу и облегчить себе свободу действия, нам необходимо оторваться от Большерецка.

После очередного урока с Игнашей Беньовский заговорил с Ниловым. Сперва похвалил способности его сына, легко запоминавшего мудрые латинские афоризмы. Похвала была приятна отцу. Потом Морис перевёл разговор на идею устройства земледельческих поселений в районе реки Лопатки на крайнем юге полуострова.

— Вам-то какая выгода от этого? — спросил его Нилов.

— Лично мне никакой выгоды нет. Хотелось бы послужить людям, приютившим меня. И исследовательской работой заняться. Ведь, прежде чем создавать такие поселения хлебопашцев, надобно облазить весь район.

Нилов был большим тугодумом и никогда не решал ни одного дела сразу. Он размышлял в короткие минуты протрезвления над словами Беньовского несколько дней, а потом сказал ему:

— Поезжайте-ка сами на реку Лопатку. А Игнатию устроим каникулы. Совсем заучился малый, пусть поотдохнёт.

С соизволения начальника области Беньовский вместе с Пановым, Степановым и Винбладом, прихватив с собой двух камчадалов, несколько раз ездили по зимнему пути на оленях в район реки Лопатки. Хотя Морис и не составил ясного представления о пригодности местности к устройству там земледельческой колонии — вся земля была покрыта снежной толщей, — он написал для Нилова пространную докладную записку. В ней он дал описание долины Лопатки, которая, по его мнению, защищена холмами от холодных ветров. К тому же рядом и гавань удобная. Было бы желательно продолжить исследование местности в летние месяцы. Писал Морис свою записку с напускной увлечённостью, чтобы усыпить бдительность Нилова и его помощников.

Во время последней поездки на юг Беньовский и его спутники встретили на обратном пути ссыльного прапорщика Ивашкина. Он ехал на оленях в сопровождении погонщика-камчадала из Верхнекамчатска в Большерецк. На привале у костра разговорились.

— Еду по поручению нашего исправника за покупками, — объяснил Ивашкин.

— И доверяет ваш исправник заговорщику? — с ухмылкой спросил Беньовский.

— А почему бы не доверять? Не впервой езжу. Сбежать некуда. А люди в Верхнем все наперечёт.

— Некуда, говорите, сбежать? А если бы представилась такая возможность?

— Если бы да кабы... Назовите мне такую возможность.

На предложение Беньовского участвовать в побеге Ивашкин ответил вроде бы положительно и стал выпытывать подробности плана побега.

— Вот доживём до лета... — уклончиво ответил Морис.

По прибытии в Большерецк Беньовский продолжал уроки с Игнашей. Нилов, если бывал трезв, читал его докладную записку.

— Прелюбопытно, весьма прелюбопытно, — сказал он в порядке поощрения Морису.

— Виноват, если чересчур пространно изложил свои мысли. Увлёкся. Предвижу, что работа нам на многие годы.

— Это хорошо, коли увлеклись. В увлечении неволя не столь тяжела,

— сказал Нилов с сочувствием. — Тут Ивашкин такое говорил про вас. Оговорить пытался. Не поверил я ему. Приказал немедленно возвращаться в Верхнекамчатск.

«Вот оно что!» — с тревогой подумал Беньовский, но расспрашивать Нилова ни о чём не стал, дабы не выдать своего волнения. Ивашкин, видимо, поразмыслил и решил не ввязываться в рискованное предприятие. Более того, он сообщил начальнику края, что среди ссыльных зреет заговор с целью побега. И по всей видимости, главарь заговора этот венгр или поляк.

А дело обстояло следующим образом. Достигнув Большерецка и остановившись у знакомого купца, Ивашкин предался мучительным размышлениям. Мысль о побеге заманчива. Но сулила она неясные, зыбкие перспективы и была сопряжена с опасным риском. От своей теперешней доли бывший прапорщик не то чтобы был в восторге. Но как-то приспособился, притёрся к трудностям камчатской жизни. Десятый год жил с доброй, домовитой камчадалкой, от которой прижил троих ребятишек, ловил рыбу в реке, ставил силки на соболя. Полуграмотный урядник, выслужившийся из казаков, привлекал его в помощь, когда приходилось составлять бумаги, разбирать всякие административные дела и тяжбы с аборигенами, доверял ему всякие поручения, в том числе и поездки в Большерецк за покупками. А как-то намекнул, что исходатайствует у начальства разрешение зачислить бывшего прапорщика Ивашкина за примерное поведение и для пользы дела на государеву службу с установленным жалованьем либо к себе в канцелярию писарем, либо в воинскую команду. Неплохо бы!

«Стоит ли игра свеч? — задал себе вопрос Ивашкин, раздумывая над предложением Беньовского, и ответил убеждённо: — Нет, не стоит. О заговоре он решил тут же сообщить Нилову. Но, к его удивлению, начальник Камчатки выслушал его рассеянно. Проникшийся определённой симпатией к Беньовскому, Нилов не придал большого значения словам Ивашкина. Да и сама мысль о бегстве с Камчатки казалась ему фантастической, нереальной.

Всё же донос Ивашкина не на шутку встревожил Беньовского, решившего проявлять максимальную осторожность. Пользуясь правом свободного передвижения, он вместе с Винбладом или с Батуриным неоднократно посещал Чевакинскую гавань. Предприятие требовало привлечения на свою сторону моряков, необходимо также было присмотреть корабль для захвата.

В устье реки Большой ссыльные обнаружили небольшое

повреждённое судёнышко. Команда во главе с приказчиком Чулочниковым производила ремонт. Люди бестолково суетились на палубе, мешая друг другу. Приказчик ругался замысловато. От Чулочникова Беньовский узнал, что судно принадлежит охотскому купцу Холодилову. Ещё прошлым летом купец отправил его для промысла морского зверя на Алеутские острова. У берегов Камчатки судно село на мель и оказалось повреждённым. После больших и продолжительных усилий Чулочников смог довести судно до большерецкого устья, чтобы здесь зазимовать, произвести необходимый ремонт, а с открытием навигации пуститься в дальнейший путь.

— Команда хуже некуда, — пожаловался Беньовскому приказчик. — Набрали всяких случайных людей, не привыкших к морю. Матросы совсем вышли из повиновения. Пришлось пожаловаться большерецкому начальству. Нилов прислал воинскую команду, припугнул смутьянов острогом. Люди приутихли, но затаили злобу. Вижу это по их взглядам.

— Не годится нам эта скорлупа, — сказал Беньовский сопровождавшему его Батурину. — Не дотянет до берегов Японии, а уж длительное плавание и подавно не выдержит. Да и команда — всякий сброд. Мне больше нравится вот этот кораблик.

Морис показал на судно более внушительных размеров, вмерзшее в лёд реки несколько в стороне от купеческого судёнышка.

— Это же старый наш знакомый, казённый галиот «Святой Пётр», на котором мы прибыли, — сказал Батурин.

— Его и будем брать. Я узнал, что галиот должен выйти в Охотск в мае или начале июня.

Был февраль семьдесят первого года. Зима стояла суровая, вьюжная, с обильными снегопадами. Сугробы наметало чуть ли не до самых крыш. По утрам солдаты воинской команды разгребали снег, чтобы расчистить вход в канцелярию и в командирский дом. Мороз разрисовал стёкла домов причудливыми узорами. В тайге жалобно стонали деревья.

В один из таких февральских дней Хрущов порадовал Беньовского:

— Склонил на нашу сторону штурмана Чурина.

Штурман командовал галиотом «Святой Пётр», на который нацеливался Морис. Вовлечение в заговор Чурина было неоценимо.

— Как это удалось? — с интересом спросил Беньовский.

— А вот как. Дошли до меня слухи, что Чурин по каким-то причинам боится возвращаться в Охотск. Я подпоил его, чтобы развязать язык. Подвыпив, штурман поведал мне свою нехитрую историю. Ещё во время прежней своей службы на другом корабле под началом капитан-лейтенанта Левашова Чурин проявлял неповиновение командиру,

недисциплинированность, за что был отдан под суд. Однако нужда в услугах штурмана была большая, да и моряков не хватало. Начальство и отложило суд до поры до времени. Но в Охотске штурман пустился во все тяжкие, повёл разгульную жизнь, увлёкся карточной игрой, наделал долгов. Расплачиваться с кредиторами ему нечем, угроза суда остаётся. Вот почему Чурин опасается возвращаться в Охотск. Я легко убедил его, что один смелый шаг с его стороны принёс бы избавление от всех неприятностей.

— По всей видимости, этот Чурин дрянь человек. Но для нас он незаменим. Так что поздравляю вас с ценным приобретением.

Привлечение к заговору Чурина окрылило Беньовского и Хрущова, и они стали энергично действовать, расширяя круг заговорщиков. Морис обратил внимание на сына местного священника Уфтюжанинова, Ивана, который иногда заходил к сыну Нилова. Иван был постарше Игнаши года на два-три. Он мечтал поступить матросом на корабль и отправиться в дальние плавания. Но суровый, деспотичный отец и слышать не хотел об этом. Он держал при себе Ивана, заставлял прислуживать в церкви, навалил на него всю чёрную работу по дому, а бывало, давал парню и крепких подзатыльников, если тот чем-то не угодил отцу.

Беньовский вызвал Ивана Уфтюжанинова на откровенный разговор и выслушал его жалобы на житьё-бытьё.

— Считай, Иван, что сам Господь Бог послал меня к тебе, — сказал многозначительно Морис. — Сделаем из тебя доброго моряка и поплывём в знойные заморские страны, где много сокровищ и смуглых красавиц. А для этого ты поможешь нам овладеть судном.

— Но ведь это заговор против государыни. Великий грех, — с испугом сказал сын священника.

— Да, Иван, это заговор. Только не грех это. Государыня вероломно завладела троном, устранив мужа, законного императора. А теперь не допускает к власти сына, Павла Петровича. Я не могу сейчас тебе всего сказать, придёт время — скажу. Знай одно, я, генерал Морис Август Беньовский, облечён высоким доверием цесаревича. Он бы одобрил наши действия.

Слова Беньовского произвели впечатление на недалёкого парня.

Подобным же образом Морис привлёк к заговору канцеляриста Рюмина, тоже Ивана. Бывая в большерецкой канцелярии, Беньовский присматривался к Рюмину, улавливая в его глазах постоянную тоску. При всей своей незлобивости Нилов был взбалмошным и тяжёлым человеком, к тому же постоянно пьяным. Работать с ним, как мог заметить Морис, было нелегко. Давая сумбурные, бестолковые распоряжения, противоречащие

одно другому, он легко забывал их и потом ругал канцеляристов, заставляя по нескольку раз переписывать одну и ту же бумагу. А потом оказывалось, что та бумага и вовсе не нужна никому. Однажды, выслушав очередную брань Нилова, канцелярист был особенно подавлен. Встретив Беньовского, Рюмин сказал ему с горечью:

— Убежал бы на край света. Да Камчатка и есть тот край света.

— Бежать надо в жаркие страны.

— Отсюда убежишь!

— Было бы желание.

— Желание-то есть. Да как?

— Заходи, Иван, потолкуем. Тогда и узнаешь как.

Были привлечены к заговору несколько матросов, купеческих служителей, камчадалов.

Возникает закономерный вопрос: как Беньовскому и его главным сообщникам удалось сравнительно легко расширить круг заговорщиков и вовлечь в него простых людей, которые вроде бы не были обижены судьбой и казались далёкими от политики. Главную роль в привлечении людей к заговору играли, как говорят источники, сам Беньовский и Хрущов, который постепенно становился его правой рукой. Они-то и показали себя искусными демагогами и хитрецами. Обратимся к исследователю истории Беньовского В. И. Штейну. Он пишет, что более простодушных людей главари заговора морочили тем, что будто недалеко от Камчатки лежит остров, на котором много золота и им легко нагрузить всё судно. «Мы, — рассказывали искусители, — доберёмся туда после короткого плавания, наполним галиот золотом, а тех, кто не пожелает следовать с нами в Европу, высадим опять на камчатский берег». Людям более развитым внушалось, будто Беньовский и привезённые с ним арестанты страждут невинно из-за великого князя Павла Петровича. Беньовский по секрету показывал единомышленникам зелёный бархатный конверт, будто бы с печатью его высочества, с письмом к императору римскому о намерении Павла вступить в брак с дочерью императора.

Беньовский уверял, будто сослан за тайное посольство, но сумел сохранить у себя драгоценное письмо — залог величайшей к нему доверенности, и должен непременно доставить его по назначению.

Так исследователь, опираясь на источники, описывает действия Беньовского и Хрущова по подготовке заговора. Как мы видим, главари заговора пустили в ход демагогию, хитрость, представляя дело так, что они якобы действуют в интересах обойдённого коварной и властолюбивой матерью цесаревича Павла Петровича.

Круг непосредственных участников заговора или сочувствующих заговору значительно расширился. В Большерецке открыто говорили о том, что ссыльные готовят какое-то дерзкое предприятие. Слухи об этом дошли и до команды купеческого судна, зазимовавшего в устье реки Большой. Команда отрядила выборного и направила его для переговоров к Беньовскому. Выборный сообщил, что команде Чулочникова известно о вербовке ссыльными сторонников, правда, неизвестно, для какой цели. Не может ли оказаться полезным участие моряков в этом предприятии? Визит выборного встревожил Мориса, опасавшегося раскрытия заговора. Поэтому он дал осторожный, уклончивый ответ, который можно было истолковать двояко.

О намерениях заговорщиков ничего не подозревал, кажется, один только Пётр Нилов, по-прежнему относившийся к Беньовскому с полным доверием. Морис продолжал давать уроки Игнаше. Он нанял крестьянина-плотника, начавшего рубить ему сруб. Батурин и Степанов взялись за дело сами. Плотники они оказались никудышные. Но всё же иногда приходили на стройку поковыряться и кое-как возвели три венца избы. Казалось, ссыльные готовились к долгому пребыванию на полуострове.

Неожиданное событие внесло осложнения.

Был конец апреля. В низинах между сопками ещё белел снег. По утрам случались заморозки. Но приближался день выхода галиота в море. И Беньовский решил поторопиться с планом побега. Вместе с Винбладом он пошёл уговаривать Семёна Гурьева присоединиться к заговорщикам. Гурьев, единственный из большерецких ссыльных, держался особняком и пока что уклонялся от всякого разговора о бегстве, хотя Хрущов и пытался не раз заговаривать с ним об этом.

— Вы с нами, поручик? — спросил его напрямик Беньовский.

— Я вас не понимаю, — ответил Гурьев.

— Ещё раз спрашиваю, вы с нами?

— Что вы затеваете?

— Освобождение. Бегство на галиоте в одну из европейских стран.

— Нет уж, увольте. Хватит с меня того, что однажды поплатился за свою склонность к авантюризму.

— Разве вы раскаиваетесь в том, что подняли руку на Екатерину, устранившую мужа, узурпировавшую трон?

— Вы не поп, чтобы меня исповедовать.

— Где ваше мужество, гвардии поручик? — вступил в разговор Винблад..

— Нет его, растерял. Вот так.

Беньовский и Винблад ещё пытались уговорить Гурьева, но тщетно. Того эти уговоры только раздражали.

— Оставьте меня в покое, господа. Или я открою ваши замыслы Нилову! — резко выкрикнул Гурьев.

— Ах, так вы ещё и угрожаете предательством! — со злобой ответил побагровевший Беньовский.

Он яростно ударил Гурьева кулаком в лицо один раз, другой. Оторопевший Гурьев слабо защищался, проклиная обидчика. Морис продолжал избивать бывшего поручика. Винбладу с трудом удалось остановить избиение.

— Не забывайте, мой дорогой, что вы дворянин, а не камчадал, — сказал он, силком выводя Беньовского из гурьевской избы.

Пострадавший вытер рукавом рубахи окровавленное лицо и вышел на волю вслед за Беньовским и Винбладом. Он постоял некоторое время в раздумье и побрёл понуро к дому сотника Чёрных из воинской команды. Сотник выслушал сбивчивый рассказ Гурьева и несколько раз неодобрительно хмыкнул, разглядывая его лицо со следами побоев.

— Доложим по начальству, будьте покойны, — сказал Чёрных и направился к Нилову.

Начальник Камчатки был в изрядном подпитии, и до него плохо доходил смысл слов, сказанных сотником. Поэтому Чёрных был вынужден несколько раз повторить всё то, что сам услышал от Гурьева.

— Настоятельно прошу, ваше высокородие, принять меры, — сказал сотник. — До меня и раньше доходили слушки о том, что ссыльные замышляют какую-то крамолу.

— Крамолу, — машинально повторил Нилов.

—Гурьев подтвердил эти слухи. Во главе заговора стоит этот Беньов. Он жестоко избил Гурьева за то, что тот не захотел примкнуть к заговорщикам.

Наконец-то до Нилова дошёл смысл сказанного.

— За доклад спасибо. Разберусь, — хмуро сказал он.

— Разберитесь, ваше высокородие. Они, чего доброго, овладеют острогом, команду разоружат.

— Я говорю, разберусь. Отрядите-ка сержанта к Беньову, чтоб передал приказ немедленно явиться ко мне.

— Слушаюсь.

Через некоторое время сержант появился у Нилова, но без Беньовского.

— Почему один? — с раздражением спросил начальник Камчатки.

— Заболел, говорит, ваше высокородие. В постели лежит и стонет.

— Ладно, приведёшь его завтра.

Нилов всё ещё проявлял снисходительность к учителю своего Игнаши и, кажется, всерьёз поверил в его болезнь. Но и на следующий день Беньовский уклонился от визита к начальнику края. Он скрывался в доме у камчадалов, где его меньше всего надеялись найти. Таинственное исчезновение главаря заговора уже начинало не на шутку тревожить и раздражать Нилова. И вечером по его приказу капрал с шестью солдатами был отряжён на поиски Беньовского. Но заговорщики были готовы к этой акции. С помощью всяких хитростей и уловок они перехватили солдат поодиночке, разоружили, связали и посадили в погреб.

Морис спешно собрал основных сообщников. Приказал им вооружиться. Кто воспользовался ружьями, отобранными у связанных солдат, кто принёс охотничьи дробовики.

— Выступаем ночью, — отрывисто сказал Беньовский собравшимся. — Дальнейшее промедление гибельно для всех нас. И помните... беспрекословное повиновение. Я возглавляю предприятие. Мой заместитель господин Хрущов.

Штурманские ученики Измайлов и Зябликов оказались среди тех, кто выслушивал распоряжение Беньовского. Но твёрдого намерения примкнуть к заговорщикам у них не было. Сейчас, поразмыслив, что дело, затеваемое ссыльными, не только рискованно, а будет сопряжено с возможным вооружённым нападением на гарнизон и вообще пахнет государственной изменой, они решили помешать этому и устремились в большерецкую канцелярию. Час был поздний. Караульные, охранявшие канцелярию, были мертвецки пьяны. Все попытки штурманских учеников разбудить их и втолковать им об опасности ни к чему не привели. Попытались Измайлов и Зябликов достучаться до капитана Нилова, ломились в дверь его дома, стучали в окно, но это не помогло. Пьяный Нилов не подавал никаких признаков жизни.

— Чёрт с вами, — выругался Измайлов. — Потом пеняйте на себя.

И штурманские ученики разошлись по домам. События трагической ночи 27 апреля надвигались.

Глава восьмая

Время приближалось к двум часам ночи, когда заговорщики направились к канцелярии. На улице было безлюдно. Тот, кто не участвовал в заговоре, в это время спал глубоким сном. Только возле церкви встретили запоздалого гуляку, безоружного солдата. Не успел он опомниться, как его схватили, связали и препроводили в погреб, где с вечера томились солдаты, отряжённые Ниловым привести Беньовского.

— Как поступим с Ниловым? — спросил вполголоса Хрущов, когда вдали показались очертания канцелярской избы.

— А как бы вы с ним поступили? — переспросил Беньовский.

— Посадил бы под надёжный замок. Пусть посидит, пока мы не покинем камчатские воды. Я бы не хотел кровавой расправы над ним. Не забывайте, что беспечность и близорукость Нилова здорово нам помогли.

Но Морис не согласился с Хрущовым.

— Начальник под замком всё же остаётся начальником. Нельзя исключать возможности того, что его сторонники попытаются освободить Нилова, и это осложнит нам дело. Мы должны внезапным ударом надёжно парализовать администрацию. При всех моих симпатиях к Нилову, выскажу убеждение, что мёртвый он нам предпочтительнее.

— Это неизбежно?

— Его, вероятно, будет защищать охрана. Убит в перестрелке или в свалке — это естественно. Кровь Нилова повяжет всех нас единой ниточкой. Грех перед Богом беру на себя.

Хрущов не стал спорить с Беньовским. Нилова, судьба которого предрешалась, ему было искренне жаль.

Увидев подходившую к канцелярии вооружённую толпу, наружный часовой почуял недоброе и, охваченный тревогой, заметался. Он видел, что ему одному не остановить нападающих. Их было слишком много. В ночной темноте они двигались сплошной чёрной массой. Часовой не сразу окликнул дневальных, находившихся в доме. Те же, забывшиеся глубоким сном, не сразу расслышали сигнал тревоги. А когда расслышали, было уже поздно. Наружного часового без труда сняли и обезоружили. Заговорщики: Беньовский, Винблад, Хрущов, Батурин, Чулочников, крестьянин Кузнецов, матрос Ляпин и многие из купеческих работных людей ворвались в дом и набросились на полусонных дневальных. Всех их обезоружили и посадили

на гауптвахту.

Овладев канцелярией и ликвидировав её охрану, заговорщики направились к командирскому дому, находившемуся неподалёку. Источники сообщают нам, что Пётр Нилов жил в Большерецке только с сыном. Других членов семьи, жену и трёх дочерей, он оставил где-то за пределами Камчатки, поскольку был командирован управлять краем «временно». По ночам в доме, помимо постоянной челяди, всегда находился кто-нибудь из охраны. Не ожидая нападения, Нилов никогда не держал большого числа охранников. На этот раз в передней комнате, рядом с сыном Нилова Игнашей, спал сержант Лемсаков, а в соседней комнате — пятидесятник[30] Потапов. В чёрной половине командирского дома находились трое вестовых и двое работников-камчадалов.

Подступив к дому, мятежники принялись громко барабанить в дверь. Первым услышал стук и крики толпы Лемсаков. Он вскочил с постели и разбудил Игнашу:

— Вставай! Предупреди отца. Там на улице толпа людей ломится в дверь.

Затем Лемсаков бросился к двери, закрытой на крюк. Попытался было завалить дверь всякой рухлядью, поспешно сдвигая стол, скамьи, табуретки, сундуки, да понял всю бессмысленность своей затеи. Дверь трещала под ударами заговорщиков.

Тем временем Игнаша бросился в спальню к отцу. Нилов, очнувшийся от сна и слышавший удары в наружную дверь, сидел на кровати в оцепенении и ждал развязки. Увидев сына, он крепко прижал его к себе, как бы предчувствуя вечную разлуку с ним.

— Беги, Игнаша, беги! — шептал он. — Ох, недоброе дело затеяли. А я, старый дурак, закрывал на это глаза. Предупреждали ведь. Беги же, беги!

Но сам мёртвой хваткой держал сына и не выпускал его из своих рук. Игнаша с трудом высвободился из объятий отца и, охваченный смертельным страхом, шмыгнул в заднюю дверь.

Он укрылся в нужнике. И это спасло его. В нужник никто из заговорщиков не догадался глянуть.

Дверь в конце концов поддалась натиску заговорщиков, они устремились в дом, разбрасывая скамьи и табуретки, оказавшиеся на пути. Лемсаков не решился стрелять по толпе и был тут же схвачен. Разъярённая, разгорячённая наступательным порывом толпа вопила: «Имай, хватай, режь, пали, вяжи!»

Часть заговорщиков кинулась в чёрную избу, хватая там вестовых и

работников. Всех перевязали и стащили на гауптвахту. Туда же сволокли сержанта и пятидесятника. Этой участи избежал лишь один из вестовых, казак Дурынин, успевший спрятаться под столом. Главные же заговорщики ворвались в спальню к Нилову, крестившемуся на образа и шептавшему слова молитвы.

— Опомнитесь! — пытался остановить он нападавших. — Государыня вам этого не простит.

— Ах, государыню вспомнил! Бей его, ребята! — резко выкрикнул Беньовский.

На Нилова набросилась обезумевшая от ярости толпа. Кто-то ударил его ножом несколько раз в руку, кто-то нанёс глубокую рану в лицо и ещё одну в ногу. Истерзанного, окровавленного начальника Камчатки били, пинали ногами, кололи ножом и штыками. Уже мёртвого, в одном нижнем белье, покрытого кровью и кровоподтёками, Нилова выволокли в сени и там бросили.

В командирском доме хранилась казна. Беньовский догадался, что она в окованном железом сундуке, в спальне Нилова. Выставив у сундука часового, Беньовский и Хрущов направились осматривать военные трофеи. В амбаре позади дома хранились ядра к пушкам, бочонки с порохом.

— Пригодится, — сказал довольный Беньовский. — Распорядитесь об охране. А теперь пойдём брать сотника Чёрных.

События развивались быстро. Не было ещё и трёх часов ночи, когда заговорщики подошли к дому Чёрных. И здесь они натолкнулись на неожиданное сопротивление. Сын сотника, казак Никита, встретил нападающих ружейным огнём. Было ещё темно, так что огонь вёлся неприцельный, и поэтому никто из толпы заговорщиков не пострадал. Когда же двери дома взломали, Никита успел сделать последний выстрел, ранив одного из работных. Он замешкался, пытаясь перезарядить ружьё. Тут-то толпа и навалилась на него. Избитого Никиту взяли под стражу и препроводили на гауптвахту. Жену с детьми и отца, престарелого сотника, под гиканье и улюлюканье толпы повели по улице. На жене Никиты, кто-то разорвал сарафан. В сотника полетели комья грязи. Потом, натешившись зрелищем, их отпустили.

Утром Беньовский водворился в избе большерецкой канцелярии и отсюда отдавал распоряжения на правах полноправного начальника. Первым делом он велел привести священника.

— Похороните, отец мой, как надлежит, капитана Нилова.

— Убиенного великомученика...

— Очень сожалею о случившемся. Пытался, но не мог сдержать

ярость толпы.

— Бог вам всем судья.

— И ещё... Я прикажу, чтоб к полудню собрали весь народ для присяги на верность государю нашему Павлу Петровичу. Вы, батюшка, подкрепите присягу крестным целованием и вашим благословением присягающих.

— Какая ещё присяга... Мы все присягали матушке Екатерине Алексеевне.

— То была незаконная присяга. Я представляю интересы Павла Петровича. На тот предмет имею при себе секретные бумаги. Можете идти, отец мой. И пусть вас не мучают сомнения.

Для присяги собрали на площадке перед церковной папертью всё население Большерецка. Некоторые, однако, чуя недоброе, решили от присяги уклониться и попрятались по избам. Их сгоняли силком, подталкивая прикладами и грозясь расправой за измену.

Беньовский, поднявшись на паперть, обратился к толпе:

— Присягаем законному государю нашему Павлу Петровичу.

— Присягали уже! — выкрикнул кто-то из толпы.

— Кому присягали?! Вас силой и обманом заставили присягать Екатерине, незаконно захватившей трон после убийства мужа. Законный наследник отстранён властолюбивой матерью от престола. Его признают и поддерживают все европейские государи. Я, генерал Беньов, и мои друзья по несчастью пострадали за правду и справедливость. Мы были верными людьми цесаревича. Мы действуем не самочинно, а по повелению Павла Петровича. При мне бумаги цесаревича, наделяющие меня высокими полномочиями. Действуя согласно этим полномочиям, мы наказали некоторых упрямых сторонников Екатерины. Капитан Нилов, пусть земля ему будет пухом, неразумно отказался признать законного государя, чем и вызвал справедливый гнев честных людей. Да простит их Бог.

Беньовский кончил свою краткую и сумбурную речь и шепнул находившемуся рядом с ним Панову:

— Попа давай скорее.

Перепуганного священника вывели из церкви на паперть. Он только что кончил отпевать Нилова и поэтому был в траурном облачении. Беньовский недовольно покосился на него — чёрная риза не очень-то импонировала торжественной церемонии присяги, — но не стал настаивать на переоблачении. Не хотелось терять время.

— Подходи по одному! — выкрикнул Беньовский. — Присягаете государю Павлу Петровичу.

Первыми приложились к кресту участники заговора, потом купцы, казаки, работные люди, камчадалы. Старый священник трясущейся от страха рукой протягивал крест и шептал молитву. Кое-кто уклонился от присяги и не подошёл для крестного целования, затерявшись в толпе. Среди таких были Гурьев, старик Чёрных и его сын-казак, кое-кто из купцов. Беньовский сделал вид, что не заметил этого. Церемония присяги прошла более или менее беспрепятственно.

Когда принятие присяги закончилось, Морис поздравил собравшихся и произнёс:

— Я и мои друзья в ближайшие дни покидаем камчатскую землю. Государь наш Павел Петрович возложил на меня особую миссию. Наши усилия нужны в Европе. А вы служите ему верой и правдой здесь. Сегодняшняя присяга освобождает вас от прежней присяги, которую вас вынудили дать Екатерине.

Толпа расходилась, охваченная двойственными чувствами. Простые люди верили словам хитреца Беньовского. Неведомый для них цесаревич Павел Петрович представлялся горемычным, обиженным беднягой, обойдённым злой и властолюбивой матерью. Но в то же время каждый говорил сам себе: а не всё ли равно для меня, кто воцарился на российском троне — Екатерина ли, Павел ли. К кресту каждый подходил с чувством тупого и отрешённого равнодушия. Что ж, этому прыткому генералу из ссыльных виднее. Беньовский представал в ореоле таинственной и непостижимой загадочности. Лишь кое-кто из наиболее грамотных и рассудительных купцов и служащих видели в Морисе ловкого хитреца и в душе посмеивались.

— Хитёр, бестия. Этот кончит свою жизнь либо на виселице, либо на троне, — сказал лекарь Мейдер Семёну Гурьеву, оставшись с ним наедине.

— Зачем же вы связались с авантюристом?

— Хочу умереть на родине, а не на этой Камчатке.

Убиенного Нилова в наспех сколоченном гробу препроводили на кладбище. Провожали его в последний путь всего лишь несколько человек во главе со священником. Среди них был и Игнаша, не сдерживавший рыданий. Обыватели попрятались по своим домам, так как опасались грабежей. Перепившиеся судовые командиры принялись грабить купеческие дома, сбивали замки с амбаров, вытаскивая провиант и пушнину, шуровали по сундукам. Приказчик купца Холодилова Арсений Кузнецов попытался было организовать сопротивление грабителям. Он собрал вооружившихся чем попало — кольями, топорами — работных людей, камчадалов, но был схвачен и жестоко побит. Судовики приволокли

приказчика к церковной паперти, намереваясь тут же его прикончить. Кто-то успел сообщить о готовящейся расправе Беньовскому. Морис с несколькими вооружёнными ружьями людьми бросился на помощь Кузнецову, разгоняя грабителей выстрелами. Злополучного приказчика удалось вызволить.

Грабежи настолько перепугали жителей Большерецка, что многие, прихватив с собой что поценнее, бежали в тайгу. Они строили там шалаши, намереваясь .отсидеться до отплытия заговорщиков.

На следующий день, 28 апреля, Беньовский распорядился готовить плоты, на которых предполагалось спуститься по реке Большой до устья. А 29 апреля заговорщики приступили к погрузке всех своих трофеев: пушек, боеприпасов, провианта, захваченного в казённых амбарах и у купцов, сундука с казной. Днём тронулись вниз по реке. Плотогоны, упираясь шестами в илистое дно реки, вели плоты, обходя завалы плавника и отмели. Низменные берега оживлялись ранней весенней зеленью, зарослями тальника.

Достигнув Чевакинской гавани, заговорщики тут же ограбили магазин с провиантом, пополнив свои запасы, и овладели галиотом «Святой Пётр». Захват судна не вызвал затруднений, поскольку его командир штурман Чурин ещё раньше примкнул к заговору.

В последующие дни заговорщики перегружали боеприпасы и провиант с плотов в трюмы галиота, готовили судно к походу. На галиоте «Святой Пётр» взвился императорский флаг. Беньовский приказал произвести строгий учёт всех людей, находившихся на борту. Всех заговорщиков, включая и экипаж, набралось семьдесят пять человек. Кроме них галиот принял к себе на борт девять женщин — это были жёны некоторых из заговорщиков — и двенадцать пассажиров. Так что всего оказалось девяносто шесть душ. Все жилые помещения галиота переполнились до предела.

При поднятии флага Беньовский приказал выстроить на палубе всех людей и произнёс краткое слово:

— Мы все теперь составляем «собранную компанию для имени его императорского величества Павла Петровича»[31]. Я ваш руководитель. Клянитесь же беспрекословно подчиняться мне во всём и защищать до последней капли крови сей императорский прапор. А я клянусь защищать вас, присягнувших тому прапору.

Священника на судне не было, чтобы подкрепить клятву крестным целованием. Поэтому ограничились тем, что прокричали нестройно: «Клянёмся!»

Затем Беньовский распорядился, чтобы его ближайшие помощники составили подробную опись всех находившихся на борту съестных припасов: муки, солонины, сахара, масла, сушёных грибов, соли, чая и прочего, изъятых в казённых амбарах Большерецка, у купцов и при разграблении магазина в Чевакинской гавани. Он прикинул, что для предстоящего продолжительного плавания всего этого всё же маловато. Надо бы ещё потрясти большерецких обывателей, особенно купцов. И Морис принял решение командировать в Большерецк канцеляриста Рюмина с письмом-предписанием, жёстким и категоричным по тону: выдать оному канцеляристу потребный провиант. В случае неисполнения приказания Беньовский угрожал городу самыми драконовскими карами.

Взяв с собой пару гребцов, Рюмин отправился в Большерецк на лодке. В большерецкой канцелярии он застал нескольких должностных лиц, не примкнувших к заговору, в их числе штурманского ученика Софьина и трёх-четырёх купцов. Все они находились в состоянии крайней растерянности и подавленности.

— Вот, господа, предписание начальника экспедиции барона Беньова, — произнёс Рюмин, вытаскивая из-за пазухи сложенную вчетверо бумагу и бросая её на стол. — Извольте познакомиться.

— Э-эх, растерял совесть-то, связался с разбойниками, — принялся стыдить Рюмина один из купцов.

— Постой, Антипыч, — остановил купца Софьин, первым прочитавший бумагу и передавая её по кругу. — Дело серьёзное. Требуют провианта и в противном случае грозятся расправой.

— И так всё выгребли, грабители, душегубы проклятые.

— Да помолчи. Вы знаете, что оружия у нас совсем мало. Стало быть, сопротивления оказать не сумеем. Лучше откупиться по-хорошему, чем нарываться на повальный грабёж.

Служилые и торговые люди неохотно, но всё же согласились, хотя ещё долго ругали и стыдили Рюмина. Выгребли из казённых амбаров остатки припасов, которые оставались после первой реквизиции, опустошили личные кладовые Нилова, пришлось раскошелиться и купцам. Снарядили плот с собранным продовольствием и пустили вниз по реке.

Беньовский передал потом в большерецкую канцелярию расписку, в которой с педантичной пунктуальностью перечислялось всё то, что было взято заговорщиками. Содержание сей расписки известно исследователям. В ней перечислены: 6372 рубля 30 копеек казённых денег, 217 рублей, взятых у казака Чёрных, 199 казённых соболей, 3 пушки, одна мортира, 50 гранат, 600 пуль и картечей, 4 пуда пушечного пороха, один пуд ружейного,

30 шпаг, 25 ружей, 400 пудов провианта и 11 фляг вина. Имелись в виду, разумеется, не малые фляжки в нашем понимании, а огромные многолитровые бутыли. Примечательно, что под текстом расписки Беньовский поставил следующую подпись: «Барон Мориц Аладар де Бенёв, у пресветлейшей республики польской действительный резидент и её императорского величества камергер, военный советник и региментарь». Такой витиеватый и фантастический титул озадачивал каждого, читавшего расписку, и вызывал недоумение. Что означает региментарь? Какой императрицы камергер и военный советник? Может быть, римской Марии-Терезии? Какими полномочиями наделён действительный резидент республики польской? Или подобный титул придумал себе сам Беньовский, дабы пустить пыль в глаза доверчивым россиянам?

Кроме взятого в Большерецке военного снаряжения и провианта, экспедиция располагала вооружением и запасами галиота. Вооружение «Святого Петра» состояло из восьми пушек, четырёх мортир, более сотни ружей со штыками. На судне были большие запасы пороха и свинца, продовольствия, воды и всякое корабельное хозяйство.

Пока Рюмин добывал в Большерецке необходимые припасы, Беньовский уединился в своей каюте со Степановым, и они взялись за составление бумаги, своего рода декларации заговорщиков, которую предполагалось передать в большерецкую канцелярию для дальнейшего препровождения в правительствующий Сенат. Степанов сперва не одобрил эту затею, не видя в ней смысла. Но Беньовский переубедил его.

— Мы не пираты. Пусть знают об этом и в российском Сенате, и в европейских странах.

— Уверен, что ваша бумага будет погребена в сенатских архивах за семью замками.

— Пусть. А мы оставим копию и опубликуем её в каком-нибудь парижском или лондонском журнале. И тогда мы в глазах Европы предстанем не корсарами, а политиками. Перед нами откроется дорога к европейской службе. Так-то, дорогой капитан. Я уже продумал этот документ. Вам остаётся придать ему хороший русский стиль.

Стараясь представить себя и своих сообщников не разбойными заговорщиками, а идейными борцами, Беньовский сетовал на то, что законный государь Павел Петрович лишён престола. Личность Екатерины II и деяния её царствования представлялись в самом мрачном, неприглядном свете. В вину императрице ставилась, в частности, разорительная для русского государства польская война[32], которая велась в интересах одного только короля Станислава Понятовского. Отмечалось,

что народ российский задавлен непомерными тяготами, коснеет в невежестве и страждет. Исключительными благами пользуются царские любимцы. За истинные заслуги никого не награждают. И камчатская земля разорена самовольством начальников.

В своём письме Беньовский касался и некоторых внутренних камчатских дел. По его словам, тридцать три работных человека были несправедливо обижены купцом Холодиловым, вынужденные трудиться на него безо всякой оплаты. Заговорщики пытались помочь этим обиженным советами и поэтому навлекли якобы на себя негодование капитана Нилова, который приказал взять их под стражу. Это и заставило Беньовского и его друзей предупредить события и объявить себя на службе законного государя. К ним присоединились угнетённые работные люди. Это они устремились к командирскому дому, чтобы арестовать Нилова, которого от беспробудного пьянства и страха разбил паралич. После его устранения они избрали своим предводителем Беньовского.

Документ этот — яркий образчик тенденциозной лжи и демагогии. Хотя в оценке политики Екатерины II и много справедливого. Живой и наблюдательный очевидец российской действительности, Морис Август Беньовский видел воочию её острые отрицательные контрасты и противоречия, проявлявшиеся в специфической форме и на Камчатке. Но что касается конкретных камчатских деталей, тенденциозность документа особенно очевидна. Нет никаких свидетельств того, чтобы Беньовский заботился о судьбе обиженных работных людей. Непосредственной причиной выступления заговорщиков послужило не стремление Мориса Августа и его ближайших сообщников выступить в защиту работных, а фактическое раскрытие заговора и угроза ареста самого Беньовского и ближайших к нему лиц. Морис пытается снять с себя ответственность за убийство Нилова, которого якобы «от беспробудного пьянства и страха разбил паралич», и инициативу нападения на его дом приписывает тем же работным, а не себе и не другим главным заговорщикам. Всё это противоречит свидетельствам очевидцев. И наконец, никак нельзя согласиться с тем, что работные, устраняя Нилова, избрали на его место Беньовского, поскольку-де всецело доверяли ему. На самом же деле Морис Август настойчиво, опираясь на ближайших помощников — Винблада, Степанова, Панова, Батурина, — сам навязывал свою персону в качестве лидера заговора. В своём письме он старался придать большерецкому выступлению некую социальную окраску. Участие самого Беньовского и его главных сообщников в большерецком выступлении было-де второстепенным, не определяющим, продиктованным сочувствием к

обиженным.

Документ подписали все главные зачинщики заговора, за исключением Хрущова, и многие из второстепенных его участников. Чем можно объяснить нежелание Петра Алексеевича Хрущова поставить свою подпись? Наверное, тем, что, будучи человеком умным и принципиальным, он не захотел подписывать текст, в котором многое не согласовывалось с реальными фактами. Письмо было составлено 11 мая, накануне дня отплытия, а на следующий день, перед самым отплытием, Беньовский передал его в руки боцмана Серогородского для доставки в Большерецк.

Возникает закономерный вопрос: в чём состоял смысл написания подобного документа, если Морис Август Беньовский рвал, решительно все нити, связывавшие его с Россией, и бросал вызов российским законам? Почему он пытался оправдаться в своих действиях и предстать не заурядным разбойником, а идейным борцом, поборником справедливости? Наверное, здесь можно выделить три причины. Первая — это стремление обрести ореол порядочности в глазах своих сообщников, чтобы как-то связать воедино узами братства разношёрстную, случайную, трудноуправляемую команду людей. Недаром же всем участникам экспедиции было предложено поставить свою подпись под текстом письма. Каждый мог не только ознакомиться с его содержанием, но и высказать отношение к нему своей подписью. Вторая причина — Беньовский стремился прибыть в Европу в тоге активного политического борца, рассчитывая сделать карьеру на службе одной из европейских стран. Политический борец мог скорее рассчитывать на успех, чем просто беглый ссыльный, разбойный заговорщик. И третья причина — азартный авантюрист Морис Август втягивался в игру, увлекавшую его. Азарт игрока заставлял его играть роль, далёкую от его сущности.

Заканчивалась посадка экипажа и пассажиров на галиот. Лучшую салон-каюту занял сам Беньовский, главноначальствующий экспедицией, как он сам себя называл. Его помощник Хрущов и другие главные заговорщики разместились по пассажирским каютам, по двое, по трое. Рядовые члены экипажа теснились в людском трюме. Весь экипаж Беньовский разделил на две команды, или вахты, постаравшись, чтобы в каждой были ближайшие его сообщники.

В самый последний момент Беньовский отпустил на берег взятых на судно заложников: тотемского купца Казаринова, казака Никиту Чёрных, боцмана Серогородского, сержанта Данилова и других. Их брали в аманаты[33] на всякий случай, чтобы предотвратить возможное нападение со стороны большерецкого гарнизона. Впрочем, вероятность такого

нападения была почти исключена. Заговорщики захватили в Большерецке основную часть вооружения и все запасы пороха и свинца. Отпуская Серогородского, Беньовский, как мы видели, вручил ему письмо для передачи в канцелярию.

Четырёх человек — канцеляриста Судейкина, исправлявшего обязанности секретаря при покойном Нилове, и подштурманов, или штурманских учеников, Бочарова, Зябликова и Измайлова — забрали на судно силой и на берег при отплытии не отпустили. Это было сделано в наказание якобы «за содействие к открытию заговора». Известно, что Измайлов и Зябликов накануне выступления заговорщиков пытались предупредить Нилова или хотя бы его охрану о грозящей опасности, но безуспешно. В чём заключалась конкретная вина Судейкина и Бочарова перед заговорщиками — не ясно. Вероятно, вся эта четвёрка вызвала подозрение и недовольство Беньовского из-за чьего-то оговора. Не слишком-то вникая в степень их вины, Морис решил наказать их в назидание другим, дабы показать свой характер. Кроме того, штурманские ученики могли представлять особую ценность в длительном плавании, и поэтому для Мориса предлог, чтобы удержать их на судне, был не существен. Против Судейкина Беньовский был настроен особенно предубеждённо и в порядке сугубого наказания определил его на кухню.

12 мая на галиот привезли священника, чтобы отслужить напутственный молебен. Подняли паруса. Заскрипели якорные цепи. Галиот снялся с якоря и вышел в открытое море, держа курс на юг. Столпившиеся на палубе члены команды и пассажиры вглядывались в камчатский берег. Сперва исчезли из поля зрения строения Чевакинской гавани, потом зеленеющие сопки и кромка леса. Наконец растворились в тумане и заснеженные вершины гор. Для Беньовского и его сотоварищей завершалась камчатская ссылка. Впереди было продолжительное и трудное плавание, полное неожиданностей и опасности.

Ещё до отплытия заговорщиков приказные, торговые и военные люди Большерецка собрались в большерецкой канцелярии и решили покончить с безвластием. Они избрали до прибытия нового начальника временно исполняющим эту должность штурманского ученика Софьина. Это произошло 30 апреля. В тот же день Софьин объявил о недействительности присяги Павлу Петровичу и поспешил привести всех жителей Большерецка к новой присяге императрице Екатерине II.

Софьин действовал энергично. Он освидетельствовал остатки казённого имущества и обнаружил удручающую картину. В Тигильскую крепость, а также в Верхнекамчатск он направил нарочных с депешами, а у

верхнекамчатского исправника просил вооружённую подмогу. Ждал первой оказии, чтобы поскорее отрапортовать в Охотск о печальных камчатских событиях. Из Верхнекамчатска не замедлили выслать помощь — два орудия и двенадцать человек нерегулярной команды. Была вытребована помощь и из Нижнекамчатска.

Возвратились задержанные заговорщиками заложники. Они сообщили, что «Святой Пётр» покинул Чевакинскую гавань и ушёл в море. Жители Большерецка могли вздохнуть с облегчением. Жизнь входила в обычное русло.

Софьин взялся писать подробное донесение охотскому начальству и для этого опрашивал одного за другим свидетелей. Делал это обстоятельно, без спешки. Работа была завершена только к середине июля. К тому времени оказался под рукой галиот «Святая Екатерина», отплывавший в Охотск. На нём и отправили донесение вместе с письмом Беньовского, адресованным в Сенат. В Охотск выехали и сам штурманский ученик Софьин, купец Казаринов и другие свидетели событий. Они везли также ведомость разграбленного и уцелевшего имущества, а также окровавленную постель Нилова в качестве вещественного доказательства.

Начальник Охотского порта Плениснер, человек преклонного возраста, медлительный и нерешительный, не принял на веру рапорт Софьина и не рискнул сразу же переслать его через иркутского генерал-губернатора в столицу. Он затеял собственное расследование, опрашивая штурманского ученика и других прибывших в Охотск свидетелей белорецкого заговора. Шли месяцы. В Петербург прибывали из Восточной Сибири люди, осведомлённые о событиях, ещё до прибытия официального донесения Плениснера. Так окольными путями императрица узнала о том, что случилось в Большерецке, и написала иркутскому генерал-губернатору генерал-лейтенанту Брилю повеление такого содержания:

«Как здесь известно сделалось, что на Камчатке в большерецком остроге за государственный преступления вместо смертной казни сосланные колодники взбунтовались, воеводу до смерти убили, в противность нашей императорской власти осмелились людей многих к присяге привести по своей вымышленной злодейской воле и потом, сев на судно, уплыли в неизвестное место, того дня повелеваем вам публиковать в Камчатке, что кто на море или сухим путём вышеперечисленных людей или сообщников их изловит и приведёт живых или мёртвых, тем выдано будет в награждение за каждого по сто рублей. Есть ли или в Охотске или Камчатке суда наёмный, то оными стараться злодеев переловить, а есть ли нет, то промышленным накрепко приказать, что есть ли сии злодеи где

наедут, чтобы старались перевязать их и при возвращении отдать оных к суду ближним начальникам нашим, дабы с ними поступать можно было, как по законам надлежит, бездельникам подобным в страх и пример».

Наконец, 7 февраля 1771 года в Сенат поступил рапорт из Иркутска с приложением подробного следственного дела от начальника Охотского порта Плениснера и с письмом Беньовского, подписанным и другими участниками заговора. Через некоторое время генерал-прокурор князь Александр Алексеевич Вяземский[34] докладывал императрице о камчатском деле. Екатерина встретила Вяземского сухо, не пригласила сесть. Доклад генерал-прокурора сразу же испортил ей настроение.

— Почему Сенат докладывает мне о деле, о котором давно уже говорит весь Петербург?

— Насколько я могу судить из донесения начальника Охотского порта Плениснера, сей администратор не удовольствовался рапортом из Большерецка, а затеял собственное расследование с опросом свидетелей и подзатянул его.

— Неспокойно на Яике, в башкирских степях... Пора бы знать об этом, князь. А тут ещё какая-то шайка камчатских мятежников...

— Возмутительно, ваше величество. Беньов и его сообщники заслуживали виселицы, а не ссылки.

— Что поделаешь, князь? Доброта — моя слабость. Плениснера, однако, от должности отрешить.

— Позвольте, матушка-государыня, замолвить слово за старого служаку. Медлителен, но честен...

— Нет, не позволю. На Плениснера пришёл донос от некоего копииста Злыгостина. Сей копиист доносит, что командир порта специально затягивал представление рапорта о бегстве злодеев по команде.

— Вероятно, сведение личных счетов... Но медлительность должна быть наказуема.

Вяземский склонил голову в знак согласия с императрицей, видя, что Плениснера ему не отстоять.

— Пусть допросят священника Уфтюжанинова, сын коего бежал с мятежниками. Слуга Богу и престолу — и не сумел воспитать сына. Позор на его голову.

Вяземский сокрушённо покачал головой, соглашаясь с Екатериной.

— Один из ссыльных, кажется, не пристал к злодеям? — спросила императрица.

— Так точно, матушка-государыня. Его имя Семён Гурьев. Проходил по делу о заговоре 1762 года. Он не только не пристал к злодеям, но

претерпел от них жестокие побои, так как грозился раскрыть их намерения.

— У него есть родные?

— В калужском имении проживают его братья.

— Верните Семёна Гурьева из ссылки. Пусть живёт в деревне под присмотром родных.

— У Гурьева есть ещё два брата, родной, Семён, и двоюродный, Пётр, также замешанные в заговоре 1762 года. Они поселены в Якутске без лишения дворянства. Как поступить с ними?

— А поступите так же, как с Семёном.

— Оценят ли они доброту вашу, государыня?

— Если Бог наставил вчерашнего злодея на путь праведный, он заслуживает снисхождения.

— Вы даёте, ваше величество, пример мудрости нам, стражам закона.

— Не льстите, князь. Вы знаете, что я этого не люблю. И ещё... Повторю то, о чём я уже писала в Иркутск генералу Брилю. Изловить и привести мятежников, живых или мёртвых. За каждого награда по сто рублёв. Дать указание всем казённым и торговым судам, кои плавают в восточных морях. И поступить с злодеями по всей строгости закона в назидание и в страх другим.

Генерал-прокурор послушно кивал головой, принимая к сведению предписания Екатерины, а сам думал тоскливо: «Ищи ветра в поле. Хотя бы попали бездельники в шторм сокрушительный, и дело с концом».

Белорецкий священник Симеонов, благословлявший присягавших Павлу Петровичу, был приговорён к двухлетнему заключению. Священника Уфтюжанинова после допросов оставили в покое. Якутский воевода напомнил о том, что знал о намерениях заговорщиков и предупреждал Плениснера. Но командир Охотского порта либо не внял предупреждению, либо был обведён вокруг пальца Беньовским и его компанией. В Сенате высказывали мнение, что близорукий растяпа Плениснер заслуживает более сурового наказания. Но Александр Алексеевич убедил сенаторов, что старик уже наказан отстранением от должности.

Императрица давала строгие предписания в отношении мятежников, её приближённые, следуя высочайшим предписаниям, слали в Восточную Сибирь генерал-губернатору, воеводам и начальникам портов депеши с приказами принять все возможные и невозможные меры, чтобы тех злодеев изловить, сулили государевы награды за доставку живых или мёртвых мятежников. Начальники портов в свою очередь наставляли командиров

военных и торговых кораблей. Да время давно было упущено. «Святой Пётр» с большерецкими заговорщиками находился уже вдалеке от российских берегов, вне досягаемости для властей и законов Российской империи.

Глава девятая

В своих записках Беньовский оставил пространное описание плавания на галиоте «Святой Пётр». Описание это отличается поразительной недостоверностью и нагромождением всяких вымыслов и небылиц и поэтому никак не может служить заслуживающим внимания источником. Со свойственным ему бахвальством Морис Август приписывает себе и своей распорядительности успех плавания на небольшом судне, избежавшем погибели во время четырёхмесячных скитаний по Тихому океану при слабом оснащении корабля необходимыми судовыми приборами. В действительности же главная заслуга в удачном плавании принадлежала не Беньовскому, а штурману Чурину, человеку опытному в морском деле. Экипажу благоприятствовали и условия плавания — галиоту не пришлось столкнуться с сильными штормами, которые могли оказаться гибельными для небольшого судна. Утверждение же Беньовского о том, что на «Святом Петре» полностью отсутствовали астрономические и математические инструменты, является явным преувеличением. Известно, что русские суда, военные и торговые, плававшие в северной части Тихого океана, неплохо обеспечивались необходимыми судовыми инструментами и приборами. Таково было непременное правило, продиктованное сложными метеорологическими и гидрогеографическими условиями плаваний в этом районе.

В книге Беньовского много противоречий. Одно и то же лицо в одном месте повествования названо капитаном, в другом рядовым матросом. Вот описываются чьи-то похороны, а через несколько десятков страниц покойный снова предстаёт перед читателем, но уже как благополучно здравствующее лицо. Мы видим полную путаницу в хронологии происходящего. События нескольких дней вдруг сливаются в одно. Абсолютно недостоверны описания Курильских и Алеутских островов, сделанные, по-видимому, по скудным сведениям большерецкой канцелярии и разбавленные фантазией самого автора. Масса небылиц содержится и в описании Японии и Ликейских островов. Утверждение Беньовского, что галиот якобы подходил к проливу, отделяющему Азию от Америки, — лишённый всякой логики вымысел. Он никак не согласуется с действительным маршрутом «Святого Петра».

О плавании галиота мы узнаем из более надёжных источников.

Это прежде всего записки канцеляриста Рюмина[35], вернувшегося в Россию после долгих скитаний. Записки эти были изданы и стали достоянием читателей. Изложенные в них факты и события совпадают со свидетельствами подштурмана Бочарова и других беглецов, также в конце концов возвратившихся в Россию. Так что мы имеем возможность воссоздать историю плавания «Святого Петра» на основании достоверных свидетельств очевидцев.

Итак, камчатский берег исчез из поля зрения, слившись с горизонтом. Галиот держал курс на юг. Уже в море Беньовский поднялся в штурманскую рубку. За штурвалом стоял Чурин.

— Выдержит ли галиот напор волн, коли выйдем в открытый океан? — спросил штурмана Морис Август.

— Всё зависит от погоды. С большим штормом «Святому Петру» трудно совладать в океане. Слишком низка осадка. Я бы не стал рисковать жизнью людей.

— И особенно жизнью супружницы, — сказал Беньовский с намёком.

Среди пассажиров галиота находилась и жена Чурина Степанида Фёдоровна с работной девкой Настасьей. Штурман понял намёк и сказал в своё оправдание:

— Не в бабе дело, однако. Полагаюсь на свой опыт. Океан шутить не любит...

— В опыте твоём не сомневаюсь. Что предлагаешь?

— Идти Охотским морем в виду Курильской гряды. На Курилах много удобных бухт, где можно встать на якорь, сделать починку, запастись водой.

— Добро. Пусть будет по-твоему. Идём к Курилам.

На третий день плавания показался один из островов Курильской гряды, Парамушир, довольно значительной протяжённости.

Штурман изменил курс с южного на юго-западный. Слева по ходу корабля оставались Курилы, их угрюмые, мрачные скалы упирались в небо своими остроконечными вершинами. Некоторые из вершин курились, извергая вулканические газы.

Чурин, оставив у штурвала помощника, направился в каюту Беньовского и, постучав в дверь, получил разрешение войти. Никто не решался входить к нему без стука.

— Разрешите доложить, господин главноначальствующий.

— Докладывай. Что там у тебя?

— Не нравятся мне Измайлов и Зябликов. Ведут себя как-то

подозрительно. Заметил, шушукаются меж собой на палубе. Подхожу к ним, а они и смолкли. И посмотрели оба на меня с такой лютой злобой, что не по себе стало. Чувствую, матросов мутят. Ей-богу, зря вы их на судне задержали.

— Это уж позволь мне знать. Матросов, говоришь, мутят?

— Определённо. И боцман делился со мной своими подозрениями. Дважды видел обоих в матросском кубрике. О чём-то толковали с людьми. При появлении боцмана тотчас умолкали.

— Серьёзная новость. За Измайловым и Зябликовым следи.

— Уже наказал боцману и ещё кое-каким людишкам, чтоб следили. Есть среди них матрос Андреянов, человек надёжный и мне верный.

— А ты подучи своего верного пса вызвать Измайлова или Зябликова на откровенный разговор. Пусть Андреянов поплачется им, что, дескать, не нравится ему вся эта затея, что сожалеет он, пошто не остался на берегу.

— Хорошо придумано.

— Пообещай ему двадцать целковых, коль поможет вывести на чистую воду смутьянов.

И на следующий день матрос Андреянов поведал приватно штурману о своём разговоре с Измайловым. Матрос поступил так, как научил его Чурин, — пожаловался, что недоволен главноначальствующим, затеявшим недоброе дело и склонившим обманным путём людей к бегству. Затем он стал проклинать свою неосмотрительность — пошто он не решился остаться на берегу, как другие. Измайлов поверил в искренность Андреянова и предложил ему участвовать в захвате судна. Матрос ответил, что дело хорошее, но как его осуществить? Тогда штурманский ученик раскрыл ему свой план. Захват судна надо приурочить к тому дню, когда «Святой Пётр» бросит якорь у берегов одного из островов. Наверняка сам главноначальствующий и его ближайшие помощники отправятся на берег. Именно в это время надлежит внезапно напасть на тех доверенных людей Беньовского, кто останется на судне, и всех их перебить. После этого останется лишь отрубить якорь и возвращаться в Чевакинскую гавань. Андреянов сделал вид, что замысел Измайлова пришёлся ему по душе, и сказал, что готов участвовать в захвате судна, но хотел бы подумать, прежде чем дать окончательный ответ.

Чурин тотчас пересказал всё то, что сообщил ему матрос, Беньовскому. Тот остался доволен.

— Молодец Андреянов, — сказал Морис. — Пусть сегодня же даст свой ответ Измайлову, что согласен с его предложением. И пусть постарается выведать имена всех сообщников. Получит от меня свои

двадцать целковых.

Тем временем галиот, миновав несколько островов, подошёл к скалистому острову, называемому курильцами Икоза. Русские же называли его просто Коза. Беньовский распорядился, чтобы экипаж занялся ремонтом такелажа, снарядил на берег команду матросов за пресной водой, приказал сшить из кусков цветной ткани английские и голландские флаги и вымпелы — на тот случай, если придётся прикрываться чужим флагом.

В тот самый момент, когда «Святой Пётр» бросал якорь в удобной бухте, Андреянов сообщил Чурину, что к Измайлову и Зябликову присоединились камчадал Паранчин с женой и человек десять матросов. Главное лицо среди них Измайлов, Зябликов у него правая рука. Среди матросов выделяется Софронов.

Чурин привёл Андреянова к Беньовскому. Матрос повторил свою информацию.

— Вот тебе двадцать целковых, — сказал Беньовский, протягивая Андреянову две десятирублёвые монеты. — Я держу своё слово.

— Премного благодарен.

— Иди, иди, братец. Ты заслужил своё.

Беньовский немедленно созвал весь свой штаб: Хрущова, Винблада, Батурина, Степанова, Панова, Чурина. Совещались недолго. Было принято решение арестовать всех смутьянов и примерно наказать. Провезти аресты было поручено Панову и Чурину. Штурман подобрал для этого вооружённую команду надёжных людей. Допрашивал арестованных сам Беньовский. Первым привели к нему Измайлова, державшегося дерзко и вызывающе.

— Так это ты с твоим дружком Зябликовым накляузничал на нас воеводе Нилову?

— Пытались только. И сожалеем, что нас не выслушали.

— Ты изменник и предатель, Измайлов. Изменил делу государя нашего Павла Петровича.

— Нет, это ты изменник и предатель, бусурманин нечестивый.

Лицо Беньовского перекосилось от злобы и побагровело, задвигались желваки на скулах. Но он сдержал себя и продолжал допрос.

— Что заставило тебя, Измайлов, подбивать команду на бунт?

— Искал истинных сынов отечества, коим и себя считаю. Да вот в одном ошибся.

— Прикажу-ка я, сын отечества, вздёрнуть тебя на рее.

— Это ты можешь. Законы для тебя, разбойник, не писаны.

— Я сам себе закон. Покайся, может, и прощу.

— В твоём прощении не нуждаюсь.

— Ишь храбрый какой! Пожалеешь.

Зябликов, в отличие от Измайлова, сразу же сломался. Попытался взвалить основную вину на него.

— Не мой сей замысел, — твердил он.

— Допустим, не твой — Измайлова. Что же заставило тебя стать его сообщником? — вопрошал Беньовский.

— Обида. Пошто умыкнули нас на судно, словно рабов каких?

— Вот и пеняй на себя, коль такой обидчивый.

Камчадал Паранчин на все вопросы Беньовского отвечал жалобами. Почему его и его жену оторвали от домашнего очага и забрали на судно? Из сбивчивого рассказа камчадала Морис Август узнал запутанную историю. Паранчин был работником у одного из большерецких купцов и находился у него в долговой кабале фактически на положении крепостного. Сей купец имел дела с Хрущовым. Ссыльный капитан гвардии в зимние месяцы довольно успешно промышлял охотой на соболя, искусно ловил ценного пушного зверька в сконструированные им самим ловушки. Пушнину он сбывал тому купцу, задолжавшему Петру Алексеевичу значительную сумму. Скупой, прижимистый, купец не очень-то спешил рассчитаться с Хрущовым. Когда же заговор Беньовского осуществился и заговорщики готовились покинуть Большерецк, Пётр Алексеевич, настроенный весьма решительно, пришёл к купцу за расчётом.

— Нет у меня денег в наличности, — хитрил купец.

— Рассчитывайся, купец, или найдём на тебя управу.

— Бери работника моего Алёшку с женой Лушкой. Людишки работящие. Будут у тебя в услужении.

Хрущов волей-неволей согласился и увёл Алексея Паранчина и его жену Лукерью. Так они оказались на судне. Сообщником Измайлова Паранчин стал из оскорблённого чувства бесправного человека. Он стремился обрести свободу и вернуться на родную землю. Примкнувшие к Измайлову и Зябликову матросы объясняли свой поступок просто: «Одумались. Хотели бы вернуться на родную землю».

Решал судьбу смутьянов Беньовский вместе со всем штабом.

— Измайлова, главного зачинщика, предать смерти. Вздёрнуть на рее. Чтоб другим было неповадно, — высказался Морис Август.

— Не слишком ли? — усомнился Степанов. Его поддержали Батурин и Винблад.

— Экипаж полезно припугнуть, — настаивал на своём Беньовский. — Измайлов дерзок, самоуверен.

— Я категорически против казни Измайлова, — настойчиво произнёс штурман Чурин. — Слишком крутые меры вызовут недовольство экипажа, а может быть, и открытый бунт.

— Штурман дельно говорит, — согласился с Чуриным Винблад. — Зачем ожесточать людей?

Никто не согласился с Беньовским, и он был вынужден уступить.

— Считаясь с вашим мнением, господа, на казни не настаиваю, — сказал он. — Но примерно наказать Измайлова и его дружков считаю своим долгом. Моё решение таково — сечь принародно бунтовщиков кошками, а потом высадить на этом острове.

— Сей остров, похоже, необитаем, — заметил Чурин.

— Тем хуже для смутьянов.

И этот приговор был слишком жесток. Против него возражали все, особенно штурман, опасавшийся волнений среди экипажа. Но на этот раз Беньовский был непреклонен и настоял на своём.

— Не забывайте, что вы присягнули беспрекословно повиноваться мне, — резко произнёс Морис Август.

— Тогда зачем вы пригласили нас? — сказал недовольно Степанов.

— Не будем ссориться, господа. Я определил не самую тяжелейшую меру наказания.

Осуждённых вывели на палубу, где столпились все члены экипажа и пассажиры. Беньовский махнул рукой, и два дюжих матроса, одним из которых был Андреянов, выполнявшие обязанности палачей, подхватили под руки Измайлова, сорвали с него рубаху и повалили на скамью. Андреянов железной хваткой обхватил штурманского ученика за ноги, а его напарник методично и расчётливо стал наносить удары по обнажённой спине Измайлова витой из сыромятной кожи плетью. После каждого удара на спине наказуемого оставался багровый кровоточащий рубец. После десятка ударов вся спина Измайлова превратилась в сплошное кровавое пятно. Держался он мужественно и терпеливо, не издал ни одного стона, ни крика, а только до крови закусил губы. Терпеливость штурманского ученика ещё более выводила из себя Беньовского. Но, видя, что наказуемый не выдаёт своей боли, не взывает о милосердии, он на двадцатом ударе приказал прекратить экзекуцию. Двое матросов подхватили Измайлова и увели.

— Достойно держался. Жаль, что не с нами, — с сожалением сказал Степанов.

Вторым секли Зябликова. Он глухо вскрикивал после каждого удара, судорожно бился на скамье.

— Этот, хлипок. Хватило бы с него, — сказал Чурин, обращаясь к Беньовскому.

— Ладно, кончай! — крикнул палачам Беньовский.

Зябликов отделался десятью ударами.

Потом наказывали камчадала Паранчина, переносившего сечение довольно мужественно. Жену Паранчина Лукерью секли лишь для потехи. Задрав ей подол сарафана и оголив ягодицы и спину, палач нанёс ей несильный удар. Женщина заголосила и запричитала, путая русские и камчадальские слова. Отделалась она сравнительно легко — несколькими ударами.

Последним наказывали Софронова. Палачам уже наскучило представление, и секли они его вяло, без прежнего азарта. Да и жалели — всё же свой брат матрос. На этом Беньовский приказал экзекуцию прекратить, так что остальные сообщники Измайлова избежали сечения. В заговоре они играли роль второстепенную, и Морис решил, что достаточно будет припугнуть их назидательным зрелищем.

Высеченных оставили на попечение лекаря Мейдера. Необходимых лекарств, хотя бы мази, затягивающей раны, у него не оказалось. Немец осмотрел наказанных, покачал головой. Глубокомысленно произнёс: «О, майн гот!» — и велел промыть иссечённые спины тёплой водой. На этом лечение и закончилось.

29 мая «Святой Пётр» снялся с якоря и пустился в дальнейший путь. Но прежде чем поднять якорь, Беньовский приказал вывести на палубу наказанных бунтовщиков. Измайлов шёл покачиваясь, как тяжелобольной. Остальные держались относительно бодро.

— Выбросил ли ты, Измайлов, дурь из головы? — спросил, глядя на него в упор, Беньовский. — Поклянёшься ли на Священном Писании, что будешь впредь верно служить мне?

— Нет, такой клятвы я тебе не дам. Ибо ты мошенник и обманщик.

— Мало секли тебя! — прикрикнул на него срывающимся фальцетом Морис, побагровев от злобы.

— А ты? — обратился он к Зябликову.

— Готов поклясться на Библии. Буду служить тебе.

— Значит, впрок пошла порка.

— Вестимо. Заблуждался я. Послушался этого Измайлова.

— Слабак же ты, — сокрушённо сказал Измайлов.

— Тебя не спрашивают, — резко одёрнул его Беньовский. — Ты, Зябликов, молодец. Извлёк урок.

— Ия, батюшка, буду служить тебе верой и правдой. Помилуй

дурака, — заговорил Софронов.

— И тебе, видать, ученье впрок пошло. Похвально. А вы, камчатские голубки, что скажете? — обратился Беньовский к Паранчиным.

— Твоя дорога не моя дорога. Зачем забрал нас на корабль? — с горечью сказал Алексей Паранчин. — Пошто моя перед людьми бил больно?

— Ты хотел сказать, не по пути нам с тобой. Значит, не по пути, — многозначительно сказал Беньовский. — А теперь слушайте моё решение. Штурманского ученика Измайлова и камчадала Паранчина с женой, как самых злостных и непокорных смутьянов, высадить на этом острове.

Общий возглас изумления раздался на палубе, где собрался весь экипаж. Высадка людей на необитаемом острове казалась многим смертным приговором. Рано или поздно несчастные были обречены на голодную смерть.

— Пошто?! — с неподдельным ужасом воскликнул Паранчин. — Худой остров. Люди нету, лесу нету. Одна камень.

— Ты же сам сказал, разошлись наши дороги. Продолжаю. Штурманского ученика Зябликова и матроса Софронова оставить на судне... Под твоим присмотром, штурман. Коли проявят себя с наилучшей стороны, о старых их прегрешениях забудем.

Измайлова и Алексея и Лукерью Паранчиных с нехитрыми их пожитками и небольшой котомкой с провиантом, выданным боцманом, погрузили в лодку. Произвести высадку осуждённых на берег угрюмого скалистого острова Беньовский поручил Панову вместе с четырьмя вооружёнными матросами. Измайлов проявлял сдержанность и не произнёс ни одного слова. Он вёл себя так, как будто гордился жестоким приговором. Паранчины же жалобно причитали.

Когда галиот, подняв паруса, тронулся в дальнейший путь, чета камчадалов в тоскливом отчаянии бегала по берегу, размахивая руками, и взывала к милосердию. Но на судне уже не слышали их жалоб и причитаний. «Святой Пётр» отдалялся от берега. Измайлов молчаливо следил за удаляющимся галиотом, пока тот не скрылся за горизонтом.

— Проклятый бусурманин, — выругался он и твёрдо сказал себе, что надо бороться за выживание. Камчадал внушал доверие, как человек выносливый и надёжный. С ним он и решил обсудить их нелёгкое положение.

— Мы даже не знаем, обитаем сей остров или безлюден, — сказал Измайлов. — Надо его обследовать, обойти всё побережье.

Паранчин согласился с ним. Быть может, встретится айнское стойбище

или судьба пошлёт им корабль купцов-промышленников. Айны постоянно обитают на Южных Курилах, а русские сюда наезжают периодически, для промысла. Айны миролюбивые и отзывчивые люди. На их помощь можно положиться.

— Бородатый айна хороший человек, добрый. Моя встречал айна, — сказал Паранчин.

— Согласен с тобой, Алексей. И я встречал айнов.

Осмотрели свои припасы. Не щедро одарил их боцман, сунув кулёк муки, немного солонины, сахара. Хватит этого на несколько дней, не более. Спохватились, что нет у них ни котелка, ни сковороды, чтобы испечь хотя бы хлебные лепёшки. Нет даже огнива, чтобы высечь огонь и разжечь костёр.

— Дело поправимое. Сейчас будет огниво. А ты, Алексей, собери выкидника.

Измайлов отыскал среди обломков скал два небольших красноватых кремня. С силой постучал одним камнем о другой, высекая искры. Подумал, что кремни вполне годятся в качестве кресала. Осталось лишь найти подходящий трут — сухой воспламеняющийся от искры материал. Для этого вполне годился мох или лишайник, высушенный весенним солнцем, который покрывал скалы. Вскоре нашёлся и трут, и Измайлов высек огонь. Сперва щепотка сухого мха слабо тлела, испуская дымок, но постепенно мох разгорелся. Паранчин тем временем натаскал выкидника, сучья и обломки древесных стволов, занесённых сюда, на голый остров, морским течением. Дерево было белёсым, гладким, отшлифованным волнами и пропитанным солью. Вскоре запылал весёлым трескучим огнём большой костёр.

Паранчин сам предложил отправиться вместе с женой на поиски айнского стойбища или русских промышленников и, если потребуется, обойти для этого весь остров. Он видел, что Измайлов после перенесённого наказания кошками совсем разболелся и ослаб. Вряд ли он выдержит продолжительный переход по скалистому дикому берегу. Значит, судьбе угодно, чтобы поиски взял на себя он, камчадал Паранчин с женой, такой же выносливой, а Измайлов оставался бы у костра и ждал их возвращения. Штурманский ученик пытался было возражать и настаивать на своём. Коли отправляться на поиски, так всем вместе. Но Паранчин твердил своё:

— Куда твоя ходи, Измайлов. Совсем худой, больной...

И Измайлов вынужден был согласиться. Он ходил, пошатываясь от слабости, испытывая сильное головокружение. Нестерпимо ныла иссечённая плетью спина. В таком болезненном состоянии далеко не

уйдёшь.

Провиант поделили. Себе Измайлов оставил лишь небольшой кусок солонины, а всё остальное отдал Паранчиным. Алексей натаскал ему выкидника для костра и мха для постели, устроенной в углублении скалы, похожем на небольшую пещеру. Хоть и плоховатое жильё, но кое-как защищает от дождя и ветра. Расстались сердечно.

— Желаю тебе удачи, Алексей, — напутствовал Измайлов Паранчина.

Камчадалы удалялись по прибрежной кромке, пока не скрылись за скалистым мысом.

Итак, Измайлов остался один. В первые дни он питался солониной, экономно расходуя еду. Ходил только к ручью, который неподалёку впадал в море. Вода в ручье была с привкусом и имела неприятный сернистый запах. Но приходилось её пить за неимением другой. Хорошо, что у Измайлова осталась железная кружка. Когда солонина кончилась, он был вынужден выходить на промысел. За эти дни он несколько поокреп, головокружение почти прекратилось, хотя спина по-прежнему болела. Во время отлива, когда море отступало далеко от берега и обнажало каменистое дно, Измайлов выходил на поиски пищи, собирая съедобные водоросли, пахнувшие йодом, ракушки. Однажды ему посчастливилось поймать небольшого осьминога, заблудившегося среди камней. Кроваво-красные щупальца осьминога судорожно извивались, норовя обвить руку человека, ухватившего мёртвой хваткой моллюска за голову. Осьминога он испёк в горячей золе и съел с огромным аппетитом. В дальнейшем Измайлову изредка приходилось ловить этих головоногих чудовищ, и они были хорошим добавком в еде. Как-то он столкнулся лицом к лицу с молодым тюленем, и пожалел, что у него нет никакого оружия, хотя бы копья. Зверь, вероятно, отбился от своего лежбища, находившегося где-то неподалёку. В течение нескольких минут он смотрел на человека большими умными круглыми глазами, в которых мелькнули испуг и тревога. Потом стремительно повернулся к воде и заковылял на своих коротких ластах.

Шли день за днём, а камчадалы не возвращались. Измайлов не на шутку встревожился, но дал себе слово во что бы то ни стало выжить и дождаться людей. Ведь только опустивший руки, безвольный человек идёт сам навстречу своей погибели. Были бы пресная вода и съедобные дары моря.

Измайлов уже настолько окреп, что собирал выкидник и стаскивал к своему жилью. Вход в пещеру он заложил вертикально поставленными лесинами, оставив лишь небольшой лаз. Щели между лесинами

законопатил мхом. Из камней соорудил очаг. Во время одного из походов за пищей он добил дубиной выброшенного на берег раненого тюленя и несколько дней питался печёным тюленьим мясом. Поправившись совсем, Измайлов забирался на прибрежные скалы и собирал там птичьи яйца. В расщелинах скал и на берегу ручья росла скудная травянистая растительность. Здесь можно было найти съедобные коренья. Вот так и жил штурманский ученик на острове одиноким робинзоном.

Какова же была дальнейшая судьба Алексея Паранчина и его жены Лукерьи? Они шли по прибрежной кромке. Путь был трудным, изнурительным. Берег был покрыт крупной и острой галькой. Постоянно попадались на пути и большие валуны. Прыгая с камня на камень, обходя валуны, медленно продвигались вперёд. Часто путь преграждала вдававшаяся в море острым мысом скала, и тогда приходилось карабкаться вверх, чтобы преодолеть мыс.

На третий день пути, когда съестные припасы подходили к концу, путники, совсем измученные тяжёлой дорогой, вышли к небольшой бухте. Их радости не было предела, когда они увидели в бухте небольшой промысловый корабль. На берегу горели костры и суетились какие-то люди. Это оказались русские промышленники купца Протодьяконова, запасавшиеся водой.

Встретили они Паранчиных радушно, накормили. Выслушали сбивчивый рассказ Алексея, посочувствовали их беде. Паранчин стал настаивать, чтобы промышленники немедленно отправились за Измайловым. Но предводитель промысловой артели, крепкий рыжебородый человек в жилетке из нерпичьего меха, сказал ему:

— Выручим твоего Измайлова. Непременно выручим. Но сию минуту это невозможно.

— Как невозможно?! — воскликнул Паранчин. — Один он, совсем один. Совсем плохой.

— Понимаем. Но мы спешим на промысел. Тебя с бабой возьмём на судно. Будете нам помогать. А Измайлова прихватим на обратном пути.

— Прихватите?

— Непременно прихватим. Даю тебе слово.

Вскоре в бухте появилось другое промысловое судно, купеческого сына Никонова. Промышленники отправились на промысел морского зверя, котика и сивуча. Промысел затянулся надолго. Не раз оба судёнышка попадали в шторм, укрывались в укромных бухтах в ожидании попутного ветра. Поэтому Измайлова забрали только в июне 1772 года. Нашли его живым и здоровым, вполне приспособившимся к одинокой суровой жизни.

Все эти месяцы Измайлов питался морской капустой, моллюсками и кореньями. Иногда перепадали птичьи яйца.

В Большерецке тем временем работала следственная комиссия, допрашивавшая многих свидетелей с целью выяснения всех обстоятельств мятежа Беньовского. Допросили и вернувшихся после долгих скитаний Измайлова и Паранчина. Оба показали, что взяты были на галиот «Святой Пётр» насильно и много претерпели от самого Беньовского и его главных сообщников за своё горячее стремление возвратиться в отечество. Измайлов показал следователям иссечённую плетьми спину.

Впоследствии подштурман Измайлов благодаря опыту, приобретённому в плаваниях в восточных морях, участвовал в путешествиях знаменитого Григория Шелехова[36], купца-предпринимателя, одного из первых исследователей Курильских островов и Аляски, и сослужил ему полезную службу.

Глава десятая

«Святой Пётр» продолжал путь на юг.

Прошли вдоль островов Кунашир и Итуруп, самых южных в Курильской гряде. В отличие от северных Курил, голых и почти бесплодных, эти два острова были покрыты густой растительностью. Девственная тайга вздымалась на горные склоны, спускалась в речные долины. Встречались непроходимые заросли курильского бамбука. Зелёный пояс тайги сменялся высоко в горах снегами и голыми скалами. Вулканические вершины курились спокойными струйками дыма. В подзорную трубу удалось разглядеть медведя, рыбачившего в устье реки. Оба острова были обитаемы. В нескольких прибрежных пунктах виднелись айнские хижины, дымились костры, а возле них копошились фигурки людей.

Из Охотского моря вышли в Кунаширский пролив, отделяющий Кунашир от самого северного из Японских островов, известного в ту пору под названием Эдзо или Мацумай. Своё нынешнее название — Хоккайдо — остров получил значительно позже.

Беньовский и Чурин посовещались относительно дальнейшего маршрута — идти ли вдоль западного побережья Японских островов, не выходя в океан, либо вдоль восточного. Посоветовавшись, решили выйти в океан и идти вдоль восточного побережья Японии. Понадеялись на то, что в этих широтах Тихий океан не столь бурный и коварный, как севернее, в районе Курильских и Алеутских островов. Чурин слышал от знакомых купцов, ходивших в Японию, что восточное побережье этой страны наиболее заселено, здесь сосредоточены основные города и удобные гавани. Это также послужило аргументом в пользу выбора второго маршрута.

— Сказывали те купцы, что все походы в Японию заканчивались без результата, — сказал Чурин, — Необщительный народ японцы. Торговать с нами не хотят. Встречают чужестранцев опасливо и стараются поскорее выпроводить восвояси.

— Политика у них такая — изолировать страну от всякого внешнего проникновения, — ответил Беньовский. — Для европейских кораблей открыт один только порт Нагасаки на юге страны. Да не для всех европейских, а только для одних голландских. Прикажи-ка, Чурин, поднять

на корабле голландский флаг.

— Слушаюсь.

— Мы теперь голландское судно. Ходили к русским берегам для торговли и промысла. Теперь идём в Нагасаки. Понятно тебе?

— Теперь понимаю, зачем нам понадобился голландский флаг.

— Именно затем.

Остров Эдзо, или Мацумай, напоминал своим ландшафтом южные Курилы. Те же леса, горы, снежные вершины. В ту пору этот самый северный из Японских островов был всё ещё мало заселён и освоен. Основное его население составляли айны, коренные жители. Редкие японские поселения были сосредоточены на побережье.

За Мацумаем протянулись берега главного и самого большого японского острова — Хонсю, или Хондо. Здесь ландшафт был совсем другой. Леса сменились возделанными полями. Населённые пункты стали встречаться чаще. Попадались и значительные по своей величине города. В море, на пути галиота, постоянно стали встречаться рыбачьи парусники. Паруса были сделаны из полосок расщеплённого бамбука, искусно связанных между собой в полотнища. Иногда на таких полотнищах были намалёваны иероглифические знаки или изображения сказочных драконов. Рыбаки-японцы приветливо махали рукой команде «Святого Петра» и что-то непонятно кричали.

Беглецов удивили не виданные ими в северных морях летучие рыбы. Они целыми стайками выпрыгивали из воды, взмахивая крыльями-плавниками, проносились над волнами и ныряли в морскую пучину.

Вдруг небо стало хмуриться и налетел шторм. Надежда на спокойствие Тихого океана никак не оправдалась. Шторм был жестоким, яростным, судно швыряло, как лёгкую щепку, с одного гребня волн на другой. Опасаясь, как бы разбушевавшаяся стихия не выбросила галиот на берег или на прибрежные камни, Чурин увёл корабль подальше от береговой черты, в открытое море. Потом канцелярист Рюмин скажет в своих записках: «Июля 2-го сделался шторм, который, продолжаясь с неимоверной жестокостью, грозил нам опасностью потонуть в морских волнах». Временами казалось, что «Святой Пётр», сбитый водяным валом и накренившийся набок больше критического предела, уже не сможет обрести нормальное, вертикальное положение и пойдёт ко дну. Забившиеся в трюме и по каютам люди шептали слова молитвы и испуганно вздрагивали, когда волны, словно тяжёлый всесокрушающий таран, бились о борт судна. Но искусство опытного штурмана, уверенно державшего в руках штурвал, победило стихию. Чурин сделал, казалось бы, невозможное

и вывел корабль из шторма, правда изрядно потрёпанный, с изодранными парусами. На ходу приступили к ремонту такелажа, починке парусов.

Седьмого справа по ходу судна показался остров с большим прибрежным селением на его берегу.

— Бросай якорь, — приказал Беньовский. — Кончились запасы пресной воды. Да и провиант пополнить надо бы.

В каком именно пункте Японии бросил якорь галиот «Святой Пётр», плывший теперь под голландским флагом? На этот счёт и сам Беньовский, и канцелярист Рюмин дают невнятные свидетельства, сообщают нам явно искажённые географические названия и неточные указания долготы и широты. Из японских источников мы узнаем, что Беньовский посетил небольшой остров Танегасима, или Тасима, у южного берега острова Кюсю.

Под вечер галиот бросил якорь в виду прибрежного селения. Утром следующего дня, когда рассеялся туман, с верхней палубы хорошо просматривались строения, все деревянные, под соломенной или дощатой крышей. Среди них выделялось своими необычными формами и более внушительными размерами лишь единственное каменное сооружение с выгнутой остроконечной крышей, по-видимому храм. У причала теснились лодки, а на берегу столпился народ, взиравший с любопытством на иностранное судно. Какие-то люди, одетые почище других и вооружённые саблями, должно быть чиновники или полицейские, суетливо размахивали руками и делали энергичные жесты — мол, убирайтесь вон.

— Гонят нас. Требуют, чтобы мы шли в море, — сказал Чурин.

— Как бы не так, — ответил Беньовский и приказал спустить байдару и отправиться на берег Винбладу и Степанову. — Установите контакт с местными начальниками. Пригласите их на судно. И помните, вы голландцы, идёте в Нагасаки.

— На каком же языке мы станем общаться с японцами? — спросил Степанов. Ни он, ни швед Винблад, да и никто на судне голландского языка не знали.

— Образованные японцы могут знать латынь. Но вряд ли на этом островке такие знатоки найдутся.

— То-то и оно, — сказал, покачав сокрушённо головой, Степанов.

— У меня, кажется, есть неплохая идея, — сказал Беньовский и обратился к Чурину: — Не найдётся ли в вашей судовой команде человека, ходившего на промысел на Курилы и жившего среди айнов?

— Есть один такой, камчадал. Превосходно гутарит по-айнски.

— Возьмите на всякий случай сего камчадала в качестве толмача. А

вдруг здесь найдутся японцы, жившие на Мацумае среди айнов?

Когда байдара подходила к берегу, толпа японцев ещё более засуетилась, заволновалась, замахала руками и загалдела. В нестройных возгласах: улавливалась явная угроза. Когда же нос байдары упёрся в причал, подбежали несколько дюжих парней, стараясь помешать непрошеным гостям выйти на берег. Степанов, а за ним Винблад и камчадал-толмач всё же выпрыгнули с байдары на причал и решительно направились к селению. Они шли, окружённые плотным кольцом японцев, которые не трогали их и не задирали, а лишь враждебно и угрожающе выкрикивали какие-то слова. Простолюдины были в коротких широкополых кофтах тёмных расцветок, босоногие или в деревянных сандалиях на высоких каблуках-подставках. Несколько человек выглядели побогаче — должно быть купцы или священнослужители. Они были облачены в тёмные узорчатые кимоно, перевязанные широким поясом. В кимоно одевались и женщины. Среди них выделялись две-три, как видно из богатого сословия, с набелёнными лицами. Их причёски представляли собой замысловатые, смазанные блестящим лаком сооружения, украшенные огромными шпильками-спицами с разноцветными набалдашниками. В толпе сновала, как водится, любопытная детвора, босоногая, крикливая.

Толпу внезапно угомонили два пожилых японца в шёлковых кимоно серо-стального цвета, должно быть местные должностные лица. Их знаками отличия служили изогнутые мечи за поясом с длинными рукоятками, обвитыми шнуром. У обоих японцев было выбрито темя, что придавало им глубокомысленный вид. Один из чиновников произнёс несколько слов спокойно и властно. Толпа моментально притихла и расступилась. Тот же чиновник сказал что-то с приветливой улыбкой прибывшим, очевидно, произнёс небольшую приветственную речь, и выразительным жестом пригласил их следовать за собой.

Они шли по чистой и опрятной улице селения. Их провожали любопытными взглядами жители, стоявшие в дверях домов. На лотках перед раскрытыми настежь лавками громоздились разные товары: рыба, фрукты, керамическая посуда. Они подошли к дому, который выглядел поболее и позажиточнее других. Перед домом был разбит маленький садик с карликовыми деревцами и водоёмом, в котором плавали золотые рыбки. Дорожки садика покрывал слой мелкого гравия. Старший из чиновников, видимо мэр или староста селения и хозяин дома, раздвинул створку двери, и японцы с гостями вошли внутри помещения. Они очутились в просторной комнате, совершенно пустой. Её пол был выстлан

соломенными матами-циновками, стены оклеены светлой бумагой. Японцы оставили у порога сандалии и что-то сказали гостям. Те, по примеру хозяев, также разулись, оставляя обувь у входа. Хозяин подошёл к глухой стене и раздвинул её. Стена состояла из деревянных рам, обтянутых бумагой и свободно передвигавшихся в пазах балок.

Во второй комнате на циновках пола лежало несколько плоских шёлковых подушек, заменявших, как видно, мебель. В углу стояла фарфоровая ваза с букетом цветов да на стене висел какой-то пейзажный рисунок в рамочке. Вот и вся обстановка. Хозяин гостеприимным жестом пригласил гостей рассаживаться на подушки. Гости повиновались, ощущая неудобство от непривычной позы. За ними последовали и хозяева.

Японцы представились гостям, назвав свои трудновоспринимаемые для европейского слуха имена. Представились и прибывшие, коверкая свои имена на голландский лад, как было условлено ещё на корабле.

— Руси, спаньол? — спросил старший чиновник, всматриваясь в гостей испытующе.

— Нихт, ноу, — решительно ответил Степанов, замотав головой в знак отрицания. — Холландер, холландер мы. — Он несколько раз повторил единственное знакомое ему голландское слово — «холландер», то есть голландец.

— О, холландер, — подхватил японец и заулыбался.

Разговор никак не клеился. Винблад скверно владел латынью и попытался было произнести несколько фраз на языке древних римлян. Но его скромные знания этого языка оказались бесполезными. Японцы его не поняли. Перешли на язык жестов. Степанов попытался передать на этом красноречивом языке, что их голландский корабль торговал с русскими, скупал пушнину, а теперь идёт в Нагасаки.

— О, Нагасаки! — воскликнул японец и снова заулыбался.

Тут посланник Беньовского вспомнил о своём спутнике-камчадале.

— Айна, Мацумай, — заговорил Степанов, показывая на камчадала и делая широкий жест — нет ли, дескать, в селении человека, побывавшего на Мацумае и знающего язык тамошних айнов. Чиновники поняли его и, заулыбавшись, закивали головой. Есть такой человек. Хлопками в ладоши хозяин дома вызвал слугу и что-то коротко и властно приказал ему. Тот отвесил глубокий раболепный поклон и вышел.

Вошёл другой слуга с чёрным лакированным подносом, уставленным маленькими фарфоровыми чашечками с каким-то напитком и разнообразной едой. Все чашечки были разных размеров, разной формы и разной расцветки. Подавать гостям одинаковую посуду означало бы, по

представлениям японцев, проявлять самый дурной вкус.

Пока отыскивался знаток айнского языка, хозяева потчевали гостей. Предложили выпить по чашечке сакэ, рисовой водки. Сакэ было слегка подогретое и имело специфический неприятный запах. Всё же выпили с удовольствием, закусили салатом из побегов молодого бамбука и креветок, сырой рыбой, приправленной редькой, рисовыми лепёшками. Жестами и улыбками поблагодарили хозяев и похвалили еду.

Тем временем первый слуга привёл купца, прежде промышлявшего на Мацумае. Долгое время он вёл торговлю с айнами и неплохо научился болтать по-айнски. Беседа через двух толмачей наладилась не сразу и с трудом. Купец владел диалектом южных айнов, а камчадал — северных. Эти два диалекта значительно отличались один от другого и по лексике, и по произношению. Всё же Степанов и Винблад сумели кое-как объяснить, что прибыли они на голландском судне. Они посетили русские берега для заготовки пушнины и торговли, а сейчас идут в Нагасаки, также для торговли.

— Это голландец? — спросил второй чиновный японец, указывая на толмача-камчадала, и в его вопросе Степанов и Винблад уловили нотки недоверия.

— Разве он похож на европейца? — ответил Степанов, взвешивая ответ, чтобы рассеять сомнения недоверчивых японцев. — Это камчадал, житель русской Камчатки. Большой земли, которая лежит к северу от Курильских островов.

Толмач-камчадал передал приблизительный смысл сказанного по-айнски. Толмач-купец пересказал его по-японски. Японцы закивали головой. Старший спросил:

— Почему на голландском судне оказался русский камчадал?

— Очень просто. Во время сильного шторма мы потеряли несколько человек экипажа. Пришлось на Камчатке нанять местных моряков. На европейских судах часто практикуется служба иностранцев.

Толмачи принялись за пересказ этих слов.

— Подозревают, черти, — шепнул Винблад Степанову.

Японцы предложили выпить по чашечке сакэ. Степанов решил, что самое время приглашать японских чиновников, оказавшихся начальником поселения и его помощником, в гости на корабль. Японцы переглянулись, о чём-то посовещались, и старший ответил согласием. Решили визит не откладывать. Старший чиновник пригласил всех в свою лодку, отчалившую от берега и направившуюся к «Святому Петру».

Принимал Беньовский гостей в своей каюте радушно, угощал и поил

щедро. Из своих пригласил только Степанова, Винблада да толмача. Японцев одаривали подарками: шкурками песцов (соболей Морис Август пожалел), красным вином, безделушками из моржовой кости корякской работы. Японцы были тронуты подарками, хотя долго не решались их принять, истово кланялись в пояс и благодарили. Потом началась деловая беседа.

Начальник поселения взял слово. Смысл его речи был таков. Пусть чужестранцы не сочтут это за обиду. Ниппон бедная островная страна. Её окружают сильные соседи, у которых много боевых кораблей и много солдат. Поэтому правитель Ниппона, доблестный сёгун, резиденция которого находится в городе Эдо на большом острове Хонсю, распорядился закрыть страну для чужеземцев. Исключение сделано только для голландцев и китайцев. Они могут посещать порт Нагасаки на острове Кюсю в определённое время года. Поэтому появление чужеземного корабля, хотя бы и дружественного голландского, у берегов Ниппона надо рассматривать как нарушение японских законов. Должностным лицам, вступившим в контакт с чужеземцами, могут грозить серьёзные неприятности. Закон в стране Ниппон суров, но справедлив. Пусть же голландский корабль незамедлительно покинет эти воды и не создаёт почвы для нежелательных осложнений.

Толмачи долго и старательно пересказывали приблизительный смысл речи японского чиновника. Перевод был весьма далёк от первоисточника. Камчадал никак не мог уразуметь — кто таков «сёгун». Решил, что так, должно быть, называется главный бог у японцев. Основную суть этой речи Морис Август, со слов толмача-камчадала всё же уловил. Пребывание «Святого Петра» в японских водах нежелательно. Начальник поселения настоятельно рекомендовал, или скорее требовал от Беньовского, поднять якорь и идти своей дорогой.

Беньовский взял ответное слово. Он слышал от знакомых капитанов о жёстких японских законах касательно иностранцев. Он и его люди с уважением относятся к законам и обычаям страны Ниппон и не имеют ни малейших помыслов нарушать их. Только крайние обстоятельства — нужда в пресной воде — заставили экипаж бросить якорь в японских водах. Не будут ли уважаемые гости столь любезны, чтобы указать удобную гавань, где бы можно было запастись водой? Судно тот же час покинет берега Японии, как только пополнит свои запасы воды.

Опять взялись за дело толмачи, старались до седьмого пота, пересказывая приблизительный смысл речи Беньовского. Речью этой японские чиновники были, кажется, удовлетворены. Об этом можно было

судить по их улыбкам и поклонам. Старший чиновник указал, что к северу от его поселения, на том же острове находится бухта. В неё впадает ручей с чистой родниковой водой. Пусть же корабль идёт туда. Действительно ли японцы проявляли заботу об экипаже галиота или просто хотели спровадить его подальше от своего селения? Прочесть ответ на сей вопрос на непроницаемых лицах гостей было никак невозможно.

Проводив японцев до трапа, Беньовский дал команду штурману подымать якорь и распустить паруса. Галиот взял курс на север и вскоре подошёл к бухте, на которую указывали японские чиновники. На некотором удалении от берега находилось селение, поменее предыдущего. Несколько десятков строений окружала невысокая каменная стена. Среди деревянных построек выделялись два-три сооружения из камня с высокими вогнутыми черепичными крышами. Очевидно, это были храмы. Справа от селения возвышались покрытые лесом горы.

По приближении к гавани судно встретили Две лодки. На одной из них находился чиновный японец со свитой. Чиновника можно было распознать по выбритому темени, скромному, но богатому кимоно из тёмной шёлковой ткани и кривому мечу за поясом. Чиновник, видимо глава местной сельской администрации, поднялся на корабль и, безошибочно уловив в Беньовском начальника, приветствовал его учтивыми поклонами. Беседы на получилось, так как в свите прибывшего важного японца толмача не оказалось. Но жестами он объяснил, что подчинённые ему жители готовы отбуксировать галиот поближе к берегу. Через некоторое время подошли ещё три лодки и, взяв судно на буксир, ввели его в гавань.

Галиот положил якорь, и Беньовский послал на байдаре за водой боцмана с двумя парами гребцов. Но едва байдара приблизилась к берегу, стоявшие на берегу японцы закричали и замахали руками, давая понять, чтобы никто из чужестранцев не смел выходить на берег. Напрасно боцман делал выразительные жесты, показывал на пустые бочки, которыми загрузили байдару, желая объяснить цель своей поездки на берег. Но толпа на берегу была неумолима. Люди продолжали кричать и махать руками. Некоторые делали страдальческие лица и проводили ребром ладони поперёк шеи. Должно быть, не столько угрожали боцману и его гребцам, сколько предугадывали свою страшную участь, если они допустят непрошеных гостей на берег. Им всем отрубят головы, как нарушителям закона, изменникам. Боцман не рискнул прорываться к ручью через возбуждённую толпу людей и повернул назад, на судно.

Вскоре после возвращения байдары к борту галиота пришвартовалась японская лодка. Японцы привезли несколько бочонков воды и мешки с

рисом. Никакой платы за этот подарок не потребовали. Довольно странным было японское гостеприимство. Попытка самого Беньовского съехать на следующий день на берег окончилась неудачей. Вблизи берега его байдару окружили караульные люди с вооружённой охраной и заставили воротиться на судно. Сами же японцы охотно посещали галиот, с любопытством бродили по палубе, разглядывали и трогали пушки, жестами изъяснялись с членами команды, охотно принимали от них угощения. Приезжали и из отдалённых селений, чтобы побывать на корабле чужестранцев и воочию увидеть людей из чужой, неведомой страны.

— Чем-то мы вызвали у японцев подозрение, — сказал Беньовский Винбладу.

— Не поверили, что мы голландцы, — отозвался швед. — Помните, какое подозрение вызвал у того чиновника из большого селения наш камчадал?

— Думаю, дело не просто в подозрении. Доложили здешние чиновники о появлении чужеземного корабля вышестоящим властям. Те и прислали жёсткое указание — на берег не пускать, держать нас под строгим присмотром.

— Ещё, чего доброго, попытаются нас арестовать.

— Не исключено. Эх, жаль у здешнего начальника нет толмача. Я бы тогда кое-что втолковал этим азиатам. Убил бы сразу двух зайцев — и японцам внушил доверие, и русским большую свинью подложил. Человек я злопамятный, обид не забываю. С русскими у меня свои счёты. Припомню им и казанскую ссылку, и крепость, и дорогу через Сибирь, и Камчатку.

— Стоит ли? Христос учил прощать врагов наших.

— Стоит, дорогой Винблад. Или не будь я барон Морис Август Беньовский.

Винблад ещё не понимал, что задумал его спутник. А Морис, человек столь же высокомерный и заносчивый, сколь злопамятный и мстительный, решился из чувства мести на коварный шаг. Галиот вновь посетил глава местной администрации. Он появился на корабле с небольшой свитой. Жестами он показал Беньовскому — пусть матросы доставят в японскую лодку пустые бочонки. Морис понял — японец обещал наполнить их водой.

Беньовский пригласил гостя к себе в каюту, задаривал его подарками, поил водкой. Старался, как мог, жестами, словами втолковать ему — нужен толмач. Несколько раз Морис повторил имя купца из большого селения, побывавшего на Мацумае, повторял слова «айна», «Мацумай», привёл своего камчадала и, указывая на него, повторял те же слова. Показал

наглядно с помощью языка жестов всю цепочку беседы. Он, Морис, говорит, толмач-камчадал передаёт его речь по-айнски, купец из большого селения переводит айнскую речь по-японски, большой японский господин понимает. Понадобилось всё искусство театра пантомимы, чтобы с помощью выразительных жестов и мимики разыграть сцену с толмачами. Японец не сразу, но понял, что от него хотел Беньовский. Заулыбался, закивал головой.

В тот же день начальник селения послал конного нарочного за купцом. На четвёртый день стоянки в бухте японцы привезли на судно все бочонки, наполненные водой, несколько мешков риса и куль соли. А вслед за тем приехал и местный администратор с купцом-толмачом. Беньовский пригласил на беседу толмача-камчадала и Степанова с Винбладом для солидности.

— Мы посетили русские владения, — начал Беньовский. — Я говорил со многими русскими чиновниками, военными, с главным воеводой камчатской земли...

Беньовский прервался и сказал толмачу:

— Переведи это.

Толмачи усердно перевели. Японский чиновник улыбчиво закивал головой.

— То, что я скажу вам далее, будет сказано мною из чувства признательности к вам, японцам, за радушный приём. Россия вынашивает недобрые намерения в отношении страны Ниппон.

— Но это неверно, — запальчиво перебил Беньовского Степанов.

— Молчите, Степанов. Я говорю то, что надо сказать в этой ситуации. Да, Россия агрессивная страна. Она утвердилась на Курильских островах, построила там военные форты, завезла туда пушки, снаряды. Следующим шагом должно быть покорение Мацумая, а потом и всех остальных японских островов. Об этом мне говорили сами русские.

— Кто говорил? Враки же всё это! — снова воскликнул Степанов.

Беньовский не счёл нужным ответить ему.

— Считаю своим долгом предупредить вас, — продолжал Беньовский. — И мой добрый совет — внимательно следите за передвижением русских по островам Дальнего Востока. И принимайте меры для защиты ваших северных окраин. Вот и всё, что я хотел вам сказать. Переведи это, мой хороший.

Толмачи принялись за дело. Чиновный японец сидел с непроницаемым лицом и не выражал никаких чувств.

— Вот письмо, адресованное вашему правительству в Эдо, — сказал

Беньовский, протягивая японцу пакет, когда толмачи кончили свой пересказ. — В письме я изложил более подробно всё сказанное здесь мною. Я пользовался латынью. Надеюсь, в Японии найдутся знатоки этого языка.

Японец опять не выразил никаких чувств, но письмо взял. Попрощался с хозяином сдержанно. Как только Лодка с японцами отплыла от судна, Степанов, гневно сжимая кулаки, обратился к Морису:

— Хотел бы объясниться с вами, господин Беньовский.

— Ах, понимаю... Вы же патриот своей родины.

— Да, чёрт возьми... Мне может не нравиться Екатерина с её царедворцами. Я никогда не был в восторге от моей камчатской ссылки. Но есть ещё Россия, родина, какая бы она ни была.

— Слова, слова...

— Вам этого, вероятно, не понять.

— Где уж мне, какому-то там не то поляку, не то венгру. Бусурманину, как вы говорите.

— Вот именно. Зачем вы затеяли этот недостойный, лживый спектакль?

— Только для того, чтобы завоевать доверие недоверчивых японцев.

— Оправдана ли цена? Вы сеете недоверие японцев к русским, разжигаете их подозрительность. А нужны добрые, сердечные отношения между соседними державами. Сколько усилий затратили русские купцы и мореходы, плавая к берегам Японии и безуспешно добиваясь права вести торговлю в японских портах!

— Вы утомили меня, Степанов. Продолжим как-нибудь в другой раз наш приятный спор. А сейчас оставьте меня.

В японских источниках можно найти упоминание о клеветническом письме Мориса Августа на имя правительства сёгуна с предупреждением о мнимой русской угрозе. Акция Беньовского никак не способствовала развитию русско-японских отношений, а, наоборот, сеяла в Японии недоверие и подозрительность к русским. Последующие попытки русских купцов и мореплавателей открыть Японию для торговых и всяких других контактов неизменно наталкивались на глухую стену холодной настороженности. Можно с полным основанием сказать, что месть Беньовского в определённой мере достигла своей цели. Малоизвестный у нас исследователь истории русско-японских отношений С. И. Новаковский, знаток японских источников, издавший в 1918 году в Токио содержательную книгу «Япония и Россия», пишет: «Интересная, но вместе с тем и печальная страница русско-японских отношений принадлежит бежавшему из Камчатки графу Морису Августу Беньовскому». История

эта, по словам автора, имела печальные последствия. Что касается упомянутого здесь графского титула, то впоследствии Морис Август с той же лёгкостью необыкновенной стал называть себя графом, как прежде называл себя бароном. Тщеславие самозваного графа-барона с годами росло.

На пятый день пребывания в бухте Беньовский приказал подымать якорь. Это вызвало замешательство среди японцев в лодках, окружавших судно. Несколько островитян ещё оставались на борту галиота. Они не спешили уходить, несмотря на предупреждения команды. При первой попытке поднять якорь все они засуетились, замахали руками, загалдели. Один из японцев, более почтенного вида, чем другие, вероятно, какое-то должностное лицо, подбежал к Беньовскому и стал показывать жестами, чтобы якорь не подымали.

— Похоже, пытаются убедить нас оставаться на прежнем месте и не выходить в море, — сказал Беньовский Чурину.

— Это что, арест? — с тревогой спросил штурман.

— Откуда я знаю. Вели-ка команде выпроводить поскорее всех гостей вон.

Японцев выпроводили с борта судна. Когда же попытались поднять якорь, японцы с лодок ухватились за якорный канат, чтобы помешать его поднять.

— Это мне совсем не нравится, — сказал Беньовский. — Определённо, японцы имеют против нас дурной умысел.

Он приказал дать из пушки холостой выстрел в острастку японцам. Выстрел откликнулся гулким эхом. Это произвело на всех находившихся в лодках ошеломляющее впечатление. Сперва они упали и притаились на дне лодок, а опомнившись, поспешно поплыли к берегу. «Святой Пётр» поднял якорь и вышел в море.

А японцы повели себя так потому, что мятежный корабль вызвал у них серьёзное подозрение, и они не очень-то поверили в его голландскую принадлежность. Тот самый купец, который, побывал на Мацумае и жил среди айнов, бывал и в Нагасаки и встречал там голландских моряков и торговцев. По своей манере держаться, по одежде и речи эти загадочные люди с корабля никак не напоминали тех голландцев из Нагасаки. Своими подозрениями наблюдательный купец поделился с начальником поселения, знатным самураем, которому подчинялись администраторы соседних, более мелких населённых пунктов. Тот послал уведомление с рекомендацией внимательно наблюдать за чужестранным судном и его командой начальнику поселения соседней бухты, куда галиот как раз и

направился, чтобы запастись водой. Информация Беньовского о мнимых агрессивных планах русских только усилила подозрение японцев. Они восприняли предупреждение Мориса Августа по-своему. Этот человек с корабля определённо русский шпион. И предупреждение его сделано вовсе не от чистого сердца в знак признательности за гостеприимство, а с единственной целью припугнуть японцев. Вот и было принято решение задержать русский корабль, чтобы потом поступить с его экипажем по всей строгости закона. Предупредительный выстрел из пушки, вызвавший смятение среди японцев, помешал им осуществить это намерение.

Ещё при подходе к Японским островам среди экипажа и пассажиров корабля открылась повальная болезнь. Этому способствовали скученность в каютах и трюме, плохая пища, несвежая вода и всё усиливающаяся жара. Многие заболели лихорадкой, другие ощущали общую слабость и не могли подняться с постели. Мейдер обходил больных, говорил ободряющие слова, чувствуя своё полное бессилие перед наступающими болезнями. У него не было никаких лекарств, даже нужной в таких случаях хины. Единственное лечение, которым пользовался лекарь, было кровопускание. Он и практиковал свой универсальный метод, подходя то к одному, то к другому больному с ланцетом и тазиком. Но после кровопускания многим из больных становилось ещё хуже — от потери крови люди совсем ослабели. Когда покидали негостеприимные берега Японии, почти третья часть экипажа и пассажиров оказалась лежачими больными.

К югу от Японии протянулась цепь небольших гористых островов и островков с пышной растительностью. Это был архипелаг Рюкю, который русские называли Ликейскими островами. В ту пору они ещё не принадлежали Японии, а составляли королевство, находившееся в вассальной зависимости от Китая.

20 июля галиот подошёл к довольно значительному острову и стал на якорь в удобной бухте. Тотчас к судну подплыло множество лодок с местными жителями, приветствовавшими прибывших дружелюбными жестами и возгласами. Они предлагали мореплавателям картофель, фрукты, свежую рыбу. Свой остров жители называли Танао-Сима. Островитяне не только не препятствовали команде выйти на берег, но оказывали ей всяческие знаки внимания и гостеприимства. «Как бы уже с нами многое время жили», — замечает Рюмин. Они зазывали гостей в свои жилища — лёгкие хижины из бамбука, угощали фруктами, показывали своё немудрёное хозяйство. Жители острова занимались земледелием и рыболовством. Удобных для сельскохозяйственных угодий площадей было мало. Поэтому небольшие возделанные полоски земли ползли по крутым

склонам гор и ущелий. Островитяне выращивали рис, сахарный тростник, батат, фруктовые деревья. Скота держали мало из-за недостатка пастбищ.

Лекарь Мейдер позаботился о том, чтобы запастись свежими фруктами для больных. Пополнили запасы питьевой воды. Произвели текущий ремонт такелажа. Десять дней простояли в бухте гостеприимного острова Танао-Сима.

По мере продвижения на юг жара становилась всё нестерпимее. Приближались тропики. Больных на судне становилось всё больше и больше. Уже не треть, а половина экипажа и пассажиров страдала лихорадкой, общей слабостью и тяжёлым нервным расстройством.

Судно приближалось к Северному тропику, когда на горизонте показалась большая земля. На ней вырисовывался горный хребет с высокими вершинами.

— Что за земля? — спросил Чурина Беньовский, поднявшийся к нему в штурманскую рубку.

— Если судить по карте, это Формоза, китайский остров, — ответил штурман. — Невдалеке и Китай, за проливом.

— Формоза? — переспросил Беньовский, вглядываясь в серую громаду хребта. — Читал где-то об этом острове. Помнится, испанцы и португальцы долго оспаривали друг у друга власть над этой землёй. Но хозяевами положения всё же остались китайцы. Кроме китайцев, живут здесь дикие туземные племена, очень воинственные.

— Надо бы, однако, послать лодку за водой.

— Отчего же не послать.

Беньовский хотел было поручить поездку на берег Степанову, да раздумал. Вспомнил о размолвке с ним. Размолвка оказалась серьёзной. Степанов всячески избегал Мориса Августа. О недостойной клевете Беньовского на русских, его стремлении запугать японцев мнимой русской агрессивностью Степанов рассказал Батурину и Хрущову. Те также выразили своё неодобрение Беньовскому и стали избегать его. Хрущов сказался больным и не выходил из каюты. Он в самом деле чувствовал недомогание. Морис сознавал, что на судне, у его ближайших сподвижников, зреет протест. Похоже, что Степанову, Батурину и Хрущову, составившим оппозиционную группировку, молчаливо сочувствовал Винблад.

Пусть отправляется на берег Панов. Дайте ему двух здоровых матросов, — распорядился Беньовский.

— Здоровых-то почти не осталось. Пожалуй, пошлю юнгу Попова и матроса Логинова. Эти ещё держатся.

Галиот положил якорь на недальнем расстоянии от берега. Панов с двумя членами команды съехал на берег. Слова Беньовского о воинственности здешних островитян заставили Чурина с опаской следить в подзорную трубу за лодкой. Как бы не приключилось какой-нибудь беды. Его опасения подтвердились. Едва Панов и два его спутника ступили на берег и прошли по островной земле несколько шагов, из чащи кустарника устремилась на них толпа смуглых полуголых людей, вооружённых луками. Полетела туча стрел.

Панов тотчас упал и остался лежать недвижим на прибрежном песке. Юнга Попов опустился на колено и пытался вытащить застрявшую в груди стрелу, но безуспешно. Логинов, распростёртый на земле, бился в предсмертной агонии. Туземцы подбежали к ним и добили раненых.

Чурин поспешил доложить Беньовскому о разыгравшейся на берегу трагедии. Выслушав штурмана, Морис Август отдал приказание:

— Нацелить пушки на берег.

Послать карательную экспедицию на берег Беньовский всё же не решился без ведома и одобрения главных своих сподвижников. Он пригласил на совещание Винблада, Чурина, Хрущова, Батурина и Степанова, хотя с тремя последними был в размолвке. Хрущов, отговорившись серьёзным недомоганием, на совещание не пришёл. План Беньовского примерно наказать туземцев одобрил один только штурман, вознегодовавший на островитян за убийство членов экипажа.

— Зачем проливать кровь и ожесточать этих детей природы? — вздохнул Батурин.

— Око за око... Мы вправе пролить кровь негодяев.

— Сами виноваты в случившемся. Послали людей на берег безоружными. Один-два предупредительных выстрела в воздух — и трагедии не было бы, — сказал Степанов.

— Что вы предлагаете? — спросил Беньовский.

— От карательных акций воздержаться. Тела убитых вызволить. Оружие применять только в случае нападения на наших Людей, — ответил Степанов.

— А вы что думаете, Батурин?

— Со Степановым согласен. Можно дать из пушки один предупредительный холостой выстрел.

— Оправдываете дикарей?

— Не думаю, чтобы те, кого вы называете дикарями, были от природы кровожадными. Они такие же свободолюбивые люди, как и мы. Не раз пытались отнять у них свободу и испанцы, и португальцы, и

голландцы, и китайцы. Мы для них новые завоеватели. Жалко, конечно, наших товарищей. Но бессмысленными жестокостями их не вернёшь.

— Вам бы только спорить и возражать, — недовольно произнёс Беньовский. — А что думает на этот счёт наш Адольф? Вы, как всегда, помалкиваете.

— Не хотел бы я высказывать своего мнения. Затрудняюсь, — ответил Винблад. Вообще-то швед не одобрял план расправы с туземцами и в душе соглашался со Степановым и Батуриным. Но человек нерешительный, он не хотел разногласий с Беньовским. Вот и ответил уклончиво, никак не высказав своей позиции.

— Подведём же итоги нашей дискуссии, — произнёс Беньовский. — Моё предложение послать на берег карательную экспедицию поддержали двое. Я имею в виду себя и штурмана Чурина. Против этого предложения также двое. Адольф Винблад воздержался от какого-либо мнения. Итак, два против двух. Но, господа... Мой голос главноначальствующего имеет больший вес. Стало быть, моё предложение проходит.

— Опять вы решаете дело единолично! — запальчиво воскликнул Степанов. — Был бы здесь Хрущов, он поддержал бы нас.

— Не будем тревожить больного. Дискуссию закрываю. Вы свободны, господа, — сказал под конец Беньовский.

Впоследствии в своих пресловутых мемуарах он напишет, что лишь по решительному настоянию спутников согласился учинить расправу над туземцами острова Формоза. Очередная ложь. Инициатором расправы был сам Морис Август Беньовский. И это было в его характере, мстительном и злопамятном.

Командовать карательной экспедицией вызвался Чурин. Он высадился на берег во главе вооружённого отряда из десяти человек. Предварительно дважды выстрелили из корабельной пушки по прибрежным зарослям, где могли укрываться в засаде туземцы. Стреляли не холостыми зарядами, а боевыми ядрами. Тела убитых перенесли в лодку беспрепятственно. Когда же отряд удалился от берега, из дальних зарослей на него обрушился град стрел. Но никто не пострадал. Выстрелы корабельной пушки заставили туземцев отступить от берега на значительное расстояние, и поэтому их стрелы не долетали до чуринского отряда.

Чурин приказал отряду остановиться и не стрелять, желая выманить аборигенов из засады и вызвать на открытый бой. Это удалось сделать. Когда же десятка три туземцев выскочили из засады и с воинственными криками устремились вперёд, отряд Чурина дал прицельный залп из ружей. Один из туземцев остался лежать бездыханным, другие, подхватив

раненых, бросились обратно в укрытие. Более они не показывались, видимо отступив вглубь острова.

Отряд продвинулся по тропе до небольшого селения. Жители спешно его покидали при приближении чужестранцев. Старики, женщины с детьми карабкались по склону, надеясь укрыться в горах. Селение сожгли. Бамбуковые хижины запылали как факелы.

Чурин докладывал Беньовскому о результатах карательной экспедиции — туземцы потеряли одного убитого, несколько ранено, сожжено туземное селение, которое, очевидно, и было гнездом разбойных негодяев. Панова, Попова и Логинова похоронили по морскому обычаю — зашили тела в брезент, привязали к ногам колосники для тяжести и бросили за борт.

10 сентября галиот вошёл в Кантонскую бухту и встал на рейде Чен-Чеу. Здесь легко установили контакт с китайскими властями, приветливо встретившими беглецов. Власти предоставили лоцмана, который и провёл судно в португальские владения. 12 сентября «Святой Пётр» бросил якорь в гавани Макао, где в то время стояло на рейде до двадцати судов под флагами разных стран. Миновало четыре месяца тяжёлого, изнурительного плавания.

Глава одиннадцатая

Привёл судно в Макао не Чурин, а штурманский помощник Бочаров. Штурман, как только «Святой Пётр» отчалил от берега Формозы, свалился в жестокой лихорадке. Когда галиот входил в Кантонскую бухту, Чурин метался в беспамятстве и никого не узнавал. Плоха была и штурманская жена Степанида Фёдоровна.

— Боюсь, наш штурман не жилец, — сообщил Беньовскому лекарь Мейдер. — На грани смерти ещё десятка полтора людей. К лихорадке прибавилась чёрная болезнь.

— Что ещё за чёрная болезнь?

— Цинга, иначе говоря. Черной болезнью зовут её камчадалы.

— С чего бы она?

— От недостатка свежей пищи. За четыре месяца плавания мы только дважды пополняли запасы провианта. В основном же довольствовались тухлой солониной, — оказал лекарь с нескрываемым упрёком.

— Немедленно распоряжусь, чтобы боцман закупил свежих продуктов, — ответил Беньовский, улавливая упрёк. — Проследите, доктор, чтобы все больные вдоволь получали всё свежее.

Морис Август выдал боцману на закупку продуктов несколько золотых монет. Золото имеет международное хождение, и не важно, чей портрет отчеканен на его поверхности — Марии-Терезии, Екатерины или французского Людовика. Золото охотно возьмут и купцы Макао. Голландский флаг, развевавшийся над галиотом, Беньовский приказал спустить. На здешнем рейде могли оказаться голландские корабли, и тогда обман с флагом легко бы раскрылся. Из сообщения лекаря Мориса Августа больше всего огорчила весть о тяжёлой болезни Чурина. Корабль без опытного штурмана теряет жизнеспособность. Пускаться в дальнейший путь, полагаясь только на штурманских помощников, Беньовский никогда бы не решился. Впереди был Индийский океан, бурный и штормистый. Для плавания по его водам маленький галиот был явно слаб. Остаётся один выход — продать судно вместе со всем снаряжением и вооружением, а заодно и запасами камчатской пушнины здесь, в Макао, а затем договориться с капитаном какого-либо большого, желательно французского, корабля, чтобы тот принял всех беглецов к себе на борт и

доставил в один из портов Франции.

Беньовский решил начать с визита вежливости к местному португальскому губернатору. Но увы... не в таком же затрапезном обличье являться перед сановным администратором колонии, вероятно родовитым и титулованным грандом. Морис Август с тоской разглядывал обтрёпанные,- залатанные во многих местах брюки, давно не стиранную рубаху, пока не вспомнил, что прихватил из Большерецка парадную пару убиенного капитана Нилова. Вот и пригодилась. Он извлёк из сундука мундир с рейтузами, примерил. Мундир, пошитый из хорошего тонкого сукна, мало ношенный, только слегка тронутый молью, пришёлся ему почти впору, хотя и сидел несколько мешковато. С Ниловым они были одного роста, но покойный капитан был полнее, дороднее. Мундир украшал орден Святой Анны. «Пригодится и орден», — подумал Беньовский. Он вызвал матроса-вестового, приказал ему тщательно отутюжить парадную пару. Отобрал из запасов пушнины несколько соболиных шкурок в подарок губернатору.

Он вышел на берег в сопровождении вестового, который нёс пакет с подарками. Макао — типичный южнокитайский город с поверхностным налётом португальского влияния. Вдоль улиц тянутся вереницы китайских лавок и харчевен с вывесками-иероглифами. Дома в основном двухэтажные. Над лавками и харчевнями жилища их владельцев. Черепичные крыши изогнуты, как у буддийских пагод. Кажется, весь город пропитан Острыми, пряными запахами. На улицах перед лавками идёт бойкая торговля овощами, фруктами, дарами моря. Дары эти разнообразны — тут и рыба разных размеров, и огромные морские раки, и крабы, ощетинившиеся клешнями, и маленькие креветки, и кальмары. А у торговцев всякими безделушками, изделиями китайских мастеров великое разнообразие диковинных предметов от дешёвых бумажных фонариков до изящных фарфоровых сосудов прошлых царствований. В этот типично китайский город вклиниваются католические храмы вычурного иберийского стиля, тяжеловесные казармы и тюрьмы с зарешеченными окнами, особняки колониальных чиновников и офицеров местного гарнизона. Все европейские сооружения выглядят случайными островками в общей массе китайских построек, мало нарушающими восточный облик города.

Невдалеке от причала Беньовский встретил монаха-доминиканца в длинной сутане и заговорил с ним по-латыни, спросив, как пройти к дому губернатора. Монах обстоятельно и толково объяснил, с любопытством разглядывая его военный мундир. От доминиканца Морис узнал и имя губернатора — дом Сальданьи. Он происходит из весьма родовитой

дворянской семьи, известной в Португалии.

Губернаторская резиденция, окружённая оградой и разными службами, напоминала старый португальский усадебный дом. Он был опоясан открытой верандой и имел внутренний дворик с водоёмом. Часовой у ворот беспрепятственно пропустил Мориса Августа и его вестового, никак не среагировав на их появление. В приёмном зале, украшенном большим портретом короля Жозе I[37], Беньовского встретил камердинер-китаец, велевший знаками обождать, пока он доложит господину.

Ждать дома Сальданьи пришлось долго. Узнав от камердинера, что пришёл какой-то важный незнакомый иностранец, должно быть с корабля, губернатор не спеша переоделся в парадный мундир, посмотрел на себя в зеркало, зачесал остатки некогда пышной шевелюры и только тогда вышел к гостю.

Губернатор Сальданьи любил принимать гостей с кораблей и старался блеснуть утончённым гостеприимством. Гости вносили разнообразие в монотонную жизнь далёкой, оторванной от родины колонии. Хозяин свободно владел латынью, с детства освоенной под руководством доминиканских монахов-наставников. Поэтому никаких трудностей в беседе с Морисом не возникло.

Беньовский назвался поляком, бароном и генералом польской королёвской армии. О службе у конфедератов, воевавших против короля Станислава, умолчал, чтобы не усложнять рассказ.

— Военная служба пришлась мне не по вкусу, — рассказывал Морис Август. — Я, знаете ли, человек миролюбивый, книжник, скорее склонный к странствованиям, научным исследованиям. Я перебрался в Россию и предпринял большое путешествие через всю Сибирь, чтобы потом написать книгу.

— Вижу у вас орден. Польский?

— Нет. Я отмечен королём Станиславом несколькими высокими наградами, но оставил их в Польше. А это русский орден Святой Анны, пожалованный мне императрицей Екатериной.

— За что такая награда?

— Оказал Российской академии наук одну небольшую услугу. Так, пустяки. Добрался до Камчатки. Занимался там коммерцией и пушным промыслом. Купил судно у одной купеческой компании и набрал русскую команду. Посетил Японию.

— Вы были, барон, в Японии? Это любопытно.

— Не хочу быть нескромным, дом Сальданьи. Но я оказался одним

из первых европейцев, который смог ознакомиться с Японским архипелагом на всём его протяжении от северного острова Мацумай до самого южного, Кюсю.

— Как вам это удалось? Ведь японцы не очень-то гостеприимны. Они закрыли страну для европейцев, делая некоторое исключение только для голландцев. Мы, португальцы, и испанцы, и французы, и англичане не раз пытались в нарушение японских запретов проникнуть в эту загадочную страну. Но тщетно. Иногда такие попытки заканчивались печально для экипажей кораблей.

— Вы спрашиваете, как мне это удалось? На первых порах и мы сталкивались с настороженностью и недружелюбием. Но с помощью ласкового обращения и щедрых подарков удавалось растопить холодный лёд настороженности и предвзятости. Я внушал японцам, что не преследую никаких политических или коммерческих целей, не представляю какую-либо державу, а действую как частное лицо, движимое исключительно научной любознательностью.

— Ваша личность, барон, вызывает незаурядный интерес. Расскажите же подробнее о ваших впечатлениях. Мы так мало знаем о Японии.

Всё знакомство Беньовского с Японским архипелагом ограничилось коротким пребыванием галиота у одного из его южных островков. Сам он так и не получил возможности съехать на берег и наглядно представить себе облик японского поселения, быт японцев. Всё же будучи человеком наблюдательным, он смог почерпнуть некоторые впечатления из личного общения с японскими чиновниками, посещавшими корабль. Кое-что удержалось в его памяти и из рассказа Винблада и Степанова, которым удалось не только побывать на берегу, но даже посетить японский дом. Разбавляя эти скудные впечатления безудержной фантазией, Беньовский увлечённо и азартно рассказывал о стране, которую фактически не видел.

— Я напишу книгу о стране Ниппон, о её людях, — закончил Морис Август свой фантастический рассказ.

— Дай Бог вам удачи. Ваши любопытные открытия привлекут к вам внимание директоров торговых компаний. Я устрою, барон, в вашу честь большой приём. Приглашу директора здешней Британской Ост-Индской компании и директоров всех других национальностей. Приятные люди и мои большие друзья. Уверен, что вы заинтересуете их.

— Не знаю, как и благодарить вас, дом Сальданьи, за вашу любезность.

— Это я должен благодарить вас за столь интересный рассказ о

загадочной для нас стране. Теперь позвольте и мне занять ваше внимание.

Губернатор пригласил Беньовского в соседнюю гостиную, где располагалась богатейшая коллекция китайских безделушек и диковинок, выставленных на полках специальных шкафчиков и витрин. Сальданьи был страстным коллекционером, скупавшим у китайских купцов-антикваров великолепные изделия из фарфора, слоновой кости, нефрита, лака, бронзы, полотнища-свитки с живописными произведениями знаменитых мастеров. Среди всего этого разнообразия были и весьма древние предметы эпохи династии Мин и даже более ранних времён.

— Посмотрите, любезный барон, на эту безделушку из слоновой кости, — сказал Сальданьи, протягивая Беньовскому светлый шар, украшенный рельефной резьбой. — Загляните в эти отверстия. И вы увидите внутри шара ещё один шар, а внутри того ещё один... Всего одиннадцать шаров один внутри другого. Шары, заметьте, цельные, не склеенные из кусочков.

— Уму непостижимо! — воскликнул Беньовский. — В чём секрет изготовления?

— Секрет до смешного прост. Он в умелом подборе инструмента и долготерпении мастера.

— Ваша коллекция, очевидно, стоит немалых денег, — сказал Беньовский, возвращая хозяину удивительный шар, казавшийся таким хрупким.

— Что поделаешь? В этом моя слабость — люблю красивые вещи. Я ведь занимаюсь и предпринимательством как компаньон Британской Ост-Индской компании. У Португалии с Англией тесные связи.

Подарок Сальданьи принял с шумным восхищением. Он долго разглядывал соболиные шкурки, встряхивал их, любуясь серебристыми переливами, поглаживал ворсистый мех. На корабль губернатор Беньовского не отпустил, а оставил ночевать в своём доме.

— Мой дом — ваш дом, любезный барон! — воскликнул Сальданьи за ужином, провозглашая очередной тост. Ужин был обильный, с португальскими и китайскими виноградными винами.

— Перебирайтесь-ка с корабля ко мне.

— Вы балуете меня, дорогой дом Сальданьи, — ответил Беньовский. С предложением губернатора он охотно согласился.

Утром Мориса Августа разбудили Винблад и Рюмин.

— Беда на корабле. Большая беда, — сказал Винблад.

— Что случилось, Адольф? Какая ещё беда? — спросил недовольно Беньовский. Могли бы и не беспокоить так рано. После сытного ужина с

обильной выпивкой Морис Август ощущал тяжесть в голове и не хотел вставать.

Винблад и Рюмин, перебивая друг друга, поведали о том, что произошло. Боцман доставил на судно свежих бананов, всяких фруктов, креветок, парной свинины. После продолжительного питания недоброкачественными, несвежими продуктами обессиленные, изнурённые тяжёлым морским путешествием люди с жадностью, без всякой меры и разбора набросились на свежую пищу. Набросились и объелись. Такой нагрузки обессиленный организм, как правило, не выдерживал. Почти все поплатились резким ухудшением общего состояния. У многих началась рвота, понос. Тринадцать человек умерло в тот же день. Среди умерших оказались старик Турчанинов, штурман Максим Чурин, его жена Степанида Фёдоровна, штурманский ученик Филипп Зябликов, жена другого штурманского ученика Бочарова Прасковья Михайловна, капрал большерецкой регулярной команды Михайло Перевалов и ещё несколько матросов и работных. Ещё трое подавали слабые признаки жизни и, очевидно, были обречены. Свалился в тяжёлом состоянии бывший полковник артиллерии Асаф Батурин.

— Всего восемь человек экипажа чувствуют себя сносно, — сказал с тревогой Рюмин.

Беньовский выслушал сообщение о тяжких событиях на судне сдержанно. Поделился бедой с губернатором.

— Лишились штурмана. На судне тринадцать покойников, много тяжелобольных. И только восемь человек экипажа в строю. Мы не в состоянии продолжать путь.

— Полагайтесь на мою помощь, — внушительно сказал Сальданьи. — Я распоряжусь, чтобы портовые власти помогли с похоронами. А судно ваше надо посмотреть. Может быть, я куплю его. А путь в Европу продолжите на французском или голландском фрегате.

— Я бы предпочёл на французском.

— Тогда я вас познакомлю с де Сент-Илером, капитаном «Дофина», отплывающего во Францию.

Беньовский поблагодарил губернатора, обрадованный тем, что нашёлся покупатель, и поспешил на судно, сопровождаемый Винбладом и Рюминым. На галиоте царило уныние. Бочаров, оставшийся теперь за штурмана, бесцельно ходил по палубе, согбенный горем. Он потерял жену. У люка в грузовой трюм, куда снесли всех усопших, поповский сын Уфтюжанинов читал Псалтырь монотонным распевом, подражая дьячку. Некоторые больные выползли из людского трюма наверх и распростёрлись

на палубе неподвижно. На их лицах читалось тупое, отрешённое отчаяние. Среди них Морис Август увидел Батурина, подошёл к нему, спросил:

— Плохо, старина?

Батурин ничего не ответил, а посмотрел на Беньовского укоризненно.

— Крепись, Батурин. Губернатор обещал прислать гарнизонного лекаря.

— Не лекарь мне нужен. Попа бы... — слабым голосом произнёс больной.

— Где же я попа возьму?

Беньовский пожелал спуститься в грузовой трюм. Напрасно Уфтюжанинов отговаривал его, пугая смрадным запахом. Смрадно в трюме было всегда, кажется, ещё с самого дня отплытия от берегов Камчатки. Смрад исходил от несвежей солонины, прогорклого масла. А теперь к нему добавился тяжёлый приторный запах морга, быстро разлагающихся при тропической жаре трупов. Беньовский всё же спустился в трюм, где ровной шеренгой лежали покойники, накрытые брезентом. Крайний слева был Турчанинов. Его можно было узнать по долговязой фигуре. Брезент оказался короток, и из-под него торчали голые жёлтые ступни бывшего царского камер-лакея. Сдерживая дыхание, Морис Август окинул взглядом шеренгу усопших, перекрестился ладонью и поспешно поднялся наверх.

Вскоре на галиоте появился толстый одутловатый китаец в сопровождении трёх других, поразительно тощих китайцев. Толстяк оказался главой частной похоронной конторы. Он протянул Беньовскому визитную карточку, на которой по-китайски, португальски и французски было написано: «Господин Чан. Похоронные услуги. Лучшая фирма в Макао». Морис Август предоставил господину Чану заниматься привычным ему делом. Толстый китаец принялся покрикивать на тощих китайцев, которые взялись перетаскивать усопших в большую лодку. Когда выносили Степаниду, Бочаров жалобно заголосил, совсем по-женски. Прежде чем покинуть судно, китайцы долго жгли в трюме ароматические свечи, заглушавшие дурной запах. Сопровождать похоронный кортеж на кладбище Беньовский поручил Рюмину и Уфтюжанинову.

— Будешь заместо попа. Почитаешь молитвы, — сказал он поповскому сыну.

Через несколько дней умерли ещё трое. Их также похоронили, прибегнув к услугам господина Чана. На судно пожаловал сам губернатор Сальданьи, и не один, а с англичанином из Британской Ост-Индской компании. Беньовский понял — гости пришли как покупатели, посмотреть товар, прицениться. Принимал он гостей в своей каюте без лишних

свидетелей, поил русской водкой.

— Мы с моим коллегой мистером Дугласом заинтересовались вашим кораблём, — начал беседу Сальданьи. — Такое небольшое судно удобно для ближних прибрежных плаваний. Мы ведём широкие торговые операции с Кантоном и окрестными китайскими портами.

Губернатор умолчал, что и он сам, и его английский коллега не брезгует и контрабандой, доставляя китайским торговцам в обход государственных таможен разные товары, в особенности спиртные напитки и индийский опиум.

— Но бич нашей торговли — морское пиратство, — продолжал Сальданьи. — Пиратские джонки прячутся в проливах между прибрежными островками и внезапно нападают на наши торговые суда и грабят их. Мы располагаем сведениями о том, что некоторые высокопоставленные кантонские мандарины покровительствуют пиратам, снабжают их оружием.

— О да! Пираты — это наш бич, — сказал англичанин по-французски, уже предупреждённый о том, что Беньовский не владеет английским.

— Мой коллега, кажется, выражает согласие с моими словами, — сказал губернатор. — Вот почему мы заинтересованы в покупке корабля со всем его вооружением.

— Я готов продать и всё вооружение: пушки с ядрами, ружья, порох, свинец, — откликнулся Беньовский.

— Превосходно. А сейчас позвольте обозреть покупку.

Сальданьи вместе с англичанином Дугласом, сопровождаемые Беньовским, долго и дотошно осматривали судно, заглядывали в трюмы и каюты, камбуз и кубрик, поднимались в штурманскую рубку, знакомились со снаряжением и вооружением галиота. Судно покупателям понравилось. Вернулись в каюту и принялись договариваться о цене.

— За всё даём четыре тысячи пиастров, — предложил англичанин, которому, как видно, принадлежало решающее слово.

— Без вооружения, — ответил Беньовский. — За пушки, ружья, боеприпасы добавляете ещё тысячу.

— Добавим пятьсот.

На большую уступку прижимистый англичанин не согласился. Ударили по рукам.

— У вас ещё есть пушнина, — напомнил губернатор.

— Готов продать и пушнину. Есть бобры, лисицы и соболя.

— Пушнина не по моей части, — сказал Сальданьи. — Шкурками,

несомненно, заинтересуется мой коллега Дуглас.

Англичанин кивнул в знак согласия. Он не понимал латыни, на которой губернатор изъяснялся с Беньовским, но догадался, о чём идёт речь. Теперь гости тщательно исследовали пушнину, вскрыв несколько ящиков. Шкурки оказались самого высокого качества. Благодаря надёжной упаковке их не тронули ни влага, ни прожорливые насекомые. Так что дотошный англичанин не мог предъявить к товару никаких претензий. Снова вернулись в каюту и договорились о цене на пушнину — почём пойдёт одна шкурка бобра, чёрно-бурой лисицы, соболя.

Дуглас явно скупился, ссылаясь на цены мирового рынка, которые, по его словам, стремительно падали. Но всё же набежала внушительная сумма, намного превышающая цену корабля со всеми его снастями и пушками.

Присутствие гостей на корабле не ускользнуло от внимания Степанова, одного из немногих, кого болезнь не брала, Он видел, как гости, португалец и англичанин, по-хозяйски расхаживали по судну, с видом знатоков рассматривали и ощупывали его вооружение, снасти, заглядывали во все углы и закоулки. Не иначе как прицениваются к покупке. Своими подозрениями Степанов поделился с Винбладом и Хрущовым, который понемногу оправлялся от болезни. Все выразили возмущение — почему Беньовский продаёт судно без их ведома и согласия, очевидно, не без выгоды для себя.

Морис Август хотел было уехать вместе с Сальданьи и Дугласом, но Степанов и Винблад удержали его у трапа.

— Позвольте, барон, объясниться с вами, — сказал ему Степанов.

— Опять объясняться! Вы становитесь утомительны, — раздражённо буркнул Беньовский.

— Вы решили продать галиот?

— Да, решил и нашёл солидных покупателей. А что нам ещё остаётся? Судно без штурмана не судно. Или, может быть, вы, Степанов, или вы, Винблад, готовы встать за штурвал и вести галиот в Индийский океан? Я рассчитываю договориться с капитаном французского фрегата. Он доставит нас в Европу. Но это будет стоить денег, огромных денег. Вся выручка от продажи «Святого Петра» и пушнины едва-едва покроет расходы на содержание и экипировку наших пассажиров.

— Допустим, что так. Но ведь вы не единоличный владелец судна и пушнины. Почему вы не советуетесь с товарищами?

— Вы же давали клятву во всём повиноваться мне и полагаться на меня.

— Но всему же есть предел, — вспылил Винблад. — Откуда нам известно, что вы не распорядитесь вырученными от продажи деньгами себе на пользу?

— Вы обвиняете меня, Адольф, в непорядочности? Меня, барона, офицера! Такое оскорбление не стерпел бы ни один уважающий себя дворянин.

— Я сказал то, что сказал.

— Повторяю вам, вырученных от продажи судна и мехов денег едва хватит на переезд во Францию на французском фрегате. За галиот со всем снаряжением и вооружением нам заплатят четыре с половиной тысячи пиастров. За всю партию мехов, вывезенных с Камчатки, я рассчитываю получить с англичанина двадцать восемь тысяч. А расходы...

Беньовский бойко сыпал цифрами. Винблад перебил его:

— Почему я вам должен верить на слово, когда все расчёты вы вершите единолично и бесконтрольно?

— На корабле назрел взрыв негодования, — сказал Степанов. — Вы, главноначальствующий, за всё в ответе. С вас и спрос за те жизни, которые унесла болезнь.

— Не забывайтесь, Степанов! — резко перебил его Беньовский, срываясь на крик. — Сам сожалею, что болезнь лишила нас многих полезных людей.

— Не виной ли этому ваша нераспорядительность, нежелание заботиться о людях, которые месяцами не получали свежей пищи?

Разговор этот привёл к окончательной ссоре Беньовского со Степановым, да и с Винбладом. Выругавшись по-венгерски и по-польски, Морис Август спустился в лодку и приказал грести к берегу.

Вечером в доме губернатора состоялся званый приём в честь путешественника Мориса Августа Аладара де Бенёв. Собрался весь цвет местной колониальной знати, представители торговых компаний, в том числе уже знакомый Беньовскому мистер Дуглас и кавалер де Робиен, представлявший в Южном Китае интересы французской Индийской компании, специально приглашённый по этому случаю из Кантона. Были среди гостей и капитан французского фрегата де Сент-Илер, и епископ Макао Мителополис. Торжественный приём, главным виновником которого был он, поднял настроение Мориса Августа, испорченное объяснением на судне со Степановым и Винбладом. Губернатор настаивал, чтобы его гость пришёл на приём не один, а привёл бы с собой всех своих помощников, кого считает нужным. Беньовский отговорился тем, что все его помощники больны. Не брать же с собой своих недругов.

Морис Август был в центре внимания. Сальданьи представил его гостям как учёного и путешественника, отважного мореплавателя, сделавшего много ценных географических открытий, и первого из европейцев, так подробно ознакомившегося с Японией на всём её протяжении. При этих словах голландцы, находившиеся среди гостей, многозначительно переглянулись. Как это понять, господа? Голландия теряет свою торговую монополию в Японии, открывающей свои двери и для других иностранных держав? Или этому прыткому барону просто повезло, а политика Японии тут ни при чём?

Вышколенные лакеи в расшитых золотым галуном ливреях и напудренных париках, напоминающие важных сановников, приносили на тяжёлых серебряных подносах всякие яства и хрустальные бокалы с винами. Лакеев для такого приёма в губернаторском доме не хватило. И дом Сальданьи выбрал в гарнизонной роте самых стройных и красивых солдат, переодел их в ливреи и сам долго обучал тому, как должен вести себя ливрейный лакей на большом приёме, как подходить к гостям, приветливо улыбаться, подавать кушанья и напитки.

Большинство гостей свободно владело французским языком, и это облегчило Морису Августу возможность общаться с ними. Гости окружили Беньовского и атаковали его вопросами:

— Что вам показалось самым замечательным в Японии?

— Встречали ли вас японцы с недоверием?

— Красивы ли японские женщины?

— Что вы можете сказать о религиозности японцев?

Последний вопрос задал епископ.

Морис Август едва успевал отвечать.

— Вы спрашиваете, что самое замечательное в Японии? Всё. Решительно всё. Облик людей, их одежда, жилища, пища. Япония — страна великих чудес. Чтобы ответить на ваш вопрос, надо прочитать целую лекцию. Нет, одной лекции мало. Попробую рассказать о японских впечатлениях в своей будущей книге.

— Надеемся, это будет интереснейшая книга?

— Встречали ли нас японцы с недоверием? Да, поначалу так именно и встречали, пытались не пускать на берег. Но, убедившись, что мы частное судно, преследующее чисто научные цели, меняли своё отношение к нам, становились приветливы и добры. Красивы ли японские женщины? На чей вкус. На мой взгляд, попадаются среди них прехорошенькие. Ещё, кажется, вы спрашивали о религии.

— Да-да. Религиозны ли японцы? — повторил свой вопрос епископ

Мителополис.

— В каждом японском поселении можно увидеть храм, который заметно отличается от других построек. Обычно это постройка с высокой изогнутой черепичной крышей. В храме японцы молятся своим идолам. По-видимому, любой японец религиозен, и эта его религиозность проявляется в убеждённом упрямстве, составляющем национальную черту характера.

Беньовский отвечал общими фразами, избегая конкретных деталей, которых он не знал да и не мог знать. Но незнание страны или самое беглое, поверхностное и случайное знакомство с ней он восполнял апломбом и самоуверенностью всезнайки. И на людей, вовсе не знакомых с загадочной Японией, это производило впечатление.

— Представьте, господа, японское должностное лицо. Пёстрый халат с широким кушаком, выбритое темя... В беседе с вами он учтив, улыбчив, утончённо вежлив.

— Вы владеете японским языком? — спросил один из голландцев.

— Не умудрил Бог.

— Как же вы объяснялись?

— Очень просто. В моём экипаже оказался знаток айнского языка. Айны, как известно, населяют как русские Курилы, так и Северную Японию. Почти в каждом японском населённом пункте, куда доводилось заходить, находился свой знаток айнского языка. Вот и общались с помощью двух толмачей.

Дуглас напористо оттеснил от Беньовского других гостей и, взяв под руку, отвёл в сторонку. Вообще этот англичанин из Британской Ост-Индской компании вёл себя здесь так, будто не губернатор Сальданьи, а он, мистер Дуглас, был хозяином вечера и всего Макао вместе с его лавками и китайцами.

— Дорогой барон, почему бы вам не поступить на службу в нашу компанию? — сказал проникновенно англичанин. — Ваши знания Восточной Азии, особенно Японии, для нас неоценимы. Нужным людям мы щедро платим.

— Польщён, мистер Дуглас, лестным предложением. Но...

— Какое ещё может быть «но»?

— Я уже сделал выбор. Хочу отдать себя под покровительство французского короля Людовика и послужить Франции.

— Жаль. У французов нет того размаха, как у нас, англичан. Впрочем, не буду вас переубеждать, коли выбор сделан. Потолкуйте с кавалером де Робиеном. У него есть влиятельные друзья в Париже.

Де Робиен, изысканно щеголеватый француз в пышном парике и нарядном камзоле, с вниманием выслушал Беньовского, поведавшего ему о своих намерениях поступить на французскую службу.

— Мудрое намерение, — сказал он, ласково обнимая Мориса Августа. — Франция — это лучшее место для применения своих способностей и сил одарённым и энергичным людям. А вы, я вижу, из таких. На земле много ничейных пространств, составляющих возможную сферу французских интересов. Почему бы не поднять на них наш королевский флаг? Возьмём для примера Мадагаскар, огромный остров у западного берега Африки. Остров несметных богатств. Пока что это около десятка мелких, соперничающих королевств. А вдруг эти королевства объединятся под сильной державной рукой одного правителя или нас опередят англичане? И мы, и они уже пытались зацепиться за этот остров, да только безуспешно. Нам нужны такие люди, как вы.

— Рад это слышать, мосье де Робиен. Почему бы не заняться Мадагаскаром?

— Я напишу рекомендательное письмо парижским друзьям. Оно откроет вам двери в кабинеты некоторых членов правительства. А ещё снабжу вас письмом к кавалеру Дерошу, губернатору острова Маврикий в Индийском океане. Он подробнее расскажет вам о Мадагаскаре и окажет вам необходимую помощь.

Де Робиен познакомил Беньовского с де Сент-Илером, капитаном французского фрегата «Дофин», стоявшего на рейде Макао.

— Рекомендую вам, капитан, барона Аладара де Бенёва. Он нуждается в вашей помощи.

— Ваша рекомендация для меня много значит, — ответил де Сент-Илер, огромный, плечистый старый морской волк с ручищами-кувалдами.

Беньовский изложил капитану свою просьбу — доставить в один из французских портов остатки его команды.

— Мы следуем в порт Лорьян на южном побережье Бретани.

— От Лорьяна до Парижа далеко?

— Не очень.

— Пусть будет Лорьян.

— Приезжайте завтра на фрегат. Договоримся.

Голландцы всё-таки улучили момент и завладели Морисом.

— Расскажите, барон, поподробнее, как вас принимали японцы, — настойчиво спросил главный представитель Нидерландской Ост-Индской компании ван Хове.

— Я уже говорил. Принимали сперва настороженно, потом

дружелюбно.

— Вы не уловили намерений японских властей изменить внешнеполитический курс страны, открыть двери для всех иностранцев?

— Нет, не уловил. Мне не пришлось беседовать с высокими государственными деятелями. Я к этому сам не стремился.

— У вас были официальные полномочия от российских или каких-либо, других властей?

— Не было никаких полномочий. Я уже говорил, что совершал плавание на частном судне с чисто научными целями. Никаких политических переговоров с японцами не вёл. На вашу голландскую монополию никак не покушался.

— Вам можно верить, барон?

— Уж это ваше дело — верить или не верить.

Был уже поздний час, когда гости разъехались. Слуги убирали посуду и осколки разбитых бокалов. Беньовский остался у Сальданьи в отведённых для него покоях. Голландцы уходили встревоженными. Ответы Мориса Августа не успокоили их. Не теряют ли голландские купцы свою торговую монополию в Японии?

Пока Беньовский проводил время на приёме, Степанов, Винблад и Хрущов совещались. Хотели привлечь к разговору и Мейдера, но лекарь, выслушав их негодующие речи, сказал:

— Вы уж сами, господа, без меня решайте, что делать. Я только врач.

Все трое с глубоким возмущением говорили о самоуправстве Беньовского, его высокомерии, нежелании советоваться с товарищами. Его решение продать галиот со всем снаряжением и вооружением, равно и запасы вывезенной с Камчатки пушнины, было воспринято как стремление распоряжаться общим имуществом самочинно и бесконтрольно, явно с корыстной целью.

— Пора положить этому конец, — сказал Степанов.

— Что вы предлагаете, Ипполит? — спросил его Хрущов.

— Заманить Мориса Августа на судно и арестовать. Вы, Хрущов, берёте на себя начальствование и даёте команду поднять якорь и распустить паруса.

— У нас же нет шкипера, — возразил Винблад.

— А штурманский помощник Бочаров?

— Он малоопытен. И до покойного Чурина ему далеко.

— Согласен с Адольфом, — сказал Хрущов. — У меня другое предложение. Составим письмо-жалобу, адресованное португальским властям Макао и китайскому губернатору Кантона. Напишем, что человек,

называющий себя бароном де Бенёвом, на самом деле бывший каторжник, который увёз обманом людей с Камчатки. Напишем и о других его прегрешениях, о расправе над туземцами Формозы. И закончим письмо просьбой задержать Мориса Августа как беглого преступника. Напомним при этом, что у России с Португалией и Китаем были всегда добрые отношения.

— Мне больше по душе план Хрущова, — сказал Винблад.

Таким образом предложение Степанова об аресте Беньовского отпало...

— Но как мы доставим письмо по назначению? — спросил Степанов и сам же ответил: — Есть один неплохой путь. Через голландцев.

— При чём здесь голландцы?

— А вот при чём. Наше Плавание вдоль Японии не могло не вызвать настороженного внимания голландских представителей. Они ревниво встречают всякую попытку других европейцев проникнуть на Японские острова как угрозу своей торговой монополии. Голландцам мы должны внушить, что наш барон предпринимал в Японии такие шаги, которые идут во вред голландским интересам. В порядке ответной любезности голландцы передадут наше письмо кому следует.

Так и решили — составить послание, адресованное португальским и китайским властям, и передать его через голландских купцов.

— Кто пойдёт на переговоры с голландцами? — спросил Хрущов.

— Тот из нас, кто прилично владеет французским языком, — ответил Степанов. — Большая вероятность, что голландцы этот язык знают.

— Тогда не я, — сказал швед.

— Идти вам, Ипполит, — сказал Хрущов, — я во французском не силён.

Степанов молча согласился.

На следующий день приехали англичане из Британской Ост-Индской компании забирать пушнину. С ними приехал и Беньовский. Шкурки тщательно пересчитывали. Помешать англичанам Степанов и его друзья не решились. Получив от компанейских представителей расписку, Морис Август уехал на байдаре на французский корабль договариваться с капитаном де Сент-Илером. Выждав некоторое время, Степанов на другой лодке съехал на берег. Найти контору Нидерландской Ост-Индской компании удалось легко. Первый же встречный европеец показал ему на небольшое кирпичное, неоштукатуренное здание с окнами в частых оконных переплётах.

В конторе оказались те самые голландцы, которые донимали

вопросами Беньовского на приёме у губернатора Сальданьи.

Встретили они Степанова с большим интересом и любопытством.

— О, господин с корабля «Санта Питер»! — воскликнул главный из голландцев, господин ван Хове. — Присаживайтесь. Не хотите ли холодного жасминного чая?

— Нет, благодарствую.

— Ваш корабль посетил Японию?

— Пришлось.

— И многие гавани посетили?

— Нет, только две. Во второй японцы не пустили нас на берег, пытались задержать судно. Японию мы, можно сказать, и не видели.

Голландцы с ухмылкой переглянулись.

— А ваш предводитель рассказывал нам совсем иное, — сказал другой голландец. — Вы будто бы исследовали всю Японию от северной её оконечности до южной.

— Видите ли, господа... Сказать, что это плод богатой фантазии барона де Бенёва, было бы недостаточно. Он одержим навязчивой идеей открыть Японию для русских и всех других иностранцев. Через начальника поселения он передал верховному правителю Японии послание, в котором излагал все преимущества, какие получит Япония от открытия её портов для всех иностранных кораблей. Тем самым де Бенёв хотел бы выслужиться перед русской императрицей и заслужить прощение.

— За что прощение? — спросил с любопытством ван Хове.

— За все прегрешения беглого каторжника, сосланного Екатериной на Камчатку.

— Что же вы хотите от нас?

— Содействия друзей. Разве Голландия и Россия не были всегда дружественными державами? Разве Пётр Великий не был желанным гостем в вашей стране? Разве он не постигал с помощью голландских мастеров кораблестроительное искусство?

— О да, кайзер Питер был большим другом голландцев.

— Передайте эти письма — одно здешнему губернатору, другое главному мандарину Кантона.

— О чём письма?

— Они не запечатаны. Можете ознакомиться с ними, если считаете нужным. И прошу вас не медлить. На судне назревает бунт. Де Бенёв сумел восстановить против себя весь экипаж.

— Скажите, господин...

— Степанов.

— Господин Степанофф, ваш предводитель действительно барон?

— Настоящий он барон или самозваный — один Господь Бог ведает. А то, что он беглый каторжник, это уж точно.

Когда Степанов покинул контору Нидерландской Ост-Индской компании, голландцы долго совещались. С письмами, написанными по-французски, конечно, ознакомились.

— Судя по всему, этот Бенёв отчаянный враль и хвастунишка.

— Вы думаете, Степанофф правду говорил?

— Конечно, что-то они там не поделили с Бенёвом и поэтому озлобились друг на друга. Но слова сегодняшнего гостя внушают мне больше доверия, чем бахвальство барона. Надо знать японцев, их стремление к изоляции, чтобы усомниться в справедливости того, что мы слышали вчера от Бенёва.

— Что будем делать с письмами?

— Кантонским властям посылать вряд ли стоит. Хлопот много, а результатов никаких не будет. Губернатору Сальданьи можно и передать. Чтоб немножко проучить и скомпрометировать в его глазах хвастунишку — нечего покушаться на наши интересы.

— На наше монопольное положение в Нагасаки.

— Вот именно.

Ван Хове, понимавший по-португальски, отправился к Сальданьи с письмом Степанова и его сообщников. Он передал губернатору содержание разговора с русским, ничего не прибавив от себя, и передал ему письмо. Губернатор не владел французским и поэтому попросил голландца пересказать его содержание.

— И что вы по сему поводу думаете? — испытующе спросил Сальданьи.

— Затрудняюсь что-либо сказать. За что, как говорится, купил, за то и продаю. Счёл своим долгом оповестить вас как главу власти в Макао.

— Вы правильно поступили. А всё-таки... Не могло здесь быть сведения личных счетов?

— Возможно. Этот господин, приходивший ко мне, был очень враждебно настроен против барона.

— Вот видите. За информацию, дорогой ван Хове, спасибо. Разберёмся.

Попрощавшись с голландцем, губернатор предался размышлениям над тем, что тот поведал ему. Он знал, что все компанейские голландцы болезненно-ревниво относятся к любому посягательству на их торговую монополию в Японии. Именно это могло вызвать у ван Хове и его коллег

резкую неприязнь к барону Аладару де Бенёву, рассказывавшему здесь о своих странствиях и японских впечатлениях. А не их ли рук дело — вся эта затея с письмами? Простодушный дом Сальданьи проникся симпатией к барону-мореплавателю. Он и сам произвёл очень благоприятное впечатление, и его щедрые подарки растрогали губернатора, и, наконец, приятное оживление внёс барон и в жизнь колониального захолустья. Губернатор не придумал ничего другого, как откровенно рассказать Беньовскому о визите голландца и показать ему письмо. Так он и сделал, когда Морис Август вернулся с фрегата «Дофин», успешно договорившись обо всём с капитаном де Сент-Илером. Француз запросил за перевозку его команды при полном довольствии изрядную сумму и дал понять, что не намерен уступить ни одного су. Пришлось согласиться с его условиями. Всё же у Беньовского оставался ещё немалый куш из той суммы, которая была выручена от продажи судна и пушнины.

— Я не хотел бы, барон, придавать всей этой истории слишком большого значения, — сказал ему Сальданьи, рассказав о визите голландца и передавая письмо. — Я убеждён, что у вас на корабле есть недоброжелатели.

— Знаете, дом Сальданьи, я как раз сам собирался рассказать вам обо всём. Я был уверен, что появится что-нибудь подобное этому кляузному письму. На корабле назревает бунт.

— Бунт? С какой же целью?

— Завладеть городом, разграбить его склады, лавки и уйти с награбленным добром.

— Серьёзное обвинение. Оно обоснованно?

— Об этом мне сообщили надёжные люди, на которых я могу положиться.

— Кто же зачинщик бунта?

— Тот самый Степанов. Он проникся патологической неприязнью ко мне. Я, видите ли, католик, стало быть, схизмат, иноверец. Эта неприязнь усиливалась по мере того, как я стал пресекать пиратские намерения Степанова и его русских друзей.

— Почему он называет вас беглым каторжником?

— О, это забавная история. Покидая камчатский берег, я помог укрыться на борту корабля русским ссыльным: Степанову, Хрущову, Батурину, покойному Турчанинову, военнопленному шведу Винбладу. Все они были высланы императрицей Екатериной на Камчатку за разные серьёзные преступления. Поступил я так, руководствуясь чувством христианского милосердия и сострадания. Пожалел несчастных. С тех пор

у Степанова вошло в привычку употреблять выражение «ах ты, беглый каторжник». Я не слишком обращал внимание, когда и меня сей Степанов так оскорбительно называл, хотя это он как раз и есть беглый каторжник.

Поверил ли дом Сальданьи Беньовскому? Может быть, и не поверил. Но решил, что будет надёжнее и спокойнее, если принять крутые меры — а вдруг и впрямь люди с корабля вооружатся и начнут грабить город. По приказу губернатора на борт «Святого Петра» была направлена рота солдат колониального гарнизона, и весь экипаж и пассажиры корабля были взяты под стражу и препровождены на берег. Вытаскивали из трюма и из кают даже тяжелобольных. Ослабевшего от продолжительной болезни Батурина солдаты вынесли на руках. Всех развезли по тюрьмам, которых в городе было несколько.

Беньовский не возражал против столь крутых мер. Он лишь упросил дома Сальданьи не направлять в тюрьму Ивана Рюмина с женой Любовью Саввишной. Ивана Морис Август оставил при себе секретарём и рассыльным, а его жену — служанкой. На галиоте, который теперь становился собственностью губернатора и его английского компаньона, хозяйничала португальская команда.

Несколько недель томились узники в тюремных камерах, полуголодные, искусанные кровожадными москитами. Два раза в день тюремщики приносили заключённым по чашке рисовой похлёбки и кружке несвежей воды. Люди страдали от тропической жары, затхлого спёртого воздуха камер, полчищ насекомых. На ночь приходилось укладываться на жёсткую соломенную циновку, брошенную на земляной пол. Других постелей в тюрьме не полагалось.

Перед губернатором Сальданьи вставал вопрос — а что дальше делать с заключёнными? Их содержание в тюрьме требовало какого-то минимального рациона питания, достаточного для того, чтобы они не умерли от голода. Но даже и такой скудный рацион ложился бременем на колониальный бюджет. Можно было ожидать массовой эпидемии и смертности среди русских узников. Не лучше ли поскорее избавиться от Беньовского и всей его команды, подтолкнув Мориса Августа к примирению с его бывшим экипажем?

Когда дом Сальданьи оказывался в затруднительном положении, он всегда прибегал к помощи епископа Мителополиса, своего духовника, наставника и советчика. Епископ, ещё не старый, пышущий здоровьем человек, был влиятельнейшим лицом в Макао. Он всегда являлся по первому зову губернатора, облачённый в подпоясанную широким кожаным ремнём белоснежную сутану.

— Что стряслось, сын мой? — спросил он, перебирая чётки из слоновой кости.

— Нуждаюсь в вашем мудром совете, отец мой. Как поступить с этими бездельниками?

— Вы имеете в виду русских узников?

— Именно.

— Христос учил нас милосердию и всепрощению. Пусть этот де Бенёв примирится со своими людьми, а те дадут ему клятвенную подписку о своей покорности. И дело с концом.

— Вот и я так думаю.

— Разумно мыслите, по-христиански. В наших интересах поскорее выпроводить всю эту компанию за пределы колонии. Де Бенёв католик?

— Истинный католик. По рождению он венгр.

— Предоставьте его мне.

Епископ Мителополис имел с Беньовским продолжительную беседу, и не одну. Сперва сделал ему внушение. Почему барон забывает о своих христианских обязанностях, не посещает храма Божьего, не принимает святого причастия? Служитель церкви подавил Мориса Августа своей богословской эрудицией, приводя массу изречений из Священного Писания в защиту милосердия и всепрощения. Его недруги и так уже подверглись серьёзным нравственным и физическим испытаниям, их мятежный дух поколеблен. Почему бы ему, барону, первому не протянуть недругам руку примирения, например, обратиться к ним с письменным воззванием, спокойным и доброжелательным по тону?

Морис Август согласился с доводами епископа. Строптивые его сообщники получили своё, тюрьма стала для них хорошим уроком. Большинство членов экипажа, изнурённых тюремной обстановкой, морально сломлены. Теперь можно и протянуть руку примирения.

По совету епископа Беньовский написал увещевательное письмо, воздержавшись от брани и каких-либо резких выражений. «Я сим письмом напоминаю вам: образумьтесь, — писал он, — не давайте себя в обман людям, которых лукавство нам уже известно. Последнее есть, что я вам пишу. Если вы меня искренне любить и почитать будете, то вам клянусь перед Богом, что моя горячность к вам ежедневно доказана будет...»

Письмо было тщательно каллиграфически переписано во многих экземплярах Рюминым. Он же и посетил всех узников и вручил им письма. И здесь Беньовский оставался верен себе. Начинал он послание с перечисления всех своих пышных вымышленных титулов: «Барон Морис Август Аладар де Бенёв, его императорского величества обрист и его

высочества принца Альберта Саксен-Тешенского действительный камергер и советник, его же высочайшего кабинета директор». Следует обратить внимание, что этот набор титулов расходится с теми, которыми Беньовский подписывал своё камчатское послание в Сенат. Никакого герцогства или княжества Саксен-Тешенского никогда не существовало, стало быть, фигура принца Альберта вымышлена, плод фантазии Мориса Августа. Сочиняя себе пышные титулы, Беньовский преследовал одну цель — предстать в глазах своих людей фигурой значительной, высокопоставленной, недосягаемой.

Вслед за первым письмом Беньовский обращается к узникам со вторым, более дружественным по тону.

«Любезные дети!

Вы знаете, что я усердно старался всегда для вашего удовольствия и что я до последнего определил вас защищать, а для вашего благополучия все старания приложить, в том вы уверены быть можете.

Правда есть, что с немалым оскорблением слушал я ваше роптание и противление против меня, но как я теперь уже уведомлен, что вы обмануты лестию и ложным обо мне предсказанием, и так я вас более не виню и дело сие понимать не хочу.

Имейте усердие ко мне! Я буду с Божиею помощью вам защитою, никакого оскорбления вам не будет. Пища и одежда вам будет честная, и ежели Бог, Всевышний владыка, нас в Европу принесёт, то я вам обещаюсь, что вы вольные будете и со всяким удовольствием, хотя во весь век вам, содержания что писавша рукою своею подтвердил».

Эти два письма помогли Морису Августу примириться с экипажем. Стремление вырваться из тюремного застенка, покончить с физическими и нравственными страданиями вынудило людей давать подписки о своей покорности Беньовскому. Единственным, кто решительно отказался давать такую подписку, оказался Степанов. Он заявил, что предпочитает заключение или даже смерть в тюремной камере покорности бывшему каторжнику и беглому преступнику.

Когда Беньовский и все его люди были уже на борту фрегата «Дофин», он вспомнил об Ипполите Степанове. По просьбе Мориса Августа его тоже выпустили из тюрьмы. Но за строптивость и неповиновение главноначальствующему на корабль не взяли и бросили в Макао. Беньовский сделал красивый жест, позаботясь о том, чтобы он стал известей всей команде. Он передал Степанову через Рюмина тысячу пиастров. «Я не хозяин этим деньгам. Это законная доля Ипполита», — объяснил он своим помощникам.

А дальнейшая судьба Ипполита Степанова была такова. С помощью голландцев из Нидерландской Ост-Индской компании добрался он до Батавии, главного центра компанейских владений в Юго-Восточной Азии. Пытался здесь устроить свою судьбу, найти службу и не сумел. Умер в нищете и одиночестве.

4 января 1772 года «Дофин» отплыл из Макао, держа курс на Порт-Луи на острове Маврикий, принадлежавшем в те времена Франции. Предстояло долгое плавание по Южно-Китайскому и Яванскому морям, Зондскому проливу, разъединявшему Яву и Суматру, и Индийскому океану. Теперь все беглецы оказались пассажирами французского фрегата, большого океанского корабля. Они получали сносное питание, но болезнь отступала медленно, унося новые жертвы. В пути умерли ещё четверо: Асаф Батурин, бывший полковник артиллерии, и трое работных людей купца Холодилова. Опять Иван Уфтюжанинов прочитал над усопшими Псалтырь. Тела их, зашитые в брезент, предали по морскому обычаю пучине океана.

Глава двенадцатая

Порт-Луи — административный центр французских островных владений в Индийском океане, небольшой прибрежный город, расположенный несколько севернее Южного тропика, к востоку от Мадагаскара. Городок чистенький, уютный, утонувший в зелени кокосовых пальм и ещё каких-то неведомых тропических растений.

В центре католическая церковь, резиденция губернатора, казарма. Их окружают особняки с черепичными крышами и открытыми верандами, здесь живёт европейская знать, приближённые губернатора, плантаторы, офицеры гарнизона. Пёстрый квартал лавок, принадлежащих арабским и индийским торговцам, оглашается зычными выкриками зазывал. Дальше от центра начинаются хижины бедноты, мало отличающиеся от хижин в Восточной Азии. Главный строительный материал здесь бамбук. Кровля кроется камышом. К городу подступают плантации — сахарные, кофейные, чайные. На плантациях трудятся индийцы и африканцы, поставляемые вербовщиками рабочей силы.

Население Порт-Луи и всего острова Маврикий пёстрое, многоязычное. Белые европейцы, преимущественно французы, составляют незначительное меньшинство. Много рослых сухопарых индийцев, которых зовут здесь малабарцами, и чернокожих африканцев, выходцев из Мозамбика и юга Африки. Этих без различия их племенной принадлежности называют кафрами. Попадаются и арабы, и малагасийцы, выходцы из Мадагаскара. Немало можно встретить и метисов всех оттенков — от белого до чёрно-шоколадного. В них, вероятно, смешалась кровь всех рас и народов, обитавших в бассейне Индийского океана.

4 марта 1772 года фрегат «Дофин» бросил якорь в гавани Порт-Луи. Тотчас корабль был атакован целой флотилией лодок с торговцами, крикливыми, стремившимися перекричать друг друга. Предлагали ананасы, бананы, живых попугаев и черепах, кораллы, плетённые из соломки шляпы и корзиночки и ещё всякую всячину. Некоторые из торговцев, наиболее прыткие и сноровистые, вскарабкались на фрегат, проникли на палубу и разложили там свои товары. Команда и пассажиры окружили торговцев, и пошла бойкая торговля. На попугаев и черепах дивились, а покупали свежие фрукты.

Морис Август попросил у капитана шлюпку, чтобы съехать на берег и

нанести визит губернатору.

— В этом нет необходимости, — ответил Сент-Илер. — Убеждён, что милейший кавалер Дерош с минуты на минуту пожалует к нам на фрегат. Ведь заход французского корабля в гавань Порт-Луи — событие для его жителей.

— Маврикий такое колониальное захолустье?

— Я бы этого не сказал. Порт-Луи лежит на оживлённом морском пути, связывающем Капстад с Коломбо и Батавией. Сюда заходят все европейские корабли, которые держат путь из Европы в Восточную Азию. Здешнего губернатора я давно знаю. Он имеет обыкновение наведываться на каждое французское судно.

— Что представляет из себя этот Дерош?

— Прирождённый галльский аристократ. Обходителен, любезен. Убеждённый сторонник идеи — Франция должна колонизовать Мадагаскар, пока это не сделали другие державы. Не раз писал в Париж свои представления на сей счёт. Но наше королевское правительство что-то осторожничает.

— Интересно, очень интересно. Я, кажется, понимаю Дероша.

— А вот и он. Видите, его лодка отчаливает от берега.

Губернатор прибыл на фрегат в сопровождении двух французских офицеров. Дерош был невысоким моложавым человеком, лёгкий полотняный сюртук подчёркивал неофициальность визита.

С капитаном он поздоровался как со старым знакомым. Сент-Илер представил ему Беньовского.

— Рекомендую, барон де Бенёв. Учёный, путешественник, исследователь Восточной Азии.

— Весьма рад, барон, — сказал Дерош, протягивая Морису Августу руку.

— И я рад, ваше высокопревосходительство.

— Давайте без громких титулов, барон.

— Как вам угодно, мосье. Надеюсь на вашу помощь. Многие из моих людей тяжело больны. Цинга. На судне нет условий для их излечения.

— Барон справедливо заметил, — вмешался Сент-Илер. — Четверых похоронили за время перехода через Индийский океан.

Капитан хотел бы избавиться от цинготных пассажиров и поэтому поддержал Беньовского. Он также заметил, что де Бенёв намеревается поступить на французскую королевскую службу и поэтому вправе рассчитывать на помощь достойного представителя Франции.

— Сколько у вас тяжелобольных? — спросил губернатор.

— Наиболее тяжёлых пятеро.

— Возьмём всех в военный госпиталь.

Губернатор отдал распоряжение одному из офицеров позаботиться о больных и незамедлительно переправить их с корабля на берег.

Разговор продолжился в каюте капитана и скоро переключился на дорожные события, потом на обстановку в Китае. Беньовский попросил позволения у губернатора нанести ему визит в любое удобное для него время.

— Когда вам будет угодно, дорогой барон, — радушно отвечал губернатор. — Хотя бы завтра.

И вот жители Порт-Луи были привлечены необычным зрелищем. По улице, соединяющей гавань с резиденцией губернатора, шагал, слегка прихрамывая, человек в парадном мундире, разукрашенном золотым шитьём, — по меньшей мере генерал или высокий сановник. На груди его сверкали ордена. На почтительном отдалении от него шли шестеро сопровождающих. Тоже в расшитых золотом мундирах, но поскромнее.

Весь этот спектакль Морис Август подготовил ещё в Макао. Он отыскал превосходного портного-китайца, умевшего шить и европейское платье. Оставил ему в качестве образца свой мундир, похищенный в доме убиенного большерецкого воеводы, и наказал сшить по этому образцу восемь мундиров — один для себя и остальные для своей свиты — Винблада, Хрущова, Софронова, лекаря Мейдера, канцеляристов Рюмина и Судейкина и штурманского ученика Бочарова. Нарисовал эскиз нагрудного и нарукавного золотого шитья. Китаец мобилизовал всех своих подмастерьев и выполнил заказ быстро и пунктуально, заломив за него немалую цену. Беньовский согласился со всеми его условиями. Именно в это время произошло его примирение с командой, и мундиры как бы символизировали восстановление добрых отношений между главноначальствующим и его ближайшим окружением.

Когда состоялась примерка у портного, Бочаров, облачившись в раззолоченный мундир, запротестовал против такого подарка. На кого он похож? На попугая, а не на доброго моряка. По его чину штурманского помощника не пристало носить сей маскарадный костюм. Закапризничали было и канцеляристы. Не по чину это. Беньовский всё же уговорил их принять мундиры. Втолковал им, что-де сие — суть облачение, не зависящее от чина, выдаваемое за особые заслуги. Он, барон де Бенёв, как особа, уполномоченная цесаревичем Павлом Петровичем, своей властью награждает каждого почётным мундиром. Давно уже ни штурманский помощник, ни канцеляристы не верили в высокие полномочия барона, но

перечить ему не стали. Почётный так почётный.

Вышла неожиданная заминка и со шведом. Винблад выговорил Беньовскому без свидетелей:

— Пусть я наёмник, ландскнехт. Но я не авантюрист и не ряженый обманщик. Не пристало мне рядиться в чужой мундир.

Беньовский нашёлся и здесь. Он втолковал Винбладу, что это парадная офицерская форма его отряда. Господину майору, очевидно, известно, что руководство конфедерации ещё не ввело единой формы для своих офицеров. Вот каждый отряд и действовал произвольно, устанавливая свои образцы мундиров, отличные от королевских. На самом же деле конфедераты носили форму королевской армии — у кого была — или же ходили в цивильном платье.

Морис Август не ограничился мундиром, но позаботился ещё и об орденах. В торговых кварталах Макао он отыскал искусного мастера, который умело покрывал металлическую поверхность вазы, чаши или медальона разноцветной эмалью, создавая сложный узор. Умелец с помощью своих подмастерьев скопировал орден Святой Анны для Винблада, Хрущова и Софронова. А также изготовил для самого Беньовского по его рисунку ещё три ордена. Один из них был копией польского ордена Белого Орла. Вернее, отдалённо напоминал этот сложный по рисунку орден с распростёртым на восьмиконечном кресте орлом. Другой копировал военный орден Марии-Терезии, учреждённый ещё во время Семилетней войны. Рассказывая собеседникам о своих мнимых военных подвигах, Беньовский иногда скромно упоминал о награждении крестом Марии-Терезии. И наконец, третий был бесхитростным изобретением самого Мориса Августа — крестом красной эмали, увенчанным короной. Он мог сойти за награду какого-нибудь немецкого герцогства. Поди разберись в этом обилии герцогств, великих герцогств, княжеств, входящих в Германию.

Дополнением к этому маскараду послужила и хромота Беньовского, которая отнюдь не была последствием боевого ранения. Ещё во время злополучного плавания из Охотска к берегам Камчатки, когда в Охотском море разыгрался жестокий шторм, с Морисом Августом, находившимся в трюме вместе с другими ссыльными, случилась беда. При очередном ударе мощной волны о борт судна его резко отбросило в сторону, и Морис ударился ногой об опорный столб. Он почувствовал нестерпимую боль. Нога распухла, и некоторое время Беньовский не мог передвигаться без посторонней помощи.

В Большерецке его осмотрел ссыльный лекарь Магнус Мейдер и,

определив трещину в берцовой кости, велел делать примочки и париться в бане. Нога вскоре зажила. И теперь после долгого, утомительного плавания старая травма дала о себе знать. Беньовский сознательно подчёркивал свою хромоту — боевые раны украшают ветерана войны.

Губернатор принял гостей на открытой веранде, распорядился, чтобы слуги-индийцы подали бургундского вина и лёгкую закуску. Сохранилось свидетельство некоего аббата Ротана, который либо был участником этого приёма, либо описал его со слов кавалера Дероша. Он рассказывает, что Беньовский был одет в генеральскую форму с многочисленными орденами, а штаб его состоял из многих офицеров, одетых в богатые мундиры.

— О, я вижу, у вас много наград, — сказал Дерош, разглядывая орденские кресты на расшитом золотом мундире Мориса Августа. — За боевые доблести или за гражданскую службу?

— За воинские заслуги. Ведь я участвовал в Семилетней войне и в кампании польских конфедератов.

— Имеете военный чин?

— Полковник. А может быть, и генерал. Сам не знаю.

— Как не знаете? Любопытно.

— Всё очень просто. Командование представило меня к генеральскому чину. А вскоре после этого я оказался в русском плену. По всей вероятности, Совет конфедерации утвердил представление. Для этого были все основания.

— Вы, кажется, ранены?

— Хромота с тех пор, как в бою под Белостоком зацепила вражеская пуля. Были и другие ранения. Последнее получил в том роковом бою, который завершился пленением. Если бы не проклятая рана, не оказался бы в плену у русских.

— Капитан Сент-Илер рекомендовал вас как учёного, путешественника, исследователя Восточной Азии.

— К наукам я всегда имел склонность. А путешественником и исследователем Японии стал поневоле.

— Вы перешли на русскую службу?

— Отнюдь нет. Раскрою, мосье, все мои секреты. Ведь я хочу послужить Франции. Поэтому от достойного представителя французских властей у меня не может быть никаких секретов. В Макао я вынужден был представиться тамошнему губернатору руководителем русской научной экспедиции. Я сделал это из опасения, что беглого каторжника власти Макао выдадут китайцам, а те — русским соседям.

— Так вы бежали из русского плена?

— Вот именно.

— Как это вам удалось?

— Бог помог. И ещё отвага вот этих людей. Они сторонники свергнутого императора Петра и его законного наследника цесаревича Павла Петровича, кровные враги Екатерины, узурпировавшей трон. Судьба свела нас всех вместе на далёкой, холодной Камчатке. Мы смогли вооружиться и штурмом взять Большерецкую крепость. Это был тяжёлый и кровопролитный бой. Но стремление к свободе и справедливости придавало нам силы. И вот мы отдаёмся под покровительство короля Людовика. Я уверен, что мы все, и я, и мои достойные сподвижники, усердно послужим Франции.

Беньовский умолк, отпивая из бокала бургундское вино. Его спутники помалкивали. Из них лишь Хрущов и Мейдер кое-как владели французским. Вслушиваясь в разговор и улавливая основной смысл слов Беньовского, они дивились его безудержной фантазии и наглому, беспардонному бахвальству, хотя эти качества главноначальствующего и были для его сподвижников не новы.

Выдержав паузу, Морис Август принялся с жаром рассказывать о большерецких событиях. В его рассказе изба начальника камчатской администрации становилась мощной крепостью с бойницами в толстых стенах, рвами и пушками в крепостных амбразурах. А разбойное нападение кучки заговорщиков на дом злополучного капитана Нилова преобразилось в кровопролитный штурм, стоивший обеим сторонам десятков убитых и раненых. Не ограничиваясь воспоминаниями участника и очевидца, Беньовский пустился в пространные рассуждения о штурме крепостей, ссылаясь при этом на военные авторитеты прошлого.

— Принц Евгений Савойский, состоявший на австрийской службе, считал штурм крепостей наиболее сложным видом военных операций. Эту же мысль проводит в своих трудах маршал Франции Себастьян Вобан[38], полководец, военный теоретик и писатель.

— Это была одна из ярких фигур времён царствования короля Солнце[39], — сказал губернатор, не читавший сочинений Вобана.

— Я убеждён, мосье, что доживи маршал до наших дней, Большерецкая операция непременно заинтересовала бы его.

— Вы отважный человек, барон.

— Не мне судить о моей отваге. Однако же разгрызли орешек, и крепкий.

От камчатской эпопеи Беньовский перешёл к рассказу о Японии,

дополняя свои небогатые, отрывочные наблюдения щедрой фантазией. Дерош с интересом слушал его, иногда перебивая вопросами. Другие гости томились от скуки и позёвывали. Исчерпав японскую тему, Морис Август рассказал о кровавых событиях на Формозе, стоивших жизни нескольким членам его команды. В его рассказе операция против кучки аборигенов, вооружённых луками и стрелами, превращалась в грандиозное сражение с целой регулярной армией островитян.

— Так вы хотели бы послужить Франции? — спросил Дерош, когда Морис Август наконец умолк.

— Давно вынашиваю эту мечту.

— Такие люди, с вашей энергией и опытом военачальника, путешественника и исследователя, нужны моей стране. Убеждён, что правительство заинтересуется вами. А как, позвольте спросить, вы представляете себе службу Франции?

— Я мог бы возглавить корпус волонтёров, который отправится на завоевание заморских территорий, Формозы например. Разве французская корона не хотела бы приумножить свои владения? Большая часть Формозы заселена дикими воинственными племенами, не признающими ничьей власти. Этот остров мог бы стать форпостом французского влияния в Восточной Азии. Формоза превосходный трамплин для дальнейшего проникновения в Китай и Японию.

И Беньовский принялся горячо доказывать, какие выгоды сулит для Франции перспектива овладения таким стратегически важным островом. Здесь могли бы быть созданы постоянные фактории для торговли с Китаем. Отсюда могло бы оказываться давление на Японию, отгородившуюся от внешнего мира занавесом изоляционизма. Почему бы не добиваться права торговать с Японией, заходить в её порты, чтобы это не было привилегией только голландцев?

— Превосходная идея, но трудноосуществимая и поэтому преждевременная, — сказал Дерош. — Формоза далека. Китай считает её своей провинцией. Есть более реальная и близкая цель.

— Какая же?

— Мадагаскар[40]. Пока это ничейная земля. Я не беру в расчёт десяток мелких и соперничающих туземных королевств.

— Что ж, и Мадагаскар — отличная цель.

— Преотличная. Гигантский остров, богатый ценной древесиной, металлами, тропическими культурами. Прекрасные условия для развития плантационного хозяйства, выращивания хлопка, чая, кофе, сахарного тростника, риса. Ёмкий рынок для сбыта французских товаров.

— Веские соображения.

— Как вы себе мыслите экспедиционный корпус?

— Для начала несколько сотен человек. Мои люди составляют его ядро. Остальные — завербованные волонтёры, добровольные искатели славы, дерзкие, отважные люди, с которыми можно в самое пекло. И конечно, батарея лёгких пушек.

— Я вижу, барон, нам есть о чём поговорить приватно. Мой дом всегда открыт для вас. Приходите ко мне в любой день и в любое время. «Дофин» задержится в Порт-Луи для ремонта и пополнения припасов недели на три.

Распрощались тепло, довольные друг другом. Хрущов и Мейдер хмуро переглядывались. На лицах остальных улавливалась тревога. Не новую ли авантюру затевает их главноначальствующий?

По прибытии на корабль Беньовский ушёл к себе. Хрущов пригласил остальных в свою каюту. Пересказал им содержание разговора Мориса Августа с Дерошем.

— Вы видите, друзья, барон собирается прославиться завоеванием Мадагаскара, — сказал он в заключение. — А мы будем, как говорят французы, таскать для господина барона горячие каштаны из огня.

— Не бывать этому! — воскликнул Бочаров.

— Чёрт бы его побрал, нашего барона! — выругался Винблад. — Я думаю, он такой же барон и полковник, как я — апостол Павел.

Швед, обычно уравновешенный и немногословный, разразился потоком брани, мешая русские и шведские слова, и долго не мог успокоиться. В яростном порыве он схватил фальшивый орден Святой Анны, вырвал его с куском мундирного сукна и швырнул в оконце. Булькнула вода. Винблад объявил, что твёрдо решил покинуть Беньовского и его компанию, потребовать с него свою долю денег, вырученных от продажи в Макао галиота и пушнины, и вернуться в Швецию. На рейде стоит немецкий корабль под гамбургским флагом, и он переберётся на него. Хрущов насилу отговорил шведа отказаться от этого намерения. Беньовский скорее всего денег не даст, дабы неповадно было другим. Надо добраться до Парижа, а там он, Винблад, сможет рассчитывать на помощь шведского посольства. Сам же Хрущов признался, что намерен поступить на французскую службу, но не связывая себя с Беньовским, не ввязываясь в задуманную им авантюру.

— А я вернусь в Россию, — убеждённо сказал Бочаров. — Перед матушкой-императрицей не грешил. В бунте не участвовал, на корабль меня забрали силой. Доберёмся до Парижа, брошусь в ноги российскому

послу.

— И я поступлю так же, — сказал Судейкин. — Сколько унижений претерпел от проклятого супостата! Всё ему припомню. И как приказал на судно силком доставить, и как кухонным мальчишкой подрядил. Вишь, красивым мундиром хотел те обиды замазать. О всех его непотребных делишках расскажу.

Рюмин колебался. Он тоже был не прочь возвратиться на родину, да опасался наказания. Пока ничего не решил для себя и поэтому отмалчивался бывший сенатский секретарь Софронов.

— А что думает медицина? — спросил Хрущов Магнуса Мейдера.

— Я старый человек, — ответил лекарь. — Самый старый среди вас. Скоро предстану перед Всевышним. Поступлю так, как подсказывает мне совесть. Знаю одно: с Морисом мне не по пути. Дрянной, лживый человек. Да и ему от меня, старика, прока было бы мало.

А на следующий день Беньовский, на этот раз один, снова посетил губернатора. Был он теперь не в парадном мундире, украшенном орденами, а в добротном цивильном камзоле, сшитом всё тем же искусным портным-китайцем из Макао.

Дерош всячески старался заинтересовать Беньовского идеей колонизации Мадагаскара и увлечённо рассказывал ему об этом острове. В течение своего губернаторства он кропотливо и неуклонно собирал сведения о Мадагаскаре и его населении, расспрашивал малагасийцев, переселившихся на Маврикий, арабских и индийских купцов, плававших к мадагаскарским берегам, миссионеров.

В центре острова лежит горный массив Анкаратра, окружённый прибрежным лесистым поясом, низменным и болотистым. Только на юге этот пояс переходит в степную равнину. Растительность разнообразна и богата. Самое примечательное из местных деревьев — равенала, или «дерево путешественников». В его листьях скапливается целительная влага, которая помогает путнику утолить жажду. Стоит лишь проткнуть остриём нижнюю часть листа у стебля, и из отверстия польётся струйка холодной сладковатой воды.

— Одна такая равенала растёт в саду у отца Антуана, — сказал Дерош. — Это наш миссионер, знаток Мадагаскара. Негостеприимные туземцы выдворили его с острова. Но он не теряет надежды когда-нибудь вернуться туда, чтобы принести неверным язычникам слово Божие. Рекомендую вам побывать у отца Антуана.

— Непременно побываю.

— У него в доме живёт презабавный бабакота.

— Кто?

—Зверёк с Мадагаскара. Фауна острова своеобразна и существенно отличается от фауны соседней Африки. Среди диких животных нет крупных особей, если не считать кабанов и кровожадных и агрессивных крокодилов, которыми кишат реки. Зато водится большое семейство так называемых лемуров, или полуобезьян, как определяют их учёные. По некоторым свойствам они похожи на обезьян. Бабакота их представитель.

— Расскажите, мосье, о королевствах малагасийцев. Насколько это серьёзная политическая сила?

— Самое могущественное из королевств — Имерина. Оно занимает центральную гористую часть острова, населённую народом гова. Короля окружает знать, владеющая стадами крупного и мелкого рогатого скота. Скот там показатель богатства. Правители Имерины стремятся подчинить своей власти весь остров и время от времени воюют с другими королевствами.

— Раздробленность острова на десяток мелких королевств увеличивает наши шансы на успех. Надо спешить, пока король Имерины не опередил нас.

— Вы правы, малагасийцы неплохие воины и умеют владеть оружием, — согласился Дерош.

— Луками и копьями?

— Не только, смею вас заверить. Есть у них и огнестрельное оружие.

— Откуда оно?

— Привозят арабские купцы и португальские контрабандисты из Мозамбика.

— Я вижу, Мадагаскар крепкий орешек. Тем заманчивее и желаннее цель, — напористо произнёс Морис Август.

— В прошлом веке Франция уже пыталась закрепиться в юго-восточной части острова. Восточное общество смогло основать поселение у бухты Святой Люции. Позже его перенесли на полуостров Толангару. Там поселенцы основали форт Дофин. Но часть гарнизона вымерла от злокачественной лихорадки, часть была перебита в схватках с туземцами. Остатки поселенцев в 1672 году покинули форт.

— Горький урок. Надеюсь, мы будем действовать осмотрительнее.

По рекомендации губернатора Морис Август посетил отца Антуана, неудавшегося миссионера. Жил он в маленьком домике при церкви, исполняя пока обязанности второго священника.

Отец Антуан, плотный мускулистый человек лет сорока, мало походил на священнослужителя. Скорее ему пристало бы носить военный мундир.

Он и был воином, воином церкви, терпеливо готовившимся к новому миссионерскому рейду в джунгли Мадагаскара. Об этом острове и его жителях он собрал немало сведений и мог бы поведать Морису Августу немало интересного. Рассказывал он живо, увлекательно, демонстрируя острый, проницательный ум.

— Если вы заинтересовались Мадагаскаром, то сперва постарайтесь постичь, кто такие его обитатели, — начал свой рассказ отец Антуан. — У малагасийцев сохранились предания о трудном, полном опасностей плавании через океан. Они утверждают, что их далёкие предки приплыли с востока. Видимо, в этих туманных преданиях заложена какая-то правда. По своему облику, культуре, языку жители Мадагаскара напоминают обитателей островов Малайского архипелага, откуда они, по всей вероятности, и переселились много веков назад.

— Они встретили Мадагаскар незаселённым?

— Нет. Остров к тому времени населяли какие-то темнокожие племена, родственные африканцам. О схватках с этими племенами также сохранились предания. У некоторых жителей острова, особенно на его западном берегу, явно проступают негроидные черты, встречается несвойственная яванцам или суматранцам курчавость. Дальнейшую историю малагасийцев мы знаем плохо. Уже несколько веков назад у них существовали туземные государства со своими правителями, аристократией, свободными земледельцами и рабами.

Рассказ отца Антуана был прерван странным криком. Было похоже, будто лай собаки чередуется с плачем ребёнка. В комнату вбежал через раскрытую дверь из сада черно-бурый с белыми подпалинами зверёк величиной с крупную кошку, остромордый, пушистый.

— Это мой бабакота, проказник. Мой любимец, — сказал священник, глядя с нежностью на зверька.

Бабакота заметил незнакомого гостя, привстал на задние лапки, вытянул острую мордочку, вдыхая чужой запах, и принялся сверлить маленькими глазками-буравчиками незнакомца. Закончив исследование, он бесцеремонно прыгнул Морису Августу на колени и стал ласкаться.

— Какая фамильярность, Баба! — нарочито прикрикнул на любимца отец Антуан, не скрывая своего умиления, и протянул ему банан. Бабакота проворно спрыгнул с колен гостя на пол и схватил банан передними лапками, напоминающими человеческие ладони. Довольно урча, он забился под стол и занялся там лакомством.

— Ловок, словно белка, — сказал отец Антуан. — Целые дни проводит на деревьях, охотится на птичек.

— Почему этих и родственных им животных прозвали так странно — лемурами? — спросил Беньовский. — У древних римлян лемуры — это души умерших предков, которые призраками странствуют по ночам и пугают живущих.

— Малагасийцы верят, что в бабакоту и других полуобезьян переселяются души предков, и поэтому почитают их. Особенным уважением пользуется бабакота. Попробуйте убить зверька, и вы рискуете навлечь гнев туземного населения. Вас не накормят, вам не предоставят крова, на вас будут смотреть как на убийцу. Познакомившись с верованиями островитян, европейцы прозвали полуобезьян, ночных животных, лемурами.

— Вы, отец Антуан, изучали верования жителей Мадагаскара?

— Изучал, разумеется. Верования их просты. Малагасийцы поклоняются силам природы, предкам. Каких-либо сложных религиозных ритуалов я у них не наблюдал. На могилах умерших, как я мог заметить, иногда ставят вырезанные из дерева изображения покойного, фигуры птиц или просто столбы, разукрашенные растительным орнаментом. В художественном вкусе малагасийцев можете убедиться сами.

Отец Антуан пригласил Мориса Августа заглянуть в свой крохотный кабинет, набитый книгами и всякими изделиями малагасийских мастеров. Домашний музей отца Антуана ничем не напоминал роскошный музей губернатора Макао, набитый дорогими антикварными сокровищами. Не напоминал ни размерами, ни содержанием. Здесь были простые соломенные циновки, украшенные красивым орнаментом, корзиночки и шляпы, плетённые из камыша, деревянные маски, изображающие людей, птиц, животных, нарочито удлинённые, экспрессивные, выразительные в своём бесхитростном примитивизме, с подчас устрашающими личинами. Стол покрывала зелёная орнаментированная скатерть из пальмового волокна. Это небольшое собрание дополняла коллекция бабочек в коробке под стеклом, пёстрых, самых необычных расцветок.

— Вот что такое малагасийцы, — сказал отец Антуан, когда они возвращались в гостиную.

— Вы владеете их языком?

— Единого малагасийского языка не существует. Малагасийцы составляют целую группу племён или народов, говорящих на своих языках или диалектах — не знаю, как их правильно определить с точки зрения науки. Я владею более или менее свободно языком бецилисарака, на котором говорят жители восточного побережья. Немного владею и языком имерина, или гова. Но есть ещё языки бецилео, сакалава, антандруи и

другие.

— Трудно ли овладеть одним из этих языков?

— Языки эти не принадлежат к числу слишком трудных. Если у вас есть постоянный собеседник, носитель языка, вы легко им овладеете за несколько месяцев. Мой церковный служка Ратолани, в крещении Филипп, представитель народа бецилисарака. С ним я имею постоянную разговорную практику.

— Как это интересно и поучительно! Посетив ваш дом, я приоткрыл завесу над загадочным для меня миром обитателей Мадагаскара. Но позволю себе задать вопрос чисто практический.

— Задавайте, — добродушно согласился отец Антуан.

— Вы побывали на Мадагаскаре, столкнулись с его жителями, интересовались его культурой и историей. Если бы я выступил в роли предводителя отряда французских волонтёров, намеревающихся закрепиться на острове, какой бы совет вы мне подали?

— Высаживайтесь на восточном побережье — вот мой первый совет.

— Но почему на восточном? Это нездоровая болотистая местность. Она унесёт многие жизни.

— Возможно, что и унесёт. Серьёзное предприятие не обходится без риска, без жертв. Восточное побережье имеет то преимущество, что невдалеке отсюда находятся французские островные владения в Индийском океане, острова Маврикий и Реюньон, объединённые общим названием Иль-де-Франс.

Отсюда вы сможете получить необходимую подмогу и поддерживать через губернатора связь с Парижем.

— Это единственное преимущество восточного побережья?

— Нет, не единственное. Здесь находятся независимые малагасийские общины, не подчиняющиеся королям. И вы не встретите сильного противодействия. Здесь же вы сможете выступить в роли союзника и защитника вождей одной из таких общин в их противостоянии с соседними королевствами. С помощью щедрых подарков вы склоните этих вождей к союзу и вассалитету.

— Мудрый совет, отец Антуан.

— Подсказанный моим опытом. Бог вам в помощь. Возможно, мы ещё встретимся с вами на Мадагаскаре.

— Хотел бы этого, падре.

Познакомился Морис Август и с церковным служкой Филиппом, носившим до крещения имя Ратолани. Филипп, невысокого роста, коренастый и смуглый малагасиец с симпатичными чертами лица, свободно

болтал по-французски. Удовлетворяя любопытство Беньовского, он рассказал ему о верованиях, образе жизни и семейных отношениях соплеменников. Сам он происходил из одной из независимых прибрежных общин. По его словам, правитель соседнего королевства не раз посылал в его селение вооружённый отряд, чтобы склонить общинников к покорности и наложить на них обременительную дань. Но добраться до побережья через джунгли и болота, преодолеть широкие реки, кишащие крокодилами, не так-то просто. Только один раз королевские солдаты добрались до поселения, но встретили здесь дружный отпор. К жителям пришли на помощь люди из соседних независимых общин.

Беньовский поинтересовался, что представляет собой такая община, как она управляется. Филипп толково объяснил, что во главе её стоит выборный староста. При нём общинный совет, состоящий из наиболее уважаемых старейшин. Староста лицо влиятельное, но не обладающее полной единоличной властью. Решая важные вопросы, ему приходится советоваться со старейшинами.

Имеются ли у общины какие-нибудь торговые связи с внешним миром? Филипп пояснил, что такие связи очень нерегулярны. Изредка приплывают арабские купцы с Занзибара и Маската. Они привозят ткани, металлическую утварь, ножи, топоры. Вывозят кожу крокодила, ценные породы древесины, черепаховые панцири, кофейные зёрна. И всегда одаривают подарками старосту и старейшин. Поэтому купцы всегда желанные гости.

Продолжались и беседы с губернатором. Дерош был согласен с отцом Антуаном, что французский опорный пункт нужно создавать на восточном побережье Мадагаскара. Беньовский вновь и вновь пускался в пространные рассуждения, блистая красноречием. По его мнению, когда весь остров станет французским, колониальные власти должны заняться развитием плантационного хозяйства и строительством дорог. В этом он видит залог процветания острова. Прибрежные низменные и болотистые земли — отличное пространство для выращивания заливного риса. Сама природа создаёт естественное орошение. Гористая часть острова подходит для выращивания чайного куста, кофейного дерева, хлопка, сахарного тростника. Владея островом, Франция заполонит весь мировой рынок этими культурами, а в государственную казну и в карманы негоциантов потекут прибыли.

— У вас глубокие познания в области агрономии, — польстил Беньовскому Дерош.

— Владея большим имением, я поневоле был вынужден заниматься

агрономией, читать специальную литературу, переписываться с учёными-агрономами. Попутно заинтересовался и тропической агрономией, выращиванием риса, кофейных деревьев.

Велеречивый и бойкий на язык Беньовский ухитрился произвести на Дероша, педантичного служаку, самое благоприятное впечатление. У губернатора сложилось мнение, что перед ним человек эрудированный, широко образованный, сведущий во многих отраслях знаний, к тому же израненный герой войн. В письме правительству, рекомендуя Мориса Августа в самых лестных выражениях, Дерош писал: «Он покрыт ранами, и иные из них обезображивают его походку, которая сильно затруднена. Тем не менее он сохранил здоровье и физические силы и обладает приятной наружностью, отражающей большой ум. Он очень рассудителен и сдержан... Мне кажется, что он естественно склонен к гордости и властности, но раз он кого-нибудь дарит доверием, он относится к тому с величайшей любезностью... Поверхностно он знаком чуть не со всеми науками, и знания, вполне чуждые его первоначальному военному ремеслу, несомненно, помогли ему в трудных обстоятельствах его жизни».

Приближался день отплытия «Дофина» из Порт-Луи. Во время одной из последних встреч Дерош протянул Беньовскому пакет, украшенный фамильным гербом.

— Вот рекомендательное письмо к герцогу д’Эгильону, министру иностранных дел и фактическому премьер-министру. Рекомендую вас герцогу с самой лучшей стороны.

— Премного благодарен вам, мосье.

— Не надо благодарности. Стараюсь не столько ради вас, сколько ради Франции. Пусть моя страна обретёт такого полезного и опытного человека. Постарайтесь попасть на аудиенцию к герцогу и ещё к морскому министру графу, де Бойну. Влиятельные люди.

Дерош помолчал и глубоко вздохнул.

— Наш славный король Людовик Пятнадцатый[41] — фигура своеобразная, должен вам заметить. Слишком предан удовольствиям. И слишком добр и доверчив к окружающим. Нет, я ни в чём не хочу упрекнуть его величество. Это достойнейший из королей, преемник короля Солнце. Но его добротой пользуются его близкие, особенно некоторые дамы... Вы меня понимаете?

— Я наслышан о влиянии маркизы Помпадур.

— После смерти маркизы её место заняла новая пассия короля, госпожа Дюбарри. Она влияет на назначения министров. Ей обязан своим возвышением сам д’Эгильон. Учтите это, любезный барон.

24 марта фрегат «Дофин» покинул гавань Порт-Луи и взял курс на Капстад у южной оконечности Африки. Вскоре умерли от цинги четверо из оставленных в военном госпитале на острове Маврикий русских. Все они были работными людьми купца Холодилова. Пятый, Козьма Облупин, выздоровел и с попутным судном добрался до Франции, где и присоединился к команде Беньовского.

Глава тринадцатая

Вновь безбрежные просторы океана. С капитанского мостика слышится замысловатая ругань капитана. Её подхватывает боцман, украшая речь собственными, не переводимыми ни на какие языки словечками. Покрикивая на матросов, порой пуская в ход и кулаки, воодушевляет он команду. Справа на горизонте тёмной полосой проплыла южная оконечность Мадагаскара...

Вот и голландский Капстад. В бухте несколько кораблей с опущенными парусами. На берегу суетятся полуголые чернокожие грузчики-кафры, лоснящиеся от пота, словно натёртые блестящим маслом. Степенно прохаживаются солдаты-голландцы. Здесь непременная стоянка торговых судов, следующих из Европы в Индию и Китай, происходит текущий ремонт, заправка водой и топливом, пополнение съестных припасов. Это приносит немалые выгоды местным колониальным властям и коммерсантам.

На борт поднялся чиновник таможенной службы с офицером портового гарнизона. Соблюдены несложные формальности. Потом, как водится, де Сент-Илер пригласил гостей к себе в каюту, а за компанию и Мориса Августа. Вестовой подал сладкие китайские вина, креветки, бананы.

Из рассказов гостей Морис Август узнал, что ещё в прошлом веке юг Африки стали заселять европейские колонисты. Преобладали голландцы, называющие себя здесь бурами, хотя есть среди них и немцы, и французы-протестанты, покинувшие родину из-за религиозных преследований. Всё дальше и дальше на север, к реке Оранжевой, по её притоку Вааль уходят караваны переселенцев. Они занимают пустующие земли, а нередко и силой оружия, сплотившись в вооружённые отряды, отбирают угодья у местного кафрского населения. Порой случаются стычки между кафрами и белыми фермерами. Тогда на помощь колонистам приходят войска.

Таможенник, похвалив китайские вина, пригласил де Сент-Илера и Беньовского познакомиться с городом и непременно подняться на Столовую гору, с которой открывается такой великолепный вид на окрестности. Капитан ответил, что подымался уже, и не раз. И, откровенно говоря, вид не произвёл на него впечатления — кругом дикие скалы, песчаная пустыня. Таможенник позволил себе не согласиться с ним и стал

расхваливать отличный виноград, растущий у подножия горы, сосновые леса, вкрапливающиеся в дикий пейзаж.

На Столовую гору Морис Август подниматься не стал, а по городу побродил в сопровождении Рюмина. Пригласил составить компанию и Хрущова с Винбладом, но те отклонили приглашение. После макаоского инцидента оба не скрывали своей неприязни к главноначальствующему и избегали всякого общения с ним.

Строения Капстада — казармы, колониальные учреждения, торговые конторы, особняки чиновников и коммерсантов, а также реформатская церковь — были выдержаны в голландском стиле. Крытые черепицей, с частыми оконными переплётами, они были суховаты и не отличались архитектурными излишествами. Центр города обрастал кварталами убогих лачуг, в которых ютились туземцы. Чёрные африканцы стояли на низшей ступени социальной лестницы. Они были портовыми грузчиками, слугами, мусорщиками. Не раз Беньовский улавливал в их взглядах, обращённых на него, затаённую злобу и ненависть.

Покинув Капстадскую бухту, фрегат взял курс на север. Атлантический океан был сравнительно спокоен, дул лёгкий попутный ветер, так что плавание проходило без затруднений. Бескрайний водный простор окружил «Дофина». Лишь изредка встречались косяки акул, разрезавшие воду острыми треугольными плавниками, да однажды вынырнул огромный кашалот, поднявший фонтан брызг. Утомительное плавание вновь вызвало заболевания в команде Беньовского. Свалились несколько человек.

Подходили к пятнадцатому градусу южной широты, когда на горизонте показался одинокий скалистый остров Святой Елены. Здесь, в бухте Джемс, у его северо-западного побережья, была непродолжительная стоянка. Остров, открытый 21 мая 1501 года, в день святой Елены, португальским мореплавателем Хуаном де Нова Кастелья, был впоследствии занят голландцами, у которых его отняли англичане. Собственником острова стала Британская Ост-Индская компания, оборудовавшая здесь стоянку для торговых кораблей, следовавших из Европы в Индию и обратно. Фрегат «Дофин» пополнил запасы пресной воды и свежей зелени. Беньовский нанёс визит губернатору острова и попытался было договориться о передаче тяжелобольных в местный госпиталь.

— Ничем не могу вам помочь, любезный барон, — ответил губернатор. — Нет у нас госпиталя. На наше счастье, Святая Елена отличается здоровым климатом, и солдаты гарнизона почти не болеют.

Ещё один продолжительный этап. Стоянки на Канарских островах, на португальской Мадейре, в испанском порту Ла-Корунья. Бискайский залив встретил фрегат свирепым штормом, какого не было за всю дорогу. Жалобно скрипели мачты. Тяжёлый фрегат, словно пушинку, швыряло через гребни волн. Капитан де Сент-Илер показал всю свою выдержку, сноровку, твёрдую руку. Больные — четверо бывших работных людей купца Холодилова и один солдат большерецкой команды — подавали слабые признаки жизни. Лекарь Магнус Мейдер не надеялся на их выздоровление.

Но пережили и шторм. Он стал утихать, когда вдали показались лесистый берег и строения прибрежного городка, церковный шпиль и башня замка.

18 июля 1772 года фрегат «Дофин» прибыл во французский порт Лорьян на южном берегу Бретани. Де Сент-Илер представил Беньовского коменданту порта, старому полковнику. С ним легко удалось договориться о размещении пяти тяжелобольных в лорьянском военном госпитале. Команду разместили в пустующих казармах и поставили на довольствие французской казны. Комендант было заколебался, но Морис Август убедил его:

— Я, граф де Бенёв, и мои люди поступаем на службу к его величеству королю Франции. Имею на сей счёт рекомендательное письмо губернатора острова Маврикий кавалера Дероша к герцогу д’Эгильону. Убеждён, что его сиятельство решит нашу судьбу незамедлительно и доложит королю. Спешу в Париж для личной встречи с герцогом.

— Дай Бог вам удачи, — напутствовал его старый полковник.

Перед отъездом в Париж Беньовский подошёл к Хрущову, как будто между ними не было никакой размолвки, и сказал начальственным тоном:

— Остаётесь, капитан, за меня. Следите за дисциплиной. А я отправляюсь в Париж. Возможно, моя поездка продлится долго, недели две-три. Не знаю, как быстро решится наша судьба, но уверен, что решится. И не дуйтесь на меня, Пётр. Мало ли что случается в трудных ситуациях.

С обворожительной улыбкой Беньовский протянул Хрущову руку. Тот, всячески проклиная в душе Мориса Августа, всё же принял руку недруга для рукопожатия. Не хотелось пререкаться.

Взяв с собой небольшой дорожный саквояж и достаточную сумму денег, Беньовский выехал в Париж почтовым дилижансом. Дорога шла через лесистые просторы Бретани. Дубовые и кленовые леса сменялись торфяниками или песчаными проплешинами, поросшими вереском.

Встречались замшелые руины средневековых замков ещё времён Бретонского герцогства и мегалитические[42] сооружения из огромных валунов — следы языческих капищ древних кельтов. Крестьянские усадьбы окружали живые изгороди из терновника и акаций. Хижины сложены из крупного камня — настоящие крепости. Бретонцы носили национальную одежду. Женщины появлялись в кружевных накрахмаленных чепцах, пышных сборчатых юбках и передниках, отороченных кружевом, мужчины в коротких куртках и панталонах.

Четвёрка лошадей тащилась медленно. Колеса дилижанса вязли то в зыбучем песке, то в торфяной жиже. Кучер дремал на козлах и не особенно-то погонял лошадей.

Спутниками Беньовского оказались молодой кюре, ехавший в Париж навестить брата-юриста, парижский коммерсант, посещавший Лорьян по своим торговым делам, и семья бретонского дворянина — отец семейства с супругой и тремя юными дочерьми. Морис Август представился как граф де Бенёв, путешественник и исследователь-ориенталист.

— Вы чужестранец, граф, судя по акценту, — подметил кюре.

— Уроженец Венгрии. Теперь поступаю на службу к его величеству королю Людовику.

— Похвально. Вы впервые в этих краях?

— Впервые.

— Тогда вас заинтересует история нашего края... — Кюре, как видно, сел на своего любимого конька и углубился в историю Бретани. — Бретонцы — это потомки древних кельтов, никак не родственные французам. В средние века на полуострове образовалось могущественное графство, а потом и герцогство. Бретонские герцоги успешно соперничали с французскими королями и были фактически независимыми. Так продолжалось до конца пятнадцатого века, когда наследница последнего герцога Франциска Анна была вынуждена отдать свою руку королю Карлу Восьмому и принести ему в приданое свои земли.

— Мой предок был в свите герцогини Анны, когда она выехала из Ренна навстречу жениху, — вмешался глава семьи. — Между прочим, вон тот замок на холме принадлежал когда-то нашей семье.

— Это замок Роганов, — заметил кюре. — Роганы были одной из самых могущественных семей в герцогстве.

— Я потомок Роганов по женской линии. Наш род обеднел. И я еду в Париж искать милости и протекции у сильных мира сего. Дочки на выданье, а кто возьмёт их без приданого?

— Ищите протекции у мадам Дюбарри, — желчно буркнул

коммерсант. — Да не забудьте представить ей всех своих доченек. Мадам не оставит вас своими милостями и поможет высоко вознестись вашему семейству.

— Тьфу ты, Господи. Типун вам на язык, господин коммерсант. Что вы говорите? Мои девочки скромницы.

— До поры до времени...

Разговор, как видно, принимал щекотливый оборот. Кюре решил разрядить напряжённость и, пожелав отцу семейства всяческого успеха, снова углубился в историю Бретани.

Беньовского мало интересовали деяния бретонских герцогов, как и всякие истории, связанные с руинами замков. Он сделал вид, что задремал. Когда же кюре умолк, Морис Август обратился к помалкивающему коммерсанту:

— Мосье...

— Мосье Моро к вашим услугам. Оптовая торговля колониальными товарами.

— Очень приятно. Вам известен господин Бове?

Беньовский вспомнил имя влиятельного приятеля кавалера де Робиена, представителя французской Индийской компании в Южном Китае. Бове был одним из тех, кому де Робиен адресовал свои рекомендательные письма.

— Это какой Бове? Фамилия во Франции распространённая.

— Кажется, Шарль Бове. Он каким-то образом связан с Индийской компанией.

— Ах, этот? Кто же во Франции не знает Шарля Бове! Влиятельнейший финансист. Один из главных акционеров Индийской компании и самых богатых людей Франции. Перед ним заискивают министры.

— Как я могу его найти?

— Это не трудно. Его контора вблизи площади Вогезов. А рядом и его особняк.

Морис Август подумал, что сразу пробиться к герцогу д’Эгильону будет нелегко. Скорее всего в это летнее время герцог пребывает при дворе в Версале. Легче встретиться с всесильным финансистом, который, если заинтересуется его проектом колонизации Мадагаскара, откроет ему дорогу в министерские кабинеты.

В городе Ренне, бывшем когда-то столицей герцогства Бретань, произошла задержка. Выяснилось, что расковалась одна из лошадей, а кузнеца на почтовой станции не оказалось. И ещё обнаружилось, что в

одном колесе дилижанса треснули две спицы, и колесо надлежало заменить. Потребовался каретник, которого тоже на месте не оказалось.

— Чувствую, мы не скоро тронемся в путь, — сказал Моро Беньовскому. — Не хотите ли, граф, побродить со мной по городу? Рядом с ратушей есть кабачок, где подают отличное бретонское пиво и ветчину.

— Охотно присоединюсь к вам.

В центре города возвышалась величественная ратуша, сооружённая в начале века. Несколько старинных церквей были построены в романском и готическом стиле. Самая древняя была возведена ещё в XI веке. Среди гражданских зданий выделялся Дворец юстиции, построенный в прошлом веке.

— Достопочтенный кюре прочитал бы нам целую лекцию об исторических памятниках города, — с иронией сказал Беньовский.

— Наш кюре старается блеснуть эрудицией, как примерный школяр. Я предпочитаю доброе старое пиво пище духовной, — сказал Моро. — А вот и желанный кабачок.

Пиво подали в старинных глиняных кружках, а ветчину с картофелем — на плоских деревянных блюдах.

— Позвольте спросить вас, мосье Моро, почему упоминание вами всесильной фаворитки Дюбарри повергло семейство почтенного бретонского дворянина в такое смятение? Вы позволили себе какой-то многозначительный намёк? — спросил Беньовский, пригубив кружку пенистого пива.

— Я говорил без всяких намёков. Роль мадам при дворе известна всей Франции. Дюбарри поставляет любвеобильному королю молоденьких девушек для альковных утех. Этим она сохраняет беспредельное влияние на короля, ведь Людовик давно охладел к ней как к женщине. Повторяется история с покойной Помпадур.

— Стало быть, наш попутчик мог бы с помощью мадам Дюбарри обеспечить себе карьеру и богатство. Девчонки у него прехорошенькие.

— Некоторые прокутившиеся отцы не брезгуют и таким способом обогащения.

— Я слышал, что российский император Пётр, названный русскими Великим, замышлял женить молодого Людовика на своей дочери Елизавете, будущей императрице. Этим браком он хотел скрепить союз России с Францией.

— Этот план по каким-то причинам не осуществился. Впоследствии король женился на Марии, дочери Станислава Лещинского, шведского ставленника, впрочем, недолго там усидевшего. Перезрелая невеста была

намного старше своего жениха и к тому же красотой не блистала. Легкомысленный король скоро охладел к жене. Его сердце заняла мадам Помпадур, потом другие. Время не исправило короля. Престарелый Людовик предпочитает любовные приключения, балы, маска рады, охоту государственным делам. И это дорого обходится стране.

— Вы имеете в виду неудачные для Франции итоги Семилетней войны?

— И это англичане потеснили нас в Америке, Индии. А мы, третье сословие, питающее государство, кровно заинтересованы в расширении колониальных владений, рынков. Но увы... Предприниматели не хозяева в своём доме, как, к примеру, в соседней Великобритании. Там торговцы, финансисты, промышленники — влиятельная сила, с которой аристократия вынуждена разделять власть. Мы же во Франции на положении бедных родственников. Чего стоит эта нашумевшая парламентская история...

— Что за история? Расскажите.

— История такова. Некоторое время тому назад король назначил Рене Мопу канцлером парламента и хранителем печати. Человек без всяких принципов, злобный интриган, алчный корыстолюбец. Из своих карьерных соображений он заискивал перед королём, госпожой Дюбарри, герцогом д’Эгильоном, а от честных и принципиальных людей старался избавиться. Он сквозь пальцы смотрел на все вопиющие злоупотребления всесильных фаворитов. Когда же в парламенте сложилась открытая оппозиция, с ведома Мопу все её члены были арестованы и изгнаны. В конце концов Мопу реорганизовал парламент на свой лад, додавил его жалкие остатки и сделал бесправным и послушным. Общественность назвала его «парламентом Мопу». Чтобы предотвратить взрыв негодования, король был вынужден пожертвовать канцлером и удалить его в отставку. К тому же оказалось, что, занимая высокий пост, Мопу значительно округлил своё состояние, скупая государственное имущество. Как видите, королю и его окружению порой приходится считаться с гласом третьего сословия.

— Как я понял из ваших рассуждений, мосье Моро, деловые люди Франции не удовлетворены внешнеполитическим курсом королевского правительства, потерей колоний.

— Мы не удовлетворены всей системой абсолютной монархии. Недовольство охватывает всё общество. Если не при Людовике Пятнадцатом, то при его внуке, который станет Людовиком Шестнадцатым, произойдёт страшный кровавый взрыв, который потрясёт всю страну[43]. И у нас, как поговаривают в народе, найдутся свои Кромвели[44].

При этих словах Беньовский с опаской посмотрел по сторонам.

— И вы не боитесь, мосье Моро, столь смело высказываться?

— С чего бы мне бояться? Об этом говорит вся Франция, Оппозиционными настроениями пронизаны сочинения господина Франсуа Вольтера. Власти вынудили его покинуть страну[45]. Но им не запрятать в Бастилию всю Францию. И ещё, замечу вам... Я слишком богат, чтобы бояться какого-то там полицейского соглядатая. Он предпочтёт получить от меня пиастр, нежели доносить на меня полицейским властям.

Беньовский поделился с Моро своими планами поступить на французскую службу, чтобы во главе экспедиционного корпуса отправиться на завоевание новых земель, хотя бы того же Мадагаскара. Роше выслушал его с вниманием и интересом. Подумал, что из такого наёмника-авантюриста можно извлечь пользу.

— Непременно побывайте у Шарля Бове и заручитесь его поддержкой. Не забудьте, его контора вблизи площади Вогезов. Уверен, что Бове повлияет на герцога и других министров, внушит им, что новые земли нужны Франции.

После долгих усилий отыскались и кузнец, и каретник. Лошадь была подкована, а неисправное колесо заменено новым. Дилижанс тронулся в дальнейший путь. Лесистая Бретань осталась позади. Теперь проезжали через густонаселённую и возделанную Северную Францию. Миновали города Майенн, Алансон, Эвре. Выехали на берег петляющей Сены.

Морис Август предавался размышлениям. Разговор с мосье Моро, крупным торговцем колониальными товарами, убедил его в том, что французское буржуазное сословие открыто выражает недовольство внешнеполитическим курсом правительства короля Людовика XV и всей политической системой страны. Потеря североамериканских и индийских колоний в итоге Семилетней войны усугубляли это недовольство. Англичане, расширяя свою колониальную империю, успешно теснили французских соперников по всему земному шару. Финансисты, владельцы крупных мануфактурных производств, богатые торговцы Франции видели в английской парламентарной системе, ограничивающей власть короля, свой желанный идеал. Им тоже хотелось бы разделить политическую власть с родовитой аристократией, вместе с ней определять политику страны, требовать захвата новых колоний, а это расширило бы рынок. Франция была далека от этого идеала. Страной самодержавно правил ленивый и развратный король, окруживший себя придворной камарильей вельмож. Фактически же все государственные дела решались по прихоти и капризу королевских фаворитов и фавориток, особенно графини Марии Жанны

Дюбарри. Как узнал Морис Август от Моро, эта всевластная дама, дочь простого сборщика податей, была когда-то просто модисткой. Поразмыслив обо всём, Беньовский решил по прибытии в Париж немедленно отправиться на поиски влиятельнейшего Бове.

По совету Моро Беньовский остановился в отеле «Белая лилия», не фешенебельном и не самом дорогом, но выше среднего уровня. Из окна его номера на третьем этаже открывался вид на Сену и громаду Нотр-Дам, знаменитого собора Парижской Богоматери. На карнизах его портала зловеще скалились химеры.

Свой парадный, расшитый золотом мундир с орденами Беньовский намеренно оставил в Лорьяне. Люди парижского высшего света изощрены в знаках отличия и наградах, наверняка здесь могут встретиться на его пути и поляки, и русские, знающие толк в орденах и нашивках и сумеющие отличить фальшивые награды от подлинных. Зачем подвергать себя риску разоблачения? Роскошный мундир с орденами, сработанными искусным китайцем, ещё пригодится ему.

Морис Август критически оглядел себя в зеркало. Его старый камзол основательно пообтёрся за дорогу, лоснился на локтях. Для деловых визитов явно не подходит. Поэтому первым делом Беньовский направился в ближайшую модную лавку и там подобрал себе отличный касторовый камзол, батистовую рубашку с кружевным жабо, модные ботинки, а заодно и трость с серебряным набалдашником. Он тут же переоделся, рассчитался с приказчиком и вышел из лавки этаким заправским парижским франтом.

— Прикажете, мосье, доставить старое платье к вам домой? — спросил его приказчик, догоняя уже на улице.

— Не утруждай себя, братец. Отдай эти тряпки первому встречному бедняку.

— Премного благодарствую.

Беньовский решил зайти в Нотр-Дам и помолиться за свой будущий успех. Человек циничный и беспринципный, он был всегда равнодушен к религии и никогда не утруждал себя частыми посещениями храма Божьего. Но здесь его одолело, пожалуй, чистое любопытство. Попасть в Париж и не побывать в знаменитом соборе Парижской Богоматери!

В храме было полутемно. Цветные оконные витражи сдерживали проникновение солнечного света. К алтарю уходили бесконечные ряды стульев. Пахло свечным нагаром. Раздавались мощные тягучие звуки органа, тонувшие в стрельчатых сводах. Морис Август постоял несколько минут, внимая музыке, машинально перекрестился ладонью и вышел из храма. Величественная готическая архитектура собора, как и звуки органа,

не слишком тронули его.

— Да пошли Господь мне удачу. Не оставь меня своими милостями, — молитвенно прошептал Морис Август.

Вернувшись в отель, Беньовский спросил управляющего, молодого обходительного человека:

— Не скажете ли, милейший, как отыскать контору мосье Бове, финансиста? Вам известно это имя?

— Помилуйте, кто же в Париже не знает мосье Бове, — ответил управляющий. — Ему принадлежат банкирские конторы, здания, отели, газеты. Любой извозчик, назовите только его имя, доставит вас по нужному адресу. Это не слишком далеко отсюда.

— Я хотел бы пройтись пешком и полюбоваться городом. Ведь я впервые в Париже.

— Понимаю вас, мосье. Париж прекрасный город. Я дам вам сопровождающего, расторопного малого. Мишель!

На возглас управляющего прибежал откуда-то парнишка.

— Сведёшь, Мишель, нашего гостя в контору господина Бове. Знаешь?

— Как не знать. Это не доходя до площади Вогезов.

— Вот именно. И заодно покажешь гостю Бастилию — это как раз по пути. И старый квартал, где католики резали гугенотов в Варфоломеевскую ночь[46].

— Рад служить, мосье.

Мишель, оказавшийся кузеном администратора, был неплохим гидом. Они шли лабиринтом узких переулков. Верхние этажи средневековых зданий нависали над нижними. Высокие остроконечные крыши, крытые черепицей, упирались в небо. Мишель рассказывал, что в этих домах во времена последних Валуа жили гугеноты. В ночь на святого Варфоломея улицы были залиты кровью. Католики врывались в дома, резали своих противников и выбрасывали в окна. Если жертвы ещё подавали признаки жизни, их добивали на улице. А здесь, за углом, как говорят, ещё недавно была модная лавка, где искусные модистки шили роскошные платья. Среди модисток выделялась обворожительная Мария Жанна. Кто-то из придворных заприметил красивую девушку и сообщил о ней королю. Король приказал доставить модистку во дворец и приблизил к себе. Людовик выдал девушку за графа, чтобы придать ей надлежащее положение в обществе. Так безродная модистка стала графиней Дюбарри и первой фавориткой короля.

Ещё много всяких историй услышал Морис Август от Мишеля

прежде, чем вышли они на площадь Бастилии, посреди которой высилась мрачная каменная громада, крепость-тюрьма, охраняемая солдатами.

— Вот и Бастилия, — сказал Мишель. — Здесь заключены убийцы и враги короля.

— Не хотел бы я оказаться в их компании, — пошутил Беньовский.

С площади Бастилии они свернули в боковую улочку, которая вела к площади Вогезов.

— А вот и дом мосье Бове, — сказал наконец Мишель, указывая на ничем не примечательное строение. Выделяли его от соседних домов лишь начищенная до зеркального блеска медная доска у подъезда с надписью «Банкирский дом Шарля Бове и Компания» да величественный усатый швейцар.

— Ты мне больше не нужен, Мишель, — сказал Беньовский. — Вот тебе монета за труды. Ты интересно рассказывал.

— Благодарю вас, мосье. Всегда к вашим услугам.

Секретарь господина Бове, чопорный человек средних лет в чёрном сюртуке, встретил Беньовского сухо и недоверчиво. Щеголеватый вид посетителя и даже трость с дорогим набалдашником не произвели на него ровно никакого впечатления. Секретарь спросил о цели визита.

— Цель чисто деловая, — ответил Морис Август. — Я предпочёл бы, не теряя времени, всё объяснить лично мосье Шарлю.

— У нас свой порядок, раз и навсегда заведённый господином Бове. Он занятой человек, а посетителей слишком много. Большинство из них обращается с вопросами мелкими, несложными. Речь идёт обычно об отсрочке долговых платежей. Такие вопросы могу решить я самолично с моими помощниками, не утруждая нашего патрона. Приходится ценить его время. Многим посетителям втолковываем, что мы деловая фирма, а не благотворительная контора.

— Я пришёл к вам не за подаянием, мосье... как вас там. Вы не соизволили представиться.

— Бове. Люсьен Бове.

— Однофамилец, родственник?

— Родной племянник господина Шарля, если угодно.

— Я барон де Бенёв, полковник польской армии конфедератов.

— В Париже много офицеров-конфедератов. В Польше у них плохи дела. Часто заходят к нам и просят о помощи.

— И вы, конечно, по купеческой прижимистости им отказываете?

— Стоящим людям помогаем пристроиться на французскую службу.

— Вот и я хотел бы послужить Франции. Об этом ваш патрон может

узнать из рекомендательного письма кавалера де Робиена, представляющего Индийскую компанию в Южном Китае. Мы встречались в Макао.

— Рекомендательное письмо де Робиена меняет дело. Дядя считается с его мнением. Позвольте письмецо, я тотчас передам его в руки дяди...

— Нет уж. Предпочёл бы это сделать сам.

— Как вам будет угодно.

Бове-младший всё же стал дотошно расспрашивать Беньовского о его морском путешествии, о том, что он намерен делать на французской службе. И только после этого секретарь отправился докладывать Шарлю Бове о приходе необычного посетителя. Морис Август терпеливо ждал его полчаса или более. Наконец Люсьен появился и сказал уже более приветливо:

— Дядя готов вас принять, барон. Прошу следовать за мной.

Они поднялись по широкой дубовой лестнице на второй этаж и очутились в кабинете с дорогими гобеленами по стенам. Всюду стояли столики, тумбочки, бюро с бронзовыми и серебряными канделябрами, настольными часами, вазами и статуэтками времён последних Валуа и первых Бурбонов. От обилия вещей кабинет казался тесным и походил на антикварную лавку. В роскошном мраморном камине потрескивали дрова, хотя на улице была тёплая солнечная погода.

Шарль Бове, грузный лысоватый мужчина с крупными чертами лица и тяжёлым мясистым подбородком, поднялся с кресла и сделал шаг навстречу гостю.

— Как доложил мне мой секретарь, вас рекомендует де Робиен, мой хороший друг. Его письмо при вас?

— Так точно, мосье. Извольте.

Беньовский вынул из-за обшлага камзола и протянул финансисту продолговатый пакет с сургучными печатями.

— Присядем к камину. Ты, Люсьен, останься. В этих старых домах сыровато даже летом. Приходится круглый год топить камин. Признаться, люблю погреть у огонька свои старые косточки.

Бове вскрыл конверт, извлёк из кармана лорнетку в золотой оправе и углубился в чтение. Прочитав письмо, сказал:

— Вижу, вы человек интересной и необычной судьбы. Бежали из русской ссылки, побывали в Японии, загадочной и закрытой для нас стране.

— Это было как захватывающий роман, мосье.

— Вот и напишите роман, а я издам.

— Я же не писатель, не умею писать романов.

— Надеюсь, серию очерков для моей газеты напишете? Для «Парижского вестника»... Хорошим авторам мы платим щедро. Люсьен, помоги барону связаться с редакцией.

— Слушаюсь.

— Кстати, редактор мой родственник. И как вам удалось бежать с Камчатки?

Пришлось Беньовскому вновь рассказывать о большерецкой эпопее. И вновь, как и при беседе с губернатором Маврикия, прибегал он к вымыслу и фантазии. На этот раз битва за несуществующую камчатскую крепость выглядела ещё более внушительным и кровопролитным побоищем, длившимся несколько дней, сопровождавшимся артиллерийской дуэлью. Воздал Морис Август и несчастному капитану Нилову, который, оказывается, вовсе не был убит вероломным образом у себя в спальне, а сражался, яко разъярённый лев, с саблей в руке на крепостной стене, пока не пал от меткого выстрела одного из повстанцев.

— Вот об этом и напишите, барон, — поощрительно сказал Бове. — Представляю, как взъярится русский посланник, прочитав ваши очерки.

— Не грех и подразнить русских. У нас с вами, французами, свои счёты с русскими. Если бы не эта Семилетняя война, выигранная русскими и англичанами...

— Тогда мы не потеряли бы наших американских и индийских колоний. Англичане лихо воспользовались победами русских над прусским Фридрихом.

Морис Август настроился было перейти к рассказу о Японии и сражении с аборигенами Формозы, но Бове прервал его:

— Не сомневаюсь, такие люди, как вы, нужны Франции.

Эту фразу Беньовский уже слышал от губернатора Дероша.

— Я мог бы возглавить экспедиционный корпус, который отправится на завоевание Формозы или Мадагаскара, — сказал он. — Мои люди, отличившиеся в битве за большерецкую: крепость, боевые орлы, составили бы ядро корпуса.

— Мадагаскар предпочтительнее, чем Формоза.

— Вы правы, мосье. Мадагаскар — гигантский остров с несметными природными богатствами.

— И других претендентов на него покуда, кажется, нет. А у берегов Китая слишком сталкиваются наши интересы с английскими, голландскими, португальскими. Любая операция против Формозы вызовет противодействие англичан, а возможно, и их военную экспедицию.

— Я собрал кое-какие сведения о Мадагаскаре...

— Это любопытно. Я вас слушаю.

Беньовский принялся с апломбом читать лекцию о природе далёкого острова, его природных богатствах, обитателях, неисчерпаемых возможностях развития плантационного хозяйства и использовании его ёмкого рынка для сбыта французских товаров. Он блистал эрудицией, ловко пересказывая всё то, что узнал на Маврикии от тамошних собеседников. Он видел, что производит на финансиста самое благоприятное впечатление.

— Если бы на то моя воля... — прервал его Бове и не договорил.

— Понимаю, мосье, что вы хотели сказать, — многозначительно произнёс Беньовский. — Беда Франции — вопросы большой государственной политики зависят от капризов любимцев короля, а не от воли здравомыслящих деловых людей, подобных вам. Очевидно преимущество британской политической системы.

— Не будем об этом, мой друг, — остановил его Бове и приложил предостерегающе палец к губам. — Всему своё время. Придёт и на нашу улицу праздник. Опыт британцев...

Он опять не договорил, и опять Беньовский понял его с полуслова. Подумал, что его дорожный попутчик мосье Роше был куда смелее и откровеннее с ним, высказав мысль, что когда-нибудь во Франции найдутся свои Кромвели, которые покончат с самодержавной монархией.

— Я хотел бы, мосье Бове, встретиться при вашем содействии с герцогом д’Эгильоном, — сказал Беньовский.

— Рассчитывайте на мою помощь. Герцог иногда прислушивается к моим советам, поскольку вынужден считаться с мнением дельцов.

— Когда я смогу встретиться с герцогом?

— Не в ближайшие дни. Д’Эгильон[47] сейчас в Версале вместе с двором. Завтра в версальском дворце большой костюмированный бал-маскарад. Послезавтра малый приём с участием всех министров в честь нового прусского посланника. Потом король отъезжает в Фонтенбло отдохнуть от мирской суеты и поохотиться. Герцог будет сопровождать его величество.

— Вы отлично осведомлены.

— Я был бы плохим деловым человеком, если бы не был осведомлён о том, что поделывает мой король. Займитесь пока вашими очерками для «Парижского вестника». Я извещу вас, как только д’Эгильон будет готов принять вас.

Бове любезно предоставил Беньовскому свою карету, и Люсьен

проводил его до редакции газеты. Услужливый секретарь финансиста представил Мориса Августа главному редактору, своему кузену, с самыми лестными характеристиками. Редактор собрал весь персонал газеты послушать рассказ беглеца с русской каторги, путешественника и исследователя восточных стран. Именно так был представлен гость. Беньовский на этот раз превзошёл сам себя в красноречии и необузданной фантазии. Редактор приказал кассиру выдать Морису Августу щедрый аванс под будущие очерки, которые могли поднять тираж газеты. Беньовский с удовлетворением подумал, что его пребывание во французской столице начинается совсем неплохо.

Но прежде чем приступить к работе над очерками, Беньовский решил поближе познакомиться с Парижем. Взяв с собой услужливого Мишеля в качестве всеведущего гида, он решил побродить по парижским улицам. На площади Согласия его внимание привлекла огромная конная статуя Людовика XV. Ныне царствующий король почтил себя величественным монументом ещё при жизни. На другой площади — названия её Морис Август не запомнил — возвышался памятник прадеду и предшественнику нынешнего монарха, королю Солнце Людовику XIV. Королевский замок Лувр, разностильный, строившийся на протяжении многих царствований, поражал длиною своих фасадов. У подъездов замерли гвардейцы в парадных мундирах. Центральные улицы французской столицы, прилегавшие к Лувру, выглядели пустынными. Редко-редко прогрохочет карета по булыжной мостовой да проскачет всадник на взмыленном коне, должно быть, королевский курьер. Мало было и прохожих. Аристократия выехала вслед за королём в Версаль или разъехалась на летние месяцы по своим родовым замкам. Их парижские особняки с прикрытыми решетчатыми ставнями окнами казались вымершими. Но в отдалении от Лувра Морис Август увидел Париж, живший своей обычной жизнью. Из лавок выходили молодые женщины, горничные и матери небогатых семейств, обременённые покупками. Сновали уличные разносчики, мастеровые с инструментом, бродячие шарманщики с попугаями. Перед театральным фасадом возле афиш франтоватые молодые люди о чём-то яростно спорили. В открытых кабачках и кафе велись оживлённые застольные беседы, звенели бокалы, раздавались звуки скрипки. В одном из таких кабачков лохматый поэт читал нараспев приятелям свои стихи, видать, острые, задиристые. Слушатели встречали каждый куплет бурным восторгом и дружными возгласами одобрения. Прошла похоронная процессия. Пара тощих лошадёнок тянула бедный катафалк, а за ним, скорбно понурив головы и изредка перебрасываясь репликами, шли десятка

два провожающих, преимущественно молодых мужчин.

— Хоронят заучившегося студента из Сорбонны. Или неудачливого дуэлянта, заколотого шпагой из ревности, — высказал предположение Мишель.

— Откуда тебе это известно?

— Провожают молодые люди. Хоронят своего сотоварища, юношу лет двадцати. Значит, чахотка или дуэль.

Из открытых дверей кабачка с шумным гамом вывалились на тротуар человек пять, не похожих на французов, должно быть иностранцев. Беньовский уловил польскую речь.

— Панове соотечественники! — окликнул их Морис Август.

— Холера ясна! Не будь я Анджей Коханский из Самбора, если в Париже не появился ещё один земляк! — воскликнул один из них, круглолицый крепыш с лихо закрученными рыжими усами. — Кто таков?

— Барон Морис Август Беньовский из-под Вильно. Бежал из русского плена. Много путешествовал...

— Постой, постой. Ты Беньовский или де Бенёв? — испытующе переспросил Коханский.

— Или де Бенёв, если вам угодно, — в тон ему ответил Морис Август. — Откуда вам известно венгерское произношение моего имени?

— Тот самый! — воскликнул другой поляк.

— Земля слухами полна. Наслышаны о твоих подвигах, землячок, — многозначительно сказал Коханский. — «Петербургские ведомости» читал?

— Откуда я мог читать?

— А мы вот прочитали. Газету сию нам прислали друзья из Варшавы. Видать, российские власти в ярости. «Петербургские ведомости» пишут, что означенный де Бенёв немало поразбойничал на Камчатке, повинен в убийстве должностных лиц, грабеже государственного имущества, захвате казённого корабля и заслуживает... Да сам знаешь, что ты заслуживаешь по российским законам.

— Следите за парижскими газетами и читайте мои очерки о камчатских событиях. И вы узнаете мою версию.

— Почитаем непременно. А, видать, здорово ты насолил русским!

— Уж это точно. И ещё постараюсь насолить.

— Не мешало бы по случаю такой встречи посидеть в шинке. Люди мы стеснённые в средствах. Приём по высшему разряду не обещаю, а добрым бретонским пивком угощу.

— Согласен, пан любезный.

Беньовский отпустил Мишеля, и поляки, все пятеро, вернулись в

кабачок, увлекая за собой и Мориса Августа. Заказали пива и жареных каштанов, самую дешёвую из закусок. Беньовский рассчитывал выведать у Коханского и его друзей обстановку в Польше, узнать о состоянии конфедератского движения на сегодняшний день. И услышал он грустную историю.

— Все мы сражались в разных отрядах конфедератов в Галиции, — начал свой рассказ Коханский. — Наши дела с каждым днём ухудшались, особенно после смерти генерала Иосифа Пулавского. Его помощники начали яростную драчку за кресло главнокомандующего, и раздоры ослабили движение. Ещё в позапрошлом году совет конфедерации перебрался в Венгрию, в Прешов, и предпринял усилия, чтобы заручиться поддержкой держав, в первую очередь Франции, Австрии и Турции. В столицы этих стран были направлены послы. В Париж — пан Вельгорский[48].

— Удалось ли конфедератам получить какую-либо помощь от этих держав?

— Пожалуй, только моральную. Нас всячески призывали держаться, не терять мужества. Россия-де увязла в войне с турками, и скоро её силы истощатся. Франция, кроме того, дала совету конфедерации разрешение пригласить к себе на службу в качестве главнокомандующего одного из своих генералов. Выбор пал на генерала Дюмурье, который и возглавил силы конфедератов. Он оказался плохим политиком и малоспособным военачальником.

— Дюмурье? Когда-то я слышал это имя.

— Мы понесли ряд тяжёлых военных поражений. Многие из офицеров-конфедератов стали склоняться к мысли, что надо начать переговоры с королём Станиславом. Да и сам король искал компромисса. К компромиссу нас толкали европейские державы. Уже видно было, что наша борьба ни к чему не ведёт. Упования на истощение России в войне с турками не оправдались. Истощёнными оказались наши силы. Однако честолюбивый Дюмурье жаждал лавров победителя. Под его влиянием в наших рядах возобладала партия войны. Она отвергала всякие переговоры с королём и объявила Станислава узурпатором и тираном. Король и русские генералы предприняли новое наступление против наших отрядов. Мы потерпели серьёзное поражение в Галиции. Все, кто остался, беспорядочно отступали через Карпатские горы в Венгрию. Но венгерские власти встретили нас недружелюбно. Европа отшатнулась от нас, как от бунтовщиков против законной власти. Я и мои друзья перебрались в Париж.

— Если я вас правильно понял, движение конфедератов сходит на нет? — спросил Морис Август Коханского.

— Горько признавать, но это так. Движение идёт к своему концу. Скоро исчезнут и последние следы его.

— Вы сказали, что в Париже конфедератов представляет пан Вельгорский...

— Он называет себя послом, хотя никем официально не признан. Испытывает серьёзные денежные затруднения и едва-едва содержит несколько секретарей. Французское правительство от случая к случаю выдаёт ему небольшое денежное вспомоществование, помня, что покойная королева, супруга Людовика, Мария Лещинская, была полька. Кое-кто из наших офицеров поступил на французскую службу.

— Вот и я намереваюсь.

— Дай Бог удачи. Другие готовы поклониться Станиславу и вернуться в Польшу.

— А что нам ещё остаётся делать? — угрюмо буркнул тощий поляк со следом сабельного удара на лице. — Конфедерация дышит на ладан, и мы её не оживим.

— Некоторые неплохо устроились на французской службе, — сказал не без зависти Анджей. — Взять хотя бы этого, как его... Лихницкого. Он теперь капитан и комендант одной провинциальной крепости.

— Это какой Лихницкий? — спросил с интересом Беньовский. — В моём отряде было два брата Лихницких, корнеты, препустые братья. Младший погиб в сражении под Белостоком. Старшего я с тех пор не видел.

— Вероятно, это тот самый Лихницкий. Он рассказывал как-то, что у него был брат, погибший в стычке с королевскими или русскими войсками.

— Как его имя?

— Збигнев.

— Точно, Збигнев. Отчётливо помню. Кстати, Лихницкие дальние родственники моей жены Фредерики, какие-то троюродные...

— Могу вас обрадовать, барон. Лихницкий в настоящее время находится в Париже. Встречали его вчера.

— Но каким образом мальчишка-корнет стал вдруг капитаном французской армии и комендантом крепости?

— Секрет прост. Пока вы штурмовали камчатские крепости и плавали по океанам, мальчишка возмужал и набрался военного опыта. И потом... Пан Вельгорский — сын приближённого короля Лещинского, тестя властителя Франции Людовика. Представляясь послу, Збигнев стал уверять

его, что Лещинские и Лихницкие — два дворянских рода одного корня, стало быть родственные. Вельгорский и составил земляку протекцию, походатайствовал за него перед военным министром.

— Никогда не слышал о родстве Лихницких и Лещинских.

— Какое это, в конце концов, имеет значение? Збигнев проявил находчивость, и хвала ему.

— Ничего не имею против Збигнева. Дай Бог дослужиться ему до генерала. Увидите его, передайте ему мой адрес — отель «Белая лилия» невдалеке от Нотр-Дам. Буду рад нашей встрече.

— Передам обязательно.

В ближайшие дни, когда Беньовский уже написал десяток страниц своих очерков, он посетил так называемого посла конфедератов Вельгорского. Посол произвёл на него впечатление человека смертельно усталого, удручённого безрадостными событиями. Говорил он слабым тусклым голосом.

— Барон Беньовский? Слышал ваше имя. Секретарь докладывал мне о публикации в «Петербургских ведомостях», в которой речь шла о вашем дерзком побеге с Камчатки.

— Тенденциозная, недоброжелательная статья.

— Я так и расценил её. Не намерены вернуться в Польшу и продолжать борьбу?

— Не намерен. Поступаю на французскую службу.

— Жаль. С вашей смелостью и предприимчивостью вы были бы нужны Речи Посполитой. Над нашей родиной сгущаются грозовые Тучи. Один мой знакомый из окружения герцога д’Эгильона сообщил мне доверительно, что соседи Польши, воспользовавшись её внутренними раздорами и ослаблением, готовят аннексию её земель. Ещё в начале этого года в Петербурге Россия и Пруссия подписали секретную конвенцию о возможном разделе Речи Посполитой. К участию в разделе приглашена и Австрия, которая давно зарится на Галицию. Со дня на день можно ожидать подписания соглашения трёх держав. Вы понимаете, что всё это значит?

— Начало конца независимого существования польского государства. Вот что это значит.

— Горькая истина. Несчастный Станислав, очевидно, станет безуспешно протестовать, взывать к помощи европейских держав. Но кто рискнёт выступить против могущественного Тройственного союза?

Вельгорский долго ещё сокрушался и вздыхал по поводу мрачных перспектив, ожидающих Польшу. Аппетит, говорят, приходит во время еды.

Три державы не захотят довольствоваться достигнутыми трофеями. За первым разделом Польши несомненно последуют другие, пока вся древняя Речь Посполитая не будет растаскана её соседями на куски, а горемычный Станислав не лишится трона. Да, да, тот самый Понятовский, который был в далёкие годы другом сердечным Екатерины, а теперь вероломно предан ею.

Морис Август, как это ни странно, равнодушно внимал жалобам посла. Его мало тревожили и трагическая судьба Речи Посполитой, и участь её незадачливого короля. Его больше занимали собственные дела, предстоящая встреча с герцогом д'Эгильоном, чин, который он получит при зачислении на французскую службу. Хотелось бы, чтобы чин этот был не менее полковника. Ведь он везде представляется как региментарь, иначе говоря полковник армии конфедератов, от которой остались ныне мелкие разрозненные отряды, скитающиеся по глухим чащам гродненских и беловежских лесов и карпатских предгорий. Возможно, он и не полковник вовсе, а всё ещё капитан. Дошло ли представление, подписанное покойным Иосифом Пулавским, о присвоении ему полковничьего звания до высокого совета конфедерации? Могло и не дойти в этой обстановке тревожной неразберихи, драчки между вождями и постоянных стычек с королевскими и русскими войсками. С кого сейчас спросить? Старый Пулавский предстал перед Всевышним. Красинские нашли приют в венгерском Прешове, если их не выставили оттуда австрийские власти. А почему бы не обратиться к этому жалобщику Вельгорскому, представляющему здесь совет конфедерации?

— Позвольте, пан посол, обратиться к вам по личному делу? — сказал Беньовский, когда Вельгорский умолк.

— Рад услужить. Что за дело у вас?

— Покойный генерал Пулавский представил меня за боевые заслуги к внеочередному званию полковника. Из его слов я понял, что вопрос этот был уже согласован с советом конфедерации. Могли бы вы дать мне официальную гербовую бумагу, удостоверяющую моё полковничье звание?

— Да-а... Задали вы мне задачку, милейший барон. Иосиф Пулавский в могиле. С Красинским связь утеряна. Кто засвидетельствует?

— Поймите, пан посол. Для меня очень важно стать обладателем такой бумаги. От этого зависит мой чин на французской службе.

— Понимаю. Но что делать? Может быть, вы сами найдёте двух свидетелей, которые подтвердят ваш чин?

— Где же я их найду?

— Вот видите...

— Неужели нет никакой возможности упростить формальность? На основе, скажем... взаимных добрых услуг.

— Гм... При желании всё можно упростить, дорогой барон. И на основе, как вы говорите, взаимных добрых услуг. Моя миссия находится в крайне затруднительном положении. У меня нет денег выплачивать жалованье моим секретарям. Я не раскрою большого секрета, если скажу, что заинтересован в любом вспомоществовании на наше общее дело.

— Понимаю вас, пан Вельгорский. Готов пожертвовать вам ради общего дела двести пиастров. Понимаю, что эта сумма не велика. Пусть это будет моим задатком. Рассчитываю встать во главе экспедиционного корпуса и отправиться по повелению короля Людовика на завоевание заморских земель. Я буду богат и щедр к моим несчастным соотечественникам.

«Жди моей щедрости. Как бы не так!» — с иронией подумал Беньовский.

— И двести пиастров для нас деньги, — сказал, оживляясь, Вельгорский. — У вас будет нужный документ.

На следующий день Морис Август вручил ему кошелёк с двумястами пиастрами и получил гербовую бумагу, заверенную подписью посла и посольской печатью. Бумага свидетельствовала о том, что барон Морис Август Беньовский (де Бенёв) действительно является полковником армии польских конфедератов. Текст был составлен на польском и французском языках. Морис принял бумагу и поблагодарил посла. И вмиг им овладела шальная мысль. А не продешевил ли, братец? Не полковничий, генеральский чин можно было бы выпросить, прояви он большую щедрость. Почему бы в самом деле не выпросить?

Очерки для «Парижского вестника» Беньовский написал довольно быстро. Получилась пухлая кипа листов, исписанных убористым почерком. Перечитывая написанное, Морис Август испытывал самодовольное удовлетворение. Почему бы не быть довольным собой? Очерки повествовали о его подвигах и географических открытиях, разумеется, преувеличенных или вымышленных. Штурм большерецкой крепости вырастал в кровопролитную и продолжительную баталию, а сам автор представал расчётливым и дерзким стратегом. Не менее ярко описывалось посещение Японии. Морис Август писал, что сумел преодолеть недоверие и предвзятость японцев, раскрыв перед ними коварные экспансионистские планы русских, о которых он якобы слышал от высокопоставленных российских чиновников на Камчатке и в Охотске. Вообще всё повествование от начала до конца было пронизано желчью и

недоброжелательством в адрес русских, на которых незаслуженно сыпались всяческие упрёки и обвинения.

Неплохо, подумал Морис Август, хотя и многовато бахвальства. Да разве это повредит? Разве не должен он создавать себе рекламу ради карьеры и исполнения своих замыслов?

Беньовский отнёс рукопись в редакцию. Главный редактор прочитал в его присутствии первые страницы, сказал восторженно:

— Великолепно, занимательно! Это то, что нам нужно. Вы прирождённый писатель. Не сочтите за упрёк, дорогой барон... Французский язык ведь не родной для вас.

— По рождению я венгр.

— Чувствуется перо иностранца. Некоторые стилистические обороты, выражения не слишком удачны. Не возражаете, если я передам ваши очерки хорошему стилисту для литературной правки?

— Конечно, не возражаю.

— Речь идёт только о литературной правке. На фактическое содержание очерков мы не покушаемся. И первый очерк дадим в ближайшем номере. Потом ждите продолжения.

Рассыльный принёс Беньовскому в отель пачку экземпляров свежего номера «Парижского вестника», шершавых листов бумаги, пахнувших свежей типографской краской. Он развернул газету и увидел на второй полосе, после светской хроники, свой очерк под крупным броским заголовком: «Вырвались на свободу. Бегство из преисподней». Один из экземпляров Морис Август отослал послу Вельгорскому, другой — Коханскому и его друзьям. Шарлю Бове он отправил благодарственное письмо, в котором выражал признание за любезное содействие в публикации. Письмо это преследовало одну цель — напомнить о себе. Подходила к концу вторая неделя после визита к финансисту и его обещания устроить встречу с герцогом д’Эгильоном, но никаких вестей от него с тех пор не поступало.

Ещё не завершилось печатание очерков Беньовского в «Парижском вестнике», как к нему в отель наведались корреспонденты других парижских газет: «Обозревателя», «Новостей», «Еженедельного листка» и ещё каких-то. Все они проявили интерес к очеркам и наперебой просили Мориса Августа написать что-нибудь в том же духе и для их газет. Сулили хороший гонорар. Беньовский поступил осмотрительно и, не давая газетчикам никаких обещаний, посоветовался сперва с родственником Шарля Бове, главным редактором его газеты. С этим влиятельным семейством он никак не хотел ссориться. Редактор обнадёжил Мориса

Августа.

— Пишите на здоровье во все газеты. Мы воспользовались правом первой публикации и никаких претензий иметь к вам не можем.

Беньовский написал ещё четыре большие статьи, представляющие собой сокращённые варианты первой серии очерков. Желчные попрёки и обвинения в адрес российских властей нагнетались от статьи к статье. Редакции газет исправно выплачивали автору гонорары, и немалые. Морис Август больше не сожалел, что пожертвовал пану послу на содержание его секретарей двести пиастров.

Он знакомился с очередной публикацией, когда в двери его номера кто-то постучал. Это оказался Збигнев Лихницкий. Беньовский не сразу узнал родственника. Перед ним стоял французский офицер, возмужалый, заматерелый, ничем не похожий на того юного корнета, который раздражал когда-то Мориса Августа заносчивостью, гонором капризного, задиристого шляхтича. Теперь он вовсе не казался заносчивым. Видать, пообтёрся на французской службе. Обнялись сдержанно, без теплоты.

— Вот ты какой стал, Збигнев!

— Давненько не виделись, Морис.

— Давненько. Говорят, неплохо устроился?

— Неплохо, благодаря протекции пана Вельгорского. Командую небольшим провинциальным гарнизоном — рота солдат и две пушки.

— Из Польши давно?

— Года полтора. После того злополучного сражения, в котором погиб брат, жил некоторое время у родных, залечивал рану. Потом пристал к отряду майора Грохольского. Нас разбили под Сандомиром. Ушёл с его остатками в Венгрию, потом перебрался в Париж...

— Представляю. Наших встречал?

— Старики Генские были живы. Выдали замуж вторую дочку.

— Как Фредерика?

— Беспокоится за твою судьбу. Много молится. И в обиде на тебя — не нашёл возможности за все эти годы порадовать весточкой.

— Если бы была такая возможность... Я же был в плену в дальней ссылке. А потом кругосветное плавание. Как только определюсь в должность, стану получать жалованье, сразу же выпишу Фредерику. Непременно выпишу.

Упоминание жены вызвало в душе Мориса Августа лишь лёгкое мимолётное волнение. Не более того. Он попытался было представить себе Фредерику, но так и не смог. Её черты казались какими-то нечёткими, расплывчатыми. Беньовский не стал расспрашивать про Фредерику, ибо

знал образ жизни молодой, средней руки помещицы. Бранит горничных, занимается своими вышивками, ездит в гости к соседям и в костёл на мессу, приказывает кухарке варить варенье из чёрной смородины, её любимое. Провинциальная скука! Надо вытащить пани Беньовскую из её медвежьего угла в Париж, а потом, может быть, и на Мадагаскар. Пусть посмотрит белый свет.

Лихницкий тоже не пустился в воспоминания о родственниках. Упоминание имени Фредерики насторожило его, вызвало приятный холодок в груди, Не догадывается ли о чём-нибудь этот венгр, баловень судьбы? Кажется, нет, и слава Богу. Фредерика не скрывала в кругу родных своего раздражения мужем. Предпочёл молодой красивой жене бродяжничество, приключения, карьеру мятежного офицера. За долгие месяцы скитаний не вспомнил о ней, не прислал письма.

Чёрствый, бессердечный человек! А тут в соседнем имении объявился Збигнев Лихницкий, раненый конфедерат. Рана была пустяковой — слегка повреждена рука. Но и этого было достаточно, чтобы соседка на правах соболезнующей родственницы стала навещать раненого, собственноручно готовить ему кофе со сливками, просиживать долгими часами у его постели. А потом, когда Збигнев окреп, последовали ответные визиты в имение Беньовских, совместные верховые прогулки. Лихницкий вполне утешил одинокую скучающую Фредерику, в нужный момент проявил напористость, если не сказать, грубую мужскую нахрапистость. И пани Беньовская была на него не в обиде. Да недолго продолжались счастливые для обоих дни. Збигнев ушёл с отрядом сражаться, а потом, после многих военных неудач, покинул Польшу.

Следующим посетителем оказался Люсьен Бове, племянник и секретарь Шарля Бове, безукоризненно вежливый, элегантный и немногословный.

— Дядя встречался с министром иностранных дел и говорил о вас, — сообщил Люсьен. — Герцог доброжелательно выслушал его и заинтересовался вашими проектами.

— Когда его сиятельство удостоит меня чести принять?

— Пока герцог не готов к аудиенции. Но желал бы предварительно ознакомиться с рекомендательным письмом от губернатора острова Маврикий. Ещё дядя просил передать, что он с огромным интересом прочитал ваши очерки.

— Рад это слышать. Письмо кавалера Дероша могу вручить вам?

— Да, конечно.

— Вот вам письмо, а заодно и гербовый документ, удостоверяющий,

что я действительно полковник армии польских конфедератов. Когда же состоится моя встреча с герцогом?

— Думаю, скоро. Двор вернулся из Фонтенбло.

— Передайте мою глубочайшую признательность вашему дядюшке за участие.

— Непременно передам.

И вот наступил долгожданный день. Финансист Шарль Бове прислал за Беньовским свою карету и Люсьена в качестве сопровождающего. Наконец-то герцог д’Эгильон, министр иностранных дел и фактический глава кабинета, готов принять Мориса Августа Беньовского в своей версальской резиденции, назначив конкретный час.

— Должен предупредить вас относительно характера герцога, его манеры вести беседу, — напутствовал Люсьен во время их пути в Версаль. — Д’Эгильон не терпит многословия и общих рассуждений. Он подготовился к встрече с вами и уже знаком с сутью вашего дела. Если с его стороны последуют вопросы, отвечайте на них кратко и конкретно.

— Я понял вас. Герцог — большой государственный человек, который ценит своё время.

— Именно так.

В Версале было оживлённо и многолюдно. Перед фасадом Большого версальского дворца вытянулась длинная вереница карет с гербами титулованных особ. В парадные подъезды дворца то и дело входили расфранчённые вельможи с нарядными дамами. На площади под барабанную дробь маршировали солдаты. Гремел трубами военный оркестр, и капельмейстер картинно размахивал жезлом. По краям площади толпились простолюдины, пришедшие поглазеть на вельмож в каретах, на марширующих солдат.

Люсьен приказал кучеру подъехать к боковому флигелю дворца, где находилась версальская резиденция герцога.

— Я подожду вас в карете. Желаю вам удачи, — сказал Люсьен, напутствуя Беньовского. — Идите в этот подъезд и смело подымайтесь на второй этаж. Охрана предупреждена.

Министр иностранных дел был не один. В его кабинете находился ещё один вельможа. Оба были в пышных напудренных париках, нарядных атласных камзолах, украшенных золотым шитьём, переливались и сверкали орденские ленты и множество орденов. В этом обилии парадной мишуры черты лица вельмож как-то терялись и казались тусклыми и невыразительными.

Беньовский учтиво поклонился обоим и чётко, по-военному

отчеканил:

— Барон Морис Август де Бенёв, полковник.

— Мой коллега, морской министр граф де Бойн, — сказал один из вельмож, видимо сам герцог д’Эгильон.

— Польщён огромной честью, ваше сиятельство, — подобострастно ответил Беньовский.

— Ближе к делу, барон. С рекомендательным письмом губернатора Дероша мы внимательнейшим образом ознакомились. Прислушались мы и к мнению финансиста Бове, ссылавшегося в беседе с нами на интересы Индийской компании. Читали мы и ваши статьи в парижских газетах, повествующие о ваших подвигах.

— Какие подвиги, ваше сиятельство? Уж так сложилась судьба.

— И ваши проекты нам известны. Мы с моим коллегой, морским министром, пришли к заключению, что такой человек, как вы, мог бы с успехом послужить его величеству королю Людовику. Ваши помыслы и стремления некоторым образом совпадают с государственными интересами Франции.

— Рад это слышать, герцог.

— Не перебивайте. Я ещё не всё сказал. Вы предлагаете своё непосредственное участие в военной экспедиции против Формозы или Мадагаскара. Для интересов нашей государственной политики предпочтительнее Мадагаскар. Идею экспедиции на этот остров одобряют и такие финансисты и дельцы, как Бове. Они готовы поддержать предприятие и материально. Но ваше дело имеет много аспектов и поэтому требует многих решений. Первое — зачисление вас на французскую королевскую службу. Здесь мы не встретили серьёзных затруднений.

— Считайте, барон, что вы уже находитесь на королевской службе полковником вооружённых сил Франции, — сказал морской министр де Бойн. — Его величество дал на это своё всемилостивейшее согласие.

Беньовский низко склонился в поклоне перед министрами. Начало положено. Он полковник на службе у короля Франции.

— В ближайшее время зачислим на французскую службу и ваших людей, — продолжал граф. — Ведь среди них есть офицеры и, кажется, врач? Я послал начальнику порта в Лорьяне Бюисону подтверждение приказа о зачислении на государственное довольствие всей вашей команды до окончательного решения её судьбы.

— Премного благодарен вам, граф.

— Это пока всё, что нам удалось сделать, — сказал герцог. — Осталась нерешённой самая трудная задача. Не так просто добиться

согласия его величества на формирование экспедиционного корпуса. На его содержание и транспортировку к берегам Мадагаскара нужны деньги, и немалые. Казна наша пуста. Надеемся на частную помощь финансистов. Вероятно, потребуются затраты и на освоение занятых территорий. Так ведь?

— Серьёзные затраты, ваша светлость. Строительство порта, прокладка дорог, возведение казарм, храмов, административных зданий, приличествующих величию Франции... Развитие плантационного хозяйства и всякого рода производств...

— Вижу, вы неплохо представляете свою будущую деятельность. Вот и напишите об этом обстоятельный доклад, да приложите к нему обоснованную смету расходов. Лишнее не запрашивайте. С сегодняшнего дня вы поступаете в распоряжение морского министра. И вашей служебной обязанностью будет работа над Докладом и сметой.

— Можете получить денежный аванс в счёт будущего жалованья, — прибавил морской министр.

— Есть у вас какие-нибудь вопросы к нам? — спросил герцог д’Эгильон в заключение беседы.

— Только один вопрос, ваше сиятельство. Когда я смогу быть осчастливлен согласием его величества на формирование экспедиционного корпуса?

— Пути царствующих особ, как и пути Господни, неисповедимы. Думаю, что не раньше, чем мы ознакомимся с вашим будущим докладом и доложим королю. И не спешите. Работайте вдумчиво, тщательно взвешивайте каждый аргумент. Сколько вам потребуется времени для завершения всей работы?

— Месяц.

-— Пусть будет два месяца.

Морис Август не был свидетелем разговора между герцогом и графом, который состоялся тотчас после его ухода.

— Как вам понравился этот молодчик? — спросил д’Эгильон своего коллегу.

— Представьте, понравился. Честолюбивый авантюрист, дерзок, умён. Знает, что хочет. И знает, что нам нужно от него. Нам он подходит.

— Вот и я так думаю. Услугами барона не грех воспользоваться. И это даже хорошо, что он иностранец-бродяга.

— Пожалуй, да. Начинаю понимать вас, герцог.

— Мы живём в сложной международной обстановке. У нас много недругов. Если мы предпримем операцию на Мадагаскаре, это может

вызвать ответные недружелюбные акции англичан, голландцев.

— Особенно англичан.

— В случае крайнего осложнения обстановки мы пожертвуем де Бенёвом и выйдем сухими из воды. Вы меня понимаете, граф?

— Вполне, мой сиятельный коллега. Мы представим дело таким образом, что действия экспедиционного корпуса на Мадагаскаре — это частное предприятие некоего авантюриста, набравшего всякий сброд. И французское правительство не имеет ко всему этому ровным счётом никакого отношения.

Мы с вами, граф, полные единомышленники. Если же операция будет успешной и лихой барон сумеет закрепиться на Мадагаскаре, не вызвав больших международных осложнений, мы создадим под негласным покровительством правительства акционерную компанию по эксплуатации богатств острова.

— По типу нашей Индийской компании.

— Вы правы. Опять на виду частное предприятие, а правительство остаётся до поры до времени в стороне. Зачем дразнить Европу?

— Мудро рассуждаете, любезный герцог.

— Без такой мудрости нельзя вершить внешнюю политику французской державы.

Наговорив друг другу кучу комплиментов, министры расстались, довольные друг другом и будущим командиром экспедиционного корпуса.

Итак, Морис Август оказался в распоряжении морского министра графа де Бойна, а точнее, был предоставлен сам себе. Аванс в счёт будущего жалованья он не замедлил получить у казначея министерства и в тот же день заказал у одного из лучших парижских портных полковничий мундир, парадный и для повседневной носки. Работал над докладом для министров с прохладцей, не утруждая себя продолжительностью занятий. Больше бродил по Парижу, посещал театр, встречался со знакомыми поляками. Так миновало лето.

В один из августовских дней молодой секретарь Вельгорского, бледный, запыхавшийся, влетел к Беньовскому, не постучавшись.

— Пан барон, пан посол просит вас прибыть к нему.

— Случилось что-нибудь?

— Да, случилось. Беда какая с нашей Польшей!

Беньовский мало что понял из причитаний секретаря, но к послу всё-таки отправился. В кабинете Вельгорского он увидел Анджея Коханского и других знакомых и незнакомых поляков. Никто не ответил на его приветствие. Все выглядели подавленными, удручёнными, словно

находились на похоронах. Подошли ещё какие-то люди. Вельгорский начал глухим, усталым голосом:

— Нашу родину постигло большое несчастье, Панове. Я получил сведения из министерства иностранных дел, что три державы — Россия, Пруссия и Австрия — подписали в Петербурге конвенцию о разделе польских земель[49]. К России отходят Гомель, Могилёв, Витебск, Полоцк с окружающими их территориями, часть Ливонии. Эту аннексию царское правительство объясняет тем, что упомянутые земли издавна принадлежали русским князьям, а потом силой оружия были захвачены литовцами, а от них перешли к Польше. Стало быть, Россия восстанавливает историческую справедливость. Допустим, Панове, в этих рассуждениях есть некоторый правовой резон. Но чем руководствовались пруссаки и австрийцы, захватывая земли, которые им никогда не принадлежали?

— Какие земли? — перебил посла Анджей.

— Петербургская конвенция предусматривает передачу Австрии значительной части Галиции, а к Пруссии отходят Поморье и часть Познани.

— Поморье, вы говорите? Значит, Польша теряет выход к Балтике?

— Гданьск с прилегающим округом ещё остаётся польским. Но какова цена этому порту, если он теперь отрезан от остальной части Польши прусскими землями?

— А Гнезно, древняя польская столица, наша святыня?

— Гнезно переходит к пруссакам.

— О, матка боска! Проклятие на голову этим пруссакам!

— Готовьтесь к худшему, Панове, — продолжал посол. — Я убеждён, что Петербургская конвенция — это только начало конца Речи Посполитой. К нашему горькому сожалению, мы сами своими смутами и раздорами предопределяем этот конец. Что будем делать, спрашиваю я вас?

— Ехать в Польшу возрождать движение конфедератов, сражаться с недругами! — запальчиво выкрикнул молодой поляк.

— Бессмысленная затея, — осадил его Анджей. — Нас передушат как цыплят поодиночке. Что предпринимает король Станислав?

— Король протестует, обращается к правительствам Англии, Франции и других держав за поддержкой. Королевский посланник вручил ноту герцогу д’Эгильону. И как вы думаете, что герцог ответил на ноту? «Не воевать же нам из-за вашей вздорной Польши с тремя могущественными державами? Силёнок не хватит». Так и сказал! Министр выразил своё отношение к событиям лишь тем, что не подал руки

российскому резиденту Хотинскому. А Понятовского три державы припугнули вводом войск в Польшу, если король не признает правомочность Петербургского трактата.

Ответом на слова посла было гробовое молчание. Его нарушил сам Вельгорский:

— Мы должны настраивать общественное мнение Франции в нашу пользу. Министр иностранных дел не подал руки русскому дипломатическому представителю — это хороший признак. Господин барон, — обратился посол к Беньовскому. — Ваши газетные публикации привлекли внимание Парижа, вы создали себе определённое имя.

— Вы льстите мне, пан Вельгорский.

— Да, да, завоевали. Почему бы вам не написать серию хлёстких, резких по тону статей о той исторической несправедливости, которая постигла Польшу, с обличением наших недругов? Это бы вам хорошо удалось.

— Не знаю, что и сказать вам, господин посол, — ответил, тщательно взвешивая слова, Беньовский. — Ведь я теперь на французской службе. И я подданный австрийской императрицы. Если бы я был природным поляком...

— Жаль. А я так надеялся на вас, господин полковник.

Последние слова Вельгорский произнёс подчёркнуто многозначительно. Он понял, что Беньовский не собирался отвечать признательностью на его недавнюю услугу.

Присутствующие поляки глядели на Беньовского хмуро, недружелюбно, как на чужака. Он хотел было уйти. Горестная судьба Польши, которая не была его родиной, не слишком-то трогала его. Он подумал, что в дипломатии, как и в жизни, действует непреложный закон — побеждает сильнейший и наиболее хваткий. Честь и хвала тому, кто сумел воспользоваться слабостью ближнего и вырвать из его рук лакомый кусок. Разве не права Австрия, отхватившая у ослабленной внутренними раздорами Польши цветущую Галицию?

Беньовский всё же не покинул грустного сборища, так как хотел выяснить у осведомлённого посла, не захвачена ли русскими и осталась ли в составе Польши территория Виленского воеводства, где находились имения, и его собственное, и соседей Генских. Он и спросил об этом посла, когда тот выговорился.

— Насколько могу судить по тексту трактата, Виленщина остаётся в составе Польши. Пока остаётся, — ответил Вельгорский. — Останется ли в итоге последующих разделов, один Господь Бог ведает.

«Пока остаётся в составе Польши», — повторил про себя Морис Август. Следовало бы поспешить с вызовом Фредерики. И лучше всего это сделать при посредничестве министерства иностранных дел.

Беньовский написал пространное письмо жене, первое за несколько бурно прожитых лет. Написал о тоске по любимой Фредерике, предался добрым воспоминаниям об их первых встречах, лесной прогулке, имении гостеприимных Генских, выразил самое горячее желание поскорее увидеться в Париже. А потом повёл рассказ о своих долгих скитаниях и приключениях, добросовестно пересказывая содержание газетных очерков, написанных им для парижской публики. Подумал с иронией, что все женщины глупы и сентиментальны и его Фредерика никак не составляет исключения из общих правил. Поэтому изрядная доля фантазии и апломба делу не повредит. Пусть прочитает и восхитится своим Морисом Августом и скорее пакует дорожные сундуки.

Он упросил министерских чиновников, подчинённых герцогу д’Эгильону, переслать письмо дипломатической почтой в адрес французского посланника в Варшаве, а к письму приложил необходимую на дорожные расходы сумму денег. Чиновники же по его просьбе направили посланнику частное послание с просьбой оказать баронессе Фредерике Беньовской, урождённой Генской, всяческое содействие в оформлении надлежащих документов, необходимых для выезда во Францию к мужу, находящемуся под высоким покровительством его светлости герцога д’Эгильона.

А ещё Морис Август узнал от чиновников новость, которая приятно пощекотала его самолюбие. Российский резидент Хотинский потребовал встречи с герцогом, чтобы выразить ему устный протест по поводу газетных публикаций, сочинённых беглым каторжником де Бенёвом (Беньовским), которые носят необъективный и оскорбительный для России характер. Министр не принял резидента, сославшись на занятость. Дело ограничилось встречей с помощником министра. Хотинский высказал устный протест и услышал, что правительство Франции не несёт ответственности за выступления частных газет, у которых может быть своя позиция по тому или иному вопросу. Резидент выразил неудовлетворение таким ответом.

Уже осенью Морис Август завершил работу над докладом, озаглавленным «Некоторые рассуждения о желательной колонизации острова Мадагаскар». Доклад получился обстоятельный, он составил более сотни листов. Начав с подробного описания острова, его природы, населения, образа жизни жителей, природных богатств, пересказав все те

разрозненные сведения, которые он почерпнул на острове Маврикий, автор пустился в смелые разглагольствования о всех тех благах и выгодах, какие сулит Франции колонизация богатого острова. Речь шла и о развитии плантационного хозяйства, и о заготовке ценных пород древесины, и об охоте на крокодилов ради их экзотической кожи, из которой можно мастерить отличные сумочки и шкатулки, о перспективах заполнения европейских рынков вывезенной из вновь приобретённой колонии разнообразной продукцией. Свои доводы Беньовский старался подкрепить наукообразными рассуждениями, ссылками на авторитеты, на опыт других колониальных держав. Заключительный раздел доклада был посвящён практическим мерам по осуществлению колонизации. Первоначальным шагом был захват прибрежного пункта на восточном побережье острова, непременно в удобной бухте. Здесь предполагалось построить причал, маяк, дом для коменданта порта, таможню, казармы, склады товаров, а в перспективе и судоремонтные доки. На некотором отдалении от порта возводятся резиденция главного администратора колонии, храм, здания торговых фирм. Это, так сказать, прообраз будущего города, который будет назван в честь славного короля Франции и его святого покровителя — Сен-Луи. От него веером расходятся вглубь острова дороги. Они удлиняются по мере колониального освоения острова. Успешное строительство должно подкрепляться развитием необходимых производств: кирпичного, черепичного, кузнечного. В перспективе может быть налажена и первичная переработка продуктов плантационного хозяйства.

Приводился и расчёт потребных расходов с обоснованием по каждой статье. Речь шла о неслыханно огромной сумме.

Когда морской министр граф де Бойн принял от Беньовского доклад, пухлую кипу листов, он похвалил составителя за усердие:

— Солидно, обстоятельно и, как вижу, серьёзно обосновано.

— Счёл своим долгом постараться, — скромно сказал Беньовский.

Министр бегло полистал страницы доклада. Читать его он не собирался. Он знал, что и д’Эгильон никогда не прочитает доклад. На это у герцога не хватит ни времени, ни терпения. Зачем утруждать себя, когда есть секретарь и помощники. Они и прочитают всё от первой до последней страницы, а потом в нескольких словах доложат основную суть.

Всё же граф поинтересовался приложением — общей суммой сметы — и ахнул от удивления.

— Ого! Аппетит у вас отменный, барон.

— Все цифры подкреплены подробнейшими расчётами.

— Но на такую сумму, какую вы запрашиваете, можно построить

второй Париж.

— Изволите шутить, граф.

— Не знаю, не знаю, как на это посмотрят герцог, министр финансов и сам король.

— Уповаю на убедительность моих расчётов.

Прошло ещё месяца два. Доклад Беньовского рассматривался в недрах двух министерств, морского и иностранных дел. Королю докладывал герцог д’Эгильон. Наконец Мориса Августа пригласил граф де Бойн, встретил его с торжественной улыбкой.

— Обрадую вас, барон. Ваше дело почти решено. Его величество утвердил ваше назначение командиром экспедиционного корпуса.

— Значит, я могу приступить к вербовке волонтёров?

— Придётся пока повременить. Смета ещё не утверждена. Упирается министр финансов. В казне нет денег. И по всей вероятности, вы не получите такую баснословную сумму, какую запрашиваете.

— Понятно. Скажите, граф, а что я должен понимать под словом корпус? Какова его предположительная численность?

— Это, конечно, не армейский корпус. В данном случае скорее подошёл бы термин «отряд», более аморфный и неопределённый, не регламентированный строгими армейскими штатами. Я полагаю, ваш экспедиционный корпус — это сотни две-три солдат, столько, сколько может взять один фрегат, уходящий в дальнее плавание.

— Не густо...

— Это только начало, барон, только начало. Не отчаивайтесь. Поздравляю с назначением, полковник.

Глава четырнадцатая

Итак, он командир экспедиционного корпуса, утверждённый в этой высокой должности самим королём Франции Людовиком XV. Командир корпуса! Звучит-то как внушительно, если не вдаваться в подробности. Корпус — это нечто огромное с пехотными полками, пушками и кавалерией, инженерной службой, махина, которой командует по меньшей мере полный генерал.

Беньовский был честолюбив и не стыдился своего честолюбия. Назначение обрадовало его. Это реальный шаг к заветной цели — стать покорителем и властителем Мадагаскара, острова несметных богатств. Пусть под его началом будет две-три сотни волонтёров. Со временем они превратятся во внушительную силу. Разве морской министр не обнадёжил его? Встречая знакомых поляков и отвечая на банальный вопрос: «Как дела?», барон Морис Август отвечал: «Получил от его величества назначение командовать корпусом». И улавливал завистливые взгляды.

Приподнятое настроение Беньовского было внезапно испорчено. Его пригласил помощник министра и сообщил нерадостную новость. Начальник военного порта в Лорьяне Бюисон прислал с нарочным депешу. Русская команда, прибывшая с Морисом Августом на фрегате «Дофин», не то чтобы взбунтовалась, но, можно сказать, охвачена волнением. Люди возмущены долгой отлучкой своего предводителя, видимо забывшего о них и всецело поглощённого своими делами. За это время в лорьянском госпитале умерли пятеро их товарищей. Большая группа беглецов выразила желание во что бы то ни стало вернуться на родину и требует встречи с российским дипломатическим представителем. Двое выборных лиц отправились пешком в Париж, рассчитывая отыскать русское посольство. Не имея денег, они вынуждены были нищенствовать в дороге и заниматься мелким воровством на крестьянских огородах. Ушли, однако, недалеко. В Ренне оба были задержаны полицией и препровождены под конвоем солдат обратно в Лорьян. Тогда беглецы составили коллективное письмо, адресованное Беньовскому, и вручили его начальнику порта с просьбой переслать адресату. Бюисон приложил письмо к своему донесению.

Морис Август тут же прочитал письмо, узнав почерк канцеляриста Рюмина. Он, видимо, писал под диктовку Хрущова. Угадывался его стиль. Письмо было резким по тону, полным злых попрёков Беньовскому за

невнимание к нуждам людей, горьких сожалений по поводу смерти товарищей. Авторы письма настаивали, чтобы желающим вернуться на родину было оказано всяческое содействие.

— Скоты неблагодарные! — выругался Беньовский. — А я-то хотел сделать из них достойных сподвижников. Скатертью дорога. Пусть едут в Россию себе на погибель.

Он взял себя в руки и спокойно сказал помощнику министра:

— Позвольте написать короткий ответ. И попрошу вас переслать его с ближайшим курьером в Лорьян.

— Обещаю вам. Пишите.

Письмо было кратким. Вот его содержание. «Ребята! Я ваше письмо получил. До моего приезда живите благополучно. После всякий мне своё намерение скажет. Я есть ваш приятель барон *де Бенёв*».

У морского министра Беньовский испросил дозволения и спустя некоторое время отправился в Лорьян, сопровождаемый денщиком-французом.

Прибыл Морис Август в Лорьян 19 марта 1773 года, после восьмимесячного отсутствия. Надеялся увидеть одичавших от безделья, заросших и неопрятных людей. Но разочаровался в своих ожиданиях. Все выглядели подтянутыми, сытыми. Хрущов назначил устюжского крестьянина Григория Кузнецова старостой рабочей команды и с его помощью поддерживал дисциплину и порядок, следил, чтобы люди вовремя штопали и латали обветшавшую одежду, ходили в баню. С полковником Бюисоном, добродушным и отзывчивым стариком, он смог установить самые добрые, сердечные отношения. С разрешения командира порта русские беглецы занимались заготовкой дров, уборкой территории вокруг казарм, осенью собирали клюкву в окрестных болотах.

— Мы, русские, не привыкли быть дармоедами и даром есть чужой хлеб, — заявил Бюисону Хрущов. — И потом... ничто так не развращает людей, как праздность.

— Вы правы, Пьер, — согласился старый полковник. — Не возражаю против того, чтобы ваши люди трудились для общего блага.

В личной жизни бывшего гвардии капитана Петра Хрущова произошли изменения. Ещё на Камчатке ему приглянулась Ульяна Захаровна, штурманская вдова. Муж её погиб во время шторма. В пути из Большерецка Хрущов ненавязчиво, деликатно, но упорно выказывал Ульяне знаки внимания. Была она статной, синеглазой. Не раз Хрущов улавливал цепкие похотливые взгляды Мориса Августа, обращённые на вдову, и это усиливало его неприязнь к венгру.

В Лорьяне он сделал Ульяне предложение и получил согласие. Возникло затруднение — где найти православного священника. Бюисон советовал Хрущову принять католичество и обвенчаться с Ульяной по католическому обряду. Гарнизонный капеллан был к его услугам. Хрущов поблагодарил старого полковника за участие, но, поразмыслив, к латинской вере не склонился. Ограничились упрощённым обрядом без священника. Поповский сын Иван Уфтюжанинов, прислуживавший когда-то отцу в церкви за пономаря, а потом и за псаломщика, кое-как знал церковную службу. Он прочитал перед новобрачными краткую молитву, возгласил «Исая, ликуй» и благословил их образом Спасителя. Хрущов устроил скромное свадебное пиршество, пригласив Винблада, Мейдера, Бочарова, поповича, канцеляристов, а также нескольких французских офицеров с жёнами во главе с четой Бюисонов. Швед был за посажёного отца. Командир крепости по доброте душевной прислал на свадьбу корзину вина. При его любезном содействии Хрущов был принят на французскую военную службу и в ближайшее время должен был выехать с молодой женой в Нормандию в свой гарнизон.

Встретившись с Хрущовым, Беньовский старался держаться приветливо, непринуждённо, ничем не напоминая о прошлых размолвках. Поздравил его с женитьбой, расхвалил достоинства Ульяны.

— Я оставил вас за себя, Пьер. Не по моей вине моя отлучка затянулась. Жду вашего обстоятельного доклада.

Хрущов доложил сухо, коротко, повторяя всё то, что Морис Август знал из письма. Говорил о смерти пяти товарищей в госпитале, о глухом недовольстве людей долгим отсутствием их предводителя и неопределённостью их положения, о желании многих вернуться в Россию с повинной.

— Это всё мне уже известно, — перебил Хрущова Беньовский. — Что ещё скажете?

— Козьма Облупин, оставленный на Маврикии для лечения, выздоровел и с попутным судном прибыл в Лорьян.

— Это какой Облупин?

— Из бывших работных купца Холодилова.

— Да-да, что-то припоминаю. Всё?

— Нет, не всё. Герасим Береснев и Тимофей Семичев, оба тоже из холодиловских, пребывают неведомо где.

— Как это неведомо где?

— Случилось это ещё осенью. Ушли поутру якобы за клюквой и в казарму не вернулись. Возможно, матросами на торговый корабль

завербовались, а возможно, к окрестным землевладельцам в работники подрядились или к бретонским лесным разбойникам подались. Кто их знает?

— Так. Сбежали, значит? А что сам решил? Я ведь теперь командую экспедиционным корпусом. В толковых людях нуждаюсь. Что промеж нас было плохого, не грех забыть.

— Судьбой своей распорядился. Спасибо, полковник Бюисон помог. Душевный, отзывчивый человек оказался. С его помощью списался с военным министерством и принят на французскую службу капитаном, в Нормандию.

— Как же так? Ведь я рассчитывал на твою помощь, Пётр. Вот, думаю, заместитель мне. Впереди нас ждут слава, чины, богатство.

— Не взыщи, Морис. Слава и чины не прельщают. Хочу честно послужить Франции, давшей мне приют, как ежели служил бы родной России. А ты, любезный барон, не взыщи за правду, честолюбец и авантюрист. Мы все, и я, и мои товарищи, для тебя только пешки на шахматной доске в большой игре.

Беньовский, однако, не возмутился, выслушав такое, а сказал примирительно:

— Жаль, Хрущов. Упускаешь счастливый случай, свою жар-птицу. Мог бы повременить с решением, со мной посоветоваться.

— Не по пути нам, барон. Нечего и советоваться.

— Кто ещё определился с тобой на французскую службу?

— Кузнецов — поручиком, Мейдер — лекарем в военный госпиталь.

— Мейдеру семьдесят девять лет. Не велико приобретение. А из Кузнецова какой поручик? Мужик неотёсанный.

— Вы не правы. Грамотен, расторопен. Уже по-французски отменно балакает. Я его старостой команды сделал. Бюисон имел возможность присмотреться к нему и рекомендовал его командованию самым наилучшим образом.

— А Винблад?

— Плохие дела у бедняги шведа. Он списался со шведским посольством, и его навестил посольский секретарь, обещал посодействовать скорейшему возвращению на родину. Сильное нервное потрясение привело к частичному параличу. Сейчас он в госпитале. Если врачи сумеют поднять его на ноги, Адольф вернётся в Швецию.

— И этот мне не помощник.

— Как видите.

После тяжёлого разговора с Хрущовым Беньовский выразил желание

встретиться с теми, кто вознамерился возвратиться в Россию. Таких набралось четырнадцать человек. В их числе оказались штурманский ученик Дмитрий Бочаров, канцелярист Спиридон Судейкин, канцелярист из казаков Иван Рюмин с женой Любовью Саввишной и остальные — холодиловские работные и матросы из Охотска.

— Други мои! — обратился к ним Беньовский. — Решение ваше огорчило и встревожило меня. Вы поступаете необдуманно, рискованно. Что вас ждёт в России? Плети палачей, тюремные застенки, дальняя ссылка...

— А ты не пужай нас, господин хороший, — перебил его камчадал Попов. — Мы пуганые, да не пужливые.

— Подумайте.

— Подумали уже, — ответил Судейкин. — Вину перед Россией, перед императрицей мы искупили своими страданиями. Готовы отдаться на милость державной матушки Екатерины. Лучше пострадать за свою вину, отдать живот свой на родной земле, нежели скитаться людьми без роду без племени по чужбине.

— Смотрите, с огнём играете.

Беньовский ещё долго убеждал людей. Он теперь большой человек, приближённый, можно сказать, к королю Людовику, командир корпуса! Его корпус отправляется на завоевание богатых заморских земель. Все его сподвижники будут состоятельны, прославятся подвигами. Но все убеждения и уговоры оказались тщетны. Морис Август понял, что решение этих четырнадцати возвратиться во что бы то ни стало на родину созрело давно и было неколебимо.

— Оставь себе славу и богатство, господин барон, — сказал Рюмин.

— И ты, Рюмин! — сказал с сожалением Беньовский. Канцелярист всегда казался ему безропотным и преданным исполнителем, незаменимым секретарём с отменным писарским почерком. Видать, и в Рюмине назрел перелом. А может быть, он всегда раскаивался в содеянном и мечтал о возвращении на родину и только прикрывал свои тайные помыслы показной преданностью?

— Не взыщите, господин барон, — сказал виновато Рюмин. — Не по пути нам. Родина-то, она сильнее держит человека, чем слава и богатство.

Удалось Беньовскому убедить последовать за ним в неведомую экспедицию только одиннадцать человек. И это оказались далеко не самые полезные и нужные ему люди: священнический сын Уфтюжанинов, бывший приказчик Холодилова Чулочников, два матроса (один из них, Андреянов, с женой) и шестеро бывших работных. Ни одного офицера

среди них не было.

Морис Август не поскупился и выставил этим одиннадцати бочонок дешёвого кислого вина с угощением. Пусть знают, что он, Беньовский, умеет ценить дружбу и преданность. А сам думал с тоской: только одиннадцать, собственно десять — баба не в счёт, — и никто не держал в руках ружья.

Морис Август Беньовский решил расстаться с несговорчивыми по-хорошему, без стычек. Пригласил к себе Рюмина.

— Будешь, Иван, за старшего. Отправляйтесь в Париж, в русское посольство. Дорога в Россию ведёт через него. Вот вам на дорогу... Сумма, знаю, невелика, большей не располагаю. На дилижанс не рассчитывайте. Пешочком, пешочком придётся... Деньги даю вам на харчишки, чтоб не голодали дорогой.

И ещё Беньовский выдал каждому, решившему возвращаться на родину, так называемый аттестат. В нём говорилось о хорошей нравственности предъявителя, «служившего с честью и отличиями», и высказывалась просьба ко всем оказывать данному лицу помощь и содействие. Бумага была подписана «командиром корпуса волонтёров, полковником бароном де Беньовским» и заверена гербовой печатью.

Никакого практического значения сей аттестат не имел, тем более за пределами Франции. И вряд ли кто-нибудь смог воспользоваться этой филькиной грамотой. Пожалуй, это было лишь очередным проявлением позёрства со стороны Мориса Августа, продолжавшего разыгрывать перед своей командой роль влиятельного и всесильного вершителя людских судеб.

Не более чем позёрством, красивым жестом со стороны Беньовского было и посещение им могил пяти умерших в лорьянском госпитале беглецов. Их судьба была Морису Августу абсолютно безразлична. Но он продолжал играть свою роль. Он пригласил всю команду, попытался было уговорить полковника Бюисона дать ему отделение солдат с ружьями, чтобы почтить усопших торжественным ружейным залпом. Бюисон просьбу отклонил — по уставу не положено. Местное духовенство не дало своего согласия похоронить русских, которые не были правоверными католиками, на кладбище. Их похоронили на унылом песчаном пустыре на краю болота. Поставили общий дубовый крест. Морис Август, поклонившись могилам, произнёс прочувственную речь. При этом перепутал имя работного Трапезникова, назвав его Ефимом вместо Ефрема. Иван Уфтюжанинов прочитал заупокойную молитву.

Навестил Беньовский Адольфа Винблада в госпитале. Беседы между

ними не получилось. Швед мычал нечто нечленераздельное, безуспешно силясь произнести несколько слов, и, кажется, плохо улавливал, что говорил ему посетитель. Морис Август посидел у койки больного ровно столько, сколько было прилично, и вышел из палаты с тяжёлым чувством.

Рюмин, Судейкин, Бочаров и другие добирались из Лорьяна до Парижа пешком. Той небольшой суммы денег, которой снабдил их Беньовский, еле-еле хватило на скудное пропитание. Питались прошлогодней картошкой, которую покупали у крестьян и пекли на костре. У костра же и ночевали. Иногда жалостливые крестьянки выносили им кувшин молока. Если же заставал дождь, просились на один из постоялых дворов, часто попадавшихся на пути. Вот так и добрались до Парижа.

Российский дипломатический представитель не носил высокого ранга посла, даже ранга посланника или полномочного министра. Он был лишь резидентом, то есть носителем самого младшего звания, какое мог иметь дипломат, представляющий свою державу в стране пребывания. На это имелись свои причины. Отношения России с Францией были более чем прохладные. Во время Семилетней войны Французское королевство оказалось союзником Пруссии, с которой Россия в союзе с Австрией вела войну. Во время очередной русско-турецкой войны Франция оказывала султану всяческую поддержку, поддерживала она и Барскую конфедерацию, вооружённые силы которой в конце концов возглавил французский генерал Дюмурье. По всем этим причинам российское правительство не спешило назначать в Париж дипломата более высокого ранга или повышать дипломатический ранг Хотинского, остававшегося только резидентом. Отношение к резиденту иное, чем к послу, и Хотинский не раз испытал это на себе. У посла или посланника верительную грамоту принимает сам венценосный глава государства, у резидента же — только министр иностранных дел. Послу или посланнику всегда открыта дорога к министру для частной или официальной беседы, если этого требуют интересы двух государств. Резидента министр редко принимает сам, а перепоручает своим помощникам.

И всё же российский резидент Хотинский был наделён всеми полномочиями дипломатического представителя Российской империи и нёс на своих плечах нелёгкое бремя повседневной рутинной практики взаимоотношений двух крупных держав. Он не был яркой звездой в истории русской дипломатии, не вошёл в обойму выдающихся творцов внешней политики. Это был рядовой усердный чиновник, стремившийся по мере своих средних способностей и возможностей выполнять с помощью небольшого посольского персонала свою непростую миссию.

Привычный ритм жизни дипломатического представительства однажды нарушило появление у его ворот небольшой толпы запылённых, оборванных людей с жалкими узелками и котомками. Их было тринадцать мужчин и одна женщина. Напоминали они заправских бродяг. Двое были босоноги — разбитые в пути сапоги пришлось выбросить.

Привратник не пропустил во двор непрошеных гостей, не внушивших ему доверия, и задвинул металлический засов ограды. Но люди заголосили, загалдели на все лады, стараясь убедить сурового привратника, отставного солдата, в том, что они русские, пришли за помощью, желая возвратиться на родину. Он доложил младшему из секретарей, обычно принимавшему посетителей, какие попроще. Тот вышел к ограде, приказал пропустить их во двор. Усталые люди побросали свои узелки и котомки и опустились на землю.

— Кто из вас старший?

— Вроде бы я, — отозвался Рюмин.

— Что привело вас сюда?

— Нужда великая и тоска по матушке-России. Коварством и обманом завлёк нас мошенник Беньовский в дурное дело.

— Так вы люди Беньовского, беглые?

— Не называй нас, ваше благородие, людьми Беньовского. Кривой дорожкой хотел нас увлечь сей лиходей, да не вышло. Разошлись наши пути-дорожки. А за прегрешения наши Господь Бог наказал нас страданиями.

Эпопея Беньовского была Хотинскому и его секретарям известна. Резидент информировал графа Никиту Ивановича Панина, возглавлявшего коллегию иностранных дел, о появлении в Париже сего беглого каторжника и мошенника, покровительствуемого, как доверительно сообщил один осведомлённый правительственный чиновник, самим герцогом д’Эгильоном. К донесению Хотинский приложил пачку парижских газет с очерками и статьями Мориса Августа, обращая внимание Никиты Ивановича на враждебную антироссийскую направленность публикаций.

Секретарь провёл Рюмина к резиденту. Рюмин настоял на том, чтобы к ним присоединился и Судейкин — один ум хорошо, а два лучше. Остальным была предоставлена возможность отдыхать во дворе после утомительного пути. Хотинский терпеливо выслушал одного канцеляриста, потом другого, не перебивая. А когда они завершили рассказ, сказал:

— А история, если верить вам, совсем не такова, как описывает её Беньовский.

— Враль он первостепенный, мошенник! — воскликнул Рюмин.

— Похоже, что вы правы. Что же с вами будем делать?

— Помогите до России добраться, вашество. Век будем за вас Богу молиться, — взволнованно сказал Судейкин.

— Думаете, это так просто? На то нужно разрешение императрицы. Нужны деньги на дорогу. От Парижа до Санкт-Петербурга, как вам известно, далече.

— Далече, батюшка. Ты уж не оставь нас своей милостью. Отпиши императрице.

— Напишу графу Панину. Он, можно сказать, правая рука у государыни по иностранным делам. Пишите челобитную, умоляйте о помиловании и изложите подробнейшим образом все ваши злоключения, как мне об этом только что рассказали.

— Я прихватил журнал морского путешествия, написанный моей рукой, и карту пути от Камчатки до Макао, — сказал Судейкин.

— Прекрасно поступили. Журнал и карту тоже приложим к депеше.

Людей накормили, кое-как пристроили по пустующим помещениям. Здание представительства было рассчитано на более внушительный штат, и поэтому многие комнаты пустовали. Рюмин засел писать челобитную. Секретари снабдили его бумагой и чернилами. Текст этой челобитной сохранился и приводится в публикации В. И. Штейна, на которую мы уже не раз ссылались. Из этого бесхитростного документа видно, что люди стали жертвой обмана и демагогии ловкого авантюриста, беспринципного обманщика, представлявшего себя приближённым и доверенным лицом цесаревича Павла Петровича. Большерецкий мятеж, сопровождавшийся убийством воеводы, Беньовский постарался представить как выступление в защиту попранных прав отстранённого от власти цесаревича. Очень скоро люди убедились, что Беньовский, называющий себя бароном, преследует только эгоистичные корыстные и честолюбивые цели, к товарищам по плаванию относится высокомерно и деспотично, не раз поступал с ними жестоко и вероломно. Особенно проявилось это в Макао, где Морис Август оклеветал своих людей перед губернатором, приписав им намерение захватить город. Губернатор поверил нелепой клевете и попустительствовал Беньовскому. Невинные люди были заключены в тюрьму. Особенно невзлюбил Морис Август капитана Степанова за то, что тот открыто обличал его обман и мошенничества. Поссорился он и со шведом Винбладом. Оба не избежали ареста. Беньовский пригрозил, что всех узников подвергнут пыткам и уморят в тюрьме, если они не дадут подписку о своей покорности. Запуганные люди дали подписку. Заупрямился один лишь капитан Степанов, за что и поплатился — его

оставили в заключении. Нередко Беньовский позволял себе рукоприкладство, изнасильничал девку-камчадалку, работницу Чурина. Все эти бесчинства вызвали в конце концов всеобщий ропот.

Челобитная заканчивалась такими словами: «А ныне имели случай найти вас, как национального русского человека, покорнейше просим подать нам руку помощи, избавить от насилия, и мы желаем возвратиться в отечество, знаем великодушие государыни, что за нашу простоту помилует, а ежели и накажет, то нам лучше претерпеть от своей государыни, нежели от врага своего отечества». Это был крик души исстрадавшихся, отчаявшихся людей.

Кроме челобитной Рюмин и Судейкин составили список всех лиц, отправившихся с Камчатки на галиоте «Святой Пётр» в морское плавание. В списке указывалось звание каждого и где и каким случаем данное лицо выбыло или где находится к настоящему времени. Перечислялось семьдесят человек. Возможно, список был не полным и не включал некоторых пассажиров и жён упомянутых лиц. Из упоминавшихся семидесяти умерло от болезней в Макао, в пути, в госпитале города Порт-Луи на острове Маврикий и, наконец, в госпитале Лорьяна во Франции двадцать восемь человек, или сорок процентов от всей команды. Трое высажены распоряжением Беньовского на одном из пустынных островов Курильской гряды, и только счастливый случай помог всем троим выжить. Трое убиты в стычке с туземцами Формозы. Один (капитан Степанов) оставлен в тюрьме Макао. Итого, тридцать пять трагических судеб, или половина всего зловещего списка! Жертвы честолюбивых планов авантюриста.

Хотинский без промедления послал в Петербург донесение с челобитной беглецов, в которой они просили императрицу о помиловании.

Екатерина принимала Панина с докладом после завтрака в своём розовом будуаре.

— Чем порадуешь, батюшка Никита Иванович? — спросила императрица, жестом приглашая графа в кресло. — Кофейку со сливками не желаешь ли? Сама варила.

— Потом, матушка-государыня, можно и кофейку. Сперва доложить позволь. Депеша пришла от нашего парижского резидента.

— Небось Станислав подбивает этого старого распутника Людовика против нас?

— Нет. Понятовский попритих после того, как мы его припугнули.

— И правильно поступил. Уразумел, значит, что мы вернули наши исконные белорусские земли.

— Не дорого ли обошлось нам восстановление исторической справедливости? Какие куски пришлось бросить пруссакам и австрийцам!

— Что поделаешь, Никита Иванович. С турками война затянулась. В Заволжье Емелька Пугач мятеж поднял. Силы наши распылены. Пришлось с Пруссией и Австрией добычей делиться. Ты же сам был творцом раздела. Но мы отвлеклись от дела. Что пишет Хотинский?

— Морис Август Беньовский...

— Ах, опять этот разбойник, каторжник!

— Опять, ваше величество. Хотинскому удалось раздобыть в министерстве иностранных дел Франции ценные секретные сведения. Сей Беньовский принят на французскую военную службу в чине полковника. Назначен командиром экспедиционного корпуса, который будет направлен на завоевание заморских земель. Предположительно целью экспедиции станет остров Мадагаскар, в Индийском океане.

— Людовику не терпится взять реванш за колониальные потери в Семилетней войне.

— То-то и оно. А тут подвернулся услужливый авантюрист.

— Не стоит ли, граф, сделать по этому поводу представление французскому правительству?

— Нет, матушка-государыня, этого делать не стоит. Французы всё равно Беньовского не выдадут. А своими бесполезными протестами мы лишь поставим себя в ложное положение. Да и ссориться с Францией в такой сложной международной обстановке не стоит.

— Согласна с тобой, Никита Иванович. Ссориться с Людовиком из-за какого-то бродяги не резон.

— Есть и радостная новость в депеше Хотинского.

— Что за новость?

— Большая группа попутчиков Беньовского, поссорившись с ним, явилась в российское посольство и слёзно просит о помиловании и праве возвратиться на родину.

— Ишь ты, помилования хотят! О чём раньше думали, голубчики?

— К донесению резидента приложена челобитная беглецов. Любопытнейший документ. Беньовский представлен в нём вовсе не таким героем, каким он хвастливо представлял себя в парижских газетах.

— Помню, ты докладывал.

— В наших интересах предать сей документ гласности и тем самым показать всю суть бахвальских и клеветнических писаний сего мошенника.

— Челобитная при тебе?

— Так точно.

Панин протянул императрице листы бумаги, исписанные почерком Рюмина. Екатерина вооружилась лорнеткой и углубилась в чтение. Капризно нахмурилась, прочитав упоминание о Павле Петровиче. Напоминание о её сомнительных правах на престол. Разве она не отстранила от власти законного наследника, цесаревича Павла, после умерщвления мужа и не дала тем самым бойкому авантюристу повод выступать в роли защитника попранных прав Павла Петровича?

— Что скажешь, матушка-государыня? — спросил Панин, когда Екатерина закончила чтение.

— Предавать гласности сей документ не резон, — жёстко произнесла после некоторого раздумья императрица, — дабы не возникло неправильного истолкования моих взаимоотношений с сыном. Тебе-то, батюшка, не нужно объяснять, что взаимоотношения наши не просты, да и характерец Павла Петровича тоже трудноватый.

— Всякий документ, матушка-государыня, можно отредактировать, вычеркнув из него неприемлемое, изменив нужные акценты.

— А ты, граф, хитёр.

— Не по вашей ли державной воле дипломатией занимаюсь? А всякая дипломатия требует хитрости. Можно поступить и таким образом. Пусть эти бродяги по прибытии в Россию напишут подробные воспоминания для печати, не касаясь высочайшей персоны цесаревича и сосредоточив внимание на непотребных поступках беглого каторжника Беньовского.

— Согласна с тобой, Никита Иванович. Так и поступим. Отпиши Хотинскому в Париж. Пусть все беглецы, кои пришли с повинной, будут доставлены в Санкт-Петербург. Морем. За казённый счёт.

— Слушаюсь, ваше величество. С беглецами поступим по закону?

— Это уж не твоя забота, а генерал-прокурора. Проявим к беднягам милосердие. Богу, говорят, — Богово, кесарю — кесарево. Мятежным пугачёвцам — пуля и плаха. Раскаявшимся бродягам — наша милость. Пусть Европа видит, что мы можем быть и строги, и снисходительны.

— Восхищаюсь вашей добротой и мудростью, матушка-государыня.

— Опять льстишь, Никита Иванович, — строго сказала императрица. Графа Панина она недолюбливала за его либерализм и независимость суждений, однако терпела, так как ценила его цепкий, аналитический ум дипломата и трудолюбие. — А Хотинский молодец, — сказала Екатерина. — Похвали его.

— Поощрить бы его следовало. Ранг полномочного министра присвоить, что ли. Или направить в Париж в звании посла кого-нибудь из

титулованных. А Хотинскому в коллегии хорошую должность найдём.

— Ну уж нет, — категорически возразила императрица, — пусть этот Хотинский в ранге резидента в Париже сидит, как сидел. Тянет свою лямку усердно, и слава Богу. На Людовика хватит и резидента. Ишь ты, беглого каторжника пригрел, к польским смутьянам своего генерала прислал. Не станем расшаркиваться перед ним.

В конце сентября 1773 года Рюмин, Судейкин, Бочаров и другие прибыли в Санкт-Петербургский порт на французском торговом корабле, следовавшем из Руана. Екатерина препроводила генерал-прокурору князю Вяземскому письмо-указ о беглецах. Вот его доподлинный текст:

«Семнадцать человек из тех, кои бездельником Беньовским были обмануты и увезены, по моему соизволению, ныне сюда возвратились и им от меня прощение обещано, которое им и дать надлежит, ибо довольно за свои грехи наказаны были, претерпев долгое время и получив свой живот в море и на сухом пути, но видно, что русак любит свою Русь, а надежда их на меня и милосердие моё не может сердцу моему не быть чувствительно. Итак, чтоб судьбину их решить поскорее и доставить им спокойное житьё, не мешкав извольте их требовать от графа Панина, ибо они теперь в ведомстве иностранной коллегии, которая им нанимает квартиру, приведите их вновь к присяге верности и спросите у каждого из них, куда они желают впредь своё пребывание иметь, окроме двух столиц и, отобрав у них желание, отправьте каждого в то место, куда сам изберёт. Если же все желали ехать паки в Камчатку, тем бы и лучше, ибо их судьба была такова, что прочих удержать от подобных предприятий может, что же им денег и кормовых на дорогу издержите, то сие возьмите из суммы тайной экспедиции».

Из этого интересного исторического документа наглядно видно, что Екатерина обошлась с возвратившимися беглецами достаточно милостиво. Никто из них не подвергался заключению или другим репрессиям. Их содержали за государственный счёт. Всем им разрешили выбрать по собственному желанию дальнейшее место проживания. Обращает на себя внимание, что в письме-указе императрицы названы «семнадцать человек из тех, кои бездельником Беньовским были обмануты и увезены». Почему семнадцать, а не четырнадцать? Мы помним, что у ворот российского дипломатического представительства в Париже появилось четырнадцать русских скитальцев, тринадцать мужчин и одна женщина. Откуда взялись ещё трое? Ответ может быть только один. Уже после встречи Хотинского с основной группой возвращенцев и отправки им донесения в Санкт-Петербург к нему пришли ещё трое ходатаев. Это были работные Береснев

и Семичев, самовольно покинувшие до этого Лорьян и скитавшиеся где-то, и, по всей видимости, Облупин, выздоровевший на Маврикии и прибывший с попутным судном во Францию. Рюмин в своём списке не называет его ни в составе команды Беньовского, ни среди тех, кто выразил желание вернуться в Россию. По-видимому, Козьма Облупин занимал тогда выжидательную позицию и после мучительных размышлений всё же примкнул к возвращенцам.

Итак, в Россию возвратились семнадцать человек. Судьба их определилась следующим образом. Судейкин и Рюмин с женой были устроены в Тобольске. Оба канцеляриста получили возможность продолжать службу. Штурманский ученик Бочаров поселился в Иркутске. Ляпин и Береснев опять поступили на службу в Охотском порту. Матрос Софронов получил отставку и остался на жительство в том же Охотске. Там же поселились камчадал Попов и коряк Брехов. Остальные, работные Холодилова, остались в Иркутске на службе у местных купцов.

Дальнейшее следствие по делу большерецкого бунта было прекращено, как и прекратились допросы и преследования всех, кто прямо или косвенно оказался соучастником мятежников или потворствовал им своей беспечностью и нерадением.

Ознакомившись с донесением Хотинского о том, что французское правительство намерено поставить Беньовского во главе военной экспедиции, направляемой на завоевание заморских земель, Екатерина направила новому главному командиру Камчатки генерал-майору Бему секретную инструкцию. В ней предписывалось принять всяческие меры предосторожности на тот случай, если бы сей Беньовский попытался предпринять какие-либо враждебные действия против Камчатки. Таковых, слава Богу, не последовало. Морис Август был занят своими мадагаскарскими делами.

Ещё будучи в Петербурге, Иван Рюмин написал подробные записки о всех приключениях и злоключениях экипажа галиота «Святой Пётр». По каким-то причинам Екатерина не дала согласия на их публикацию. «Записки канцеляриста Рюмина о приключениях его с Беньовским» увидели свет только к концу царствования Александра I, когда Мориса Августа давно уже не было на свете. Отдадим должное канцеляристу. Его сочинение объективно и правдиво рисует весьма неприглядный образ честолюбивого авантюриста Беньовского и описывает страдания и злоключения, которые пришлось пережить его спутникам.

Глава пятнадцатая

После возвращения Мориса Августа в Париж в жизни его произошли два крупных события. Во-первых, приехала его супруга Фредерика, и не одна, а с младшей сестрицей Марысей и горничной Христей. Беньовский никак не ожидал, что Фредерика так быстро откликнется на его зов. Видать, надоело сидеть в литовской лесной глуши. Незадолго до того он снял подобающую его полковничьему чину просторную квартиру в центре города, обставленную тяжёлой дубовой мебелью. Обзавёлся камердинером и поваром, оставшимся ему в наследство от прежнего жильца, разорившегося нормандского дворянина. Тот решил покинуть Париж и попытать счастья в далёких заморских владениях.

Приезду жены Морис Август был рад, давно испытывая тоску по молодому женскому телу и женским ласкам. Скоропалительных случайных знакомств с парижскими красотками он избегал, боясь неприятных последствий от неразборчивых связей. Иногда к нему наведывалась Каролина, вдовушка не первой молодости, не отличавшаяся красотой. Дарила ему любовь скупо, деловито. Морис Август в знак благодарности подносил ей скромные подарки. Он никогда не был щедр с женщинами. Каролина была из простой семьи и служила прежде экономкой у нормандского дворянина, уехавшего служить за океан, на Гаити. Беньовскии решил обходиться без экономки, но чистенькая, аккуратная Каролина приглянулась ему, и он воспользовался её альковными услугами. Но, конечно, бывшая экономка не шла ни в какое сравнение со статной, миловидной Фредерикой, с которой не стыдно было показаться в большом свете.

Радость от приезда жены была несколько испорчена появлением свояченицы, .невыносимо болтливой и недалёкой девицы. Беньовский решил, что она будет лишней в добром семейном доме. Оказалось, что это Фредерика надоумила младшую сестру сопровождать её в Париж, чтобы развеять горькие думы и забыть о недавних неприятностях.

— Очень хорошо надумала, — сдержанно сказал Беньовский жене. — Что ещё за неприятности у Марыси?

Сёстры стали наперебой рассказывать, утомительно подробно, что в дом Генских зачастил сосед, молодой помещик. Вся семья смотрела на него как на возможного жениха. Год тому назад состоялась свадьба Зоей. Теперь

бы и Марысин черёд. Полгода продолжались визиты. Сосед стал позволять себе всякие маленькие вольности е девушкой. Это не ускользнуло от зоркого внимания стариков родителей. Пан Болеслав Генский решил со свойственной ему прямотой без обиняков потолковать с молодым человеком. Какие у него дальнейшие намерения? Постоянные визиты к Генским и уединённые прогулки с девушкой кое к чему обязывают благородного и порядочного человека. Сосед смутился и ответил пану Болеславу что-то невнятное, невразумительное и больше в имении Генских никогда не появлялся. Через некоторое время семья узнала, что предполагаемый жених уехал в Варшаву и там поступил на королевскую службу. Марыся, разумеется, плакала и проклинала коварного обманщика.

— Надеемся, дорогой Морис, что ты непременно познакомишь девочку с достойным человеком, — сказала Фредерика. — У тебя в Париже, конечно, большой круг знакомств.

— Ты права, коханочка. Круг моих знакомств обширен, — ответил Беньовский и в душе чертыхнулся. Свалилась на его голову свояченица! Ещё не хватало — подыскивать жениха болтливой дуре! Однако возражать своенравной и упрямой жене он не стал. Знал, что это было бесполезно. Он окинул оценивающим взглядом Марысю и убедился, что по красоте она не уступает Фредерике и средней сестре Зосе. Пышные белокурые волосы и большие зелёные, как у всех сестёр, глаза выдавали в ней породу Генских.

— Это же прекрасно, — не унималась Фредерика. — Мы устроим грандиозный приём по случаю нашего с Марысей приезда. И ты пригласишь всех своих парижских друзей.

— Но... Может быть, повременим? В настоящее время я в стеснительном положении. Эта квартира мне обошлась... Владелец потребовал плату за несколько месяцев вперёд.

— Всё понимаю, дорогой. Но неужели ты поскупишься и не доставишь удовольствие твоей Фредерике? Деньги можно и занять.

И супруга настояла на своём. Морис Август пригласил Анджея Коханского и ещё одного из польских эмигрантов, Мечислава Ковача, двух военных чиновников из морского министерства с жёнами и Люсьена Бове. Приглашая племянника влиятельного Шарля Бове, Беньовский хотел польстить финансисту, выказать ему свою признательность. Послал он приглашение и послу конфедератов Вельгорскому. Посол на приём не пришёл, а прислал вместо себя секретаря, самого младшего.

— Ну и чёрт с ним, с послом, — сказал с чувством обиды Беньовский жене. — Подумаешь, обидчивая цаца! Конфедерация — это вчерашний день Польши.

Фредерика привезла с собой в Париж несколько сундуков нарядов. Долго перетряхивала она с помощью Христи весь свой гардероб и наконец остановила свой выбор на атласном платье вишнёвого цвета с горностаевой оторочкой. Из драгоценностей выбрала жемчужные серьги и тяжёлый золотой кулон на цепочке. Марысе посоветовала надеть платье из розового атласа с золотым шитьём.

— Ты у меня прямо королева, — сказал Морис Август, искренне восхищаясь женой и пытаясь обнять её.

— Помнёшь платье. Ласки потом, — ответила Фредерика, отстраняясь.

— Будешь королевой. Королевой Мадагаскара.

Провели вечер с гостями непринуждённо. Предварительно Беньовский договорился с владельцем отеля «Белая лилия», в котором прежде квартировал, и тот предоставил взаимообразно необходимый комплект лучшей посуды, прислал вина и изысканные закуски, а также двух вышколенных слуг в парадных ливреях. Жёны военных чиновников восхищались нарядными платьями хозяйки и её сестры, мужчины пустились в рассуждения об их тонком вкусе. Люсьен порадовал Мориса Августа приятной новостью. Дядя узнал, что герцог д’Эгильон имел продолжительную беседу с королём Людовиком и убедил его дать деньги на снаряжение экспедиционного корпуса. Король дал указание министру финансов изыскать необходимые средства. Барон может ожидать приглашения к герцогу в ближайшие дни.

— Виват будущему правителю Мадагаскара! — воскликнул захмелевший Корач. Он собирался вступить волонтёром в корпус Беньовского.

В центре застольной беседы была предстоящая экспедиция на далёкий остров в Индийском океане. Морис Август раскрывал перед гостями свои грандиозные планы, восхищавшие слушателей. Коханский подсел к Марысе и расспрашивал её о Польше, о том, дают ли о себе знать отряды конфедератов у них на Виленщине. Прожекты Беньовского мало интересовали его, Анджей всерьёз задумал возвращаться на родину.

Про конфедератов Марыся ничего определённого сказать не могла. Давно не появлялись в их краях конфедератские отряды. Возможно, все разбежались по домам. Ни с того ни с сего она вспомнила вдруг про свадьбу Зоей, какое было на ней подвенечное платье.

— А я решил возвращаться в Польшу. Одобряете, Марыся? — перебил её Анджей. Подвенечное платье Зоей его не интересовало.

— Коли решили, возвращайтесь, — ответила Марыся. — Говорят,

что власти не трогают тех конфедератов, которые выходят из леса и складывают оружие.

— Наше движение выдохлось, — с горечью сказал Коханский не столько Марысе, сколько самому себе.

— Папа считает, конфедераты должны были договориться со Станиславом и не прятаться по лесам.

— Видать, умный старик ваш папа. Хотите, Марыся, я покажу вам Париж, Лувр, Нотр-Дам, мосты через Сену?

— Конечно, хочу.

— Тогда завтра зайду за вами.

В последующие дни Фредерика наносила ответные визиты жёнам военных чиновников из морского министерства. Французским языком благодаря гувернантке-француженке она, как и её сестра, владела сносно. Поэтому поддерживать светскую беседу с парижскими дамами могла. Марыся, сопровождаемая Анджеем Коханским, знакомилась с достопримечательностями Парижа. Прогулки по городу завершались посещением уютного недорогого кабачка, где неизменный бродячий скрипач исполнял для посетителей задорные мелодии. А Морис Август с нетерпением ожидал приглашения к герцогу д’Эгильону. Владелец «Белой лилии» прислал ему внушительный счёт, заставивший Беньовского невольно охнуть. Таких денег у него не было. А ещё он хотел порадовать жену подарками, какими-нибудь парижскими диковинками. А это требовало расходов, и немалых.

Фредерика стала раздобревшей зрелой женщиной, мало — похожей на ту юную провинциальную девочку, с которой он повстречался в доме соседей Генских.

— Марыся призналась мне, что ей нравится Анджей. Он, кажется, ухаживает за ней, — сказала Фредерика, когда они, утомлённые бурными ласками, лежали на широком супружеском ложе.

— Или домогается девчонки, — уточнил Морис Август.

— Фи, какой ты циник, Морис. Анджей производит впечатление Порядочного шляхтича.

— По правде говоря, я мало его знаю. Кажется, из мелкопоместных. В армии конфедератов был поручиком.

— Дай-то Бог девочке счастья.

— Поедешь со мной в экспедицию, моя коханочка?

— Куда же я без тебя? Горжусь тобой, Морис Август.

— Ещё бы ты не гордилась мною. Сам король Франции поручает мне великую миссию. Моё имя войдёт в историю.

— А ты самоуверен.

— Знаю себе цену.

И вот второе крупное событие в жизни Мориса Августа Беньовского после его возвращения в Париж из Лорьяна. За ним прислана карета герцога д’Эгильона.

— Свершилось! — произносит Морис Август. — Фредерика, пожелай мне удачи. Перекрести меня.

Уже находясь в карете, Морис Август предался размышлениям. Сейчас он предстанет перед герцогом, улыбчивым, любезным человеком отменных светских манер, от которого теперь во многом зависит его дальнейшая судьба. В морском министерстве Беньовский с живым интересом прислушивался к разговорам чиновников, касающимся высокой персоны герцога д’Эгильона. Его часто упоминали и знакомые поляки-эмигранты, постигавшие перипетии политической жизни Франции. Однажды высказал своё мнение о герцоге и Люсьен Бове. Оценки всесильного царедворца были нелицеприятны.

Пятидесятидвухлетний Арман Виньеро д’Эгильон Дюплесси Ришелье принадлежал к знатнейшему аристократическому роду Франции. Свою политическую карьеру он начал с поста губернатора Бретани. Управлял вверенной ему провинцией самовластно и деспотично, мало считаясь с буквой закона, занимался безудержным казнокрадством, не делая разницы между государственной казной и собственным карманом. И губернатор заслужил всеобщую ненависть и осуждение. Парламент обвинил герцога в растрате общественных сумм и настоял на его отзыве. Но тучи, нависшие было над казнокрадом, быстро рассеялись благодаря заступничеству Дюбарри. По её протекции Арман д’Эгильон был назначен командиром всей лёгкой кавалерии французской армии и участвовал во многих военных кампаниях. Попытки парламента затеять против герцога процесс, дабы пригвоздить казнокрада к позорному столбу, оказались тщетными. По инициативе канцлера Мопу парламент был распущен и наиболее рьяные недруги д’Эгильона были удалены с политической арены. Герцог же, никак не прославивший себя на кавалерийском поприще, получил новое высокое назначение. Он стал министром иностранных дел, ведавшим и военными делами, фактически первым министром в правительственном кабинете. По меткому выражению Люсьена, Францией, по сути дела, управлял триумвират, состоящий из герцога д’Эгильона, канцлера Мопу и мадам Дюбарри. Пожалуй, среди крупных европейских держав трудно было найти другую с подобным политическим режимом, который отличался бы такой степенью продажности, развращённостью, фаворитизмом. Сам Арман

д’Эгильон вёл жизнь, во многом подражая королю: содержал фавориток, окружал себя роскошью, украшал свой дворец полотнами виднейших мастеров.

Карета остановилась перед величественным фасадом. Два услужливых лакея проворно раскрыли дверцы кареты и помогли Морису Августу выйти. Поднимаясь по широкой мраморной лестнице, застланной ковром, Беньовский подытоживал свои дорожные размышления. Конечно, этот д’Эгильон большая каналья. Но ему благоволит. И на том спасибо.

Как и ожидал Беньовский, министр встретил его самой приветливой улыбкой.

— Дорогой полковник, как вам идёт униформа офицера французской армии! Надеюсь когда-нибудь увидеть вас и в генеральском мундире.

— Если на то будет Божья воля и доброе расположение моего короля, — скромно ответил Морис Август на комплимент герцога.

— Порадую вас. Мне удалось убедить его величество, что было бы неблагоразумно не воспользоваться обширными познаниями, приобретёнными смелым путешественником в странах азиатского Востока. Человек такого практического опыта и таких познаний мог бы с успехом осуществить идею колонизации и экономического использования Мадагаскара.

— Тронут добрым расположением ко мне вашего сиятельства.

— Дело не в моём расположении, а в государственных интересах Франции. Его величество сперва заколебался. Короля смущала большая сумма расходов, которую требует экспедиция. Но мы с вами неожиданно обрели союзника, вернее, союзницу, в лице мадам Дюбарри. Графиня оказалась невольной свидетельницей нашего разговора с Людовиком и горячо вступилась за вас.

— Передайте, ваше сиятельство, мою нижайшую признательность графине Дюбарри за участие.

— Графиня заслуживает всяческой признательности. Но почему бы вам не отблагодарить вашу добрую фею лично? Дюбарри любит общаться с интересными людьми, писателями, музыкантами, учёными, покровительствует им. Уверен, что отважный путешественник её также заинтересует. Салон графини открыт для гостей каждый четверг. В один из прошлых четвергов наш знаменитый поэт и драматург Жан Расин[50] читал свою новую поэму.

— Непременно воспользуюсь вашим добрым советом, герцог.

— И не прогадаете. Вам величайше предписано приступить к формированию корпуса волонтёров и по прибытии на Мадагаскар мирно

внедряться в туземные территории и постепенно расширять французские владения, приводить туземцев под высокую руку нашего всемилостивейшего короля и обеспечить рынок для французских товаров. Это самая общая программа вашей деятельности. Более конкретные инструкции получите от морского министра.

Поддержав ещё короткий светский разговор с полковником, министр дал понять, что более не задерживает его.

— Навестите графиню Дюбарри, — сказал герцог напоследок. — И не забудьте — графиня принимает по четвергам.

С морским министром был более обстоятельный разговор. Граф де Бойн начал с того, что спросил Беньовского, какого размера жалованье ему было положено. За множеством дел министр этого не помнил.

— Жалованье мне было определено в восемь тысяч ливров в год, — ответил Беньовский и подумал, что при дороговизне парижской жизни, расходах на престижную квартиру, необходимость поддерживать реноме светского человека сумма не так уж велика. А тут ещё приезд Фредерики со свояченицей, затраты на подарки, приём гостей.

— Теперь ваше жалованье увеличится до девятнадцати тысяч ливров.

— Благодарю вас, граф.

Беньовский был несказанно обрадован приятной новостью. Теперь он сможет разделаться с долгами, обретёнными с приездом жены, и главное — выплатить задолженность владельцу «Белой лилии».

Говорили о формировании корпуса волонтёров. Его штатная численность была определена в двести пятьдесят человек. Волонтёры по мере их вербовки должны были сосредоточиваться в Лорьяне. Беньовский получил согласие министра привлечь поляка-эмигранта Мечислава Ковача в качестве своего заместителя. Ковач мог рассчитывать на получение звания капитана французской армии.

Потом де Бойн вручил Морису Августу письменную инструкцию и предложил здесь же ознакомиться с ней. Если у командира корпуса возникнут какие-либо вопросы или неясности, то их можно разрешить тотчас же. Инструкция была краткой и умещалась на нескольких листах. Она показалась Беньовскому туманной, неопределённой. Неясным был вопрос о его подчинённости. Согласно инструкции он вроде бы подчинялся губернатору Иль-де-Франса, островных владений в Индийском океане, охватывавших острова Маврикий и Реюньон. Но в то же время командир экспедиционного корпуса был фактически предоставлен сам себе, получая право непосредственно сноситься с морским министерством, отчитываться

перед ним в расходах, а у властей Иль-де-Франса требовать необходимых для экспедиции припасов и денежных сумм. Беньовский не стал обращать внимание министра на противоречивую неопределённость инструкции в этом пункте. Он даже подумал, что эта неопределённость даёт ему свои преимущества и позволит создать себе на Мадагаскаре независимое положение, избежать какой-либо зависимости от губернатора Иль-де-Франса.

Все объективные исследователи едины во мнении, что морское министерство допустило серьёзный промах, предоставляя командиру корпуса волонтёров широкие полномочия, не определив при этом со всей чёткостью взаимоотношения и субординацию между ним, губернатором Иль-де-Франса и морским министром. Инструкция свидетельствовала о том, что министерство графа де Бойна не представляло себе, как произойдёт колонизация Мадагаскара при помощи двух с половиной сотен завоевателей, всякого случайно завербованного сброда. А это всё открывало перед Морисом Августом Беньовским самые широкие возможности для самовольных действий, корыстных поступков, злоупотребления своим положением.

В ближайший четверг Морис Август решился посетить салон Марии Жанны Дюбарри. Жене он сообщил, что удаляется для деловой беседы с министром. Фредерика непременно затеяла бы утомительный разговор о новом платье. К тому же он не знал, принято ли приходить в салон королевской фаворитки с жёнами.

— Полковник барон де Бенёв, путешественник, — отработанным голосом возгласил дворецкий, когда Беньовский вошёл в просторный зал, казавшийся из-за обилия зеркал беспредельным. Мария Жанна в платье-кринолине из серебряной парчи, с бриллиантовой диадемой полумесяцем, украшавшей пышный белокурый парик, покинула гостей и сделала два шага навстречу новому гостю.

— Рада вам, барон. Наслышана о вас от герцога д’Эгильона, — сказала Дюбарри певуче, протягивая Беньовскому руку для поцелуя.

— Вы замолвили за меня слово его величеству. Приношу вам, графиня, искреннюю благодарность и признательность. Навеки ваш покорный слуга, — сказал подобострастно Морис Август, целуя Марии Жанне руку в белой кружевной перчатке.

— Ах, его величество так занят государственными делами, что порой ему приходится напоминать то об одном, то о другом!

— Вы добрый гений его величества и мой тоже.

Дюбарри, привыкшая к лести, жеманно улыбнулась. Она произнесла

какие-то малозначащие фразы. Заметила, что путешественника, должно быть, подстерегают на каждом шагу опасности, всякие там штормы, лихорадки, людоеды. Беньовский поддакивал собеседнице и оценивающе разглядывал её. В этой двадцатисемилетней красивой женщине, главной королевской фаворитке, преемнице знаменитой мадам Помпадур, угадывалась властолюбивая, хищная натура. Искусно наложенный грим скрывал морщинки, следы бурно прожитой молодости. Она благоухала самыми дорогими парижскими духами.

Морис Август заметил мраморную скульптуру в простенке между зеркалами. Она изображала античную богиню Диану с ланью. Очевидно, первоклассный французский скульптор воспроизвёл в образе божества хозяйку салона. Лицо мраморной полуобнажённой Дианы живо напоминало Марию Жанну Дюбарри.

Она заметила пристальный взгляд Беньовского, устремлённый на статую.

— Нравится?

— О да, превосходная работа!

— Работа большого мастера.

Дюбарри назвала имя известного ваятеля.

— Представьте, барон... Скульптор утверждал, что видит богиню Диану только в моём образе, и настоял, чтобы я позировала ему. Разумеется, не в этом платье, а в короткой античной тунике. Перед вами копия. А подлинник пожелал иметь в своей коллекции король. Она в Версале.

— Превосходная работа, — повторил Беньовский, — ибо превосходной оказалась натура.

Дюбарри игриво погрозила Морису Августу пальчиком. Барон-путешественник понравился ей. Напорист, нагловат и, как видно, знает толк в хорошеньких женщинах. Если бы только она захотела, дала знак... Но ей суждено нести крест королевской фаворитки, с которой Людовик давно уже не делит альковные утехи. Допусти она маленькую вольность, отдайся радостям жизни, к которым естественно тянется всякая молодая красивая женщина, и тогда конец её власти. И она более не первая дама Франции. Есть у неё недоброжелатели, а у этих стен есть глаза и уши, и среди её слуг наверняка найдутся соглядатаи королевской сыскной службы.

— Забыла про других гостей. Извините, покину вас, — сказала Дюбарри. — Жан, займите барона. Знаменитый путешественник по восточным странам, вам будет интересно.

Человек средних лет, одетый несколько небрежно, очевидно писатель

или артист, подошёл к Беньовскому и представился:

— Жан Франсуа Дюси[51], поэт, драматург. А вы путешественник?

— В некотором роде.

— А я вот занимаюсь переложением Шекспира для парижской сцены. Англичанин Шекспир груб, вульгарен и не подходит для изысканных вкусов французской публики. Я очищаю пьесы Шекспира от грубости, наиболее кровавых сцен, дополняю античными сюжетами.

«Бедный Шекспир», — подумал Морис Август. Рассуждения модного драматурга были ему неинтересны. Беньовский перебил его вопросом:

— Не скажете ли, кто вон тот молодой человек в голубом камзоле?

— Чем он заинтересовал вас?

— Воинственным видом. Он напоминает боевого петуха, изготовившегося к атаке.

— Вы наблюдательны. Это маркиз Грильо, отъявленный дуэлянт. Он попал в одну скандальную историю, и ему грозит суд. Теперь маркиз ищет покровительства и защиты у графини.

— А кто полноватый господин в пышном жабо?

— Известный композитор. Будет исполнять свои новые пьесы для клавесина.

— Я вижу среди гостей две категории людей. Просителей, ищущих покровительства, и знаменитостей, украшающих салон.

— Вы правы. Завтра парижские газеты в светской хронике напишут: «В традиционный четверг в салоне мадам Дюбарри среди гостей находился известный путешественник барон де Бенёв». Я правильно называю вас? И весь Париж заговорит о вас как об одной из знаменитостей, вхожих в салон графини.

«Неплохо», — подумал Беньовский. Он поддержал светский разговор с каким-то господином, побывавшим в Канаде, познакомился с молодым дуэлянтом и посоветовал ему не унывать и положиться на великодушную доброту хозяйки салона, не спеша выпил несколько бокалов вина. Когда первые гости стали расходиться, Морис Август подошёл к графине попрощаться.

— Покидаете нас? — с сожалением сказала Дюбарри.

— Дела, любезная графиня. Формирую корпус.

— Помните, я всегда готова замолвить за вас доброе слово его величеству.

— Вы мой добрый ангел.

Возвращался Беньовский домой с лёгким чувством. Ещё одно полезное знакомство. С первой дамой Франции, всесильной мадам

Дюбарри. Он, Морис Август, кажется, понравился избалованной королевской фаворитке.

О вербовке добровольцев в экспедиционный корпус напечатали парижские газеты. О том же сообщали огромные объявления, развешанные на парижских рынках и в других людных местах. Были оповещены полицейские участки французской столицы и власти ближайших к Парижу провинций. Военное ведомство предоставило помещение в одной из столичных казарм для вербовочного пункта.

С претендующими на офицерские должности беседовал сам Беньовский. С остальными — Мечислав Ковач, утверждённый в звании капитана французской армии и заместителя командира корпуса. Военный лекарь осматривал каждого претендента. Если физических изъянов не находилось, писарь заносил данное лицо в конторскую книгу, указывая также его последнее занятие, место жительства и знание военного дела.

Первым посетил Беньовского маркиз Грильо, с которым Морис Август имел случай познакомиться на приёме у графини Дюбарри и которого ему отрекомендовали как заядлого, заносчивого дуэлянта.

— А мы с вами встречались, полковник, — развязно сказал маркиз. — Прочитал в «Парижском вестнике» о вербовке волонтёров в ваш корпус. Не рискнуть ли? Тем более что обстоятельства вынуждают меня покинуть страну годика на два.

— Вы имеете в виду обстоятельства, связанные с той злополучной дуэлью?

— Именно. Тот бездельник, которого я проткнул шпагой, оказался, как на грех, родственником самого д’Эгильона.

— Вы хорошо знаете военное дело?

— Кого вы спрашиваете, полковник? Весь Париж подтвердит вам, что маркиз Грильо превосходно владеет и шпагой, и пистолетом.

— В этом я нисколько не сомневаюсь, мой маркиз. Но ротный командир — ведь вы претендуете на не меньшую должность — должен иметь познания и в тактике боя, знать все боевые построения, систему фортификационных сооружений. Вы участвовали в военных действиях?

— Не приходилось. Но коль голова на плечах, освоим и тактику, и все остальные премудрости военной науки.

Самоуверенность маркиза Грильо раздражала Беньовского. Он вовсе не горел желанием видеть среди офицеров корпуса этого светского задиру.

— Ваши способности не собираюсь оспаривать. Но я был бы не прав, если бы не предупредил вас заранее обо всех опасностях, которые нас будут подстерегать. Это тяжёлый, тропический, можно сказать,

убийственный климат, воинственные туземцы. Вас может настигнуть отравленная стрела, выпущенная из засады. Вы рискуете схватить жёлтую лихорадку. Из этой изнурительной экспедиции возвратятся далеко не все. Не спешите с решением и подумайте, дорогой маркиз. И последуйте моему доброму совету. Положитесь на доброту Дюбарри, чтобы замять последствия вашей дуэли. Д’Эгильон многим обязан графине и не станет вам мстить, если она замолвит за вас словечко.

Грильо обещал подумать и больше к Беньовскому не приходил, чему тот был несказанно рад.

Вслед за маркизом-дуэлянтом к Морису Августу наведался Франциск Жоффруа, скромный на вид молодой человек. Из разговора с ним Беньовский уяснил, что перед ним разорившийся дворянин, желавший укрыться куда угодно, хоть на край света, от преследовавших его кредиторов. И хотя ни в каких баталиях Жоффруа не участвовал и в армии никогда не служил, Морис Август сказал ему категорично:

— Вы нам подходите. На Мадагаскаре, куда направляется экспедиция, вас не настигнет ни один ваш кредитор, будьте в этом уверены.

Пришли два двоюродных брата, носившие одинаковую фамилию — Вердье. Оба уже не первой молодости, они были участниками Семилетней войны и имели лейтенантские звания. Эти просто стосковались в деревенской нормандской глуши по приключениям.

— Вы правильно поступили, придя к нам, — сказал им поощрительно Беньовский. — Будете ротными командирами.

Пытался Морис Август привлечь знакомых поляков. Он опасался, что с французами его неминуемо будет разделять полоса отчуждения, а поляки, какие бы они ни были, всё же свои, к тому же люди с военным опытом. Но кроме Ковача и вахмистра Качорека, никого сагитировать не удалось. Большинство конфедератов-эмигрантов, находившихся в то время в Париже, были твёрдо настроены на возвращение на родину. Среди них был и Анджей Коханский. Его ухаживания за Марысей становились всё более и более настойчивыми и, кажется, находили отклик.

Однажды Марыся сказала сестре:

— Я решила возвратиться в Польшу... С Анджеем, мы любим друг друга.

— Это серьёзно, Марысенька?

— Анджей намерен просить у папы моей руки.

— Коли так, желаю тебе, сестра, счастья. Поедешь с Христей. Неприлично ехать в обществе мужчины, который пока ещё тебе не муж.

— Пусть с Христей. Но как же ты без горничной?

— Подберу какую-нибудь француженку.

Супруги Беньовские совещались по этому поводу. Морис Август был рад избавиться от свояченицы. Не тащить же её с собой в далёкое плавание. Одобрил он и намерение жены отправить Марысю в сопровождении Христи. Против Анджея он ничего не имел — заурядный шляхтич, не хуже других. Коли нашла девочка в нём своё счастье, дай Бог.

По случаю отъезда Анджея с Марысей Беньовские устроили небольшую домашнюю вечеринку, на которую пригласили всех знакомых поляков. Фредерика передала с сестрой письмо к родителям, в котором делилась парижскими впечатлениями.

Качорек не был шляхтичем. Он происходил из семьи торговца и поэтому не смог в армии конфедератов подняться выше вахмистра. Беньовский пообещал представить его к званию прапорщика и возложил на него хозяйственную часть.

Вспомнил Морис Август и о Збигневе Лихницком, который отсиживался где-то в провинции, командуя небольшим крепостным гарнизоном. Почему бы не привлечь к экспедиции и его? Своим намерением Беньовский поделился с женой.

— Я бы мог договориться с министром, чтобы Збигнева откомандировали в моё распоряжение.

— На твоём месте я бы не стала этого делать.

— Ты меня удивляешь. Чем тебе не угодил твой родич?

— Видишь ли, Морис... Это трудно объяснить в двух словах. Я бы не хотела, чтобы рядом с нами находился этот человек.

— Он чем-то обидел тебя?

— Он был бестактен и дерзок со мной, навещая меня в нашем именье на правах родственника и соседа. Он, видимо, решил, что это даёт ему основание... Ты понимаешь меня, Морис?

— Я проучу этого самонадеянного мерзавца!

— Дай мне слово, что Збигнев никогда не узнает о нашем разговоре.

— Ну хорошо. Пусть будет по-твоему.

— Ведь и Збигнева можно понять. Ему приглянулась молодая красивая соседка, жена не жена, вдова не вдова. Но я всегда была верна моему Морису и указала нежданному гостю на дверь.

— Никогда не сомневался в тебе, моя коханочка. Забудем о Лихницком.

Фредерика осталась со своими тайными мыслями. То было маленькое, мимолётное озорство. Вынужденное. Теперь рядом молодой муж. Присутствие Збигнева Лихницкого могло бы нарушить размеренный покой

супружеской жизни, внести смятение в её душу, подтолкнуть дерзкого шляхтича к непредсказуемым выходкам и домогательствам. Она мудро поступила, отговорив мужа от привлечения к экспедиции этого родственника.

Десяток офицеров Морис Август смог подобрать без больших затруднений. Хуже обстояло дело с рядовым составом. На вербовочный пункт толпами шли бродяги, люди без определённых занятий, бывшие явно не в ладах с законом, беглые сервы — крепостные. Крепостное право — серваж — ещё оставалось кое-где во Франции, преимущественно в её восточных провинциях. С ним покончит Великая французская революция. Полиция устраивала в своих околотках облавы на бродяг и всяких подозрительных лиц и сама направляла их на вербовочный пункт, чтобы избавиться от хлопот. Перед ними ставился со всей прямотой вопрос: либо служба в экспедиционном корпусе, либо тюрьма или каторга. В подавляющем большинстве все эти люди не были знакомы с военным делом.

Однажды Беньовского посетил какой-то высокий полицейский чин в сопровождении офицера из морского министерства.

— Полиция располагает сведениями, что среди ваших волонтёров укрывается крупный уголовный преступник, грабитель и убийца, — сообщил полицейский чин.

— Вполне допускаю, — невозмутимо ответил Беньовский. — Среди этого сброда много молодцов самого разбойного облика. Вы можете сообщить его приметы?

— Могу. На левой щеке преступника широкий шрам. На указательном пальце правой руки отсечена фаланга.

— Достаточные приметы. Найдём.

Ковач и лекарь подтвердили, что через их руки проходил человек со шрамом на щеке и повреждённым указательным пальцем. Назвался он бывшим матросом. Его задержали в казарме и сдали в руки полиции.

— Что ждёт этого парня?

— Суд и виселица, — ответил полицейский.

В тот же день из казармы исчезли трое. Их недосчитались на вечерней перекличке. Видать, побоялись, что и их постигнет судьба товарища.

Наконец весь так называемый корпус был укомплектован. Качорек, ставший прапорщиком, занялся обмундированием волонтёров. Вся команда пешим маршем была направлена в Лорьян. Ещё раньше морской министр послал начальнику Лорьянского порта Бюисону письменное распоряжение приготовить для временного размещения корпуса волонтёров казармы и по

прибытии вооружить его ружьями из местного арсенала. Вслед за волонтёрами выехали Беньовские, погрузив в карету домашний скарб.

В Лорьяне не обошлось без чрезвычайного происшествия. На следующий день после того, как волонтёров вооружили, недосчитались двоих. Они бежали в бретонские леса, прихватив с собой и ружья. Беньовский распорядился всё оружие у волонтёров отобрать и держать под замком в цейхгаузе, а Бюисона упросил выставить у ворот казармы вооружённых часовых из числа надёжных старослужащих солдат лорьянского гарнизона. «Так-то будет лучше», — сказал он офицерам. Те согласились с ним.

Всё это время, пока Беньовский находился в Париже в ожидании высочайшего решения короля, а потом формируя корпус, одиннадцать большерецких беглецов, остатки его былой команды, терпеливо ждали решения своей участи. Одиннадцать человек, десять мужчин и одна женщина, не присоединились к тем, кто отважился возвратиться на родину, уповая на милость власть предержащих. Эти оставшиеся решили до конца следовать за своим предводителем, всё ещё на что-то надеясь. Авось этот дерзкий человек, называющий себя главноначальствующим, приведёт их к неведомой и безбедной счастливой жизни, которую они себе весьма смутно представляли. Пока же местные военные власти сносно содержали их и не досаждали мелочной опекой, кормили по-солдатски и давали кое-какую мелочь на карманные расходы. На эту мелочь можно было купить мыла и табаку да иной раз пропустить в таверне кружечку горького бретонского пива.

Беньовский оценил долготерпение этих одиннадцати и выделил их из общей массы волонтёров. Бывшего холодиловского приказчика Чулочникова он назначил каптенармусом и помощником Качорека. По представлению Мориса Августа ему было присвоено унтер-офицерское звание. Бывший матрос Андреянов стал капралом и денщиком корпусного командира, а его жена Агафья, камчадалка, — горничной Фредерики. Остальные восемь составили отряд телохранителей Беньовского, нечто вроде его личной гвардии.

Морское ведомство выделило для экспедиции фрегат «Орлеан», стоявший у причала. Волонтёры грузили в трюмы корабля бочонки с порохом и питьевой водой, сухари, солонину, муку, строительный инструмент. Корпусу придавалась батарея лёгких полевых пушек. Губернатору Иль-де-Франса предписывалось снабжать экспедицию необходимыми припасами и денежными суммами. Беньовский вёз с собой письмо с соответствующими указаниями, подписанное именем короля

двумя министрами — д’Эгильоном и де Бойном. Перед самым отъездом из Парижа, нанося прощальные визиты министрам, Морис Август добился для себя монопольного права на торговлю с правителями Мадагаскара. Он считал это большой своей победой. До сих пор таким правом пользовались французские торговцы Иль-де-Франса, связанные с властями этой островной колонии. Беньовский мог ожидать, что предписание министров губернатор прочтёт без особого восторга и, пожалуй, станет чинить ему всякие препятствия. А в мире местных купцов он обретёт заклятых врагов. Пусть будет так. Он, Морис Август, постарается с самого начала проявить себя независимым и требовательным военачальником, действующим именем короля, и он поставит на своё место этих колониальных чинуш и купчишек.

Проводить фрегат прибыл из Парижа помощник морского министра. Министр де Бойн положился на него. Сам он не любил дальних поездок и обычно не выезжал дальше Версаля или Фонтенбло.

К отплытию на палубе фрегата был выстроен весь корпус — все двести пятьдесят человек. Сбежавших успели заменить безработными матросами, которых подобрали в кабаках Лорьяна. Облачённые в новые мундиры, волонтёры выглядели вполне прилично. Перед всеобщим построением Морис Август приказал каптенармусу Чулочникову выдать каждому по чарке крепкого вина. Он произнёс перед строем зажигательную речь:

— Друзья мои, мы отплываем в дальнюю военную экспедицию, на другой конец земного шара, в жаркие тропики, чтобы приумножить славу французского оружия. Впереди нас ждут подвиги и славные дела. Цель нашей экспедиции — остров несметных, сказочных богатств, пышной растительности. В его лесах обитают неведомые звери и птицы. Его жители выращивают полезные растения, дающие вкусные плоды и хлебные колосья, выращивают прекрасный скот. В недрах острова имеются всякие металлы, и среди них золото и серебро. Мы приведём диких воинственных туземцев под высокую руку короля Людовика, приобщим их к великой французской культуре и к вере в нашего христианского Господа Бога, отвадив от языческих идолов. Мы придём к этим сынам природы с добротой и любовью. Если же слова добра и любви не дойдут до сердец этих язычников, вспомним, что в наших руках оружие. Слава великому королю Людовику! Да хранит вас Бог!

Выпитое перед построением вино благодушно подействовало на волонтёров. Речь корпусного командира была встречена одобрительными возгласами и рукоплесканиями. А Фредерика, наблюдавшая за церемонией

отплытия с верхней палубы, потом сказала мужу:

— Ты был великолепен, Морис.

— Я должен быть великолепным, чтобы этот сброд слушался меня, — ответил Беньовский.

После его речи корпусной капеллан отец Огюст отслужил краткий молебен. 22 апреля 1773 года фрегат «Орлеан» вышел из бретонского порта Лорьян и пустился в дальнее плавание.

Глава шестнадцатая

Бескрайние просторы Атлантики... Лёгкая зыбь покачивает судно. Подгоняемый попутным ветром, подняв все паруса, фрегат французского королевского флота «Орлеан» резво устремился на юг.

Беньовский собрал в кают-компании, отделанной ореховым деревом и украшенной портретом короля, деловое совещание. Он был преисполнен торжественной гордости и ощущения собственной значимости. Ещё бы! В его руках судьба многих подчинённых, в том числе и десятка офицеров, собравшихся здесь. Он для них бог и царь, и их долг беспрекословно повиноваться ему, представляющему здесь великого короля Франции. Ещё в Лорьяне он разделил корпус на две роты, поставив ротными командирами братьев Вердье, Франциска и Антуана, участников военных кампаний и знатоков военного дела. Каждому из них он придал двух помощников, молодых субалтерн-офицеров. Кроме двух рот в состав корпуса вошли артиллерийская батарея во главе с опытным артиллеристом-поручиком, служившим когда-то в крепостном гарнизоне, небольшая инженерная команда и личная охрана корпусного командира, состоявшая из старых спутников Мориса Августа. Капралом охраны стал Иван Уфтюжанинов. И хотя поповский сын был молод и мало смыслил в военном деле, Беньовский решил выделить его, полагаясь на его преданность. Инженерную команду и охрану Беньовский поставил в непосредственное подчинение своего заместителя, капитана Мечислава Ковача.

— Господа офицеры, — начал Морис Август. — Капитан фрегата уверяет, что мы достигнем Иль-де-Франса не ранее конца сентября.

— О, матка боска! Пять месяцев плавания! — воскликнул Ковач.

— Да, пять месяцев. И с таким тяжёлым контингентом — беглые сервы, бродяги, вчерашние уголовники. Не я первый сказал, господа, ничто так не развращает людей, как безделье. Мы должны максимально использовать эти пять месяцев, чтобы мало-мальски приобщить наших волонтёров к военному искусству. Поэтому предлагаю, господа офицеры, организовать усиленную военную подготовку, научить строевым командам и ружейным приёмам.

— Если погода не будет штормовая, — вмешался Ковач.

— Разумеется. Пусть волонтёры также помогают экипажу фрегата. Чтоб никакой праздности. Прошу высказаться, господа.

— Вы справедливо заметили, полковник, что волонтёры наши — трудный контингент, — сказал старший из братьев Вердье, Франциск. — Не легко будет этому сброду прививать строгую армейскую дисциплину, исполнительность.

— И что вы предлагаете, капитан?

— Самые суровые меры к нарушителям дисциплины. Вплоть до публичной порки линьками[52] в назидание другим.

— Не перегнуть бы палку. Не забывайте, что один недовольный может послужить искрой, которая воспламенит всю массу озлобленных, безответственных людей. А бунт на корабле в открытом океане — это страшно, господа. Я знаю из истории, читал. Бунтовщики обычно не щадят ненавистных офицеров и скармливают их акулам.

— Вы предлагаете либеральничать, полковник?

— Нет, отнюдь не предлагаю. Но соблюдайте чувство меры и осмотрительность. Телесные наказания применять только в крайних случаях и с моего разрешения.

— А если капрал позволит себе в пылу усердия рукоприкладство? — спросил один из молодых прапорщиков.

— Оставим это на совести усердного капрала. Это, в конце концов, мелочь.

Начались корабельные будни. Если выдавалась тихая погода и не штормило, волонтёры маршировали по палубе, выполняя строевые команды капралов, отрабатывали ружейные приёмы, усваивали навыки караульной службы. Капралы из числа старых армейских служак виртуозно сквернословили и пускали в ход кулаки, когда новички путали команды и сбивались со строевого шага. Субалтерн-офицеры прохаживались по палубе, наблюдая за занятиями.

Шторм разразился дважды — в первый раз на широте островов Зелёного Мыса и вторично уже в Южном полушарии, южнее острова Святой Елены. Занятия, естественно, прекращались. Волонтёры отлёживались в трюмах, многие с непривычки блевали и молились. К счастью, оба шторма оказались непродолжительными. Когда океан стихал, объявлялся общий аврал. Волонтёры вместе с матросами драили палубу, помогали устранять мелкие повреждения.

Старшие офицеры и отец Огюст коротали время за карточной игрой в кают-компании. Наиболее удачливым игроком оказывался капитан. Беньовский не поддерживал компанию игроков, и вовсе не потому, что был противником азартных игр. Он считал необходимым держать некоторую дистанцию от своих офицеров. Обедал он не за общим офицерским столом,

а у себя в каюте с женой. Вестовой Андреянов приносил им еду из камбуза.

Основное время Морис Август проводил за письменным столом. Он сочинял огромнейший трактат, озаглавленный им «Законченный план обширной и могущественной колонии, имевшей служить опытом против недругов Франции в Индии». Своим сочинением Беньовский намеревался поразить министров, министерских чиновников самого короля Людовика. Ещё в Париже он закупил бумаги, чернил и гусиных перьев в таком количестве, чтобы хватило на всю дорогу до Иль-де-Франса. И вот теперь он творил, творил вдохновенно, довольный собою. На его столе росла стопа исписанных листков бумаги, а под столом — куча стёртых перьев. Морис Август развивал мысли, изложенные им в его парижском докладе, и приходил к многозначительным выводам. Мадагаскар, заселённый французскими колонистами, покрытый сетью дорог и военными гарнизонами, располагающий первоклассными военно-торговыми портами, становится оплотом французского влияния в Индийском океане. Опираясь на Мадагаскар, Франция контролирует все торговые пути в этой части земного шара, обеспечивает своё доминирующее превосходство в Южной и Юго-Восточной Азии, вытесняет англичан из Индии, беря реванш за свои неудачи в Семилетней войне, заставляет голландцев потесниться на островах Малайского архипелага. «Грандиозно!» — восклицал самодовольно Беньовский, прерывая работу. Он порывисто вскакивал со стула и ходил по каюте, увлечённый дерзким проектом.

Фредерика, расположившись в удобном кресле рядом с мужем, занималась вышиванием. Иногда они выходили вместе на верхнюю палубу и вглядывались в океанский простор. На рассвете с востока появлялась над горизонтом алая полоска зари, отражавшаяся в рябистой поверхности океана. Когда солнце всходило и подымалось над головой, можно было наблюдать жизнь океана. Вот показалась из воды чёрная туша кита, испустившая фонтан брызг, взметнулась над волнами стайка летучих рыбок. А то вдруг пара резвых, игривых дельфинов преследует фрегат, а потом внезапно исчезает. Вот косяк акул с остроконечными плавниками проплывает по левому борту судна, словно зловещий конвой. Когда солнце уходит за горизонт, поверхность океана из серебристо-зелёной постепенно становится маслянисто-чёрной. Но вскоре восходит ущербная луна, оставляя на воде извилистую золотистую дорожку, по которой, казалось, можно добежать до самого горизонта, где океан сливается с небом. Зрелище это располагало Мориса Августа к мечтам.

— Вот и свершилось, Фредерика, — говорил он жене. — Ждут нас с тобой подвиги, слава и власть. Главное, власть. Подвиги и слава без власти

над людьми ничто. Завоюю богатый остров и буду его властелином. Ты разделишь со мной трон властителя Мадагаскара.

— Ты честолюбив, Морис.

— А почему не быть честолюбивым?

— Замахиваешься предерзко. О троне заговорил.

— Заговорил и о троне. Вождей малагасийских задарю подарками, строптивых сломлю силой. Для начала воцарюсь хотя бы над частью острова. Франция во все времена состояла из вассальных герцогств, графств, маркизатов. Их властители были вассальными монархами, признававшими сюзеренитет французского короля. Почему бы и мне не стать вассальным властителем Мадагаскара, графом, герцогом, королём, наконец, со своими эмблемами власти? До Бога, как говорят, высоко, до Парижа далеко. Сюзеренитет французской короны будет чисто номинальным.

— По силам ли взвалил ношу, Морис?

— Выдюжим, Фредерика. А если силёнок не хватит, возьмём хитростью, дипломатией. Не на одном короле Людовике свет клином сошёлся. Наведём мосты с арабами, голландцами, англичанами.

— Не рано ли размечтался?

— Не мечты это, пойми. План сокровенный, которым делюсь только с тобой.

Фредерика ничего не ответила мужу, а только зябко поёжилась. Неуёмные фантазии Мориса Августа пугали её. А вместе с тем где-то в глубине души она ощущала приятный волнующий холодок, голос собственного честолюбия. Фредерика Генская, дочь средней руки провинциального польского помещика, — королева загадочного Мадагаскара. Она восседает рядом с мужем на роскошном золотом троне, обременённая тяжёлой королевской короной в драгоценных алмазах и изумрудах. Перед ней раболепно падают ниц подданные, ей преподносят дорогие подарки: нитки жемчуга, безделушки из натуральной слоновой кости, сверкающие волшебным блеском каменья. Неужели честолюбивые мечты её благоверного когда-нибудь сбудутся и станут явью? Дай-то Бог.

Досадная проза жизни иногда отвлекала Беньовского от радужных мечтаний. Однажды он вышел на нижнюю палубу, чтобы самолично посмотреть, как идёт обучение волонтёров. Завидев полковника, капралы с удвоенной энергией принялись выкрикивать зычными, осипшими голосами слова строевой команды. Солдаты маршировали с ружьями, выполняя элементарные команды: «Направо!», «Налево!», «Кругом!» В крайней шеренге долговязый волонтёр, по виду крестьянский парень, путался и

поворачивался не туда, куда требовал от него капрал. Физиономия парня, вся в синяках и кровоподтёках, как видно, уже отведала капральского кулака.

Беньовский подошёл к шеренге и, не дожидаясь доклада растерявшегося капрала, спросил долговязого парня:

— Кто такой?

— Жак Левек.

— Откуда родом?

— Из Бургундии мы.

— Крестьянин?

— Конюхом служил у графа нашего.

— Беглый?

— Никак нет.

— Врёт он, господин полковник, — вмешался капрал, коренастый, с грубыми чертами лица, изрезанного резкими морщинами и шрамами. — Самый что ни на есть беглый. И бестолковый к тому же.

— За бегство своё перед Богом ответ держать будешь. Мы тебе не судьи, братец. А науку военную постигай. Учи, капрал. С тебя спрос.

— Стараемся, вашество.

— Оно и видно, — усмехнулся Беньовский, разглядывая побитую физиономию солдата.

У острова Святой Елены встретилось немецкое торговое судно под бременским флагом, а на подступах к мысу Доброй Надежды — английский бриг, следовавший из Индии. С бригом обменялись орудийными салютами.

В Капстаде задержались недели на две. Беньовский разрешил офицерам отпустить волонтёров на берег, не всех враз — как бы чего не натворили, а мелкими группами под надзором капралов. Сам же нанял осёдланных мулов и с женой, в сопровождении вестового Андреянова и местных проводников, совершил восхождение на Столовую гору. Решил порадовать Фредерику. Дорога петляла по окрестностям Капстада между загородных усадеб, виноградников, по сосновому лесу и голым песчаным равнинам.

Путешественники, посещавшие южную оконечность Африки, пишут: «Быть в Капстаде и не взобраться на Столовую гору — это то же, что быть в Риме и не лицезреть Папы». Дорога оборвалась у подножия горы. Далее шла крутая небезопасная тропа, переходившая местами в каменистую осыпь. Старший проводник объяснил, что далее подыматься в гору придётся пешком. Мулы по такой горной тропе не пройдут.

— Продолжаем путь, — упрямо сказала Фредерика.

Мулов оставили под наблюдением младшего проводника-кафра, а старший, красивый рослый мулат, пошёл вперёд, указывая путь Беньовским. Шествие замыкал Андреянов, который нёс большую корзину с провизией. Столовая гора не слишком высока — каких-нибудь тысяча метров над уровнем моря. И всё же восхождение оказалось утомительным из-за крутизны подъёма. Во многих местах тропу преграждали нагромождения крупных камней, которые приходилось с трудом преодолевать. У Фредерики кружилась голова, однако она не жаловалась, лишь в наиболее опасных местах протягивала мужу руку.

Плоская вершина Столовой горы представляла собой большую ровную площадку, поросшую травой. Отсюда открывалась обширная и живописная панорама Капского полуострова, залива, города и его окрестностей, нагромождения горных хребтов и вершин. Полюбовавшись панорамой, проголодавшиеся путники принялись за еду. Корзина вестового оказалась наполненной, разумеется, не корабельными припасами, а свежей провизией, закупленной в лавках Капстада. Здесь были и превосходный голландский сыр, и мягкая сдоба, и жареная курица, и местный виноград, и бутылка лёгкого вина.

Обратный путь преодолели сравнительно легко. В тот же день в Капстадскую бухту вошёл английский военный корабль «Йорк». Англичане приветствовали «Орлеан» и стоявшие на рейде голландские суда пушечными залпами. Капитан «Йорка», сухопарый блондин, нанёс визит на французский фрегат. Гостя принимали капитан фрегата совместно с командиром экспедиционного корпуса.

Англичанин был настырен и не в меру любопытен. Ещё до визита на «Орлеан» он каким-то образом узнал, что на французском корабле следует воинская команда. Очевидно, у него в Капстадском порту были свои осведомители. Англичанина явно интересовали место назначения фрегата и цель экспедиции.

— Вас послал король Людовик завоевать новые восточные страны? — спросил он напрямик Беньовского.

— Под моим началом лишь небольшая команда. Мы направляемся для очередной смены тамошнего гарнизона. Обычная для мирного времени переброска войск.

— Но вы, если я не ошибаюсь, имеете чин полковника. В таком чине не командуют мелким подразделением. Может быть, вас ждёт особо важное поручение?

— В моём распоряжении две неполные роты, если это вас так

интересует. А какое поручение мне придётся выполнять, будет зависеть от воли губернатора Иль-де-Франса. Возможно, буду вести борьбу с арабскими и португальскими контрабандистами.

— Так-так. Кстати, на Маврикии недавно сменили губернатора.

— Как, кавалер Дерош уже смещён?

— Вы знали его?

— Довелось знать. Прекрасный человек. Кто же его преемник?

— Некий Дюма. Знаю о нём только то, что он связан с местными французскими купцами и очень прижимист.

Новость, которую сообщил ему капитан-англичанин, была неожиданной для Беньовского. Он рассчитывал на всемерное содействие старого знакомого Дероша, поборника идеи колонизации Мадагаскара. Удастся ли завоевать расположение этого Дюма? Не узрят ли новый губернатор и его купцы-компаньоны в командире экспедиционного корпуса нежелательного соперника? Эти мысли не покидали Беньовского до самого прибытия на Маврикий.

В Порт-Луи прибыли 21 сентября 1773 года.

Глава семнадцатая

Губернатор Иль-де-Франса Дюма, человек с повадками провинциального купца, встретил Беньовского и его заместителя Ковача настороженно. Особой радости по случаю прибытия экспедиции не высказал. Казался он этаким тугодумом, который не сразу постиг цель миссии экспедиционного корпуса. С первых же шагов общения с ним Морис Август пришёл к убеждению, что господин Дюма разыгрывает роль тугодума, озабоченного лишь прибытием фрегата с солдатами, внёсшего нежелательные заботы и осложнения в спокойную, размеренную жизнь Порт-Луи. На самом же деле это был хитрый, себе на уме человек. Беньовскому пришлось несколько раз повторять:

— Я уполномочен его величеством королём Людовиком осуществить военную экспедицию на Мадагаскар. Задача сей экспедиции — захват прибрежного плацдарма и в дальнейшем расширение на этом острове французских колониальных владений.

— Так-так. Серьёзная миссия, полковник. Желаю вам всяческого успеха.

— Успех или неуспех разделим мы с вами, господин Дюма.

— Я-то тут при чём? Ваше дело завоёвывать новые земли, моё — управлять островами Иль-де-Франс.

— На вас возлагается материальное обеспечение экспедиции, её финансирование.

— Кто же так распорядился? — недовольно буркнул губернатор.

— Королевское правительство. Вот извольте ознакомиться с письмом, адресованным вам. Его подписали их сиятельства — главный министр герцог д’Эгильон и морской министр граф де Бойн. Министры, подписывая этот документ, выполняли волю его величества.

Дюма не спеша ознакомился с письмом, потом дважды перечитал его. Лицо его приняло брезгливое, недовольное выражение.

— Так-так. Министрам там в Париже легко рассуждать... — проворчал губернатор. — Где я возьму потребную для экспедиции сумму?

— Не наше с вами право, мосье Дюма, обсуждать волю его величества.

— Я и не обсуждаю. Я лишь спрашиваю вас — где я возьму такую фантастически огромную сумму?

— Это уж ваша забота. Правительство считает, что у вас такие деньги есть. Налог с плантационных хозяйств, оптовых торговцев, таможенные пошлины...

— Но я вложил свободные средства колониального бюджета в торговую компанию. Прибыльная отдача от этих вложений ожидается не в ближайшие месяцы. Можете рассчитывать на небольшой аванс.

— Нет уж, увольте от авансов.

— Но в письме министров не сказано, что я буду обязан незамедлительно предоставить вам потребную сумму.

— В письме министров не сказано, однако, и обратное, — запальчиво сказал Ковач, чтобы поддержать Мориса Августа. — Не сказано, чтобы вы откладывали выплату денег на неопределённый срок. Денег, необходимых нам на выплату жалованья офицерам и солдатам, на закупку продовольствия, строительных материалов.

— Мой заместитель прав, — сказал Беньовский. — Без своевременного финансирования экспедиция обречена на неудачу.

— Повторяю вам, в казне колонии нет таких денег, — стоял на своём Дюма.

— Тогда фрегат не покинет Порт-Луи и останется на рейде до тех пор, пока я не получу потребную сумму.

— Оставайтесь на здоровье.

— Как бы вам не пришлось потом раскаиваться.

— Что вы имеете в виду? — вскинул брови Дюма.

— Я не могу держать моих солдат на корабле, не давая права побывать на берегу после многомесячного плавания.

— Ну и что?

— Вы знаете, что такое экспедиционный корпус? Это всякий случайный сброд, бесшабашные головы, беглые сервы, бывшие каторжники, уголовники. Они доставят вам много хлопот. У вас не хватит полицейских и гарнизона, чтобы усмотреть за каждым, — спокойно произнёс Морис Август.

— Это угроза?

— Нет. Скорее дружеское предостережение. В ваших интересах, мосье губернатор, чтобы фрегат поскорее отплыл к берегам Мадагаскара.

— Я должен посоветоваться с моими коллегами. Ведь я не единственный владелец торговой компании, которая располагает деньгами. Приезжайте завтра в это же время, и мы продолжим наш разговор.

На следующий день Беньовский прибыл в резиденцию губернатора, и снова в сопровождении Ковача. На веранде губернаторского дома

прибывшие увидели кроме самого губернатора шестерых купцов-компаньонов.

Разговор с ними получился трудный, малорезультативный. Дюма и купцы жаловались на нехватку наличных денег, на трудности торговли с индийцами и арабами, которых переманивают англичане, и упорно отказывались финансировать экспедицию. Их крайне раздражало также предписание министров предоставить главе военной экспедиции монопольное право торговли с Мадагаскаром.

— Вы же военный человек, а не коммерсант, — горячился Дюма. — Зачем вам монополия? У нас сложились надёжные связи с малагасийскими вождями.

— Монополия не исключает вашего права торговать с малагасийцами, — ответил Беньовский. — Но поскольку представляю французскую корону на Мадагаскаре я, а не вы, торговые операции на этом острове будут вам дозволены по уплате пошлины.

— Кому?

— Мне, разумеется.

— Ну это уж слишком! — воскликнул один из купцов.

— Успокойся, братец, — остановил его другой. — У меня есть компромиссное предложение. Мосье полковник может стать акционером нашей торговой компании. И никаких пошлин.

— Подобный вариант в инструкции королевских министерств никак не предусмотрен, — жёстко сказал Беньовский. — Монополия принадлежит мне. Вы можете арендовать у меня право торговли.

Так ни о чём не дотолковались и на этот раз. Беньовский встречался с Дюма и его компаньонами ещё дважды. Но и эти встречи не привели к каким-либо результатам. Дюма и его компаньоны были неумолимы. Губернатор твердил своё: денег в казне нет. А купцы пытались убедить Мориса Августа вступить в число акционеров компании, отказавшись от монопольного права торговли с малагасийцами.

— Придётся проучить упрямцев, хотя я и не хотел бы этого, — сказал Морис Август Ковачу, когда они возвращались на фрегат. — Терпение моё иссякло.

— Что задумал, пан регментарь?

— Увидишь, пан Ковач.

На корабле назревало недовольство. Вот уже несколько дней, как «Орлеан» стоял на рейде, но на берег никого не отпускали.

Лишь небольшая команда матросов во главе с боцманом время от времени съезжала с фрегата пополнить запасы пресной воды и закупить

свежей зелени.

Возвратившись от губернатора, Беньовский собрал офицеров.

— Господа, разделяю недовольство солдат корпуса, которые хотели бы поскорее попасть на берег. Объясните им, что задержка с отпусками была вынужденной, подозревали эпидемию холеры. Но сегодня мы с капитаном Ковачем с удовлетворением узнали, что подозрение не подтвердилось. Завтра отпускаем на берег первую роту и инженерную команду.

— Прикажете выдать отпускные деньги на расходы? — спросил казначей.

— Деньги выдавать повремените. Я ещё не урегулировал свои финансовые дела с губернатором. Положимся на гостеприимство местных жителей. А если иной молодец полакомится бананом с чужого сада — не велика беда.

— Я поручу капралам строго надзирать за солдатами, — сказал командир роты.

— А вот этого делать не нужно, милейший. Никакого надзора. Разве не надоели нашим солдатикам за долгий путь все эти капральские выволочки, зуботычины. Пусть почувствуют себя на берегу вольными птицами.

— Как бы чего не вышло, полковник.

— А если и выйдет, не велика беда.

— Эх, наделают хлопот господину Дюма ребятушки, — сказал Ковач и многозначительно ухмыльнулся. Хитёр полковник.

На следующий день Беньовский предусмотрительно остался на фрегате, задержав и всех офицеров. А шумная, никем не управляемая ватага солдат первой роты и инженерной команды погрузилась в шлюпки и устремилась к берегу. Вернулись солдаты под вечер. Некоторые были навеселе. А вслед за ними прибыл гость — начальник местного гарнизона в чине капитана.

— Капитан Потье, — представился он начальнику экспедиции. — По поручению губернатора я с серьёзной жалобой на ваших людей.

— Что они такого натворили? Рассказывайте.

— Они вели себя как неприятель в оккупированном городе.

— Бог с вами, капитан. Преувеличиваете.

— Ничуть не преувеличиваю.

Потье бесстрастно рассказывал о бесчинствах солдат с фрегата, захлестнувших тихий городок. Пример подала компания бесшабашных парней, по-видимому, бывших бродяг или уголовников, накинувшихся на

местный базарчик. Они хватали с лотков фрукты и всякую снедь, не думая расплачиваться. Когда же торговцы пытались протестовать и требовать оплаты, молодчики со смешками отвечали: «Спрашивай с короля Людовика». Двум-трём торговцам крепко намяли бока. Опрокинули несколько лотков с товарами и потоптали их содержимое. Дурной пример заразителен. Солдаты группками заходили в харчевни, требовали вина и, не расплатившись, выходили. В одном кабачке хозяин-индиец собрал полдюжины слуг и соседей и попытался выставить непрошеных гостей. Солдаты надавали хозяину тумаков, разогнали его людей и разгромили заведение. Кое-кто забрался в сады местных обывателей и лакомился там бананами. Увидев солдат, женщины и девицы в страхе разбегались и прятались по домам. По слухам, были и случаи изнасилования. Белых солдаты не трогали, а приставали к темнокожим. Полиция пыталась было призвать безобразников к порядку, но солдаты крепко избили одного из полицейских. Открывать огонь стражи порядка не решились.

— Очень сожалею, что так всё получилось, — сказал с притворной грустью Беньовский, выслушав капитана. — Виновных в избиении полицейского строго накажем.

Оба понимали, что это только пустое обещание.

Уже наступили сумерки, когда на фрегат прибыл чиновник из губернаторской канцелярии.

— Господин Дюма убедительно просит вас незамедлительно прибыть к нему, — сообщил он Морису Августу.

Несмотря на поздний час, Беньовский отправился на берег. Дюма ждал его. Морис Август входил на знакомую веранду не без злорадной мыслишки, что упрямство губернатора сломлено. Теперь-то он станет сговорчивее, покладистее.

— Господин барон, отправляйтесь ради Бога с вашей разбойной командой на Мадагаскар, в преисподнюю, куда угодно. — Этими словами встретил Дюма Беньовского. И в голосе его слышалась мольба.

— Но мне нужны деньги.

— Я выплачу вам половину потребной суммы. Это всё, что удалось собрать. Остальное получите через два месяца. Это вас устраивает?

— Предпочёл бы получить всю сумму сразу. Но готов пойти вам навстречу. Поверьте в моё искреннее желание сохранить наши самые добрые, дружественные отношения.

— Вот и договорились, и продовольствие получите.

В последующие дни Беньовский отпускал на берег солдат небольшими партиями под надзором капралов и сержантов, снабдив их карманными

деньгами. Прежние бесчинства на берегу больше не повторялись. Для порядка и в назидание другим начальник экспедиции приказал высечь одного солдата, возвратившегося в тот злополучный день пьяным и затеявшим на палубе драку с матросом фрегата. Вскоре солдаты экспедиционного корпуса подключились к ремонтным работам на судне в помощь экипажу. Казначей в сопровождении конвоя из личных охранников Беньовского отправился в канцелярию губернатора за деньгами.

Морис Август вспомнил об отце Антуане, бывшем миссионере на Мадагаскаре, и его служке Филиппе-Ратолани, крещёном малагасийце. Он решил, что настало время показать город жене и заглянуть вместе с ней к священнику. Пусть Фредерика посмотрит замечательную коллекцию отца Антуана, изделия рук малагасийских мастеров, и увидит забавного бабакоту, если зверёк ещё жив. Фредерика давно хотела побывать на берегу. Она редко выходила из каюты и общалась только с денщиком Андреяновым и его женой камчадалкой Агафьей, теперь её горничной. На солдат она смотрена с презрительным высокомерием и опаской и старалась держаться от них подальше. Мужу жаловалась, что солдаты, от которых так дурно пахнет, с жадным любопытством, словно раздевая, разглядывают её.

— Что ты хочешь от этих грубых парней, если на фрегате нет других баб, кроме моей красуленьки да этой уродины камчадалки? На кого же ещё им заглядываться? — успокаивал он жену.

Офицеры, даже соплеменники-поляки, невзлюбили необщительную Фредерику, считая её высокомерной гордячкой. Долгий утомительный путь, тоскливое ожидание конца плавания казались ей невыносимыми.

Городок Фредерике понравился. В центре богатые дома с верандами тонули в тропической зелени. Встретились карета и пара экипажей. Значит, есть в Порт-Луи своё маленькое светское общество. Морис Август сводил жену в лавку ювелира-араба, где Фредерике приглянулась большая серебряная брошь, украшенная чеканкой. Словоохотливый араб на все лады расхваливал товар. Морис Август, изрядно поторговавшись, купил брошь в подарок жене.

В доме священника их ждало разочарование. Не выбежал навстречу забавный бабакота. Здесь обитал теперь другой хозяин. Навстречу Беньовским вышел аскетически худой монах-доминиканец, длиннющий, неулыбчивый.

— Чем могу служить, господа?

— Я хотел бы видеть моего старого знакомого, отца Антуана, — ответил Морис Август.

— О, отец Антуан теперь далеко. В Индии. Мы, солдаты святого

престола, подчиняемся его воле. Мой предшественник за усердную службу удостоен сана каноника.

— Жаль, что мы не встретились. Помнится, у него была великолепная коллекция предметов малагасийского быта.

— Он дорожил коллекцией и увёз её с собой.

— И ещё помню, был у него служка-малагасиец.

— Вы имеете в виду Филиппа? Мы не сработались, и я уволил его.

— Подумайте! Он мне казался таким приятным молодым человеком.

— Филипп оказался слишком светским. Я надеялся заняться его духовным образованием и сделать из него сельского священника. А он увлёкся девушками.

— Естественно для молодого человека.

— Но не для слуги Господнего.

— Где он теперь?

— Меня это мало интересует. Но если он вам так нужен... Филипп работает приказчиком у индийского торговца Рамеша Чандра. Его лавка недалеко отсюда.

— Благодарю вас, падре.

— Бог вам в помощь, сын мой. Да не оставит Он вас своими милостями.

Бывшего церковного служку Беньовские встретили за прилавком захудалой лавки индийца. Он отвешивал рис покупательнице.

— Не будь я Филипп, если вы не тот самый господин, который года два тому назад, когда я ещё служил у отца Антуана, приходил к нам на Маврикий.

— Тот самый.

— Вспомнили-таки горемычного Филиппа, порадовали. Вот только имя ваше позабыл. Помню только, большой господин.

— Имя — это не важно. Теперь я для тебя просто господин полковник.

— Понимаю. Всё равно большой господин. А эта красивая женщина кто?

— Жена моя. Красавица, говоришь? Ты наблюдателен. Рассказывай, как живёшь.

— Плохо живу, мосье полковник. Не то что у отца Антуана.

Филипп стал жаловаться на скупость хозяина Рамеша.

Платит совсем мало. Иногда кое-что перепадает с хозяйского стола.

— Поступай ко мне на службу, — предложил Беньовский. — Не прогадаешь. Положу тебе хорошее жалованье. Станешь членом нашей

экспедиции, научишь меня малагасийскому языку. Ведь мы отправляемся в землю твоих соплеменников. Нам нужен хороший переводчик.

— Так вы поплывёте на мою родину?

— Именно так. Соглашайся с моим предложением.

— Подумать надо. А как насчёт жалованья?

Беньовский назвал сумму. Филипп ответил довольной улыбкой.

— Надо же! Вы назвали сумму, в три раза большую, чем мне платит этот скряга-лавочник. Нет, в четыре раза.

— Вот видишь. Соглашайся.

— Подумать надо. На Большом острове неспокойно. Враждующие племена проливают кровь.

— Затем мы и пойдём к твоему Большому острову, чтобы прекратить кровопролития, установить там мир и спокойствие, поддержать друзей, наказать врагов.

— Подумать бы.

— Думай, да не долго. Завтра дашь ответ.

Филипп, он же Ратолани, поступил на службу к Беньовскому и перебрался на фрегат, получив аванс в счёт будущего жалованья. С лавочником расстался без всякого сожаления. На корабль малагасиец явился франтом, в новой пёстрой рубахе, соломенной шляпе и сандалиях.

С первых же дней пребывания Филиппа на фрегате Морис Август стал брать у него уроки малагасийского языка. Занимался языком настойчиво, с яростным упорством, по два-три часа ежедневно.

Учителем Филипп, надо отдать ему справедливость, оказался довольно бестолковым. Преподавать, естественно, он не умел, а делать замечания такому важному ученику считал неудобным. Фактически вёл урок сам Беньовский. Он спрашивал у Филиппа названия разных предметов и понятий, старательно записывал их в тетрадь и пытался строить фразы. Филипп поощрительно кивал головой и улыбался.

— Да не улыбка мне твоя нужна, чёрт бы тебя побрал! — сердился Морис Август. — Поправляй меня, где ошибаюсь. Сам чувствую, что говорю что-то не то.

— На Большом острове поймут господина. Но лучше бы сказать вот так...

Беньовский убеждался, что грамматика малагасийского языка не отличалась сложностью. Словарик Мориса Августа непрерывно пополнялся: он уже знал, что белого европейца малагасиец назовёт «вазиха». В джунглях обитают вазимба — лесные жители, которые отличаются от обычных малагасийцев, скотоводов и земледельцев. В

каждой деревне большим влиянием пользуются знахари-хамбиаса и колдуны-мпамозави.

После занятий с Филиппом Беньовский знакомился с ходом ремонтных работ на фрегате. Дело подходило к концу. Вечерами Морис Август собирал офицеров фрегата и экспедиционного корпуса в кают-компании и обсуждал с ними планы предстоящей высадки на Мадагаскаре. Надёжных карт острова в его распоряжении не было.

По поручению начальника экспедиции офицеры опрашивали купцов, посещавших восточное побережье Мадагаскара с торговыми целями, шкиперов арабских шхун. Сам Беньовский постоянно спрашивал у Филиппа об удобных гаванях Большого острова. Обобщая все полученные таким путём сведения и совещаясь с офицерами, Беньовский сперва склонялся к мысли создать опорный пункт несколько севернее двадцатого градуса северной широты, там, где впоследствии возник портовый город Таматаве. Но потом возобладало мнение, что лучше воспользоваться для высадки устьем какой-либо реки, по которой можно в случае необходимости подняться на шлюпках вверх по течению. Остановили выбор на устье реки Антанамбаланы, которую местные жители называли ещё Большой рекой. Этот пункт находился значительно севернее того, который намечался первоначально.

— Принимаем решение, господа. Идём к устью Большой реки, — подытожил Беньовский.

За несколько дней до отплытия он имел серьёзный разговор с женой.

— Коханочка моя, ты останешься с Агафьей в Порт-Луи. Господин Дюма предоставляет тебе прекрасный домик с садом. Нам придётся на первых порах не сладко. Что нас ждёт на Мадагаскаре? Болотная лихорадка, житьё в палатках, неустроенный быт. Возможны и столкновения с враждебными племенами. Я не могу подвергать мою любимую жёнушку опасности, рисковать твоим здоровьем.

—Разве ты не будешь подвергаться опасностям?

— Моё дело солдатское. Приедешь ко мне, когда возведём постройки, соорудим дом, достойный нашего с тобой положения.

Фредерика из приличия всплакнула и сделала мужу выговор. Как он может, такой бесчувственный, оставлять её одну среди чужих людей! Но скоро успокоилась, так как в глубине души была рада такому решению Мориса. Бивачное житьё в джунглях и болотах, на берегу какой-то кишащей крокодилами реки, никак ей не улыбалось. Предпочтительнее остаться в тихом, уютном городке. Она непременно войдёт в круг местной знати, станет устраивать приёмы. Морис, конечно, прав, оставляя её в

Порт-Луи.

Фрегат с арабским лоцманом на борту выходит в море, держа курс на северо-запад. Губернатор Дюма с чувством облегчения взирает с веранды своего дома на уменьшающийся силуэт корабля.

Глава восемнадцатая

Лоцман Максуд, сухопарый араб в белой чалме, продублённый океанскими ветрами и солью, хорошо знал район устья реки Антанамбаланы, ибо не раз водил сюда купеческие шхуны. Он сообщил Беньовскому полезные сведения. Опасных коралловых рифов у этой части острова нет. Река, которую местные жители зовут Большой, в устье достаточно широка и глубока. В дождливый сезон, когда уровень воды в водоёмах резко повышается, такой крупный корабль, как «Орлеан», свободно войдёт в реку и поднимется на несколько миль, не опасаясь сесть на мель. Но когда наступает период засухи и мелкие реки вовсе пересыхают, рисковать не стоит. Фрегат перегружен и имеет глубокую осадку. А в устье Большой реки становятся опасными отмели. Лучше встать на якорь в миле от берега. Шторма в этой части океана можно не опасаться. Океан штормит у восточного берега Мадагаскара не так часто.

Что представляет собой здешнее побережье? Это низменные болотистые джунгли, переходящие в прибрежные мангровые заросли. Но можно выбрать относительно возвышенное место, не подверженное воздействию приливов и наводнений и пригодное для жилья. На одном из таких холмов обосновался торговец Хамуд, кстати, его, Максуда, земляк. Тоже выходец из Маската. Он держит лавочку и работает от торговой компании, с которой связан сам господин Дюма, губернатор. Скупает у малагасийцев разные ремесленные изделия, рис, кожу крокодила, а продаёт всякую всячину, какая может пригодиться в хозяйстве. Здешние жители принадлежат к народу бецилисарака. Их язык заметно отличается от языка других малагасийцев.

И ещё Максуд сообщил, что от побережья к торговой фактории Хамуда проложена тропа. Там, где она начинается, поставлен опознавательный столб, увенчанный пучком камыша. По этому, своего рода, маяку могут ориентироваться торговые шхуны.

Беньовский поинтересовался, насколько местные жители миролюбивы. Хамуд считает, что к торговцам и вообще иностранцам они относятся доброжелательно, хотя между племенами и отдельными деревнями и случаются кровавые свары. Хамуд давно живёт среди малагасийцев, и его мнению на этот счёт можно верить.

Прошли устье реки, и вскоре Морис Август заметил на берегу

опознавательный столб. «Орлеан» бросил якорь и спустил паруса. На первой же шлюпке в сопровождении личной охраны, переводчика Филиппа и лоцмана Максуда Беньовский съехал на берег. Там шлюпку встречали торговец Хамуд с двумя чернокожими африканцами, не то слугами, не то рабами, и кучка смуглых малорослых малагасийцев, просто любопытных зевак. Они занимались ловлей креветок и первыми заметили приближение корабля и поспешили сообщить об этом в селение и торговцу.

Беньовский проворно выпрыгнул из шлюпки, врезавшейся носом в прибрежный песок, и приветствовал туземцев на языке бецилисарака. К этому же народу принадлежал и Филипп. Из его уроков Морис Август уже усвоил слова приветствий. Малагасийцы в ответ заулыбались и приветственно подняли вверх руки. Лоцман заговорил со своим соотечественником по-арабски.

— Мой друг и земляк приглашает гостей к себе, — перевёл Максуд Беньовскому.

— Приглашение принимаем, — сказал Морис Август.

Двоих вооружённых солдат он оставил сторожить шлюпку, а остальным приказал следовать за собой. Его вестовой Андреянов взвалил на плечо увесистый саквояж с подарками для туземцев.

Цепочка людей потянулась по узкому коридору, прорубленному в зелёной толще зарослей. Сразу сделалось жарко, как в парилке. Пахло гнилой сыростью болота. Мириады москитов обрушились на пришельцев. Под ногами хлюпала болотная жижа. Кое-где наиболее глубокие выбоины, заполненные этой смрадной жижей, были присыпаны песком и мелкими каменьями. Это постарались по распоряжению хозяина слуги-африканцы.

Хамуд сказал что-то одному из слуг, и тот поджёг пучок травы. Тлеющая трава издавала резкий специфический запах, отпугивающий москитов. Рослый африканец приблизился к Морису Августу и стал отгонять от него кровожадных насекомых.

— Смотрите под ноги, — предупредил торговец, — не наступите ненароком на змею.

— Тьфу ты, матка боска! — воскликнул Беньовский. — А на крокодила не рискуем наступить?

— Крокодилы водятся в реке, мосье полковник, и обычно далеко от берега не удаляются. А мы всё больше отклоняемся от Большой. Прошли примерно полмили. И заросли расступились. Тропа пошла в гору. На невысоком пологом холме, расчищенном от зарослей, показалось небольшое поселение. Оно состояло из нескольких строений, сооружённых из бамбука и крытых камышом, — лавки, хозяйской хижины, в которой

жил сам торговец с семьёй, барака для слуг-африканцев, амбаров и навеса для домашней птицы. Всё это было опоясано крепким частоколом. При приближении людей визгливо залаяли собаки.

— Повадились хищники кур да индеек таскать. Вот и пришлось псов завести, — пояснил Хамуд.

— Разве на острове водятся хищники?

— Тигров, гиен, слава Аллаху, нет. Но немало всякой мелкоты. Дикая кошка, виверра — твари прожорливые.

Как только торговец открыл калитку, навстречу людям с разливистым лаем выбежали три собаки неопределённой породы. Хамуд властно прикрикнул на них, и псы мигом сникли, поджали хвосты и удалились. Торговец пригласил Беньовского с лоцманом и переводчиком на веранду, вернее, открытый с трёх сторон навес, примыкающий к его жилищу, и отдал распоряжение старшему из слуг-негров накормить солдат на кухне. Из-за занавески, прикрывавшей вход в дом, выглянули два мальчугана лет шести и восьми.

— Младшенькие мои, Ахад и Ахмад, — пояснил Хамуд. — Есть ещё старший, Ибрагим. Он поехал в дальнее селение по торговым делам.

Хозяин усадил гостей в лёгкие кресла, сплетённые из ротанговых пальм, и поставил перед ними на низенький столик блюдо с фруктами и золотистыми бананами.

— Извините, господа, Хамуд правоверный мусульманин, сын Аллаха, и крепкие напитки не употребляет. Но для гостей кое-что найдётся.

Из хозяйских тайников была извлечена бутылка рома. Расспрашивая торговца, Беньовский выяснил, что вблизи находится крупное туземное селение. Его отсюда хорошо видно. Невдалеке от него ещё два селения, поменьше. Все они составляют одну независимую сельскую общину, управляемую старостой Ракутубе. Жители её выращивают рис на заливных полях, разные фруктовые деревья. Отчасти занимаются рыбной ловлей. Скота разводят мало из-за отсутствия удобных пастбищ. Скотоводство больше развито на центральном плоскогорье у народа имерина и в южной, степной части острова. Несколько выше по реке находятся ещё две независимые общины со своими старостами. Все они считают себя связанными узами родства и дружбы с общиной Ракутубе. Иногда они проводят совместные религиозные церемонии. Люди из этих трёх общин — частые посетители его лавки. У здешних малагасийцев в ходу французские, турецкие и португальские монеты. Допускается и натуральный обмен, если у покупателя нет серебряных или хотя бы медных монет. Малагасийцев особенно интересует домашняя утварь, ножи, ткани.

Любой покупатель может расплатиться с продавцом предметами ремесла, кожей крокодила, ценными породами дерева, морскими раковинами. Конечно, предпочтительнее изделия из золота и серебра.

— И такой обмен даёт вам немалую выгоду? — спросил испытующе Беньовский.

— Какой же купец торгует без выгоды для себя! — в тон ему сказал араб.

Далее Хамуд рассказал, что с другими сельскими общинами у него связи нерегулярные. Они затруднены непроходимыми джунглями и болотами. Да и у старосты Ракутубе отношения с дальними соседями не то чтобы враждебные, но натянутые. В недавнем прошлом дело доходило и до вооружённых столкновений. Тот, кто посильнее и побогаче, стремился подчинить себе более слабого соседа.

Выслушав рассказ араба, Беньовский стал вглядываться в опушку джунглей. На западе отчётливо просматривалась шеренга деревенских хижин с высокими камышовыми кровлями. Возле хижин копошились люди. Было заметно оживление жителей. Они собирались кучками, чем-то встревоженные. Несомненно, причиной тревоги был приезд чужеземцев.

У Беньовского моментально созрел план. Для начала надо опереться на эти три общины, о которых говорил Хамуд, задарить подарками вождей, внушить им необходимость принять покровительство французского короля. И одновременно припугнуть, продемонстрировав силу французского оружия. Устроить впечатляющий поход против действительных или мнимых недругов старосты Ракутубе и его друзей. Потом склонить и их на свою сторону. Несложный и гениальный план!

— Любезный Филипп, — обратился Беньовский к переводчику, — тебе важное поручение. Отправляйся сию же минуту в эту деревню. Пусть Хамуд даст тебе сопровождающего. Отыщи старосту. Как его...

— Ракутубе, — подсказал торговец.

— Пригласи от моего имени этого Ракутубе сюда. Скажи, посланец великого короля Франции Людовика хочет дружить с Ракутубе. Привёз ему подарки.

Ждать старосту пришлось долго. Возможно, он не решился сразу принять приглашение и совещался со старейшинами. А возможно, малагасийские правила хорошего тона требовали повременить.

Но вот послышались удары гонгов и барабанов и показалась целая процессия. Впереди неё четверо дюжих мускулистых парней несли носилки-филанзана, разукрашенные резным орнаментом. На носилках важно восседал, скрестив ноги, пожилой человек в пёстрой, расшитой

золотым шитьём рубахе, купленной у араба. Это и был сам Ракутубе, сопровождаемый телохранителями, родственниками, старейшинами. В некотором отдалении несли другие носилки, с сухопарым, костлявым стариком.

— Разве, в этой деревне два старосты? — спросил Беньовский у Хамуда.

— Старик — главный колдун, мпамозави. Второе лицо после старосты, — пояснил всезнающий торговец.

Приблизившись к Беньовскому, дюжие парни опустили носилки, и Ракутубе не спеша поднялся с плоской подушки и ступил на землю. Он сдержанно поклонился полковнику и спросил:

— Что привело вазиха в наши земли?

— Желание моего короля, великого Людовика, жить в дружбе с твоим народом. И ещё... Король Франции готов оказать помощь и покровительство доблестному Ракутубе и твоим людям.

Говорил Беньовский медленно, размеренно, чтобы Филипп успевал перевести за ним каждое слово.

— Мне и моим людям помогают духи наших предков, — отрешённо произнёс староста.

— Очень хорошо делают, что помогают. Но духи оказались бессильными перед воинственными соседями, которые убивали твоих людей, жгли их хижины, угоняли их скот. Я сурово накажу твоих недругов.

— Но чем мы расплатимся с тобой, вазиха?

— О, пусть тебя это не заботит. Мы поможем тебе, твои люди помогут нам. Помогут построить порт, возвести здания, проложить дороги, которые свяжут селения с портом. В порт станут заходить корабли с товарами, нужными твоему народу.

Филипп переводил слова Беньовского.

— Будет ли нам польза от твоей затеи, чужеземец? — хриплым шёпотом произнёс дряхлый колдун, не слезавший с носилок.

— Устами мудрого старца вопрошают духи, — многозначительно произнёс староста. Слова хитрого вазиха не столько привлекли, сколько насторожили его. Ведь были уже попытки бледнолицых чужестранцев высадиться на Большом острове, поработить его жителей.

Но духи насылали на непрошеных гостей болотную лихорадку и другие смертоносные болезни, и те, кто выжил, вынуждены были убраться восвояси. Те тоже говорили о дружбе, обещали покровительство, вмешивались в межплеменные усобицы.

Морис Август решил, что настало время раздавать подарки, чтобы

растопить настороженность. Туземные вожди обычно падки до подарков. Появился вестовой с саквояжем.

Старосте Беньовский преподнёс великолепный кинжал марокканской работы в узорчатых ножнах, фаянсовый кубок, покрытый цветной глазурью, и отрез пёстрого шёлка. Подарки произвели впечатление на свиту. Малагасийцы выразили свой восторг причмокиванием. Ракутубе поклонился Морису Августу в знак благодарности. Подарки ему пришлись по вкусу.

Памятуя, что дряхлый колдун суть второе лицо в общине, Беньовский одарил и его таким же куском шёлка и оловянным блюдом. Глазки старика алчно разгорелись при виде таких подарков, а свита снова выразила восторг причмокиванием. Колдун-мпамозави что-то пробормотал скороговоркой.

— Что он сказал? — спросил Морис Август у Филиппа.

— Я точно не разобрал. Но, кажется, он говорил о духах, которые послали добрых людей.

Старейшины — их было пятеро, и все они оказались родственниками Ракутубе — получили в подарок по куску хлопчатобумажной ткани. А телохранителей и носильщиков одарили складными ножами и табаком. Свита также осталась довольна.

Ракутубе пригласил Беньовского посетить его селение.

— И пусть большой вазиха приходит со своими людьми. Наши обычаи требуют на доброе расположение отвечать тем же. И мы сумеем порадовать гостей подарками, пусть не такими роскошными.

— С радостью принимаем твоё приглашение, — ответил Беньовский. — Обязательно побываем у тебя в гостях. Вот только управимся с неотложными делами.

Никогда Морис Август Беньовский не развивал такой кипучей деятельности, как в последующие дни. Он приказал инженерной команде, пополненной взводом солдат первой роты, соорудить каменный мол, к которому могли бы приставать шхуны и лодки, а также расширить просеку, ведущую к фактории Хамуда. Просека должна стать удобной проезжей дорогой.

Остальные подразделения экспедиционного корпуса Беньовский направил в район фактории и распорядился разместить их на первое время в палатках. Здесь был заложен форт Сен-Луи, названный так в честь святого покровителя нынешнего французского короля.

По случаю закладки форта отец Огюст отслужил торжественный молебен. Начальник экспедиции распорядился расчистить подступавшие к

холму заросли и начать строительство казармы, дома для офицеров, гауптвахту, лазарет, складские помещения.

— И храм не забудьте, — настойчиво напоминал священник. — Освятим его в честь Святого Людовика, одного из достойнейших монархов Франции, предводителя крестового похода против неверных.

— Да, да, и церковь, конечно... — соглашался Беньовский.

— И дом для меня не забудьте.

— Будет вам и дом, падре.

Этот отец Огюст, какой-то тусклый, невыразительный, кажется, проспал всю дорогу. Лишь изредка появлялся он в кают-компании, чтобы поиграть в картишки с офицерами. О нём как бы и забыли. Теперь же падре ожил и, облачившись в свежую белую сутану, суетился больше всех. Всё время напоминал он Беньовскому о храме, сам выбирал место для его строительства, стал назойлив и надоедлив.

— Да уймитесь вы, падре, — осадил его однажды Беньовский. — Я же сказал, будет вам и храм, и дом.

— Почему только мне? Наш общий Божий дом...

Руководителем строительства форта Беньовский поставил своего заместителя Мечислава Ковача, а в помощь ему определил обоих ротных командиров, братьев Вердье. Были созданы также команды для поисков месторождений глины, пригодной для обжига кирпича, и камня. Крупный камень требовался для строительства мола, а мелкий — для покрытия дорог. Специальная группа во главе с капралом снаряжалась на Большую реку рыбачить. В реке, по словам Хамуда, водилась крупная рыба, напоминающая карпа. Местные жители очень ценят её из-за нежного, вкусного мяса. Это было бы неплохим подспорьем к солдатскому рациону. Всеми командами распоряжался прапорщик Качорек, начальник хозяйственной части.

Беньовский самолично напутствовал рыбаков. В их числе он обнаружил долговязого нескладного парня из Бургундии, Левека, который никак не мог усвоить элементарные строевые команды, путал «направо» и «налево», за что и был неоднократно бит ретивым капралом. Этот самый капрал и возглавлял рыбачью команду.

— Говорят, в реке водятся крокодилы, — предупредил Морис Август. — Твари прожорливые и агрессивные. Так что будьте внимательны и осторожны. Зазеваетесь — сожрут.

И с тоской подумал, что такого недотёпу, как верзила Левек, непременно сожрут.

Механизм корпусной деятельности со скрипом закрутился под зычную

ругань капралов и сержантов. Джунгли отступали от фактории. Обозначились колышками места будущих строений. Росли штабеля строительного бамбука и дерева.

Беньовский заранее известил старосту Ракутубе о своём визите в его селение. Его сопровождали Ковач, падре Огюст и переводчик Филипп, а также несколько телохранителей во главе с капралом Уфтюжаниновым. Андреянов тащил на плече в подарок старосте сплюснутый бочонок бургундского вина.

Ракутубе встречал гостей перед своей хижиной. Она выделялась среди других деревенских жилищ более внушительными размерами и декоративной резьбой, весьма причудливой, покрывавшей столбы, балки, карнизы. Все жилые строения были подняты на высоких сваях. Старосту окружали члены его семейства, родственники, старейшины. В сторонке толпились все остальные жители деревни, включая и ребятишек. Причёски девушек были украшены белыми цветами, напоминавшими жасмин. Появление гостей было встречено ударами гонгов и барабанов.

Беньовский преподнёс старосте подарки — небольшой бочонок вина и недорогие пёстрые бусы для его жён и дочерей. Потом начался пир. Ракутубе распорядился, чтобы женщины принесли циновки и разложили их на земле перед домом. Для старосты же и его главных гостей сделали исключение — им поставили плетённые из ротанга стулья, наподобие тех, какие стояли на веранде торговца-араба. По правую руку от старосты сел Беньовский с переводчиком, Ковач, падре Огюст, по левую — старейшины и родственники главы поселения. Остальные односельчане образовали круг. В него вышло несколько пар стройных, грациозных девушек. Под ритмичные звуки барабанов и гонгов они стали исполнять медленный, плавный танец. Движения их рук, украшенных браслетами, напоминали взмахи птичьих крыльев. Оказалось, что среди танцовщиц находились две дочери старосты и ещё племянницы, дочери его братьев. Женщины постарше приносили на больших деревянных подносах угощения и ставили их перед гостями. Здесь были фрукты, жареный рис с креветками, мясо дикого кабана, нарезанное тонкими ломтиками и наперченное, печёные бананы. Подавали и напиток в бамбуковых кружках, украшенных резьбой, а Беньовскому, как самому почётному гостю, в роге зебу. Напиток был довольно крепок и напоминал перебродившее пиво. Не забыл и Ракутубе сделать ответные подарки. Для Мориса Августа принесли шкатулку из тёмного дерева. Её крышка была украшена красивым резным узором — переплетением цветов. Ковач и священник получили такие же шкатулки, но поменьше. И ещё староста сделал гостям общий подарок —

две большие корзины, полные разных фруктов.

Тем временем девушки кончили продолжительный танец. Их сменили крепкие парни с обнажёнными торсами, вооружённые дротиками. Среди них были и личные телохранители старосты. Они взялись продемонстрировать свою меткость в метании оружия. Один за другим парни швыряли дротики, удачно попадая в мишени — зарубки на стволе дерева. Только один из них допустил промах. Беньовский похвалил их и выразил сожаление, что среди его солдат нет таких ловких и метких молодых людей.

Шла неторопливая застольная беседа.

— Это твой главный мпамозави? — спросил староста, указывая на священника и с любопытством разглядывая его длинную белую сутану и массивный серебряный крест на груди.

— Что он спрашивает? — поинтересовался падре, пережёвывая жирный кусок кабаньего мяса.

— Он спрашивает, отец Огюст, не колдун ли вы.

— Тьфу, язычники поганые. Вели Филиппу объяснить, кто я таков.

Подавив в себе чувство обиды на старосту, священник стал расспрашивать его о верованиях малагасийцев.

— Мы почитаем наших предков. Верим в лесных духов, которые могут прийти на помощь людям или принести им зло, — объяснил Ракутубе. — Каждый человек представляет себе образ злого или доброго духа на свой лад. В каждом доме можно встретить деревянные фигурки, изображения духов. Резчик по дереву даёт волю своему воображению. Люди также верят, что души умерших предков переселяются в лесных зверьков, таких как бабакота, и живут по соседству с нами. Поэтому мы так почитаем бабакоту.

— Почитать надо единого, вездесущего Бога Отца нашего и Сына Божьего Христа, — назидательно сказал отец Огюст и стал развивать эту мысль. Он возмечтал стать преуспевающим миссионером.

— То же самое говорил нам ваш человек. Убеждал почитать вашего Бога и Его Сына. Но наши люди не захотели отречься от своих духов и предков. Их почитали наши отцы и деды.

Возможно, староста имел в виду отца Антуана, чьи попытки миссионерской деятельности на Мадагаскаре не дали ощутимых результатов. Вмешался Беньовский, взявший инициативу разговора в свои руки:

— Позвольте, падре, мне потолковать с нашим хозяином. У вас ещё будет много времени для богословских дискуссий с достопочтенным

Ракутубе.

Мориса Августа интересовала военная обстановка на западном побережье острова. Кто из соседей особенно угрожает общине? Кто из них нападал на селения, управляемые Ракутубе и его ближайшими друзьями? Староста ответил, что нападения имели место со стороны большой общины, расположенной к югу от устья реки. Последнее такое нападение произошло года два тому назад. Воинственные соседи внезапно приблизились к селению, и на его жителей обрушился град стрел и дротиков. Пришлось отвечать тем же. Ракутубе недосчитался десятка своих лучших воинов. Но и нападавшие понесли потери. Защитников выручили ружья, которые староста купил по высокой цене у Хамуда. Личные телохранители Ракутубе дали залп по нападавшим и заставили их отступить. У неприятеля, слава добрым духам, огненного оружия не оказалось. Отступив, люди южной общины успели поджечь несколько хижин. В ту пору во главе южан стоял энергичный и задиристый вождь, стремившийся подчинить себе всех соседей. Но этот вождь умер, он был уже немолод. Его ближайшие родственники, сыновья и братья, долго вели спор за кресло старосты, пока не сошлись на младшем брате покойного, человеке слабом и нерешительном. Он как будто отказался от честолюбивых планов и попритих.

— Не было ли угроз со стороны короля Имерины? — спросил Беньовский.

— Такая угроза была и остаётся. Король имеринцев, владетель центральных гор, самый могущественный среди властителей острова. Его давнишняя мечта сделать остров единым королевством. У него сильное войско. Арабы и португальцы снабжают его огненным оружием. А у нас только дротики и луки со стрелами да ещё четыре старых ружья.

— Имеринцы приходили сюда?

— В прошлый сухой сезон король собрал сильный отряд. Его солдаты состояли из имеринцев и негров-рабов. Отряд пытался овладеть долиной Антанамбаланы и выйти к морю. Но люди верховьев оказали сопротивление пришельцам, хотя, кроме дротиков и стрел, другого оружия у них не было. За каждым кустом неприятеля поджидала засада. Имеринцы не дошли до моря и повернули назад. У истоков реки остался их пост.

— Значит, угроза нового похода остаётся?

— Мы боимся этого.

— Вот видишь, Ракутубе... Ты окружён врагами и нуждаешься в помощи. Я помогу тебе. Южных соседей припугнём. Против имеринцев снарядим экспедицию к истокам Большой реки, чтобы навсегда отбить у

них охоту появляться в здешних краях.

— Как я расплачусь с тобой, вазиха?

— Пришлёшь ко мне людей со всех твоих поселений. Пусть они помогут нам строить форт, прокладывать дороги, доставят нам камень и глину.

Староста колебался с ответом. Дорогую плату за помощь требовал вазиха. Слишком дорогую. Но смягчился старый Ракутубе, стал податливее, когда Беньовский пообещал новые Подарки и пару ружей.

— Будут тебе люди, — сказал после некоторых раздумий староста.

С приходом туземцев работы оживились. Малагасийцы доставляли в корзинах и на носилках камень, необходимый для сооружения мола, заготовляли бамбук и древесину, расчищали просеки для будущих дорог. Беньовский тем временем нанёс визиты в соседние общины, с которыми Ракутубе сохранял добрые отношения, задарил их вождей подарками. Больше всего его беспокоило состояние дисциплины в корпусе. Управлять массой случайно собранного по вербовке сброда, бывших беглых каторжников и уголовников, было трудно. Все старания офицеров обучить их, изощрённая ругань и зуботычины капралов давали малые результаты.

Убежать из расположения экспедиционного корпуса солдат практически не мог. Да и некуда было. Болотистые джунгли, кишащие змеями и мириадами москитов, настороженность туземцев, которая могла обернуться и откровенной враждебностью, пугали солдата больше, чем кулак капрала или гауптвахта на хлебе и воде.

Наиболее распространёнными солдатскими провинностями были увиливание от работы, симуляция всяких болезней, стремление переложить все тяжёлые физические работы на туземцев. Беньовский не раз наблюдал, как солдаты бездельничали у костра, дым от которого разгонял москитов, покуривали трубочки, балагурили, а туземцы тем временем тащили на носилках тяжёлый камень, волокли корзины песка, тащили на плече, сгибаясь под их тяжестью, брёвна и связки бамбука. Солдаты же, изображая из себя надзирателей, покрикивали на них и поторапливали.

Хамуд пожаловался Беньовскому, что его подчинённые украли двух индеек и взломали замок на амбаре с товарами. Ограбить его, правда, не успели, так как были замечены хозяйскими работниками. Морис Август был вынужден поставить для охраны торговой фактории часового из своей личной охраны.

Начались грабежи и в деревне. Солдаты таскали кур, рвали ещё не созревшие бананы, отбирали у женщин украшения. Деликатные туземцы воздерживались от жалоб, воспринимали мелкие кражи как неизбежное

зло. Но чаша терпения местных жителей переполнилась, когда молодой солдат пристрелил ради озорства ручного домашнего бабакоту. Окровавленный зверёк жалобно кричал, пока не издох. Убийство почитаемого бабакоты, в которого, по верованиям малагасийцев, вселилась душа предков, вызвала слепую ярость обитателей деревни. Истошно выкрикивал свои проклятья старый колдун, срываясь на истеричный фальцет. Мужчины встречали солдат экспедиционного корпуса хмурыми, озлобленными взглядами. Женщины и дети разбегались при их приближении.

Беньовский отправился в селение один без охраны, лишь в сопровождении Филиппа, чтобы наладить отношения. Малагасийцы встретили его враждебно, выкрикивали что-то резкое, злое.

— О чём они кричат? — спросил Морис Август у Филиппа.

— Все вазиха, мол, плохие люди. В них вселились злые духи.

Староста держался неприветливо, был неразговорчив даже тогда, когда Беньовский попытался объясниться с ним сам, без переводчика.

— Плохой вазиха, поднявший руку на бабакоту, будет строго наказан. Примите, Ракутубе, мои подарки в знак неизменной нашей дружбы.

Беньовский принял из рук переводчика бутылку вина и широкий кожаный ремень с медной узорчатой пряжкой. Староста взял у него подарки и несколько смягчился.

— Накажи плохого вазиха. И мы останемся друзьями.

Морис Август понимал, что настало время принять жёсткие меры к нарушителям дисциплины, показать крутой командирский нрав. Но сделать это надо умело, ловко, чтобы не вызвать массового недовольства солдат, неожиданного бунта. Сперва он должен продемонстрировать свою справедливость, предстать перед корпусом этаким добрым отцом командиром. А для этого выбрать какого-нибудь примерного молодого солдатика и вручить ему перед строем подарок, приз вместе с проникновенными словами благодарности. А потом он выразит сожаление, что наряду с такими достойными людьми находятся в корпусе люди недостойные, потерявшие чувство ответственности перед великим королём Людовиком. С чувством глубокой горечи он, командующий экспедиционным корпусом, вынужден против своей воли приказать высечь плетьми одного-двух таких злостных молодчиков. Пусть корпус убедится, что каждому воздаётся по заслугам. Да и на туземцев это окажет нужное воздействие.

Случай для назидательного урока представился. На рыбалке случилось происшествие. Из зарослей прибрежного камыша выползло грязно-зелёное

чудовище с ребристой спиной. Разинув зубастую пасть, крокодил нацелился на зазевавшегося на берегу капрала. Служака следил за солдатами в шлюпке, тянувшими невод, и время от времени покрикивал на них. Крокодил готовился к стремительному смертоносному броску. И плохо пришлось бы бедняге капралу. Но вдруг прозвучал гулкий выстрел, и эхо прокатилось по камышовым зарослям. Это выстрелил долговязый бургундец Левек, первым заметивший опасность. Да-да, тот самый недотёпа, который так плохо усваивал элементарные строевые команды. Выстрел Левека оказался метким — он прежде служил не только конюхом, но и егерем у своего хозяина-графа, заядлого охотника. Картечная пуля размозжила спинной хребет чудовища. Судорожно вздрагивая и оставляя за собой кровавый след, крокодил щёлкнул пастью и уполз в воду. Капрал не сразу сообразил, что же произошло. А когда сообразил, то онемел и окаменел. Только отвисшая челюсть его нервно тряслась. Он силился что-то сказать и не мог. Беднягу капрала поразил столбняк. Когда же он обрёл дар речи, то произнёс:

— Я-то думал, что ты, Левек, никчёмный парень. А ты вон какой молодец. Если бы не ты... Откуда такая меткость?

— От отца и от деда. Они тоже служили егерями у нашего графа.

Левек, памятуя предостережения Беньовского о кровожадных крокодилах, никогда не расставался с ружьём и носил его на ремне за спиной даже тогда, когда приходилось тянуть невод. Капрал же, как видно, забыл о предостережениях и беспечно бросил своё оружие в палатке. Был он человеком грубым, сквернословом, готовым всегда пустить в ход кулаки. Но случившееся потрясло его чёрствую душу и заставило взглянуть на Левека с долей симпатии.

Капрал доложил о случившемся прапорщику Качореку, а также ротному, представив при этом верзилу Левека в самом выгодном свете. О происшествии на рыбалке узнал и Беньовский.

— Это то, что мне надо! — воскликнул он и приказал построить весь корпус на расчищенной от зарослей площадке, над которой развевался на бамбуковом шесте французский королевский флаг.

— Рядовой первой роты Левек проявил находчивость и спас товарища от смертельной опасности, — произнёс Беньовский перед строем. — Выношу отличившемуся солдату благодарность и награждаю его.

Морис Август сам подошёл к стоявшему в строю на правом фланге первой роты Левеку, дружелюбно похлопал его по плечу и протянул вконец смущённому солдату серебряный луидор с рельефным портретом короля

Людовика XV. И ещё Беньовский похвалил капрала, который сумел воспитать такого находчивого и бравого подчинённого.

— Каждый достойный поступок, подобный тому, какой совершил рядовой Левек, будет отмечен нами, — продолжал полковник. — Но, к сожалению, в рядах корпуса находятся люди, которые позорят звание королевского солдата, вызывают своим недостойным поведением недовольство наших друзей-туземцев. Один из них, рядовой Ленен, будет примерно наказан.

Из строя вывели молодого парня, бывшего бродягу, того самого, который пристрелил из озорства домашнего бабакоту. Он же был замечен в неоднократных кражах кур и индеек у местных жителей. Держался Ленен спокойно, не пытаясь сопротивляться. Знал, что ожидает его порка, не такое уж страшное наказание для видавшего виды бродяги, не раз битого и полицейскими, и обывателями.

Беньовский объявил своё решение:

— Рядовому второй роты Ленену всыпать двадцать плетей.

— Не слишком? — спросил вполголоса Ковач. — Скажи палачам, чтобы не переусердствовали.

— Пусть будет по-твоему.

Отряжённые в качестве палачей два рослых светловолосых бретонца, матросы с фрегата, вывели Ленена из строя, сорвали с него рубаху, обнажив спину, и привязали к скамье. На экзекуцию были приглашены и малагасийцы. Сам староста Ракутубе не явился на зрелище, сказавшись больным, а прислал вместо себя брата, одного из старейшин. Повинуясь команде, бретонцы взмахнули ремёнными плетьми. Один удар, другой... После каждого на спине наказуемого оставался набухший багровый след. Ленен стиснул зубы, но всё же не смог выдержать боли и после каждого удара глухо вскрикивал и стонал. За него заступился старейшина, брат Ракутубе, обратившийся к Беньовскому:

— Большой вазиха, пощади парня. Духи сами накажут его.

— Твои духи подсказали мне, что негодяя надо примерно проучить.

— Мы, люди Большого острова, не любим без нужды причинять друг другу боль и страдания. И мы не мстительны. Прикажи отпустить парня.

Беньовский дал знак прекратить порку после десятого удара. В солдатских шеренгах уже слышался ропот. Многие откровенно сочувствовали Ленену и осуждали жестокость наказания. Палачи развязали жертву. Ленен поднялся со скамьи, пошатываясь. Его лицо было покрыто холодной испариной, иссечённая плетьми спина кровоточила.

— А ты держался молодцом, братец, — сказал ему поощрительно Морис Август так, чтобы слышали другие. — Из тебя ещё получится хороший солдат. Иди теперь к лекарю.

Экзекуция закончилась. Ротам было велено разойтись и заниматься своим делом. Солдаты обсуждали событие и скорее одобряли действия Беньовского, чем осуждали. Верзила Левек получил луидор из рук самого полковника и может теперь выпить кружечку доброго французского вина в лавке у араба и угостить друзей. Ленена наказали не по всей строгости, которой он заслуживал. А ведь окажись на месте этого барона другой, построже, посвирепее, мог бы приказать перепороть не один десяток голубчиков. Так-то.

На какое-то время в корпусе установилось подобие дисциплины, и жалобы со стороны малагасийцев прекратились.

Лоцман Максуд погостил некоторое время у приятеля и земляка Хамуда и возвратился в Порт-Луи на первой же шхуне, которая доставила торговцу-арабу очередную партию товаров. Среди них были напитки, ткани, разная домашняя утварь. Сопровождал товары один из компаньонов губернатора Дюма, некто Жак Роше, уже знакомый Морису Августу. С помощью прапорщика Качорека Беньовский учинил дотошный досмотр всех прибывших товаров и обложил их пошлиной в свою пользу. Роше пытался протестовать и отказывался платить, ссылаясь на то, что не имеет на сей счёт никаких указаний от господина Дюма.

— Вот указание, — резко сказал Беньовский, протягивая купцу инструкцию, подписанную королевскими министрами. — Или для тебя воля великого короля ничто?

Жак Роше, проклиная в душе этого хваткого барона, пошлину заплатил. Пришлось ему раскошелиться также и для того, чтобы получить от Беньовского разрешение на вывоз нескольких тюков с кожей крокодила, которую скупал у туземцев Хамуд.

— Передай мосье Дюма, что мы организуем охоту на крокодилов и сами будем поставлять вам кожу, — сказал Беньовский растерянному купцу.

— Но в вашей инструкции ничего не сказано о том, что наша компания обязана делать у вас покупки, — возразил Роше.

— Ваше дело, милейший. Я ведь могу снарядить корабль и отвезти кожу голландцам в Капстад. Голландцы серьёзные партнёры. А вы лишитесь прибыли.

— Я доложу об этом Дюма. Мы подумаем.

— Передай, купец, мосье Дюма, что вам я готов поставлять кожу по

дешёвке. Вы сможете перепродать её с большой выгодой. Так что ссориться нам не резон.

— Передам ваши слова губернатору.

С Жаком Роше Беньовский отослал на Маврикий три письма. Первое было адресовано жене. Морис Август писал, что безмерно скучает по своей несравненной Фредерике, расписывал ей красоты здешней природы. Кроме письма посылал ей экзотический подарок — панцирь морской черепахи. Второе письмо предназначалось господину Дюма. Беньовский не считал нужным подробно отчитываться перед губернатором Иль-де-Франса, вызывавшим у него неприязнь. Письмо содержало лишь самую общую и краткую информацию об экспедиционном корпусе и заканчивалось настоятельной просьбой доставить при первой возможности партию муки. Третье письмо, направлявшееся в Париж в адрес морского министра, было пространным. Морис Август постарался нарисовать самую внушительную и впечатляющую картину грандиозного строительства форта Сен-Луи. На месте диких джунглей возводятся казармы, госпиталь, церковь, прокладываются дороги. Строится морской причал. Для строительства привлекается туземная рабочая сила. С местным населением благодаря щедрым подаркам вождям удалось установить добрые отношения. Многие малагасийские общины приняли высокое покровительство его величества короля Людовика. Для полного закрепления французского влияния необходимы прокладка новых дорог, строительство новых фортов и, главное, сокрушение военной мощи короля Имерины, властвующего в центральной части острова. Имеринский властитель претендует на господство над всем островом и угрожает мелким монархам и независимым общинам Мадагаскара. Было бы целесообразно нанести Имерине сокрушительный удар. В этом он, Морис Август Беньовский, видит залог успеха в распространении французского влияния. Но осуществление всех этих задач требует затрат. Больших затрат! Необходимы новые значительные ассигнования на экспедицию.

Далее Беньовский отчитывался о расходах и предлагал смету новых ассигнований. Требовал денег, больших денег. Произведённые же расходы показывались явно завышенными. Так, обозначена была внушительная сумма, якобы истраченная на привлечение туземной рабочей силы, хотя фактически таких затрат не было. Малагасийцам, работавшим на стройках, ничего не платили.

Губернатор Дюма, прежде чем переслать это письмо Беньовского в Париж, искусно перлюстрировал его и несколько раз въедливо перечитал. Перечитав, пригласил к себе компаньонов и ознакомил их с содержанием

письма, адресованного морскому министру.

— Что скажете по этому поводу, господа?

— Ну и аппетит у этого полковника! — воскликнул Роше. — И какой же он мастер бахвалиться. Грандиозное строительство, дороги! Реальные результаты его деятельности куда скромнее, чем те, которые указаны в письме. И потратить такую фантастически огромную сумму, какая здесь названа, он никак не мог.

— Слышали, господа? Это говорит очевидец, — многозначительно сказал губернатор и, выдержав паузу, продолжал: — Наша война против барона только начинается. Бесспорно, перед нами отъявленный мошенник и казнокрад. Мы должны скомпрометировать его в глазах королевского правительства. Собирайте факты, дорогие коллеги.

— Факты будут, — отозвался Роше. — Надеюсь на наблюдательность нашего друга Хамуда.

— С полковником не ссорься, Жак, — ответил ему Дюма. — Плати ему пошлину, коли на то воля правительства. Обвёл вокруг пальца мошенник министра. Придёт и наш черёд возрадоваться. Снова поплывёшь с товарами на Мадагаскар и останешься там недельки на три. Познакомься поближе с офицерами, используй Хамуда. Разузнай, во что реально обходятся экспедиции строительные материалы, туземная рабочая сила. Делал ли барон какие-нибудь крупные закупки у туземцев и у араба?

— Это не трудно будет узнать.

— Вот и постарайся.

Проводив компаньонов, Дюма аккуратно заклеил вскрытое письмо, адресованное морскому министру, поправил повреждённую именную печать полковника. От себя ничего не стал писать графу де Бойну. Вот когда в его руках будут неоспоримые факты, много фактов, он непременно разоблачит этого мошенника и казнокрада барона в глазах правительства. И Дюма пожелал сам себе успеха. Да поможет ему Бог.

Глава девятнадцатая

Со скрипом, натужно, с перебоями шло строительство. Первой завершённой постройкой был храм в честь Святого Людовика, одного из средневековых королей Франции, предводителя крестоносцев. Постройка эта мало отличалась от обычных туземных хижин — лёгкий бревенчатый каркас, стены обтянуты матами из расщеплённого бамбука. Высокая кровля крыта камышом, и над ней возвышается небольшая остроконечная главка, увенчанная крестом. Скромным было и внутреннее убранство храма. Пол земляной, присыпанный песком. Плотники сработали грубые, тяжеловесные стулья для первых двух рядов. Они предназначались для офицеров. За ними поставили простые скамейки для нижних чинов. Над алтарём падре Огюст повесил распятие из орехового дерева, а перед ним поставил два небольших глиняных сосуда с белыми цветами. Вот и всё убранство.

Священник был разочарован убожеством постройки и высказал своё разочарование Беньовскому. Не в такой хижине мечтал он служить мессу. Никакого впечатляющего благолепия. Морис Август постарался обнадёжить падре.

— Не огорчайтесь, отец Огюст. Всему своё время. Будет и у нас свой роскошный каменный храм. Пригласим искусных Камнерезов, чтоб украсили фасад изваяниями святых. Окна украсим цветными витражами. Выпишем из Парижа органиста. Кстати, мои ребята нашли хорошее месторождение глины, правда, далековато. Теперь можем наладить обжиг кирпича. Какой стиль храмовой архитектуры предпочитаете, падре, готику или барокко?

— Как-то не задумывался об этом.

— А стоит задуматься.

И Беньовский пускался в необузданное фантазирование и сам почти верил в осуществимость своих фантастических прожектов.

— Форт Сен-Луи будет в недалёком будущем украшен великолепным храмом. Его остроконечные шпили высоко взметнутся над джунглями. А под его высокими сводами торжественно и гулко зазвучит орган. Каково, падре?

— Дай-то Бог. Когда вы наладите производство кирпича, барон?

— Наладим. Всему своё время.

Начинать обжиг кирпича Беньовский не спешил. Дело трудоёмкое, хлопотное. Обойдёмся пока и лёгкими бамбуковыми постройками по образцу туземных хижин.

Посетовав на убожество Божьей обители, отец Огюст стал освящать храм. Этот день Беньовский объявил праздничным, нерабочим. Священнику прислуживал Филипп, как когда-то на Маврикии прислуживал отцу Антуану, ставшему теперь каноником.

Если выдавалось свободное время и полковник в его услугах переводчика не нуждался, Филипп убегал в селение. Там ему приглянулась молоденькая смазливая малагасийка. Она приходилась какой-то родственницей старосте Ракутубе. Все жители селения считали себя его родственниками и могли объяснить степень родства. У смазливой малагасийки было длинное и труднопроизносимое имя — Рениманамуна. Почему-то многие малагасийцы предпочитают длинные имена, начинающиеся на букву «Р». Филипп, принявший христианство и отказавшийся от родного имени, называл девушку просто и коротко — Рени. Он делал ей недорогие подарки, которые приобретал у араба, и был бы не против женитьбы.

Филипп решил посоветоваться с падре Огюстом, который казался ему человеком добрым и покладистым, хотя и немного ворчливым.

— Благословлю твою женитьбу, сын мой, но с одним условием, — сказал без долгих раздумий священник. — Твоя невеста, как её...

— Её зовут Рени.

— Фи, какое бусурманское имя. Так вот... Прежде эта язычница должна принять нашу веру и получить христианское имя.

— Попытаюсь уговорить её.

— Иначе и быть не может.

Когда Филипп рассказал Рени о разговоре со священником, девушка отнеслась к его словам как-то спокойно. Наверное, так и должно быть — жена почитает богов своего мужа. Филипп узнал, что у местных малагасийцев существует традиционный обычай платить за невесту выкуп домашним скотом или ценным имуществом и делать родителям девушки предсвадебные подарки. Не раздумывая долго, он отправился к родителям Рени. Её отец, многодетный пожилой малагасиец, встретил гостя приветливо, угостил. Он был осведомлён, что этот парень, служивший у белых, частенько появляется в селении и встречается с его дочерью.

— Что тебя привело под наш кров, сынок?

— Мне нравится твоя дочь. И я хотел бы взять её в жёны.

— Рениманамуна хорошая девушка. Многие парни заглядываются на

неё.

— Я это знаю, отец.

— Она искусная рукодельница. И наверное, что-нибудь стоит, что я даю своё согласие на ваш брак...

— Я понял тебя. Десяток зебу подарить не сумею. У меня нет стада. Моим подарком может стать ружьё. Оно пригодится тебе для охоты на кабанов.

Филипп подумал, что ружьё он мог бы, пожалуй, купить в лавке у араба.

— Ружьё — это хорошо, — согласился отец девушки. — А ещё лучше было бы два ружья.

— Зачем тебе два?

— У меня подрастает сын. Сделаю из него хорошего охотника.

— Пусть будет по-твоему. Подарю тебе два ружья.

Понадеялся Филипп, что выпросит у полковника жалованье месяца за два-три вперёд и сможет тогда сделать у араба необходимую ему покупку. Полковник нуждается в его услугах и вряд ли ему откажет.

В новой церкви падре отпевал первых покойников, двух солдат. Один из них погиб от укуса ядовитой змеи, другого зашибло деревом при расчистке лесных зарослей. Усопших предали земле, проводив в последний путь ружейными залпами. На свежих могилах поставили простые деревянные кресты.

— Начало положено, — сказал Ковач, когда расходились с места погребения, вкладывая в свои слова зловещий смысл.

Беньовский ничего не ответил, но подумал, что да, конечно, рядом с этими двумя могилами появятся и другие, быть может, много могил. Далеко не все участники экспедиции вернутся во Францию. Умрут от тропических болезней, от укусов ядовитых змей, от туземных стрел.

Вслед за церковью появился лазарет — длинная барачного типа постройка с земляным полом, со стенами из расщеплённого бамбука, с такой же камышовой крышей. В помещении соорудили невысокие нары, заменяющие госпитальные койки. Привезли с фрегата тощие матрацы, которыми и накрыли их. Если же, не дай Бог, больных окажется много и матрацев на всех не хватит, придётся довольствоваться циновками. От общей палаты отделили переборками помещения для медицинского персонала, аптеку и изолятор для заразных больных.

В лазарете уже появились первые пациенты — с жёлтой лихорадкой и кровавым поносом. Человек десять. Нездоровый болотистый климат и обилие малярийных комаров способствовали распространению первой из

этих болезней. А кровавый понос, или, говоря языком медицины, дизентерия, возник от употребления сырой воды из водоёмов, кишащих бактериями.

Распоряжался здесь корпусной лекарь Синьяк, считавшийся опытным военным хирургом. Крепкий, мускулистый, с огромными кулаками-кувалдами, он внешне напоминал скорее бойца или мясника. Ему помогали два подлекаря, учившиеся прежде на медицинском факультете. Но постигать премудрости медицинской науки и слушать лекции профессоров в университете этим двум парням, как видно, надоело. Они мечтали отправиться в дальнее плавание, повидать белый свет, экзотические южные страны. А тут представилась возможность завербоваться в Экспедиционный корпус. Поскольку кое-какие крохи профессиональных знаний они всё же вынесли из университета, их определили в подлекари к доктору Синьяку. Корпусной лекарь держал своих помощников в чёрном теле, был строг и требователен с ними, заставляя выполнять обязанности санитаров и прислуги. Бывало, и покрикивал на них. И старался учить парней полезной практике госпитального врачевания: пускать кровь, делать перевязки, промывание желудка.

Беньовский посетил лазарет в сопровождении отца Огюста. Палата уже успела пропахнуть специфическими больничными запахами лекарств, потом немытых тел и ещё какой-то кислятиной. Больные встретили его настороженными угрюмыми взглядами, на вопросы отвечали неохотно. Пожелтевший, с худым, заросшим щетиной лицом солдат бился в приступе лихорадки и тяжело стонал. Его сосед, только что перенёсший приступ, бросил Беньовскому слова, злые, колючие:

— Пришли, ваша милость... полюбоваться на нас, значит. Завезли нас в это проклятое место, гнилое болото. На прокорм комарью, всякой нечисти. Передохнем все...

Больной умолк. Говорить ему было трудно.

— На всё Божья воля, дети мои, — елейно произнёс отец Огюст и перекрестился.

— На Божью волю легко дурные дела сваливать, — прохрипел тот же солдат.

— Понимаю ваше отчаяние. Болезнь — не радость, — сочувственно сказал Беньовский. — Распоряжусь, чтобы улучшили ваше питание. Самых тяжёлых больных отправим на Маврикий. Там хороший старый госпиталь, здоровый климат. Да и доктор Синьяк сделает для вас всё возможное. Крепитесь, братцы.

Больной, бросивший Морису Августу злые упрёки, теперь

помалкивал. Полковник вселил всё же какую-то надежду на добрый исход.

Беньовский с Синьяком вышли из помещения. Священник остался в палате с больными.

— Большое опасение внушают больные жёлтой лихорадкой, — сказал лекарь Беньовскому. — С кровавым поносом как-нибудь справимся. А вот лихорадка... Мы плохо представляем, как она, проклятая, протекает в тропических условиях. Наши лекарства малоэффективны.

— Придумайте что-нибудь, доктор. Вы же опытный эскулап.

— Не буду возражать насчёт опыта. Но впервые в моей практике такой случай. Согласен с вами, полковник, самых тяжёлых больных надо отправить на Маврикий.

— Сколько таких?

— Пятеро.

— При первой возможности отправим.

— Вот и хорошо. А место мы выбрали действительно гиблое. Кругом гнилые болота.

— Я уже думал об этом и нашёл выход.

— Какой же?

— Будем строить второй форт на некотором отдалении от Сен-Луи. Выберем здоровую возвышенную местность. И разделим корпус на два равных по численности гарнизона, чтобы они могли периодически сменять друг друга.

— Но это полумера, полковник. Вы же не решитесь снять гарнизон из Сен-Луи?

— Ни в коем случае. В Сен-Луи гарнизон необходим, чтобы контролировать морское побережье и устье Большой реки.

— Значит, будут новые жертвы жёлтой лихорадки?

— Будут и новые жертвы, и новые свежие могилы. Такая грандиозная экспедиция не обходится без издержек. Кому-то суждено отдать жизнь во славу Франции и короля Людовика.

— Что же нам делать?

— Вам — лечить. Падре Огюсту — молиться за живых и мёртвых. Мне — торопиться со строительством нового форта.

Филипп выбрал подходящий момент, чтобы обратиться к Морису Августу со своим личным. Был молодой малагасиец человеком смышлёным, хитроватым и наблюдательным. К тому же он неплохо освоил французский язык. Постоянно общаясь с полковником и присматриваясь к нему, он подметил главные его черты характера — непомерное честолюбие и властолюбие, склонность к бахвальству, стремление произвести

впечатление на собеседника. И, что греха таить, в чём-то Филипп стал подражать начальнику.

Так, беседуя с отцом Рени, он похвастался, что служит помощником у большого вазихи. Большой вазиха пользуется его советами и ценит его. Такой жених достоин хорошей девушки.

Беньовскому, который в эту минуту был в хорошем настроении, Филипп без утайки рассказал, что встретил в селении красивую девушку и хотел бы на ней жениться.

— Кто её родители? — поинтересовался Морис Август.

— Близкие родственники старосты Ракутубе. Отец — большой человек в деревне, — соврал малагасиец. На самом же деле речь могла идти о родстве дальнем, и никаким особым влиянием родитель Рени среди односельчан не пользовался. Беньовский понял, что Филипп малость прихвастнул.

— Так в чём же дело? Женись на здоровье.

— Есть одно затруднение. По нашим обычаям я должен сделать отцу невесты дорогой подарок. Он хотел бы получить от меня два ружья.

— Два ружья? Зачем они ему?

— Охотиться. Я мог бы купить их у араба. Я скопил немного денег. Но их мало на такую покупку. Не сможет ли мой господин помочь мне и выдать жалованье за два месяца вперёд?

— И тогда ты бы смог купить у Хамуда ружья?

— Тогда смог бы.

Беньовский не сразу среагировал на просьбу малагасийца и принял решение. Филипп, конечно, расчётливый хитрец. Его женитьба на малагасийке из селения была бы полезна не только для самого парня, но и для него, Мориса Августа, — упрочила бы его связи с туземцами. А Филиппа можно было бы сделать верным своим псом. Пусть он почувствует себя в неоплатном долгу перед командиром экспедиционного корпуса и в нужный момент окажет услугу. Какую услугу может оказать ему Филипп, Морис Август сам пока смутно представлял. Но поймать в сети смышлёного парня было заманчиво. Авось пригодится свой человек среди туземцев.

— А зачем тебе покупать ружья у Хамуда? — сказал Беньовский после некоторых раздумий.

— Но без этого не состоится свадьба.

— Обязательно состоится, Филипп. Ты получишь ружья от меня в подарок за усердную службу.

— Не знаю, как и благодарить вас, мой господин.

— Когда-нибудь отблагодаришь.

Морис Август крикнул денщика Андреянова.

— Иди, братец, в роту и забери там ружья, которые принадлежали тем двум солдатам, которых мы похоронили на днях. И вычистишь до зеркального блеска. Понятно тебе?

— Так точно, понятно.

Накануне свадьбы отец Опост окрестил Рени. Её нарекли именем Анна Мария. На крестины пришли не только офицеры и свободные от работы солдаты корпуса, но и многочисленные деревенские родственники и родственницы невесты. Священник милостиво разрешил им войти в храм. Пусть войдут и приобщатся к Божьей благодати, став свидетелями крещения. Быть может, кто-нибудь из этих неразумных детей природы наберётся разума, узрев свою соотечественницу в благодати.

и со временем тоже войдёт в лоно святой церкви. Так рассуждал падре.

Маленькая церковь оказалась переполненной. Отец Огюст был в приподнятом настроении. Первая в его практике малагасийка принимала веру Христову и становилась его прихожанкой. Священник произносил проникновенную речь, которую Филипп должен был переводить Рени, ставшей теперь Анной Марией. В роли крестного отца вызвался выступить сам Морис Август. После крестин состоялось венчание. Беньовский поздравил молодых, расцеловал избранницу Филиппа и подарил ей серебряный браслет арабской работы.

Свадебные торжества, проходившие по малагасийским обычаям, были многолюдными и продолжительными. В них участвовало всё деревенское население, и ещё пришло немало гостей из соседних деревень. Перед домом родителей Анны Марии соорудили из бамбука помост, украшенный гирляндами цветов. На нём разместились молодожёны, ближайшие родственники молодой и наиболее почётные гости. Среди них Беньовский и староста. Остальные гости расположились внизу, на циновках, разостланных на земле. Когда Филипп и Анна Мария направились к помосту, их окружила толпа молодёжи, выкрикивая приветствия и посыпая виновников торжества лепестками белых цветов.

Началось пиршество. Перед гостями разложили обильную еду, поставили сосуды с напитками. В стороне на кострах жарились куски мяса зебу, нанизанные на вертела. Молодые певцы и танцовщицы занимали гостей песнями и танцами под ритмичные удары гонгов и барабанов. Их выступления сменялись состязаниями борцов и лучников.

К концу продолжительного застолья Беньовский почувствовал усталость, заметив, что и Ракутубе утомлён и прикрывает ладонью

зевающий рот. Не сговариваясь, оба спустились с помоста. Староста пригласил Мориса Августа к себе на веранду хижины. Они обменялись впечатлениями о свадьбе. Беньовский похвалил красоту невесты. Он был теперь без переводчика и не всё понимал, что говорил ему староста. Кажется, Ракутубе выразил удовлетворение, что свадьба получилась хорошей. На другом конце деревни не смолкали выкрики толпы и грохот барабанов и гонгов.

Внимание Мориса Августа привлекла небольшая дощечка красного дерева, прибитая над входом в дом. Она была старой, потемневшей, в трещинках. На ней был выцарапан ножом или резцом какой-то узор или рисунок.

— Что это означает? — спросил Беньовский старосту, указывая на дощечку.

— Мне досталась эта вещь от деда, а ему от его деда, — ответил Ракутубе и, встав с плетёного кресла, постоял перед дощечкой в благоговейном молчании, а затем поклонился ей, словно иконе.

— Видишь, в верхней части дощечки круг. Это солнце. А под ним зверёк, бабакота, которого мы почитаем. Символ наших предков. Точно такое изображение было вырезано на круглой серебряной бляхе. Её носил на груди, на длинной цепочке, великий вождь Ампансакабе.

Староста дополнил свои слова выразительными жестами, чтобы гость мог его понять, — вот такая большая бляха, круглая, на цепочке.

— Ампансакабе, ты говоришь? Филипп что-то рассказывал о нём.

— Какой же малагасиец не знает этого славного имени! Это был могущественный правитель всего восточного побережья. Однажды он посетил дом моего предка и оставил ему на память эту дощечку.

— Любопытно. Ты не позволишь мне, Ракутубе, срисовать для себя это изображение?

— Зачем же срисовывать? Я подарю тебе дощечку. Не эту, старую, а другую, копию. Этой моя семья дорожит.

Староста удалился в недра дома и через некоторое время принёс дощечку, совсем не потемневшую и без трещинок.

— Видишь, на ней точно такой же рисунок. Сам вырезал, когда был помоложе. Тогда я любил резать по дереву.

— Спасибо, Ракутубе. А давно ли жил этот вождь и какова оказалась его судьба?

— Дед моего деда ещё помнил Ампансакабе. Великому вождю пришлось столкнуться с силами короля Имерины. Начались усобицы на востоке острова. Королевство распалось и перестало существовать.

Великий вождь в этой борьбе потерпел поражение. Ты спрашиваешь, какова его конечная судьба. А кто его знает? Одни говорят, что он был убит в сражении. Другие утверждают, что Ампансакабе был вынужден покинуть остров, когда растерял своих сторонников.

— После него остались потомки?

— Только молодой внук. А сыновья погибли в схватках с врагом. Внук же со своей маленькой дочкой бежал на арабской шхуне. В ту пору сюда приходили торговцы-арабы. Если эта девочка выжила, она могла выйти замуж за богатого араба.

— Она осталась жива.

— Откуда тебе это известно?

— Мне многое известно. Она осталась жива и вышла замуж. Только не за богатого араба, а за белого европейца, вазиха, как вы нас называете. И уехала с ним в Европу и нарожала ему детей.

— Чем ты подтвердишь свои слова? — с сомнением сказал староста. Он не очень поверил Беньовскому.

— Подтвержу, когда придёт время. Ты мне поверишь, если я тебе покажу большую серебряную бляху, потемневшую от времени, с изображением солнца и бабакоты? Бляха осталась у внука великого вождя, бежавшего на арабской шхуне. Умирая, он передал семейную реликвию дочери.

— Бляха у тебя?

— Она у одного из потомков великого вождя. Когда-нибудь я покажу её тебе.

Староста ничего не ответил, а только с удивлением разглядывал Мориса Августа. А вдруг он не врёт? Вдруг в этого вазиха вселился могущественный дух и поэтому этот белый человек всё знает? Знает, например, что где-то на земле живёт потомок великого вождя Ампансакабе, владевшего в далёкие времена всем восточным Мадагаскаром.

Дерзкие мысли рождались в авантюристической голове Беньовского. Не использовать ли с выгодой для себя эту занятную историю великого вождя Ампансакабе? Его правнучка, если она выжила и достигла зрелого возраста, могла выйти замуж за какого-нибудь европейца, повстречавшегося ей на Маврикии или индийском берегу. Почему бы европейцу, заброшенному волею судьбы в район Индийского океана, не плениться молоденькой смуглой малагасийкой и не стать вместе с ней обладателем семейной реликвии неудачливого правителя восточного Мадагаскара? Той самой серебряной бляхи с изображением солнца и почитаемого зверька бабакоты.

Почему бы не внушить этим простодушным жителям болотистых равнин, что сын правнучки великого вождя не кто иной, как он, носящий сейчас имя барона де Бенёв или Беньовского, находящийся на службе у французского короля. Мать его, малагасийская принцесса, давно умерла. Он совсем плохо её помнит и мало что может о ней сказать. Но фамильная эмблема — серебряный медальон на цепочке, удостоверяющий его царственное происхождение, — сохранилась. А прямой потомок властителя обширной территории вправе выступать в роли наследника великого вождя. Гениальный план, хотя и слишком дерзкий! Ради него стоит рискнуть и подурачить доверчивых и простодушных малагасийцев.

Возвращаясь домой, Беньовский, довольный пришедшей ему на ум авантюрной идеей, насвистывал мотив весёлой венгерской песенки. Некоторые трансильванские венгры невысоки ростом, коренасты и чернявы, смахивают на цыган. Он, Морис Август, вполне сойдёт за метиса, полукровку, сына европейца и малагасийки. Изготовить для него серебряный медальон с нужным изображением сумеет любой, даже не слишком искусный арабский или индийский чеканщик. Тут и Филиппу представится возможность оказать ему, Беньовскому, ответную услугу. Хитрый малагасиец, знающий своих соплеменников, станет втолковывать им родословную Мориса Августа, легендарную, конечно. Переводчик предстанет перед ними как человек, пользующийся беспредельным доверием царственного потомка, знаток его фамильных секретов. И наступит наконец подходящий момент. Соберутся малагасийские вожди, узрят реликвию великого вождя, большую круглую бляху с изображением солнца и бабакоты на груди его, Беньовского, и признают его потомком и наследником Ампансакабе, назовут своим властителем с труднопроизносимым и длинным именем и титулом. Он станет королём, нет — императором Мадагаскара.

Подобно азартному игроку, Морис Август в мечтах всё больше увлекался авантюристическими планами. Пока он держал их в строжайшей тайне и не делился ни с Ковачем, с которым был ближе, чем с другими, ни с остальными офицерами. Раскрывать перед ними все карты было бы преждевременно.

Анна Мария осталась жить в доме родителей, так как в Сен-Луи отдельного жилища для молодожёнов пока не нашлось. Филиппа Беньовский время от времени отпускал на побывку к жене. Сам же Морис Август обитал в палатке, разбитой рядом с хижиной Хамуда. В соседней палатке размещалась личная охрана полковника и его денщик Андреянов.

В ближайшие дни умерли от жёлтой лихорадки ещё двое. В лазарете

прибавилось больных. Лекарь Синьяк постоянно напоминал Беньовскому о неотложной необходимости направить на Маврикий всех тех больных, кто находится в наиболее тяжёлом состоянии. В конце концов полковник велел командиру фрегата приготовиться к выходу в море. Тяжелобольных принесли к пирсу на носилках — сами они уже не могли проделать путь от лазарета до побережья. Там их погрузили в шлюпки.

Отношения между командой фрегата и экспедиционным корпусом Беньовского складывались сложно. Экипаж корабля представлял собой более или менее дисциплинированную единицу. Капитан умело уклонялся от использования матросов на разных строительных работах на берегу. Всегда находились неотложные дела на фрегате — текущий ремонт, починка парусов, ученья. Беньовский не хотел обострения отношений с командиром корабля, человеком немолодым и опытным морским волком, и терпел его непокладистость. Единственное, чего он добился от капитана, это участия матросов в рыбной ловле и высылки шлюпок с гребцами по мере надобности.

Многие солдаты корпуса относились к матросам враждебно, неприязненно, считая их белой костью, привилегированной кастой, бездельниками. Члены экипажа держались как знающие себе цену профессионалы и смотрели на солдат корпуса, на этот сброд случайных бродяг, со снисходительным презрением. Нередко вспыхивали между ними драки, требовавшие вмешательства офицеров. Беньовский понимал, что для пользы дела и оздоровления обстановки команду фрегата следовало бы чаще посылать в плавание с разведывательными и исследовательскими целями, для изучения восточного побережья острова.

Отправляя фрегат в недалёкое плавание, в Порт-Луи на Маврикии, Беньовский надеялся получить почту из Парижа, ответ из морского министерства на свой отчёт и предложения о дополнительных ассигнованиях. Он написал новое письмо министру графу де Бойну. Снова докладывал об успехах своей строительной деятельности. Возведены церковь и лазарет. Завершается строительство казарм и пирса. Прокладываются широкие удобные дороги. В ближайшее время корпус проведёт ряд крупных военных походов против непокорных малагасийских общин, которые враждебно относятся к французам и их туземным друзьям. Активная политика на Мадагаскаре требует денег, новых крупных ассигнований. И вновь Беньовский приводил смету, называл фантастически огромные потребные суммы. И ещё предлагал увеличить численность корпуса хотя бы вдвое.

Плавание «Орлеана» было непродолжительным. Капитан фрегата

ничем порадовать Беньовского не смог. Писем в его адрес из Парижа не было. Морское министерство пока отмалчивалось. Губернатор Дюма встретил капитана корабля неприветливо, поворчал, что небольшой госпиталь в Порт-Луи переполнен. Всё же приказал тяжелобольных с фрегата принять, но попросил передать командиру корпуса, что новых пациентов на Маврикии разместить будет негде.

— Не нравится мне этот Дюма, — раздражённо буркнул Беньовский и справился насчёт жены. Фредерика благодарила мужа за очередные подарки. Жаловалась, что губернатор и его ближайшее окружение проявляют к ней явное недружелюбие. С семьёй мосье Дюма сблизиться никак не удалось. На её визит к жене губернатора ответного визита не последовало. Более приветливыми и любезными оказались офицеры гарнизона, несколько приятных молодых людей. Командует гарнизоном капитан Потье. Он позаботился о её развлечении и устроил ей верховую прогулку на сахарные плантации. О, пусть дорогой Морис не беспокоится за неё! Потье добропорядочный семьянин. У него очень милая жена.

Об этом Фредерика написала мужу в небольшом письме. Всё же письмо это неприятно задело его мужское самолюбие. Он подумал с раздражением: развлекается без него проклятая баба. А этот Потье, как видно, не промах.

Беньовский решил теперь направить фрегат «Орлеан», усилив его экипаж взводом солдат, к югу от устья Большой реки. Там предполагалось устроить артиллерийские учения с высадкой десанта. Корабельная артиллерия откроет огонь по условным целям, стараясь наделать побольше шума и грохота.

Целью этой демонстрации сил было припугнуть жителей местных деревень, которые в своё время предпринимали враждебные действия против общины Ракутубе, и склонить их к примирению и принятию покровительства французского короля.

Старшему Вердье Морис Август поручил обследовать с помощью проводника-малагасийца дальние окрестности Сен-Луи с тем, чтобы выбрать подходящее место, сухое и здоровое, для закладки второго форта. Он пока условно назывался «Новым фортом». Беньовский мечтал построить там свою укреплённую резиденцию, куда не стыдно было бы привезти Фредерику. Планировал возвести там казарму, торговую факторию, а форт окружить надёжным земляным валом. Туда же он рассчитывал переместить батарею полевых пушек, которая могла пригодиться в случае нападения имеринцев.

Но планы эти пришлось отложить на неопределённое время. Началась

полоса тропических дождей. На землю обрушилась плотная завеса дождя, сквозь которую ничего нельзя было разглядеть и в нескольких шагах. Попадёшь в такой ливень моментально промокнешь до нитки. Болота набухли и превратились в озера, ручьи становились многоводными реками: Однажды из разлившегося болота, подступившего к дому священника, выполз на берег средних размеров крокодил. Его учуяли собаки Хамуда. На их яростный лай высунулся из дома араб и, заметив чудовище, призвал на помощь солдат. Те выстрелами спугнули страшную тварь.

Обычно тропические ливни не бывали продолжительными. Дождь так же внезапно прекращался, как и начинался. Влажная жара становилась невыносимой. Воздух насыщался горячими удушливыми испарениями. Становилось трудно дышать. Дороги превращались в месиво раскисшей грязи и становились абсолютно непроходимыми. Все работы застопорились. Солдаты отсиживались по палаткам или под крышами недостроенных казарм. Филипп не был в обиде на дождливую погоду и проводил время у молодой жены.

Но период ливней кончился. Раскисшие дороги быстро подсыхали. Уровень воды в водоёмах спадал. Крокодилы больше не появлялись у самых строений форта.

Старший Вердье с проводником и небольшой командой солдат отправился на поиски здорового и сухого места для строительства Нового форта. Сам Беньовский уже собрался было отплыть на фрегате в южном направлении, чтобы припугнуть тамошних малагасийцев, но непредвиденное событие изменило его планы.

Солдаты, завершавшие строительство пирса, заметили в океане парус и силуэт довольно большого корабля, направлявшегося к берегу. По своим очертаниям он никак не походил на знакомые типы европейских военных или торговых судов. Спешно доложили о приближении странного судна Беньовскому. Вооружившись подзорной трубой, Морис Август поспешил к берегу. За ним устремился Хамуд, предполагавший, что это плывёт кто-нибудь из его знакомых купцов, индийских или арабских. Если бы это были пираты, то они, заметив на рейде вооружённый фрегат, не рискнули бы подходить к берегу.

Когда судно, похожее на большую шхуну, уже находилось близко от берега, араб уверенно сказал:

— Это плывёт Валид. Очень богатый купец. Знаю его.

— Чем торгует твой Валид? — спросил у него Беньовский.

— Всем. Он может продать вам новую шхуну, прекрасных арабских коней или партию фиников, но предпочитает торговать ювелирными

изделиями. Их охотно раскупают и в Гоа, и в Капстаде, и даже в далёкой Малакке. На Валида трудятся первоклассные ювелиры.

— Это хорошо, — задумчиво сказал Беньовский, вглядываясь в силуэт приближающегося корабля.

Вот он бросил якорь и от судна отделилась лодка с гребцами и несколькими пассажирами. Пока она шла к недостроенному пирсу, Хамуд успел многое сообщить Беньовскому. Валид — известный в странах Индийского океана купец. Родом он из южной Аравии и плавает под турецким флагом. Считает себя подданным султана, хотя никакой реальной власти Османской империи над югом и центральными районами Аравийского полуострова нет. Здесь власть принадлежит местным арабским шейхам. Судно Валида неплохо вооружено пушками. Говорят, оно выдержало не один успешный бой с пиратами в Мозамбикском проливе.

— Как ты думаешь, Хамуд, решились бы пираты пожаловать к нам?

— Вряд ли. С хорошо вооружёнными европейцами они предпочитают не связываться. Чаще нападают на одинокие индийские и арабские купеческие корабли. Говорят, с пиратами связаны португальские власти Мозамбика и занзибарские арабы. Так ли это — достоверно не знаю.

Лодка достигла пирса. Первым из неё выпрыгнул рослый красивый араб или турок в красной феске и красной же бархатной жилетке, надетой на бронзовое от загара мускулистое тело.

— Это и есть Валид? — спросил Беньовский. — Скорее похож на пирата.

— Нет, это шкипер шхуны. А Валид вон тот толстяк, что сидит в лодке.

Человек в феске протянул Валиду руку и помог ему подняться на пирс. Был приезжий купец рыжебород, коротколап и дороден. Одежду его составляли полосатый шёлковый халат, подпоясанный кушаком, шаровары и остроносые сафьяновые сапожки. На голове была такая же, как у шкипера, турецкая феска с кистью. Вслед за ним проворно вскочил на пирс молодой стройный парень, как потом оказалось, сын и помощник купца. Валид, несмотря на свою кажущуюся неуклюжесть, легко понёс своё тучное тело по пирсу и вступил на берег. Приветливо поздоровался с Хамудом.

— А это что за люди? — спросил недоверчиво приезжий купец, указывая на Беньовского и его спутников.

— Подданные короля Франции Людовика, — ответил за Хамуда Беньовский, догадавшийся, о чём спрашивает Валид. — Переведи ему.

Хамуд перевёл на арабский.

— И ещё скажи ему. Я, полковник де Бенёв, представляю на острове французскую власть и контролирую его внешнюю торговлю. Если уважаемому Валиду угодно здесь торговать, он должен уплатить мне пошлину.

Хамуд перевёл и это. Валид выслушал его бесстрастно и так же бесстрастно ответил:

— Я привёз кое-какую мелочь для моего друга Хамуда. Пусть господин оценит её и назовёт мне сумму пошлины. Если мне это будет не в убыток, господин получит пошлину сполна. Если мы не договоримся, на мои товары найдутся покупатели в Мозамбике и в Капстаде. Тамошние купцы хорошо знают старого Валида.

— Хотел бы иметь с тобой деловой разговор, и не по поводу той мелочи, которую ты привёз для Хамуда.

— Люблю деловые разговоры.

— Тогда пойдём, Валид. Будешь моим гостем.

Дородный купец шагал довольно бодро. За ним устремилась его свита. В палатке, где размещался Беньовский, расстелили по случаю приёма гостей ковёр, накрыли стол. Морис Август хотел ограничить общество Валидом и Хамудом, нужным в качестве переводчика. Но приезжий купец настоял на том, чтобы за стол сел и его сын.

— Мой помощник и моя правая рука. Как без него?

Андреянов принёс на подносе бургундское вино и печёные бананы с орешками. На кухне готовилась индейка с рисом.

— Что же господин хочет от Валида? — первым заговорил за столом купец.

— Я хотел бы купить у тебя четырёх чистокровных арабских коней.

— Будут у тебя кони лучшей арабской породы. Но это будет стоить...

Араб назвал внушительную сумму.

— Дорого просишь, купец.

— Я повезу коней из Аравии. Долгий путь. Коней надо кормить отборным кормом.

— Я согласен, Валид. Но при одном условии — если ты мне продашь за ту же сумму не четырёх, а пятерых коней.

— Ах, господин... Ты хочешь разорить Валида.

Поторговались. Валид всё же согласился с условием Беньовского.

— Ты пригласил меня не только для того, чтобы купить у меня арабских коней? — спросил испытующе гость.

— Ты проницателен, Валид. Ещё мне нужно роскошное женское

украшение из золота с драгоценными камнями. У нас оно называется колье.

— О, колье... Я знаю, что это такое. Золотая узорчатая пластинка, украшенная шлифованными алмазами. Она носится на груди. Такие изделия моих мастеров носят королевы и самые богатые женщины Европы.

— Я хочу, Валид, чтобы колье, изготовленное твоими мастерами, носила и моя жена.

— Ты подумал, сколько тебе будет стоить такая безделушка?

— Подумал. Дорого, очень дорого. Я сумею расплатиться с тобой, купец. Я не беден.

— Будет тебе колье для твоей жены. Чего бы ещё ту хотел от Валида?

— Ещё одно женское украшение. Ещё более дорогое и прекрасное. Учти, купец, это будет мой подарок первой женщине Франции, которой я многим обязан.

— Королеве?

— Больше, чем королеве.

Беньовский имел в виду мадам Дюбарри. Воспоминание о ней вызвало у Мориса Августа лёгкое трепетное волнение. Вспомнилась великолепная мраморная статуя работы замечательного скульптора в её парижском дворце — Мария Жанна в образе античной богини Дианы. Красавица Дюбарри, бедная модистка, ставшая королевской фавориткой, вознесённая волей судьбы столь высоко. Её гармоничное стройное тело, воплощённое в мраморе, казалось самим совершенством женской красоты. Неужели всесильная Дюбарри, от которой зависели назначения министров, позировала скульптору обнажённой?

Морис Август возмечтал сохранить расположение первой дамы Франции с помощью подарка королевской щедрости. Ведь мадам Дюбарри легко сможет повлиять на его дальнейшую карьеру, на производство его в генералы. Был бы достойный подарок, а переслать его в Париж с надёжной оказией он сумеет. Можно и командировать специально для этой цели нарочного, одного из своих офицеров.

— Будет у тебя такое украшение, мой вазир, — сказал после некоторого раздумья Валид.

— Да не вазир я, а полковник.

— Мы привыкли называть вазиром очень большого и богатого человека. Из уважения.

«Вазир так вазир», — подумал Беньовский. Теперь надо было бы поговорить с этим арабским купцом о главном, ради чего он, собственно говоря, и пригласил Валида в гости-. Но не хотелось говорить при нежелательном свидетеле, Хамуде, который был своим человеком для

компании Дюма. Заподозрив Беньовского в честолюбивых намерениях, Хамуд мог раскрыть его секреты перед одним из компаньонов губернатора, перед тем же Роше. А с Дюма и его окружением отношения Мориса Августа оставались натянутыми, от них можно было всегда ожидать подвохов и пакостей. И Беньовский твёрдо решил удалить Хамуда из палатки под каким-либо благовидным предлогом. Стараясь говорить вежливо, просительно, Морис Август обратился к нему:

— Хамуд, голубчик... Ты не возражаешь, если мы все отведаем индейку на свежем воздухе, на твоей веранде?

— Какие могут быть возражения, полковник!

— Спасибо тебе, Хамуд. Тогда распорядись на правах хозяина. И пусть шкипера угостят.

Как только Хамуд удалился, Беньовский стал выяснять, владеют ли Валид и его сын какими-нибудь языками кроме арабского. Попытался было заговорить с ними по-малагасийски, но купец отрицательно покачал головой. Всё разрешилось просто. Валид заговорил по-французски, хотя и с чудовищным акцентом, путая окончания слов. Оказалось, что в прежние годы он держал торговый дом в Пондишери, французском владении на восточном побережье Индии, и там постоянно общался с партнёрами-французами.

— Я не сказал тебе о главном, — начал Беньовский.

— Слушаю тебя, вазир.

— Могут ли твои ювелиры изготовить большой серебряный медальон и выгравировать на нём несложный рисунок?

— Мои ювелиры всё могут. Покажи рисунок.

Беньовский отомкнул сундук, в котором хранил деньги и наиболее ценные вещи, и извлёк ту самую дощечку, которая досталась ему от старосты Ракутубе.

— Вот тебе и рисунок.

Валид взглянул на дощечку и недовольно поморщился.

— Обижаешь. Разве это работа? Мои искусные мастера могли бы сделать сложную чеканку, растительный орнамент с причудливым переплетением цветов и листьев. А это детский рисунок. Его нацарапает тебе любой начинающий подмастерье.

— Пойми, Валид... Для меня очень важно иметь медальон. Именно с этим рисунком. Это будет копия старой семейной реликвии, которая оказалась утерянной.

— Но я вижу на дощечке изображение какого-то животного. Аллаху не угодно, чтобы мы изображали человека или всякую животную тварь. Не

хочешь, чтобы мои мастера изобразили красивые цветы?

— Не надо мне твоих красивых цветов. Рисунок на медальоне должен быть точно таким, как на дощечке. Выполнишь мой заказ, можешь в течение года беспошлинно торговать на всём восточном побережье Мадагаскара.

— Я сделаю тебе то, что ты просишь. Да простит Аллах мои прегрешения, — молитвенно произнёс Валид и передал дощечку сыну. Тот спрятал её за пазуху.

— И ещё прошу тебя... — продолжал Беньовский. — Медальон должен выглядеть старым, потемневшим. Как будто ему добрая сотня лет.

— Мои ювелиры знают все секреты ремесла.

— И сколько будет стоить такая работа?

— За эту безделушку я с тебя много не возьму. Работа-то пустяковая.

— Рад, Валид, что мы поняли друг друга.

После сытной еды гость пожелал вздремнуть у Хамуда. В его хижине имелось специальное помещение для приезжих гостей. Здесь обычно останавливались компаньоны мосье Дюма. Широкую кровать прикрывал полог из тонкой прозрачной ткани, спасавшей от назойливых москитов.

— Я, пожалуй, останусь у тебя, друг Хамуд, до утра, — сказал он хозяину. — Завтра потолкуем с тобой о наших торговых делах.

Сыну он отдал распоряжение отправляться на шхуну, а утром прибыть с заветным ларцом, который был спрятан в хозяйской каюте в сундуке под надёжным замком. В ларце хранились разные драгоценности. Пусть белый вазир сам выберет по вкусу ценные украшения для своих женщин.

— Готовь деньги, большие деньги! — сказал он Беньовскому и попросил Хамуда принести ему кальян с ароматным турецким табаком.

Встреча с богатым арабским купцом изменила первоначальное намерение Мориса Августа отбыть на фрегате для устрашающей операции. Он перепоручил эту миссию капитану Ковачу, напутствовал его, и ранним утром «Орлеан» поднял паруса.

Солнце уже поднялось над океаном, когда прибыл в сопровождении двух рослых арабов-охранников, вооружённых кривыми саблями и пистолетами, сын Валида. В руках он держал ларец кипарисового дерева.

В палатке Беньовского Валид высыпал на стол содержимое ларца: жемчужные и коралловые ожерелья, массивные браслеты, покрытые узорчатым орнаментом, перстни с рубинами и изумрудами, серьги с причудливыми подвесками и многое другое. Самыми ценными и впечатляющими вещицами среди всех этих драгоценностей оказались два золотых ажурных колье с бриллиантами и тяжёлая узорчатая диадема, в

центре которой сверкал довольно крупный шлифованный алмаз, а вокруг симметрично располагались другие камни, поменьше.

— Беру вот это колье и диадему, — сказал Беньовский и подумал, что его Фредерика, дочь средней руки провинциального помещика, могла бы быть довольна и более скромным подарком. Ну да пусть знает, чья она жена. Сверкающую драгоценными камнями диадему он взял в руку и с восхищением стал разглядывать, ощущая её тяжесть. Эту прелестную вещицу будет носить на своей головке ослепительная красавица фаворитка. Ему вспомнились тонкие черты лица Марии Жанны Дюбарри, аромат её дорогих духов.

За драгоценности Беньовский расплатился с Валидом сполна, не торгуясь. Пришлось вынуть из сундука два увесистых кожаных мешочка, набитых серебряными монетами, французскими ливрами, голландскими флоринами, испанскими и турецкими пиастрами. Дорого обошлись ему покупки, но Морис Август знал, что здешняя цена ювелирных драгоценностей не шла ни в какое сравнение с ценами европейскими. В Европе за такие вещицы платили втридорога. Беньовский не особенно сокрушался, что его личная казна заметно поубавилась. При известной изворотливости и сноровке он скоро её восполнит. В очередном отчёте морскому министру о расходах он укажет, что потратил такую-то сумму на пропитание туземной рабочей силы, которой в действительности никто ничего не платил. Укажет завышенные суммы, израсходованные на подарки вождям. Можно и подзадержать выплату жалованья солдатам под каким-либо благовидным предлогом. Корпусной казначей, который ведёт всю бухгалтерию, человек покладистый и на злоупотребления полковника смотрит сквозь пальцы. За это Беньовский выплачивает ему изрядную прибавку к жалованью.

Расставался Беньовский с Валидом сердечно, дружески. Побывал по его приглашению на шхуне и отведал там жирной наперченной баранины с рисом. Купец заботился об удобствах и сытной еде даже во время плаваний и держал в трюме шхуны живых баранов.

Вернулся на фрегате Ковач и доложил полковнику о результатах плавания. Яростная артиллерийская стрельба по кромке прибрежных зарослей переполошила местных жителей. Высадившийся десант углубился по лесным тропам в середину острова и встретил там три покинутые деревни. Их обитатели, охваченные паническим страхом, разбежались, укрываясь в джунглях. Солдаты малость пограбили брошенные дома. К исходу второго дня в деревни возвратились некоторые старики и взрослые мужчины, кто посмелее. Солдаты собрали нескольких

малагасийцев и привели к Ковачу. Капитан через переводчика Филиппа стал втолковывать им, что он и его люди пришли сюда как гости. А гостей бояться не следует. Пусть все жители деревень возвращаются в свои жилища. Никто их не тронет. Пусть они также разыщут своего старосту и передадут ему и его старейшинам приглашение посетить корабль в качестве почётных гостей. Их ждут подарки.

Староста, щуплый малорослый человек неопределённого возраста, прибыл на «Орлеан», сопровождаемый четырьмя старейшинами. Держались они пугливо, настороженно. Даже подарки и вино не сделали их слишком оживлёнными и словоохотливыми. Переговоры шли нудно, вяло. Староста никак не мог понять — чего от него хочет вазиха с большого корабля. А Ковач требовал ни много ни мало — отдаться под покровительство короля Людовика, помириться со старостой Ракутубе и дать обещание воздерживаться от всяких недружелюбных действий против соседей и ещё послать полсотни крепких мужчин на строительные работы.

Ковачу приходилось терпеливо разъяснять пункт за пунктом смысл своих требований. Невзрачный староста перебивал его и задавал неуместные вопросы:

— А кто такой король Людовик?

— Разве ему мало дел в своей стране?

— Почему община должна посылать людей на какие-то там работы, когда наступило время высаживать рисовую рассаду?

Ковач, человек характера жёсткого, сменил тон разговора.

— Запомните, Ракутубе наш большой друг. Враги наших друзей — наши враги. С врагами мы поступаем сурово.

По знаку Ковача бомбардиры дали залп холостыми зарядами из трёх бортовых орудий. Малагасийцы в страхе вскочили со своих мест. Один из старейшин зашептал слова заклинания, обращённого к духам-защитникам.

— Не пугайтесь, гости, — успокоил их Ковач. — Это наши матросы учатся стрелять.

Ковач добился своего. Староста согласился принять покровительство короля Людовика и помириться с Ракутубе и жить с ним в мире. Лишь упёрся в посылке на строительство рабочей силы. Сошлись на компромиссе. Староста пошлёт не полсотни, а два десятка человек. Капитан порекомендовал старосте послать к Ракутубе примирительную миссию с подарками. Пусть её возглавит один из старейшин. Эта рекомендация не встретила отказа. Ковач добился согласия старосты на открытие в его главной деревне отделения французской торговой фактории. Это была уже его собственная инициатива. Её приказчиком мог бы стать

старший сын Хамуда. Отец уже поручал ему самостоятельные поездки по торговым делам.

Беньовский остался доволен результатами рейда фрегата и действиями своего заместителя. Похвалил его.

Вернулся и старший Вердье. С помощью туземного проводника он выбрал не слишком далеко от Сен-Луи возвышенное место, пригодное для строительства Нового форта. Когда-то здесь было поселение. Но с годами земля истощилась, и малагасийцы забросили его, переселившись на другое место. Кое-где ещё оставались остатки свай от построек, не до конца съеденные термитами. Заросли ещё не успели подняться ввысь настолько, чтобы слиться с окружающими джунглями. Беньовский, сопровождаемый Вердье, побывал здесь и одобрил выбранное место. Он распорядился переместить одну из рот на расчистку зарослей и начать заготовку строительных материалов. Первыми постройками Нового форта должны быть казармы, часовня, где отец Огюст мог бы иногда отправлять службу, торговая фактория. Здесь же, на самом возвышенном месте, Беньовский намеревался возвести свою резиденцию — большой дом, опоясанный колоннадой наподобие античного храма. Но этот замысел он осуществит, непременно осуществит позже, когда наладит производство кирпича. Не пристало ему довольствоваться убогим жилищем вроде туземной хижины.

Он попытался мобилизовать на строительство Нового форта туземную рабочую силу и для этого побывал во всех окрестных деревнях, познакомился со старостами и одарил их всех подарками. Подарки старосты принимали охотно, благодарили, но людей своих посылать на работы упорно отказывались. Ссылались на полевые работы. Тогда Морис Август решил припугнуть малагасийцев, памятуя об опыте Ковача. Он устроил учение с ружейной стрельбой. Старосты сделались покладистее. Стали присылать землекопов, носильщиков, лесорубов. Те перессорились с солдатами, которые попытались взвалить на малагасийцев всю физическую работу, а сами лишь покрикивали и поучали. Туземцы разбегались и прятались по домам. Тогда Беньовский распорядился, чтобы расчищали заросли, заготовляли строительный материал только солдаты роты. А малагасийцы пусть трудятся отдельно на прокладке дороги к реке, где будет речная пристань, и другой дороги — к форту Сен-Луи. Старосты на это согласились. Малагасийцы взялись за работу без восторга, роптали, но всё же кое-как трудились. Просеки вгрызались в лесную чащобу.

На торговой французской шхуне приплыл старый знакомый Роше. Держался он с Морисом Августом предупредительно. Первый нанёс ему визит и вручил кожаный кошель с деньгами.

— Мосье Дюма просил вам передать. Будьте любезны, напишите расписочку. Губернатору она необходима для отчёта.

— Лучше поздно, чем никогда, — сказал с иронией Беньовский, принимая деньги. — Сполна рассчитался?

— За губернатором остался небольшой должок. Понимаете, денежные затруднения компании...

— Понимаю. Что собираетесь делать?

— Решу свои торговые дела с Хамудом. И хочу пожить у него недельки две, отдохнуть от трудов, поохотиться.

— Бог в помощь.

И Роше остался, чтобы вызнать все подробности деятельности командира экспедиционного корпуса, скрупулёзно собрать компрометирующие его материалы. В первый же день приезжего гостя ожидала большая удача. В беседе с ним Хамуд проговорился о том, что Беньовский купил у богатого арабского торговца дорогие ювелирные украшения — бриллиантовое колье и тяжёлую диадему. Покупку таких вещиц может позволить себе очень богатый человек. «Или ловкий казнокрад», — сказал сам себе Роше, выслушав Хамуда.

Губернатор Дюма перлюстрировал и второе письмо Беньовского, адресованное морскому министру. Письмо было доставлено на Маврикий на фрегате «Орлеан» с партией тяжелобольных. Дюма познакомил с письмом Роше, направлявшимся на Мадагаскар.

— Подивитесь на беспардонное бахвальство барона. Вы должны воочию убедиться, дорогой компаньон, так ли грандиозны успехи, о которых пишет он министру. Таковы ли реальные расходы экспедиции, какие указаны в письме? Найдите весомые свидетельства казнокрадства.

Такие напутствия получил Роше от губернатора.

Убедительные следы финансовых злоупотреблений дотошный француз находил на каждом шагу. Беньовский писал в отчёте о прекрасных дорогах с каменным покрытием, которые якобы прокладывались в джунглях. Роше смог убедиться, что это были лишь неширокие просеки с ямами и выбоинами, кое-как присыпанными песком и мелким камнем. Солдатские казармы «со всеми необходимыми удобствами» на деле оказывались возведёнными на скорую руку лёгкими постройками под камышовыми кровлями, которые мало отличались от туземных хижин.

Роше немного освоил малагасийский язык и мог понять местного жителя, с которым вступил в разговор. Он выяснил, что никакой платы за свой труд на стройках и прокладке дорог, как и никакого питания, туземцы никогда не получали. Беньовский в своих отчётах морскому министру

указывал обратное. Из отчётов получалось, что содержание местной рабочей силы составляет одну из самых значительных расходных статей. Наконец, дотошный Роше не поленился расспросить малагасийцев, какие подарки от Беньовского получили староста и его ближайшие помощники-старейшины. И выяснил, что подарки эти никак нельзя было назвать слишком ценными и дорогими. В отчёте министру их ценность непомерно завышалась.

«Теперь в наших руках бесспорные доказательства, что ты, барон, великий мошенник», — с удовлетворением думал Роше. Он также убедился, что назревало глухое недовольство как среди солдат корпуса, так и среди малагасийцев. Причиной недовольства нижних чинов послужила эпидемия жёлтой лихорадки, уносившая всё новые и новые жизни. Солдаты открыто обвиняли полковника в выборе для поселения нездорового, гиблого места. На кладбище уже можно было насчитать десятка два свежих захоронений. Лекарь Синьяк и подлекари едва управлялись с больными. Их было уже несколько десятков. Свалился и один из старых спутников Мориса Августа, камчатский ветеран. Не избежал лихорадки и корпусной казначей. Беньовский распорядился создать ему привилегированные условия. Для казначея поставили отдельную палатку и в ней кровать с пологом, А на всех попавших в лазарет солдат не хватало матрацев. Вновь прибывающих клали на циновки.

В палатке стоял тяжёлый смрадный запах пота и нечистот.

Беньовский сам чувствовал, что недовольство охватывает и корпус, и окрестные селения. Посовещавшись с Ковачем и ротными командирами, братьями Вердье, Морис Август пришёл к выводу — нужна ещё одна впечатляющая военная демонстрация и нужны новые союзники. И он стал снаряжать военный отряд, который должен был подняться вверх по Большой реке. Перед ним ставилась задача обнаружить пост имеринцев, который, по слухам, находился где-то в предгорьях, у истоков реки, и уничтожить его гарнизон. Подымаясь вверх по течению, надлежало привлекать на свою сторону местные общины, не жалея подарков их старостам.

Отряд был небольшим, разместился в двух шлюпках.

Беньовский распорядился включить в его состав нескольких горлопанов, откровенно выражавших своё недовольство. Пусть поостынут и покажут себя в боевом деле. Сперва он хотел было сам возглавить отряд, да, поразмыслив, не решился покидать Сен-Луи. Обстановка в корпусе была напряжённой. Командование шлюпочным отрядом Беньовский

поручил младшему Вердье, человеку собранному и немногословному. Напутствуя отряд, полковник пообещал всем, кто отличится в операции, щедрые награды. Отец Огюст отслужил краткий молебен. Незаменимый Филипп также отправлялся в поход. Он мог понадобиться в качестве переводчика в переговорах со Старостами.

Роше нанёс Беньовскому прощальный визит.

— Успешной была поездка? — поинтересовался из вежливости Морис Август.

— О, весьма.

— Окажите любезность, дорогой друг. Возьмите на шхуну хотя бы нескольких тяжелобольных.

— Всей душой готов бы вам услужить. Но мосье Дюма запретил это делать. Наш маленький госпиталь переполнен.

— Очень прошу вас... Ради моего доброго расположения к вам, возьмите хотя бы одного моего казначея. Он совсем плох, бедняга.

— Одного, пожалуй, возьму, — согласился Роше. — Хотя рискую навлечь гнев губернатора.

Он подумал, что казначей будет даже полезен. Уж этот-то человек прекрасно осведомлён обо всех финансовых злоупотреблениях барона.

Отряд Вердье-младшего возвратился из похода недели через три. Его потери составляли два убитых и два легко раненных. Командир отряда немногословно и толково доложил об операции. Плавание в нижнем и среднем течении реки не вызывало затруднений. Река здесь многоводна и глубока. Только досаждали крокодилы. Их много, и они огромны и агрессивны. Иногда к самым шлюпкам подплывали по две-три гадины, разевая зубастые пасти. В верхнем течении, где начинались предгорья, встречались пороги и перекаты. Пришлось оставить шлюпки у прибрежного селения под охраной четырёх солдат и далее продвигаться пешком по берегу. Помог местный проводник. Туземцы много испытали от набегов имеринцев и поэтому встречали отряд дружелюбно.

Неожиданно солдаты попали под обстрел. Пост имеринцев был искусно скрыт зарослями. Его гарнизон оказался малочисленным — всего лишь десятка полтора воинов. Все они были перебиты или бежали в джунгли. Но и французская сторона понесла потери. Возможно, что разгромленный пост представлял собой лишь передовую заставу имеринцев. А их основные силы сосредоточены где-то в горах. Но это только предположение.

На обратном пути старосты селений принимали от Вердье подарки и могли узнать новость — разгромлены военные силы их недругов-

имеринцев. Командир отряда торжественно объявил старостам, что великий король Людовик берёт малагасийцев под своё высокое покровительство. Это он распорядился покарать заносчивых и воинственных имеринцев. Старосты довольно кивали головами и улыбались. Хорошо распорядился король Людовик. Должно быть, это большой и могущественный человек, которому помогают духи.

По случаю возвращения отряда из успешного похода Беньовский приказал построить весь корпус и пригласил население окрестных деревень. Обойдя строй, он с горечью заметил, что ряды его воинства заметно поредели. Одних подкосила болезнь, другие лежат на кладбище.

Перед ротными шеренгами и толпой малагасийцев Морис Август обнял и расцеловал Вердье-младшего, командовавшего шлюпочным отрядом, наградил денежными премиями наиболее отличившихся солдат, в первую очередь раненых. Одного из них в порядке поощрения он сделал капралом, а погибших помянул проникновенно.

— Всем участникам славного похода даю недельный отпуск, — объявил Беньовский, а потом обратился к малагасийцам: — Друзья мои, теперь ваши недруги не посмеют угрожать вам. Они получили хороший урок. Это сумели оценить жители с Большой реки. Они с охотой приняли наше покровительство.

Вся эта торжественная церемония, затеянная Беньовским, была дружелюбно встречена и солдатами, и малагасийцами. На какое-то время скрытое недовольство в корпусе поутихло, ослабла и напряжённость в отношениях с местными жителями.

В очередном письме на имя морского министра графа де Бойна Беньовский представил в общем-то незначительную с военной точки зрения операцию как крупное событие. Разгром поста имеринцев и избиение горстки плохо вооружённых его защитников он расписал как кровопролитное сражение, закончившееся победой небольшого отряда над многократно превосходящими силами противника.

Недели через две после возвращения Вердье-младшего с отрядом на горизонте показалась знакомая арабская шхуна. Это возвращался из Капстада Валид. На берег съехал его сын и передал Беньовскому просьбу отца посетить его на корабле. Валид выражал сожаление, что разболелся и не мог сам побывать у Мориса Августа.

«Хитрит старая лиса», — подумал Беньовский, но на арабскую шхуну отправился.

Торговец лежал на диване в тесной каюте, застланной коврами и заставленной сундуками. Похоже, что ему в самом деле нездоровилось.

— Привет тебе, вазир, — сказал слабым голосом Валид, не вставая с постели. — Садись и слушай. Возвращаюсь в Аравию. К концу года будут у тебя арабские кони. Серебряный медальон получишь сейчас.

— Так скоро?! — воскликнул удивлённый Беньовский.

— Чему удивляешься? На шхуне меня всегда сопровождают два искусных ювелира. Видишь на столе небольшой сундучок? Открой его и возьми медальон.

Беньовский подошёл к столу. В руках он держал большую круглую бляху из тусклого, потемневшего серебра. Величиной она была с чайное блюдце.

— Можно подумать, что ей добрая сотня лет, — сказал Морис Август, не скрывая своего восхищения. — Как это удалось так ловко сделать?

— Секрет моих мастеров.

— Сколько я тебе должен, купец?

— Ничего ты мне не должен.

— Как так?

— В прошлый раз ты приобрёл у меня две дорогие, очень дорогие вещицы. Вот я и хочу поблагодарить тебя за такую покупку. Это мой тебе подарок. Для опытных мастеров работа оказалась пустяковой.

— Спасибо, Валид. Не смею утомлять тебя. Поправляйся.

— Постой. Хочу сообщить тебе грустную новость. Умер твой старый король. Теперь во Франции молодой король, говорят, внук старого.

— Откуда тебе это известно?

— Голландцы в Капстаде рассказали. Им эту новость недавно привезли моряки.

От Валида Беньовский узнал, что в последние недели французские суда из Капстада на Маврикий не выходили. Стало быть, о смерти короля в Порт-Луи ещё не могли знать.

Узнав неожиданную новость, Морис Август поспешил на берег. Забросил серебряный медальон, подарок Валида, в сундук. Не до него сейчас. Новое царствование, перемены в политике, пересмотр наследия, оставленного покойным королём. Что ожидает его, Беньовского? Он приказал Андреянову незамедлительно отыскать капитана Ковача и погрузился в тревожные мысли.

Итак, ушёл из жизни старый расточительный развратник Людовик XV. Королём стал его нелюбимый внук Людовик XVI. Говорят, он полная противоположность деду, скромный, мягкий человек, примерный семьянин, который всегда тяготился шумным блеском двора. Женат он на

Марии-Антуанетте[53], дочери императрицы Марии-Терезии. Молодую королеву считают женщиной властной. Вероятно, она будет верховодить слабохарактерным мужем. Новое царствование — новые министры. Уйдут с политической арены его, Беньовского, добрые покровители — герцог д’Эгильон, граф де Бойн. Их попустительство расточительству покойного короля давно вызывало открытые протесты в обществе. Новое правительство, чтобы успокоить общественное мнение, начнёт с политики экономии. Пожалуй, урежет ассигнования на содержание экспедиционного корпуса, а то и вовсе отзовёт его. Беньовский допускал такую возможность и боялся этого.

Он принял решение немедленно отплыть в Порт-Луи на Маврикий, пока известие о смерти Людовика XV не дошло до губернатора. Узнав об этом, прижимистый Дюма непременно затормозит выплату Беньовскому оставшейся суммы, предусмотренной на нужды корпуса, или вовсе откажется её выплачивать. Теперь, мол, новый монарх, новые министры. Пусть подтвердят своё согласие на дальнейшие действия экспедиционного корпуса.

Ковачу Морис Август сообщил, что немедленно отплывает на Маврикий. Капитан остаётся командовать корпусом на время его отсутствия.

— Почему такая спешка, пан Морис? — поинтересовался Ковач.

— Старик Луи ушёл в мир иной. До Маврикия эта новость ещё не дошла.

— Понимаю. У тебя есть причины спешить.

— Вот именно. Хотел бы успеть выколотить из этого упрямца Дюма остаток причитающейся нам суммы. Что ожидает бедняжку Дюбарри?..

— Что её может ожидать, Морис? Монастырь, а быть может, Бастилия. Говорят, молодой Людовик и его супруга Мария-Антуанетта люто ненавидели королевскую фаворитку.

— Да хранит её Бог. Вызови, Ковач, шлюпку с фрегата, и пусть подымают паруса. Беру с собой Андреянова и Уфтюжанинова. А тебе дам напутствия.

Отплывая на Маврикий, Беньовский не знал, что губернатор Дюма уже отправил в Париж пространный донос на него. В нём приводились все компрометирующие командира корпуса факты, собранные Роше, а также показания корпусного казначея. В действительности казначей умер в госпитале Порт-Луи, не допрошенный людьми губернатора. Но покойному приписали свидетельства, которые могли бы сделать донос более весомым. Кто теперь проверит, что говорил перед кончиной бедняга?

Глава двадцатая

Умирал старый король мучительно. Заразился страшной болезнью, оспой, от молодой девушки, присланной ему Дюбарри для очередных утех.

Покойного похоронили со всеми полагающимися королевскими почестями. Высший свет демонстрировал притворную скорбь. В народе говорили о Людовике XV с насмешливой иронией, открыто называли его старым развратником. Даже смерть его обернулась фарсом. С его внуком, вступившим на престол под именем Людовика XVI, связывали надежды на добрые перемены, реформы. Молодой король казался полной противоположностью своему деду. Утверждали, что Людовик XVI был мягким, добропорядочным человеком, примерным семьянином. Будучи наследным принцем, он держался в стороне от суеты двора. И это импонировало простым французам. К молодому королю обращались с петициями, требовали отставки всех прежних министров, примерного наказания казнокрадов и ждали перемен.

Созданный общественным мнением образ доброго Людовика был явно идеализирован и вряд ли совпадал с реальным историческим портретом. Покойный дед откровенно не любил внука, который не стал его подобием. Принца не посвящали в государственные дела, и поэтому он не приобрёл необходимого для будущего правителя опыта. На престоле он проявил себя человеком ленивым, безынициативным, трусоватым, смертельно боявшимся всяких новшеств. К тому же молодой король всецело поддался влиянию властной супруги, «австриячки», как называли её в народе, ставшей знаменем консервативных сил.

И всё же Людовик XVI, начинавший своё царствование, не был лишён природного ума и проницательности. Он понимал, что для успокоения общества необходимы какие-то перемены, если не перемены, то хотя бы политические манёвры. Для начала придётся пожертвовать непопулярными министрами деда, одного-двух осудить в назидание другим за казнокрадство. Члены парламента настаивают на немедленной отставке д’Эгильона, с которым давно конфликтуют. Прежде чем принять решение, король решил посоветоваться с супругой.

— Мы взвалили на себя тяжёлое бремя власти и несём ответственность за страну перед Всевышним, — повёл речь король. — Страна имела основания быть недовольной предыдущим монархом и его

министрами. От нас ждут добрых перемен.

— Какие перемены вы имеете в виду, сир?

— Прежде всего я хотел бы уволить в отставку всех старых министров.

— И поступите разумно. Новый монарх вправе подбирать себе новых помощников.

— Да будет так, дорогая. Завтра я приму отставку д’Эгильона и других. Парламент настаивает на предании герцога суду. С ним связаны многие злоупотребления.

— А вот этого вы делать не должны.

— Но почему?

— Высшее дворянство — наша опора. Кто из высоких сановников не злоупотребляет своей властью? Не следует раздражать верных нам людей. Принимая отставку министров, не забудьте поблагодарить их за верную службу престолу.

— Вы считаете, я должен так поступить?

— Именно так, сир. Я прошла школу моей матушки, Марии-Терезии, и плохого совета вам не дам.

— Пусть будет по-вашему. Давайте теперь решим судьбу этой шлюшки Дюбарри. Я бы предпочёл видеть её за решёткой Бастилии.

— Фи, Луи! Как вы кровожадны.

— Разве вы, мадам, не говорили мне не раз, что ненавидите эту выскочку?

— Говорила, сир. Я и сейчас её ненавижу. Но не забывайте, что монархия держится на традициях. Фаворитизм — традиция французской монархии. Вспомните, Генрих Четвёртый был весёлым и любвеобильным королём. У короля Солнце была его госпожа Лавальер. У вашего деда — маркиза Помпадур и потом графиня Дюбарри.

— Продолжайте, мадам. У Людовика Шестнадцатого...

— У него Мария-Антуанетта.

— Справедливо сказано. В одном лице жена и любовница. Так что будем делать с Дюбарри?

— Заключим её на время в монастырь. В один из привилегированных. Когда страсти улягутся, пусть проживает в своём загородном замке. Не забывайте, что многие титулованные особы обязаны ей карьерой, высокими должностями. Они не одобрят, если мы поступим с графиней слишком сурово.

Перебирая кандидатуры на посты министров, король вспомнил о сорокасемилетнем Анн-Роберте-Жаке Тюрго[54], весьма популярной фигуре

в политических кругах Франции. Норманнский дворянин, он не мог похвастать слишком знатным происхождением. По воле родителей Тюрго готовил себя к сану священника, обучаясь на теологическом факультете Сорбонны. Но духовная карьера пытливого юношу никак не прельщала. Он увлёкся чтением сочинений Вольтера, философа Локка, занялся изучением экономики, сблизился с кружком просветителей-энциклопедистов и сам стал писать статьи для французской энциклопедии. Решительно отказавшись от стези священнослужителя, Тюрго сделался популярным публицистом.

В прессе появились его статьи по различным экономическим и философским проблемам. Он выдвигал свои проекты улучшения торговой и таможенной политики, поощрения предпринимательской деятельности, оздоровления финансов. Тюрго, экономист, философ, просветитель, привлёк внимание властей, и он получает довольно высокие посты в провинциальном правительственном аппарате.

Французский ваятель Гудон, автор известной работы «Вольтер в кресле», находящейся в коллекции петербургского Эрмитажа, создал также скульптурный портрет Тюрго. Лицо мыслителя, в образе угадываются острота ума, скептицизм, склонность к иронии.

Неожиданно Тюрго получает от Людовика XVI пост морского министра. Прежний министр, де Бойн, при увольнении в отставку был обласкан королём и встретил своего преемника в стенах министерства дружелюбно, без желчи.

— В чём вы видите, дорогой Тюрго, свою основную задачу на посту министра? — спросил де Бойн, передавая дела.

— Я должен подумать о строгой экономии, — ответил Тюрго. — Расточительность покойного короля дорого обошлась Франции.

— Тогда не повторяйте моих ошибок.

— О каких ошибках вы говорите, граф?

— Мы с герцогом д’Эгильоном переоценили де Бенёва, сомнительного барона, направив его во главе экспедиционного корпуса на Мадагаскар. Он прислал мне два отчёта о своей деятельности. Отчёты эти — сплошное бахвальство и требование огромных денег. Сдаётся мне, что перед нами заурядный мошенник. Того же мнения придерживается губернатор Дюма, обличающий полковника в крупных растратах. Оставляю вам в наследство это скандальное дело.

Заняв министерское кресло, Тюрго стал не спеша вчитываться в отчёты Беньовского. По убеждению министра деятельность Мориса Августа заслуживала неоднозначной оценки. Его экспедиционный корпус

смог создать плацдарм на восточном побережье Мадагаскара для дальнейшего расширения французского влияния на острове. Он заложил форт Сен-Луи, развернул строительство, провёл военные операции. Но нельзя было не уловить безмерно хвастливый тон отчётов и явно завышенные суммы расходов, которые указывались Морисом Августом.

Тюрго не успел прийти к какому-либо решению, так как его пребывание на посту морского министра оказалось совсем непродолжительным. В сентябре 1774 года Людовик XVI назначил его генерал-контролёром финансов, фактическим главой финансового министерства.

— Мы решили использовать ваш опыт и знания, мосье, с большей пользой для Дела, — сказал ласково король, принимая Тюрго в домашней обстановке в Малом Трианоне в Версале. — Вы прирождённый финансист. Поможете нам оздоровить финансы, оживить экономику. Найдите эффективные меры для поощрения промышленности и торговли.

Тюрго вышел от короля окрылённый его добрыми напутствиями. Он и сам хотел того же, чего от него требовал Людовик. Не мог тогда знать министр, что не пройдёт и двух лет, как король уволит его в отставку. Деятельный Тюрго, вознамерившийся провести экономические реформы, облегчить налоговое бремя трудовых слоёв населения, вызвал недовольство высшей аристократии. Она никак не хотела делиться своими привилегиями с третьим сословием. Консерваторы — противники реформ — нашли союзника в лице Марии-Антуанетты, которая сумела повлиять на слабохарактерного мужа. Провал политики буржуазных реформ наглядно показал, что подобный курс никак не совместим с феодальным абсолютизмом.

После назначения Тюрго генерал-контролёром финансов на посту морского министра оказался Сартин, бывший генерал-лейтенант полицейской службы, человек, не оставивший большого следа в истории Франции. Приняв напутствие прежнего министра и папку с делами Беньовского, он принялся за чтение отчётов Мориса Августа. Читал и не знал, какое принять решение. Не определился он с решением и тогда, когда познакомился с пространным письмом губернатора Дюма с обвинениями в адрес командира экспедиционного корпуса. Чутьё старого полицейского подсказывало Сартину, что основные пункты обвинения Беньовского в казнокрадстве и мошенничестве выглядели убедительными. Возможно, губернатор с компаньонами и Морис Август что-то не поделили, отсюда неприязнь Дюма к Беньовскому. Сартин сказал сам себе, что с выводами спешить не стоит. Приходится считаться, что у командира экспедиционного

корпуса влиятельные покровители. В их числе богатый финансист, близкий ко двору Шарль Бове, бывшие министры д’Эгильон и де Бойн. Их отставка вовсе не означает политической опалы. Герцог и граф остались видными фигурами высшего света, бывали при дворе. С ними министр Сартин ссориться не хотел. Если же ему никак не избежать удара по Беньовскому, он будет опираться не только на собственные отчёты командира корпуса и свидетельства губернатора Иль-де-Франса, но и на показания новых, объективных свидетелей. Министр воспользовался отъездом в индийские владения Франции двух генеральных комиссаров — бригадного генерала Белькомба и ответственного сотрудника морского министерства Шевро. Комиссары получили приказ заехать по пути на Мадагаскар и там произвести самую тщательную инспекционную проверку всей деятельности Беньовского, сверить его расходы, указанные в отчётах, с тем, что реально сделано экспедиционным корпусом. Инструкция, выданная комиссарам, была подписана морским министром Сартином и генерал-контролёром финансов Тюрго и наделяла Белькомба и Шевро самыми широкими полномочиями.

Перенесёмся же теперь на остров Маврикий, где о кончине старого короля ещё не знали.

Господин Дюма встретил Беньовского внешне любезно, поинтересовался его здоровьем, а сам со злорадством думал, что его письмо-донос сделает своё дело и придётся этому самоуверенному полковнику совсем не сладко. Морис Август напомнил губернатору о не выплаченном ему остатке суммы правительственных ассигнований на содержание экспедиционного корпуса.

— Дорогой барон, рад бы всей душой... — с притворной любезностью произнёс Дюма. — Но поймите меня. Я насобирал всё, что мог, и послал вам с Роше. Разве вы не получили?

— Получил. Но за вами остался долг.

— Уверяю, что при первой возможности...

— Мне нужны деньги не при первой вашей возможности, а сию минуту. Если не рассчитаетесь со мной, пеняйте на себя.

— Вы мне угрожаете, барон?

— Понимайте, как хотите.

— И какие же санкции с вашей стороны мне грозят?

— Сегодня же даю команду фрегату выйти в Порт-Луи и доставить сюда всех тяжелобольных. А их несколько десятков. И вам придётся их лечить и кормить за счёт бюджета колонии.

— Вы этого не сделаете. Наш маленький госпиталь и наш бюджет не

рассчитаны на такую массу больных.

— Сделаю, мосье Дюма. Непременно сделаю, если не получу от вас денег.

— Вы сущий дьявол, барон.

— Ошибаетесь, любезный Дюма. Я не дьявол, а только военачальник, который должен заботиться о своих подчинённых.

— Дайте время подумать. Я должен посоветоваться с компаньонами.

— Даю вам время на размышления до утра.

Утром командир экспедиционного корпуса сполна получил долг. Проклиная в душе Мориса Августа, губернатор с ехидцей подумал, что недолго осталось торжествовать нахрапистому полковнику.

От Дюма Беньовский узнал о смерти корпусного казначея и горько пожалел об этой утрате. Покойный был таким покладистым и послушным, он заслужил, чтобы поклониться его могиле.

Возвращаться на Мадагаскар Морис Август не спешил. Жену порадовал роскошным подарком — золотым колье с бриллиантами. Фредерика выразила свой неподдельный восторг, бурно обхватила мужа за шею, расцеловала и закружилась с ним в диком танце. Беньовский насилу высвободился из цепких объятий — кольнуло в повреждённой ноге.

— Ты меня балуешь, Морис.

— Кого же мне ещё баловать, коханочка?

—Но ведь это стоит очень дорого.

— А как же иначе? Барон Беньовский может дарить любимой жене только очень дорогие подарки, он же не простой гарнизонный офицер вроде этого, как его... Потье.

— Супруги Потье были у меня по случаю дня моего рождения и подарили корзину роскошных орхидей.

— Но согласись, дорогая... Орхидеи — не бриллианты.

Беньовский совсем забыл, что недавно у Фредерики был день рождения, и решил поправить дело.

— Считай, что я дарю тебе колье по случаю прошедшего дня рождения. Кто ещё был у тебя в гостях?

— Несколько молодых офицеров, подчинённых капитана Потье. Ты, кажется, хмуришься, ревнуешь?

— Ничуть.

— Что делать, дорогой? Приходится довольствоваться такой компанией. Я писала тебе, что дружбы с семьёй губернатора не получилось.

— Не будем говорить об этом Дюма. И у меня дружба с ним не

сложилась. Я хочу, чтобы ты надела лучшее своё платье. Посмотрим, к лицу ли тебе эта драгоценная безделушка.

Фредерика поцеловала мужа и убежала переодеваться. Беньовский подумал, что диадему, которую он намеревался подарить графине Дюбарри, показывать жене, пожалуй, не стоит. Сундук с деньгами и драгоценностями Андреянов и Уфтюжанинов приволокли на фрегат и оставили в каюте полковника. Ключи от сундука и от каюты Морис Август всегда носил при себе.

Вошла Фредерика, ослепительно яркая, в атласном платье вишнёвого цвета, вся в драгоценностях. Пожалуй, яркость уже граничила с дурным вкусом. Тяжёлые серьги и браслеты, купленные ею у торговца-индийца, никак не гармонировали с колье. Лишним было и коралловое ожерелье. Жена напоминала манекен из витрины ювелирной лавки, перегруженный драгоценными украшениями, или внезапно разбогатевшую купчиху. Хотел было Беньовский упрекнуть жену за безвкусицу и ещё за то, что водится с компанией каких-то младших офицеров из колониального гарнизона, да раздумал. Лень было втолковывать упрямой провинциальной шляхтичке правила хорошего тона, да, пожалуй, и бесполезно.

Он сказал, что колье очень к лицу Фредерике, и потискал её сытое полнеющее тело. От жены пахло дорогими французскими духами, почти такими же, как от ослепительной мадам Дюбарри. Но увы... Та женщина, пребывающая сейчас в монастыре или, упаси её Бог, в Бастилии, была воплощением изысканного вкуса, утончённости. Античная мраморная богиня! Холодная, недоступная для всех, кроме властелина Франции. Какая же жалкая её тень эта провинциальная барынька, радующаяся каждой побрякушке, его жена, Фредерика Беньовская! Всё-таки жажда женской ласки, по которой он так истосковался, взяла своё.

— Возьмёшь меня с собой на Мадагаскар? — спрашивала Фредерика мужа, когда они оба, утомлённые ласками, усталые, сплелись воедино на измятой постели.

— Огорчу тебя, дорогая. Не возьму.

— Но почему?

— Там скверный климат. Свирепствует лихорадка. Я построю нашу резиденцию, великолепный дворец в здоровом сухом месте. Но на это требуется время.

— Значит, я опять должна тосковать одна в этом унылом городишке?

— Я не спешу возвращаться в Сен-Луи. Можешь пригласить завтра капитана Потье с женой.

— Рада, что не отвергаешь моих друзей. Позволишь мне выйти к

гостям в этом колье? Не осуждай мою женскую слабость — хотела бы похвастать твоим подарком.

— Не советую, Фредерика. Видишь ли... Моя работа по успешному освоению острова вызывает зависть неповоротливых людей, таких как Дюма. Зависть переходит во вражду. Они знают, что я стал богатым человеком, очень богатым. И поэтому могу дарить любимой жене столь дорогие подарки. Не стоит дразнить гусей и привлекать внимание.

— Понимаю, Морис. Могу ограничиться и коралловым ожерельем.

— Это самое лучшее, что ты сделаешь.

Морис Август не спешил возвращаться на Мадагаскар, потому что ожидал прибытия на Маврикий корабля с известием о смерти старого короля и письма из морского министерства. Предвкушал удовольствие увидеть разъярённого Дюма, который непременно подумает: оплошал старый дурак, поспешил с выплатой этому... И конечно, не пожалеет самых резких выражений в его, Беньовского, адрес. А хорошо он припугнул губернатора и заставил раскошелиться!

Пока Беньовский миловался с женой, его верный денщик Иван Андреянов помогал своей камчадалке Агафье управляться по хозяйству, ходил на базар за покупками. Уфтюжанинов нёс охрану особняка или сопровождал Мориса Августа в качестве его телохранителя, следуя за ним как тень, когда Беньовский посещал местных купцов, французов, арабов и индийцев. Он вёл с ними переговоры и настойчиво предлагал открывать торговые фактории на Мадагаскаре, в среднем течении Большой реки, к югу и северу от её устья. Некоторые из торговцев принимали предложение полковника и подсчитывали, какие это может сулить прибыли. Дюма и его компаньоны негодовали и обрушивали на голову Беньовского всяческие проклятия. Конкуренты подрывали позиции компании.

Морис Август уловил настроения губернатора и сам пришёл к нему для мирного разговора.

— Дорогой мосье Дюма, выслушайте меня.

— Что ещё вы от меня хотите? Разве я не рассчитался с вами сполна?

— Не об этом речь. Почему бы вашей компании не открыть на Мадагаскаре новые фактории в дополнение к тем двум-трём, которые вы уже имеете? Беру на себя их защиту.

На предложение Беньовского Дюма ответил уклончиво.

— Поймите, не пристало нам дуться друг на друга, — продолжал Беньовский. — Мы должны действовать рука об руку, делать общее дело, быть добрыми союзниками. Я помогаю вам открывать новые фактории, освобождаю их на первый год от всяких пошлин. А вы помогаете мне

поддержать мои проекты перед морским министерством.

— Какие ещё проекты?

— Я просил увеличить численность экспедиционного корпуса хотя бы до шестисот человек и соответственно ассигнования. Тогда мы смогли бы сокрушить туземное королевство Имерину в горной части острова.

— Но это кровопролитная война, огромные военные расходы.

— Вы правы. Это война и военные расходы. Какая же война обходится без расходов? Но, сокрушив Имерину, мы, то есть Франция, становимся владельцами богатого острова.

— Не знаю, что и сказать вам, барон. Я человек осторожный, привык поступать взвешенно, осмотрительно.

— Вот и осторожничайте. Боюсь, как бы нас не опередили англичане или голландцы, которых остров также давно привлекает.

Разговор с губернатором оказался безрезультатным. Дюма явно тянул время, ожидая реакции министра на письмо, обвинявшее Беньовского в разных злоупотреблениях.

С согласия мужа Фредерика пригласила чету Потье и ещё местного священника. Беседа с гостями получилась какой-то мелкой, незначительной. Хозяйка и мадам Потье обменивались местными сплетнями. Капитан Потье вспоминал обрывки старых парижских новостей, которые пришли с последним французским кораблём, посетившим Маврикий с месяц назад. Они касались любовных похождений старого ненасытного сатира-короля и его неприязненного отношения к внуку. Падре интересовался миссионерскими успехами корпусного капеллана.

— Отец Огюст окрестил очаровательную малагасийку, — ответил ему Морис Август. — Она стала женой нашего переводчика Филиппа.

— Того самого, что служил у моего предшественника?

— Того самого.

— Вы надеетесь, что Церковь примет в своё лоно и других туземцев?

— Отчего бы не надеяться?

Беньовскому стало скучно. Он оживился только тогда, когда хорошенькая мадам Потье спросила, не приходилось ли его солдатикам воевать с жителями острова? Морис Август стал пространно и увлечённо рассказывать о шлюпочном походе против имеринцев, расцвечивал рассказ яркими подробностями, словно сам был живым участником и свидетелем событий. В его рассказе шлюпочные команды отбивались вёслами от кровожадных зубастых крокодилов, натыкались на засады коварных туземцев и наконец встретили на своём пути мощную крепость. Завязался

длительный и упорный бой. Французы атаковали противника по всем правилам военной науки и обратили его в постыдное бегство. Десятки трупов имеринцев остались на поле боя.

— Но ведь вас могли убить?

— Были и в наших рядах убитые. Все мы ходим под Богом.

А через несколько дней на рейде Порт-Луи бросил якорь французский торговый корабль, направлявшийся к берегам Китая. От съехавших на берег купцов и членов команды жители городка узнали запоздалую новость — умер король Людовик XV и на престоле Франции теперь его молодой внук Людовик XVI.

— О проклятье! — выругался Дюма. — Этот авантюрист наверняка всё знал. Потому-то он так настойчиво требовал с меня денег.

Никаких писем из Франции для Беньовского не было. От командира корабля он узнал, что новый король назначил нового морского министра. А прежний, граф де Бойн, уволен в отставку. Госпожа Дюбарри, любимица покойного короля и самая влиятельная дама королевства, заточена в монастырь.

— Больше мне здесь делать нечего, — сказал Беньовский Фредерике. — Распорядись, чтобы Андреянов и Уфтюжанинов собирали вещи. А я должен побывать на поминальной службе в церкви.

— Что же нас ждёт теперь, Морис?

— А вот этого я не знаю. У русских, кажется, есть такая пословица: «Новая метла по-новому метёт». Посмотрим.

Возвратившись на Мадагаскар, Беньовский как-то сразу сник, потерял, казалось, прежнюю энергию. Без интереса он выслушал доклад Ковача, а потом корпусного лекаря Синьяка. Лазарет был переполнен больными лихорадкой и дизентерией. Одни больные выздоравливали, другие пополняли свежее кладбище. Дисциплина в корпусе падала. Строительство шло медленно, вяло. Начались серьёзные перебои с закупками продовольствия. Малагасийцы неохотно продавали рис, фрукты, мясо, так как новый корпусной казначей — его обязанности временно взял на себя прапорщик Качорек — расплачивался с местными жителями с большими задержками. Это привело к тому, что участились грабежи в соседних деревнях. Голодные солдаты таскали домашнюю птицу, опустошали сады, даже были случаи похищения свиней и телят. Небольшая рыболовная команда не успевала обеспечить дневной рацион корпуса свежей рыбой. Росло недовольство местных жителей французами. Ковач доложил о нескольких тревожных случаях — солдаты отлучались из казармы и не возвращались. Они исчезали бесследно. Поиски пропавших ни к чему не

приводили.

— Как вы это объясните? — вяло спросил Беньовский.

— Полагаю, что парни вызвали недовольство туземцев и поплатились жизнью. Упрятать концы в воду не трудно. Бросили бедняг в реку на съедение крокодилам.

Мориса Августа тяготила неопределённость. Все его предложения оставались без ответа. Казалось, Париж вообще забыл о существовании его экспедиционного корпуса. Что несёт ему новое царствование?

Представилась оказия узнать от заходившего в Сен-Луи старого знакомого Роше тревожную новость. Новый министр Тюрго, известный во Франции публицист и экономист, недолго пробыл на своём посту. Он получил новое назначение, став теперь генеральным контролёром финансов. А морское министерство возглавил полицейский генерал Сартин.

С тоской подумал Беньовский, что новый министр вряд ли скоро ознакомится с его предложениями и примет по ним какое-либо решение. В последнем своём письме морскому министру Морис Август, настаивая на увеличении ассигнований на содержание корпуса, предлагал основать на Мадагаскаре переселенческую колонию французов и прислать для этой цели хотя бы шестьсот первых колонистов.

В томительном ожидании тянулось время. Проходили дни, недели, а известий из Парижа не было. Подходила к концу расчистка площадки для строительства Нового форта. Похоронили ещё десятка полтора солдат корпуса. Губительная лихорадка не пощадила и одного из офицеров, молодого прапорщика первой роты, того самого, который отправился с корпусом Беньовского на Мадагаскар в надежде укрыться от кредиторов. Жена Филиппа ходила на сносях и ждала младенца. Малагасийцы приходили с жалобами на солдат-грабителей.

Морис Август уже потерял счёт дням и неделям томительных ожиданий, когда раздались пушечные залпы. Это фрегат «Орлеан» обменялся приветственными выстрелами с подходившим корветом «Бретань». На нём плыли в Индию два генеральных комиссара, Белькомб и Шевро, имевшие официальное поручение министров Сартина и Тюрго произвести на Мадагаскаре тщательную проверку всей деятельности экспедиционного корпуса. Над Морисом Августом сгущались тучи.

Уже первые действия комиссаров не предвещали ничего хорошего. Гости не соизволили первыми съехать на берег, а потребовали Беньовского к себе на корабль. Восприняв вызов как личную обиду, Морис Август хотел было сказаться больным и послать на корабль вместо себя Ковача. Но

заместитель уговорил Беньовского не делать этого. Вероятно, комиссары — доверенные лица министра, и было бы неблагоразумно осложнять с ними отношения с первых же шагов. Морис Август нехотя согласился с Ковачем и отправился на «Бретань».

Белькомб и Шевро встретили командира экспедиционного корпуса сухо, официально. Беньовский попытался развеять дух отчуждённости.

— Рад вашему приезду, господа, — заговорил он льстиво. — Тронут вниманием министра. Мой дом — пока это только скромная палатка — всегда к вашим услугам.

— Мы останемся на корвете, — сдержанно ответил Белькомб. Будучи в генеральском звании, он держался за старшего. — По мере надобности будем съезжать на берег и, если вы нам понадобитесь, пригласим.

— Как вам угодно. Надеюсь, министр рассмотрел мои предложения? Я настаивал на увеличении численности корпуса, новых ассигнований на его содержание, предлагал основать колонию европейских поселенцев.

— Речь пойдёт не об этом, — перебил Мориса Августа Белькомб. — Правительство поручило мне провести инспекционную проверку всей вашей деятельности.

— Не понимаю, чем это вызвано? Недоверием или клеветой недругов? Разве я не радел с риском для жизни об интересах Франции?

— Не горячитесь, полковник. Не спеша во всём разберёмся. Объясните, коллега Шевро, что послужило причиной нашего приезда.

— Извольте, — отозвался Шевро. — У министра, генерала Сартина, ваши отчёты вызвали серьёзные сомнения. Насколько реальны расходы, на которые вы указываете? Соответствуют ли они тому, что сделано вами на острове?

— Посмотрите сами и убедитесь.

— Посмотрим, непременно посмотрим. Мы располагаем письмом господина Дюма, губернатора Иль-де-Франса. Его мнения насчёт вашей деятельности несколько расходятся с вашими оценками.

— Ах, вот оно что! И вы верите этому клеветнику Дюма? С самой же первой нашей встречи я вызвал у него чувство вражды.

— С чего бы это? Что-то не поделили?

— Именно не поделили. Компания Дюма претендовала на монопольное право торговли с Мадагаскаром. Я оказался для губернатора и его компаньонов помехой.

— Разберёмся, — сказал Белькомб. — У меня к вам вопрос, полковник. Вы действительно оплачивали туземную рабочую силу,

которую использовали на расчистке джунглей, прокладке дорог, заготовке строительного материала?

— Задаёте интересный вопрос, генерал. С точки зрения формальной логики можно было бы сказать, что я вроде бы не оплачивал эту рабочую силу. Но с другой стороны...

— Как это понять? Не говорите загадками.

— Сейчас всё объясню вам. Никакого жалованья за свой труд туземные лесорубы, землекопы, носильщики не получали. Чтобы привлечь их, приходилось действовать через деревенских старост и старейшин. Они получали от меня щедрые подарки и денежные суммы, и немалые. Если бы я этого не делал, пришлось бы сгонять малагасийцев на работу ударами прикладов. Власть и авторитет сельских вождей велики и овеяны традициями. Достаточно их слова, и люди покорно станут трудиться на нас.

— Можно сказать, вы давали взятки старостам, чтобы привлечь рабочую силу?

— Можно сказать и так. Это была вынужденная мера. Своеобразная и единственно возможная оплата туземного труда.

— Вы не видите в вашей финансовой деятельности злоупотреблений? — испытующе спросил Белькомб.

— Злоупотреблений не вижу, — уверенно ответил Морис Август. — Честь дворянина не позволяет мне быть мошенником. Упущения, промахи допускаю. Я военный человек, не финансист. Возможно, я слишком полагался на моего казначея. Он вёл всю бухгалтерию и казался мне человеком опытным.

— Мы побеседуем с ним, — сказал Шевро.

— Увы, это невозможно.

— Но почему?

— Бедняга недавно умер от жёлтой лихорадки в госпитале Порт-Луи.

Комиссары многозначительно переглянулись. Крепкий орешек этот Беньовский. Умеет прятать концы в воду. Белькомб и Шевро нисколько не сомневались, что эту изрядную сумму, обозначенную как взятки старостам, полковник положил себе в карман.

Ранним утром комиссары съезжали на берег в сопровождении сильной вооружённой охраны. Въедливо и дотошно осматривали они все постройки, дороги, опрашивали самого Мориса Августа и его офицеров, интересовались ценами на продукты, старались выяснить, много ли малагасийцев привлекалось к работам. От офицеров, подчинённых Беньовского, приходилось слышать отрицательный ответ. Финансами занимался лично командир корпуса. Других офицеров в эти дела не

посвящал. Бухгалтерию вёл покойный казначей.

Главное обвинение, которое могли комиссары предъявить Беньовскому, заключалось в непомерных и сомнительных расходах на оплату туземной рабочей силы. Морис Август упорно защищался, повторяя, что для привлечения малагасийцев на разного рода строительные работы ему приходилось задаривать старост и старейшин поселений. Это была вынужденная мера, без которой никак не удалось бы использовать туземный труд. К сожалению, никакими документами он подтвердить эти расходы не может. Не брать же с туземных вождей расписки! Но в каждом случае он вместе с покойным казначеем писали объяснения, которые прилагались к отчётам.

Все попытки Беньовского выйти за строго официальные рамки взаимоотношений с комиссарами ни к чему не привели. Белькомб и Шевро отклонили приглашение Мориса Августа отобедать у него, как и не согласились принять участие в охоте на кабанов. Попытался было Беньовский вручить комиссарам подарки на память — малагасийские сувениры, изделия местных резчиков по дереву. Подарки не были приняты, а Белькомб сказал строго и назидательно:

— Не та ситуация, полковник, чтобы принимать подарки. Мы официальные лица, инспектируем вас именем короля.

— Я же хотел от чистого сердца, — оправдывался Беньовский.

— Как понимать расходы на военные операции? — спросил Шевро.

— Я включаю в эту рубрику оплату туземных проводников, приобретение снаряжения и продовольствия.

— Разве вы не могли воспользоваться шлюпками с фрегата?

— Для передвижения по мелководным рекам шлюпки никак не годятся.

— Допустим.

И здесь Беньовский беспардонно врал. И насчёт покупки лодок, и насчёт оплаты услуг проводников. Были случаи использования туземных лодок рыболовной командой, но без всякой оплаты. Проводники, если они и привлекались, никакого денежного вознаграждения за свои услуги не получали.

— Я бы настоятельно попросил вас, господа, подняться вверх по реке и своими глазами посмотреть на развалины имеринской крепости, — сказал Беньовский. — Это примерно неделя пути. Тогда вам станут понятны масштабы проведённой нами военной операции. Интересное было бы путешествие. Увидите природу острова, крокодилов.

Беньовский стал настойчиво убеждать комиссаров последовать его

совету и совершить шлюпочный поход по реке, заранее зная, что это неосуществимо. Как он и ожидал, предложение посетить развалины так называемой имеринской крепости было отклонено. Комиссары сослались на недостаток времени.

С наступлением сумерек Белькомб и Шевро возвращались на корабль, а ранним утром снова были на берегу. Они встречались с отцом Огюстом и с лекарем Синьяком, побывали в лазарете, переполненном больными. Убедились в том, что корпус был охвачен глубоким недовольством, вызванным массовыми заболеваниями и смертностью. Солдаты винили Беньовского в неудачном выборе места для поселения среди малярийных болот, в плохой заботе о больных. Нетрудно было заметить, что уровень дисциплины в корпусе оставлял желать лучшего.

После недельного пребывания на острове комиссары смогли прийти к определённому заключению.

— Картина ясна, полковник, — сказал Беньовскому генерал Белькомб. — Завтра мы отбываем.

— Вы познакомите меня с вашим заключением?

— Пока могу вам сказать лишь одно — впечатления мы вынесли самые тяжкие, неприглядные. Заключение напишем, тщательно всё продумав, и пошлём министру.

— И что меня ожидает?

— Это не нам решать. Вашей судьбой, надо полагать, распорядится генерал Сартин. Пока же нам известно, что министр намерен сократить численность экспедиционного корпуса.

— Сократить? Я же просил об увеличении.

— Правительство вынуждено экономить средства. Покойный король оставил нам в наследство расстроенные финансы. Часть ваших солдат переместится на Маврикий для пополнения тамошнего гарнизона. Физически истощённые, перенёсшие болезнь будут возвращены на родину.

— Что же останется от корпуса? Одна неполная рота?

— Возможно, и неполная рота. Перед ней ставятся не широкие завоевательные задачи, а только охрана факторий.

— Понятно, генерал. Могу я теперь обратиться к вам с личной просьбой?

— Если я смогу её удовлетворить.

— Надеюсь, можете. Ведь вы наделены министром большими полномочиями. На острове я расстроил своё здоровье. Дают о себе знать старые боевые раны. Мог бы я отправиться в отпуск во Францию для лечения?

— Полагаю, что могли бы. Оставьте за себя вашего заместителя Ковача.

— Благодарю вас, генерал. Я хотел бы воспользоваться для этой цели «Орлеаном».

—Фрегат останется в распоряжении губернатора Дюма. Таково решение министра. Впрочем, я могу своей властью разрешить вам добраться на «Орлеане» до Капстада. А там вы пересядете на любое судно, отплывающее в Европу.

— Признателен вам, мой генерал.

Насчёт расстроенного здоровья и последствий старых ранений Беньовский приврал. Чувствовал он себя вполне сносно. Он счёл необходимым во что бы то ни стало прибыть в Париж прежде, чем придёт туда заключение двух комиссаров о проверке его деятельности на Мадагаскаре. Судя по всему, заключение это будет суровым и не лестным для него.

Ещё не успел корвет «Бретань» сняться с якоря, как Беньовский дал команду «Орлеану» спешно поднять паруса и плыть на Маврикий. Уфтюжанинов и Андреянов командировались в Порт-Луи, чтобы привезти Фредерику с Агафьей. Жене Морис Август написал краткую записку: «Собирай вещи и выезжай. Отплываем во Францию». Проводив фрегат, он послал одного из солдат личной охраны за Филиппом.

Малагасиец заставил себя долго ждать. Он проводил время у жены в деревне. Беньовский не высказал своего недовольства, когда Филипп наконец-то появился в его палатке.

— Помнишь, ты хотел отблагодарить меня за то, что я помог тебе заплатить выкуп за невесту? — вкрадчиво начал Морис Август.

— Как не помнить, мой господин? Я так многим обязан большому вазихе.

— Да не зови ты меня большим вазихой. Разве мы с тобой не друзья?

— Друзья, мой господин.

— Тебе представляется возможность отблагодарить меня, если ты этого пожелаешь.

— Конечно, я этого желаю. Но как я могу это сделать?

— Сейчас узнаешь, Филипп. Но сперва я хотел бы сделать тебе подарок в знак нашей дружбы и совместной службы. Я уезжаю в Европу.

— О, господин мой уезжает? Филипп так огорчён.

— Видишь ли... Во Франции теперь новый король. Он захотел меня повидать. Король ценит меня как человека непростого происхождения.

— Филипп всегда уважал своего господина, большого человека.

— Ты ещё ничего не знаешь о моём происхождении. Но об этом потом. Прими от меня в подарок вот это.

Морис Август не пожалел расстаться с походным столовым прибором. Он состоял из тарелочки, чашки, кубка и небольшой фляги для вина. Прибор из низкопробного серебра не был слишком дорогим.

Филипп шумно восхищался подарком и благодарил Беньовского на все лады.

— Что же Филипп может сделать для господина?

— А вот слушай.

Беньовский открыл сундук и достал оттуда медальон, изготовленный для него мастерами арабского купца Валида. На поверхности серебра были выгравированы солнце и изображение зверька бабакоты, почитаемого малагасийцами.

— Тебе известен этот рисунок, Филипп? — Я видел его на дощечке в доме старосты Ракутубе. Староста объяснил мне, что это был знак великого вождя Ампансакабе.

— Ракутубе прав. Это знак великого вождя, и этот старинный медальон когда-то принадлежал ему.

— Мой господин купил медальон у купца?

— Господь с тобой, Филипп! Он достался мне по наследству. Ведь я прямой потомок Ампансакабе. Неужели никто из малагасийцев не рассказывал тебе, что внуку великого вождя, погибшего в сражении, пришлось бежать с острова?

— Я слышал эту историю. У беглеца была маленькая дочка.

— Правильно, Филипп. Эта маленькая дочка с годами стала прекрасной красавицей и пленила одного знатного европейца. Это были мои родители. От них я и получил в наследство этот медальон.

Филипп с удивлением смотрел на Мориса Августа, вглядывался в потускневший медальон. Он верил и не верил словам Беньовского.

— Господин мой — потомок великого вождя?

— Понимаю, Филипп... Тебя это удивляет. Я уродился в отца, а не в мать. Во мне мало материнских черт. Матери я лишился в младенчестве и не успел усвоить её языка. Но ты мог убедиться в способностях твоего ученика — я оказался восприимчивым к малагасийскому языку. Эти способности передались мне от матери, малагасийской принцессы. Ты мне не веришь?

— Затрудняюсь что-нибудь сказать. Это так неожиданно.

— Посмотри на меня внимательно. Разве я похож на француза?

— Пожалуй, нет. Так что же Филипп может сделать для господина?

— А вот что. Отправляйся во все окрестные селения и расскажи людям, в первую очередь старостам, о том, что ты слышал от меня. И ещё расскажи, что ты видел своими глазами серебряный медальон великого вождя, который достался мне в наследство от моих предков. Если ты это сделаешь, я щедро награжу тебя, Филипп.

— Я это сделаю, мой господин.

— И ещё передай всем старостам, я приглашаю их собраться в доме Ракутубе для того, чтобы поведать им о судьбе потомков великого вождя и чтобы они своими глазами узрели знак его достоинства. Вот этот знак, который по праву наследства принадлежит теперь мне.

Встреча Беньовского со старостами состоялась незадолго до его отъезда с Мадагаскара. Об этой встрече, или сходке (кабаре), мы встречаем в литературе противоречивые сведения. Сам Морис Август с присущим ему бахвальством утверждал, что в этой сходке, состоявшейся 17 августа 1776 года, участвовали 62 старейшины малагасийских племён. Они-то якобы и признали в нём потомка великого вождя и провозгласили новым Ампансакабе, то есть верховным властелином Мадагаскара. Сам Беньовский воспринял этот титул как титул «императора всего острова».

Утверждение Мориса Августа абсолютно сомнительно. Он не имел никаких реальных возможностей собрать такое количество старейшин племён. В лучшем случае это была сходка старост поселений на сравнительно небольшой территории западного побережья острова, которая реально контролировалась экспедиционным корпусом. Вряд ли круг участников сходки превышал два-три десятка человек. До начала XIX века на Мадагаскаре никогда не было единого государственного образования. «Великий вождь» был лишь одним из малагасийских правителей, вероятно, далеко не самым могущественным. Если самозваное право Беньовского на наследство его мифического малагасийского предка и было признано частью малагасийцев, это не давало ему ни малейшего права претендовать на роль правителя всего острова. Да старосты, участники сходки, и не имели это в виду, называя Беньовского «Ампансакабе».

С помощью хитрости и обмана Морис Август смог внушить двум-трём десяткам старост поселений, что он потомок вождя восточного Мадагаскара. Доверчивые и суеверные люди поверили ему. Сыграл свою магическую роль и серебряный медальон, продемонстрированный в качестве «наследственной реликвии». Малагасийцы уважительно назвали Беньовского «Ампансакабе», как в своё время титуловали великого вождя. У малайцев развиты витиевато-уважительные формы обращения к старшим

по возрасту и занимаемому положению, начальникам, традиционным вождям. Признание Мориса Августа как Ампансакабе вовсе не означало признания за ним каких-либо прав на верховную власть над островом или его частью. Мы знаем, что фантазия Беньовского была безгранична и результаты сходки он мог интерпретировать на свой лад как угодно.

«Морис Август, то бишь Ампансакабе, верховный правитель острова! Император Мадагаскара!» — произнёс про себя Беньовский, когда старосты разъехались по домам, и задал себе вопрос: а нужен ли был весь этот спектакль с обманом доверчивых туземцев? И постарался убедить себя, что нужен, как иногда бывает нужен дерзкий, отчаянный шаг в большой игре.

От королевских комиссаров, которые, вероятно, составляют своё суровое обвинительное заключение, он не ждал ничего хорошего. Сумеет ли он оправдаться перед морским министром, перед правительством Франции? Один Бог ведает. Возможно, что и не сумеет, и тогда его карьере на французской службе придёт конец. Что ж, тогда он вернётся на Мадагаскар в ином качестве. Создаст из таких же отчаянных и дерзких искателей удачи частную торговую компанию. Пусть его компаньонами будут немцы, поляки, англичане, американцы, кто угодно — водились бы у них деньги и была бы готовность дерзать. Он, Беньовский, также вложит свой капитал. Ведь он теперь богатый человек. Мадагаскар пока что не колония Франции, ничейный остров. Высаживаться на его берегах никому не заказано. Конечно, созданная им компания будет располагать собственными вооружёнными силами, военными и торговыми кораблями. Придёт подходящее время, и он напомнит и своим компаньонам, и губернатору Иль-де-Франса, и малагасийцам о том, что он не просто глава торгового предприятия, а потомок великого вождя, верховный властелин острова. Император Мадагаскара, признанный малагасийскими вождями! Это признание даёт ему право привести под свою высокую руку весь огромный остров.

Таким мечтам предавался Морис Август, ожидая приезда Фредерики.

Заключение комиссаров Белькомба и Шевро о деятельности Беньовского было нелицеприятным. Они доносили генералу Сартину: «Чем более мы вчитываемся в донесения г. барона Беньовского, тем менее мы понимаем, как могло доверенное лицо, которому министр оказывал столь много знаков внимания, удостоверять успешность и выгодность предприятия, ему вверенного, тогда как на каждом шагу мы усматривали убыль в людях, растрату денег и товаров, присылаемых и покупаемых за королевский счёт, беспорядки и путаницу во всех служебных отправлениях,

недовольство и нападения со стороны туземцев».

Перед нами обвинительный документ, уличающий Беньовского в неблаговидных, нечестных поступках. Но даже составители этого документа не могли не подметить за Морисом Августом и других его качеств: умения производить на людей впечатление своей кипучей энергией, неуёмными прожектами. Вот что написали далее ревизоры:

«Трудно найти более необычайного по замыслам и воззрениям человека, чем г. барон Беньовский. Властолюбие и деспотизм, по-видимому, являются господствующими его страстями. Стремление воевать и пускать в ход саблю охватывает его порою, точно припадок... К этим естественным у г. Беньовского склонностям присоединяется удивительная сила темперамента и закалённости». Комиссары вспоминали далее его ссылку в Сибирь и «удивительный способ, каким он из неё освободился, и, наконец, то счастье, которое позволило ему побороть опасность здешнего климата». В заключение Белькомб и Шевро приходили к выводу, что «венгерский полковник, насчитывающий всего 37 лет от роду, предназначен для великих деяний».

Таким образом королевские комиссары дали Беньовскому неоднозначную, противоречивую оценку. Признавая его мошенничество и казнокрадство (кто же в чиновной и военной верхушке французской монархии этим не грешил!), Белькомб и Шевро, поддавшись его умению произвести впечатление, узрели в нём деятельную и незаурядную фигуру.

Глава двадцать первая

Фрегат «Орлеан» доставил чету Беньовских в Капстад. Их сопровождали Андреянов с женой-камчадалкой Агафьей и Уфтюжанинов. Поповский сын оставался при Морисе Августе в качестве телохранителя. Он оказался человеком способным к языкам и выучился довольно сносно болтать как по-французски, так и по-малагасийски. Иван тосковал по родине, по Камчатке и был обычно угрюм и неразговорчив. Алексей Андреянов, наоборот, казался весёлым, разбитным малым. Беньовский ценил его за исполнительность и лёгкий нрав. Агафья на первых порах раздражала Фредерику непонятливостью, нерасторопностью, но та постепенно усвоила, что от неё хочет госпожа. Фредерика приучила камчадалку к опрятности, выполнению всех обязанностей горничной и служанки, иногда поругивала её, чтобы та не забывала своего места в доме.

В Капстаде подвернулось голландское торговое судно, которое шло из Батавии в Амстердам. Капитан согласился принять Мориса Августа и его спутников в качестве пассажиров. Каюта Беньовским досталась далеко не самая лучшая, тесная и темноватая. Лучшие каюты были заняты высокопоставленными чиновниками и коммерсантами из Нидерландской Ост-Индской компании. Андреяновым и Уфтюжанинову пришлось довольствоваться нарами в трюме в обществе челядинцев богатых господ.

Фредерика выразила мужу недовольство:

— Куда ты спешишь, Морис? Мы могли бы остановиться на некоторое время в Капстаде и дождаться там другого судна.

— Что поделаешь? Приходится спешить и терпеть неудобства.

— Но почему?

— На это имеются серьёзные причины. Проклятый Дюма написал на меня донос министру. По этому доносу меня проверяли государственные контролёры. Один из них в чине генерала. Что они там напишут обо мне — не ведаю. Я должен прибыть в Париж раньше, чем придёт их заключение, и убедить министра в своей правоте.

— Это серьёзно, Морис?

— Очень серьёзно.

Всю дорогу через Атлантику Беньовский обдумывал оправдательные аргументы. Он готов поклясться на Библии, что никаких умышленных финансовых злоупотреблений не позволял. Возможно, имели место

промахи и упущения. Он военный человек, а не финансист. Финансовые дела корпуса, всю бухгалтерию вёл казначей, который неожиданно умер от жёлтой лихорадки. Из-за своей болезни он оставил бухгалтерскую документацию запущенной. Основные претензии инспектирующих лиц к нему, Беньовскому, были связаны с непомерными расходами на привлечение местной рабочей силы. Господа Белькомб и Шевро даже подвергли сомнению реальность этих расходов. Он, Беньовский, должен толково объяснить, что без щедрых подарков и подачек старостам поселений привлечь туземных землекопов, лесорубов, носильщиков, проводников было бы просто невозможно. В такой своеобразной форме и осуществлялась оплата труда малагасийцев.

После долгих размышлений Морис Август принялся писать объяснение. В Капстаде он разжился большим запасом писчей бумаги и гусиных перьев. Беньовский исписал не один десяток страниц, перечёркивал написанное, переписывал заново, в нервном возбуждении грыз и бросал на пол перья. Прерывал работу только тогда, когда начинало штормить и писать было уже невозможно.

Торговый корабль сделал остановку в Гавре, где Беньовские и их спутники сошли на берег. Андреянов и Уфтюжанинов стащили на причал багаж. Вещей было много. Только гардероб Фредерики занимал два увесистых сундука. Последним вынесли окованный железом сундучок с личной казной и драгоценностями.

Нанять карету в Гаврском порту не составляло труда. Попалась какая-то громоздкая, огромных размеров не то карета, не то дилижанс, впряжённая в четвёрку рослых лошадей. На крышу взгромоздили сундуки. Уфтюжанинов сел на козлы рядом с кучером. Андреяновы забились в угол кареты, стараясь вести себя тихо и незаметно, будто их и не было.

Тронулись в путь. За окном расстилалась норманнская равнина, оживляемая дубравами и селениями, над которыми подымались непременные шпили старинных готических церквей. Иногда дубравы расступались и дорога выходила на берег Сены, широкой, многоводной, доступной для морских судов.

В Руане меняли лошадей. На постоялом дворе Беньовский заказал любимое своё блюдо — говяжью печёнку с гречневой кашей, по которому так соскучился на Мадагаскаре. Фредерика запросила холодной телятины в томатном соусе. И конечно, появился на столе графинчик доброго виноградного вина. Расторопные слуги, уловив в проезжих богатых и щедрых людей, были суетливы и услужливы.

За соседним столом сидел плотный немолодой господин в тёмном

сюртуке и старательно обгладывал куриную косточку. Беньовскому он показался знакомым. Господин поднял голову и, уловив на себе пристальный взгляд полковника, старался припомнить, где же он его видел.

— Тысяча чертей, если вы не тот самый человек, с которым мы года два или три тому назад ехали в одном дилижансе из Лорьяна в Париж!

— А вы тот самый коммерсант Моро, мой попутчик, с которым мы тогда так мило беседовали.

— Если не ошибаюсь, вы ехали в Париж, чтобы поступить на французскую королевскую службу.

— Поступил и командую экспедиционным корпусом на Мадагаскаре. Намерен провести в Париже отпуск и подлечиться. Перебирайтесь, дружище Моро, за наш стол. Рад с вами потолковать.

Моро не заставил себя долго упрашивать.

— Знакомьтесь. Моя жена, баронесса Фредерика.

Коммерсант галантно поцеловал ручку мадам Беньовской.

— Ну и какова перспектива превращения Мадагаскара во французскую колонию? — поинтересовался Моро.

— Перспектива самая благоприятная. Да вот наткнулся на вражду и непонимание королевских чиновников, начиная с губернатора Дюма. Морской министр, вместо того чтобы прислать пополнение для экспедиционного корпуса и увеличить ассигнования на его содержание, изматывает меня проверками. Теперь мне придётся оправдываться перед министром. Кстати, что представляет собой этот Сартин?

— Что вы хотите от полицейского генерала? Усердный служака. Звёзд, как говорят, с неба не хватает. Трусоват. Вряд ли будет вам серьёзной опорой. Вам бы стоило познакомиться с мосье Тюрго.

— Но как это сделать?

— Попробуйте действовать через кого-нибудь из финансистов. Наши финансовые тузы, банкиры, промышленники возлагают большие надежды на Тюрго. Но королевское окружение и особенно австриячка его не любят.

— Помните, господин Моро, вы предсказывали, что во Франции появится свой Кромвель.

— Кромвель — это крайняя мера. Всякая революция — палка о двух концах, чреватая опасными последствиями. Если бы удалось избежать разгула черни, кровопролития и обновить режим с помощью смелых реформ... Если консерваторы во главе с австриячкой сумеют свалить Тюрго, трон рано или поздно зашатается. К сожалению, наш молодой Луи этого никак не понимает.

Показался кучер.

— Лошади готовы, ваша милость. Можем ехать, — сказал он Беньовскому.

— Выпей, голубчик, бутылочку бургундского за наше здоровье, — ответил ему Морис Август. — И пусть хозяин отнесёт её стоимость за мой счёт. И ещё попроси его накормить моих слуг. Не будем спешить.

Беньовский продолжал беседу с коммерсантом, направлявшимся по своим торговым делам из Парижа в Гавр.

— Народ связывает надежды на добрые перемены не столько с именем короля, сколько с Тюрго, — говорил Моро. — Третье сословие ожидает обещанной налоговой реформы, промышленники и торговцы хотели бы поощрительных мер правительства, которые позволили бы поднять производство и торговлю. Но все благие намерения Тюрго встречают яростное сопротивление аристократии, двора, австриячки.

— Вероятно, эти круги раздражает авторитет Тюрго среди третьего сословия?

— Можно сказать и так. Один из самых заядлых его недругов министр иностранных дел граф де Верженн[55], старый дипломат. При покойном короле он был послом в Турции и ещё в каких-то странах. Близок к Марии-Антуанетте. А во времена предыдущего царствования ему благоволила мадам Дюбарри.

— Какова её судьба?

— Из монастыря, где её заключение не было слишком строгим, Дюбарри давно выпустили. Живёт себе припеваючи в загородном замке Марли, принимает гостей, как в добрые старые времена. Сохраняет политическое влияние.

— Любопытно.

Беседа Беньовского с Моро продолжалась ещё долго. Коммерсант прекрасно ориентировался во всех сложных хитросплетениях и лабиринтах политической жизни Франции и помог Морису Августу представить её общую картину. Беньовский уловил главное — надежды на перемены общество связывает с партией реформ и её лидером Тюрго. Реформы встречают яростное сопротивление консервативных сил. Знаменем реакции стала властолюбивая Мария-Антуанетта, влияющая на слабохарактерного короля. Устоит ли Тюрго? Скорее всего, что не устоит. Ему, Морису Августу Беньовскому, выгодно представить себя жертвой недоверия и предубеждённости генерал-контролёра финансов и искать защиты у его врагов, например у графа де Верженна, влиятельного министра иностранных дел, близкого к королеве. Да и госпожу Дюбарри рано списывать со счетов. Не она ли подскажет ему, Беньовскому, надёжную

дорогу к графу?

Свежие лошади резво бежали по дороге. Повеселевший после бутылки бургундского вина кучер напевал задорную песенку. За окном мелькали селения, замки, городки, церкви. Вновь и вновь дорога выходила к Сене. Выше Руана река становилась не такой широкой и многоводной.

Фредерика о чём-то расспрашивала мужа. Кажется, о судьбе мадам Дюбарри. Можно ли считать её уединение в замке Марли почётной ссылкой? Можно ли когда-нибудь увидеть эту женщину, о которой так много говорят во Франции? Морис Август плохо понимал, о чём спрашивала его жена, и отвечал ей невпопад, думая о своём. Он как бы мысленно делал предстоящие ходы в сложной шахматной игре. Игре, которая будет сталкивать его с непредвиденными ходами противника.

В Париже Беньовский решил остановиться в знакомом отеле «Белая лилия» невдалеке от Нотр-Дам. Администратор вспомнил старого постояльца.

— Давненько не наведывались к нам, — сказал он приветливо.

— Давненько. Странствовал по белу свету.

— Что угодно мосье?

— Первоклассный номер. Желательно трёхкомнатный.

— Есть такой номер на втором этаже. Его только что освободил принц Баденский.

— И недорогое помещение для моих слуг.

— Мишель, помоги перенести наверх вещи гостей.

Мишель, тот самый юноша, а теперь крепко сбитый рослый мужчина с усиками, гостиничный швейцар, помог Уфтюжанинову и Андреянову затащить на второй этаж тяжёлые сундуки.

Время было позднее, и официальные визиты пришлось отложить до утра. Супруги решили пройтись по вечернему Парижу. Для безопасности взяли с собой Уфтюжанинова, вооружённого шпагой и пистолетом. В Нотр-Дам начиналась вечерняя служба. Главный вход западного портала под окном-розеткой втягивал внутрь здания цепочку людей. На паперти толпились побирушки и канючили на разные голоса. Беньовские вошли в храм в тот самый момент, когда раздались первые величественные звуки большого органа и запели певчие. Звуки и голоса тонули в пространстве огромного храма и отзывались высоко под сводами. На алтаре мерцали свечи, и священнослужитель в епископской митре начал проповедь.

После богослужения Беньовский предложил Фредерике пройтись до кабачка, где когда-то собирались горластой и беспокойной стаей поляки-конфедераты. Кабачок легко отыскался по броской вывеске и причудливому

фонарю над входом.

Из недр прокуренного зальца доносились звуки скрипки. Два пожилых скрипача исполняли задорную мелодию. Несколько подвыпивших посетителей нестройно подпевали. Скрипачей и поющих заглушал гвалт голосов. Люди о чём-то спорили, кого-то яростно ругали. Увидев вошедших, из-за стойки вышел им навстречу сам хозяин кабачка и спросил услужливо:

— Что желают господа, столик или отдельный кабинет?!

— Кабинет, — ответил Морис Август. — И шампанского с лёгкой закуской.

— Как вам будет угодно.

— Скажи, любезнейший, собираются ли здесь по-прежнему поляки? — спросил хозяина Морис Август, когда они вошли в тесную, как корабельная каюта, комнатёнку позади буфетной стойки.

— Почти все они разъехались, — ответил хозяин. — Говорят, король Станислав простил их и разрешил вернуться на родину. Остались два-три человека. Они на французской службе. Изредка заглядывают к нам по старой памяти.

— А почему так галдят?

— А теперь по всему Парижу галдят. Митингуют. Сторонники Тюрго спорят с консерваторами и ругают австриячку. Иногда дело доходит до драки.

— Вот как?

— Ещё забыл вам сказать... Иногда здесь появляется некий горемычный пан... запамятовал его фамилию. Его подобрал было один старый поляк, приближённый королевы Марии Лещинской, взял к себе на службу. А горемычный пан не оправдал доверия хозяина. Не то пропился, не то проворовался и был с позором изгнан из хорошего дома. Сейчас бедняга скитается по кабакам, рассказывает о своих военных подвигах и просит, чтобы ему поднесли стаканчик. Да никак он здесь!

— Пришли его ко мне.

— Стоит ли связываться с попрошайкой?

— Любопытно всё же.

Давно не бритый, опустившийся человек в поношенном сюртуке робко показался в дверях.

— Холера ясна! Пан Беньовский, ясновельможная пани! — воскликнул он, несколько осмелев. — Не вы ли приходили сюда?

— Что-то не припомню вас.

— Это и немудрено. Нас тогда было много. Я Лешек Копницкий.

Служил когда-то поручиком у конфедератов. Сражался под Сандомиром, был ранен. А теперь от нашего конфедератского движения остались одни горькие воспоминания.

Лешек стал жаловаться на свою судьбу. Соратники его вернулись в Польшу, примирившись с королём Станиславом, русским ставленником. Он же, Лешек Копницкий, гордый и самолюбивый человек, не мог поступить так, как другие. Для него не существует Польши, пока ею правит этот Станислав. Уж лучше уехать на край света, в какую-нибудь колонию. Почему бы пану Беньовскому не воспользоваться его военным опытом и не предоставить ему должность в экспедиционном корпусе? Он, Копницкий, хорошо помнит, как пан барон предлагал бывшим конфедератам вступить в ряды корпуса. И очень сожалеет, что не откликнулся тогда на этот призыв. И Лешек снова напомнил, что сражался под Сандомиром и был ранен.

— Я уже слышал об этом, — перебил его Морис Август. — К сожалению, ничем вам помочь не могу. Не уверен, что вернусь к командованию корпусом. Его численность собираются сократить.

— Вам что-нибудь известно о судьбе Лихницкого, моего родственника? — вмешалась в разговор Фредерика.

— Пан Лихницкий по-прежнему командует гарнизоном на севере Франции и не тужит.

— Не стоило бы вам обратиться к нему за помощью? — сказал Беньовский.

— Пытался уже. Он теперь такой надменный и недоступный, словно генерал.

Морис Август так и не пригласил Копницкого к столу, а лишь велел служанке, подать поляку стакан вина. Потом выпроводил Лешека со словами:

— Желаю удачи. Вы уж извините нас, мы решили с женой провести вечер наедине, чтобы отметить наше возвращение в Париж.

Копницкий удалился огорчённый. Он так надеялся, что его пригласят к столу и щедро угостят. Судьба горемычного поляка мало тронула Беньовского.

Через служанку Морис Август пригласил двух скрипачей и попросил их сыграть что-нибудь венское. Музыканты заиграли весёлую мелодию Гайдна, композитора, известного далеко за пределами Австрии. Беньовский был в хорошем настроении и снизошёл до того, что разрешил Уфтюжанинову, сидевшему стражем у входа в отдельный кабинет, войти.

— Послушай, братец Иван, хорошую музыку.

Одарил Морис Август музыкантов не слишком-то щедро. Дал каждому

по мелкой серебряной монете, а с Уфтюжаниновым завёл разговор.

— Скучаешь, Иван, по России?

— Говоря по правде, скучаю. По Камчатке нашей. По реке Большой. Не по той, что крокодилами кишит, а по нашей, камчатской. Вижу, как косяки кеты и горбуши идут нереститься в реки и ручьи. А ранней осенью сопки краснеют от брусники. Слышу, как в кустах белые куропатки, кудахчут.

— Да ты, братец, чего доброго, стихами заговоришь. Не грусти. Камчатка — это далёкое, пройденное. Мы с тобой ещё не такие дела будем вершить. На Мадагаскар ещё вернёмся. Малагасийцы ждут меня. Я им тайну одну открыл.

— Какую тайну?

— Великую тайну. Со временем всё узнаешь. Выпей-ка за наши с тобой успехи.

Засиделись в кабачке до полуночного часа. И хотя гостиница «Белая лилия» находилась неподалёку, Беньовский распорядился, чтобы Уфтюжанинов отыскал карету. Постоянно общаясь с офицерами и солдатами корпуса, Иван научился сносно болтать по-французски и поэтому поручение полковника выполнил без затруднений.

Утром Беньовский приказал Андреянову тщательно почистить и отутюжить форменный камзол, а Уфтюжанинову довести до зеркального блеска шпагу. Прихватив папку с пространной объяснительной запиской, он направился в морское министерство. К министру Сартину ему не удалось пробиться через плотный заслон из секретарей и помощников. После долгих и настойчивых просьб Беньовского принял один из помощников министра, оказавшийся тем самым, который провожал фрегат «Орлеан», отплывавший из Лорьяна с экспедиционным корпусом. Морис Август вспомнил, что чиновника звали Жуаньи.

Помощник министра принял Беньовского подчёркнуто сдержанно, сухо, сказал несколько общих, ничего не значащих фраз.

— Меня удивляет, почему генерал не смог принять меня и выслушать, — с чувством обиды сказал Беньовский. — Приезд командира экспедиционного корпуса с Мадагаскара не такое уж заурядное, как я полагаю, событие в жизни министерства. Разве мне нечего рассказать господину министру?

— К сожалению, генерал в ближайшие дни будет очень занят. И кроме того, он считает встречу с вами преждевременной.

— Но почему?

— Против вас выдвинуто губернатором Иль-де-Франса господином

Дюма серьёзное обвинение.

— Необоснованное обвинение.

— Обоснованное или необоснованное — в этом должны были разобраться королевские комиссары. Их заключения мы ещё не получили. Поэтому господин Сартин ещё не готов выслушать вас и решить вашу судьбу.

— Надеюсь, что со мной поступят по справедливости. Моя работа на Мадагаскаре стоила мне здоровья, и я был вынужден отправиться во Францию для лечения.

— Вы самостоятельно приняли такое решение?

— Вовсе нет. Я поступил так с разрешения комиссаров, наделённых высокими полномочиями. Примите от меня эту папку с объяснительной запиской. В ней я разъясняю мотивы моих разногласий с господином Дюма, причины значительных расходов на привлечение туземной рабочей силы, вынужденную необычную форму её оплаты. У комиссаров сложилось впечатление, что практические результаты моей строительной деятельности не отвечают огромным, по их мнению, расходам. Я подробно показываю сложность и трудоёмкость работ в неблагоприятных тропических условиях. Возьмите, к примеру, прокладку дорог. Зыбкий болотистый грунт требует постоянной присыпки песком и камнем. Тропическая растительность стремительно наступает на прорубленные просеки. Если их периодически не чистить, они моментально зарастут. А это затраты средств и рабочей силы. Новые и новые расходы!

— Вы пишете об этом в объяснительной записке?

— Самым подробным образом.

Беньовский принялся с увлечением рассказывать о трудностях мадагаскарской экспедиции, о коварном климате и малярийных болотах, о походе против имеринцев, о жадных и корыстных вождях, которых всякий раз приходилось задабривать щедрыми подарками и денежными подачками, чтобы привлечь туземную рабочую силу. Дабы изобразить картины жизни и деятельности корпуса на Мадагаскаре более зримыми и впечатляющими, Морис Август не скупился на выдумку и безудержную фантазию. И он, кажется, заинтересовал помощника министра.

Господин Жуаньи слушал его, не перебивая.

— Оставьте вашу объяснительную записку, — сказал он. — Я познакомлюсь с ней и выскажу своё мнение министру.

Морису Августу показалось, что под впечатлением его рассказа помощник министра стал как-то мягче и, пожалуй, доброжелательнее. Попрощались они вполне миролюбиво.

— Поддерживайте связь с господином Обюссоном, одним из секретарей министра, — сказал напоследок Жуаньи. — Он первым знакомился с вашими отчётами и хорошо осведомлён о вашей деятельности. Если будут какие-либо важные для вас новости, Обюссон известит вас.

Через два дня Беньовский снова зашёл в морское министерство и познакомился с Обюссоном, человеком непримечательной внешности лет сорока. Секретарь оказался словоохотливым, улыбчивым и склонным к лести.

— Читал ваши отчёты, дорогой полковник, как увлекательный роман, — с пафосом произнёс Обюссон. — Рад встрече с героем далёкого Мадагаскара.

— Льстите. Какой я герой! — возразил Беньовский. — Усердно служил королю и Франции — только и всего.

Из дальнейшего разговора с Обюссоном у Мориса Августа сложилось впечатление, что секретарь — человек в министерстве достаточно влиятельный и осведомлённый, хорошо разбирающийся во всех тонкостях правительственной политики. Вот бы сблизиться с этим скромным на вид, незаметным канцеляристом! Не жаль и ценных подарков, если он охоч до них.

— Благодарен вам за то, что вы взяли на себя труд ознакомиться с моими пространными писаниями.

— Это моя прямая обязанность. А отчёты ваши и правда были интересны.

— Не согласитесь ли, мосье Обюссон, отобедать вместе, хотя бы в «Белой лилии», где я остановился с женой? Если Мадагаскар вызывает у вас такой интерес, порасскажу вам множество всяких занятных историй, которые вы не могли прочитать в моих отчётах.

Подумав, Обюссон согласился с приглашением.

Беньовский лез вон из кожи, чтобы угодить полезному чиновнику. Обед состоял из самых изысканных блюд. Слуги подавали устриц, салат из крабов, рагу из жареных перепелов, разнообразные вина. Морис Август и Фредерика занимали гостя рассказами. Беньовский припомнил, как огромный зубастый крокодил едва не сожрал зазевавшегося капрала. И плохо пришлось бы бедняге, если бы не меткий выстрел солдата, всадившего в чудовище смертельную пулю. Солдат считался растяпой и рохлей, не сумевшим усвоить элементарные строевые команды. Но подумайте, оказался отменно метким стрелком.

Морис Август постарался свести беседу к непринуждённой светской

болтовне, не пытаясь вытягивать из Обюссона полезную информацию. Всему своё время. Сперва надо закрепить знакомство.

К концу застолья секретарь заметно захмелел и разоткровенничался о себе, о своей семье. Он из мелкопоместных дворян. Отцовское наследие по завещанию досталось старшему брату, человеку скупому, прижимистому. С ним вышел полный разлад. Он ни разу не протянул руку братской помощи младшему брату, когда тот попадал в затруднительное положение.

Он, Обюссон-младший, был вынужден служить и довольствоваться чиновным жалованьем. А ведь он обременён семьёй.

— Не отчаивайтесь, — утешил его Беньовский, — вы ещё молоды и сумеете сделать карьеру.

— Сделал бы... если бы носил титул виконта или графа.

— Мы с вами очень приятно провели время, дорогой Обюссон. Надеюсь, это наша не последняя встреча. Надеюсь также, что мы будем добрыми друзьями. Позвольте вам по этому случаю сделать маленький подарок.

Беньовский снял со своего пальца массивный золотой перстень с крупным алым рубином и протянул Обюссону.

— Работа индийских ювелиров. Вам тоже подойдёт.

Поколебавшись, секретарь морского министра принял подарок.

После этого обеда Беньовский ещё несколько раз встречался с Обюссоном, щедро поил и угощал его и выведал немало полезной информации. Министр Сартин, бывший генерал полиции, чувствует себя в морских делах неуверенно и самостоятельные решения принимает редко, всецело полагаясь на советы и рекомендации своего помощника Жуаньи. Можно с уверенностью сказать, что старый, опытный помощник оказывает на шефа огромное влияние и нередко подсказывает ему необходимые решения.

В отношении Мориса Августа Жуаньи настроен терпимо и вовсе не жаждет расправы над ним. По мнению помощника министра, ознакомившегося с отчётами Беньовского и письмом-доносом губернатора Иль-де-Франса Дюма, правда лежит где-то посередине между тем, что изложено в этих документах. Если за командиром экспедиционного корпуса и водятся грешки, то за кем они не водятся!

Самый непримиримый враг Беньовского — это генерал-контролёр финансов Тюрго. Он борется с расточительством, сокращает статьи государственных расходов. И он задался целью наказать в назидание другим одного-двух казнокрадов.

— Но почему выбор пал на меня? — перебил Обюссона Морис

Август.

— Неужели вы не понимаете, полковник?

— Ей-богу, не понимаю.

— Если бы вы были французским графом или герцогом, за вас вступился бы весь высший свет страны. А вы венгр, и ваша судьба не будет волновать наших аристократов ни в какой степени.

— Понимаю вас. По мнению этого проклятого Тюрго, с венгерским бароном расправиться проще.

— Увы, но это так. Ищите влиятельного покровителя среди его врагов.

— Ваш совет мне нравится. Что вы скажете насчёт графа де Верженна?

— Министра иностранных дел? О, это очень влиятельный человек в кабинете. Ещё при старом Людовике был посланником в Кобленце и Трире, послом в Швеции и Турции. Ему благоволит за проавстрийские симпатии королева Мария-Антуанетта. Граф ярый противник Тюрго.

— Насколько де Верженн доступен?

— Как всякий большой политик, он доступен для каждого, кто может быть ему полезен.

За ценную информацию Обюссон был вознаграждён золотой табакеркой и ниткой жемчуга для супруги.

По вечерам Морис Август с Фредерикой иногда посещали театр Пале-Рояль, на сцене которого ещё недавно выступал в своих пьесах Жан-Батист Мольер[56]. Он умер незадолго до смерти старого Людовика. Его пьесы продолжали пользоваться у простого французского зрителя огромным успехом. Беньовские смотрели «Мещанина во дворянстве», остросатирическую комедию, высмеивавшую чванство самодовольного буржуа. Зал был переполнен.

В другой раз ставилась комедия Бомарше[57] «Севильский цирюльник», недавно написанная автором. Зал содрогался от гомерического хохота, когда пылкий граф Альмавива и его возлюбленная, проказница Розина, дурачили её опекуна, незадачливого доктора Бартоло, когда на сцене появлялась нелепая, долговязая фигура учителя пения, дона Базилио. Во время антракта публика, прогуливаясь по фойе, делилась впечатлениями. Кто-то доказывал, что Бомарше достойно продолжает традиции покойного Мольера. Другой, горячась, утверждал, что автор «Севильского цирюльника» выше, талантливее. С ними соглашались и не соглашались. Пышноволосый молодой человек, должно быть студент, стал

выкрикивать, как на митинге:

— Не спорьте, господа! Оба драматурга велики. Оба — люди третьего сословия, сын драпировщика и сын часовщика. Оба не по вкусу сановным аристократам. Смелая правда кое-кому колет глаза. Разве не так?

«Севильский цирюльник» Беньовским понравился. При очередной встрече с Обюссоном Морис Август поделился впечатлениями о спектакле.

— Вы знаете, что за человек Бомарше? — неожиданно спросил его секретарь.

— По-моему, небесталанный драматург.

— И ещё ловкий делец. Взялся поставлять оружие североамериканским колониям, восставшим против англичан[58], и наживает на этом миллионы.

— Вот не подумал бы. Бомарше — и торговля оружием!

— Конечно, всё это делается с ведома министра иностранных дел. Чтобы не портить окончательно отношений с англичанами, нам выгоднее подрывать их позиции в Америке руками частных лиц.

— Хитрая вещь политика.

— Ещё бы.

— Постойте... Бомарше, выходит, близок к де Верженну?

— Близок.

— Не стоило бы познакомиться с этим Бомарше, чтобы через него войти к графу?

— Подумайте. Может быть, и стоит.

Но Беньовский раздумал знакомиться с драматургом-дельцом и вспомнил о своей старой знакомой мадам Дюбарри. Разве не говорил проезжий коммерсант Моро во время их встречи на постоялом дворе в Руане, что прежняя королевская фаворитка когда-то благоволила преуспевающему дипломату, теперешнему министру иностранных дел графу де Верженну?

С помощью того же всеведущего Обюссона Морис Август узнал, что Мария Жанна Дюбарри теперь постоянно проживает в замке Марли-ле-Руа. Замок этот, окружённый живописным парком, был заложен Людовиком XIV. Впоследствии его правнук Людовик XV подарил его своей фаворитке. Марли находится на левом берегу Сены, в ближайших окрестностях Парижа. Образ жизни графини Дюбарри отнюдь не затворнический. По четвергам её дом открыт для гостей званых и незваных. Говорят, графиня покровительствует модным писателям, художникам.

В ближайший четверг Беньовский нанял карету и отправился в Марли-ле-Руа. Перед замком, окаймлённым рядами подстриженных декоративных

кустов, стояло несколько карет и экипажей.

Представительный мажордом с клинообразной бородкой, похожий лицом на кардинала Ришелье, спросил входящего в вестибюль Мориса Августа:

— Как прикажете доложить?

— Барон де Бенёв, командир экспедиционного корпуса.

— Будет доложено, мосье.

Как и прежде, Дюбарри вышла ему навстречу нарядная, приветливая, в тяжёлом ожерелье из крупных жемчужин.

— Тронута, любезный барон, вашим вниманием. Не забыли, вспомнили Марию Жанну в трудную для неё минуту. Когда лишаешься друга и поддержки, внимание добрых людей особенно ценно.

— Мог ли я когда-нибудь забыть вас? Вы так много сделали для меня.

Морис Август пристально разглядывал Марию Жанну. Всё такая же стройная, моложавая, хотя возле уголков рта обозначились заметные морщинки, а под глазами легли тени. Их не скроет и тщательный грим. Сколько же ей лет? Кажется, двадцать девять.

Дюбарри также с интересом разглядывала Беньовского и высказала своё впечатление:

— А вы возмужали, барон. Загорели под тропическим солнцем. Накопили много впечатлений?

— Немало.

— Напишите книгу о Мадагаскаре. Я подыщу вам издателя. Моя слабость — помогать писателям, художникам.

— Книгу не осилю. Терпения не хватит. Ведь я по своей природе солдат, а не писатель. А вот порассказать вай смогу немало интересного. О том, например, как мы штурмовали крепость одного туземного вождя, охотились на крокодилов, как малагасийцы празднуют свою свадьбу.

— О, надеюсь, это всё очень занимательно.

— Хотел бы наведаться к вам неофициально, приватно. С Мадагаскара я привёз для вас неплохую вещицу.

— Надеюсь, это не крокодил? Очень боюсь этих тварей. В зверинце у покойного Луи плавали огромные индийские крокодилы. Когда король бывал не в духе, он говорил мне: «Вот прикажу бросить тебя в бассейн к этим чудовищам». А я отвечала: «Тогда у вас, сир, не будет вашей маленькой Марии Жанны». «Я же пошутил, дорогая», — успокаивал он меня. Король был так ко мне привязан.

— Сочувствую вам, графиня. Такая для вас потеря...

— Моё горе смягчается вниманием друзей. Вы слышали имя Жан-Батист Грёз?

— Писатель?

— Фи, барон, вы совсем отстали от жизни на вашем далёком Мадагаскаре. Грёз не писатель, а художник, и очень известный. Вы видите на стенах этой гостиной несколько превосходных портретов его работы. Жан, подойдите к нам.

Дюбарри познакомила Беньовского с модным художником, а сама отошла к другим гостям. Их собралось не столь много, как в прежние времена, — всего десятка полтора. Среди них оказались один писатель, один художник, три-четыре пожилых дворянина, которые когда-то были чем-то обязаны всесильной фаворитке, и ещё какие-то молодые люди, стремившиеся удовлетворить своё любопытство и тщеславие: подумайте, побывали в замке у самой Дюбарри!

Жан-Батист Грёз заговорил о современной французской живописи, похвалил художника Латура, писавшего парадные портреты королей и вельмож, упомянул пейзажиста Верне и потом пустился в рассуждения о своих художественных пристрастиях.

— Критики упрекают меня в сентиментальной чувствительности. Я поклонник женской красоты. Люблю писать портреты миловидных девушек, в которых угадывается доброта, добродетель, душевность. Взгляните хотя бы на эти мои работы.

Морису Августу показалось, что портреты Грёза, очевидно купленные хозяйкой замка у художника, слащавы и однообразны. Они как бы повторяли друг друга с незначительными вариациями. И ещё Беньовский подумал с иронией, что этот замок, конечно, самое подходящее место, чтобы напоминать здесь о женских добродетелях.

Ему наскучило слушать рассуждения Грёза. Живописью Морис Август не интересовался. Он отошёл от художника, делая вид, что рассматривает гобелены. Слуги обносили гостей вином, печеньем и фруктами.

Как только гости начали расходиться, Беньовский подошёл к Дюбарри.

— Я не получил, любезная графиня, вашего согласия на мой неофициальный визит.

— Приезжайте завтра. В полдень вы найдёте меня в парке. Догадываюсь, я вам очень нужна.

— Очень.

— До завтра, друг мой.

Мария Жанна протянула Беньовскому руку для поцелуя.

Фредерика привыкла к частым деловым отлучкам мужа и не стала

допытываться, куда он собирается. Она сама намеревалась побродить по модным лавкам, а потом зайти в Нотр-Дам, чтобы послушать мессу и насладиться звуками органа. Дождавшись, когда Фредерика выйдет, Беньовский отомкнул сундук и вынул диадему, сверкающую крупными бриллиантами. Полюбовался ею и задал себе вопрос — будет ли поражена дорогим подарком Дюбарри? Король мог дарить своей фаворитке и не такие ценности. Но ведь он, Морис Август, не король, а простой смертный. Впрочем, не простой смертный, а Ампансакабе, верховный властитель Мадагаскара, признанный малагасийскими вождями. И он вправе дарить бывшей первой даме Франции подобный щедрый подарок.

Беньовский тут же поймал себя на мысли, что признание его в качестве Ампансакабе было пока только спектаклем. Последуют ли за этим спектаклем реальные результаты — один Бог ведает.

Диадема была заключена в узорчатый ларец из ароматного дерева, которое растёт только в тропиках, а ларец уложен в кожаный походный саквояж. Беньовский крикнул Уфтюжанинова.

— Поедешь со мной, Иван. Держи саквояж бережно и, упаси Боже, не урони.

— Будьте покойны.

И вот снова поездка в Марли.

Марию Жанну Беньовский отыскал в парке прогуливающейся по аллее в сопровождении компаньонки. Дюбарри была в лёгком домашнем платье из розового шёлка, подчёркивающем стройную фигуру.

— Вы пунктуальны, барон. Я так рада вас видеть! Софи, оставь нас вдвоём. Наши с бароном деловые разговоры вряд ли тебе будут интересны.

— Слушаюсь, мадам, — прощебетала компаньонка и удалилась.

— Во-первых, примите, графиня, от меня этот маленький подарок, — сказал Беньовский и протянул Марии Жанне ларец из ароматного дерева.

— Что это?

— Достойная вас безделушка работы лучших арабских мастеров.

Дюбарри приняла из рук Беньовского ларец, раскрыла его и была поражена ярким сиянием ажурной диадемы из золота и крупных бриллиантов. На лице её отразились восторг и изумление.

— О, это очень дорогая вещь! Такие подарки мне делал король. Но это было давно.

— Разве я не могу сделать подарок даме моего сердца?

— Я стала дамой вашего сердца? Как в старых рыцарских романах? Забавно.

— Да, как в старых рыцарских романах. Их герои — странствующие рыцари, скитальцы и романтики вроде меня. Их дамой сердца могла быть замужняя женщина, королева, недоступная принцесса, предмет высокой платонической любви, поклонения. Речи не было о низменных плотских вожделениях. Мог ли я не поклоняться вам, моя добрая фея?

— Вы очень опасный бес-соблазнитель, — игриво произнесла Дюбарри и ласково потрепала Беньовского по щеке ладошкой. Беньовский пылко схватил Марию Жанну за руку, но ощутил, что его порыв никак не передался женщине. Рука её оставалась вялой, безжизненной. Она высвободила руку и сказала сухо, трезво:

— Закончим рыцарскую часть нашей беседы. Надеюсь, вы пришли ко мне не за тем, чтобы напоминать мне о странствующих рыцарях и их дамах сердца?

— Вы моя дама сердца, Мария Жанна!

— Ах, вы становитесь скучны, Морис. Я правильно вас назвала? Разрешите, буду с вами предельно откровенна. Вы деловой й расчётливый человек. Конечно, ждёте, что ваш щедрый подарок должен быть так же щедро оплачен мною.

— Господь с вами!

— Обождите, не перебивайте. Допускаю, что вы хотите меня. Я ещё не настолько стара, чтобы не нравиться мужчинам. Я знаю это. Но должна вас разочаровать. Судьбе было угодно, чтобы я прошла через королевскую постель и потом стала всесильной фавориткой короля Людовика. Да будет вам известно, что наложница и фаворитка — это далеко не одно и то же. Король быстро охладел ко мне как к женщине. Он был своеобразным человеком, ветреным и любвеобильным. Я же, чтобы сохранить влияние при дворе, обязана была хранить верность человеку, которому уже не принадлежала. Я никому не принадлежала. Я умертвила в себе женщину, стала холодной и бесстрастной, как эта мраморная статуя, которую вы видите на аллее.

— Бедная Мария Жанна! Мне жаль вас.

— Что поделаешь, Морис. Мне досталась горькая судьба. Я уже никому не буду принадлежать.

Дюбарри умолкла, вздохнув. Морис Август пристально разглядывал её лицо. Оно было почти без косметики и казалось каким-то рыхлым, несвежим, постаревшим.

— Поговорим теперь о деле, которое привело вас ко мне, — тоном приказа произнесла Мария Жанна после некоторых размышлений.

Морис Август, не вдаваясь в подробности, рассказал ей о своих

злоключениях. Его недоброжелатели и завистники во главе с губернатором Иль-де-Франса господином Дюма оклеветали его, представив казнокрадом и мошенником. Руководители морского министерства, кажется, не очень поверили клевете. Но вот генерал-контролёр финансов Тюрго настаивает на привлечении его к судебной ответственности. Ему хочется сделать из командира экспедиционного корпуса козла отпущения в назидание другим. Он, Беньовский, как известно, венгр, австрийский подданный. Расправа над ним не вызовет в высших кругах такой реакции, как если бы на его месте оказался какой-нибудь аристократ-француз.

— Понимаю, — перебила его Дюбарри. — Вам понадобится влиятельный защитник против козней Тюрго. Вас могла бы поддержать королева Мария-Антуанетта, ваша соотечественница. Она терпеть не может Тюрго и настаивает, чтобы король уволил его в отставку.

— Но ведь вы с королевой далеко не друзья.

— Это мягко сказано. Мы враги, но мы и союзники, когда дело касается сохранения добрых старых устоев королевства, его ограждения от всяких реформаторских новшеств Тюрго. Это опасный человек. Он ищет популярности у третьего сословия, которое рвётся к анархии, революции. Уверяю, что королева заступится за вас.

— Но как я смогу добиться с вашей помощью заступничества её величества?

— Обратитесь к графу Шарлю де Верженну.

— Я уже слышал это имя. Он близок к Марии-Антуанетте?

— Это человек её партии и недруг Тюрго. Я напишу рекомендательное письмо к графу, и он примет вас в ближайшие дни.

— Как мне отблагодарить вас, Мария Жанна?

— Вы уже отблагодарили меня сполна. Какие у вас ещё просьбы ко мне?

— Понимаете... Допустим, министр иностранных дел и королева мне помогут. Но на французской службе меня вряд ли оставят, дабы замять раздутое губернатором Дюма и Тюрго дело, и предложат возвратиться на родину.

— Что ж? Поживите в Вене, пока парижские страсти не улягутся.

— Легко вам сказать — поживите в Вене. Для Австрийской империи я человек вне закона, беглец. Императрица Мария-Терезия распорядилась арестовать меня и судить за кое-какие шалости молодости, лишила меня отцовских имений. Я вовремя успел удрать в Польшу, чтобы не очутиться за решёткой.

— Как же вас угораздило заслужить немилость императрицы?

— Молод был, горяч. Увлёкся дуэлями, ссорился с соседями, оскорбил воинского начальника, который этого заслуживал.

— А вы, однако, большой шалун.

— Повзрослел, исправился. Разве не заслужил я прощения императрицы преданной службой королю Франции, который приходится зятем австрийской монархини? Я хотел бы вернуть милость Марии-Терезии и право вернуться в Австрию.

— Постарайтесь, чтобы де Верженн и королева замолвили за вас слово перед венским двором. Мария-Антуанетта могла бы написать письмо матери и брату с просьбой пересмотреть ваше дело и простить вас.

— Вы вселили в меня добрые надежды.

— Моё рекомендательное письмо министр иностранных дел получит не позже завтрашнего дня. Желаю вам удачи, барон.

И Мария Жанна поцеловала Беньовского в щёку. Поцелуй был холодным, бесстрастным.

Вскоре после поездки Беньовского в Марли и его встречи с графиней Дюбарри секретарь министра Обюссон наведался в «Белую лилию».

— Есть новости, — сказал он Морису Августу. — Пришло долгожданное заключение комиссаров Белькомба и Шевро.

— И что же написали про меня эти крючкотворы?

— Заключение выглядит лучше, чем мы ожидали. Комиссары характеризуют вас как энергичного, деятельного человека. Отмечены и недостатки в вашей работе. Господин Жуаньи истолковывает их как упущения в отчётности.

— Вот видите, Обюссон. Упущения — это ещё не значит умысел. Мне так не хватало опытного казначея. Надеюсь, мосье Жуаньи готов принять меня?

— Я приехал за вами.

— Ну вот, дорогой барон, гордиев узел разрублен, — такими словами Жуаньи встретил Беньовского. Держался помощник министра приветливо, доброжелательно. — Белькомб и Шевро наконец-таки прислали нам своё заключение.

— Могу я ознакомиться с этим документом?

— Заключение находится у министра. Так что придётся вам поверить мне на слово. Серьёзных претензий с нашей стороны к вам нет. Вы помогли французам зацепиться за Мадагаскар и создать предпосылки для превращения острова в благоприятном будущем во французскую колонию. Ваши заслуги не будут забыты. Комиссары отмечают ваши упущения в финансовой отчётности, большие людские потери.

— Они вызваны тяжёлыми тропическими условиями, лихорадкой.

— Понимаю, это не ваша вина.

— Если серьёзных претензий, как вы говорите, господин Жуаньи, ко мне нет, могу я возвратиться на Мадагаскар и приступить к своим обязанностям командира экспедиционного корпуса?

— К сожалению, нет.

— Но почему?

— Сейчас объясню вам. По представлению Тюрго его величество резко сократил ассигнования на содержание наших войск на Мадагаскаре. Вы опытный военачальник, полковник, вы ведь не согласитесь после корпуса командовать ротой.

— Я мог бы отправиться в качестве губернатора французских владений на этом острове.

— Это бы означало наши официальные претензии на господство над Мадагаскаром. Приходится считаться со сложной международной обстановкой. Вы знаете, что Франция поддерживает в пику англичанам североамериканских повстанцев. Англичане плетут против нас всякие козни.

— Можно ли понять ваши слова так, что в моих услугах министерство более не нуждается?

— Никакого решения на этот счёт ещё не принято. Так что наберитесь терпения, дорогой барон.

— Могу я по крайней мере рассчитывать, что мои усилия на благо Франции будут должным образом отмечены и оценены?

— Что вы имеете в виду?

— Очередное воинское звание, например. Мне известно, что офицеры колониальных гарнизонов пользуются у вас преимуществами в продвижении по службе в сравнении с теми, кто служит в метрополии.

— Подумаем.

— В течение нескольких месяцев я не получал жалованья.

— Получите сполна всё, что вам причитается.

— Министр меня примет?

— Непременно примет, когда мы придём к решению относительно вашей дальнейшей судьбы.

А ещё через пару дней за Морисом Августом заехал в служебной карете молодой чиновник из министерства иностранных дел. Беньовского пожелал видеть сам граф Шарль Гравье де Верженн.

Граф в пышном напудренном парике с орденской звездой на парадном камзоле напоминал вельможу, сошедшего с портрета художника Латура.

Держался он с подчёркнутой светской холодной учтивостью.

— Одна моя старая приятельница, полковник, рекомендовала вас как нуждающегося в моём сочувствии, — начал свою речь де Верженн.

— Признателен вашему сиятельству за то, что нашли время принять меня и выслушать.

— Насколько я осведомлён, вы побывали на Мадагаскаре.

— Так точно, граф. Прокладывал дорогу для будущей колонизации этого богатого и обширного острова.

— Похвально.

Министр задал Беньовскому несколько общих, ничего не значащих вопросов о природе, жителях, богатствах Мадагаскара. Морис Август коротко отвечал, понимая, что де Верженн не был расположен выслушивать его пространные рассказы.

— И чем я могу быть вам полезен, полковник?

— Я оказался в затруднительном положении, ваше сиятельство. Моя скромная деятельность во славу Франции и его величества короля Людовика была положительно оценена морским министерством. Со стороны руководителей министерства ко мне нет никаких претензий. Благодаря действиям моего экспедиционного корпуса Франция укрепилась на Мадагаскаре, а со временем эти позиции помогут овладеть всем островом. Расширились возможности для французских торговых операций. Об этом я подробно писал в своих отчётах.

— Это же превосходно, барон! Я вижу, вы славно потрудились. Что же вас волнует?

— Волнует недоброжелательность генерал-контролёра финансов. Господин Тюрго заметил лишь упущения в моей финансовой отчётности и даже злоупотребления, которых в действительности не было. Он настаивает на моём привлечении к суду.

— С господином Тюрго у нас непростые отношения. Он слишком радикален и частенько раздражает королевскую чету своими несвоевременными прожектами.

— Извините, ваше сиятельство, если я осмелюсь высказать своё суждение. Я не политик, а только солдат. И возможно, моё суждение не покажется вам слишком весомым. Мосье Тюрго охвачен духом вольтерьянства, слишком печётся о третьем сословии, наверное, больше, чем об интересах короны, а верные слуги короля ему не по душе. Мне кажется, что Тюрго очень опасный человек.

Беньовский знал, что консервативно настроенный министр иностранных дел думает именно так и подобное высказывание о Тюрго

будет графу приятно.

— Вы правы, мой друг, — поощрительно сказал де Верженн. — Очень метко заметили, что интересы горлопанов из третьего сословия для Тюрго более значимы, чем интересы короны. Мы не раз указывали на это его величеству. Убеждён, что дни Тюрго как члена правительства сочтены. Мы не дадим вас на расправу этому вольнодумцу и вольтерьянцу. Если король к моим словам не прислушается, попрошу королеву заступиться за вас.

— Я так признателен вашему сиятельству. И ещё хотел бы нижайше попросить вас, граф, коль вы так добры ко мне...

— О чём?

— О прощении со стороны венских монархов и о даровании мне права возвратиться на родину.

— Чем вы провинились? Надеюсь, не политикой?

— Никакой политики. Так... грехи молодости, дуэли, ссоры по причине моего дурного, задиристого характера. Всё это в прошлом. Но я жестоко поплатился, оказавшись вне закона, потеряв наследственные отцовские имения в Трансильвании.

— Обещаю вам сделать запрос нашему послу в Вене. Если вам не предъявлялось никаких серьёзных политических обвинений, дело поправимое. Посол поддерживает близкие отношения с канцлером Кауницем и воспользуется его содействием. Её величество королева Мария-Антуанетта регулярно переписывается с матерью и братом Иосифом и могла бы походатайствовать за вас. Я попрошу её об этом.

Выходил Морис Август от министра иностранных дел обнадеженным, окрылённым. Он понимал, что ему помогла неприязнь консерватора де Верженна к реформатору Тюрго, которого консервативные силы давно пытались скомпрометировать в глазах короля и свалить. Велась большая политическая игра, и в этой игре он, Морис Август Беньовский, становился хотя и не козырной, но всё же картой в руках противников Тюрго.

Проходили дни, недели, Морис Август всё ещё числился на французской военной службе. Иногда по вечерам они с Фредерикой отправлялись в театр. Однажды Беньовский собрался было навестить богатого финансиста Шарля Бове, жившего в районе площади Вогезов, но по здравом размышлении раздумал это делать. Когда-то Бове оказал ему услугу и помог поступить на французскую службу и отправиться на Мадагаскар во главе экспедиционного корпуса. Теперь же финансист, как рассказывал всеведущий Обюссон, был близок к Тюрго, поддерживая его реформаторские планы, и не ладил с морским министром. Вряд ли

возобновление контактов со старым знакомым, Бове, принесло бы какие-либо выгоды. Теперь Беньовский ждал помощи от противников Тюрго.

Иногда Морис Август наведывался в морское министерство, встречался с Обюссоном и Жуаньи, деликатно, но настойчиво напоминая о желательности получить очередное воинское звание и какую-либо королевскую награду за свои заслуги, недополученное за многие месяцы жалованье. Но бюрократическая машина крутилась медленно, со скрипом. Жуаньи советовал ему набраться терпения и ждать.

Быстрее сработало ведомство графа де Верженна. Мориса Августа посетил всё тот же молодой чиновник из министерства иностранных дел и сообщил, что в решении его дела приняли участие канцлер Кауниц и соправитель императрицы Марии-Терезии, её сын Иосиф. О его содействии попросила королева Франции Мария-Антуанетта. Чиновник посоветовал Беньовскому справляться о дальнейшем ходе дела в австрийском посольстве.

В посольстве Австрии Беньовского приняли любезно. Посол проявил интерес к его службе на Мадагаскаре и сказал напоследок:

— Мне очень лестно, что мой соотечественник геройски послужил королю Франции, близкому родственнику нашей императрицы. Надеюсь, что все ваши недоразумения с австрийскими властями в ближайшее время разрешатся и вы ещё славно послужите своей родине.

— Непременно послужу, — ответил польщённый Морис Август.

Через несколько недель после этой встречи с послом рассыльный принёс Беньовскому с супругой приглашение посетить австрийское посольство. В торжественной обстановке, в присутствии советника и всех посольских секретарей посол зачитал перед супругами депешу из Вены, подписанную канцлером Кауницем.

«Её величество, императрица Мария-Терезия, руководствуясь чувствами христианского всепрощения и гуманности, нашла возможным простить венгерского дворянина Мориса Августа де Бенёва, принимая во внимание верную и достойную службу оного дворянина царственному брату ея величества, королю Франции Людовику XVI. Оному де Бенёву возвращаются все гражданские права и разрешено в любое время возвратиться в пределы Священной Римской империи со всеми членами семьи. Её величество также соизволила пересмотреть свой прежний указ о лишении дворянина де Бенёва родительского наследства в виде имений и земельных угодий, считаясь при этом с имущественными интересами и других наследников».

Вслед за чтением депеши последовали поздравления. Принесли

шампанское и венгерский токай. Престарелый посол произнёс прочувствованную речь, восхваляя доброту и справедливость державной матушки Марии-Терезии. Фредерика даже прослезилась и сказала мужу так, чтобы слышали все — и посол, и советник, и секретари:

— Пообещай, Морис, этим добрым людям, что ты не будешь, как в молодости, предаваться шалостям, драться на дуэли и испытывать долготерпение нашей императрицы.

— Именно об этом я и хотел попросить нашего соотечественника, — сказал шутливо посол.

Теперь оставалось только ждать решения морского министерства и утверждения его королём. Наконец наступил день, когда за Морисом Августом заехал Обюссон.

— Я за вами, мосье. Вас ждёт министр.

В кабинете генерала Сартина, кроме него самого, находились его помощник Жуаньи и ещё какие-то высокопоставленные чиновники министерства. Министр был торжествен, как на большом приёме.

— Дорогой барон, его величество поручил мне вручить вам за заслуги перед Францией и престолом высокую награду — орден Святого Людовика. Подойдите же ко мне и примите награду и наше общее поздравление.

— Тронут и польщён вниманием его величества.

— Это ещё не всё. По нашему представлению король утвердил вас в очередном воинском звании. Вы теперь не полковник, а бригадир. Мы учли ваши воинские подвиги и трудные условия службы в тропиках.

— Благодарю вас, мой генерал.

— Сегодня же вы получите причитающееся вам жалованье. Наш главный казначей распорядится на сей счёт. — Министр указал на одного из присутствовавших в кабинете чиновников. — И ещё могу вас порадовать тем, что вам назначена пожизненная пенсия в четыре тысячи ливров в год.

Далее министр пустился в пространные рассуждения о том, что грустно расставаться с таким усердным и исполнительным служакой, каким был бригадир Беньовский.

— Я ведь не просил об отставке, мой генерал, — ответил на его рассуждения Морис Август. — Если вы считаете меня усердным и исполнительным служакой, почему бы вам не воспользоваться моими услугами и впредь?

— Мы вынуждены считаться с соображениями большой политики, — с сожалением сказал Сартин. — В настоящее время обстановка в мире складывается не столь благоприятно для Франции, чтобы мы могли

расширять наше присутствие на Мадагаскаре. Да и политика экономии заставляет нас свернуть деятельность экспедиционного корпуса. Поверьте, мы отказываемся от ваших дальнейших услуг с болью в сердце.

«Решили избавиться по-хорошему, выпроводить, как говорится, с почётом, позолотив горькую пилюлю, — подумал Беньовский. — И на том спасибо. До судебной расправы дело не дошло. Получил из рук министра орден Святого Людовика, звание бригадира и высокую пожизненную пенсию. Не так уж и плохо!» Морис Август ещё раз поблагодарил Сартина и вновь подчеркнул, что тронут и польщён королевскими милостями.

Прощаясь с Беньовским, министр спросил его, нет ли у новоиспечённого бригадира каких-либо претензий, пожеланий или просьб к морскому министерству. Морис Август ответил, что претензий нет и быть не может. Ведь министерство всегда относилось к нему доброжелательно и справедливо. А вот небольшая просьба есть. С ним в Париже находятся капрал и солдат из его экспедиционного корпуса, телохранитель и денщик. Оба российские подданные, бежавшие с ним с Камчатки, близкие ему люди. Он, Беньовский, просит министра посодействовать в увольнении обоих с французской военной службы и в выплате им недополученного жалованья.

— Нет никакой проблемы, — ответил Сартин. — Решим всё своей властью и сию же минуту.

Когда Беньовский покинул кабинет морского министра, Сартин сказал своим помощникам:

— Словно гора с плеч свалилась, господа. Сколько головной боли доставил нам этот Беньовский своими неуёмными прожектами, требованиями, конфликтами с губернатором Дюма. Слава Богу, мы избавились от него. И ради этого стоило расщедриться и на Святого Людовика, и на бригадирское звание.

— И закрыть глаза на некоторые его грешки, — добавил Жуаньи.

Прежде чем покинуть Францию, Беньовский устроил прощальный банкет в зале отеля «Белая лилия». Пригласил Жуаньи, Обюссона и главного казначея из морского министерства, столоначальника из министерства иностранных дел, ведавшего сношениями с Австрией, австрийского посла с советником, модного художника Жана-Батиста Грёза и ещё нескольких известных парижан, с которыми судьба случайно сводила Мориса Августа.

Незадолго до этого Беньовские побывали в парижской студии Грёза. Морис Август позволил жене выбрать по своему вкусу один из его женских портретов и расщедрился на покупку. Пусть останется память о Париже.

Гости приглашались на банкет с жёнами. Только Обюссон пришёл один, извинившись, что супруга его пребывает в интересном положении и поэтому не может его сопровождать. Фредерика вышла к гостям в дорогом алмазном колье, купленном у араба Валида. Морис Август был в новом парадном камзоле, сшитом у лучшего портного. Камзол украшала звезда ордена Святого Людовика. Банкет продемонстрировал щедрый размах хозяина и обошёлся ему во внушительную сумму. Это было прощание с Парижем, с французской службой.

Глава двадцать вторая

Путь пролегал через южные земли Германии, лоскутной страны, лишённой единой государственности, состоявшей в ту пору из многочисленных курфюршеств, герцогств, княжеств, вольных городов. Все они номинально признавали власть императрицы Священной Римской империи, а фактически претендовали на самостоятельность. На границах стражники останавливали экипажи и кареты перед опущенными полосатыми шлагбаумами, проверяли дорожные документы и требовали уплаты пограничных пошлин. Поэтому проезд через Германию всегда становился разорительной затеей. Путешественники ругали таможенников и их правителей и раскошеливались. Что поделаешь?

Миновали Баден, Вюртемберг, въехали в Баварию. Сменялись красивые горные пейзажи. На склонах гор и холмов, выбеленных осенней изморозью, чернели сбросившие листву виноградники. Ближе к горным вершинам теснились лесные массивы.

В Мюнхене произошла задержка из-за болезни Фредерики, схватившей лёгкую простуду и жаловавшуюся на головную боль. Оставив жену в отеле на попечение четы Андреяновых, Морис Август отправился вместе с Уфтюжаниновым побродить по городу. В баварской столице ему ещё не приходилось бывать. В архитектурном облике Мюнхена улавливалась причудливая смесь вычурного барокко с более ранней готикой и даже раннесредневековыми тяжеловесными постройками в романском стиле. Над городом возвышался неуклюжий, мрачноватый собор с двумя башнями, увенчанными луковичными куполами. В Баварии, остававшейся оплотом католичества в южной Германии, правила династия Виттельсбахов, одна из стариннейших среди европейских царствующих домов. Из городских построек выделялся замок курфюрста, разностильная громада. Как видно, баварские правители неоднократно расширяли его и перестраивали. И теперь рядом с замком громоздились строительные леса. То ли возводился новый дворец, то ли сооружалась пристройка к старому зданию. Дворцово-парковый Версаль вызвал волну подражательства и у маленьких монархов лоскутной Германии. Курфюрст Баварии возмечтал если не затмить Версаль или хотя бы прусский ансамбль в Потсдаме, то уж непременно выдержать состязание с другими мелкими южно-германскими монархами.

Проходя мимо портала старинной церкви, украшенного рельефными фигурами святых из потемневшего камня, Морис Август услышал звуки органа. Центральные двери храма были открыты, Беньовский вошёл внутрь и присел на краешек скамьи. Вслед за ним вошёл и Уфтюжанинов, сняв шапку, и тоже присел на заднюю скамью. Отправившись в дальнюю дорогу, Морис Август сменил военный мундир на цивильный сюртук и дорожный плащ, а Ивану справил вместо формы капрала казакин синего сукна, какие обычно носили гайдуки в его трансильванском имении.

Службы в храме не было. За органом сидел молодой помощник главного органиста и брал у него урок. Старый органист прерывал игру, заставлял молодого человека вновь и вновь повторять трудные пассажи, гневно ругался. И его хриплый голос отзывался эхом под стрельчатыми сводами. Внутри храма высились леса. На них копошились мастера, подновлявшие стенные росписи. За работами следил невысокий седой человек в чёрной сутане, с резкими чертами властного лица.

Беньовский погрузился в свои думы, ощущая какую-то растерянность, неопределённость. С французской службой, с командованием экспедиционным корпусом покончено. Слава Богу, все обвинения с него сняты, императрица простила ему прегрешения молодости и возвратила родовое имение. Он теперь кавалер ордена Святого Людовика, бригадир в отставке, королевский пенсионер. Чего бы ещё желать? Но что ожидает его в ближайшем будущем? Монотонная жизнь провинциального помещика в трансильванском захолустье, общение с соседями, одичавшими от скуки, развлекающимися карточными играми, сплетнями и охотой? Неужели это конец его дерзким помыслам и надеждам? Не попроситься ли на австрийскую военную службу? Может быть, ему доведётся повоевать с пруссаками или турками. Священная Римская империя[59] постоянно с кем-нибудь воюет.

И снова в его памяти всплыли картины далёкого Мадагаскара, прибрежные болота, джунгли, малагасийские поселения с их празднествами и обычаями, его верный Филипп. Неужели он, Морис Август Беньовский, никогда больше не вернётся на обетованную землю малагасийцев? Не сошёлся же свет клином на французах! Не попытаться ли ему заинтересовать в сокровищах Мадагаскара другие державы, ту же Англию, и не предложить ли англичанам свои услуги? Пусть воспользуются его опытом, знаниями острова, его дерзкими планами. Или рискнуть и действовать самому? Собрать компанию предприимчивых, отчаянных молодцов независимо от национальной или религиозной принадлежности, сколотить необходимый капитал, приобрести или

арендовать корабль и отправиться к берегам далёкого острова? Доверчивым, простодушным малагасийцам он напомнит, кто он таков. Потомок великого вождя Ампансакабе и, стало быть, обладатель наследственного права властвовать над всем Мадагаскаром. Разве сами малагасийские вожди не признали за ним этого права?

Его мысли были прерваны словами священника, заметившего Мориса Августа:

— Что привело вас под сень храма, сын мой?

— Жажда духовного успокоения.

— Не хотите ли исповедаться?

— Пока к этому не готов. Сперва сам должен уяснить, какие из моих грехов богопротивны, какие оправданы по долгу службы. Приходилось и убивать, и карать, и распоряжаться людскими судьбами.

— Вижу, вы не мой прихожанин. Да и выговор у вас не баварский.

— Вы правы. Я венгр с примесью польской крови.

— Я сразу определил в вас чужеземца.

— Возвращаюсь с французской службы на родину.

— Вы были военным?

— Командовал экспедиционными войсками на Мадагаскаре. Разрешите представиться, падре. Барон Морис Август Беньовский, или де Бенёв, бригадир французских вооружённых сил и подданный её величества императрицы Марии-Терезии.

— Меня зовите отец Мельхиор, каноник и настоятель храма Святого Духа. Отец мой, барон фон Рорбах, представитель одной из стариннейших баварских дворянских фамилий. Отцовское наследство перешло моему старшему брату Людвигу. Он служит советником у канцлера Баварии. А я, младший, был вынужден выбирать между духовной и военной службой. Предпочёл духовную.

Падре оказался общителен и словоохотлив. Знакомство с бригадиром французской армии, побывавшим на далёком Мадагаскаре, оказалось событием в размеренной жизни церковного настоятеля. Отец Мельхиор пригласил Мориса Августа посетить его жилище при храме и отобедать с ним. Беньовский охотно согласился.

Стены просторных апартаментов настоятеля были отделаны морёным дубом и украшены дорогими французскими гобеленами. Стильная мебель больше бы подходила к дворцовому убранству, чем к обители священнослужителя: Отец Мельхиор, как видно, был далеко не аскетом. Моложавая миловидная экономка накрыла на стол и подала всевозможные блюда и изысканные вина. Тёмное, монашеского покроя платье не

скрывало её стройной фигуры. Морис Август оценивающе оглядел её и подумал: «Недурна. Недурен и вкус у падре».

Отец Мельхиор мало расспрашивал Беньовского, а больше говорил сам о всяких проблемах, которые волновали баварцев.

Теперешний баварский курфюрст Максимилиан-Иосиф был стар и болен. Он не имеет мужского потомства. С его кончиной прекращается людовиковская линия династии Виттельсбахов. В таком случае по наследственному праву престол Баварии переходит к старшей рудольфиновской линии в лице курфюрста пфальцского Карла-Теодора, отца многочисленных внебрачных детей, но не имеющего законных наследников. У него права на владение Баварии намерены оспаривать Саксония, Пруссия, Мекленбург и Австрия. Саксонский курфюрст Август III, сын единственной дочери Максимилиана-Иосифа, считает себя его прямым наследником. Наиболее серьёзным претендентом на баварские земли выступает Австрия, которая хотела бы округлить свои владения за счёт южной Германии. Если дело дойдёт до войны за баварское наследство, то Австрии придётся столкнуться с коалицией трёх наиболее значительных германских государств — Пруссии, Баварии и Саксонии, которые никак не заинтересованы в усилении австрийских позиций в Германии. Фридрих II сам претендует на наследственные владения Гогенцоллернов Ансбах и Байрет, вклинившиеся в баварскую территорию.

— Вы считаете, падре, что возможна война за баварское наследство?

— Не исключаю этого.

— И какой вы предвидите исход, падре?

— Многое будет зависеть от того, на чьей стороне окажется Франция. Вы находились на французской службе, барон, вероятно, встречались с людьми из высших правительственных кругов этой страны. Как вы полагаете, способна ли Франция выступить в роли нашего активного союзника?

— Сложный вопрос задаёте, падре. Бесспорно, что Франция никак не заинтересована в чрезмерном усилении Австрии, в поглощении Баварии и других южногерманских земель австрийцами, в установлении прямой границы между французскими и австрийскими владениями. Но с другой стороны... Королева Франции австриячка, дочь Марии-Терезии. Возобладает ли государственный интерес страны или голос крови властной женщины, оказывающей влияние на слабохарактерного мужа-короля? Вот в чём вопрос.

— Вот в чём вопрос, — согласился с Беньовским отец Мельхиор. — Примерно так же ответил и мой брат Людвиг. На днях он возвратился из

Парижа, куда ездил с неофициальной дипломатической миссией. Встречался там с графом де Верженном и услышал уклончивый ответ. Франция-де не допустит поглощения Баварии сильным соседом, не в её интересах чрезмерное усиление Австрии. Но за этими общими фразами не последовало никаких убедительных обещаний. «Можно ли надеяться, что Франция присоединится к антиавстрийской коалиции?» — спросил брат. И услышал от графа, что вряд ли король, находящийся под влиянием властолюбивой жены-австриячки, пойдёт на это.

«Запахло порохом», — подумал Беньовский. Если дело дойдёт до войны, ему, Морису Августу, представится возможность послужить Австрии на военном поприще.

Священник перевёл разговор на другую тему. Он отозвался добрым словом о старом курфюрсте и говорил неодобрительно о пфальцском претенденте на баварский престол. Максимилиан-Иосиф — тонкий ценитель старинной живописи. В его залах собрана великолепная коллекция полотен старых немецких, фламандских и итальянских мастеров. Есть Тициан и Дюрер. Если гостю угодно, он мог бы через брата-советника устроить посещение замка. Морис Август вежливо отклонил любезное предложение. Он не считает себя вправе утруждать доброго падре заботами. Да и кроме того он солдат и не считает себя тонким ценителем живописи. Карла-Теодора Пфальцского отец Мельхиор назвал старым ловеласом, не пользующимся популярностью в Баварии. Ну да Бог ему судья.

Священник вдруг вспомнил о спутнике Беньовского.

— Я заметил, с вами ваш человек.

— Это мой капрал, телохранитель.

— Не хотел бы он причаститься или исповедаться?

— Он же схизмат.

— Протестант?

— Нет, человек греческой веры, россиянин. Тем не менее давно мне служит и преданно.

— И вы никогда не пытались, сын мой, склонить его к принятию истинной веры?

— Как-то пытался, но тщетно. Упрямец ответил мне, что грех изменять вере отцов и дедов.

— Жаль. Не теряйте же, однако, надежды, сын мой, вернуть заблудшую овцу в стадо.

К концу застольной беседы отец Мельхиор проговорился о сокровенном. В ближайшее время он надеется получить сан епископа и

одну из баварских епархий. Его кандидатуру поддержал перед Святым Престолом архиепископ мюнхенский, припас Баварии. Старый епископ недавно ушёл на покой, и его кафедра остаётся вакантной. Род фон Рорбахов уже дал святой церкви несколько епископов.

На следующий день Фредерика почувствовала себя лучше. Помог прописавший горячие грелки и рюмку шнапса, настоянного на чесноке, врач, которого порекомендовал хозяин гостиницы. А ещё через день Беньовские пустились в дальнейший путь.

Дорога шла по альпийским предгорьям. Вершины гор уже покрывал снег. На горных перевалах отчётливо ощущался холод. Миновав границу Баварии с неизбежным полосатым шлагбаумом, въехали в архиепископство Зальцбургское. Город Зальцбург был знаменит тем, что в нём родился и ещё жил в ту пору великий композитор Вольфганг Амадей Моцарт. У города Линца выехали на берег Дуная. В долине реки приближение зимы не так чувствовалось, как в Альпах. По реке ещё плыли гружёные баржи, сновали рыбачьи лодки. Ветер взметал опавшие жёлтые листья клёнов и лип. Вот наконец и Вена с её дворцами и громадой собора Святого Стефана. Его огромный купол возвышался над всем городом.

Беньовский принял решение остановиться не в той захудалой гостинице окнами на Дунай, из которой когда-то совершил поспешный побег, а выбрал пристанище подороже, в центре города. Приходилось жить сообразно званию бригадира и бывшего командира экспедиционного корпуса.

Беньовский сперва хотел было облачиться для визита в форменный мундир офицера французской армии и быть непременно при шпаге. Но от этой идеи пришлось отказаться, так как мундир порядком пообносился. И он предпочёл цивильный камзол, сшитый у лучшего парижского портного перед прощальным банкетом. В венском модном магазине Морис Август подобрал себе новый пышный парик с бантом и собственноручно напудрил его. Орден Святого Людовика он нацепил на расшитый лацкан камзола.

— Не хватает лишь трости с дорогим набалдашником, — заметила с иронией Фредерика, оглядывая вырядившегося мужа.

— А ведь ты права, — согласился с ней Беньовский. — Ветеран Мадагаскара, участник тяжёлых походов, страдающий от старых ран и хромоты, должен опираться на трость. В этом сундуке, кажется, есть то, что мне нужно.

В сундуке оказалась трость красного дерева с рукояткой из слоновой кости, служившая ножнами для потайного стилета.

Остро отточенный узкий стилет, выкованный из прочной турецкой

стали, мог в случае нужды послужить надёжным холодным оружием.

Беньовский продумал содержание предстоящего разговора с чиновником из окружения канцлера. Первым делом он попросит собеседника передать его сиятельству искреннюю признательность за дарование ему императрицей прощения и возвращение отцовского имения в Трансильвании, скажет несколько прочувствованных слов в адрес канцлера, принимавшего непосредственное участие в решении его, Беньовского, судьбы. Потом он непременно постарается обратить внимание чиновника на свой орден Святого Людовика, чтобы иметь возможность вскользь бросить: «Заслужил усердной службой королю Франции. Если придётся послужить её величеству, буду так же усерден». И в заключение визита Морис Август обмолвится, что непредвиденные дорожные обстоятельства задержали его в Мюнхене, баварской столице. Там ему совершенно случайно довелось познакомиться с каноником Мельхиором, братом барона Людвига фон Рорбаха, советника баварского канцлера. Высший свет Баварии обеспокоен тем, что в случае смерти старого курфюрста можно ожидать вмешательства Австрии в баварские дела. Об этом проговорился отец Мельхиор. По его словам, мюнхенское правительство сколачивает антиавстрийскую коалицию, к которой, вероятно, примкнут Пруссия и Саксония. Советник фон Рорбах недавно вернулся из Парижа, где пытался заручиться поддержкой Франции на тот случай, если развяжется война за баварское наследство.

Морис Август скромно обмолвится, что, возможно, он и не узнал ничего нового и неожиданного для венского правительства. Но если эти сведения представляют для сиятельного князя Кауница какую-либо ценность, он готов дать более обстоятельный отчёт о своей беседе с мюнхенским каноником. Это будет пробный шар, запущенный Беньовским для того, чтобы привлечь внимание канцлера. А вдруг сиятельный князь клюнет на приманку и пожелает принять его? Хотелось бы этого.

Принял Беньовского молодой чиновник с отменными светскими манерами, безукоризненно воспитанный, безукоризненно вежливый, назвавший свою фамилию, весьма известную в аристократических кругах Австрии. Отпрыск знатного сановного рода начинал свою служебную карьеру в ведомстве канцлера.

Разговор протекал примерно так, как и намечал его Морис Август. Выслушав его благодарственное славословие в адрес канцлера, чиновник заметил:

— Благодарите нашу матушку-императрицу. Её величество даёт всем нам пример доброты и справедливости.

— Я это почувствовал.

— Вы усердно служили французскому королю?

— Ежели бы не служил усердно, не заслужил бы этого ордена. Если представится возможность послужить её величеству императрице Марии-Терезии, буду столь же усерден.

— Обязательно передам ваши слова его сиятельству. Князь сумеет оценить ваше похвальное рвение. Империя всегда нуждается в усердных и преданных трону служаках.

— Ещё я хотел бы поделиться с вами некоторой информацией, которую неожиданно удалось получить в баварской столице.

— Готов вас выслушать.

Беньовский кратко передал всё то, что услышал в Мюнхене от отца Мельхиора, настоятеля церкви Святого Духа.

— Сей каноник, между прочим, рассчитывает в ближайшее время получить епархию. Брат его — советник канцлера Баварии. Вы видите, какая это влиятельная семья, фон Рорбахи?

— Эта семья нам известна. Вы сообщили очень ценную информацию. Не взыщите, если я оставлю вас на некоторое время и доложу о нашем разговоре помощнику канцлера. Возможно, он пожелает выслушать вас лично.

— Сделайте одолжение.

Беньовскому пришлось ожидать молодого чиновника. В Австрийской империи при её строгой бюрократической централизации все дела, большие и малые, решались в самых высших инстанциях. Рядовой чиновник не мог принять ни одного мало-мальски самостоятельного решения. Во внешнеполитическом ведомстве все нити управления тянулись к канцлеру князю Кауницу, который отчитывался в каждом своём шаге перед императрицей. Мария-Терезия вникала во все мелочи управления.

Дежурный секретарь, обязанностью которого было лишь выслушивать посетителей или просителей, не счёл себя вправе как-то реагировать на информацию Мориса Августа, а поспешил доложить помощнику канцлера. Помощник, выслушав молодого чиновника, счёл необходимым немедленно доложить о баварской информации самому князю.

Кауниц, оторвавшись от вороха бумаг на массивном письменном столе орехового дерева, инкрустированного бронзой, выслушал помощника и сказал:

— Я хотел бы переговорить с этим... бригадиром де Бенёвом. Извинитесь перед ним за то, что не могу принять его сию минуту. Как видите, занят. Пишу докладную записку императрице. Пусть явится ко мне

через пару часов.

О решении канцлера дежурный секретарь сообщил Морису Августу. «Клюнуло!» — с удовлетворением сказал он сам себе. Возможность добиться встречи со всесильным канцлером входила в заветные планы Беньовского.

На радостях Морис Август решил доставить удовольствие Фредерике — раздобыть на один из ближайших вечеров билеты в венскую Оперу. Чтобы не томиться в ожидании высокой аудиенции, он нанял экипаж и приказал кучеру везти его к зданию театра. Афиша извещала о постановке комической оперы известного итальянского композитора Чимарозы[60]. У кассы театра толпился народ. Беньовский счёл для себя недостойным стоять в очереди и прошёл к администратору, добродушному толстяку, в прошлом певцу, потерявшему голос.

— Что вам угодно, сударь? — встретил он Беньовского банальным вопросом.

— Угодно два билета на оперу этого итальянца.

— Сожалею, что могу вам предложить только...

— Мне нужны хорошие места. Неужели вы не уважите бригадира, кавалера ордена Святого Людовика, возвратившегося на родину с чужеземной службы?

— Пожалуй, предложу вам четырнадцатый ряд партера.

— Пусть будет четырнадцатый. Бог вам судья.

— Не пожалеете. Чудесная, весёлая постановка. В главной партии наша примадонна.

Администратор назвал имя, ничего не говорящее Морису Августу. Беньовский ещё поболтал со словоохотливым служителем муз, пустившимся в рассуждения о композиторе Чимарозе, которого, оказывается, недавно пригласили в российскую столицу, о главных исполнителях, о сыне-соправителе императрицы Иосифе И. Иосиф большой любитель оперы и частенько наведывается на спектакли.

Задолго до назначенного часа Морис Август был в резиденции канцлера. Пришлось ещё изрядно потомиться, пока дежурный секретарь не сообщил ему, что князь Кауниц освободился и может его принять.

Канцлер был в меру любезен и доброжелательно-внимателен к Беньовскому.

— Присаживайтесь, дорогой бригадир, — этими словами встретил его Кауниц. — Мы уже осведомлены о ваших заморских делах и подвигах. Об этом можете мне не рассказывать. Вы славно потрудились на французского короля и, как я вижу, заслужили высокую награду.

— Старался, ваше сиятельство.

— Похвально, похвально. Людовик связан родственными узами с нашей императрицей.

Морис Август заметил, что канцлер Кауниц выглядел очень усталым, осунувшимся. Под глазами набухли отёчные мешки. Цвет лица землистый. Князь, по природе своей человек трудолюбивый, усердный, много работал, читал донесения послов, отдавал распоряжения подчинённым, почти ежедневно посещал с докладом Марию-Терезию, писал ей докладные записки и направлял всю внешнюю политику империи, вынужденный чётко ориентироваться в разноголосом хоре европейских держав. Это был образцовый винтик в громоздкой бюрократической машине.

Со снисходительной улыбкой Кауниц выслушал благодарность в свой адрес и повторил почти всё то же самое, что говорил ему дежурный секретарь. Благодарить следует не его, канцлера, а матушку-императрицу, её доброту и справедливость.

— Мне доложили, вы привезли информацию из Мюнхена, — продолжал Кауниц.

— Счёл своим долгом поделиться с вами.

— И правильно сделали, поступив как честный подданный её величества. Не скажу, что ваша информация для нас неожиданна. Баварцы понимают, что нас не может оставить равнодушной судьба курфюршества в случае кончины старого курфюрста Максимилиана-Иосифа. Вот они и пытаются сколотить антиавстрийскую коалицию. Воинственный Фридрих Прусский[61] рад возможности показать свои коготки. Вы подтвердили то, что нам в общих чертах известно. А вот о миссии барона фон Рорбаха в Париж мы ничего не знали. Расскажите об этом подробно.

Беньовский обстоятельно рассказал канцлеру всё то, что слышал от каноника Мельхиора о поездке его брата во французскую столицу и его переговорах с графом де Верженном. Кауниц внимательно слушал и несколько раз задавал уточняющие вопросы.

— Я правильно вас понял? Франция не хотела бы расширения Австрии за счёт баварских земель и установления общей французско-австрийской границы?

— Именно так, ваше сиятельство.

— Но при этом никаких конкретных обещаний фон Рорбах от господина де Верженна не услышал?

— Совершенно верно. Советник баварского канцлера связывает это с влиянием королевы Марии-Антуанетты, которая не хотела бы осложнять отношений с матерью и братом.

— Логично. Итак, мой дорогой, запахло порохом. Если разразится война за баварское наследство, не хотели бы вы послужить императрице? Ведь у вас за плечами немалый военный опыт.

— Лестное предложение, мой канцлер.

— Пока это не предложение. Пища к размышлению. Я написал рекомендательное письмо моему старинному другу, генералу Иштвану Макошу. Он командует корпусом в Восточной Венгрии.

— Имя генерала Макоша мне знакомо. Когда-то давно он служил у моего отца.

— Если возникнет военный конфликт из-за баварского наследства, Макош приступит к спешному формированию нескольких новых полков. Вы могли бы принять командование над одним из них. Если такая возможность вас привлекает, воспользуйтесь моим рекомендательным письмом.

— Благодарю вас, ваше сиятельство. Рад послужить империи и императрице.

Канцлер, худой, долговязый, носатый, поднялся с кресла, давая понять собеседнику, что аудиенция окончена. Его ожидали какие-то очередные дела. Широкая орденская лента стягивала его узкогрудое туловище.

Беньовский проворно поднялся со своего кресла, однако же не спешил откланяться, а сказал просительно:

— Не могли бы, ваше сиятельство, уделить мне ещё несколько минут? Я хотел бы обратить ваше внимание...

— Это имеет отношение к баварскому наследству?

— Нет. Это имеет отношение к Мадагаскару.

— О вашей службе на Мадагаскаре мне докладывал из Парижа наш посол.

— Он не мог всего доложить. Остров изобилует несметными богатствами. Пока это ничейная территория. Французы зацепились лишь за несколько прибрежных пунктов. Они не использовали всех возможностей, чтобы сломить власть туземных вождей. Французские власти поступили недальновидно, отказавшись от моих дальнейших услуг, не посчитавшись с моим опытом, отвергнув мои планы колонизации острова. Австрия великая держава. Почему бы империи не вступить по примеру англичан, французов, испанцев, португальцев на путь активной колониальной политики? Ведь ещё далеко не весь тропический мир захвачен этими предприимчивыми народами...

— Я понял вас, — резко перебил Беньовского Кауниц. — Вы предлагаете снарядить по примеру французов австрийский

экспедиционный корпус для завоевания Мадагаскара. И конечно, предлагаете себя в качестве корпусного командира. Должен огорчить вас, де Бенёв. Ваши идеи для нас преждевременны, а точнее — неприемлемы. Австрия — многонациональная держава. Её окраинные земли заселены славянами, тяготеющими к России. В лоскутной, раздробленной Германии растёт амбициозное влияние Пруссии, нашего соперника. На Балканах нам противостоит Турция. На сегодняшний день перед нами непростая задача: как удержать в качестве единого целого всё то, что мы называем Священной Римской империей. А вы мне про Мадагаскар...

— Жаль.

— Будьте реалистом, мой дорогой. Послужите Австрии на военном поприще. Если же когда-нибудь станете состоятельным человеком, организуйте частную компанию по примеру англичан, голландцев, снарядите корабль с товарами и отправляйтесь на Мадагаскар, хоть на край света. Мы вам препятствовать не будем.

Подводя дома в гостинице итоги встречи с всесильным канцлером, Беньовский сделал вывод, что встреча была далеко не бесполезной. Сиятельный князь был с ним любезен, благожелателен, остался доволен его мюнхенской информацией и открыл перед ним возможность получить в случае войны за баварское наследство полк. Воспользоваться ли такой возможностью — Морис Август пока не принял решения. Он также смог убедиться, что вряд ли правительство Кауница заинтересуется разными колониальными предприятиями и примет его услуги. К этому Австрия никак не готова. Значит, придётся искать других покровителей, может быть, попытаться заинтересовать тех же англичан.

Вечером они с Фредерикой были в венской Опере, много смеялись вместе со зрителями над хитроумными проделками персонажей комического представления. Недурна была и музыка Доминико Чимарозы. Перед самым началом спектакля в главной ложе появился соправитель императрицы Иосиф II, худой, длиннолицый, бесцветный. Зрители приветствовали его, встав и кланяясь в его сторону. Бельэтаж и первые ряды партера сверкали блеском орденских звёзд, драгоценностей, украшавших вечерние дамские платья и причёски, генеральских эполет и золотого шитья мундиров и камзолов. Здесь собрался весь высший свет Вены. Фредерика в своём алмазном колье ничуть не уступала первым венским модницам. Морис Август сожалел, что они оказались в четырнадцатом ряду, а не хотя бы в пятом.

На следующий день Беньовский посетил судебную палату и получил там грамоту на возвращение ему родового трансильванского имения Вецке

в предгорьях Карпат. Здесь он вырос. В памяти Мориса Августа остался мрачноватый, потемневший от времени дом, напоминавший средневековый замок. Отец его, генерал, выйдя в отставку, пытался по возможности оживить постройку, пристроил к ней открытую веранду, а к главному фасаду — колоннаду и ротонду с коническим куполом. Получилось нечто эклектичное, безвкусное. Комнаты в доме были высокими, перекрытыми сводами. Большую гостиную украшали настенные ковры-гобелены французской работы. И ещё Морису Августу запомнился изящный столик-бюро с выгнутыми ножками. Отец-генерал объяснял сыну, что это стиль короля Людовика. Какого именно, старик не мог припомнить. Он любил сидеть за этим столиком в удобном кожаном кресле и покуривать турецкий кальян или же раскладывать на инкрустированной столешнице пасьянс.

Чиновник судебной палаты сообщил Беньовскому, что его родственник, временно владевший Вецке после раздела наследства покойного генерала, извещён о возвращении главного отцовского имения Морису Августу. Этот временный владелец, один из зятьев Беньовского, получил взамен другое имение по соседству, которое когда-то тоже принадлежало родителям Мориса Августа.

Далее задерживаться в Вене не было смысла. Тронулись в дальнейший путь. Начинались венгерские степи, ровные просторы полей, селения с костёлами и замками богатых магнатов. Деревенские улицы окаймляли шеренги стройных пирамидальных тополей. В Пеште остановились на несколько дней для отдыха. Там отыскалась какая-то дальняя родственница Мориса Августа со стороны матери. В старой столице Венгрии Беньовский и раньше бывал неоднократно. Теперь он знакомил Фредерику с замком прежних венгерских королей, с большим готическим собором, видами на Дунай.

Степи сменились предгорьями Карпат. На нижних склонах гор попадались дубовые рощицы. Деревья, сбросившие листву, выглядели чёрными разлапистыми великанами. Выше тянулись густые ельники. Приходилось мириться с бесконечными ночлегами на постоялых дворах, кишевших клопами и тараканами, или в захудалых гостиницах маленьких городишек.

Когда наконец-таки добрались до села Вецке, над которым возвышался на склоне горы мрачноватый барский дом, зима уже установилась. Поля и лесная опушка были выбелены снегом. Зимний холод заметно ощущался.

Старый дворецкий, отставной фельдфебель, служивший отцу Мориса Августа многие годы, встретил прибывших жалобами и причитаниями:

— О, мой добрый господин! Какое несчастье! И сказать не могу. Не

нахожу слов.

— Говори толком, старик, что случилось?

— Большая беда. Этот каналья Ласло...

— Ласло великий каналья, это я без тебя знаю. Я всегда говорил, что сестре не повезло с мужем.

— Ох, не повезло.

Из сбивчивого рассказа дворецкого Беньовский наконец уразумел, что его зятёк Ласло, по предписанию имперского суда покидая Вецке, опустошил имение. Он вывез из усадебного дома всю лучшую мебель и даже пуховые перины. Из конюшни увёл всех лошадей, оставив лишь двух доживающих свой век старых хромоногих кляч. Вдобавок к этому вывез из погребов и амбаров все съестные припасы.

Обойдя дом, Беньовский испытал горестное чувство, словно видел следы недавнего вражеского нашествия. Пожалуй, турецкие мародёры не нанесли бы усадьбе такого ущерба, какой нанёс дорогой зятёк Ласло. В гостиной на месте гобеленов, которые так любил отец-генерал, остались голые обшарпанные стены. В отцовском кабинете столик-бюро стоял на прежнем месте, но столешница была изрезана ножом. Сохранились в целости лишь портреты предков — они не заинтересовали зятя.

— Мы проголодались с дороги, — сказал Беньовский дворецкому.

— Не знаю, чем и накормить вас. Этот каналья...

— Это уж твоя забота, братец.

— Пожалуй, я велю зажарить молодого барашка из моего хозяйства.

— Готовь барашка с картофелем и яичницу. Я твой должник, старик.

— Полно вам, барин. Я так рад, что вы вернулись с молодой госпожой. Вот бы порадовался ваш батюшка!

Первым намерением Беньовского, когда он выслушал жалобы дворецкого и воочию убедился в разорении усадьбы, было снарядить вооружённый отряд гайдуков и нагрянуть к зятю, хорошенько помять ему бока и поступить с его имением таким же образом. Но против этого плана решительно восстала Фредерика. Со слезами на глазах она отговаривала мужа:

— Не делай этого, Морис. Не забывай, что императрица простила тебе старые прегрешения. И не делай новых.

— Ладно, чёрт с ним, с этим Ласло. Пусть будет по-твоему.

— Я желаю тебе добра, мой коханый.

В ближайшие дни Беньовскому пришлось потрудиться, чтобы кое-как восполнить потери опустошённого имения. Он отыскал богатого цыгана-барышника, промышлявшего перепродажей лошадей, и сторговал у него

пару резвых рысаков для пароконного экипажа, арабского скакуна для верховой езды и несколько лошадей для хозяйственных целей. Вместе с дворецким он побывал в ближайшем городе и сделал разные покупки у местных купцов. Приходилось закупать домашнюю утварь, посуду, постельное бельё и даже пух для перин. В своём селении среди местных умельцев Морис Август нашёл искусных столяров и заказал им необходимую мебель, распорядился и насчёт ремонтных работ в доме.

Всё крестьянское население Вецке ещё оставалось собственностью помещика. О предстоящей отмене крепостного права в Венгрии ещё только появлялись слухи. Это событие произойдёт через несколько лет, в 1785 году.

Беньовский приказал старосте собрать общедеревенский сход и выслушал жалобы. Жаловались на прежнего владельца. Оказалось, что Ласло, получив предписание судебной палаты покинуть Вецке, решил собрать с крестьян подати за год вперёд. Многие не имели никаких возможностей рассчитаться с барином. Тогда помещик стал забирать у крестьян скот, имущество, последние запасы хлеба и поставил крестьянские семьи на грань голода. Попытались было крестьяне оказать сопротивление, но жестоко поплатились. Ласло вызвал из города отделение вооружённых жандармов, и те перепороли почти половину деревни. После экзекуции часть недовольных, вооружившись чем попало, ушла в горы.

Выслушав жалобы, Морис Август произнёс на сходе речь.

— Моя власть над вами дана Богом и императрицей. Перед ними я и за вас в ответе. Передайте всем тем, кто ушёл в горы, пусть возвращаются домой к семьям без страха и опаски. Я ваш отец и хозяин, а не недруг. Бог покарает вашего обидчика. Я и сам пострадал от него. Вернулся в разграбленный и опустошённый дом.

После схода беглецы вернулись в село из своих горных убежищ. Для пополнения своего опустошённого скотного двора пришлось Беньовскому купить у соседей-помещиков коров, овец и свиней.

Для пущей безопасности Морис Август решил нанять и вооружить нескольких гайдуков. В ближайшем городе ему посчастливилось встретить молдаванина Кароля, который когда-то служил у него. Кароль приходился дальним родственником покойному Мирчо, погибшему в Польше. Молдаванин согласился служить в имении Мориса Августа и обещал подобрать для него ещё троих соотечественников. В Вецке прибыли все четверо.

— Будете служить под началом моего капрала, — сказал им Беньовский, знакомя с Уфтюжаниновым. Гайдуки обрадовались, узрев в

нём не схизмата-католика, а своего единоверца. Кароль немного понимал по-русски, так как одно время служил у одного молдавского боярина, часто наведывавшегося по своим делам в Киев.

Однажды дворецкий доложил Морису Августу:

— К вам гость, господин Ласло, каналья.

— Скажи, никого не принимаю, болен. И гони его прочь.

Но напористый Ласло уже громыхал тяжёлыми охотничьими сапогами по паркету и без разрешения ввалился в кабинет, оставляя на полу следы талого снега.

— Дорогой шурин, давненько не виделись. Прости великодушно, что без супружницы, сестрицы твоей. Она опять на сносях.

— Что тебе нужно?

— Почто так нелюбезно? Родня всё-таки.

— Хороша родня. Ты оставил именье в таком виде, словно оно только что подверглось турецкому нашествию.

— Ах, вот ты о чём? Давай во всём разберёмся по справедливости.

— Какая уж тут справедливость...

— Нет, послушай, Морис. Когда тебя лишили по суду наследства и Вецке досталось нам, откуда я мог знать, что стану временным владельцем? Я и поступил со своим имуществом как считал нужным.

— Вижу, вижу, как ты поступил. Даже отцовские гобелены уволок.

— А с гобеленами получилась забавная история. Хочешь, расскажу? Ты знаешь мою слабость. Люблю в картишки с друзьями перекинуться. Играли мы с бароном Сентешем по-крупному. Проигрался я до нитки. За мной большой долг. Хоть стреляйся. Барон и говорит: давай мне твои гобелены, будем считать, что в расчёте. Вот что случилось, шурин, с твоими отцовскими гобеленами.

— И каналья же ты, как говорит один умный человек.

— Но-но... Я ведь могу и на дуэль тебя вызвать.

— С такими, как ты, Ласло, не стреляются. Им просто дают хорошего пинка и спускают с лестницы.

— Не сержусь на тебя, Морис. Отношу твои грубые слова на счёт твоего необузданного темперамента. Ты бы познакомил меня с супругой. Недурной у тебя вкус, как я погляжу.

Привлечённая громкими голосами, Фредерика заглянула в кабинет и стала свидетельницей окончания бурного объяснения мужа с зятем. Ласло галантно представился и полез к хозяйке с родственными поцелуями.

— Дай непрошеному гостю что-нибудь выпить. Ведь он этого ждёт. И постарайся поскорее выпроводить его вон.

Произнеся эти слова, Беньовский вышел из кабинета, с раздражением хлопнув дверью. Фредерика попыталась разрядить обстановку.

— Не судите его строго, Ласло. Он очень издерган после тяжёлой работы на Мадагаскаре. И ещё его очень расстроил вид родительского дома после вашего в нём хозяйничанья.

— Я уже объяснил Морису. Откуда мне было знать, что Вецке снова когда-нибудь перейдёт к нему? Я поступал со своим имуществом по своему усмотрению.

— Муж собрал свидетельства, что дом и хозяйство были разграблены уже после того, как вы получили судебное уведомление о передаче имения Вецке вашему шурину. А это дело подсудное.

— Морис намерен судиться?

— Он ещё не решил.

— Не по-родственному это.

Ласло выпил стакан вина и откланялся. Больше он в доме Беньовских не появлялся. Другие соседи частенько наносили визиты. Сперва — чтобы познакомиться или возобновить старое знакомство, а потом — чтобы развеять провинциальную скуку. Морис Август представлялся скучающим соседям-помещикам человеком интересным, бывалым, много поскитавшимся по свету. И рассказывал он о пережитом, о дальних странствиях занимательно.

Визиты эти тяготили Беньовского. Соседи-помещики развлекались всякими мелкими сплетнями, рассказывали в разных вариантах историю о том, как Ласло, заядлый картёжник, проиграл в карты фамильные гобелены, делились слухами о разбойниках, укрывающихся в горах.

Одна экзальтированная дама рассказывала страшную историю о графине Баторий, жившей в уединённом замке не то в прошлом, не то в позапрошлом веке. Стареющая графиня, чтобы сохранить свежесть кожи, принимала ванны из крови маленьких девочек. Слухи об этих преступлениях просочились сквозь стены замка, и однажды хозяйку поймали с поличным, когда число жертв достигло восьмидесяти. Графиню-преступницу присудили к пожизненному тюремному заключению в темнице, а её пособниц-служанок сожгли на костре.

Слушательницы этой истории охали и ахали, истово крестились и говорили, что теперь не уснут от кошмарных видений. А на Мориса Августа гости с их историями наводили скуку. Если же он пытался перехватить инициативу и начинал рассказывать о Мадагаскаре, его перебивали нелепыми вопросами: а где находится этот самый Мадагаскар, бывает ли там зима со снегом? Что за народ там живёт, наверное, индейцы?

И это раздражало Беньовского. Он всё чаще уезжал в город, в котором стоял большой гарнизон под командованием генерала Макоша.

Генерал принимал гостя радушно, предавался воспоминаниям о своём старом сослуживце, отце Мориса Августа. На манеже проходили конные состязания. Офицеры кавалерийских полков лихо рубили саблями лозу, преодолевали препятствия. Беньовский, находясь среди зрителей, поздравлял победителей. Его приглашали на товарищеские пирушки в офицерском собрании по случаю всяких юбилеев, полковых праздников, просили рассказать о мадагаскарских событиях. Морис Август, почувствовав себя в своей тарелке, с воодушевлением пускался в воспоминания, включая свою необузданную фантазию. Он стал своим в гарнизоне и вечно оказывался в компании новых друзей.

Однажды генерал Макош встретил Беньовского словами:

— Дорогой Морис, вы-то мне и нужны. Ой как нужны.

— К вашим услугам, мой генерал.

— Я формирую уланский полк по штатам военного времени. Полковник Лохвиц, чёрт бы его побрал, свалился на днях с лошади и получил тяжёлую травму. Мне не нужен командир полка — растяпа, который падает с лошади и ломает ноги. В строй он уже не вернётся. Почему бы вам не принять полк? Я внимательно ознакомился с рекомендательным письмом князя Кауница, моего старого друга. Князь рекомендует вас как человека с хорошим военным опытом.

— Я слышал, что старый баварский курфюрст умер. Значит, война?

— Придётся воевать за баварское наследство. Саксонцы и пруссаки уже двинули свои войска к границе Чехии. Так что вы скажете на моё предложение, милейший?

— Лестное предложение.

— Ещё бы не лестное. В вашем возрасте командовать отборным полком...

— Я и корпусом командовал, генерал.

— Так называемым корпусом. Сколько в вашем распоряжении было подчинённых? Рота, две?

— Две. И ещё инженерная команда и батарея полевых пушек, к вашему сведению.

— Негусто. В вашем полку будет шестьсот сабель не считая орудийной батареи и обозного эскадрона. Соглашаетесь?

— Разрешите съездить в Вецке попрощаться с женой. И тогда я в полном вашем распоряжении.

— Вот это другой разговор. Представление на вас сегодня же пошлю

в Вену.

Назначение Мориса Августа Беньовского командиром уланского полка не вызвало особого удивления в гарнизоне. Он уже стал как бы своим для офицеров. Лишь некоторые из них, наиболее проницательные и смышлёные, посмеивались над его велеречивостью и склонностью приврать.

Фредерика выслушала решение Мориса Августа поступить на австрийскую службу и отправиться воевать с саксонцами и пруссаками спокойно, хотя и всплакнула из приличия. С Уфтюжаниновым у него состоялся непростой разговор. Начал Беньовский издалека:

— Не надоело тебе, Иван, одиноким бобылём ходить?

— Стало быть, судьба такая, мой господин.

— Брось ты о судьбе толковать. Посмотри, сколько в селе пригожих девок. Разве нет выбора?

— Да я бы не против.

— И я бы не против тебе хорошую невесту подобрать. Да понимаешь ли, загвоздка одна на пути твоём. По нашим обычаям негоже, чтобы добрая католичка за схизмата замуж выходила.

— Что такое схизмат?

— Бусурманин, по-вашему. Иначе говоря, человек чужой веры. Вот я сейчас принимаю полк. Вероятно, отправимся на войну. Хотел бы и тебя, моего старого боевого товарища, с собой взять. Представил бы тебя на звание вахмистра. Но не в обычаях наших, чтобы иноверец верховодил католиками. Как к тебе отнесутся правоверные солдаты-венгры? Надо тебе, Иван, для пользы дела окреститься у нашего деревенского падре. Вместо Ивана станешь Иштваном.

— Не могу я, господин, изменить вере моих родителей, дедов.

— Да пойми ты... Католическая вера или православная, как это называется по-вашему, — это лишь оболочка. А суть одна. Все мы христиане. Бог у нас един, Христос, Бог Сын, тоже един, и Матерь Божья, Дева Мария, едина. Что изменится от того, что станешь католиком?

— Не скажите, господин. Латиняне крестятся не тремя перстами, а всей ладонью. Службу ведут на латыни. Святые иконы отвергают. Причастие совершают на свой лад. Святых наших, братьев-великомучеников Бориса и Глеба, великого подвижника Сергия Радонежского, просветительницу Евфросинию Полоцкую, не признают...

— О, да ты, Иван, в вопросах веры собаку съел.

— Я же священнический сын. И за причетника в храме прислуживал.

— Как хочешь, Иван. Неволить тебя не стану. Но в полк с собой не

возьму. Останешься с гайдуками сторожить имение и охранять госпожу. Слышал, в горах опять беглые холопы разбойничают.

— Есть такие слушки.

Попытался воздействовать на упрямого Ивана и деревенский священник отец Стефан, но тщетно. Уфтюжанинов, поповский сын, оставался непреклонен и перейти в католичество никак не хотел. «А добрый вояка бы получился и для девок загляденье», — с сожалением подумал Беньовский. Иван теперь никак не походил на прежнего тщедушного камчатского парня. Раздался в плечах, заматерел, отпустил бородку. Вьющиеся светло-русые кудри расчёсывал на прямой пробор.

Прощаясь с Фредерикой, Морис Август пошутил:

— Был бы Ивашка не таким телком...

— Ну и что было бы?

— Не оставил бы тебя на Ивашкино попечение.

— Плохо обо мне думаешь. Ревнуешь шляхтичку к безродному хлопу.

— Да нет, не ревную. К слову сказать, пошутил.

— Плохо пошутил.

Но неуклюжая шутка мужа запала в душу Фредерики. Она приглядывалась к статному, русоволосому и синеглазому Ивану и говорила себе: хорош парень. И ловила себя на греховных мыслях о том, что присутствие привлекательного гайдука, возможность видеть его рядом, перекинуться с ним двумя-тремя ничего не значащими словами доставляет ей маленькое удовольствие, приводит в лёгкое волнение. Не сразу осознала Фредерика, что муж с некоторых пор стал вызывать у неё скрытое раздражение своими амбициозными планами, поглощавшими все его помыслы, отодвигавшими его от дома и семьи. Фредерика с досадой называла мужа в душе бродягой, кочевником, пустым фантазёром и честолюбцем, который так и не принёс ей простого женского счастья.

Глава двадцать третья

Наследник покойного курфюрста Карл-Теодор Пфальцский, человек нерешительный и мягкий, готов был идти на любые уступки австрийцам, лишь бы избежать военного конфликта. 3 января 1778 года он заключил в Вене конвенцию, по которой уступал Австрии всю Нижнюю Баварию и некоторые другие области в обмен на признание австрийской стороной права нового курфюрста на всё остальное наследство. Венская конвенция вызвала недовольство как баварской знати, так и правителей Саксонии и Пруссии, опасавшихся подчинения всей южной Германии императорскому дому. Особенно решительно воспротивился австрийской политике король прусский Фридрих II. Однако же все его дипломатические усилия, попытки путём переговоров заставить Австрию отказаться от намерения утвердиться в Нижней Баварии не увенчались успехом. Война оказалась неизбежной. Австрийские войска под командованием Ласси и Лаудона были подтянуты к границам Силезии и Саксонии. Император-соправитель Иосиф II выехал в действующую армию. Фридрих II тоже двинул свои войска навстречу противнику. Во главе пруссаков встали сам король и его брат Генрих. К пруссакам присоединилась и саксонская армия курфюрста Фридриха-Августа III.

Странная это была война за баварское наследство. Не происходило кровопролитных сражений, крупномасштабных операций. Обе стороны демонстративно бряцали оружием и выжидали. Императрица Мария-Терезия, желавшая избежать большой изнурительной войны, сдерживала пыл своих военачальников. Пруссаки и саксонцы также не проявляли боевой инициативы. Дело ограничивалось тактическими передвижениями войск, отдельными рейдами на вражескую территорию небольших подвижных отрядов да мелкими стычками. С наступлением зимы в военных действиях наступило полное затишье. Пруссаки, которые к началу войны перешли границу Богемии и незначительно углубились на её территорию, отошли назад и расположились на зимних квартирах в Саксонии и Силезии.

Уланский полк Мориса Августа Беньовского встал на постой в небольшом чешском городке. Офицеры коротали время за карточной игрой на постоялом дворе Зденека Славичека. Это был самый богатый человек в городке, владевший не только вышеупомянутым постоялым двором и

пивным заводом, но и занимавшийся поставками фуража для австрийской армии. В доме Славичека Беньовский занимал просторную квартиру. Эскадронные командиры расселились у соседей-горожан. Младшие офицеры довольствовались помещениями при постоялом дворе.

Слуги обнесли всё общество высокими глиняными кружками с чёрным пенистым пивом. Выпили, похвалили пивовара Славичека. Лишь молодой офицер воскликнул:

— Помрёшь от тоски, господа, на такой войне! Сидим, как мыши в норе.

— Не скажите, прапорщик, — возразил ему усатый ротмистр, командир первого эскадрона. — Вы забыли о сражении с пруссаками при Габельшверте.

— Тоже мне сражение... Обменялись несколькими выстрелами, помахали сабельками.

— Постойте, господа, — остановил спорщиков Морис Август. — Давайте дадим здравую оценку Габельшверту. С военно-стратегической точки зрения сражение не крупномасштабно. Прапорщик прав — обменялись несколькими выстрелами, помахали сабельками. Но пруссаки увидели нашу силу и не рискнули вклиниваться далеко в глубь нашей обороны, а с наступлением холодов предпочли убраться восвояси.

Офицеры согласились с командиром полка. Кто-то предложил выпить за всех участников Габельшвертского сражения. Потом разговор перешёл на другую тему.

— А какой хитрец курфюрст Баварский Карл-Теодор, — с иронией произнёс усатый эскадронный ротмистр.

— Это маленький немецкий подражатель Людовику Пятнадцатому, — перебил кто-то из молодых.

— Вот именно. Ведёт себя как безучастный зритель. Позволил Австрии беспрепятственно занять восточные баварские земли. Пруссаки и саксонцы больше пекутся о его интересах, чем сам курфюрст.

— А может быть, в этом высшая государственная мудрость, загребать жар чужими руками? — возразил сухопарый пожилой командир третьего эскадрона.

— Какая может быть здесь мудрость? — ответил усатый ротмистр. — У Карла-Теодора единственная забота — наделить имениями всех своих многочисленных незаконных детей и замириться с Австрией ценой любых уступок, чтобы прожить без тревог и волнений остаток отпущенных ему Богом дней.

— Господа офицеры, вы ещё не знаете последней новости, —

обратился к собравшимся Беньовский. Офицеры насторожились.

— Только что прибыл из штаба генерала Макоша полковой адъютант. Пруссаки ведут в Вене переговоры с нашей стороной. Пока они не приносят никаких плодов. Российская императрица Екатерина пригрозила, что вмешается, если враждующие стороны не придут к примирению. Её величество Мария-Терезия склонна принять посредничество России и искать пути к соглашению. Вот такие новости, господа. Похоже, что война подходит к концу.

Офицеры долго обсуждали новость, которую привёз из штаба генерала Макоша полковой адъютант. Кто-то высказал сожаление, что так и не пришлось повоевать всерьёз. Другие, наоборот, выражали удовлетворение, что война обошлась без серьёзного кровопролития и, по всей видимости, вскоре будет подписан мирный договор. Тогда полк вернут в Венгрию и старики резервисты смогут разъехаться по домам.

Когда с обсуждением важной новости было покончено, офицеры сели за карты. Сложилось несколько партий игроков.

Приглашали и полкового командира, но Беньовский вежливо отказался. И вовсе не потому, что был противником азартных игр. Он строго придерживался субординации и считал для себя невозможным садиться за карточный стол с подчинёнными. Вот если бы пригласил его в компанию игроков сам генерал Макош!

Морис Август подошёл к полковому казначею Гомуляку, одиноко сидевшему у пылающего камина. Словак Гомуляк отличался необщительным характером, может быть, потому, что недолюбливал венгров, и был скуп. Он никогда не садился за карточный стол из-за боязни проигрыша и предпочитал оставаться зрителем.

— Вы что-то хотели мне сказать, пан Гомуляк? — обратился к нему Беньовский. — Извините меня великодушно, в последние два дня я был чертовски занят и никак не смог вас выслушать. Переговоры со Славичеком насчёт поставок фуража... Вы знаете, какой прижимистый человек этот чех.

— Я так думаю, что он большой мошенник.

— А вы бы хотели, чтобы поставщик армии её величества не был мошенником? Так какое у вас ко мне дело?

— Я давно желал обратить ваше внимание, пан бригадир, что этот Славичек предъявляет нам завышенные счета. Он продал нам партию подмоченного и тронутого плесенью овса под видом первосортного. Я произвёл обмеры возов сена, доставленных поставщиком на этой неделе, и установил, что его реальный объем никак не соответствует цифрам, указанным в требованиях на оплату. Что вы на это скажете?

— Факты серьёзные, пан Гомуляк. Я займусь проделками Славичека.

— Не стоит ли прекратить с этим мошенником всякие деловые отношения?

— Нет, не стоит. Вы уверены, что другой поставщик будет честнее?

— Откуда мне знать?

— Вот видите? Вы не знаете, и я не знаю. А Славичек оказал нам немало добрых услуг. И его рекомендовал как старого друга сам генерал Макош. Они знакомы ещё со времён Семилетней войны. Так что, хочется нам этого или не хочется, придётся проявлять к пану Славичеку снисходительность и закрывать глаза на некоторые его неблаговидные поступки.

— Жаль.

— Не горюйте, пан Гомуляк. Со Славичеком я непременно поговорю.

Слова Беньовского заглушил гвалт разгорячённых игроков. Шёл яростный спор — уличили нечестного игрока. Уличённый оправдывался — он вовсе не прятал карту, а нечаянно обронил её на пол. Спор разрешили полюбовно — прерванную игру считать недействительной, начать партию сызнова и в знак примирения выпить по кружке пива.

Морис Август вышел с постоялого двора и направился домой, однако поднялся не на свою половину, а к хозяину. Славичека он застал в уютном кресле, закутанного в тёплый стёганый халат. Перед ним на маленьком ломберном столике стоял органчик в шкатулке из красного дерева. Из него лилась весёлая, задорная музыка. Возле кресла на ковре примостились четверо малышей разных возрастов, хозяйские внуки.

— Развлекаюсь после трудов праведных. Чем обязан? — Такими словами встретил Славичек Беньовского.

— Хотелось бы потолковать.

— Всегда рад. Не желаете ли, пан бригадир, венгерского вина?

— От бокала токайского не откажусь.

Славичек выпроводил детвору, остановил органчик и встал, чтобы налить бокалы себе и гостю.

— Вас не шокирует мой халат? Я по-домашнему.

— Не стесняйтесь, пан Славичек. Ведь я свой человек в вашем доме. Так вот о чём я хотел бы с вами потолковать...

— Слушаю вас, пан Морис.

— Мой казначей жаловался на вас. Он считает ваши счета за фураж завышенными. По его утверждению, вы продали нам партию подмоченного овса. И обмер возов сена, поставленного вами, показал несоответствие указанному вами объёму.

— Ваш казначей излишне придирчивый человек.

— Придирчивый, но честный. И я верю ему.

— Вот что я вам на это скажу... Допустим, вы покупаете у торговки на базаре яблоки. Весы показывают два фунта, ни больше ни меньше. Вы и платите торговке за два фунта. Я же не могу взвалить на весы воз сена или воз овса. Такие весы ещё никто не придумал. Вот и приходится определять вес или объем по приблизительному подсчёту. А всякий приблизительный подсчёт вызовет возражение придирчивого пана Гомуляка.

— Допустим. А что вы скажете насчёт подмоченного, тронутого плесенью овса?

— Моё упущение. Недоглядел.

— Поймите, пан Славичек, не в моих интересах ссориться с вами, да и вам, убеждён, не резон ссориться со мной. Я вовсе не хотел бы искать другого поставщика. Вероятно, ссора со мной чревата для вас неприятными последствиями. С вами перестанут иметь дела другие командиры полков, и вы понесёте невосполнимые убытки.

— Не дай-то Бог!

— Вот именно. Так что давайте приходить к компромиссу или, как говорят математики, к общему знаменателю.

— В какую сумму вы оцениваете убыток, который я вам нанёс?

— Вот это деловой разговор, пан Славичек. Я бы не возражал, если бы вы выплатили мне три тысячи гульденов серебром.

— О Бог мой! Три тысячи гульденов серебром...

— Вы считаете это большой суммой?

— Немыслимой. Я бы ещё согласился на полторы тысячи.

— Сойдёмся, пан Славичек, на двух тысячах гульденов. И делу конец. И только из-за моего доброго расположения к вам. И забудем про подмоченный овёс и завышенные счета.

— Вы меня разоряете, бригадир.

— Да полно вам!

— Бог вам судья. Я согласен.

Славичек вышел в соседнюю комнату, свой рабочий кабинет, долго, гремел там ключами, открывая тяжёлую крышку кованого сундука. Вернулся он с увесистым холщовым мешочком.

— Вот, ровно две тысячи гульденов. Можете пересчитать, если хотите.

— Зачем же пересчитывать? Верю вам на слово. Давайте-ка выпьем ещё по бокалу.

Иржи Славичек услужливо подал Беньовскому бокал вина, налил и

себе. С хитроватой усмешкой он взглянул на гостя и подумал: «Вот, опять всё просто решилось, как и с другими». Поставщиком императорской армии он был многие годы. Нажитые всякими честными и нечестными путями гульдены вкладывал он в пивоваренное производство, строительство домов, торговлю и мог считаться одним из самых богатых людей в приграничной Чехии. Поставляя расквартированным на границе кавалерийским полкам сено, овёс, конское снаряжение, он беспардонно обсчитывал заказчиков, мошенничал, предъявляя завышенные счета, выдавал тронутый плесенью позапрошлогодний овёс за первосортный. Иногда это сходило ему с рук — не в каждом полку находился такой дотошно придирчивый казначей, как пан Гомуляк. Командиры полков смотрели на проделки поставщика-мошенника сквозь пальцы — не из своего кармана трачу деньги. Но попадались и зоркие военачальники, уличавшие Славичека в обмане. Тогда поставщик каялся в допущенной оплошности и выражал готовность компенсировать невольный убыток. Торговались и сходились на компромиссной сумме, которую полковой командир, как правило, в полковую кассу не вносил, а клал себе в карман. Так на поставках фуража наживался не только поставщик, но и армейский военачальник. Это была сложившаяся ещё задолго до Славичека и Беньовского практика.

Не спеша, мелкими глотками Морис Август выпил бокал вина и сказал многозначительно:

— Мы покончили, пан Славичек, с мелким делом. А теперь я хотел бы поговорить с вами о другом.

— Готов вас выслушать, пан Морис.

— Вы мне нравитесь своей деловитостью, размахом.

— Рад это слышать.

— И вы богатый человек.

— Насчёт моего богатства преувеличивают.

— Не прибедняйтесь. Я хотел бы видеть вас своим компаньоном.

— О чём идёт речь? Поясните, пожалуйста.

— Война за баварское наследство, как я предвижу, идёт к концу. В мирное время я вряд ли останусь на военной службе. По призванию я коммерсант. Служба на Мадагаскаре дала мне возможность скопить некоторые средства, которые я намерен вложить в создание коммерческой фирмы. Мне нужны состоятельные и дельные партнёры вроде вас, Славичек. Нашей базой мог бы стать Фиуме, порт в Адриатическом море. Мы покупаем или арендуем корабли и ведём торговлю с турками, неаполитанцами, арабами, Мальтой. Торгуем венецианским стеклом,

бархатом, хлопчатобумажными тканями, закупаем турецкий табак, восточные ковры, шелка, кинжалы из дамасской стали, апельсины.

— Солидные у вас планы. Стоит над ними подумать.

— Непременно подумайте. Это только первый шаг в нашем грандиозном предприятии. Операции в Средиземноморье дадут нам первоначальный капитал. Разбогатев, мы создадим компанию мирового масштаба. Общество Восточных морей. Каково звучит? Снарядим коммерческую эскадру с товарами и устремимся в Индийский океан, к берегам Мадагаскара.

— Почему Мадагаскара?

— А потому, что это остров несметных сокровищ и пока что никому не принадлежащий, если не считать нескольких захудалых французских факторий на его восточном берегу. Я знаю Мадагаскар, его вождей, которые благоволят мне. Это длинная и занятная история. Как-нибудь расскажу вам.

Морис Август пустился в пространные рассказы о богатствах Мадагаскара, о выгодных перспективах частной коммерческой экспедиции на далёкий остров в Индийском океане. И Иржи Славичек слушал его с нарастающим интересом. А вдруг этот загадочный остров и впрямь золотое дно и путь, указанный его постояльцем, в самом деле приведёт к неслыханному богатству? Есть над чем подумать.

— Мне нужны компаньоны дерзкие, смелые, — сказал Беньовский, закончив рассказ. — Нет ли таких среди ваших друзей?

— Пожалуй, есть, — не сразу ответил Славичек. — Могу назвать Вальтера Щульца. Богатый судетский немец из Карлсбада. Владеет модным пансионом. Бывает, у него останавливаются даже немецкие владетельные принцы. И кроме того, он крупный строительный подрядчик, строит дома, виллы.

— Вы познакомите меня с этим Щульцем?

— Пожалуйста. Мы можем вместе съездить в Карлсбад.

— Вот и отлично. Кого бы вы могли ещё порекомендовать мне?

— Альбрехта фон Вальде. Богатый саксонский помещик. Его имения расположены по ту сторону Судетских гор. У него знаменитый конный завод, поставляющий лошадей для армии Саксонии и даже для императорской кавалерии.

— Я слышал о нём.

В ближайшие дни Морис Август побывал в штабе генерала Макоша и пожаловался ему, что разболелись и не дают покоя старые раны. Полковой лекарь рекомендовал кратковременное лечение на карлсбадских водах.

— Отпускаю тебя на неделю. Лечись, — ответил старый генерал. —

Больших сражений в этой странной войне, кажется, больше не предвидится.

В Карлсбад Беньовский выехал вместе со Славичеком. В пути Иржи Славичек рассказывал Морису Августу, что в своё время на карлсбадских водах лечился сам российский император Пётр Великий. И останавливалась высокая персона в доме деда Вальтера Щульца. Так это было или не так — Бог ведает. Но сам Вальтер утверждает, что слышал об этом от покойного дедушки.

Городок Карлсбад вытянулся вдоль горной долины, по которой протекает неширокая быстрая река Огрже, приток Эльбы, или Лабы. Долину обрамляли холмы и горные склоны, поросшие лесом. На узкие улочки выходили фасады старинных домов с черепичными кровлями. Среди них выделялся внушительных размеров пансион господина Щульца, местного богача; позади пансиона в небольшом садике стоял жилой дом владельца с колоннадой, пристроенной недавно.

Вальтер Щульц, крупный, дородный мужчина, выслушал Беньовского, представленного Славичеком, его пространный рассказ о намерении создать коммерческую компанию, которая в дальнейшем станет Обществом Восточных морей.

— Я, пожалуй, мог бы стать вашим компаньоном, — сказал Щульц, выслушав Мориса Августа. — Но при одном условии.

— Каково же ваше условие?

— Вы должны заинтересовать меня выгодной перспективой.

— Разве я не говорил вам только что о самой выгодной перспективе?

— Этого мало. Привлеките в вашу компанию двух-трёх крупнейших венских купцов с именем. Тогда и мы подумаем, скромные провинциалы. Для успеха компании нужны солидные компаньоны.

— Компаньоны будут.

— Могу назвать вам несколько имён богатых немцев. К одному из них, Максу Бальдамусу, напишу рекомендательное письмо.

— Буду вам признателен.

Щульц пригласил гостей отобедать и за обедом пожаловался на трудные времена. Из-за войны пансионат пустует, если не считать двух-трёх случайных постояльцев. Среди них какой-то поляк. А в обычное время в Карлсбад на воды съезжается множество туристов, отдыхающих, больных. Теперь же их заменили офицеры двух полков, расквартированных вблизи города. Они собираются иногда в ресторации пансионата, ведут себя шумно и беспокойно, а доходов владельцу приносят мало.

Славичек ранним утром следующего дня отбыл обратно, а Морис

Август остался в Карлсбаде на три дня. Он показался врачу-немцу, прочитавшему целую лекцию о целебных свойствах карлсбадских минеральных источников, пил по его рекомендации солоноватую и горьковатую на вкус воду, дважды принимал ванны.

Беньовский уже собирался возвращаться в полк, когда в вестибюле пансионата его остановил раскатистый возглас:

— О, холера ясна! Не будь я пан Генский, если это не мой родич пан Беньовский, супруг моей племянницы Фредерики.

Морис Август увидел грузного немолодого человека в старомодном зелёном кафтане, судя по выговору — поляка, и смутно припомнил, что где-то уже встречал его. Кажется, эта встреча состоялась во время свадьбы в доме Генских. Находившийся среди гостей пожилой поляк приходился родственником тестю Беньовского, не то его двоюродным, не то троюродным братом, и носил ту же фамилию. После свадьбы он заезжал раза два в имение Мориса Августа.

— Помню вас, милейший пан... — отозвался Беньовский, хотя родственник и оставил у него самые смутные воспоминания. Он даже забыл имя этого двоюродного или троюродного дядюшки своей супруги.

— Пан Владислав, если вам угодно, — напомнил поляк.

— Да-да, пан Владислав. Очень рад. Такая приятная неожиданность. Что привело вас в Карлсбад?

— Стариковские хвори. Желание подлечиться. Я ведь тоже был в рядах конфедератов.

Действительно, пан Владислав некоторое время числился в одном из конфедератских отрядов, но больше отсиживался дома, ссылаясь на разные болезни, действительные или мнимые. Участвовать в сражениях ему не довелось.

Пришлось Беньовскому отложить на пару часов отъезд и пригласить родственника в ресторацию. Пан Владислав, потягивая чешское пиво, поведал Морису Августу последние родственные новости. Его тесть ещё вполне бодр. Сёстры Фредерики, повыходив замуж, благополучно рожают детей. В имение Генских наведывались чины королевской полиции и интересовались местонахождением Мориса Августа. Делалось это по требованию российского посла в Варшаве. Императрица Екатерина II настаивала, чтобы король Станислав выдал Беньовского, если он паче чаяния обнаружится в пределах Речи Посполитой, русским властям для примерного наказания за учинённый на Камчатке разбой. Имение Мориса Августа, однако, не подверглось конфискации. Его взял под свою опеку старый Генский, отец Фредерики. Вот и все новости.

Беньовский в свою очередь рассказал, что по заключении мира он намеревается оставить военную службу и заняться коммерцией. Он уже предпринимает шаги по созданию торговой фирмы, которая будет базироваться в порту Фиуме и вести широкую заморскую торговлю с восточными странами. Уже намечаются солидные компаньоны. Он, Морис Август, готов со своей стороны пригласить и пана Владислава участвовать в деле, если тот, конечно, располагает необходимым капиталом.

— Большого капитала я не накопил, — ответил Генский. — Но кое-что за душой имею. Ведь я по своему характеру азартный игрок. Люблю рисковать. А коммерция — это тоже риск.

— Риск ради прибыли, дорогой дядюшка Владек.

— Вашу руку, Морис. Считайте меня своим компаньоном.

Пока Морис Август ездил в Карлсбад, командир его первого эскадрона совершил несколько небольших разведывательных рейдов через Судеты на саксонскую сторону. Разведчики установили, что вблизи границы никаких серьёзных вооружённых сил у саксонцев и пруссаков нет. На западных склонах гор раскинулись угодья богатого помещика фон Вальде, известного коннозаводчика. Свои табуны коней он угнал вглубь страны. В его главном имении сосредоточены обширные запасы фуража, сена, скошенного на горных лугах.

Беньовский принял решение самолично возглавить колонну в составе полуэскадрона для ночного набега на имение фон Вальде. Выставив передовое охранение, отряд бесшумно двигался по заснеженной горной дороге, скрытой в ущелье. На западном склоне гор свернули с основной дороги на едва заметную тропу, петляющую по дну бокового, заросшего ельником ущелья. Оно и вывело на широкую поляну. Посреди поляны массивная стена из грубо обтёсанных валунов окружала господский дом, маячивший чёрным силуэтом. Чугунные ворота ограды оказались на запоре. На стук и возгласы солдат выскочил откуда-то из тьмы перепуганный старик привратник и, повинуясь угрожавшим оружием солдатам, открыл ворота. На шум из здания вышли несколько сонных полицейских, охранявших дом помещика. Их всех без большого труда разоружили и заперли в чулане.

Морис Август распорядился выслать на западную дорогу охранение, а также расставил часовых вокруг господского дома и смело вошёл во внутренние покои. У входа в зал он столкнулся с высоким лысоватым господином, полуодетым, со свечой в руках.

— О, доннер веттер[62]! Господа австрийцы... Я-то думал, что эта проклятая война подошла к своему завершению.

— Вы правы, герр Альбрехт. Война близка к концу. Меня привело к вам единственное желание познакомиться с вами. Премного наслышан о вашем конном заводе.

— Если вас интересуют мои лошади, то разочарую вас. Их здесь уже давно нет, если не считать двух десятков выбракованных кляч.

— Какие они клячи, это мы ещё посмотрим. А пока разрешите представиться. Командир уланского палка её величества Беньовский — если по-польски, де Бенёв — если по-венгерски.

— Проходите к камину. Он ещё не остыл.

— Благодарю вас. И разрешите сразу перейти к делу. У вас, насколько мне известно, большие запасы овса и сена, в которых так нуждается мой полк. По праву воюющей стороны я конфискую ваши запасы.

— Это разбой!

— Нормальный обычай войны. К сожалению, вывезти мы сможем малую часть. Остальное придётся уничтожить, предать огню.

— Но зачем?

— Чтобы вашим овсом и сеном не воспользовались наши противники. Логично? Но мы можем договориться полюбовно.

— Каким образом?

— Самым простым. Я не трону ни вашего овса, ни вашего сена. Даю вам право откупиться от конфискации, чтобы на ваши деньги я смог закупить овёс и сено у чешских поставщиков.

— Сколько вы хотите?

— Ну, скажем, три тысячи австрийских гульденов серебром.

— Однако!

— Для вас, с вашими доходами, эта сумма сущие пустяки.

— Хорошо, вы получите три тысячи серебром и дадите мне слово дворянина, что оставите меня в покое.

— Слово дворянина. И искреннее заверение в самом добром к вам расположении. Приятно общаться с деловым человеком, который понимает тебя с полуслова. Мы с вами могли бы стать хорошими партнёрами.

— Это с какой стати? Предлагаете совместно разводить породистых коней?

— Никак нет, герр Альбрехт. Кони не моё увлечение. Создаю коммерческую компанию для торговли с восточными странами.

Морис Август поделился с фон Вальде своими честолюбивыми планами.

— Участие в подобной компании открывает перед вами возможность

закупать скакунов арабской породы. Что вы на это скажете?

— Дождёмся прежде заключения мирного договора. И посмотрим, как будет выглядеть ваша компания, кто ваши партнёры.

— Надеюсь на участие Щульца из Карлсбада и Иржи Славичека.

— Знаю их. Провинциальные люди.

— Будут и венцы, и поляки.

— Посмотрим, посмотрим.

— Надеюсь, что это только начало нашего приятного знакомства.

Получив с коннозаводчика три тысячи гульденов серебром, Беньовский вместе с небольшим отрядом удалился. Фон Вальде проклинал в душе дерзкого кавалериста, но старался убедить себя, что ещё легко отделался. Неписаные законы войны беспощадны. Беньовский не тронул его имущества, не поджёг скирды с овсом, не увёл из конюшни ни одного коня, среди которых были, конечно, не только выбракованные клячи, да ещё рисовал ему заманчивую картину обогащения.

С наступлением весны новой вспышки военных действий так и не последовало. При посредничестве Екатерины II, не желавшей усиления Австрии, 15 мая 1779 года в Тешене воюющие стороны заключили мирный договор. Он сохранял территориальную целостность Баварии, которая теряла в пользу Австрии лишь небольшой Иннский район. Это была чисто символическая уступка венскому двору. Подобную же уступку символического свойства получала и Саксония. Наибольшей выгоды достиг прусский король Фридрих II, за которым признавались наследственные права на Ансбах и Байрет, небольшие владения в южной Германии, граничащие с баварскими землями. Прежде они принадлежали боковой ветви Гогенцоллернов.

Уволившись с военной службы и распрощавшись с генералом Макошем и однополчанами, Морис Август приехал в Вену. Здесь он зарегистрировал в правительстве свою коммерческую фирму с главной конторой в Фиуме, выплатив регистрационную пошлину. Затем он повёл переговоры с венскими купцами и финансистами. Одни сразу же отказались от предложения Беньовского стать его компаньонами, сославшись на временные денежные затруднения. Крупные дельцы сочли затею Мориса Августа слишком мелкомасштабной и не заслуживающей внимания и засомневались в его опыте и деловых качествах. А некоторые тянули с ответом и выжидали, присматриваясь к новоявленному коммерсанту. Удалось заинтересовать лишь Макса Бальдамуса, владельца полотняных фабрик. Он не только сам вступил в акционеры компании и внёс свой пай, но и помог привлечь своего родственника, тоже фабриканта,

и ещё двух друзей-торговцев. Морис Август незамедлительно отправил Славичеку, Щульцу и фон Вальде письма одинакового содержания: «Акционерная компания зарегистрирована в правительстве. Центральная контора учреждена в Фиуме. Среди акционеров...» Беньовский перечислил имена венских компаньонов. Имена эти были достаточно известны в деловом мире империи, и они магически подействовали на Славичека и Щульца. Оба сразу же ответили согласием на участие в деле и готовностью внести свой пай. После некоторых колебаний к ним присоединился и саксонский коннозаводчик.

Фиуме — главный военный порт Австрии на Адриатическом море. Здесь стоянка боевых кораблей, судостроительные верфи, казармы гарнизона. Город невелик, но живописен. Он раскинулся на берегу лазоревого залива. К окраинным улочкам города подступают сады и виноградники. За ними высятся горы, поросшие зелёными лугами. Население Фиуме пёстрое. Встретишь здесь и тирольских немцев, и венгров, и славян, и итальянцев. Славяне называют город на свой лад — Риекка.

На одной из улиц, примыкающих к торговому порту, появилась броская вывеска: «Торговля с Востоком. Акционерная компания». На торжественную церемонию открытия компании венские купцы прислали своих главных приказчиков, а Макс Бальдамус, полотняный фабрикант, направил сына Германа, ближайшего помощника в коммерческих делах. Прибыл собственной персоной пан Владислав Генский, родственник Беньовского по жене, и фон Вальде, саксонский помещик и любитель лошадей. Генский приехал из чистого любопытства и по своему непоседливому, авантюристическому характеру. Коннозаводчик всерьёз заинтересовался возможностями закупок у арабов породистых скакунов. Обещал приехать и Щульц из Карлсбада, но позже. С заключением мира на карлсбадские воды нахлынула волна курортников, и владельцам пансионатов прибавилось забот.

В Фиуме компания пополнилась ещё двумя компаньонами, тирольскими немцами Грибелем и Вандером. Грибель торговал преимущественно венецианским стеклом и бархатом и владел небольшим торговым судном «Геракл», совершавшим рейсы в Неаполь, на Сицилию и в турецкие порты. Недавно судовладелец лишился опытного шкипера, старого морского волка хорвата, умершего от внезапного сердечного приступа. В порту удалось отыскать безработного шкипера, итальянца Никколо Альберти. Весёлый, общительный и словоохотливый, он произвёл на судовладельца приятное впечатление. Без долгих раздумий Грибель

принял его к себе на службу на место покойного.

Никколо великолепно исполнял неаполитанские песни под гитару, рассказывал массу всяких занятных историй из морской жизни. Он поведал, что многие годы плавал на венецианских кораблях, а его ближайшие предки были знатными людьми, крупными землевладельцами в северной Италии, приближёнными герцога Мантуанского. Когда Мантуя с окрестными землями вошла в состав австрийских владений, семья Альберти, противившаяся владычеству Австрии, оказалась в немилости и лишилась всех своих поместий. Он, Никколо, стал простым матросом на торговом судне, постепенно постиг морскую профессию и дослужился до шкипера.

По настоянию Альберти был значительно обновлён экипаж «Геракла». Никколо самолично рыскал по кабакам Фиуме и отбирал матросов, предпочитая итальянцев. Новые члены экипажа производили впечатление людей бравых, дерзких и озорных.

Другой тиролец, Вандер, работал преимущественно торговым агентом венского предпринимателя Бальдамуса, но имел и небольшое собственное дело. Его компаньоном был владелец небольшой торговой шхуны «Персей» Здравко Ристич. Беньовский подметил склонность судовладельцев на Адриатике называть свои суда именами античных героев. Шкипером «Персея» плавал младший брат Здравко, Ратко Ристич. Оба хорвата были рослыми красавцами, несколько замкнутыми и малоразговорчивыми. Братья Ристичи также согласились войти в число компаньонов акционерной компании «Торговля с Востоком».

Деятельность компании началась с собрания учредителей. Собрание открыл Морис Август.

— Господа компаньоны! Компания создана. Во главе её, как водится, должен стоять руководитель. Назовём его президент-директором. Пусть это будет самый опытный и достойный из нас.

— Какой может быть разговор?! — воскликнул Генский. — Конечно, мы проголосуем за Мориса Августа Беньовского. Он инициатор создания компании. За его плечами огромный опыт. Он объездил почти весь земной шар, знает Восток.

— Поддерживаю предложение, — высказался фон Вальде.

Фиумские купцы и уполномоченные венцев выжидательно помалкивали. Сын полотняного фабриканта Герман рассеянно вертел в руках табакерку. Тогда Морис Август сделал тактический ход.

— Господа, я предлагаю не ограничиваться избранием президент-директора. Давайте выберем и вице-президента. У нас будет уйма работы.

С расширением нашей деятельности потребуется много усилий с нашей стороны. Предлагаю на пост вице-президента господина Вандера, хорошо знающего местные условия, Адриатику. Учтём ещё одно обстоятельство. Господин Вандер представляет в компании не только свои собственные интересы, но и дело крупнейшего венского предпринимателя Бальдамуса.

— Разумно, разумно, — сказал в знак согласия Герман Бальдамус.

— Тогда продолжаю, господа. Предоставим возможность за отсутствующих акционеров высказаться их представителям.

Так Морис Август Беньовский единогласно был избран президент-директором, а фиумский купец Вандер — его заместителем.

О дальнейшей деятельности компании договорились без больших затруднений. Братья Ристичи отплывут на шхуне «Персей» на малоазийское побережье Эгейского моря в турецкий порт Измир, или Смирну, как называют его европейцы. Шхуна загрузится венским полотном и венгерскими винами. Этот маршрут был для них не новым. Никколо Альберти поведёт «Геракл» с грузом венецианского стекла и бархата на Сицилию, в Палермо и Мессину, а оттуда в Неаполь.

Беньовский самолично следил, чтобы ящики со стеклянными изделиями, кубками, графинами, чашами, блюдами, обёрнутыми соломой, грузились в трюм бережно, аккуратно. Дальнейшие операции компании будут зависеть от размеров прибыли, какие дадут первые рейды кораблей. Морис Август посетил консульских представителей Турции и Неаполитанского королевства в Фиуме, выправил у них торговые лицензии и получил рекомендации с именами известных тамошних купцов.

Незадолго до выхода в море Здравко Ристич наведался к Беньовскому.

— Я недоволен Грибелем, — коротко бросил он, насупившись.

— Что вам плохого сделал Грибель?

— Мне ничего плохого не сделал. Он слишком доверился итальянцу. А итальянец мне не нравится.

— Вы говорите об Альберти?

— О ком же ещё!

— Поясните, пожалуйста, чем плох этот Альберти?

— Не могу вам точно этого объяснить. Я не судебный следователь, а только моряк. Но мне кажется, Никколо Альберти не тот, за кого он себя выдаёт.

— На чём основаны ваши подозрения?

— Он называет себя мантуанцем, стало быть североитальянцем. Но его выговор скорее сицилийский. Я много плавал и встречал сицилийцев, легко их отличу от других. Мне часто доводилось заходить в Венецию. И я

никогда не слышал, чтобы среди венецианских моряков находился человек по имени Никколо Альберти. Или он сменил имя, чтобы скрыться от правосудия, или он вообще никогда не служил у венецианцев. И ещё...

— Говорите, говорите, Ристич.

— Присмотрелся я к итальянцам. У меня сложилось твёрдое убеждение, что шкипер давно знаком со всей этой братвой, которую набрал по кабакам в свой экипаж.

— Разве это плохо, что Альберти подобрал знакомых ему людей, в которых уверен?

— Говорю вам, это одна шайка.

— Я выслушал вас, Ристич, и кое-какие меры приму.

— Пусть сам Грибель и отправляется в плавание на «Геракле».

— Вы же знаете, что он старый, больной человек. Он не выносит морских плаваний. Найдём кого-нибудь другого.

Беньовский поручил Герману Бальдамусу отправиться на «Геракл» за старшего и заняться реализацией товаров. Его должен был сопровождать рослый слуга-телохранитель, хорват, рекомендованный Здравко Ристичем. Альберти выслушал это решение спокойно.

— Вам виднее, хозяин. Пусть молодой человек распоряжается товарами. А я только шкипер. Моё дело привести шхуну куда следует.

Никакого неудовольствия или раздражения бесстрастное лицо Никколо не выражало.

Обе шхуны отплыли из Фиуме в один и тот же день. Незадолго до этого события компания застраховала грузы и корабли в Венском страховом обществе. Одним из главных его владельцев был всё тот же промышленник БальДамус. На страховании настояли фиумцы Грибель, Вандер и Ристич. Они напомнили, что у турецких берегов, бывает, пошаливают пираты, захватывают и грабят торговые суда. Случается это не часто, но всё же абсолютной гарантии того, что встречи с пиратским судном под чёрным флагом удастся избежать, нет.

Проводив корабль с товарами, Беньовский занялся хозяйственными делами. Отремонтировал арендованный двухэтажный особняк. Внизу обставил дорогой мебелью собственный кабинет. Помещения поскромнее предназначались для секретаря, вице-президента, бухгалтера. На втором этаже размещались президентская квартира и комнаты для приезжих компаньонов. Позаботился Морис Август и о том, чтобы его рабочий кабинет украшал огромный портрет императрицы Марии-Терезии в массивной золочёной раме, а у входа в дом стоял огромного роста картинный швейцар в роскошной ливрее. Беньовский садился за

письменный стол в резное кресло с высокой спинкой под портретом государыни в приподнятом настроении. Он теперь президент-директор! Он станет богатым человеком и проложит дорогу на Мадагаскар. И туземцы встретят его как властелина острова. Его мечты непременно сбудутся.

Но ему и его компаньонам суждено было пережить горькие минуты, разрушившие радужные планы. Герман Бальдамус, не прежний изысканно щеголеватый Герман, сын венского промышленника, а осунувшийся, небритый бродяга в каких-то обносках с чужого плеча объявился недели через две.

— Что за маскарад, Герман? Почему вы вернулись? Что с «Гераклом»? — такими словами встретил его Беньовский.

— Проклятье! Никколо — жулик и разбойник с большой дороги. Он выбросил меня на берег и завладел шхуной.

— Вы уверены, что это так?

— Иначе я не стоял бы перед вами в таком виде.

— Рассказывайте всё по порядку.

И Беньовскому пришлось выслушать такую историю. Во время плавания к Герману навязался в друзья подшкипер Виченцо. Он забавлял молодого дельца пением. Голос у него был великолепный, лучше, чем у самого Никколо. И ещё угощал Германа лёгким итальянским вином. Виченцо отрекомендовался неаполитанцем, много рассказывал о южной Италии, о дворцах Неаполя. Он напомнил, что «Геракл» будет вынужден сделать стоянку в Бари, порту на восточном берегу Неаполитанского королевства, чтобы пополнить запасы воды. Кстати, в Бари живёт его кузина, красавица Эмилия. Она прекрасно поёт и танцует. Он, Виченцо, непременно познакомит молодого синьора с кузиной.

Герман чувствовал одурманивающее действие вина, хотя оно и казалось ему совсем не крепким. А Виченцо твердил своё. Пусть синьор послушает песни Эмилии, станцует с ней тарантеллу. Визит к кузине не займёт много времени. Она с родителями живёт совсем недалеко от порта.

Потом наступил провал памяти. Всплыло новое воспоминание, неотчётливое, смутное. Его ведёт под руку подшкипер Виченцо и что-то оживлённо рассказывает про город Бари, про кузину. И долго продолжается этот путь по узким, извилистым и почему-то пустынным переулкам. Наконец они оказываются в каком-то сумеречном, мрачном помещении в обществе смуглой девушки в крикливо пёстром платье. Девица с низким, с хрипотцой голосом напоминает скорее цыганку, чем итальянку.

— Моя кузина Эми, — представляет её Виченцо. — Спой гостю неаполитанскую песню.

— Непременно спою. Но пусть сперва гость выполнит наш обычай, выпьет бокал виноградного вина за здоровье хозяйки.

Эмилия протягивает Герману тяжёлый гранёный стакан с розовым вином.

— Залпом и до дна. Так у нас принято, — говорит она и прижимается крепким упругим телом к гостю. Сознание Германа обволакивается дурманящим туманом. Эмилия ещё теснее прижимается к нему и что-то говорит. От её тела резко пахнет дешёвой помадой. Женщина, цепко обхватив одурманенного гостя, тянет его на кушетку. Герман слышит её последние слова:

— Готов. Слабак...

Очнулся Герман от утренней прохлады на каком-то пустыре, поросшем бурьяном. Сюртука, во внутреннем кармане которого оставался кошелёк с немалой суммой денег, на нём не было. С ним произошла банальная история — его ограбила мелкая мошенница, портовая шлюшка. Вряд ли она была на самом деле кузиной подшкипера Виченцо. Её услугами воспользовалась шайка Никколо Альберти, чтобы избавиться от Германа и завладеть кораблём.

Когда он добрел до порта, «Геракла» на рейде уже не было. Герман попытался заявить о происшествии в полицию. Выслушав его сбивчивый рассказ, полицейский офицер спросил:

— Вы могли бы указать дом, в котором вы познакомились с женщиной, назвавшейся Эмилией?

— Наверное, не смогу. Я находился тогда в невменяемом состоянии. Меня опоили каким-то одурманивающим снадобьем.

— Вот видите? Что же вы от нас хотите?

К счастью для Германа, в Бари жил крупный торговец, с которым старый Бальдамус имел дела, поставляя ему партии полотна. Этот торговец сочувственно выслушал историю о злоключениях незадачливого венца и снабдил пострадавшего деньгами, чтобы тот смог добраться до Фиуме.

— Печальный урок мне на всю жизнь, — закончил Герман свой рассказ.

— Всем нам горький урок, — ответил Беньовский. — Выходит, Ристич был прав в своих подозрениях. Альберти и его люди — одна пиратская шайка.

Морис Август посетил местного венецианского консульского агента и узнал от него, что человек, называвший себя Никколо Альберти, никогда не служил в Венеции и не плавал на венецианских кораблях. Через местную австрийскую полицию Беньовский получил сведения из Мантуи. Да, в

районе этого города находятся поместья семьи Альберти, бывших приближённых герцога Мантуанского. Но никаким преследованиям со стороны имперских властей эта семья не подвергалась, земельных владений не теряла. И среди её членов не было никакого моряка по имени Никколо.

По причине столь грустных событий владелец «Геракла» Грибель свалился с тяжёлым сердечным приступом. Через некоторое время в контору Беньовского заявились два бывших матроса, остававшихся на шхуне ещё от прежней команды. Они были нежелательными свидетелями для Альберти. Придравшись к матросам по каким-то пустячным мелочам, шкипер приказал высадить их на берег. До Бари они добирались пешком, питаясь Христовым именем. В Бари удалось подрядиться матросами на попутное венецианское судно, а из Венеции добраться до Фиумё было уже не трудно. А о судьбе телохранителя-хорвата, приставленного к Герману, ничего не удалось узнать. Скорее всего его просто выбросили по распоряжению Альберти за борт.

Впоследствии через австрийскую сыскную службу были получены кое-какие сведения. «Геракл» достиг Сицилии, и шкипер якобы по поручению фиумской компании распродал часть товаров мессинским купцам. Называл он себя уже не Альберти, а Джованьоли. Далее корабль, по одним сведениям, отправился на Мальту, а по другим — в Тунис. Вероятно, шкипер, главарь шайки, продал в конце концов шхуну испанцам. Корабль, похожий по описанию на «Геракл», был замечен в западной части Средиземноморья.

— Урок всем нам. И скверное начало, — повторил Беньовский, подсчитывая убытки и дожидаясь возвращения «Персея».

Судьба второй шхуны и братьев Ристичей прояснилась только месяца через два после её отплытия из Фиуме. В одной из бухт у южной оконечности Греции «Персей» столкнулся с пиратами. По их одежде и выговору нетрудно было опознать в них не турок, а арабов-египтян. Каирские беи поощряли пиратство в турецких водах и имели от этого свою выгоду. Они не желали признавать над собой власть султана и вели себя как самостоятельные властители.

Слабо вооружённая команда «Персея» отчаянно билась с пиратами. Но нападавшие обладали явным численным превосходством и были отлично вооружены кривыми саблями и пистолетами. Один за другим падали, обливаясь кровью, защитники шхуны. На глазах Здравко погиб его брат, отбивавшийся саблей от наседавших на него нескольких дюжих пиратов. Раненный в плечо старший Ристич всё же сумел броситься за борт, собрать

оставшиеся силы и достичь вплавь греческого берега. С ним спасся и ещё один из матросов, тоже получивший тяжёлую рану. Рыбаки-греки подобрали обоих и выходили в горной хижине. Разграбив шхуну, пираты подожгли её. С помощью тех же рыбаков беглецы добирались на лодках от одного прибрежного поселения до другого, пока не достигли Дубровника, зависимой от Турции аристократической республики на далматинском побережье.

Среди моряков Дубровника, старинного приморского города, богатого архитектурными памятниками разных эпох, имя Здравко Ристича было известно. Отыскались и старые друзья, которые и помогли ему добраться до Фиуме.

На расспросы Беньовского Здравко отвечал односложно, неохотно, угрюмо насупившись.

— Божья кара, — произнёс Морис Август, выслушав Ристича. — Сходи в костёл, помолись за упокой души твоего брата. Вот всё, что могу тебе сказать.

Он понимал, что последние события, потеря обеих шхун с товарами означали крах его радужных надежд, банкротство фирмы, а для некоторых из его партнёров полное разорение. Беньовский оповестил всех акционеров о случившемся. Все венцы во главе с полотняным фабрикантом Бальдамусом не замедлили приехать. Вслед за ними прибыли Щульц из Карлсбада и фон Вальде из Саксонии и, наконец, Владислав Генский, проводивший это время в горах Тироля.

— Господа, вы знаете, что всех нас постигло тяжёлое испытание, — произнёс Морис Август, открывая собрание акционеров. — Решайте, как нам поступать дальше. Будет ли компания существовать дальше?

— Что вы сами думаете на этот счёт?! — раздражённо выкрикнул саксонский коннозаводчик.

— Что думаю? Не отчаиваться от первой неудачи. Мы вновь соберём капитал, снарядим новые корабли и повторим операции.

— Но у нас нет больше кораблей, — проговорил Ристич.

— Арендуем у венецианцев или у Дубровника.

— Чтобы какой-нибудь проходимец вроде Альберти снова ограбил нас? — возмущённо перебил Беньовского Бальдамус.

— Отлично вас понимаю, достопочтенный герр Бальдамус. Поверьте, мы все разделяем ваши отцовские чувства. Всех нас глубоко тронула возмутительно дерзкая история, в которую попал ваш сын Герман. Но на ошибках учатся. Мы соберём через полицию самые тщательные сведения о благонадёжности каждого шкипера, каждого матроса, которым

доверим наши грузы. Мы позаботимся, чтобы экипажи кораблей были надёжно вооружены и смогли бы дать отпор пиратам.

— Почему вы не сделали этого раньше? Ваши слова, господин президент-директор, я воспринимаю как признание того, что плавание двух шхун не было подготовлено и обеспечено должным образом, — веско сказал Бальдамус. — Команда «Персея» не смогла устоять перед натиском пиратов. А «Геракл» попал в руки мошенника, который сумел втереться к вам в доверие.

Венские торговцы поддержали его возмущёнными возгласами.

— Полно, господа. Не будем ссориться, — благодушно остановил их Генский. — Коммерция подобна азартной карточной игре, которая может принести и выигрыши, и проигрыши. Сегодня мы проиграли. Завтра судьба повернётся к нам и принесёт удачу.

— Кто вам сказал, что коммерция — это азартная карточная игра? — запальчиво перебил его фон Вальде. — Дела коммерции решаются не кавалерийским наскоком, а вдумчивым подходом, умным расчётом. Вы, господин Генский, и ваш родич, очевидно, придерживаетесь иного мнения.

— А вы, Вальде, оказывается, злопамятны, — с усмешкой произнёс Беньовский. Коннозаводчик припомнил ему кавалерийский наскок.

— Господин Вальде прав, а с Генским не могу согласиться, — сказал Бальдамус.

— Вижу, господа акционеры, вы не согласны со мной, — сдержанно произнёс Беньовский, стараясь сохранить выдержку и самообладание. — Что будем делать?

Наступило неловкое молчание. Первым высказался Здравко Ристич:

— Проклятье Господне обрушилось на нас. Я выхожу из игры. Куплю небольшую шаланду и займусь рыбной ловлей. И буду молиться за упокой души моего брата.

— Потеряв доверие к компании и её президент-директору, выхожу из числа акционеров, — медленно произнёс один из венских торговцев. — Надеюсь, что мой пай будет возвращён.

— Согласен с моим коллегой, — сказал другой торговец из Вены. — Компания не оправдала себя. Хорошо, что мы успели вовремя застраховать товары и шхуны.

— Выхожу из компании и требую возврата моей доли капитала, — резко произнёс коннозаводчик.

— И моё решение такое же, — поддержал его Щульц.

Последним высказался Вандер. Он всё же был вице-президентом и не хотел обрушиваться на Беньовского с резкими упрёками.

— Компания потерпела крах, господа, как это ни горько. Такова воля Господня. Разойдёмся без чувства взаимной злобы и обиды. Президент сделал всё, что мог. Остаётся надеяться, что Венское страховое общество компенсирует нам убытки.

Компания «Торговля с Востоком» признала своё банкротство и распалась. Желающих продолжать её деятельность, кроме самого Беньовского и Генского, не нашлось. Мориса Августа обвинили в некомпетентности, легкомыслии и не поддержали. Пана Владислава вообще никто не принял всерьёз как фигуру для делового мира случайную.

На требования бывших акционеров компенсировать ущерб, нанесённый компании потерей обеих шхун, Бальдамус, совладелец страхового общества, дал уклончивый ответ:

— Посмотрим, господа. Изучим все обстоятельства. Соберём свидетельские показания.

О нападении пиратов на «Персей» и гибели шхуны могли дать показания только Ристич и уцелевший матрос из его экипажа. Бальдамус потребовал от них заверенного у нотариуса письменного изложения трагических событий.

— Я должен отчитываться перед правлением, — объяснил венский предприниматель свой мелочный педантизм.

В конце концов после долгих проволочек и переписки с компаньонами по страховому обществу Бальдамус дал согласие выплатить страховку за разграбление и сожжение пиратами «Персея». Но он наотрез отказался компенсировать потерю «Геракла».

— Но почему? — спрашивали его пострадавшие акционеры.

— Неужели не понимаете, господа? В потере «Геракла» виноваты вы сами, доверившись негодяю. Так что никаких оснований для выплаты страховки я не вижу, — разъяснял Бальдамус.

— Но Альберти нанимал не я, не компания, а владелец шхуны Грибель, — спорил с Бальдамусом Беньовский.

— Вот и спрашивайте с Грибеля. Предъявляйте ему иск в судебном порядке.

— Вам легко сказать. Какой теперь спрос с Грибеля? Лежит парализованный, прикованный к постели, потерявший дар речи.

— А я-то тут при чём?

Убыток страховое общество компенсировало акционерам лопнувшей компании лишь частично, да и то не сразу. Акционеры разъехались, проклиная на чём свет стоит Мориса Августа.

— Вашими устами вещал лукавый, когда я поддался вашим речам, —

сказал ему напоследок Щульц.

— Оставались бы вы кавалеристом и не лезли не в свою стихию, — с издёвкой произнёс фон Вальде.

Беньовский выслушивал обидные слова и говорил сам себе: «Вы ещё меня узнаете, господа!» Он прожил ещё некоторое время в Фиуме, чтобы распродать оставшееся от лопнувшей фирмы имущество: конторскую мебель, ковры, пару лошадей с экипажем. На огромный портрет императрицы в золочёной раме покупателей не нашлось. Морис Август подарил его по-дружески начальнику гарнизона для украшения казармы.

Глава двадцать четвёртая

Морис Август метался по мрачным комнатам усадебного дома в Вецке, словно зверь в клетке, не примирившийся с неволей. Натыкался на мебель и яростно ругался по-польски и по-венгерски, потирая ушибленные бока и колени. Срывал раздражение и гнев на гайдуках и на слугах, даже на безропотном Андреянове, ставшем теперь барским кучером.

С женой Беньовский по приезде в имение почти не разговаривал. Встретил её сдержанно, бесстрастно.

— Ты чем-то расстроен, Морис? — участливо спросила его Фредерика.

— Ещё бы не расстроен! Моя компания лопнула как мыльный пузырь. Мы разорены.

— Не отчаивайся, мой коханый. У нас есть ещё имение, земли. Мы, слава Всевышнему, не нищие.

— Сглупил я, Фредерика. Не следовало мне тратить силы и время на эту фиумскую затею. Надо было сразу обращаться к англичанам, американцам, создавать с их участием солидную компанию, плыть на Мадагаскар. Ведь я был богат и мог замахнуться на большое дело. Что осталось от богатства? Одни крохи.

— И не надо нам богатства. Займись имением, разводи лошадей. А твой далёкий остров пусть останется в приятных воспоминаниях.

— Ну нет, дражайшая супружница! — резко перебил жену Беньовский. — Мы ещё станем богаты, сказочно богаты. И будем властителями Мадагаскара.

— Ты ненормальный маньяк, Морис. Спустись на нашу грешную землю...

Но Беньовский уже не слышал и не хотел слышать, что говорила ему жена. Он продолжал метаться по комнатам обширного сумеречного дома, пока наконец не опустился в кресло, усталый и опустошённый.

— Мы разорены, — шептал он и проклинал свою обанкротившуюся компанию, Фиуме, компаньонов, египетских пиратов и дерзкого итальянца Альберти.

Фредерика хотела было войти в кабинет и заговорить с мужем.

— Что с тобой, Морис? Тебе плохо? Почему ты разговариваешь сам с собой?

— Оставь меня. Я должен сосредоточиться и всё обдумать, — недовольно ответил Беньовский и выпроводил жену. Он попытался взять себя в руки и трезво оценить всё, что произошло с ним.

Конечно, когда Морис Август с трагическим пафосом восклицал при встрече с женой: «Мы разорены!», это было некоторым преувеличением. На дне сундука в заветном мешочке ещё хранилось изрядное количество серебряных монет: гульденов, пиастров, луидоров. Часть того, что накопил он всякими правдами и неправдами во время пребывания на Мадагаскаре. Сохранилась и та сумма, которую он смог получить от саксонского коннозаводчика фон Вальде после кавалерийского наскока на его приграничное имение. Наконец, Беньовский воспользовался деньгами, вырученными от продажи имущества фиумской конторы фирмы. Так что далеко не всё он потерял в итоге краха компании. Пожалуй, на эти средства, которыми он располагал на сегодняшний день, можно было совершить поездку во Францию и в Англию, чтобы заручиться поддержкой правительства одной из этих стран, не одной, так другой, заинтересовать в новом мадагаскарском проекте их деловые круги. Но всех его денег было мало, явно мало, чтобы в случае необходимости побывать в Америке, сколотить новую компанию, подобрав компаньонов, внести свою долю капитала, арендовать или закупить корабль. Много нужно денег для осуществления этих честолюбивых планов, ох как много!

Проведав о возвращении Беньовского, приехали гости — семья соседей-помещиков. Морис Август не вышел к гостям, сказавшись больным. Он запёрся в кабинете и размышлял над тем, каким образом можно достать необходимую сумму. Обдумывал возможность закладки имения. Убедил себя, что этот вариант на крайний случай. А вот продать обширный лесной массив, простирающийся по склонам Карпат, стоило бы. И покупатель находится — граф Гейза, самый богатый из соседей. Граф планомерно округлял свои поместья, скупая окрестные земли у разорившихся помещиков.

В ближайшие дни Морис Август отправился к богатому соседу и без лишних предисловий предложил купить лес на горных склонах.

— Что вас заставляет, дорогой сосед, лишаться такого превосходного лесного массива?

— Нужда в деньгах, граф. Хочу совершить большое путешествие.

— И только?

— Нет, не только. Хочу вложить деньги в одно прибыльное дело.

— Тогда Бог в помощь. Я готов купить ваш лес. Там, кажется, водятся кабаны?

— И кабаны, и косули, я не говорю уже о зайцах и всякой дичи. Иной раз и медведи заходят.

Граф Гейза, человек скаредный, прижимистый, предложил свою цену, составлявшую примерно четвертую часть реальной цены. Беньовский с такой ценой не согласился. Начался нудный и долгий торг, как на восточном базаре. Сошлись на компромиссе. Граф первоначально названную сумму удвоил. Морис Август согласился, хотя и понимал, что продешевил.

Не откладывая дело в долгий ящик, поехали в город оформлять купчую. Беньовский извлёк из сундука несколько ювелирных безделушек, о существовании которых Фредерика не знала. В своё время они были куплены у торговца-индийца на Маврикии. Морис Август постарался теперь сбыть безделушки местному ювелиру. Все они: броши, кольца, серьги — большой ценности не представляли, и вырученная за них сумма не оправдала надежд Беньовского.

Новости по округе среди соседей-помещиков распространялись быстро. О сделке Мориса Августа с графом Гейзой узнал зять Беньовского, испытывавший очередные денежные затруднения. Они были вызваны последним карточным проигрышем и надвигающейся уплатой процентов по закладной на имение.

Однажды старый дворецкий доложил Беньовскому:

— Опять этот чёртушка, чтоб ему неладно, было, пожаловал к вашей милости.

— Какой ещё чёртушка?

— Зятёк ваш.

— Гони его в шею. Скажи, барин болен. Не принимает никого.

— Разве его так просто прогонишь? Ему слово, он тебе по щекам.

— Где Иван, гайдуки? Выстави стражу у входа. Неужели целая орава не сладит с одним канальей?

Но Ласло уже гремел сапожищами по паркету, вваливаясь без приглашения в кабинет.

— Шурин, дорогой дружище! Рад тебя лицезреть. Давненько не виделись.

— А я вовсе не рад твоему непрошеному визиту. Неужели ты, разбойник, не понял, что между нами нет ничего общего?

— Нескладной вышла наша последняя встреча. Если я в чём и провинился перед тобой, Бог нас рассудит. Сестра и племянники привет тебе шлют.

— Зачем пожаловал?

— Наслышан, что ты при деньгах, лес графу продал. Выручил бы по-родственному. Не ради меня, ради сестры твоей, детей наших.

— Ненадёжных людей деньгами не ссужаю.

— Пусть я дрянь, картёжник. Но сестра, дети...

— Сам в затруднении. Компания моя прогорела. Должен выплачивать большие долги компаньонам.

— Прибедняешься.

— Это уж не тебе судить.

Больших усилий стало Беньовскому отвадить гостя. Денег он зятю своему, конечно, не дал, как тот ни плакал, ни умолял. Ласло ушёл только тогда, когда Морис Август пригрозил ему возбудить судебное дело за разграбление имения.

— Нет в тебе родственных чувств, Морис! — высокопарно воскликнул зять, покидая негостеприимный дом.

— Какие могут быть родственные чувства к такому разбойнику? — бросил ему вслед Беньовский.

А Фредерика прибегала к своим женским ухищрениям, чтобы привлечь внимание мужа, оторвать его от навязчивых, упрямых дум, от кабинета, где он всё время занимался расчётами, склонясь над исписанными цифрами листками бумаги. Ухищрения эти не отличались изобретательностью. Хозяйка Вецке душилась изысканными французскими духами, облачалась в дорогие наряды, оголяя пышные белые плечи, надевала коралловое ожерелье, индийские серьги с рубинами. Беньовский в конце концов поддавался уловкам жены, сажал её к себе на колени, сдержанно ласкал, целовал пышные плечи, не переставая думать о своём.

— Мы ещё будем богаты, Фредерика, — говорил он. — Чертовски богаты. И мадагаскарцы встретят нас как своих властителей. Но чтобы начать прибыльное дело, нужны деньги. Большие деньги. А у нас таких денег нет.

— Не грусти, Морис. Что-нибудь придумаем, — ответила ему Фредерика. — Ты у нас находчив, изобретателен.

К ужину она вышла в атласном платье вишнёвого цвета, которое особенно нравилось мужу, и в алмазном колье.

— Посмотри на эту прекрасную вещицу, Морис, — сказала ему Фредерика. — Твой подарок. Ты рассказывал мне, что купил колье у богатого араба там, на Мадагаскаре.

— Купил, можно сказать, за бесценок. Венский ювелир, поставщик императрицы, дал бы за него сумму, превосходящую по крайней мере раз в пять мои затраты у араба. И мы обладали бы тогда теми средствами,

которые нам необходимы для начала нового дела. Нового дела, открывающего путь к богатству.

— Так в чём же дело? Продай колье поставщику императрицы. Пусть его носит её величество или одна из её дочерей.

— Разве я могу распоряжаться тем, что мне не принадлежит? Я подарил тебе эту безделушку, чтобы доставить маленькую радость.

— Ты и доставил мне радость. Ты знаешь, Морис, я женщина не алчная. Меня радовали и скромные подарки, твои подарки. Роскошное колье впору носить королеве или королевской возлюбленной. Если оно так тебе нужно для успеха твоего дела, продай его венскому ювелиру. И я не буду на тебя в обиде.

— Как я благодарен тебе, коханочка! Ты так понимаешь меня. Но я вовсе не хотел бы лишать тебя такого ценного подарка. Мы ещё поразмыслим вместе, посоветуемся.

Морис Август говорил это, уже убеждённый, что колье непременно нужно продать. И в этом выход из положения, конец всем его финансовым затруднениям, возможность ехать в Париж, Лондон, за океан, создавать новую коммерческую фирму, снаряжать корабли. Он хорошо знал Фредерику и понимал, что за внешней покладистостью, уступчивостью в этой крайне избалованной женщине сильны тщеславие и обидчивость. Вряд ли ей хотелось расставаться с дорогим подарком. И вряд ли Фредерика была вполне искренна, когда называла себя женщиной не алчной и сама предлагала продать колье.

Поэтому Морис Август ещё и ещё раз возвращался в разговорах с женой к деликатной теме. Очень и очень горько было бы ему лишать любимую Фредерику такого прекрасного, истинно королевского подарка. Но пусть и она трезво поразмыслит и поймёт его. Продажа колье — это тот спасательный круг, который поможет выкарабкаться из бедственного положения, откроет путь к богатству. Фантастическому богатству. И тогда он, Морис Август Беньовский, сможет порадовать бесценную Фредерику новыми, ещё более дорогими подарками, какие и не снились ни одной из европейских монархинь. Жена соглашалась с ним, молча кивала головой и говорила покорно — пусть Морис поступает так, как считает нужным. Она верит в его благоразумие.

И конечно, Морис Август не делился с Фредерикой глубоким сожалением от своего опрометчивого поступка. Зачем он, собственно говоря, дарил украшенную крупными бриллиантами диадему графине Дюбарри? Бывшая фаворитка короля Франции Людовика XV — это минувшая страница истории. Полезной протекции, как прежде, она уже не

окажет. Щедрым подарком сердце всё ещё привлекательной Марии Жанны он, Морис Август, не завоюет. Видите ли, честолюбивая графиня явно дала ему понять, что после венценосного любовника разделять постель с простым смертным было бы ниже её достоинства. А как бы сейчас пригодилась эта диадема! Она одна стоит целого состояния.

Решение отправиться в путь созрело у Мориса Августа быстро, как только он убедился, что Фредерика готова расстаться с драгоценностью. Жене он дал на сборы два дня.

— Собери самое необходимое. Едем в Вену, а дальше... посмотрим. Возьми с собой Ивана и горничную.

Речь шла о пожилой венгерке Зите, заменившей камчадалку, которая теперь была обременена маленькими детьми и определилась на кухню посудомойкой. Старшего Андреянова родила ещё в Париже, а уже в Вецке разродилась двойней, девочками, на зависть госпоже, недавно потерявшей маленького сына.

До уездного города доехали в своём экипаже. За экипажем следовала подвода с багажом и слугами. В городе наняли просторную карету. Беньовский настаивал, чтобы отправлялись дальше без задержек. В Пеште отказались от визита к родственнице Мориса Августа по материнской линии. А в Вене, заполучив номер в недорогой гостинице, Беньовский в первый же день поспешил узнать адрес известного ювелира, поставщика императрицы.

Ювелир, старый Гоухберг, из евреев-выкрестов, близкий ко двору, встретил Беньовского настороженно. Его рабочий кабинет выглядел мрачновато из-за решёток на окнах, напоминавших тюремные. В соседней комнате яростно лаял и царапался в дверь пёс-волкодав, почувствовавший чужого.

— Чем могу служить? — холодно спросил ювелир.

— Вас не заинтересует, господин Гоухберг, вот это?

Беньовский протянул ему футляр с драгоценностью. Поставщик императрицы долго рассматривал колье, вооружившись лупой, и не сразу произнёс:

— Откуда у вас эта вещица?

— Приобрёл на Востоке у араба.

— Я сразу понял, что это восточная работа. Не буду скрывать своего глубокого восхищения. Ваше колье бесценно. Однако...

— Что означает ваше «однако»? Колье вам не подходит?

— Я бы этого не сказал. У меня нет таких огромных денег, чтобы расплатиться с вами.

— Что же посоветуете мне делать? Пойти к другому ювелиру?

— Никто из венских ювелиров, кого я знаю, не в состоянии оплатить такую дорогую вещь. Вы правильно сделали, что пришли ко мне. У меня нет в наличии той суммы, которая необходима для покупки. Но это вовсе не значит, что старый Гоухберг несостоятельный человек. Я не имею обыкновения держать дома крупную наличность. Если бы грабитель хотел поживиться моими деньгами, ему не помешал бы и мой верный страж Клаус. Он в сущности добрый пёс, только крикливый.

Пёс в соседней комнате сменил лай на жалобный скулёж и стал ещё сильнее царапаться в дверь.

— Вы слышите, он всё понимает, что говорит его хозяин.

— Итак, вы хотели мне сказать, достопочтенный господин Гоухберг, я должен обождать, пока вы добудете деньги?

— Только пару дней. Завтра я побываю у моего банкира и немного потрясу мои сбережения.

— Договорились.

— Не хотите ли чашечку кофе? Отличный кофе, бразильский.

— Нет, благодарствую. Разрешите поинтересоваться, в какую сумму вы оцениваете колье?

— В очень большую сумму. Иначе старый Гоухберг, поставщик её величества, ничего не смыслил бы в драгоценностях.

И ювелир назвал сумму действительно внушительную, на которую можно было бы приобрести обширные поместья, корабли, вступить компаньоном в крупную фирму. Беньовский постарался скрыть своё приятное удивление. Он никак не ожидал, что старый хитрец ювелир будет так щедр. А почему бы не быть щедрым, если её величество проявит ещё большую щедрость? И Гоухберг никак не останется внакладе.

— Я познакомлю вас с моим Клаусом, — сказал, как-то вмиг потеплев, хозяин и открыл дверь в соседнюю комнату. С достоинством вошёл пятнистый дог датской породы ростом с доброго телка.

— Не пугайтесь. Моих клиентов Клаус не трогает.

Пёс обнюхал посетителя, положил ему на колени слюнявую морду и улёгся у его ног, поглядывая на Мориса умными, настороженными глазами.

На радостях Беньовский решил сделать Фредерике приятный сюрприз и пригласил её в концертный зал. Исполнялась последняя симфония композитора Франца Йозефа Гайдна[63], служившего у богатейшего венгерского магната, князя Эстергази. Князь располагал одним из лучших в империи симфоническим оркестром, для которого известный композитор писал музыку. Иногда, как это было и сегодня, произведения Гайдна

попадали в репертуар и придворного оркестра. По такому случаю сиятельный магнат прибыл в Вену, прихватив с собой и композитора. Оба оказались в первом ряду, привлекая внимание публики — сверкающий золотым шитьём камзола, бриллиантовой орденской звездой и муаровой лентой через плечо Эстергази и худощавый, в скромном тёмном сюртуке Гайдн.

— Обратите внимание, в зале находится наш проказник Амадей, — сказал Беньовскому сосед в форме драгунского полковника и указал на одну из боковых лож.

— Какой ещё Амадей? — удивлённо переспросил Морис Август.

— Как, вы не знаете, кто такой Вольфганг Амадей Моцарт?

— Ах, Моцарт? Что-то слышал о нём. Кажется, музыкант, сочинитель.

— Не просто сочинитель, а гений. Несмотря на свои молодые годы, он уже прославился операми, пьесами.

— Каждому своё, полковник. Мне, например, не приходило в голову сочинять музыку. Зато, как говорят люди, я был неплохим служакой. Вам не довелось участвовать в войне за баварское наследство?

— Нет. Мой полк в это время стоял на турецкой границе.

— А я понюхал пороху в Богемии.

— Разве там шли военные действия?

— Больших боев не было, но отдельные стычки имели место.

Дирижёр взмахнул палочкой, и полились звуки гайдновской симфонии, светлые, бодрые, жизнеутверждающие. Беньовский не любил и не понимал симфонической музыки. Через несколько минут ему стало скучно. Прикрывая зевающий рот, Морис Август стал разглядывать сиятельную публику, а потом обратил свой взгляд на боковую ложу, на худощавого и моложавого человека с остроносым лицом. В нём угадывалась какая-то задиристость, ребяческий задор. Моцарт, откинувшись на спинку обитого бархатом кресла, делал ритмичные движения пальцами обеих рук, как бы дирижируя в такт вместе с музыкой. Гайдн же сохранял невозмутимое спокойствие.

В перерыве зрители устроили овацию композитору. Яростнее всех хлопал в ладоши и даже что-то выкрикивал Моцарт. Эстергази поощрительно похлопал Гайдна по плечу и что-то шепнул ему на ухо. Композитор поднялся с места, повернулся лицом к публике и низко поклонился, а потом подошёл к дирижёру и пожал ему руку.

— Браво, Гайдн! Браво, учитель! — послышался звонкий мальчишеский голос Моцарта.

— Как тебе понравился концерт? — спросил Беньовский жену, когда они выходили из зала.

— Скучновато. Лучше бы ты сводил меня на балет или весёлую итальянскую оперу, — ответила Фредерика. — Разве что увидели венское общество.

К ювелиру Морис Август отправился в сопровождении верного своего стража Ивана Уфтюжанинова, скрывавшего под полой казакина заряженный пистолет. Мера предосторожности была не лишняя — предстояло получить внушительную сумму денег.

Старый Гоухберг тщательно отсчитывал австрийские гульдены с портретами Марии-Терезии и её ближайших предшественников, укладывал их определёнными суммами в холщовые мешочки.

— Вот вам небольшой подарок по случаю удачной сделки, дубовый ларец с хитрыми замками, — произнёс ювелир.

Ларец, обитый медными пластинами и наполненный деньгами, оказался тяжёл. Его тяжесть почувствовал даже физически крепкий Уфтюжанинов, взвалив ношу на плечо.

— Будешь теперь, Иван, хранителем моей казны, — назидательно сказал Беньовский. — Головой отвечаешь за ларец.

— Понятное дело. Отвечаю головой, — пробурчал Уфтюжанинов.

Оставив Ивана в гостинице, Беньовский решил навестить Макса Бальдамуса, бывшего своего компаньона по неудавшейся фиумской компании.

— Какими путями? — встретил его полотняный фабрикант не то чтобы радушно, но и не враждебно. — Задумали создавать новую компанию?

— Правильно угадали, герр Бальдамус. Именно это я и задумал. Собрал кое-какой капиталец.

— Тогда Бог в помощь.

— Мало мне Божьей помощи. Хотел бы видеть вас в числе новых компаньонов с вашим предпринимательским опытом, авторитетом в деловом мире.

— Нет уж, увольте, голубчик. Над вашей затеей с самого начала висело Божье проклятье. Сколько денег на ветер пустили! Сына едва не потерял. Не принесёт удачи наш союз. Может быть, вам и повезёт на этот раз, а может быть...

Бальдамус не договорил и только махнул рукой.

— Огорчили вы меня, Макс, — с горечью сказал Беньовский.

— Что делать? Разуверился в вас. И куда теперь путь держите?

— Наверное, в Париж и Лондон, а потом за океан. Попытаюсь заинтересовать правительства моими проектами. Я ведь опять возмечтал вернуться на Мадагаскар.

— Лучше поезжайте прямо в Америку, в бывшие британские колонии. Они после провозглашения независимости называют себя Соединёнными Штатами. Там дело идёт, кажется, к полной победе над англичанами.

— Советуете податься в Америку?

— Ничего я вам не советую. Делюсь некоторыми соображениями. Американцы, как мне кажется, народ дерзкий, предприимчивый, нахрапистый. Вы же человек... извините за откровенность, авантюрного склада характера.

— Может быть, дорогой герр Бальдамус.

— С американцами вы бы легко нашли общий язык. А англичане и французы несколько старомодны.

— Говорят, в Америке процветает работорговля.

— Не могу судить. В Америке не бывал. Но чувствую, что людям вроде вас там раздолье.

Беньовский понимал, что венский фабрикант говорил с ним с известной долей иронии. И всё же слова Макса Бальдамуса запали в его душу. Не начать ли своё путешествие с Америки? Не подобрать ли среди предприимчивых американцев надёжных компаньонов?

— Едем, — коротко бросил жене Морис Август.

— В Париж? — спросила Фредерика, жаждавшая увидеть парижских знакомых, Нотр-Дам, Лувр.

— Нет, в Амстердам. А там сядем на корабль и поплывём к американским берегам.

— Но ты же намеревался ехать в Париж...

— Намеревался, да раздумал.

Ехали через южную Германию. Сделали короткую остановку в баварской столице. По старой памяти Беньовский заглянул в храм, в котором познакомился когда-то с отцом Мельхиором. Теперь там служил новый священник. От него Морис Август узнал, что прежний настоятель храма возглавляет одну из баварских епархий.

Амстердам встретил путешественников сырой прохладой и туманом. Город рассекали узкие прямые каналы, по которым сновали лодки и плавали стаями дикие утки. Вдоль набережных теснились дома с узкими фасадами и высокими черепичными кровлями.

В порту Беньовский узнал, что на днях отплывает к берегам Америки

голландское торговое судно «Рейн». Не раздумывая долго, он договорился с капитаном и получил просторную каюту. Капитан, широколицый немолодой человек с пышными бакенбардами и неизменной трубкой в зубах, оказался приветливым и общительным человеком.

— Не впервые плаваете в Америку? — спросил его Морис Август.

— Да почитай два десятка лет пересекаю океан. А до этого плавал на Яву и в Малакку.

— О, вы, я вижу, большой знаток Америки! Хотел бы порасспросить вас об обстановке в бывших английских колониях.

— Прошу ко мне в каюту. Там и потолкуем. С вами супруга?

— Ей нездоровится с дороги. Пусть отдыхает.

Капитан представился Беньовскому как Вильем ван Вейден из Роттердама. Упомянул о своих предках, сражавшихся за независимость Нидерландов от испанского владычества.

— Граф де Бенёв, — назвался Морис Август. — Наша фамилия известна среди венгерских магнатов.

«Граф — это звучит посолиднее, чем барон. В Америке стану графом», — подумал Беньовский, довольный своей выдумкой.

Вот что узнал новоявленный граф от капитана ван Вейдена.

Несколько лет тому назад в Филадельфии заседал Континентальный конгресс, принявший декларацию[64]. Она отражала интересы богатых помещиков-плантаторов, торговцев, предпринимателей, желавших освободиться от опеки колониальных властей и стремившихся стать хозяевами положения. Колонизаторы ответили вооружёнными репрессиями, натолкнувшись на яростное сопротивление сторонников независимости. Началась освободительная война североамериканцев против Англии. Поначалу плохо вооружённые и слабо организованные, повстанческие силы постепенно набирались опыта, получили вооружение и снаряжение от европейских держав, желавших досадить англичанам, и превратились в регулярную боеспособную армию. Большую роль здесь сыграл главнокомандующий повстанцев Джордж Вашингтон[65], весьма способный военачальник и организатор.

— Что за человек этот Вашингтон? — перебил капитана Беньовский.

— Как вам сказать, граф? Он богатый помещик. По политическим взглядам скорее умеренный либерал, чем радикал. Рабства не одобряет, но и предпочитает не ссориться с его сторонниками. В народе пользуется большим уважением и авторитетом. Американцы убеждены, что Вашингтон станет их первым президентом, когда произойдёт замирение с

англичанами и Соединённые Штаты получат международное признание.

— Американцы видят новое государство республикой?

— Большинство стоит за республику. Но есть и сторонники монархии, в частности среди армейских офицеров. Однажды они высказались: а почему бы главнокомандующему не стать королём Джорджем Первым? Узнав о таких высказываниях, Вашингтон скверно выругался и произнёс: «Монархия не для Америки».

— Откуда вам это известно?

— Осведомлённые американские друзья рассказывали.

— Вы считаете, что дни англичан в бывших колониях сочтены?

— Абсолютно в этом уверен. Основные силы англичан разгромлены. Вашингтон умело сочетал боевые действия регулярных войск с тактикой партизанской борьбы. Попытались было англичане перенести основные сражения в южные штаты в надежде заручиться поддержкой местных плантаторов-рабовладельцев, но из этой затеи ничего не вышло. И южане не поддержали англичан. Поэтому-то Вашингтон вынужден считаться с южными плантаторами и не настаивает на немедленной отмене рабства.

— Каковы в настоящее время позиции англичан?

— Они ещё продолжают удерживать некоторые торговые города на атлантическом побережье, в том числе Нью-Йорк. Этот город колонизаторы считают столицей уже не существующей, по сути дела, колонии. Чёрт бы их побрал, этих англичан!

И капитан разразился сочной морской руганью.

— Чем не угодили вам англичане?

— И вы ещё спрашиваете, граф? Да будет вам известно, что ещё в середине прошлого века мои соотечественники-голландцы на месте теперешнего Нью-Йорка основали своё поселение. Его назвали Новым Амстердамом. Англичане узрели в нашем лице нежелательных соперников и побоялись расширения нашего присутствия в Северной Америке. Захватив через некоторое время Новый Амстердам, англичане переименовали его в Нью-Йорк.

— Понимаю, капитан, причины вашей неприязни к англичанам.

— Пусть вас не удивит, граф, что в море мы выйдем под гамбургским флагом.

— К чему такой маскарад?

— Скорее маскировка. Нидерланды, как и Франция, пребывают в состоянии войны с Англией и всемерно поддерживают Соединённые Штаты. Если у берегов Америки нас остановит британское патрульное судно, флаг нейтрального вольного города Гамбурга послужит нам

защитой.

— Такой ли уж надёжной?

— Пока нам удавалось обводить англичан вокруг пальца. Принимая нас за немцев, англичане предпочитают с нами не ссориться. Ведь некоторые немецкие княжества, например Гессен, на протяжении всей войны за независимость продавали Англии своих солдат.

— Слышал об этом.

За время плавания через Атлантику Морис Август не раз беседовал со словоохотливым капитаном ван Вейденом и постигал сложную обстановку на Американском континенте. Корабль держал курс на Филадельфию, временную столицу Соединённых Штатов. Беньовский делился своими планами с голландцем и поведал о цели своей поездки в Америку.

— В Штатах вы найдёте деятельных компаньонов, — убеждённо сказал ван Вейден. — Могу вам назвать имена некоторых дельцов из Филадельфии, Балтимора, Бостона.

Беньовский услышал незнакомые ему имена. Голландец давал характеристики американским дельцам, пояснял род их деятельности. Многим из них ван Вейден доставлял из Амстердама голландские товары: сукно, полотно, фаянсовую посуду, пряности с Молуккских островов, суматранский табак. Случалось, трюмы «Рейна» наполнялись и оружием, предназначавшимся для армии Вашингтона. Как капитан торгового судна, ван Вейден был доверенным лицом крупной голландской торговой компании. В числе её акционеров был и сам штатгальтер, наследственный президент Нидерландов из Оранского дома.

Чаще других ван Вейден упоминал имя Джона Крэга, богатого дельца из Филадельфии. Крэг владел компанией по производству строительных материалов и поставлял для армии Соединённых Штатов продовольствие и обмундирование. Ему-то и предназначалась большая партия сукна, заполнявшая один из трюмов судна. На армейских поставках Крэг быстро разбогател. Он был вхож к главнокомандующему, и Морис Август приметил это обстоятельство, выразив желание познакомиться с филадельфийским дельцом.

— Не составило бы вам труда, дорогой капитан, написать для меня рекомендательное письмо к Крэгу?

— А зачем оно нужно? — возразил ван Вейден. — Я вас лично познакомлю. Мы с Джоном многолетние друзья.

— Это было бы превосходно.

Филадельфия считается важным морским портом, хотя и находится на некотором отдалении от океана, в низовьях многоводной реки Делавер.

Временная столица Соединённых Штатов выглядела городом шумным, сутолочным. На улицах можно было увидеть скопление экипажей, повозок, осёдланных лошадей, привязанных к коновязям и фонарным столбам, толпы людей, среди которых было много военных, словно город бестолково готовился к большой ярмарке. Дома старой английской архитектуры, не лишённые стилистической гармонии, соседствовали здесь с дощатыми постройками, как видно возведёнными наспех, без определённого плана.

К трапу «Рейна» приблизились возчики на экипажах, повозках. Они старались опередить и оттеснить друг друга, нещадно ругали конкурентов и зазывали на все лады пассажиров.

— Не внушает мне доверия вся эта компания, — сказал Беньовский капитану. — Чего доброго, ограбят по дороге в отель.

— Да будет вам известно, что в приличном отеле вы номера не получите, — убеждённо сказал ван Вейден. — Все номера заняты офицерами армии, новоявленными правительственными чиновниками, дельцами. Скорее всего вас отвезут на захудалый постоялый двор и там-то уж непременно ограбят.

— Порадовали. И что прикажете делать?

— Набраться терпения. Таможенный контролёр закончит осмотр судна, и я пошлю матроса к моему приятелю Крэгу. А пока полюбопытствуйте на этих разбойников с большой дороги.

— Мне вся эта братия скорее напоминает бродячий цыганский табор. Посмотрите на этого молодца в красной жилетке, одетой на голое тело.

— А чем плох вон тот верзила в клетчатой рубахе с пистолетом за поясом? Перед вами Америка, дорогой граф.

Крэг приехал в лёгкой двухместной коляске, позади которой шла продолговатая пароконная повозка с полотняным верхом.

— Скрипишь, старина? — приветствовал ван Вейдена Крэг и раскатисто рассмеялся, похлопав по плечу старого моряка.

— А ты, старина? — ответил в том же тоне капитан.

— Устал от дел. Армию надо кормить, одевать.

— Везу тебе добротное голландское сукно, обувь. Первым делом хотел бы договориться с тобой о разгрузке.

— О делах потом. Сукно и сапоги за день не прокиснут. Сперва отобедаем у меня.

— Приглашению твоему рад. Но я не один. Со мной богатая графская чета из Австрии. У графа де Бенёва интересные планы. Он тебя может заинтересовать. Это человек со связями в венском правительстве, был на французской службе, командовал экспедиционным корпусом на

Мадагаскаре.

— Любопытно. Забираем графа и его жену. Едем, дружище.

— Они должны где-то остановиться.

— Хорошего номера в отеле сейчас не найти. Будут моими гостями.

— Спасибо тебе, Джонни.

Капитан представил Беньовским Крэга.

— Рекомендую, самый богатый человек в Филадельфии.

— Не берусь утверждать, что мой друг абсолютно прав, — сказал, усмехаясь, Крэг. — Богатство напоказ не выставляют. Кто самый богатый человек в нашем городе, один Бог ведает.

Беньовский почти не владел английским языком. С капитаном «Рейна» он без затруднений изъяснялся по-немецки и рассчитывал, что в обществе состоятельных американцев можно обойтись французским. Но, к его огорчению, Крэг скверно знал французский. Поэтому ван Вейден нередко приходил ему на помощь в беседах с Беньовским.

— Будете моими гостями. Американцы умеют быть гостеприимными, — приветливо сказал филадельфийский делец. Ван Вейден перевёл.

Крэг распорядился, чтоб Фредерику посадили в коляску рядом с кучером-мулатом. Мужчин он пригласил в повозку, куда загрузили и багаж.

— Не взыщите. Я человек неприхотливый. Для дальних дорог предпочитаю крытую колымагу. В ней можно и поспать, — сказал Крэг.

Его дом не отличался изысканностью архитектуры — унылый дощатый барак в два этажа. Похоже, он строился наспех, без всякой продуманной планировки, без претензий на комфорт. Первый этаж занимали контора и склад. Прямо из конторы узкая лестница с перилами вела на второй этаж в жилое помещение. Здесь Беньовским была отведена комната, довольно скромно обставленная, в два окна, выходивших на улицу.

— Всё же лучше, чем постоялый двор, — сказал Морис Август Фредерике в ответ на её сетования на неудобство жилья. Слуг разместили в пристройке, примыкавшей к другому крылу здания. Поэтому не так-то просто было дозваться Ивана или горничной Зиты.

Крэг не был гурманом и довольствовался скромной пищей. По случаю появления в доме гостей подали жареную треску с картофелем, омлет со свиным салом и, конечно, шотландское виски. Подавали на стол две взрослые хозяйские дочери, высокие блондинки. Старшая была замужем и выполняла роль хозяйки дома. Муж её Дик, присоединившийся к обществу, помогал тестю в коммерческих делах. Джон Крэг рассказал, представляя

Беньовскому зятя, что собирается дождаться заключения мирного договора с англичанами, утрясти последние дела с армейскими поставками и передать руководство фирмой зятю.

— Переселюсь в соседнюю Пенсильванию на ферму к жене. Супруга моя Джессика вынуждена жить из-за своей хвори на лоне природы. У неё слабые лёгкие, и она плохо переносит влажный морской климат.

— Уходите на покой? — спросил его Беньовский.

— Упаси Боже, граф. Ни один деловой человек не стремится на покой, пока Всевышний не призовёт его к себе на небеса. Займусь хозяйством. У меня отменное стадо свиней и плантации клубники и томатов. Во время военных действий английские солдаты пограбили ферму. Но помаленьку восстанавливаю хозяйство. Наладил производство клубничного и томатного сока и успешно сбываю их на рынке.

— Дай вам Бог удачи.

— Спасибо за добрые слова.

— Вы упомянули, мистер Крэг, что ждёте примирения с англичанами. Насколько оно реально в обозримом времени?

— Англичане, по существу, примирились со своим поражением. Что им ещё остаётся делать? Старик говорит, что правительство Англии готово сесть за стол переговоров с американской делегацией. Скорее всего переговоры состоятся в Париже. Французы первыми протянули нам руку помощи, а теперь предлагают посредничество.

Беньовский понял, что стариком Крэг называл главнокомандующего. После обеда продолжалась деловая беседа. Морис Август рассказал хозяину о своих намерениях создать торговую компанию с непременным участием американских предпринимателей и отправиться с партией товаров на Мадагаскар. Крэг заинтересовался природными богатствами острова, его населением и тем, какие товары могли бы найти спрос у малагасийцев.

— Самые разнообразные, — ответил Беньовский. — В первую очередь ткани, домашняя утварь, инструменты, оружие.

— Я познакомлю вас с некоторыми дельцами. Уверен, что ваши планы их заинтересуют. Но должен предупредить вас — южане станут склонять вас к работорговле. Рабы-африканцы — основная рабочая сила на плантациях южных штатов, тогда как мы, северяне, рабство не одобряем.

— Мог бы я надеяться на содействие и поддержку властей?

— Фактическая власть в Соединённых Штатах находится в руках главнокомандующего.

— Насколько Джордж Вашингтон доступен для иностранца,

пожелавшего с ним встретиться?

— Наш старик прост в обращении. Я запросто вхож к нему. Думаю, что он заинтересуется возможностью встречи с представителем Австрии, хотя бы и неофициальным. Австрия одна из крупнейших европейских держав, и Соединённые Штаты заинтересованы в признании со стороны австрийской монархии, в добрых отношениях между обеими странами.

— Я лично знаком с канцлером Кауницем и мог бы информировать его сиятельство о беседе с вашим главнокомандующим.

— Постараюсь устроить вашу встречу с Джорджем. В настоящее время старик пребывает в войсках, которые обложили Нью-Йорк. Но на днях он возвращается в Филадельфию.

Капитан ван Вейден возвратился на судно. Беньовские, усталые с дороги, отправились отдыхать. В доме Крэгов рано ложились спать.

В середине ночи Морис Август и Фредерика проснулись от гвалта и пальбы за окном. Окна спальни выходили на улицу. Гвалт и пальба не прекращались. Беньовский вскочил с постели и, раздвинув оконную занавеску, увидел прелюбопытное зрелище.

— Присоединяйся ко мне, Фредерика. Увидишь такое представление... Американское. Это интереснее, чем слушать Гайдна в венском концертном зале.

Жена выбралась из-под пухового одеяла и тоже подошла к окну. Наискосок от дома Крэга находился трактир «Ниагара». Шумная подвыпившая компания высыпала из дверей трактира на улицу. Люди что-то восторженно кричали, а некоторые палили в воздух из пистолетов. Несколько молодых людей вынесли на руках женщину в пёстром платье и понесли её к коляске. То была трактирная певичка, пользовавшаяся успехом у завсегдатаев. Коляска с певичкой тронулась, а многие ещё долго бежали следом за ней, выкрикивая восторженные слова и стреляя в воздух. Потом завязалась драка, вылившаяся в яростное побоище. Опять не обошлось без криков и пальбы. Появилось отделение солдат, утихомирившее и разогнавшее толпу прикладами. На земле остались лежать двое побитых драчунов.

— Это Америка, — сказал с язвительной иронией Беньовский.

— И такое зрелище будет продолжаться еженощно?

— Об этом мы спросим у хозяина.

К завтраку Фредерика не вышла из-за головной боли. После шумного уличного представления она так и не смогла уснуть. Узнав, в чём дело, Крэг обратился к младшей дочери Нэнси:

— Взяла бы ты с собой графиню погостить на ферме. Пусть наша

гостья полюбуется прекрасными пейзажами Пенсильвании, попьёт парного молока, полакомится клубникой, увидит наших скакунов.

Хозяин через переводчика-зятя объяснил Беньовскому, что Нэнси отправляется проведать больную мать и пробудет на ферме неделю. Она могла бы взять с собой графиню. А граф может тем временем заниматься деловыми встречами. Морис Август согласился, что это превосходная идея. Он не имел представления, чем бы занять Фредерику. Театров в Филадельфии не было, как и друзей. Не слушать же трактирных певичек или наблюдать уличные драки со стрельбой.

Уговорить Фредерику принять предложение хозяев и погостить на ферме в обществе младшей хозяйской дочери Морису Августу удалось без больших затруднений. В середине дня Фредерика и Нэнси выехали в Пенсильванию.

При содействии Крэга Беньовский встречался с местными дельцами, филадельфийскими, балтиморскими. Перед ним прошла целая галерея людей с разными характерами, темпераментами. Но всех их объединяла волчья хватка, жажда наживы, алчность. К Морису Августу они отнеслись с настороженным любопытством, старались выведать у него, какие выгоды принесёт им участие в мадагаскарской кампании, и держались выжидательно, на предложение участвовать в деле отвечали уклончиво.

Чопорный ирландец выслушивал Беньовского, кивал головой и помалкивал. Два брата с повадками лихих ковбоев раскатисто ржали по всякому поводу и без повода и с интересом расспрашивали, красивы ли девушки Мадагаскара и насколько они доступны. Они были многословны, но ухитрялись ничего не сказать по существу. Плантатор-южанин интересовался перспективами работорговли. Возможно ли приобретение на Мадагаскаре сильных и выносливых рабов? В южных штатах они сейчас в хорошей цене, так что продажа рабов была бы делом весьма и весьма прибыльным.

Беньовский уклонялся вступать в дискуссию о выгодах работорговли. По его убеждению, охота на рабов на Мадагаскаре могла бы осложнить его отношение с малагасийскими вождями и помешать осуществлению его честолюбивых планов. Они, эти планы, вырисовывались в его мозгу пока ещё не очень отчётливо. Главное же, что Беньовский вынес из бесед с американскими дельцами, — все они занимают выжидательную позицию и ждут замирения с англичанами. Любой коммерческий корабль Соединённых Штатов по пути в Атлантику или в Индийский океан может встретить английское военное судно, быть атакованным и захваченным в качестве военного трофея. Заключение мирного договора развязало бы

деловым людям Соединённых Штатов руки и вселило бы уверенность в безопасности. Вот тогда и можно вести более предметные разговоры о создании компании для торговли с Мадагаскаром.

— Надо ждать мира, граф, — говорили ему собеседники.

Через несколько дней по приезде в Филадельфию Крэг сообщил своему гостю:

— Главнокомандующий вернулся из-под Нью-Йорка. Я только что говорил со стариком. Он готов завтра встретиться с вами. Хочу предупредить, что вы, граф, заинтересовали Джорджа как человек из Австрии. Он хотел бы поговорить с вами о перспективах развития отношений между нашими государствами. Старика интересует, окажется ли Австрийская империя в числе стран, готовых дружески поддержать наше молодое государство. К вашим же коммерческим замыслам Джордж никакого интереса не проявил. Это ваше личное дело. Так он и сказал.

Джордж Вашингтон принял Беньовского в своей резиденции, просторном доме, который в колониальный период занимал главный британский администратор Филадельфии. Главнокомандующий, человек с крупными чертами волевого лица, высоким лбом и пышными седеющими кудрями, пронзил Беньовского пытливым, строгим взглядом судьи.

— Крэг мне говорил о вас. Вы приехали из Австрии? — спросил он по-французски.

— Как частное лицо, сэр.

— Меня интересует, насколько вы влиятельны в своей стране.

— Судите сами, сэр. Я землевладелец из Восточной Венгрии. Богат. Командовал кавалерийским полком во время войны за баварское наследство. А до этого находился на французской службе, возглавляя экспедиционный корпус на Мадагаскаре.

— Если вы стремитесь поступить на службу в армию Соединённых Штатов, то вы опоздали. Ещё год назад мы нуждались в опытных военачальниках. Теперь же дело идёт к заключению мира. Мы вышли победителями. У вас есть влиятельные связи при венском дворе, в правительстве?

— Знаком с канцлером Кауницем. При его прямом содействии я получил под своё командование полк.

— Как вы считаете, будет ли Австрия проводить дружескую политику в отношении Соединённых Штатов? Наша молодая держава нуждается в широком международном признании, в добрых связях с ведущими европейскими странами.

— В двух словах на ваш вопрос не ответишь, сэр. Наша престарелая

императрица — женщина строгих монархических и консервативных убеждений. Она состоит в родстве почти со всеми монархами Европы. Вряд ли Мария-Терезия одобряет республиканское устройство вашей страны. Ведь вы, американцы, остановили свой выбор на республиканском порядке управления?

— Разумеется.

— Но надо иметь в виду преклонный возраст императрицы, которая, как говорят, очень больна. Её наследник Иосиф — человек более современный, понимающий дух времени. Убеждён, что с ним вы найдёте общий язык.

— Мы заинтересованы в добрых отношениях с Австрией, в торговых связях с ней. Передайте это канцлеру Кауницу.

— Боюсь, что не скоро окажусь на родине. Но о нашей беседе постараюсь информировать австрийского посла в Париже. Надеюсь, что посол сообщит о её содержании Кауницу.

— Вот и хорошо. Что привело вас, мистер Бенёв, в Соединённые Штаты?

— Создаю компанию по торговле с Мадагаскаром. Хотел бы видеть среди компаньонов и американских дельцов и заручиться поддержкой правительства Соединённых Штатов. Почему бы правительству не стать одним из ведущих её акционеров?

— Единственное, что могу вам пообещать... Власти Соединённых Штатов не будут препятствовать участию наших дельцов в вашем предприятии, не станут чинить им помех. Мы мыслим государство как демократическое, где права предпринимателей не ущемляются.

— Но разве Соединённые Штаты — я имею в виду не отдельных лиц, а государство — не могли бы заинтересоваться несметными богатствами Мадагаскара, пока ничейными? Мы выступаем как пионеры. А вы могли бы воспользоваться дорогой, проложенной нами. Идеальной формой политического устройства острова могла бы стать власть компании под протекторатом Соединённых Штатов.

— Пусть подобные задачи решают наши внуки и правнуки. А перед нами стоит более зримая цель. Взгляните на карту, граф. Перед вами Северная Америка. Вы видите на ней множество белых пятен. Сюда ещё не ступала нога европейца. Эти земли никогда не подвергались картографическим съёмкам, их богатства не исследованы. Здесь обитают независимые индейские племена, хотя номинально их земли поделены между французами и испанцами. Вы видите территорию нашего молодого государства, Соединённых Штатов. Она простирается от атлантического

побережья в глубь материка не столь уж широкой полосой. Историческая задача американской нации сделать стремительный бросок на запад, перейти великую реку Миссисипи, покорить земли индейцев, вытеснить французов и испанцев и выйти к Тихому океану. Вся южная половина Североамериканского материка — это сфера наших жизненных интересов. Если это не сделаем мы, нас опередят другие державы. На запад хлынут волны переселенцев, они преодолеют реки, горы и пустыни. Это будет сильное и предприимчивое племя.

— А индейцы? Говорят, они воинственны.

— Индейцы — это вчерашний день в истории Америки. Индейцам придётся потесниться и покориться, либо мы их раздавим волной европейских переселенцев. Другого туземцам не дано. Мы превратимся в могущественное государство, простирающееся от Атлантики до Тихого океана. Вот тогда наши потомки задумаются над американскими интересами на других континентах. Может быть, их когда-нибудь заинтересует и ваш Мадагаскар.

— Вы нарисовали, мистер Вашингтон, впечатляющую картину.

— Она станет реальностью. А сейчас, простите меня великодушно, вынужден прервать нашу беседу. Ждут дела.

Главнокомандующий протянул Беньовскому руку для прощального рукопожатия. В памяти Мориса Августа осталась глубокая убеждённость Вашингтона в своей правоте, властная манера держаться, его пытливый, проницательный взгляд. Американец видел будущее своей страны — великой державы, простирающейся от океана до океана.

Беньовский продолжал переговоры с местными дельцами, отвечал на их расспросы и слышал уклончивые ответы. Замиримся с англичанами, тогда и посмотрим.

Возвратилась с пенсильванской фермы Фредерика с хозяйской дочкой, посвежевшая, переполненная впечатлениями. Поездкой осталась довольна. Мужу она рассказывала, как вдвоём с Нэнси совершали верховые прогулки по живописным окрестностям. Беньовский рассеянно слушал жену, отвечал на её вопросы невпопад, думая о своём. А думал он о недавней беседе с одним балтиморским торговцем, который, кажется, серьёзно заинтересовался планами Мориса Августа и обстоятельно расспрашивал его о потребительских возможностях рынка Мадагаскара. Фредерика уловила, что муж её не слушает, и обиделась.

— Тебе это не интересно, Морис?

— Да нет... Я этого не сказал. Собирайся, и едем.

— Куда ещё?

— В Париж. Завтра из Филадельфии отбывает в Санто-Доминго испанский корабль «Изабель», а оттуда он держит курс к берегам Европы.

Капитан «Изабели» Моралес, моложавый человек с клинообразной бородкой, напоминавший средневековых грандов с картин испанских художников-классиков, был галантно учтив с пассажирами и груб с матросами. Он счёл необходимым навестить Беньовских в их довольно скверной каюте.

— Польщён, что среди моих пассажиров оказались такие знатные лица. Как устроились, граф? Плывём к берегам Гаити. Этот остров открыл Христофор Колумб, великий испанец.

— Насколько я знаю, Колумб был генуэзцем, — возразил Беньовский.

— По рождению да, но это несущественно. По духу он был испанцем и служил верой и правдой испанским монархам Фердинанду и Изабелле[66]. В Санто-Доминго всё пропитано духом великого испанца. Обратите внимание на старинный собор, в котором покоятся останки мореплавателя.

— Непременно последую вашему совету, капитан, и побываю в соборе, чтобы поклониться праху вашего великого испанца. Говорят, что на Гаити процветает торговля рабами. Это правда?

— Можно сказать, что Санто-Доминго один из центров работорговли в Карибском бассейне. Убедитесь сами.

— И вы одобряете, дон Моралес, работорговлю?

— Что делать. Такова Господня воля. Чернокожим африканцам Всевышний предписал трудиться в поте лица на белых господ. Это открывает им путь к истинной церкви, небесной благодати. И я грешен, сознаюсь... На этом самом судне доставлял не раз в Америку партии рабов из португальской Анголы.

— Как же вы их доставляли?

— В самом обыкновенном грузовом трюме.

— Не покажете мне ваш трюм?

— Стоит ли? Там слишком дурной запах. Никак не выветрится.

— Всё же покажите, капитан.

— Коли вам так интересно... Уж не собираетесь ли и вы заняться работорговлей?

— Не решил ещё.

Они спустились в трюм. Беньовский, подавленный запахами нечистот, какой-то кислятины, гнили, внезапно почувствовал подступающую дурноту. Запахи вызывали спазмы в горле, позывы к тошноте. Они,

казалось, пропитывали скользкий пол, голые нары, всю атмосферу трюма.

— Не пытались ваши подопечные бунтовать?

— Попробовали бы! Держу вооружённую стражу. Для строптивых есть карцер с железными кандалами. Не угодно ли посмотреть?

— Нет уж, увольте.

— Одна попытка бегства всё же была. Когда негров выводили из трюма на палубу на прогулку, молодой сильный анголец оттолкнул стражника и бросился за борт. Беднягу растерзали акулы. Их много водится в Карибском море. Акулы всегда сопровождают корабль, трюм которого набит невольниками. Чувствуют, что здесь можно поживиться. Ведь многие рабы не выдерживают тяжкого плавания и умирают в пути. Приходится выбрасывать их за борт на радость прожорливым рыбам.

— Не рассказывайте, пожалуйста, об этом моей жене, капитан. Она дама впечатлительная.

В Санто-Доминго стояли несколько дней. Беньовские побывали в старинном соборе на мессе, постояли молча у саркофага с прахом Христофора Колумба. На одной из площадей города расположился невольничий рынок. Распродажа чернокожих подходила к концу. Оставалась нераспроданной лишь небольшая группа, в основном старых и немощных. Покупатели критически оглядывали африканцев, ощупывали их мускулы, отпускали скептические замечания. Одного пожилого тощего негра всё же купили. Покупатель, благообразный седой господин, долго рядился с работорговцем, пока они не сошлись в цене. Когда проданного раба уводили, другой негр в жиденькой толпе разразился громкими рыданиями. Оказалось, что это родной брат того африканца, которого уводил покупатель.

Вероятно, братьев разлучили навсегда. К рыдавшему подошёл дюжий надсмотрщик и ударил его плетью, чтобы тот умолкнул.

— И ты хочешь заняться этим жестоким делом, торговать людьми? — спросила Фредерика мужа.

— У меня другие планы. Но, возможно, придётся посчитаться с компаньонами.

— Зачем тебе такие компаньоны?

Беньовский ничего не ответил жене.

Атлантику преодолели благополучно. Только в районе Канарских островов пришлось перенести лёгкий шторм. Судно бросило якорь в Валенсии, на средиземноморском побережье Испании. Там пересели на небольшую французскую шхуну, доставившую Беньовских и их слуг в Марсель. А потом началось путешествие по дорогам Франции в

просторном дилижансе.

Опять мелькают, словно в причудливом разноцветном калейдоскопе, разнообразные лица. Длинной чередой проходят перед Морисом Августом торговцы, спекулянты, промышленники, судовладельцы. Ведутся переговоры, долгие и нудные. Потом выясняется, что и один и другой — люди без всяких средств, нахраписты авантюристы, желающие внезапно разбогатеть. Есть и такие, которые дотошно расспрашивают Беньовского о Мадагаскаре, его богатствах и обитателях из чистого любопытства. Участвовать в сомнительном, по их мнению, предприятии они не намерены. Третьи занимают выжидательную позицию — а как другие? Людей, готовых безоговорочно участвовать в компании, находится мало.

Морис Август пытается заручиться поддержкой французского королевского правительства, напомнив о своей службе Франции. Не удастся ли получить для будущей компании официальную государственную крышу? Не согласится ли правительство взять на себя долю участия? Для начала он решает навестить старого знакомого, финансиста Шарля Бове, близкого к королевскому двору.

Финансист по-прежнему обитал в старинном особняке в районе площади Вогезов. Тот же изысканно-вежливый, элегантный племянник хозяина Люсьен Бове, его секретарь и помощник в одном лице, встретил Беньовского. Люсьен, отпустив бородку и облачившись в дорогой сюртук, украшенный массивной золотой цепью от часов, выглядел теперь более солидно.

— Давненько не видел вас, бригадир. — Такими словами встретил младший Бове гостя.

— Странствовал, воевал. Не было возможности наведаться к старым друзьям. Как здоровье вашего дядюшки?

— Слава Богу, сносно.

— Мог бы повидать его?

— Доложу о вас.

Кабинет господина Бове, заставленный старинной мебелью и всякими дорогими диковинками, показался Морису Августу ещё более тесным и переполненным антиквариатом. Появилась горка красного дерева с китайскими изделиями из нефрита и слоновой кости.

Бове принял непрошеного гостя сдержанно, хотя и вполне корректно, повторив ту же самую фразу, которую перед этим произнёс его помощник:

— Давненько не видели вас.

— Посчитал своим долгом, мосье Бове, засвидетельствовать вам своё уважение и посоветоваться.

И Беньовский пустился в пространные рассуждения о своём плане, пока Бове не перебил его:

— Я понял вас. Хотите создать частную компанию по торговле с Мадагаскаром...

— Используя свой опыт, знания этого острова.

— Создавайте на здоровье. Но что, собственно говоря, вы хотите от меня?

— Вашего участия в деле. Ваш авторитет в деловом мире Франции, ваш капитал придали бы компании значительный вес.

— Исключено, — жёстко ответил Бове. — Я и так один из главных акционеров Индийской компании. Она имеет права на коммерческую деятельность в бассейне всего Индийского океана. Не вижу целесообразности распылять силы и капитал, участвуя в иных компаниях. К тому же я не уверен в вашем успехе. Говорят, вы уже однажды прогорели.

— То было случайное стечение неблагоприятных обстоятельств. Столкнулись с пиратами, мошенниками... Поверьте, из фиумских неудач я извлёк необходимые уроки.

— Серьёзные коммерсанты, такие как мои компаньоны по Индийской компании, вряд ли заинтересуются вашим предложением. Зачем возводить на песке новое сооружение, когда уже есть испытанная временем надёжная постройка — Индийская компания. Партнёров вы, несомненно, наберёте. Но это будут второстепенные, если не сказать — третьестепенные дельцы без большого капитала, авантюристы мелкого пошиба, жаждущие лёгкой наживы. Авось повезёт — вот их девиз.

— Могу ли я надеяться на поддержку со стороны вашего правительства?

— И это исключено.

— Но почему?

— Да будет вам известно, что мосье Дюма, бывший губернатор Иль-де-Франса, вернувшийся с Маврикия, проведал о вашем появлении в Париже.

— Опять этот зловещий Дюма! Что ему от меня надо?

— Он предостерёг графа де Верженна от какого бы то ни было сотрудничества с вами. Дюма сравнивает вас с Теодором Нейгофом...

— Кто такой Нейгоф? И какое отношение к нему имею я?

— Разве вы ничего не слышали об этом немецком бароне, ловком авантюристе? Использовав движение корсиканцев против генуэзского господства, он ухитрился провозгласить себя королём Корсики.

— Теперь что-то припоминаю. И какова дальнейшая его судьба?

— Удача оставила Нейгофа. Обещанной помощи от других держав он не получил, сторонников растерял и вынужден был покинуть Корсику. Теперь этот остров во французском владении. А незадачливый король закончил свою жизнь в Англии.

— Всё, что вы мне рассказываете, очень интересно. Но я-то тут при чём?

— Дюма считает, что вы напоминаете барона Нейгофа. Вас роднит авантюризм и честолюбие. В своих компаньонах вы готовы, видеть лишь орудие своих планов. Экс-губернатор Иль-де-Франса допускает мысль, что вы стремитесь провозгласить себя монархом Мадагаскара, подобно тому как Теодор Нейгоф стал самозваным королём Корсики.

— Узнаю почерк этого канальи Дюма. Надеюсь, мосье, вы-то так не думаете?

— Ей-богу, не знаю, прав он или нет, считая вас большим мошенником и авантюристом. В чужую душу не заглянешь. Могу вам сказать одно — я вам не судья.

— Если бы я был мошенником и авантюристом, каковым считает меня Дюма, я не был бы обласкан его величеством, не заслужил бы ордена Святого Людовика и пожизненной пенсии.

— Знаю об этом. Дело не в том, что думает о вас Дюма и что наябедничал на вас графу де Верженну. Дело в трудных временах.

— Что имеете в виду?

— Посмотрите вокруг себя и убедитесь сами. Страна бурлит, третье сословие негодует. Шатается трон. Боюсь, что назревает страшный взрыв, подобный тому, какой пережила Англия при Кромвеле. Видите, нам сейчас не до Мадагаскара.

— Значит, не советуете обращаться к де Верженну?

— Ничего я вам не советую. Я не Бог, чтобы предугадывать настроения графа.

Уходил Беньовский от Бове растерянный, подавленный. Умудрённый опытом и годами финансист рассеял все радужные его надежды.

Всё-таки Морис Август попытался встретиться с министром, который когда-то замял его скандальное дело и помог ему с почётом покинуть французскую службу. Он обратился в канцелярию министра с просьбой о встрече с де Верженном. Канцелярия тянула с ответом. Граф не давал согласия на встречу, но и не сообщал об отказе.

В свободное от переговоров с дельцами и посещений канцелярий министра время Беньовский нанимал экипаж и совершал с Фредерикой прогулки по Парижу, шумному, суетливому, митингующему и

веселящемуся. На набережной Сены коротали время пожилые рыбаки с удочками, лениво переговариваясь между собой. Перед главным порталом Нотр-Дама толпились нищие и девушки торговали весенними фиалками. Побывали Беньовские у Бастилии, превращённой в государственную тюрьму, которой суждено было в ближайшие годы пасть под натиском революционной толпы и исчезнуть с лица земли.

Но пока крепость охранялась усиленными караулами. Морис Август рассказал жене пару историй, скорее всего легендарных, о Бастилии, которые ходили в народе. При предыдущих Людовиках в казематах крепости будто бы долгие годы томился загадочный узник, постоянно носивший железную маску, скрывавшую его лицо. Что за личность скрывалась под железной маской, наглухо закованной хитрым запором? И во имя чего? На этот счёт приходилось выслушивать разные невероятные истории. Одна из них утверждала, что это был родной брат короля Солнце Людовика XIV, его двойник. Их мать, Анна Австрийская, родила двух мальчиков-близнецов. Старый король-отец с наиболее доверенными придворными, опасаясь будущей междоусобной борьбы братьев за трон, решили одного из близнецов надёжно упрятать. Судьба несчастного королевского брата-узника стала строгой государственной тайной.

— Это правда, Морис? — спросила Фредерика, потрясённая рассказом.

— Кто знает? Такова людская молва. Никто ещё достоверность этой истории с железной маской не подтвердил, никто её и не опроверг.

— Если это правда, то мне очень жаль узника. Бедняга.

— Скорее всего это легенда. С Бастилией связывают много всяких легенд.

Дважды побывали в театре. В первый раз ставили Мольера, в другой раз — Расина. Публика, не в пример сдержанным и чопорным венцам, была экспансивна и неистовствовала, приветствуя любимых актёров. Посетили студию старого знакомого Грёза. Модный художник познакомил гостей с новыми работами — те же слащавые, сентиментальные женские головки. На этот раз Беньовские ничего не купили у плодовитого Грёза, хотя мастер явно этого хотел, да и Фредерика приглядывалась к одному из портретов. Морис Август сказал своё веское слово жене: «Воздержимся на этот раз». Он стал теперь скуп, прижимист, перестал давать чаевые отельной прислуге. Жизнь в Париже требовала ежедневных расходов, а задуманное дело пока не сдвинулось с мёртвой точки.

Однажды Беньовскому посчастливилось встретить в коридорах министерства иностранных дел господина Обюссона, бывшего секретаря

министра. Того самого, который когда-то снабжал Мориса Августа информацией и вознаграждался за свои услуги щедрыми подарками. Он теперь получил небольшое повышение и работал не в секретариате, а в другом подразделении.

— Рад вас видеть, дорогой друг! — приветствовал его Беньовский. — Отобедаем вместе?

Обюссон охотно принял приглашение. За обедом в средней руки ресторане разговорились. Министерский чиновник похвастал, что рассчитывает получить в ближайшее время место первого секретаря посольства в Испании. Беньовский выведал у собеседника, что тот, хотя и покинул секретариат, остаётся человеком осведомлённым. Ему известно, например, что министр де Верженн сознательно избегает встречи с Морисом Августом и вряд ли его примет. По-видимому, бывший губернатор Иль-де-Франса смог оказать на министра влияние негативного свойства. В своём предостерегающем письме на имя графа де Верженна Дюма всячески стремился доказать, что Беньовский честолюбивый авантюрист и мошенник. По существу, Обюссон подтвердил всё то, что Беньовский уже слышал от финансиста Бове, и проговорился, что правительство заинтересовано найти поставщика продовольствия для гарнизонов в африканских колониях Франции. С одним-двумя дельцами велись на сей предмет переговоры, но по каким-то причинам соглашения с ними не были достигнуты.

— Не попытаться ли вам, бригадир, взяться за это прибыльное дело? — сказал Обюссон.

— Стоит подумать, — ответил Беньовский.

Распрощавшись с министерским чиновником и возвратившись в отель, Беньовский предался размышлениям. Поставка разнообразного продовольствия в африканские гарнизоны могла сулить хорошие прибыли, если умело использовать капиталы компаньонов. Накопив солидные средства, можно перенести свою деятельность на Мадагаскар. Тогда-то он напомнит малагасийцам о своём мнимом королевском происхождении, признанном туземными вождями. Он бережно хранит поддельную эмблему, изготовленную для него арабским чеканщиком, которая якобы когда-то принадлежала великому властителю всей восточной части острова.

Не откладывая дело в долгий ящик, Беньовский принялся писать письмо на имя графа де Верженна, предлагая французскому правительству свои услуги в качестве поставщика продовольствия в африканские колонии. Он витиевато разглагольствовал об искреннем желании оказать услуги правительству его величества, использовать свой последний опыт

работы, накопленный им в тропиках за время французской службы.

Ответ на это письмо из канцелярии министра де Верженна пришёл неожиданно скоро. Стоит его привести целиком. «Правительство Его Величества короля Людовика XVI, ознакомившись с Вашим предложением, высоко ценит Вашу готовность снова послужить Франции. Вы с достойным рвением уже послужили нам на Мадагаскаре как командир экспедиционного корпуса. И Ваша усердная служба была отмечена высокой наградой и другими поощрениями. К сожалению, мы не можем воспользоваться Вашим любезным предложением, так как в настоящее время уже ведём переговоры с группой парижских коммерсантов и в ближайшее время заключим с ними надлежащее соглашение. Примите уверение в искреннем к Вам уважении».

Письмо завершала подпись графа де Верженна.

— Лицемеры! — воскликнул Беньовский, прочитав письмо. От Обюссона он знал, что никаких переговоров с парижскими коммерсантами не велось. Правительство не было намерено вступать в какие-либо деловые отношения с Морисом Августом. Письмо, подписанное министром де Верженном, было вежливой формой отказа от услуг Беньовского. Возможно, и здесь не обошлось без влияния Дюма.

— Нам здесь больше делать нечего, — сказал Беньовский жене. — Собирайся. Едем в Лондон.

Уже в дилижансе, следовавшем из Парижа в Руан, Морис Август подводил итоги своего пребывания во французской столице. Господин Дюма, его недруг, сумел-таки порядочно навредить ему. Граф де Верженн отказался с ним встретиться. Правительство Франции с лицемерной вежливостью отклонило его услуги. Нескольких парижских дельцов он, Беньовский, сумел заинтересовать своими планами, и они дали своё согласие стать компаньонами будущей торговой фирмы. Дельцы не ахти какие крупномасштабные, не чета тому же Бове. Финансист оказался прав — за Беньовским вызвались пойти дельцы второстепенные, даже третьестепенные, без солидной репутации, без крупного капитала. Так что основание будущей торговой компании пока складывалось хиленькое.

И ещё Морис Август вспомнил с сожалением, что не исполнил обещание, данное Джорджу Вашингтону. Он не побывал в австрийском посольстве, не доложил послу о своём разговоре с главнокомандующим вооружёнными силами Соединённых Штатов о заинтересованности американцев в развитии добрых связей с Австрией. Не то чтобы он совсем забыл об этом, а откладывал визит со дня на день. Накануне же отъезда из Парижа, в спешке и хлопотах, Беньовский и в самом деле забыл о нём. В

конце концов перспектива австрийско-американских отношений мало волновала его.

Лондон встретил Беньовских сырой завесой тумана. Газовые фонари плохо освещали улицы. В день приезда Морис Август постарался исправить свой промах и побывал в посольстве Австрии, передав послу содержание своей беседы с Вашингтоном. Сановный посол, украшенный громким аристократическим титулом, выслушал Беньовского без большого интереса.

— У нашей бедной Австрии слишком много своих проблем. Их создают соседи — турки, славяне, пруссаки, германские княжества. А Америка далеко за океаном и не представляет для нас первостепенной важности. Вы согласны со мной?

— Совершенно с вами согласен, ваше превосходительство.

— Вашу информацию я всё же сообщу канцлеру.

Беседуя с австрийским послом, Беньовский попытался разобраться в политической обстановке Англии. В отличие от французского короля или австрийского императора, ставшего единоличным правителем после недавней кончины матушки Марии-Терезии, нынешний британский король Георг III[67], как и его ближайшие предшественники, имел мало реальной власти. Она сосредоточена в руках парламента и лидеров влиятельных политических партий — тори и вигов[68]. Лидеры партий периодически сменяют друг друга на посту премьер-министра, а фигура короля остаётся чисто представительской. Недавно партии пришли к взаимному компромиссу и сформировали коалиционное правительство, которое возглавил Кавендиш, герцог Портлендский, человек доступный и общительный.

— Я бы хотел заручиться поддержкой британского правительства. Создаю компанию по торговле с Мадагаскаром. Приглашаю участвовать в деле и англичан.

— Напишите ходатайство на имя герцога. Уверен, что если не он сам, то кто-нибудь из его ближайших помощников примет вас и выслушает.

— Непременно последую вашему совету.

На следующий день стояла ветреная погода. Ветер, дувший со стороны Северного моря, развеял вчерашний туман. Лёгкое волнение охватило Темзу. Беньовский отвёз письмо-ходатайство, как советовал ему посол, в канцелярию премьер-министра, а потом отправился вместе с женой знакомиться с достопримечательностями британской столицы. В Лондоне они оказались впервые. На площади перед королевским дворцом играл

шотландский оркестр волынщиков. Необычно выглядели музыканты-шотландцы в клетчатых юбочках. Полюбовались собором Святого Павла с украшенным колоннадой западным фасадом и удлинённым главным куполом. Собор был возведён в начале века вопреки сложившимся готическим традициям. Другой знаменитый лондонский храм, Вестминстерское аббатство, поражал утончённостью вычурной готики. Морис Август предложил зайти из любопытства внутрь храма, но Фредерика решительно воспротивилась.

— Мы же с тобой правоверные католики. А эти англичане схизматы, не признающие духовной власти Святого Престола. Пристало ли нам...

— Как тебе угодно, — согласился Беньовский.

Потом они отправились знакомиться с Тауэром, старинной крепостью на берегу Темзы. Её строительство началось ещё в конце XI века. Когда-то это была резиденция Вильгельма Завоевателя, первого короля из Норманнской династии. Башни Тауэра, сложенные из крупного, грубо отшлифованного камня, производили мрачноватое впечатление. Служитель крепости, облачённый в средневековый костюм, рассказывал, что первые постройки Тауэра, не сохранившиеся в своём первоначальном виде, были возведены, согласно преданию, ещё Юлием Цезарем. Королевский замок со временем стал политической тюрьмой. С историей Тауэра связаны многие мрачные истории и легенды, подчас кровавые. В одной из башен по приказу жестокого и коварного короля Ричарда III были умерщвлены его племянники, в которых он видел соперников. Во дворе крепости нередко совершались казни.

Теперь же по каменным плитам двора разгуливал крупный чёрный ворон с синеватым отливом перьев, важный и самодовольный.

— Обратите внимание на эту птицу, — сказал служитель. — Ей очень много лет. Она ещё помнит Оливера Кромвеля.

Ворон шагал, не отставая от служителя и склонив набок голову, и, казалось, внимательно прислушивался к его словам. Много видел на своём веку старый обитатель Тауэра в стенах легендарной крепости. Служитель вёл свой рассказ по-французски, узнав, что его посетители — иностранцы.

Ответ из канцелярии герцога пришёл на третий день. Рассыльный принёс в отель письмо с сообщением, что некто мистер Кронберг готов незамедлительно принять господина де Бенёв для беседы. От всеведущего рассыльного Морис Август узнал, что Кронберг — чиновник секретариата премьер-министра.

— Полагаю, что нам с вами будет легче объясняться по-немецки, — начал он на чистом нижненемецком диалекте. — Не удивляйтесь. Я из тех

ганноверцев, которые прибыли в Англию в свите первого короля из нынешней династии. А вы австрийский немец?

— Нет, венгр. Если говорить точнее, в моих жилах смешались венгерская и польская кровь. Но немецким языком владею с детства.

— Вероятно, огорчу вас. Предложение ваше не заинтересовало британское правительство. Мы располагаем мощной Ост-Индской компанией под покровительством короны. Многие ведущие дельцы Великобритании и даже члены королевской семьи состоят её акционерами. Нет нужды в создании параллельной с ней компании.

— Но ведь моё предложение не связано со столь глобальными задачами, какие ставит перед собой Ост-Индская компания. Речь идёт о торговле с Мадагаскаром. Этот огромный и богатый остров пока что ничейная территория. Он остаётся в стороне от сферы интересов европейских торговых факторий на восточном берегу острова.

— Если нас когда-нибудь заинтересует Мадагаскар, наши интересы сможет представлять испытанная Ост-Индская компания.

— Значит, на содействие или участие британского правительства я рассчитывать не могу?

— Вы правильно меня поняли. Есть и ещё одно деликатное обстоятельство.

— Какое же?

— Вы не британский гражданин. А мы предпочитаем, чтобы в серьёзных государственных акциях участвовали наши британцы.

— Понял вас, сэр. Ганноверцы, конечно, не в счёт.

— Именно так, поскольку Великобритания и Ганновер связаны династической унией. Но всё, что я вам сказал, вовсе не означает, что вы лишены возможности создать частную компанию и привлечь в качестве компаньонов дельцов-англичан. Могу пожелать вам успеха.

— Что ж? Спасибо вам и за это.

Итак, английское правительство, как и французское, отказалось от какого-либо официального содействия Беньовскому или участия в его будущей компании, но не препятствовало его частной деятельности.

Вновь шли переговоры, долгие и нудные, с финансистами, торговцами, промышленниками, просто разбогатевшими людьми, у которых оказался в руках некоторый капиталец. Англичане показали себя более решительными и мобильными, чем французы. Они живее и охотнее откликались на предложение Мориса Августа. Нашлось десятка полтора дельцов, поддержавших идею создания компании. Договорились о проведении учредительной конференции. Беньовский рассчитывал и на приезд

нескольких французов, всерьёз заинтересовавшихся возможностью стать его компаньонами. Они были извещены письмами. И здесь, в Англии, Морис Август вновь убедился, что хотели стать учредителями и членами компании дельцы далеко не первостепенные, а имевшие весьма ограниченный капитал. Были среди них и просто авантюристы, искатели приключений, не представлявшие себе чётких перспектив будущей деятельности компании.

Тем временем 3 сентября 1783 года англичане подписали с Соединёнными Штатами Версальский мирный договор, признававший независимость бывших американских колоний. Основная часть английских вооружённых сил в восставших колониях к тому времени капитулировала.

Беньовский мог видеть, что британские дельцы, с которыми он имел дело, по-разному отнеслись к Версальскому договору. Одни всячески поносили правительство, которое-де проявило слабость и нерешительность, не сладив с шайкой американских бунтовщиков во главе с Вашингтоном. В результате подобной слабости и нерешительности потеряны богатые заокеанские колонии. Яростно ругали французов и голландцев, оказавшихся на стороне повстанцев. Другие выражали глубокое удовлетворение замирением. Вот теперь-то можно наладить с американцами полезные деловые связи. Ведь в большинстве своём это выходцы из Англии, с которыми будет легко найти общий язык. Таких настроений придерживалось и большинство компаньонов Беньовского. Они советовали непременно привлечь в число акционеров компании богатых американцев, которые были им известны.

На учредительной конференции приняли решение о создании акционерной компании для торговли с Мадагаскаром.

Вёл конференцию Беньовский, называвший себя графом. Первым делом он предложил избрать открытым голосованием президент-директора. Какая же компания без руководителя? К предложению Мориса Августа, бесспорно метившего на президентский пост, компаньоны отнеслись настороженно. А один из них, Гратероль, высказался:

— Не рано ли, господа, делим портфели, ведь ещё не ведаем, каким капиталом располагаем?

— Резонно, — согласился другой компаньон, Кюрталь. — Пусть каждый из нас назовёт сумму капитала, которую он вносит в общий бюджет компании.

Компаньоны стали называть суммы, и, когда подсчитали общий капитал компании, он оказался не столь велик, чтобы затевать рискованное и дорогостоящее предприятие.

— Я-то думал, что имею дело с солидными и состоятельными компаньонами, — вспылил Беньовский.

— А чем вы лучше нас, граф? Какова ваша доля участия? — осадил его Гратероль.

Морис Август не стал с ним пререкаться, а сказал спокойно:

— Что будем делать, господа?

Наступило тягостное молчание, которое прервал Кюрталь:

— Выход один, господа. Едем в Америку и увеличиваем капитал компании за счёт привлечения новых акционеров, американцев. В Филадельфии и Балтиморе много энергичных и богатых дельцов, которые наверняка заинтересуются нашим делом.

С Кюрталем согласились. Необходимо участие американцев. Некоторые из акционеров имели родственные связи в деловом мире Соединённых Штатов.

— В Америке купим или арендуем корабль, загрузим его товарами и поплывём в Индийский океан, — высказался Гратероль.

— Но ведь компания не может существовать без руководителя, — настаивал на своём Беньовский. Он ещё надеялся стать президент-директором.

— Считайте себя временно исполняющим обязанности главы компании, — ответил ему Гратероль. — Отдаём должное вашему опыту, знанию Мадагаскара.

— Почему временно?

— Когда компания окончательно сформируется, своё мнение выскажут и американцы. Возможно, у них будут иные соображения на этот счёт.

— Стоит подумать о преимуществах коллективного руководства. Компанию мог бы возглавлять не президент, а президентский совет, — сказал Броссар, один из компаньонов.

«Тогда зачем, чёрт возьми, вся эта моя затея с компанией? Чтобы таскать для вас каштаны из огня и плясать под вашу дудку, господа?» — хотелось Беньовскому бросить в лицо собранию. Но он почёл за лучшее сдержаться и сказал миролюбиво:

— У нас ещё будет много времени, господа, чтобы посоветоваться. Решим все наши проблемы дружески, полюбовно. Полностью согласен с господином Гратеролем и другими. Едем в Америку. И постараемся увеличить наш капитал за счёт американцев.

— Вы согласны временно исполнять обязанности руководителя компании? — спросил Кюрталь.

— Почему бы нет? Когда речь пойдёт о выборе постоянного президент-директора и я окажусь в числе претендентов на этот пост, постараюсь привести вам некоторые аргументы в свою пользу. Поверьте, аргументы будут весомыми.

— О чём вы? — раздались голоса.

— Скажу вам в своё время.

— Вы нас интригуете, граф! — воскликнул Гратероль.

— Пока вам могу сказать одно, господа. Среди малагасийцев я пользуюсь большим политическим влиянием. Долгая история рассказывать, как я этого достиг. И кроме того, располагаю на Мадагаскаре крупной недвижимостью. Если бы я обратил её в капитал, то мог бы превзойти по своей доле участия всех остальных акционеров вместе взятых. Так что, господа, не пренебрегайте графом Беньовским. Он ещё будет вам полезен.

Акционеры молча переглянулись, а Гратероль заметил:

— Вы говорите загадками, граф.

— Все загадки рано или поздно раскрываются, дорогой компаньон, — ответил Морис Август. — Всему своё время.

Возвратившись в гостиницу, Беньовский объявил жене:

— Едем с компаньонами в Америку.

— Я должна собираться?

— Ты возвращаешься домой, в Трансильванию.

— Но почему ты избавляешься от меня?

— Объясню. В Америке к нам присоединятся новые компаньоны, и мы поплывём на Мадагаскар. Что меня там ждёт, не ведаю. Не хочу тебя, мою бесценную жёнушку, подвергать опасностям — тропической лихорадке, нашествиям москитов, неустроенности быта.

— Но это опять разлука. На многие месяцы или годы.

— Может быть, и на годы. Что поделаешь, Фредерика? От этой экспедиции зависит наше благополучие, возможность стать богатыми людьми.

— Зачем нам богатство, Морис? Мы и так не бедняки.

— Всё относительно, Фредерика. Мы с тобой средней руки помещики. А я хочу внушительного богатства, которое бы давало ощущение власти, превосходства над толпой. Я много настрадался в жизни. Испытал долю арестанта, ссыльного, скитался по белу свету. Разве не заслужил я право на власть и богатство?

— Тебе виднее, Морис. Иногда мне кажется, ты совсем забыл, что у тебя есть жена. На уме у тебя только деньги, деньги.

— Да нет же, милая...

— И ещё... Порой меня охватывает страх, предчувствие чего-то дурного. Боюсь, что ты совершишь безрассудный, отчаянный поступок, и это погубит тебя.

— Плохо ты знаешь своего Мориса. Если даже я задумываю совершить что-либо отчаянное, дерзкое, то поступаю при этом всегда расчётливо, продуманно.

— Так ли, Морис? Зачем ты называешь себя графом? Какой ты граф на самом деле?

— Каждому человеку свойственны маленькие простительные слабости. Виноват, немного грежу честолюбием. Ты меня осуждаешь?

Фредерика ничего не ответила, а только вздохнула. А Беньовский продолжал:

— Имея большие деньги, мы станем взаправдашними графами.

— Каким же это образом, хотела бы я знать.

— Очень просто. Купим графский титул у какого-нибудь нуждающегося владетельного немецкого герцога. Смехотворная система! Представь, если бы у нашего Ивана, поповского сына, оказалась куча денег, он мог бы купить себе графское достоинство. Только у него, в отличие от нас, никогда не будет кучи денег.

Далее Беньовский рассказал жене, что заезжал в австрийское посольство. Через неделю отъезжает в Вену с семьёй посольский секретарь, у которого кончается срок зарубежной службы. Секретарь не возражает, если Фредерика присоединится к этому милейшему семейству. От Вены до Вецке она доберётся сама в наёмной карете.

— Ивана отпустишь со мной?

— Нет. Он мне самому понадобится.

— Жаль. С ним я чувствовала бы себя увереннее.

Глава двадцать пятая

В Соединённых Штатах компания пополнилась новыми участниками. Среди них оказались как старые знакомые Мориса Августа, с которыми он уже вёл прежде переговоры в Филадельфии, так и новые люди, рекомендованные англичанами.

Сохранился документ, сообщающий имена всех акционеров компании. Это рассказ бывшего кавалерийского ротмистра Пети, находившегося во время Войны за независимость на службе армии Соединённых Штатов. Обратимся к этому источнику:

«Так как предложение графа Беньовского создать торговое общество на Мадагаскаре было отклонено версальским и лондонским дворами, то Беньовский вступил в соглашение с частными лицами г-ми Пети (сыном), полковником Эйссеном де Магелланом, капитаном Гратеролем, Броссаром, братьями Тексье, Кюрталем и Генским, принадлежащими к разным народностям. Общество образовалось в Лондоне, но так как собранных фондов оказалось для снаряжения экспедиции недостаточно, то большая часть участников предприятия в мае 1784 г. отправилась в Америку. Предприятие обещало значительные выгоды, и состав участников приумножился через привлечение балтиморских коммерсантов Цолликофера и Мейсонье, барона Адельсгейма, майора Колеруа, г.г. Бенфольоли, Сандоса, Лунджини, Мишеля и меня».

Это свидетельство американского дельца Пети приводится в статье В. И. Штейна. Обращает на себя внимание национальная пестрота участников экспедиции. В рассказе Пети мы встречаем имена англичан, французов, немцев, испанцев и даже поляка Генского, родственника Беньовского по жене. Ещё мы видим, что некоторые компаньоны имели воинские звания. Бывшие военные, они служили прежде либо в армии Вашингтона, либо в британских колониальных войсках и имели возможность накопить некоторое состояние за время армейской службы. Старик Генский, внеся в бюджет компании небольшую долю, скорее чисто символическую, в Америку не поехал и остался в Европе.

Отношения Беньовского с компаньонами, особенно с американскими, складывались трудно. С первых же шагов Морис Август почувствовал, что акционеры никак не хотят, чтобы в его руках сосредоточилась вся полнота руководства компанией. После долгих препирательств собрание

акционеров решило избрать в качестве коллегиального руководящего органа совет директоров, состоявший из двух американцев, двух англичан, одного француза и одного австрийца, Беньовского. Морис Август стал лишь председателем совета директоров, фигурой скорее представительской, но отнюдь не единовластным президент-директором, как он хотел.

Компаньоны не скрывали своего настороженного, если не сказать недоверчивого, отношения к Беньовскому. Это проявилось, когда стали обсуждать поднятый Морисом Августом вопрос о личной охране. Беньовский настаивал, чтобы в расходы компании включили содержание по крайней мере десятка его вооружённых охранников, не считая слуг.

— С какой стати компания должна содержать вашу личную охрану, граф? — спросил американец Колеруа, бывший майор армии Вашингтона.

— Вот именно. С какой стати? — поддержали другие.

— Объясню вам, господа, — спокойно отвечал Беньовский, стараясь не выдать своего раздражения. — У малагасийских вождей, с которыми мы будем иметь дело, свой кодекс чести. Ни один из них не прибудет к вам для переговоров без пышной свиты, без вооружённых стражников. С этим обычаем приходится считаться. Если я иду к малагасийцам, мне нужен почётный эскорт.

— Почему только вам?! — запальчиво выкрикнул Колеруа. — Уж если создавать стражу, то компанейскую, а не вашу личную.

Его поддержали другие акционеры.

— Разве я не говорил о том же самом? — схитрил Беньовский. — Конечно, господа, я имел в виду стражу компанейскую.

— Нет, вы говорили не о том же самом, — с прежней запальчивостью бросил Колеруа. — Вы имели в виду вашу личную охрану. Личную! Я не ослышался.

— Не придирайтесь к моим словам, Колеруа. Может быть, я неудачно выразился, ибо свою личную персону я никак не отделяю от компании. Так все согласны с моим предложением создать охрану и предусмотреть для этой цели соответствующую статью расходов? На Мадагаскаре мы можем столкнуться с племенными усобицами, появлением пиратов. Придётся серьёзно задуматься об охране товаров, личной безопасности.

Теперь предложение Беньовского не вызвало возражений. Морис Август стал настаивать, чтобы вербовка стражников была поручена ему как человеку с военным опытом. Опять выступил с возражениями Колеруа:

— А почему, собственно говоря, это должны делать вы, граф? Я тоже

человек с военным опытом. Воевал в течение всей Войны за независимость. И американцев знаю лучше вас.

— Допустим. Но если быть откровенным до конца, вы только майор. А я бригадир, стало быть, старше вас по званию на три ступени. В некоторых армиях бригадир — звание генеральское.

— Хватит вам спорить, — примирительно сказал Пети. — Пусть граф занимается стражей.

После некоторых колебаний акционеры поддержали это предложение. А Беньовский сдержанно обратился к собравшимся:

— Ощущаю, господа, со стороны некоторых из вас недоверие, неприязнь к моей персоне. С чего бы это? Давайте начистоту.

— Извольте начистоту, — ответил за всех майор Колеруа, обиженный тем, что вербовку стражи поручили не ему, а Беньовскому. — Вы слишком печётесь о собственных интересах, стремитесь первенствовать, отодвинуть компаньонов на второй план, забывая, что все акционеры имеют равные права.

— Заблуждаетесь, майор. Единственное моё преимущество перед вами — это знание Мадагаскара, его народа, влияние среди малагасийцев, завоёванное при длительном общении с ними. Это преимущество я и хотел бы максимально использовать на благо компании, на наше общее дело.

— Дай Бог, чтобы я заблуждался, — настороженно ответил Беньовскому Колеруа.

В Балтиморе акционерам удалось купить у вдовы внезапно скончавшегося судовладельца вместительный торговый корабль «Неустрашимый», ещё сравнительно новый. Началась загрузка корабельных трюмов разными товарами, которые могли найти спрос у малагасийцев. Закупкой товаров и загрузкой корабля занялись американские компаньоны. Беньовский не вмешивался в их усилия и тем временем закупал оружие и вербовал стражников. Он отдавал предпочтение немцам-гессенцам, служившим в своё время в английских колониальных войсках и пленённых победоносной армией Вашингтона. Возвращаться в родной Гессен никто из них не имел ни малейшего желания, памятуя о том, сколь деспотично и своенравно обошёлся с ними гессен-кассельский властелин Фридрих. Ведя расточительный образ жизни и наделав много долгов, герцог решил выпутаться из затруднительного положения, продав Англии семнадцать тысяч человек своего войска для войны в североамериканских колониях. Многие из них полегли на полях сражений, другие были бесславно пленены. С окончанием войны выжившие не горели желанием возвращаться ни на английскую военную

службу, ни в Гессен к герцогу. Теперь гессенцы, оказавшись не у дел, слонялись по кабакам, попрошайничали.

Среди гессенцев нашлись желающие завербоваться в частную коммерческую экспедицию на Мадагаскар. Прельстили высокое жалованье и сам вербовщик, назвавший себя австрийским графом и свободно говоривший по-немецки. «Мои земляки» — так обращался он к гессенцам. Среди них Беньовский подобрал и нескольких рослых слуг, которым выдал аванс из своего собственного кармана.

— Я вам не герцог Фридрих и не английский король Георг, плачу щедро, — сказал он гессенцам. — Можете выпить за моё здоровье в ближайшем кабаке.

— Непременно выпьем, ваша милость, — угодливо сказал верзила Хорст, бывший капрал в роте гессенцев.

В конце октября 1784 года «Неустрашимый» поднял паруса и вышел из Балтимора в открытый океан. Многие из акционеров самолично отправились в экспедицию. Другие направили вместо себя сыновей или приказчиков. Бывший английский полковник Эйссен де Магеллан оставался в Европе. Его, по настоянию Беньовского, компания объявила своим европейским уполномоченным для связей с правительствами, обществами и частными лицами стран Европы. Назначение это преследовало скорее рекламные цели, выражало стремление компании заявить о себе. В чём мог состоять практический смысл деятельности Магеллана, сам Морис Август не мог ясно себе представить.

«Неустрашимый» держал курс к восточной оконечности Бразилии, а далее пересёк Атлантический океан, минуя одинокий остров Святой Елены. Уже в Атлантике Беньовский задумал провести впечатляющую демонстрацию, чтобы рассеять недоверие компаньонов, сломить их строптивость, безоговорочно подчинить их своей воле. Он долго думал, как это лучше сделать. Подбирал слова, которые должен произнести, готовился словно актёр к спектаклю.

Морис Август вспомнил о поддельных орденах, изготовленных для него искусным китайским ювелиром, и о серебряной бляхе, якобы принадлежавшей когда-то владетелю восточного Мадагаскара, великому Ампансакабе. Вся эта бутафория хранилась на дне кожаного саквояжа и должна была по замыслу Беньовского оказать должное воздействие на компаньонов.

Беньовский приказал Ивану Уфтюжанинову отутюжить воинский камзол со знаками отличия бригадира, прицепить к нему пожалованный французским королём орден Святого Людовика и фальшивые ордена.

Облачившись в разукрашенный орденами камзол, он надел на шею тяжёлую бляху на массивной цепи, знак достоинства малагасийского правителя Ампансакабе. Постоял перед зеркалом.

— Что скажешь, Иван?

— Полюбовалась бы на вашу милость супружница ваша, госпожа Фредерика.

— Ещё налюбуется вдоволь. А сейчас обойди все каюты и созови компаньонов в салон. Скажи, граф сделает важное сообщение.

В небольшом салоне сделалось тесно, когда собрались все акционеры и их доверенные. Беньовский умышленно выдержал паузу и пришёл не сразу, подчёркивая тем самым свою значимость. Пришёл в отутюженном камзоле, при шпаге и при сверкающих зеркальным блеском орденах и огромной круглой бляхе величиной с доброе блюдце, спускающейся на массивной цепи до живота. Его сопровождал Иван с папкой в руках. Двое рослых слуг-гессенцев, вооружённых пистолетами, остались в коридоре у дверей.

— О, явление Христа народу! — высокопарно, с издёвкой воскликнул Колеруа.

— Не кощунствуйте, майор, — резко осадил его Беньовский. — Не знаю, католик ли вы или англиканец, но уж полагаю, не язычник. Так что глумиться вам, христианину, над Сыном Божьим не пристало.

— Шучу, шучу, граф. Без шуток жизнь наша была бы скучной.

— Не обращайте на него внимания, граф, — примирительно сказал балтиморец Мейсонье, француз по происхождению. — Майор у нас известный шутник. Расскажите лучше, за что заслужили ордена.

— Если вас это так интересует...

— Конечно, интересует.

— Извольте. Это французский орден Святого Людовика, пожалованный его величеством за службу на Мадагаскаре, когда я командовал экспедиционным корпусом. А эти ордена получил за военные и иные заслуги от правителей разных европейских стран, которым довелось послужить. Я сам не придаю большого значения всем этим наградам. Для меня ценнее всего вот этот большой медальон.

— Военный трофей? — спросил Колеруа.

— Упаси Боже! Разве стал бы я носить военный трофей рядом с орденами, пожалованными мне королём Франции и другими монархами?

— В таком случае что же это?

— Знак монаршего достоинства последнего великого властителя восточного Мадагаскара, погибшего в междоусобной борьбе за власть. Это

произошло несколько поколений тому назад. Великий властитель носил титул Ампансакабе. Если перевести его на европейские языки, это будет звучать более внушительно, чем «король» или «владетельный герцог». Для более точного перевода скорее подойдёт слово «император».

— Как к вам попал этот медальон?

— Мне его передали наследники Ампансакабе по настоянию вождей племён.

— За какие заслуги? — въедливо спросил Колеруа.

— Да-да, за какие заслуги? Расскажите нам, — подхватили другие.

— За заслуги вполне реальные, господа. Я немало сделал для малагасийцев. Строил дороги, развивал торговлю, снабжал селения необходимыми товарами, покончил с междоусобными войнами, предотвратил агрессивную вылазку короля Имерины, который господствует над центральным плоскогорьем, помогал христианским миссионерам нести свет разума и добра. Я бы мог продолжать список моих добрых деяний. Отзывчивые малагасийцы это оценили.

— Оценили вот этой старой бляхой?! — выкрикнул кто-то.

— Не только. Иван, дай сюда протокол. Передо мной два текста, господа. На французском и на малагасийском языках. Кстати, я свободно владею языком малагасийцев восточного побережья. Итак, передо мной два текста протокола сходки-кабара вождей племён острова, которая состоялась 17 августа 1776 года. В сходке участвовали шестьдесят два старейшины племён, населяющих значительную часть Мадагаскара. Все они признали меня Ампансакабе, то есть верховным властелином острова, и передали мне вот этот медальон как знак монаршего достоинства.

— Прямо занятный приключенческий роман! — воскликнул Мейсонье.

— Разрешите мне досказать. Я ещё не кончил. Как наследник Ампансакабе, я вступил во владение обширных земельных угодий. В настоящее время ими управляет мой интендант-малагасиец.

Неожиданный рассказ Беньовского озадачил слушателей. Ему верили и не верили. После нескольких минут молчания Колеруа высказался:

— Извините, граф, если скажу что-то не так. Всё, что мы услышали от вас, слишком попахивает творением писателя-фантаста либо занимательным рассказом авантюриста. Это всё правда?

— Не стану убеждать вас, майор. Скептик прозреет лишь с помощью личного опыта. Оставьте ваши сомнения при себе до прибытия на Мадагаскар и понаблюдайте, как меня встретят малагасийцы, с каким благоговейным уважением относятся они к своему Ампансакабе.

Компаньоны стали высказываться. Допустим, граф рассказал правду и он в самом деле влиятельная фигура на Мадагаскаре. Каков прок от его влияния компании? Какую пользу смогут извлечь компаньоны из того, что он, граф Беньовский, носит огромную бляху и труднопроизносимый титул, который переводится как «император Мадагаскара»? Не пора ли выработать стратегию, которой должна следовать компания после того, как распродаст запасы своих товаров? На этот счёт компаньоны придерживались разных точек зрения. Американцы склонялись к тому, что наиболее прибыльным делом была бы работорговля. Некоторые англичане и французы предпочитали закупки тропических продуктов.

— Я выслушал вас, господа, — сказал под конец Беньовский. — Мы слишком долго заседали и устали. Поговорим о стратегии на свежую голову. Впереди у нас ещё много дней пути. А тем временем подумайте, чем я, Ампансакабе Мадагаскара, мог бы быть вам полезен.

На этом и разошлись.

Морис Август размышлял над тем, какое впечатление его признание произвело на концессионеров. Кажется, не очень-то ему поверили. Ведь и в самом деле в его рассказе много передержек. На тот кабар, состоявшийся 17 августа 1776 года в районе расположения экспедиционного корпуса, собралось не 62 вождя племён, а от силы два-три десятка старост соседних поселений. И они никак не могли представлять не только весь остров, но и более или менее его значительную часть. Какой смысл вкладывали старосты, узрев в руках Беньовского поддельный медальон и услышав фантастический рассказ о его якобы царственном происхождении, в пышный титул Ампансакабе, которым наделили Мориса Августа? Приходилось признать, что никакой реальной власти и тем более территорий исторический этот титул ему не давал. Не было ли слово «Ампансакабе» лишь почётным титулом, высокопарной формой обращения к обладателю медальона с царственной эмблемой? Ведь подобные формы обращения широко распространены на Востоке.

Зачем же Морис Август Беньовский вводил в заблуждение своих партнёров и знакомил их с фальшивым, якобы королевским медальоном, фальшивыми протоколами кабара, составленными задним числом им же самим? Отчасти из-за авантюрного склада своего характера и непомерного тщеславия. Он стремился произвести впечатление на партнёров, не очень-то признававших его лидерства, и добиться такого лидерства, добиться любой ценой.

Убеждая компаньонов в том, что он, Морис Август Беньовский, признан малагасийскими вождями верховным правителем острова,

авантюрист умалчивал о своём якобы царственном происхождении по женской линии. Эта фантастическая версия, в которую ещё могли поверить малагасийцы, вряд ли показалась бы серьёзной и убедительной американским, английским, французским дельцам.

А компаньоны шушукались, переговаривались за спиной Беньовского. Спрашивали друг у друга: а кто, собственно говоря, этот человек, называющий себя графом? Беззастенчивый авантюрист или удачливый баловень судьбы? Рассказ Мориса Августа о том, как малагасийские вожди признали его своим верховным правителем, вызывал сомнения. Кто-то из акционеров припомнил злополучную историю с фиумской фирмой, возглавлявшейся Беньовским. О ней писали некоторые газеты Англии и Франции. По мнению акционеров, поступки Мориса Августа Беньовского поражали отсутствием всякой логики. Если он действительно был властелином Мадагаскара и владельцем крупных земельных угодий на этом острове, стоило ли ему создавать в Фиуме мелкую торговую компанию, которая рассыпалась словно карточный домик после первых же неудач?

— Я вам говорю, господа, и буду повторять: этот граф, если он действительно граф, авантюрист и мошенник! — запальчиво воскликнул Колеруа.

— Не горячитесь, майор, — успокаивал его Пети. — В этом ещё надо убедиться.

— И убедимся.

Беньовский улавливал настороженную атмосферу на корабле, обрывки многозначительных недобрых фраз у себя за спиной, косые, недоброжелательные взгляды компаньонов. Он принял решение, что его защитной реакцией в подобной атмосфере должны служить невозмутимая выдержка, самоуверенность, начальственный тон, подобающий властелину огромного острова, и, конечно, меры самозащиты. Из каюты он выходил только в сопровождении Ивана Уфтюжанинова, слуги и телохранителя, а иногда и четырёх вооружённых слуг-гессенцев.

На очередном совещании в салоне корабля компаньоны обсуждали дальнейшую стратегию компании. Американцы всячески доказывали выгоду работорговли, которая принесла бы немалые прибыли. Спрос на африканских рабов на плантациях Юга Соединённых Штатов всегда велик.

— Что вы думаете на этот счёт? — спросил в упор Беньовского Колеруа.

— Что я думаю? Если работорговля столь прибыльна, как вы утверждаете, почему бы ею не заняться всерьёз? Но с некоторыми обстоятельствами мы всё же должны будем посчитаться.

— С какими ещё обстоятельствами?

— С чувствами малагасийских вождей. Они будут нашими компаньонами и союзниками. Вряд ли им придётся по душе, если мы станем обращать в рабство их подданных.

— Ненужные сантименты, граф.

— Дело не в сантиментах, дорогой Колеруа, а в практической целесообразности. Вам не доводилось бывать на Мадагаскаре, а я провёл среди малагасийцев немалый срок. Это народ малорослый. По физической силе и выносливости малагасиец намного уступает рослому чёрному африканцу.

— Выходит, предпочтительнее закупать чернокожих?

— Об этом я и толкую. Некоторые из вождей владеют африканскими невольниками. По сведениям, которыми я располагаю, на западном побережье острова проживает немало выходцев с материка. Так что не исключаю возможности приобретения прибыльного товара и непосредственно на Мадагаскаре. Если возникнет необходимость, совершим рейд и к африканскому берегу.

Пояснения Беньовского удовлетворили американцев. А Морис Август подытожил:

— Наша первейшая задача, господа, распродать по приезде на Мадагаскар все наши товары. А там посмотрим, что предложат нам малагасийцы.

— А что они могут нам предложить? — спросил один из англичан.

— Многое, господа. Рис, кофейные зёрна, ценные породы древесины, изделия местных ювелиров, кожу крокодила.

— Подумаешь, рис, дерево... Рабы — товар более прибыльный, — настаивал на своём Колеруа.

— Одно другого не исключает. Доберёмся до цели нашего путешествия, ознакомимся с местным рынком и сделаем окончательный выбор.

— Всё-таки рабы самый прибыльный товар, — упрямо твердил Колеруа.

Опять разгорелся яростный спор. Американцы выступали за работорговлю, англичане и французы проявляли осторожность и соглашались с Беньовским. Надо ознакомиться с местным рынком, посмотреть, что могут предложить малагасийцы, и взвесить все варианты.

Миновали мыс Доброй Надежды и взяли курс на северо-восток. После непродолжительного плавания по слегка штормившему Индийскому океану увидели на горизонте чёрную кромку берега Мадагаскара.

«Неустрашимый» бросил якорь на рейде у мыса Святого Себастиана.

Здешняя природа мало напоминала ту буйную и пышную тропическую флору с её неизменными джунглями, какую Морис Август наблюдал на восточном побережье острова. У южной оконечности Мадагаскара расстилалась засушливая саванна со скудной растительностью, реки и ручьи в сухое время года пересыхали. На берегу на скудном пастбище паслось стадо горбатых зебу. Виднелось несколько небольших поселений. Обычные малагасийские лёгкие хижины с остроконечными кровлями из камыша мало отличались от тех, какие Беньовский наблюдал прежде на востоке острова. Люди на берегу, заметив корабль, приветливо махали руками.

Беньовский распорядился спустить две шлюпки и пригласил компаньонов посетить берег.

— Не опасная затея? — осведомился Колеруа.

— Нечего опасаться. Малагасийцы народ мирный, дружелюбный. Охрану всё же возьмём для солидности.

Когда обе шлюпки пристали к берегу и путники высадились, их окружила небольшая толпа малагасийцев, не показывавших ни малейшего чувства робости. Среди них были и ребятишки. Моложавый широколицый мужчина, угадав в Беньовском главного, заговорил с ним на местном диалекте.

— Француз?

— Нет, мы торговцы из разных стран. Приплыли торговать с вами. Ваши друзья. Понимаешь?

Выяснилось, что местные жители принадлежали к племени или народу антануси и их диалект значительно отличается от диалекта северо-восточных соседей бецилисарака, которым неплохо владел Морис Август. Поэтому на первых порах собеседники плохо понимали друг друга, но потом кое-как приспособились. Беньовский старался строить простые, короткие фразы, по нескольку раз повторял их и дополнял речь жестами.

— Ты слышал что-нибудь об Ампансакабе? Ваши люди слышали об Ампансакабе?

— Нет, белый господин. Ничего не слышал. Кто такой Ампансакабе?

— Большой человек. Властелин острова.

— У нас есть свой большой человек. Живёт он в большой деревне вон за тем холмом. Зовут его Ламбуин.

Беньовский понял, что речь идёт о каком-то местном вожде или князьке, живущем неподалёку.

— И много селений подчиняется вашему Ламбуину?

— Много, белый господин, ох как много.

— Может быть, десять? — И Беньовский для ясности растопырил пальцы обеих рук.

— Нет, больше.

— Или десять и ещё раз десять?

— Может быть, а может быть, и нет. Точно не знаю.

— Тогда я попрошу тебя, парень...

— Рад услужить господину.

— Беги в деревню за холмом, где живёт твой большой господин Ламбуин. И передай ему: приплыли, мол, его друзья и приглашают в гости. Получит от нас хорошие подарки.

— Рад бы, да не могу. Мой брат с утра пасёт скот и очень устал. Я должен его сменить.

— А если получишь от меня подарок, побежишь?

— Если это хороший подарок...

Беньовский протянул малагасийцу складной нож и пачку табаку.

— Я побегу.

— Постой. Среди людей Ламбуина нет никого из племени бецилисарака?

— Как же, непременно есть. Это Ребеариверу, муж его дочери, торговец. Он пришёл с севера. У него своя лавка.

— Пригласи и торговца. Понял?

— Всё понял, мой господин.

Когда собеседник Беньовского удалился и небольшая толпа зевак рассеялась, Колеруа спросил Мориса Августа со скрытой издёвкой:

— Где же восторженная встреча повелителя? Я что-то не заметил её.

— Всему своё время. Да будет вам известно, господин Колеруа, что мои предшественники Ампансакабе никогда не распространяли свою власть на южную оконечность острова. Ядро моих владений — это восточное побережье Мадагаскара.

— У вас есть соперники на острове?

— Есть, к сожалению. И самый могущественный из них — король Имерины, который владеет центральным плоскогорьем. У него неплохая регулярная армия.

— И вы намерены подавить этого короля и объединить весь остров под своим скипетром?

— Вы правильно разгадали мои планы, Колеруа.

— Кто же вам поможет? Уж не наша ли экспедиция?

— Не переоцениваю её возможности. Полагаюсь на моих

малагасийцев. Я слишком много для них сделал, и они это оценили. Они для меня сделают всё.

Колеруа ничего не сказал на это, а только переглянулся с другими компаньонами. Потом, обмениваясь впечатлениями от этого разговора и высказываний Беньовского, все они дружно назвали его маньяком и авантюристом, для которого компания — только орудие личных честолюбивых планов.

Пока же, в ожидании прибытия местного вождя, или князька, Ламбуина, Беньовский предложил компаньонам выбрать место для товаров и осмотреть прилегающую местность.

Прошло немало времени, прежде чем компаньоны услышали ритмичные удары барабанов и гонгов. Из-за холма показалась длинная процессия, змеившаяся по тропе. Впереди несли на носилках вождя, за ним шли стражники, вооружённые кривыми арабскими саблями и португальскими ружьями, затем старейшины, одетые понаряднее других, и рядовые подданные. Ламбуин был ещё не дряхл, мускулист и облачен в рубаху, разукрашенную красивой национальной вышивкой.

При приближении процессии Морис Август сказал Уфтюжанинову:

— Давай-ка, Иван, медальон.

Иван открыл походную сумку и достал тяжёлый круглый диск из потускневшего серебра. Беньовский взял медальон из рук Уфтюжанинова и повесил себе на шею. Это не ускользнуло от внимания компаньонов. А Колеруа проговорил сквозь зубы:

— Посмотрим спектакль, господа.

Беньовский и Ламбуин обменялись поклонами и приветственными речами. Морис Август несколько раз подчеркнул в своей речи: мы мирные торговцы, пришли к тебе как друзья. Твои люди найдут у нас всё, что необходимо для жизни. Пусть Ламбуин разрешит торговать на своей земле, открыть здесь торговую факторию. Малагасийский вождь приветливо кивал головой в знак согласия.

Говорил Беньовский на языке бецилисарака, на котором говорит племя восточного побережья. Молодой малагасиец, стоявший по правую руку от вождя, бегло переводил речь Мориса Августа на местный диалект. Так что языкового барьера не возникало. Беньовский догадался, что переводчик и есть зять Ламбуина, торговец, прибывший сюда с севера.

Вождя одарили подарками. Он получил кинжал в серебряных ножнах, пёстрый, расшитый золотом кафтан и фаянсовую флягу с вином. Подарки поскромнее получил и переводчик. Подарками оба остались довольны. Получая из рук Беньовского кубок цветного стекла, Ребеариверу, зять

вождя, сказал с удивлением:

— Я видел это изображение на дощечках во многих домах моих соотечественников. — Ребеариверу показал на медальон Мориса Августа. — Солнце и бабакота, которого мы почитаем... Это же знак великого властелина Ампансакабе.

— Ты прав. Эта бесценная реликвия досталась мне в наследство от потомков великого властелина.

— Так это ты тот самый большой белый человек, которого старосты называли уважительно Ампансакабе как владельца наследственного медальона?

— Тот самый, как видишь.

— Говорят, этот серебряный медальон имеет магическую силу.

— Огромнейшую.

Ребеариверу сказал что-то Ламбуину и потом склонился в низком поклоне перед Беньовским и, выпрямившись, благоговейно поцеловал его медальон. То же самое сделал вслед за зятем и вождь, а потом их примеру последовали старейшины.

— Видите? — многозначительно, с задором азартного игрока произнёс Беньовский, обращаясь к компаньонам. — Почитают ещё малагасийцы своего властелина.

Компаньоны, поражённые впечатляющим зрелищем, помалкивали. Только Колеруа шепнул стоявшему рядом с ним Пети:

— Этот Морис сущий дьявол или великий мошенник, ловко разыгравший спектакль.

— Согласен с вами, — также шёпотом ответил ему Пети. — Если он и дурачит всех нас, то делает это весьма ловко.

С Ламбуином Беньовский заключил устное соглашение, подкреплённое целованием медальона с эмблемой великого властелина. Местный вождь соглашался на открытие в районе мыса Святого Себастиана торговой фактории и на свободную продажу привезённых товаров во всех подвластных ему селениях. В порядке дружеской услуги Ламбуин посылал в распоряжение компании рабочую силу — три десятка молодых малагасийцев, которые могли быть использованы на заготовке строительного материала, возведении склада товаров и дома для приказчиков и охраны. Он, вождь Ламбуин, и приезжие заморские купцы отныне будут кровными друзьями.

Эту часть устного соглашения Морис Август перевёл компаньонам и спросил, нет ли с их стороны каких-нибудь возражений. Возражений не последовало.

— Видите, господа, моё влияние здесь что-нибудь да значит, — самодовольно сказал Беньовский компаньонам.

Далее Ламбуин пожаловался Морису Августу, что у него сложились далеко не дружественные отношения с северным соседом, вождём сакалавского племени Буэни, который платит дань королю Имерины и получает от него оружие. Этот Буэни стремится подчинить себе южных соседей и не раз угрожал Ламбуину войной.

— Друзей мы не оставляем в беде, — многозначительно изрёк Морис Август. — В случае опасности мы поможем тебе, нашему другу. И твой северный сосед не посмеет больше наносить тебе обид.

Эти слова Беньовский не стал переводить компаньонам. Однако один из них спросил настороженно:

— Что вы сказали, граф, вождю?

— Так... ничего существенного. Общие , слова о дружбе. Туземцы это любят.

Практическая деятельность компании началась. Строители возводили на берегу постройки. Судовой команде помогали малагасийцы. Они же доставляли строительный материал. Временно, пока шло строительство, торговлю развернули в большой брезентовой палатке. Товары доставляли с корабля на шлюпках небольшими партиями. Беньовский продал оптом партию товаров, главным образом всякую домашнюю утварь, лавочнику Ребеариверу, зятю Ламбуина. Историю этого лавочника Морис Август знал. Знакомый Беньовского, торговец-араб Хамуд, компаньон французских купцов с острова Маврикий, вполне преуспел и расширил торговые операции. Он привлёк в качестве одного из помощников смышлёного и расторопного малагасийца Ребеариверу. Но года два тому назад Хамуд умер и дело перешло к его сыну. Тогда малагасиец решил заняться самостоятельными торговыми операциями и подался на юг. Там он познакомился с Ламбуином, женился на одной из его дочерей и открыл лавку в его поселении.

От Ребеариверу Беньовский узнал, что от прежнего французского экспедиционного корпуса, которым когда-то доводилось ему командовать, практически ничего не осталось. Одни солдаты умерли от болотной лихорадки, другие отплыли с острова. Строения бывшего форта пришли в ветхость и запустение, и их поглотили тропические заросли. Заброшена и церковь. Уехал за отсутствием паствы священник. Весь местный гарнизон состоит теперь из десятка солдат во главе с сержантом, оставленных для охраны торговых складов. Солдаты не французы, а наёмники-индийцы. Лишь сержант, кажется, белый.

Строительством руководил капитан Гратероль, француз, служивший прежде в инженерных частях. А Пети отвечал за торговлю, которая шла вяло, хуже, чем можно было ожидать. Малагасийцы довольствовались малым и в быту обходились преимущественно предметами домашнего ремесла. Если малагасиец имел в хозяйстве две кастрюли, то он задумывался — а нужно ли покупать третью? Более охотно раскупались ножи, топоры, рабочие инструменты. Другая проблема возникала с оплатой. Хорошо, если у покупателя находились турецкие или португальские монеты. А часто не было никаких, и покупатель предлагал в обмен на нужный ему товар гроздь бананов или другие местные продукты, в которых акционеры не нуждались.

По приглашению Ламбуина Беньовский, сопровождаемый свитой, нанёс ему визит. Принимали его малагасийцы торжественно, как почётного гостя. Устроили в честь него пиршество с плясками и выступлением музыкантов. Морис Август приглашал и компаньонов присоединиться к нему. Но большинство отказалось, а Колеруа даже огрызнулся:

— Мы торговать приехали, а не развлекаться.

— Ошибаетесь, мой друг. И развлекаться, если это нужно для укрепления добрых отношений с туземцами, — возразил ему Беньовский.

Потом Морис Август пригласил Ламбуина со старейшинами на корабль, угощал их и одаривал подарками.

Отношения Мориса Августа с компаньонами опять становились напряжёнными. Акционеры упрекали его в эгоизме и честолюбии, в том, что собственные своекорыстные интересы он ставит выше интересов компанейских. Высказывали неодобрение, что он слишком щедр на подарки туземцам, сделал неоправданно большую скидку лавочнику при продаже ему оптовой партии товаров. И вообще он, Беньовский, не вникает в то, как плохо идёт торговля. Он совсем не осведомлён об особенностях местного рынка.

На последний упрёк Беньовский ответил:

— Мы должны расширять рынок. Это наш единственный выход. С этой целью я готовлюсь вступить в контакт с соседним вождём.

Американские компаньоны усиливали давление на Беньовского, настаивая, чтобы незамедлительно приступить к закупке чернокожих рабов. Морис Август отвечал на требования американцев уклончиво, идею работорговли не отвергал, но тянул с решением.

— Сперва распродадим товары. И изучим малагасийский рынок. Может быть, найдём здесь товар несоизмеримо более выгодный, чем невольники.

— Что может быть выгоднее продажи рабов? — возразил ему Колеруа. Американец французского происхождения, он был связан с хлопковыми плантациями южных штатов.

— А ценная древесина тропиков? — бросил в ответ ему Беньовский.

С помощью людей Ламбуина Морис Август собрал образчики древесины чёрного, красного и ещё всяких иных цветов вплоть до белого и жёлто-лимонного. Оказалось здесь и дерево со стойким ароматным запахом. Всю эту коллекцию Беньовский выставил в салоне корабля и пригласил компаньонов.

— Обратите внимание, господа, каков запах! — восторженно говорил Морис Август. — Какие оттенки древесины! Какие вещицы сделают вам краснодеревщики! Какой можно настелить узорчатый паркет!

— Много хлопот с этими деревяшками, — скептически сказал Пети. — Придётся открывать лесозаготовки. И к тому же здесь, в этой унылой местности, я что-то не вижу хороших деревьев.

— Древесину нам поставят туземцы. Это уж не наша забота.

Опять разгорелся спор. Сторонники работорговли настаивали на своём и не заинтересовались ценной древесиной.

По просьбе Беньовского Ламбуин послал к северному соседу Буэни гонца, расторопного парня, с устным посланием: «Приплыли заморские купцы с разными товарами. Они хотели бы открыть торговлю и на землях любезного нашего брата и соседа Буэни. Для этой цели предводитель приплывших купцов хотел бы лично встретиться с тобой, братом Буэни, и сделаться твоим другом». Таково было содержание послания.

Гонец достиг после нескольких дней пути поселения, где обитал соседний вождь. Буэни ответил Ламбуину ответным посланием и выразил готовность встретиться с их предводителем. Более того, Буэни сообщил, что не хотел бы утруждать большого белого человека дальней дорогой и готов сам направиться к границам владений южного соседа, навстречу гостю.

Беньовский поставил в известность компаньонов о своём намерении встретиться с Буэни.

— Два соседних вождя враждуют. В наших интересах их помирить, — сказал Морис Август компаньонам.

— Какое нам дело до их вражды? — сказал с возмущением Колеруа. — У нас плохо идёт торговля. Об этом бы подумали, граф, а не развлекались визитами к туземным вождям.

— Именно о торговле и пекусь, коллега. Сумеем наладить добрые отношения с Буэни — откроем на его землях филиал нашей фактории.

Разве не ясно?

Не убедил Беньовский своих компаньонов. Слишком велико было их предубеждение против Мориса Августа, слишком накалились отношения между ними. Отправлялся Беньовский на встречу с Буэни, провожаемый хмурыми взглядами и недружелюбными репликами. Его сопровождала небольшая свита: неизменный Иван Уфтюжанинов, четверо вооружённых слуг-гессенцев и ещё пятеро стражников, также гессенцев, из компанейской охраны. Всего десять человек, не считая двух проводников из местных малагасийцев.

— Не скучайте без меня, господа. Через пару дней вернёмся! — задорно крикнул Морис Август компаньонам, удаляясь.

Через некоторое время послышались отдалённые выстрелы. Стреляли где-то к северу от мыса Святого Себастиана. Уж не перестрелка ли это отряда Мориса Августа с людьми Буэни? Такой вопрос задавали друг другу компаньоны, оставшиеся на берегу. Они были растерянны и встревоженны.

— Господа, мы рискуем столкнуться с враждебным племенем, — сказал Гратероль. — Как видно, племя вооружено огнестрельным оружием. Что мы сможем поделать, когда у нас осталось лишь несколько охранников?

— А мы сами на что? — запальчиво возразил Колеруа. — Среди нас есть военные, вооружённые пистолетами. Примем бой.

— И умрём геройски под пулями дикарей. Мы не знаем, сколько их, сколько у них оружия, каковы их намерения. Так стоит ли игра свеч?

— Что вы предлагаете, Гратероль?

— Немедленно покинуть побережье и возвратиться на корабль.

Большинство компаньонов поддержали его.

— Не забывайте, что на берегу остаются товары, — пытался возражать Пети.

— Не велика потеря. Стоит пожертвовать малым, чтобы не рисковать жизнью. Большая часть товаров находится в трюме «Неустрашимого».

Сняв стражу, охранявшую склад с товарами, компаньоны возвратились на корабль и принялись совещаться, как поступить дальше. Решили ожидать Беньовского в течение двух суток. Если же Морис Август по истечении этого срока не вернётся, считать его погибшим, сняться с якоря и идти к берегам португальского Мозамбика. Так и поступили.

Достигнув Мозамбика, компаньоны распродали оптом португальским купцам остатки товаров, а затем перессорились. Причиной ссоры послужила делёжка выручки и спор из-за цен на рабов. Некоторые англичане и французы вообще не хотели связываться с работорговлей и не

одобряли поспешного бегства с Мадагаскара. Не придя к соглашению, акционеры компании продали корабль португальцам и разъехались по домам. Компания прекратила своё существование.

Уже покидая Мозамбик на попутном корабле, направлявшемся с партией рабов в один из южных портов Соединённых Штатов, кто-то из американских компаньонов спросил Колеруа, питавшего наиболее откровенную вражду к Морису Августу:

— Вы верите, что граф действительно был признан малагасийцами властителем острова?

— Абсолютная ложь.

— Но как вы объясните эту впечатляющую демонстрацию серебряного медальона?

— Очень просто объясняю. Эта бляха, возможно, и принадлежала когда-нибудь одному из прежних правителей Мадагаскара. Беньовский мог заполучить её как военный трофей или купить у какого-нибудь торговца. Малагасийцы поклонялись эмблеме загадочного короля, известного им по преданиям и легендам, а вовсе не графу, у которого вдруг оказалась в руках эта вещица. Кстати, я не уверен, что он настоящий граф.

Какова же была дальнейшая судьба Беньовского?

Вождь сакалавского племени Буэни встретил гостя приветливо. Его воины открыли в честь Беньовского приветственную пальбу из ружей. Её-то перетрусившие компаньоны, находившиеся на берегу, приняли за перестрелку маленького отряда Мориса Августа с племенем сакалава. На самом же деле никакого столкновений не произошло. Беньовский одарил вождя и его приближённых подарками. Буэни устроил для гостей внушительное экспрессивное зрелище. Десятка два его воинов, разделившись на две партии, исполнили воинственный танец с копьями и щитами, изображая сражение. Переговоры Мориса Августа с Буэни проходили спокойно, деловито. Вождь высказал заинтересованность в торговле с заморскими купцами, обещал не притеснять своего соседа Ламбуина и даже нанести ему дружественный визит. Щедрые подарки гостя сделали Буэни покладистым и сговорчивым. После переговоров вождь пригласил Беньовского поохотиться на кабанов, а затем угощал его и его спутников обильной едой.

Возвратился Морис Август на мыс Святого Себастиана не через пару дней, как обещал, а через три дня. Велико же было его удивление, когда он не увидел на рейде «Неустрашимого». От малагасийцев он узнал, что ещё накануне корабль поднял паруса и исчез за горизонтом. Компаньоны бросили Мориса Августа на произвол судьбы, посчитав его погибшим или,

скорее всего, сделав вид, что посчитали его погибшим. На корабле остались и личные вещи Беньовского, парадный камзол с фальшивыми орденами, часть его казны, которой не замедлят воспользоваться компаньоны. Слава Богу, другая часть казны, как и драгоценный медальон, при нём. Саквояж с ценностями и документами носит верный слуга и страж Уфтюжанинов.

— Что теперь будем делать, мой господин?! — воскликнул Иван.

Гессенцы хмуро устремили взгляд на Беньовского, ожидая от него ответа.

— Что делать будем? Работать и уповать на Бога и на наших малагасийских друзей, — уверенно ответил Морис Август. — Разве малагасийцы не почитают меня как своего Ампансакабе?

К жителям ближайших селений Беньовский обратился с призывом поступить к нему на службу, обещая подарки и жалованье. Вызвалось служить ему около десятка человек. Со своим отрядом, состоявшим теперь наполовину из гессенцев и наполовину из малагасийцев, Морис Август решил переместиться севернее по восточному побережью, туда, где начинались поселения племени бецилисарака. Владея языком этого племени, Беньовский рассчитывал возобновить связи с местными вождями, которые когда-то признали в нём наследника Ампансакабе. Что из того, что вожди эти были лишь старостами отдельных поселений и их насчитывалось не так много? Да и вкладывали ли они в акт признания тот смысл, который был угоден Морису Августу? Или слово «Ампансакабе» звучало в устах малагасийских старост лишь как витиеватое восточное обращение?

Беньовский старался уверить себя, что начало утверждению его власти над островом положено. Пусть это утверждение начинается с малого, с чисто символичного признания его в роли Ампансакабе двумя-тремя десятками старост поселений. За этими двумя-тремя десятками последуют и другие, не только старосты поселений, но и влиятельные вожди племён, короли. И сам могущественный властитель Имерины на центральном плато склонит перед ним голову. Он, Морис Август, заставит признать себя как Ампансакабе и французов, которые зарятся на остров и имеют на его восточном побережье несколько торговых факторий.

Ламбуин снабдил Беньовского туземными лодками-пирогами, выдолбленными из цельных стволов дерева. В них погрузили товары, ещё остававшиеся на складе, и небольшой отряд, выждав благоприятную погоду, когда океан был спокоен, поплыл на север вдоль восточного берега Мадагаскара. Местный вождь Ламбуин, задаренный подарками и

примирившийся на какое-то время при посредничестве Мориса Августа с задиристым северным соседом, охотно оказал Беньовскому и его спутникам услугу — снабдил их продуктами. Может быть, вождём руководило и скрытое желание поскорее избавиться от честолюбивого чужеземца.

Отряд высадился в Антонгильской бухте. На некотором удалении от океанского побережья, в верховьях небольшой извилистой реки Беньовский заложил укреплённое поселение, назвав его в свою честь Маурициия.

— Это будет моя столица, — объяснил он своим спутникам. — В будущем вы увидите здесь храм, мой дворец, казармы, торговые помещения.

Пока же возводили наспех несколько лёгких хижин из бамбука, крытых пальмовыми листьями. В самой большой размещался сам Беньовский с Иваном Уфтюжаниновым, которого теперь Морис Август называл своим адъютантом. Две другие предназначались для гессенцев и малагасийцев. Были ещё хозяйственный амбар и склад для товаров. Вот и вся Маурициия. Беньовский распорядился окружить поселение укреплениями, состоящими из невысокого земляного вала с бойницами и рва, за которыми можно было бы укрыться от противника.

Один из гессенцев, Хорст, оказался бывшим капралом армии Соединённых Штатов. Ему Беньовский поручил руководить возведением укреплений. А сам, сопровождаемый Иваном и двумя малагасийцами, посещал окрестные селения, знакомился с их старостами и старейшинами. В селениях он неизменно появлялся украшенный тяжёлым серебряным медальоном, якобы принадлежавшим великому Ампансакабе и доставшимся ему по наследству от матери, малагасийской принцессы. Рассказывал неправдоподобную историю о царственном своём происхождении и законных правах на верховную власть над островом.

Малагасийцы верили и не верили ему, но сомнений не высказывали, от споров уклонялись, встречали гостя почтительно и, обращаясь к гостю, называли его «Ампансакабе». И опять Морис Август оставался озадаченным. А что, собственно говоря, кроется за этим словом? Сверхвежливое восточное обращение или признание его владетельных прав?

В одном отдалённом поселении Беньовский встретил знакомого старосту, участника кабара-сходки 17 августа 1776 года. Староста поклонился и приложился к его медальону.

— О, великий Ампансакабе удостоил нас долгожданным визитом! — высокопарно произнёс малагасиец.

— Ампансакабе снова среди старых друзей, — в тон ему ответил

Беньовский.

— Пусть великий Ампансакабе поможет нам, бедным людям.

— Ты нуждаешься в помощи, мой друг?

— Очень нуждаюсь, великий.

Из разговора со старостой Беньовский узнал, что французские торговцы, которые держат поблизости две фактории, развернули настоящую охоту на чернокожих африканцев. Немало чернокожих пребывают в рабстве у короля Имерины, а в его войске имеются рабы-солдаты. Многие из рабов, не смирившись со своей участью, бегут на восточное побережье и находят прибежище в селениях у бецилисарака. Некоторые беглецы становятся равноправными общинниками и заводят своё хозяйство, другие нанимаются в работники к богатым малагасийцам. Купцы-французы стараются всякими хитростями, а чаще всего с помощью недорогих подарков выманить у хозяев африканцев и увезти их на корабль. Если это не удаётся, чернокожих просто хватают силой дюжие купеческие слуги. Бывали случаи, когда хватали и куда-то увозили и малагасийцев. Беньовский понял, что на восточном побережье действовала наглая и сплочённая шайка работорговцев.

— Я помогу моим друзьям, — сказал Морис Август. — И мы покончим с этим злом.

— Как ты собираешься это сделать? — спросил староста.

— Мы соберём большой кабар. Пусть малагасийские вожди подтвердят мою власть наследника великого Ампансакабе. А я берусь организовать защиту порядка и справедливости. У нас будут свои вооружённые силы. Я выберу для военной службы самых достойных и ловких молодых людей. Что скажешь?

— Я должен посоветоваться с моими соседями. Думаю, мы соберём кабар.

— Вот и договорились.

Беньовский продолжал переговоры со старостами и настаивал на проведении большого кабара, сходки старост и вождей. Но неожиданное злополучное происшествие прервало его усилия. Гессенцы в его отсутствие пограбили одну из французских факторий да ещё крепко побили главного приказчика-француза, пытавшегося оказать грабителям сопротивление.

Морис Август сам отправился на факторию урегулировать досадный инцидент. Сопровождали его неизменный Иван и ещё несколько малагасийцев. Выяснилось, что гессенцы похитили со склада фактории два ящика табака и несколько бутылок французского вина.

Ущерб, нанесённый фактории, был не столь уж велик, чтобы

поднимать из-за него большой шум.

— Очень сожалею, что мои ребята нанесли вам некоторый урон, — сказал Беньовский с сочувствием главному приказчику фактории.

— И вы говорите о некотором уроне! Фактория подверглась разграблению, избит её служащий...

— Повторяю, я очень сожалею о случившемся и накажу виновников. Назовите сумму ущерба, и я возмещу её. А побитому служащему выплачу моральную компенсацию. Речь идёт, очевидно, о вас. Вижу под вашим глазом большой синяк.

— Назову. Но сперва позвольте узнать, кто вы такой. Почему вы и ваши люди вторглись в сферу французских интересов? По выговору я догадался, что грабители были немцами.

— Ни о какой сфере французских интересов я не знаю. Ни в одном из международных актов ничего не сказано о подобной сфере. Пока что Мадагаскар ничейный остров, управляемый туземными вождями. Прибыл я сюда с коммерческими целями по приглашению моих малагасийских друзей. А имя моё, если это вас так интересует, Морис Август де Бенёв.

— Тот самый? — удивлённо переспросил приказчик.

— Да, чёрт возьми, тот самый! Бригадир французской армии, бывший командующий экспедиционным корпусом, кавалер ордена Святого Людовика, обласканный его величеством королём.

— Премного наслышан о вас, мосье.

— Так вы назовёте мне сумму ущерба, нанесённого моими людьми? Надеюсь, сумма будет названа реальная. Я смог выяснить, что в грабеже принимали участие четыре человека, мои наёмники, бывшие солдаты армии Соединённых Штатов. Они воспользовались только вашим табаком и вином. Вряд ли четыре человека могли унести на себе слишком большой груз.

Приказчик назвал сумму, с которой Морис Август не согласился.

— Я надеялся услышать реальную цифру. Не жадничайте, мой дорогой, а то я передумаю, и вы ничего от меня не получите.

— Назовите же свою сумму, господин бригадир.

— Извольте.

И Беньовский назвал.

— О мосье, это разорение для фактории, — причитал приказчик. — Ваши молодчики унесли такой отличный индийский табак. Но я согласен. Это всё же лучше, чем ничего.

— Не прибедняйтесь, мой дорогой. Я поступил с вами по-доброму. А вот эта сумма лично вам как потерпевшему. В возмещение морального

ущерба.

— Скорее физического. Посмотрите на все мои синяки и ссадины.

— Подумаешь! Будьте мужчиной. Хотел бы полюбопытствовать, когда вы ожидаете торговое судно с Маврикия?

— В конце месяца придёт шхуна.

— Вы сможете передать капитану шхуны моё письмо для губернатора Иль-де-Франса?

— Конечно.

— А кто сейчас губернатором на Маврикии?

— Господин де Сульяк. Человек сравнительно молодой, характера твёрдого и энергичного.

— К сожалению, незнаком с ним.

Не откладывая задуманное дело, Беньовский попросил у приказчика перо и чернила и тут же, в помещении фактории, принялся за письмо. Бумага и конверт с именной печатью нашлись в саквояже Уфтюжанинова. Содержание этого письма было таково. Он, Морис Август де Бенёв, австрийский подданный, служивший прежде его величеству королю Франции Людовику, сохраняет глубокое уважение к Франции и достойному представителю французской короны в Индийском океане господину де Сульяку. Французы вольны беспрепятственно посещать его, графа де Бенёва, владения для торга, но впредь должны отказаться от закупки невольников и их продажи. С малагасийскими племенами заключён кровный союз, и, избранный ими верховным властелином, он не потерпит торга, нарушающего мирное спокойствие острова. Под этим посланием стояла подпись: «Морис Август. Великий Ампансакабе (верховный правитель) Мадагаскара».

В приписке к основному тексту письма Беньовский высказал глубокое сожаление по поводу «небольшого ограбления» французской фактории. В его охранном отряде оказались отдельные недисциплинированные лица. Он, Морис Август, строго наказал злоумышленников и нанесённый ими ущерб фактории возместил. Так что возникший было конфликт полюбовно урегулирован.

Насчёт строгого наказания злоумышленников Беньовский приврал. Он ограничился только назидательной беседой. Гессенцы выслушали его хмуро, огрызаясь и напомнив, что давно уже не получали от него жалованья. Морис Август понял, что никаких средств дисциплинарного воздействия на этих гессенских парней у него нет. На гауптвахту не посадишь, публичную порку не пропишешь, в зубы не дашь. Ещё, пожалуй, получишь сдачу. Выругавшись скверно, он оставил гессенцев в

покое.

Беньовский продолжал встречи и переговоры со старостами поселений, убеждал их собраться на большой кабар. Старосты уважительно называли его «Ампансакабе», иногда помогали ему продуктами. А один из них прислал Морису Августу по его просьбе рабочую силу для строительства земляных укреплений. Всем окрестным старостам Беньовский сообщил, что решительно потребовал от французов прекратить охоту на людей и продажу их в рабство. Эту новость малагасийцы выслушали с удовлетворением.

Прошло уже несколько месяцев пребывания Мориса Августа на Мадагаскаре. Его письмо наконец попало в руки де Сульяка. Прочитав послание, губернатор был охвачен яростью. Он сбросил с письменного стола любимую фарфоровую статуэтку, которая упала на пол и разбилась вдребезги, потом вызвал секретаря и приказал собрать на совещание ближайших чиновников и начальника небольшого гарнизона капитана Лоршера.

— Каков нахал, господа! — воскликнул губернатор, потрясая письмом, когда все собрались. — Авантюрист, мошенник и ещё... самозванец. Провозгласил себя, видите ли... Ампансакабе. Так, кажется, звучит это слово по-малагасийски. Перевести это можно как император. Каково? Беглый каторжник становится императором?

Де Сульяк передал послание Беньовского капитану Лоршеру. Письмо пошло по рукам. А губернатор продолжал:

— Мой предшественник Дюма охарактеризовал мне сего авантюриста и мошенника нелицеприятно. И вот теперь посланием оным бывший командир экспедиционного корпуса на Мадагаскаре открыл нам свои карты. Выходит, что служба его королю Людовику, Франции была только ловким прикрытием собственных честолюбивых замыслов. Морис Август де Бенёв — наш вероломный недруг.

— И что будем делать с ним, ваше превосходительство? — спросил начальник гарнизона.

— Действовать, мой капитан. Решительно действовать. Даю в ваше распоряжение полуроту солдат, и с Богом! Завтра же отправляйтесь на Мадагаскар и изловите этого каналью, а гнездо его разбойное испепелите. По моим сведениям, де Бенёв не располагает серьёзной военной силой.

— Как прикажете поступить со смутьяном?

— Без нужды оружия не применять. А впрочем... действуйте по обстоятельствам, Лоршер.

В мае 1786 года отряд под командованием капитана Лоршера

высадился на восточном побережье Мадагаскара и углубился в лес в направлении Маурикии. Беньовский был предупреждён малагасийцами о высадке французов. Он пытался организовать оборону укреплённого поселения. Но когда отряд Лоршера атаковал Маурицию, гессенцы отстреливались вяло и при первом же серьёзном натиске побросали оружие. Их примеру последовали и малагасийцы. Мориса Августа настигла вражеская пуля. Он упал навзничь, раненный в голову. В течение нескольких минут его тело ещё судорожно вздрагивало, а потом осталось неподвижным.

Впоследствии, докладывая губернатору об успешном завершении операции, капитан Лоршер утверждал, что он не желал убийства Беньовского. Морис Август погиб якобы случайно, от шальной неприцельной пули. Вряд ли это было так. Командир отряда истолковал указание де Сульяка «действовать по обстоятельствам» как желательность физического устранения опасного смутьяна.

— Что прикажете делать с убитым? — спросил ротный фельдфебель капитана, когда оба убедились, что Беньовский мёртв.

— А делай с ним что хочешь, — равнодушно ответил Лоршер. — Можешь в речку выбросить, чтоб не возиться. Пусть крокодил полакомится.

— Ваша милость! — взмолился Уфтюжанинов, услышавший этот разговор. — Христом Богом молю... Разрешите похоронить по-людски. Ведь все мы христиане, одному Господу Богу молимся.

— Кто таков?

— Слуга его. Разрешите земле предать господина моего, а не бросать как пса.

— Ладно, хорони. Хотя барин твой хуже пса шелудивого.

— Бог всем нам судья.

Иван уговорил одного из гессенцев, самого молодого и покладистого, помочь ему вырыть могилу. Другие гессенцы, хмуро понурившись, молча наблюдали за похоронами под охраной конвойного солдата-француза. Беньовского они не любили и из-за его гибели не печалились.

Уфтюжанинов вытер влажной тряпицей окровавленную голову господина. Вдвоём с молодым гессенцем они вырыли неглубокую могилу в глинистом тяжёлом грунте и похоронили покойника. На земляном бугорке Иван поставил бамбуковый колышек с перекладиной, подобие креста, и прочитал молитву по-русски. Малагасийцы, служившие Беньовскому, поклонились могиле.

Капитан Лоршер отдал распоряжение поселение сжечь, а окружавшие

его земляные насыпи сровнять. Малагасийцев он отпустил на все четыре стороны, а гессенцев и Уфтюжанинова распорядился конвоировать на корабль. Из имущества Маурикии французы прихватили только оружие, да своему денщику Лоршер приказал взять саквояж Беньовского, предварительно исследовав его содержимое. В нём оказались деньги, большая бляха, или медальон, из потемневшего серебра с выгравированным рисунком и папка с бумагами. Бляху капитан оставил себе на память, деньги были оприходованы в колониальную казну, а исследованием бумаг занялся сам губернатор.

В папке Беньовского де Сульяк обнаружил грамоту за подписью австрийского императора Иосифа II, уполномочивавшего Мориса Августа на завоевание Мадагаскара под покровительством Австрии. В этой же грамоте упоминалось о решении кабара малагасийских вождей, признававших Беньовского Ампансакабе, верховным правителем острова. Человек весьма искушённый в бюрократическом делопроизводстве, губернатор легко выявил в бумаге несколько огрехов и пришёл к убеждению, что о на .поддельна. В папке кроме того оказалась грамота на имя компаньона Эйссена де Магеллана, которого Морис Август назначил своим представителем в Европе для связей с правительствами, обществами и частными лицами. Ещё одна грамота возводила кавалера Генского в ранг государственного секретаря и наместника Мадагаскара.

Комментируя эти документы, исследователь В. И. Штейн пишет: «Трудно сказать, где мистификация переходит в действительность».

Иван Уфтюжанинов подвергся долгим допросам. Допрашивал его сам де Сульяк. Губернатора интересовала вся эпопея Беньовского от привлечения компаньонов и плавания на «Неустрашимом» до деятельности на Мадагаскаре. Иван многое рассказал. Но когда де Сульяк спрашивал о дальнейших намерениях Беньовского и о том, действительно ли малагасийцы признали в Морисе Августе своего повелителя, Иван отвечал:

— Что было на уме у моего господина, не могу сказать. Он со мной никогда этим не делился. Я ведь был только слуга и телохранитель. Признавали туземцы в моём господине повелителя? Могу сказать, что относились к нему почтительно, а он всегда держался начальственно, как большой человек.

Убедившись в том, что Иван как источник информации исчерпан, губернатор спросил равнодушно:

— Что собираешься дальше делать?

— Коли не отправите на каторгу, ваша милость...

— Кому ты нужен, бродяга! Связался с мошенником, авантюристом,

самозванцем.

— Бог нам судья. Хотел бы добраться до вдовы покойного и поведать ей горькую весть.

— Вот и добирайся. Это уже теперь твоя забота. Можешь наняться матросом на ближайший корабль.

— Премного благодарен вам за совет, ваша милость.

Матросом Уфтюжанинов не стал наниматься. Слава Богу, солдаты-французы не учинили ему личный сыск и не узнали, что в поясе его брюк искусно защиты серебряные монеты — жалованье, которое выплачивал ему хозяин, С телохранителями Беньовский расплачивался исправно. За небольшую плату Иван получил место на нарах в трюме шхуны, отплывавшей из Порт-Луи в Лорьян, и питание в общем кубрике вместе с матросами.

Повторялся знакомый путь через Атлантику, жестокий шторм в Бискайском заливе. Наконец после долгих дней и недель пути показались стены старой крепости и шпили церквей Лорьяна.

Ивану Уфтюжанинову посчастливилось встретить Бюиссона. Одряхлевший полковник уже не был командиром порта, а пребывал на покое, однако же некоторое влияние в гарнизоне сохранил. Он выслушал Ивана, посочувствовал и пристроил его к военному обозу, направляющемуся в Париж. Перед отъездом Уфтюжанинов побывал на песчаном пустыре за кладбищем, где покоились пятеро его товарищей по камчатской эпопее, умершие в лорьянском госпитале. Их могилы были заброшены, неухожены, поросли бурьяном. Иван выполол бурьян, поклонился могилам и наспех прочитал молитву.

В Париже он отыскал австрийское посольство. Там он опять был вынужден повторить рассказ о горестной судьбе своего господина и слёзно просил помочь ему добраться хотя бы до Вены. После долгих его слёзных просьб посол пристроил Ивана слугой дипломатического курьера, возвращавшегося в австрийскую столицу. А далее, после долгих мытарств .и скитаний по дорогам империи, добрался исхудавший, обносившийся Иван до трансильванского имения Вецке, или Вербова, как называли его иногда на славянский лад.

Глава двадцать шестая

Фредерика выслушала рассказ Ивана Уфтюжанинова отрешённо, бесстрастно. Лишь несколько раз прерывала его словами:

— Я знала, что он плохо кончит. Зачем ему было всё это?

А когда Иван кончил грустный свой рассказ, Фредерика сказала устало:

— Иди, я должна побыть одна. Постой. Пообносился ты, Иван. Скажи дворецкому, чтобы справил тебе новый сюртук и сапоги. Как жаль, что ты стал таким широкоплечим и рослым. А то я подобрала бы тебе полный гардероб из вещей Мориса. Пусть тебя хорошо накормят и истопят для тебя баньку.

— Спасибо, госпожа. Вы так добры ко мне.

— Не стоит благодарности. Ты заслуживаешь большего. Так настрадался, Иван, из-за своего шалопута господина.

— Бог ему судья.

— А теперь иди. Если ты мне понадобишься, позову.

В костёле сельский священник служил поминальную мессу по убиенному рабу Божьему Морису. Фредерика на мессе не присутствовала, сказавшись больной. Отец Стефан сам пригласил Ивана Уфтюжанинова в костёл.

— Ты хотя и схизмат, Иван, а отдать последний долг покойному не грех. Ты хороший человек, верно служивший господину. И это Бог зачтёт тебе. Приди в храм, и пусть спустится на тебя благодать истинной веры.

Священник всё ещё надеялся обратить Уфтюжанинова в католичество. И он знал, что этого хочет и госпожа Фредерика.

Прошло недели две затворничества овдовевшей хозяйки. Наконец Фредерике зачем-то понадобился Иван, и она вызвала его к себе через горничную. Не без робости вошёл он в просторную опочивальню, слабо освещённую огнём камина. Перед камином стояла Фредерика. Она была в ночном халате из прозрачной арабской ткани. Сквозь тонкую ткань на фоне пылающих поленьев просвечивало розовое женское тело, крепкие мускулистые икры ног, полные бёдра, живот. Фредерика стояла, скрестив руки и прикрывая груди. Крепкий аромат парижских духов, смешивавшийся с запахом горелого дерева, исходил от женщины, кружил голову, дурманил.

Иван застыл в робости и замешательстве, не в силах оторвать глаз от прекрасного розового тела хозяйки, не решаясь пошевелиться, произнести слово. Фредерика первая нарушила напряжённое молчание.

— Молодцом выглядишь, Иван. Новый сюртук тебе к лицу. Хорошо тебя приодели.

— Благодарствую, моя госпожа.

— Не стоит благодарности. Мне нужна от тебя другая благодарность. Подойди же ко мне и не бойся. Ведь я не кусаюсь.

— Шутить изволите.

— Подойди же, Иване. И обними бедную Фредерику, приласкай. Я так нуждаюсь в сочувствии, ласке. У меня был дурной муж, приносивший мне мало радостей.

Женщина сама цепко и властно обхватила Ивана, оробевшего, опешившего, и принялась исступлённо целовать его глаза, рот, подбородок, расстёгивать его сюртук и прижиматься щекой к его груди, в которой тревожно выстукивало сердце.

— Грех-то какой, моя госпожа, — шептал Иван. — Зачем я тебе, холоп безродный?

— Так надо, Иван. Так хочет сам Господь Бог, — зовущим шёпотом отвечала Фредерика и увлекала его в постель.

Отдавалась Фредерика страстно, неистово, с азартом изголодавшейся по мужской ласке здоровой, физически сильной женщины. В глазах её сверкали какие-то дьявольские искорки, словно она наслаждалась местью нелюбимому мужу, даже мёртвому. Фредерика вновь и вновь возбуждала желание в обессиленном, опустошённом Иване. И снова повторялся неистовый вихрь любовных игр. Под утро она, прижавшись щекой к груди Ивана, говорила ласково:

— Никогда ещё мне не было так хорошо, Иван. Морис никогда не давал мне той радости, какую ты дал. Ты теперь мой, Иван. Только мой. Понял?

— Как не понять, моя госпожа? Только грех всё это. В большой грех ввергаете вы и себя, и меня.

— Грех не твоя забота. Об этом поговорим потом. И не смей называть меня госпожой. Какая я тебе госпожа? Полюбовница. Жена твоя перед Богом, понял? Вечером жду тебя опять. А теперь иди, отсыпайся после трудов ночных.

Повторялись ночи беспокойные, наполненные страстными, неистовыми любовными играми. Уфтюжанинов был малоискушённым в науке любви парнем. Уже здесь, в Вецке, попытался было приударить за

молодой вдовой, полногрудой венгеркой. Она потеряла мужа, пожилого и болезненного кузнеца, съеденного чахоткой. Иван пожалел привлекательную вдовушку, приголубил и несколько раз навестил её. Говорят, шила в мешке не утаишь, особенно в. деревне, где все люди друг у друга на виду. Жители Вецке скоро прознали о связи Ивана с вдовушкой-венгеркой. К нему пришёл отец женщины и сказал сурово:

— С огнём играешь, окаянный схизмат. Если хочешь по-хорошему, переходи в нашу веру и покрывай грех законным венчанием. А иначе...

Старик не договорил, но сделал красноречивый жест. И Иван понял, что ему грозят большие неприятности. И он оставил вдовушку в покое.

Другое интимное знакомство состоялось в Париже. Его господин Морис Август частенько посылал Ивана в соседнюю лавочку за табаком и другими мелкими покупками. В лавке служила бойкая продавщица Франсуаза с осиной талией и чёрными кудряшками. Они познакомились и дружески болтали о всяких пустяках. Девушка позволяла Ивану всякие фамильярности, а однажды пригласила его к себе в гости, в тесную каморку позади лавки. Там молодые люди и согрешили на узком диванчике. А вскоре Иван узнал, что Франсуаза благоволила к рассыльному из отеля, где остановились Беньовские. Делить Франсуазу с каким-то рассыльным он никак не хотел и стал обходить лавочку стороной. Вот и весь небогатый любовный опыт Ивана Уфтюжанинова.

Фредерика сразу же распознала неискушённость парня и настойчиво преподавала ему уроки практической любви, обогащая его опыт. Только она пробудила в нём настоящего мужчину, который смог отдать ей сполна все нерастраченные силы и ласки. Оба были довольны.

Бурные ночи с неистовыми, жадными ласками продолжались уже вторую неделю. Иван пытался было говорить о грехе, задавать вопрос, а что же дальше, но Фредерика прерывала его, закрывая его рот жадным поцелуем, и говорила:

— Потом, потом, Иван, поговорим.

Но вот наступила ночь, когда вконец обессиленный Иван расписался в полной несостоятельности, немощи. Он был опустошён, измочален.

— Извини, моя госпожа. Устал я, растерял всю силу. Не доставлю тебе сегодня радости.

— И не надо, мой коханый. Силы придут снова, а с ними и все радости. Поговорим.

— Поговорим, коли тебе угодно.

— Не хотел бы ты стать моим дворецким? Старик совсем одряхлел, стал забывчив. Проводим его на покой с почётом. Дам ему хорошую

пенсию. Займёшь его место.

— Что ты, госпожа...

— Не называй меня госпожой! Сколько говорить тебе? У меня есть имя.

— Виноват... госпожа Фредерика. Какой из меня дворецкий! Тут нужен мужик с характером.

— Характер со временем придёт. Отведу тебе одну из лучших комнат в доме. И будем жить с тобой как муж с женой. Согласен?

— Не знаю, что и сказать тебе. Без венчания грех это, блуд.

— Безгрешных людей не бывает, Иван. Безгрешны только святые угодники. От наказания Божьего никуда не денемся. Подумай.

Опять продолжались ночи бешеных любовных игр, прерываемых лишь коротким тревожным сном. Жадная до ласк Фредерика будто опасалась, что потеряет Ивана навсегда, и старалась удержать его всеми силами, взять от него всё.

Она ласково гладила русые кудри Ивана, прижималась щекой к его груди и говорила проникновенно:

— Я вышью тебе красивый платок с цветами и ещё рубаху. С детства люблю вышивать.

Днём Фредерика садилась за вышивание. Бывало, наведывались соседи, прослышавшие о гибели Беньовского, чтобы выразить соболезнование. Хозяйка закрывалась в спальне, а слуги коротко говорили гостям: «Барыня больна и не принимают», — и гости уезжали ни с чем.

Однажды Иван спросил Фредерику:

— Говорят, младенчик был у тебя?

— Был сыночек, да прибрал его Господь. А ведь я стара для тебя, Иван.

— Какая же ты старая? В самом соку баба. Загляденье.

— Говорю, стара для тебя. Знаешь, на сколько я тебя старше?

— Не знаю, моя пани.

— Страшно сказать на сколько. На целых шесть лет. Нет, вру, на пять. Но это ничего, мой Иване. Буду тебе не только полюбовницей, но и матерью. Станешь моим сыночком. Бог взял у меня одного, дал другого. Так согласен, Иване, быть дворецким?

Не раз Фредерика задавала этот вопрос, и всякий раз отвечал Иван на него уклончиво или отмалчивался. И хозяйка поняла, что её полюбовник вовсе не горит желанием управлять имением.

— Остаётся нам с тобой, Иван, одно — стать законными мужем и женой, соединиться перед Богом, — с усилием выдавила из себя эти слова

Фредерика.

— Подумай, что ты говоришь, моя пани, — возразил ей Иван. — Какой из меня, холопа, муж? Ты знатная барыня, а я поповский сын, церковный служка.

— Ты научился чему-нибудь у барина?

— Чему я должен был у него научиться?

— Хотя бы умению фантазировать и набивать себе цену. Если Морис называл себя то бароном, то графом, то генералом, почему бы, Иван, не назваться тебе русским дворянином?

— Ты же знаешь, что никакой я не дворянин.

— Ну и что? Ты выдашь себя за дворянина, пострадавшего от императрицы Екатерины и высланного на Камчатку. Там ты и присоединился к Морису.

— Неправда же всё это. Матушка Екатерина ничего не сделала мне плохого. А за муженьком твоим последовал по другой причине. Хотел вырваться от родительской опеки — уж очень суров и деспотичен был батюшка, бывало, и поколачивал. И ещё мир захотелось посмотреть. А назовусь дворянином, первые Андреяновы, кучер наш и жёнка его, камчадалка, засмеют. Скажут мне: враль ты первостатейный, Ивашка, поповский сын.

— Коли это тебя смущает, обойдёмся и без обмана. Сделаем из тебя настоящего дворянина.

— Как же это ты сделаешь?

— А самым простым образом. Купим тебе патент на дворянское звание у какого-нибудь немецкого владетельного принца, хотя бы у того же герцога Гессенского. Если он торгует своими солдатами, почему бы не торговать ему и дворянскими званиями?

— Твоя затея дорого обойдётся.

— Дорого, Иване. Но на это денег не пожалею. У меня сохранились фамильные драгоценности. Продам польское имение. Но в любом случае придётся тебе, Иван, выполнить одно непременное условие.

— Знаю я твоё непременное условие. Хочешь обратить меня в свою веру, сделать из меня схизмата, выкреста.

— А хотя бы и так. Ты, наверное, не изучал, Иван, французской истории. Когда-то во Франции правил король Генрих[69]. Был он сперва гугенотом. Гугенот — это что-то вроде немецких протестантов. Генрих пожертвовал своей верой и перешёл в католичество. И это проложило ему дорогу к трону. Потом этот умный король говорил: «Париж стоит мессы». Неужели я не стою того, чтобы ради меня, ради моей любви пожертвовать

своей верой?

— Трудный вопрос задаёшь, Фредерика.

Иван впервые назвал свою госпожу по имени.

— Трудный вопрос задаёшь, — повторил он. — Ты хорошая, красивая, ласковая. Мне с тобой хорошо, как в райском саду. Но ты требуешь от меня невозможного. Я крещён по православной вере. Это вера моих отцов и дедов. Как я могу от неё отказаться?

— У нас с тобой единый Бог. Существенно ли это, что ты крестишься тремя перстами, а я всей ладонью? Я же не предлагаю тебе молиться языческим идолам.

— Бог-то един, да все обряды у нас с тобой разные.

— Не неволю тебя, Иван, с поспешным ответом. Поразмысли.

Иван размышлял и оставался при своём убеждении. Как ни привлекала его к себе Фредерика колдовскими женскими чарами, броской красотой великолепного тела, страстью и изобретательностью в любовных играх, как ни восхищала его, переступить запретную черту религиозной розни он никак не мог. Рождённый в православной вере, вере отцов и дедов, он не мог и допустить нравственной измены, перехода в чужую веру. Фредерика, казалось, читала его мысли и старалась прибегать ко всяким ухищрениям.

Встречая вечером любовника в своей опочивальне, лёжа в постели, женщина проворным движением откидывала одеяло и представала перед ним обнажённая, трепетная, жаждущая ласк.

— Иди ко мне, Иване. Иди же.

Розовое холёное тело, подсвеченное отблеском камина, пьяняще пахло дорогими духами, помадами, здоровой разгорячённой плотью.

— Я красивая, Иване?

— Зачем спрашиваешь? Ты сама же знаешь.

— Нравлюсь тебе?

— Как не нравиться, пане.

— А коли нравлюсь, ласкай меня. Целуй. Всю, всю целуй. Каждый пальчик на ступнях моих ног. Не брезгуй. Перед сном я принимала ванну.

В словах Фредерики звучала твёрдая, властная сила. И он, Иван Уфтюжанинов, поповский сын и бывший церковный служка, боялся этой силы, тяготился ею. Иногда он задумывался: а что было бы, если бы он, Иван, безропотно принял условия Фредерики, крестился по католическому обряду, стал липовым дворянином и в конце концов пошёл под венец со своей своенравной и взбалмошной хозяйкой? Не век бы они миловались на этой широкой постели у камина. Наступило бы пресыщение, отчуждение неравных по возрасту и богатству людей. Властная и капризная Фредерика

помыкала бы и командовала своим Иваном, постаралась бы сделать из него мальчика на побегушках, мужа-слугу.

И всё-таки Иван послушно выполнял требования женщины, потому что и ему это было приятно, заставляло учащённо биться сердце. Он целовал её волосы, глаза, припухлые губы, шею, полные округлые плечи, пышные груди, живот, широкие крепкие бёдра.

— Медведь ты неуклюжий, Иване, — ласково упрекала его Фредерика. — Совсем придавил мне живот. Приподымись-ка чуток.

— Приступим к главному делу?

— Не спеши, мой Иване. Главное дело от нас не убежит. Ласкай меня, целуй всю. До бесконечности. Как мне хорошо с тобой!

— И мне.

— А теперь целуй меня там...

— Не понимаю, что ты хочешь от меня?

— Какой же ты телок бестолковый. Женское моё естество целуй. Понял?

И сильным властным движением Фредерика прижала лицо любовника к треугольному выступу пониже живота, поросшему шелковистой рыжеватой шёрсткой.

— Ой, какая ты выдумщица, кралечка! И срамница, — шептал Иван не то восхищённо, не то осуждающе.

Когда же они, обессиленные, истомлённые ласками, лежали, тесно прижавшись друг к другу, Фредерика снова начала трудный для Ивана разговор.

— Когда пойдём в храм, Иване? Отец Стефан готов окрестить тебя. А старый дворецкий будет тебе крестным отцом. А вслед за твоим крещением пишу прошение герцогу Гессенскому.

— Всё уже решила за меня...

— Не пойдёшь?

— Нет, — твёрдо ответил Иван, и на глазах его выступили слёзы.

— Неужели я не стою того, о чём прошу тебя?

— Ты многого стоишь, Фредерика. Но вера отцов оказалась сильнее нашей страсти. Она, как крепкая цепь, держит меня на привязи. Что поделаешь?

— Но ведь люди не чета тебе, тот же король Генрих, меняли веру, если им нужно было.

— Значит, не стойкой веры были те люди.

— Святоша ты, Иван. Хочешь в святые праведники попасть, — со злобной иронией произнесла Фредерика.

Наш рассказ слишком бы затянулся, если рассказывать обо всех настойчивых уговорах и ухищрениях, к которым прибегала Фредерика, чтобы сломить упорство Ивана. Происходили долгие споры между ними, и размолвки, и даже ссоры. Бывало, двери хозяйской опочивальни оказывались закрытыми для Ивана. И так продолжалось по нескольку дней. А потом снова встречи с неистовыми бурными ласками, слезами радости и отчаяния.

Постепенно уже оба они убеждались в невозможности соединения двух людей разной веры и разного сословного положения. Приближался неизбежный разрыв. Иван всё более и более тосковал по родине, проклиная себя и покойного Беньовского за то, что когда-то увлёкся дерзкими планами авантюриста и последовал за ним в плавание. Иван Уфтюжанинов стал склоняться к возвращению в Россию, убеждая себя в том, что готов претерпеть любые кары и наказания за свои прегрешения, за соучастие в затеях беглого каторжника. Об этом он и сказал однажды Фредерике.

— Я ждала таких слов, Иване, — с грустью сказала она. — Представляешь, что ждёт тебя в России?

— Может быть, тюрьма, каторга.

— Ты как святой великомученик, добровольно отдаёшь себя в руки палачам.

— А вдруг, Фредерика, матушка Екатерина меня простит? Или отделаюсь небольшим сроком каторги и выйду на свободу. Поехала бы за мной в Россию, коли любишь?

— Какой же ты чудак, Иван. Кто ты такой на русской земле? Псаломщик, мелкий канцелярист или околоточный. И это в лучшем случае. А я...

— Договаривай, Фредерика. Ты хотела сказать, что ты потомственная дворянка, из старинного польского рода, вдова барона, графа... Как там ещё его... Владелица богатого имения. Несовместимо всё это.

— Слишком прямо, но справедливо сказано. Ты почти угадал мои мысли. Разные религии — это для меня было бы не самым главным.

— Разве не понятно? Был бы я российским графом и владельцем имений, ты с лёгкостью пришла бы в православный храм и переменила веру отцов. И стала бы не Фредерикой, а Федосьей или Фёклой. Самое главное — мы с тобой не ровня, люди разных сословий.

— Что делать, Иване. Не мы установили такой порядок на земле. В России, где не будет моего Вецке, мы с тобой друг другу не нужны.

Расставалась Фредерика с Иваном спокойно, сдержанно, сразу как-то посуровев. Прощальных бурных сцен не устраивала. Выправила для него в

Пеште необходимые документы, щедро снабдила деньгами и припасами на дорогу. Приказала кучеру Андреянову довезти Ивана до молдавской границы. А когда коляска скрылась за воротами усадьбы и умолк цокот копыт лошадей, Фредерика удалилась в свою комнату и долго билась в истерике, орошая слезами подушку.

С отъездом Ивана Фредерика вела уединённый образ жизни. В гости к соседям не ездила и их старалась не принимать. Подумывала о том, чтобы уйти в монастырь, но на этот крайний шаг не решилась. Однако же стала набожна и богомольна.

Тем временем во Франции разразилась революция. Дальний родственник Генских Лихницкий, офицер французской королевской армии, человек расчётливый и осторожный, решил не примыкать ни к якобинцам, ни к роялистам, а подал в отставку и покинул Францию. До него дошли слухи о гибели Мориса Августа Беньовского на Мадагаскаре. И Збигнев Лихницкий сообразил, что богатая вдовушка с трансильванским имением, к тому же недурная собой, — лакомый кусочек для малосостоятельного отставного офицера.

И вот однажды в Вецке заявился собственной персоной Збигнев с твёрдым намерением посвататься к вдове. Фредерика встретила его сдержанно, даже холодно, ничем не напомнив о их давнишней мимолётной связи. Лихницкий заговорил о своих намерениях.

— Бог рассудил нас. Вы стали вдовой, Фредерика. Ваш бродяга муж покинул грешную землю. Почему бы теперь не соединиться двум любящим сердцам? Я приехал к вам, любовь моя, с твёрдым намерением обрести в вашем доме покой и счастье.

— О какой любви вы говорите?

— Конечно, о моей любви к вам. Надеюсь, и я вам был не безразличен. Разве вы не помните тех коротких счастливых минут?

— Стараюсь забыть их. Разве это была любовь? Вы вели себя грубо, нахраписто, воспользовавшись неопытностью молодой женщины и... отсутствием её мужа.

— Зачем вы так? Я приехал к вам с серьёзными намерениями.

— К чему мне ваши серьёзные намерения? Замуж выходить за вас я не собираюсь.

— Жаль.

И Збигнев Лихницкий уехал ни с чем.

Скончалась Фредерика Беньовская в родовом имении Вецке 4 декабря 1825 года.

А Иван Уфтюжанинов добрался через молдавские степи до

российской границы, переправился через Днестр и прибыл в Киев. Первым делом он побывал в Киево-Печерской лавре, помолился святым угодникам и уж потом заявился в судебную палату.

— Кто таков? — спросил его дежурный канцелярист, подавляя зевоту.

— Ивашка Уфтюжанинов я, поповский сын.

— Ну и что из того? Много на свете поповских сыновей. Чего тебе надобно?

— А надобно, чтоб судили меня по справедливости.

— Ишь чего захотел! Каждого судить — на всех вас судей не хватит. Убил, что ли, кого?

— Да нет, никого я не убивал. В шайке вора и разбойника Беньовского состоял, слугой и телохранителем у него был.

— Постой, постой... Не у того ли Беньовского, что на Камчатке бунт поднял, судно захватил и сбежал?

— У того самого.

— А ты интересная штучка, парень. Мне не по зубам. Придётся о тебе самому доложить.

Сам, то есть председатель киевской судебной палаты, и его ближайшие помощники слушали пространный рассказ Уфтюжанинова о деяниях Беньовского и его гибели в джунглях Мадагаскара. Поставленный об этом в известность губернатор послал донесение в Петербург князю Александру Алексеевичу Вяземскому.

После удаления от дел и смерти Никиты Панина, которого Екатерина не любила, одной из самых главных и влиятельных фигур в окружении императрицы стал Вяземский. Князь ведал одновременно финансами, внутренними делами и юстицией. Человек угодливый и гибкий, он редко вызывал раздражение капризной Екатерины. Она ценила работоспособность, исполнительность и дипломатическую хитрость Вяземского.

— С чем пришёл, Александр Алексеич? — встретила Вяземского императрица.

С нею в рабочем кабинете находился её литературный секретарь, помогавший монархине править рукопись. Екатерина занималась литературной деятельностью, писала назидательные статьи, очерки, пьесы, издавала журналы, но при этом допускала в своих сочинениях чудовищные ошибки. Русским языком немка на российском престоле так никогда и не овладела в совершенстве. И она сознавала это упущение. Поэтому императрица нуждалась в помощи секретаря-правщика, привлекая для этой

цели опытных литераторов и переводчиков. Её рабочий стол был завален листами бумаги, испещрёнными правкой секретаря.

Стареющая государыня выглядела усталой. Она старалась казаться моложавой, прибегая к тщательному гриму, румянам, искусной причёске. Но все ухищрения не могли скрыть дрябло обвисших щёк, резких морщин у уголков рта. Екатерина много работала и так же много предавалась любовным утехам с молодыми фаворитами, которые не переводились у неё до преклонных лет.

«Сдала за последние годы матушка. Ох как сдала», — не без грусти подумал Вяземский. Коли уйдёт из жизни Екатерина и престол достанется её перезрелому наследнику Павлу, сумасбродному, неуравновешенному неврастенику, который, кажется, уже потерял надежды когда-либо царствовать, его, князя Вяземского, блестящая карьера может и закатиться. Новое царствование — новые люди у кормила власти, гатчинцы.

Но императрица ждала доклада. Александр Алексеевич постарался отогнать невесёлые мысли и произнёс улыбчиво и ласково, склоняясь перед ней в низком поклоне:

— С хорошими вестями пришёл, матушка.

— Коли с хорошими, говори. А мы наши дела литературные пока прервём.

— Лиходей и вор тот, что камчатского воеводу прикончил, шайку разбойников сколотил и с каторги бежал на захваченном корабле, Беньовский Морис Август...

— Ах, опять он! Что он вытворил на этот раз?

— Он уже ничего не сможет вытворить. Злодей сей приказал долго жить. Есть же правда на земле, матушка. Бог-то наш Всемилостивейший всё видит и злодеев непотребных наказывает. Плохо кончил Беньовский.

— Ты прав, князюшка. Бог всё видит и всем воздаёт по заслугам. Вот и великий вор и злодей Емелька лихо начинал, да на плахе головушку сложил. И этот поляк или венгр, видать, того же поля ягода был. Расскажи нам всё подробнее.

И Александр Алексеевич пересказал государыне всё донесение киевского губернатора, не забыв упомянуть и о поповском сыне Уфтюжанинове, который пришёл с повинной.

— Порешим так, князь, — сказала властно императрица. — Дело вора и разбойника, беглого каторжника Беньовского, посчитаем закрытым.

— Быть по сему, матушка. А что будем делать с поповичем?

— Это уж решай сам по совести. Прими во внимание, явился сам с повинной, привёз нам добрые вести. В соучастии с разбойником

раскаивается. Да и видать по всему, деятельным соучастником разбоя Беньовского он не был.

— Не был, матушка. Простой слуга он. Клянёт себя теперь — зачем наслушался всяких соблазнительных речей этого, прости Господи, враля. Я так думаю, отпустим поповича. В столицы для него, конечно, пути-дорожки закроем. Пусть поселится в каком-нибудь отдалённом сибирском городе.

— Правильно рассудил, Александр Алексеевич. Пусть живёт и трудится в сибирском городе. И спровадь его туда за казённый счёт.

— Оценит ли попович неслыханную твою монаршую доброту?

— Это уже на его совести.

Что нам известно о дальнейшей судьбе Ивана Уфтюжанинова? Он служил на нерчинских горных заводах. А ещё пел на клиросе заводской церкви и иногда подменял хворого псаломщика. Женился на псаломщиковой дочке Агафье. Жили они неважно, хотя и нарожала жена ему детей. Больших ссор и размолвок между супругами не было, но не сложилась у них и добрых, сердечных отношений. Была отчуждённость. И вина за эту отчуждённость лежала не на Агафье, женщине робкой и тихой, а на Иване. Неласков он был с женой, несловоохотлив. Мог за целый день не сказать Агафье ни словечка и, насупившись угрюмо, предаваться своим мыслям. А секрет был в том, что незримым призраком стояла между супругами Фредерика, вызывавшая у Ивана сладкие и тоскливые воспоминания.

Настоятель заводской церкви отец Фома заметил усердие Ивана, отменно знавшего всю церковную службу, и однажды сказал ему:

— Тебе бы дьяконом быть, сын мой Ивашка. Могу исходатайствовать у архиерея твоё рукоположение.

— Нет, увольте, батюшка. Не заслужил дьяконского сана. Нагрешил слишком. Грехи замаливать сподручнее певчим на клиросе.

— Тебе виднее.

Не хватает смелости Ивану покаяться батюшке на исповеди, что тревожит, преследует его по ночам дьявольское наваждение. Является ему схизматка с роскошными розовыми телесами, благоухающая пьяняще французскими духами и помадами, и шепчет призывно: «Иди ко мне, Иване. Я тебе нравлюсь, Иване?»

А в глазах у женщины такая горестная тоска, печаль, что впору расплакаться или удавиться.

Просыпается Иван Уфтюжанинов, вскакивает с постели и молится на образа, чтобы отогнать наваждение.

Фредерика оставалась для Ивана женщиной-загадкой. Он не раз спрашивал себя: что же заставило богатую надменную помещицу, которая годами почти не замечала его, вдруг стремительно распахнуть ему своё сердце, сделать первый шаг к их сближению? Действительно ли любила она его или только искусно играла роль любящей женщины? Иван пытался найти ответ.

Быть может, это был мимолётный каприз взбалмошной своенравной барыньки? Да, вероятно, и это. Очевидно было ещё желание мстить, изменять нелюбимому мужу, даже мёртвому, разочаровавшему её всем своим образом жизни. Могла бы найти Фредерика любовника в своей среде из числа молодых соседей-помещиков. Многие наведывались к ней в гости, пытались за ней ухаживать. Но измена со слугой могла выглядеть более дерзко, вызывающе. Не такой ли дерзкой измены хотела Фредерика?

Хотелось верить Ивану, что в отношениях Фредерики к нему было и чувство подлинной любви. Почему бы не быть? Молодая привлекательная женщина, не дождавшаяся любви и нежности от авантюриста и скитальца мужа, могла увлечься статным и красивым парнем. На Ивана заглядывались и девицы Вецке, и парижанки; Почему бы не заглядеться и пани Фредерике? Иногда Ивану казалось, что его хозяйка, одержимая буйным плотским чувством, вдруг становилась искренней и сердечной с ним и поступала так, как могла поступать только искренне любящая женщина. Остались вещицы, любовно вышитые для него Фредерикой. Иван бережно хранил во внутреннем кармане сюртука носовой платок с вышитыми на нём васильками, напоминание о прожитых в Вецке счастливых днях.

И ещё одна мысль приходила Ивану в голову. Фредерика осуждала авантюризм мужа, его ненасытное честолюбие, жажду власти, манию величия. Многое чего не одобряла она в покойном Морисе Августе. Но вот загадка: что-то из качеств мужа, которые она не одобряла и осуждала, приставало к ней самой, усваивалось ею. Фредерика тоже стала немного авантюристкой, вовлечённой в рискованную игру. Найти красивого молодого любовника среди соседей-помещиков, даже выйти за него замуж — это вовсе не составило бы труда. Но это было бы обыденно и совсем не увлекательно. Но вот соблазнить слугу, задумать сделать из него дворянина, убедить его переменить веру и вылепить из него, как из куска глины или воска, мужа, ласкового, покорного и всем обязанного ей, — вот это и увлекательная игра, и острые ощущения, и рискованная затея.

Иван Уфтюжанинов был человеком далеко не глупым, наблюдательным, и он понимал, что разноречивые чувства и стремления

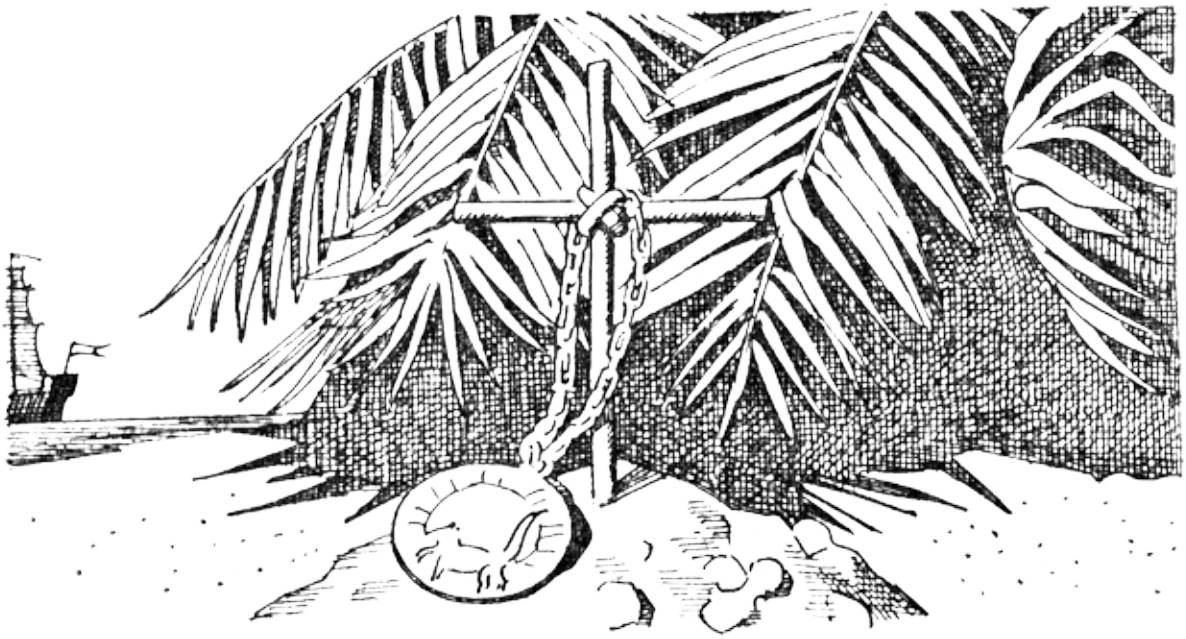
привлекали Фредерику к нему, руководили этой женщиной. Но ничего из её планов и намерений в конечном итоге не получилось и, вероятно, не могло получиться. Жизнь сурово разделила их непреодолимой стеной религиозной и сословной розни. И перешагнуть эту стену они оказались не в силах.

По-разному сложились судьбы остальных героев романа. Мы видели, что последовала за Беньовским на Мадагаскар лишь небольшая кучка из числа камчатских беглецов. Некоторые из них стали жертвами тропических болезней, болотной лихорадки, дизентерии, укусов ядовитых змей и насекомых. Немногие выжили и возвратились в Европу, где след их и затерялся.

Франция пережила кровавую и истребительную революцию. Окончили жизнь на гильотине ленивый и слабохарактерный король Людовик XVI и его властная супруга Мария-Антуанетта, а также многие их приближённые из числа тех, кто не успел или не сумел эмигрировать вместе с братьями короля. Мария Жанна Дюбарри, которой когда-то пленился Морис Август, осталась непримиримой роялисткой. Она поддерживала сторонников короля, всячески помогала им, за что была осуждена революционным трибуналом и гильотинирована. Скатилась к ногам палача её голова. Современники сообщают нам, что мужества и стойкости перед казнью Дюбарри не проявила.

О судьбах всех тех лиц, упомянутых в романе, которые оставили в истории свой более или менее заметный след, читатель знает или узнает из исторических книг.

ПОСЛЕСЛОВИЕ



Вот и завершена история Мориса Августа Беньовского, или де Бенёва, насыщенная тревожными и неожиданными, а порой и невероятными событиями. Как-то не хочется автору называть главное действующее лицо книги её героем. Да и какой он герой! Скорее антигерой. Авантюрист, политический игрок, самозванец.

XVIII век был богат подобными авантюристами. Вспомним хотя бы Калиостро и Казанову. К этой плеяде можно с полным основанием отнести и Беньовского. Человек непомерного честолюбия и властолюбия, страдавший манией величия, он смотрел на своих подчинённых лишь как на подручный человеческий материал, необходимый для достижения его честолюбивых и дерзких планов. Он жестоко обходился с теми, кто становился ему поперёк дороги, проявлял строптивость и самостоятельность. Примеры тому читатель найдёт в романе. Закономерно, что любой мало-мальски здравомыслящий и честный человек быстро разочаровывался в Морисе Августе, вступал с ним в конфликт.

В современных Венгрии и Польше, считающих Беньовского своим земляком (вспомним, он был поляком по отцу и венгром по матери), бытует некоторое любование его фигурой. О нём написано немало книг, созданы

приключенческие фильмы, идеализированный образ авантюриста окружён романтическим ореолом. Быть может, сильнее фактов оказалось восхищение своим соотечественником. Объективный анализ исторических источников даёт нам полную возможность представить Мориса Августа Беньовского как беспринципного авантюриста и самозванца, азартного игрока.

Роман «Каторжник император» не монографическое исследование, а литературное произведение с долей авторского вымысла и домысла, допустимого жанром. Тем не менее основная сюжетная канва соответствует реальным историческим фактам, собранным из документальных источников и научных публикаций. Наряду с подлинными историческими персонажами здесь присутствуют и лица вымышленные.

Всякий авантюризм приводит к краху. К незавидному концу привёл он и Мориса Августа Беньовского, человека безусловно не бесталанного, не лишённого организаторских способностей, целеустремлённости, умения выбираться из самых трудных ситуаций. Автор старался воздать ему должное. Насколько это удалось, пусть судит читатель.

ОБ АВТОРЕ

ДЁМИН ЛЕВ МИХАЙЛОВИЧ (род. в 1923 г.) — современный русский писатель, член Союза писателей России. В Великую Отечественную войну был участником боев в августе 1945 г. на Дальнем Востоке. Получил историческое и дипломатическое образование, окончив педагогический институт в Ленинграде и Высшую дипломатическую школу МИД в Москве. Работал журналистом-международником в системе Совинформбюро-АПН (в странах Юго-Восточной Азии), занимался научной работой в институтах Академии наук.

В настоящее время преподаёт в Российском университете дружбы народов, является действительным членом Российской Академии естественных наук. Автор многих научных и литературных трудов и публикаций. Главные из них: «Над Нерапи облака» (1971; переиздано в Германии и Японии), «Сахалинские записки» (1983), «Сквозь туманы и штормы» (1986), «Семён Дежнёв» (серия ЖЗЛ, 1990), «С мольбертом по земному шару. Мир глазами В. В. Верещагина» (1991) и др.

Роман «Каторжник император» печатается впервые.

---

notes

Примечания

1

...*Кауниц* Венцель Антон (1711—1794) — австрийский государственный канцлер в 1753—1792 гг., руководитель австрийской политики при Марии-Терезии, был сторонником и содействовал сближению Австрии с Францией и Россией.

2

Гаугвиц Христиан Август (1752—1832) — прусский кабинет-министр (1792), принимал участие во 2-м разделе Польши.

3

Иосиф II (1741—1790) — австрийский эрцгерцог с 1780 г., соправитель Марии-Терезии, император Священной Римском империи с 1765 г. Проводил политику просвещённого абсолютизма.

4

...*Семилетняя война*... — война 1756—1763 гг. между Австрией, Францией, Россией, Испанией, Саксонией и Швецией с одной стороны и Пруссией, Великобританией и Португалией — с другой Причиной её было обострение англо-французской борьбы за колонии и, кроме того, столкновение агрессивной политики Пруссии с интересами Австрии, Франции и России. Выиграла Англия, одержав победу над Францией и обретя торговое первенство.

5

Орден иезуитов — католический монашеский орден (лат. «Societas Jesu» — «Общество Иисуса»), основанный в 1534 г. в Париже Игнатием Лойолой.

6

...горная Трансильвания кишит гайдуцкими шайками, — В 1784—1785 гг. вспыхнуло трансильванское крестьянское восстание, антифеодальное восстание влашских и венгерских крестьян. Оно было подавлено, но после этого Иосиф II издал в 1785 г. акт об отмене крепостной зависимости.

7

...*Август III Фридрих* (1696—1763) — король польский и курфюрст саксонский с 1733 г. Время его правления — время политического кризиса в Польше.

8

Чарторыские возвели на престол своего родственника Станислава Понятовского... — Станислав-Август (Понятовский; 1732—1798) — последний польский король, сын мазовецкого воеводы и Констанции Чарторыской. В Польше наиболее влиятельными были два рода, две партии — Потоцких, выступавших за реформы без участия России, и Чарторыских — при содействии России. Победили Чарторыские и при помощи России посадили на трон Станислава Понятовского в 1764 г. После восстания 1794 г. и раздела Польши Станислав-Август по требованию России уехал в Гродно и отрёкся от престола. Умер в Петербурге.

9

Собеский Ян (1629—1696) — король Речи Посполитой с 1674 г. В 1683 г. разгромил турецкую армию.

10

Репнин Николай Васильевич (1734—1801) — князь, генерал-фельдмаршал. В 1763 г. был отправлен Екатериной II полномочным послом в Польшу, где он сумел заключить Варшавский договор, закрепляющий свободу вероисповедания и равные права католиков и диссидентов. Польская аристократия составила заговор против Репнина. Репнин же спровоцировал шляхту на борьбу с королём, и не без его помощи была организована Радомская конфедерация (1767—1768). Были уничтожены реформы конвокационного сейма. В ответ оппозиция создала конфедерацию в Баре (1768—1772) во главе с Красинскими и Пулавскими против России и короля-изменника. Но русские войска вытеснили конфедератов в Молдавию. Позже Репнин участвовал в русско-турецкой войне, был в Турции послом, псковским и рижским губернатором.

11

Фольварк — помещичье хозяйство в феодальной Польше.

12

Радзивилл Карл Станислав (1734—1790) — князь, противник партии Чарторыских. Примкнул к Барской конфедерации; после поражения у Несвижа эмигрировал за границу. По возвращении был прощён Екатериной II.

13

Браницкий Ксаверий Петрович (?—1819) — сопровождал Августа III в Семилетней войне. Позже, при Елизавете Петровне, отправился с Понятовским в Россию. При Понятовском сделал блестящую карьеру: в 1765 г. — посол в Берлине, в 1771 г. — посол в России, в 1772—1773 гг. — посол во Франции, в 1774 г. стал великим коронным гетманом. Приверженец России.

14

Апраксин Степан Фёдорович (1702—1758) — генерал-фельдмаршал, в начале Семилетней войны командовал русской армией. В 1757 г. армия под его командованием в битве у Грос-Егерсдорфа разбила прусские войска.

15

...атаманов Гонты и Железняка. — Гонта Иван (?—1768) — сотник, участник движения гайдамаков, воспет Т. Г. Шевченко в поэме «Гайдамаки». Железняк (Зализняк) Макс (нач. 1740-х—?) — запорожский казак. Гонта и Железняк были руководителями крестьянского восстания 1768 г. на Правобережной Украине против польской шляхты — «колиивщины».

16

Война с турками оттянула главные силы русских... — Имеется в виду русско-турецкая война 1768—1774 гг., которая была начата Турцией после отказа России вывести войска из Польши. Турецкие войска потерпели поражение при Ларге, Кагуле, а турецкий флот в Чесменском бою. После этого был заключён Кючук-Кайнарджийский мир (1774).

17

...императрица Екатерина, свергнувшая «... умертвившая своего мужа Петра. — Пётр III Фёдорович (1728—1762) — российский император с 1761 г., был сыном герцога Гольштейн-Готторпского Карла-Фридриха и Анны Петровны, внуком Петра I. В России жил с 1742 г., но сохранял пропрусские симпатии. Был свергнут в результате переворота, организованного его женой Екатерин ной, и убит.

18

Молодой караульный офицер... царевича Ивана... — Иван VI Антонович (1740—1764) — российский император (1740—1741), правнук Петра I, сын Анны Леопольдовны и герцога Брауншвейг-Люнебургского Антона-Ульриха. За него правили мать и Э. И. Бирон. Был свергнут и заключён в Шлиссельбургскую крепость. *Мирович* Василий Яковлевич (1740—1764), подпоручик Смоленского пехотного полка, будучи в карауле в крепости и узнав о венценосном пленнике, решил освободить его. При этой попытке Иван VI был убит, а Мирович чуть позже казнён. Эпизод послужил темой романа Г. П. Данилевского «Мирович» (1886).

19

...*после покорения Казанского ханства.* — Казань была взята после долгой осады русскими войсками 1 октября 1552 г. Вскоре покорились Арская область и Луговая черемиса.

20

Разумовский Алексей Григорьевич (1709—1771) — граф, генерал-фельдмаршал. Участник переворота 1741 г. С 1742 г. морганатический супруг Елизаветы Петровны.

21

Братья Орловы и Григорий Потёмкин... — Орлов Григорий Григорьевич (1734—1783) — граф, генерал-фельдцейхмейстер; Орлов Алексей Григорьевич (1737—1807) — граф, генерал- аншеф, командовал эскадрой в Средиземном море, за сражение у Чесмы и Наварина (1770) получил титул Чесменского. Оба брата Орловы и Потёмкин были главными организаторами переворота 1762 г., приведшего к власти Екатерину II. Потёмкин Григорий Александрович (1739—1791) — генерал-фельдмаршал, фаворит и ближайший помощник Екатерины II, после присоединения Крыма получил титул Светлейшего князя Таврического, был главнокомандующим русской армией, в русско-турецкую войну 1787—1791 гг.

22

Разин Степан Тимофеевич (ок. 1630—1671) — донской казак, предводитель крестьянской войны 1670—1671 гг., был казнён.

Булавин Кондратий Афанасьевич (ок. 1660—1708) — донской казак, предводитель восстания в 1707 г.

23

Четьи-Минеи («Чтения ежемесячные») — сборники житий святых, составленные по месяцам и дням чествования памяти святого.

24

Растрелли Варфоломей Варфоломеевич (1700—1771) — русский архитектор, творец ансамблей Смольного монастыря, Зимнего дворца в Петербурге, Большого дворца в Петергофе, Екатерининского дворца в Царском Селе, представитель стиля барокко.

25

...историю Нидерландов, боровшихся против испанский тирании. — Во время Нидерландской буржуазной революции 1566 — 1609 гг. часть буржуазии и народ вели одновременно борьбу с феодалами и национально-освободительную войну против испанского господства. Восстания в 1566, 1572 и 1576 гг. привели к созданию Утрехтской унии (1579) и освобождению от испанского владычества северных провинций (совр. государство Нидерланды) и образованию Республики Соединённых провинций. В XVIII в. война за испанское наследство продолжалась с 1700 по 1714 г.

26

Чичерин Николай Иванович (?—1782) — обер-комендант киевский, генерал-полицмейстер петербургский в 1764—1777 гг., генерал-аншеф и сенатор.

27

Панин Никита Иванович (1718—1783) — граф, дипломат. Воспитатель Павла I, с 1763 г. — руководитель коллегии иностранных дел.

28

...*цесаревич Павел?* — Павел I (1754—1801), сын Петра III и Екатерины II, российский император с 1796 г. Был убит заговорщиками-дворянами.

29

...*галиот*... — небольшое парусное судно с двумя мачтами и косыми (т. е. треугольными) парусами.

30

...*пятидесятник*... — офицерский чин в казачьих войсках русской армии, так же как сотник.

31

По свидетельству источников, именно так назвал Беньовский экспедицию на галиоте «Святой Пётр».

32

...разорительная для русского государства польская война... — После смерти польского короля Августа III в 1733 г. началась война за польское наследство, в которой участвовали Россия и Франция. Франция поддерживала кандидатуру тестя Людовика XV Станислава Лещинского (Людовик XV был женат на Марии Лещинской), Россия же поддерживала будущего короля Августа III. Война окончилась договором, подписанным в Вене в 1738 г. Позже, после Барской конфедерации (1768—1772), русские войска участвовали в подавлении движения конфедератов.

33

Аманат — заложник.

34

Вяземский Александр Алексеевич (1727—1793) — князь, доверенное лицо Екатерины II, с 1764 г. — генерал-прокурор Сената, в 1767 г. — председатель Комиссии по составлению нового Уложения, с 1769 г. — член Совета при высочайшем дворе.

35

...записки канцеляриста Рюмина... — См.: Рюмин Василий Гаврилович. «Записки канцеляриста Рюмина о приключениях его с Бениовским». СПб., 1822.

36

Шелехов (Шелихов) Григорий Иванович (1747—1795) — русский купец; в 1775 г. создал компанию для пушного и зверобойного промысла на северных островах Тихого океана и Аляске. Основал первые поселения в так называемой Русской Америке, провёл географические исследования.

37

...короля Жозе I... — Иосиф I Эммануэль (1715—1777) — португальский король с 1750 г.

38

Вобан Себастьен Ле Претр де (1633—1707) — маркиз, французский военный инженер, маршал. В своих трудах по военному делу разработал научные основы фортификации. Построил и перестроил 300 крепостей, был одним из зачинателей минно-подрывного дела.

39

...короля Солнце... — Людовик XIV (1638—1715), французский король с 1643 г. Его правление — апогей французского абсолютизма; легенда приписывает ему изречение: «Государство — это я».

40

Мадагаскар. — В XIV в. в центре Мадагаскара образовалось государство Имерина, которое вместе с другими, возникшими позже, вошло в XIX в. в состав Малагасийского королевства. Европейцы проникли на Мадагаскар в XVI в. В 1896 — 1960 гг. Мадагаскар был владением Франции.

41

Людовик XV (1710—1774) — французский король с 1715 г.

42

...*мегалитические* — культовые сооружения III—II тысячелетий до н. э. из огромных необработанных каменных глыб (от мега и лит).

43

...при его внуке... произойдёт страшный кровавый взрыв... — Во время Великой Французской революции (1789—1794) французский король Людовик XVI (1754—1793) был осуждён Конвентом и казнён.

44

Кромвель Оливер (1599—1658) — деятель Английской буржуазной революции XVII в. Он организовал парламентскую армию и, опираясь на неё, провозгласил республику. Способствовал казни короля Карла I.

45

...власти вынудили его покинуть страну, — Вольтер Франсуа Мари Аруэ (1694—1778) — французский писатель, философ-просветитель, автор философских повестей «Кандид, или Оптимизм», «Простодушный», трагедий «Брут», «Танкред» и др. После публикации «Философских писем» (1734) Вольтер вынужден был удалиться из Парижа.

46

Варфоломеевскую ночь... — В Варфоломеевскую ночь на 24 августа 1572 г. произошла массовая резня гугенотов католиками в Париже, организованная Екатериною Медичи и Гизами.

47

Д'Эгильон Арман Виньеро Дюплесси Ришелье (1750—1800) — герцог, депутат Учредительного собрания 1789—1791 гг., представитель либерального дворянства. После свержения монархии эмигрировал.

48

Вельгорский Юрий Михайлович (1753—1807) — граф, сенатор, польский посланник при дворе Екатерины II. В 1786 г. перешёл на русскую службу. Камергер, гофмаршал, с 1800 г. — сенатор. Известно его увлечение литературой и искусством.

49

...подписали в Петербурге конвенцию о разделе польских земель. — В 1772 г. в Петербурге была подписана конвенция о разделе Речи Посполитой между Пруссией, Австрией и Россией. В 1793 и 1795 гг. последовали 2-й и 3-й разделы Польши. Национально-освободительное восстание 1794 г. (под руководством Т. Костюшко) было подавлено.

50

Расин Жан (1639—1699) — французский драматург, классицист. Автор трагедий «Британию», «Береника», «Фёдра», «Ифигения» и др.

51

Дюси Жан Франсуа (1733—1816) — французский трагический поэт; известен и как тонкий переводчик произведений Шекспира.

52

...порка линьками... — Линь — тонкая верёвка белой пряжи, применяемая для сигнальных фалов на корабле. В морском обиходе употреблялась при наказаниях матросов.

53

Мария-Антуанетта (1755—1793) — французская королева, жена Людовика XVI, дочь австрийского императора. Была противницей реформ и вдохновительницей контрреволюционных заговоров и интервенции в период Великой Французской революции. Заключена в Тампль и казнена.

54

Тюрго Анн Робер Жак (1727—1781) — барон, философ-просветитель, экономист, контролёр финансов при правлении Людовика XVI. Он провёл либеральные реформы в экономике, выступал за свободную торговлю и развитие промышленности, но натолкнулся на рьяное сопротивление двора. С 1776 г. в опале, а реформы его отменены.

55

Верженн Шарль Гравье де (1716—1787) — был послом в Константинополе, затем в Стокгольме, при Людовике XVI — министр иностранных дел, один из искуснейших дипломатов старой монархии.

56

Мольер (наст, имя Жан-Батист Поклен) (1622—1673) — французский комедиограф, выступил реформатором сценического искусства. Создал особый жанр комедий, особенно известными среди которых стали «Тартюф, или Обманщик», «Мнимый больной», «Мещанин во дворянстве», «Учёные женщины» и др.

57

Бомарше Пьер Огюстен (1732—1796) — французский драматург, мировую славу ему принесли комедии «Севильский цирюльник» и «Женитьба Фигаро», на сюжеты которых были написаны оперы Моцартом и Россини.

58

...североамериканским колониям, восставшим против англичан... — Война за независимость в Северной Америке в 1775 — 1783 гг. привела к образованию независимого государства — Соединённые Штаты Америки (1776).

59

Священная Римская империя — была основана германским королём Оттоном I в 962 г. Кроме Германии, занимавшей господствующее положение, включала в себя Северную и Среднюю Италию, Чехию и Бургундию, Нидерланды, швейцарские и другие земли. Постепенно она утрачивала своё значение и распадалась, но просуществовала до 1806 г. Иметь её титул было почётно.

60

Чимароза Доменико (1749—1801) — итальянский композитор; обладая острым комедийным дарованием, он избрал главным жанром своего творчества оперу-буфф. Его оперы, особенно «Тайный брак», имели успех в Европе в 1770 — 1790-х гг. В 1782 — 1792 гг. Чимароза работал в Петербурге.

61

...воинственный Фридрих прусский... — Имеется в виду Фридрих II (1712—1786) — прусский король с 1740 г., полководец, проведший Силезские войны в 1740—1742 и 1744—1745 гг., Семилетнюю войну. Он почти удвоил территорию Пруссии.

62

Чёрт побери! *(нем.)*.

63

Гайдн Франц Йозеф (1732—1809) — австрийский композитор, один из основателей венской классической школы. В 1761 г. Гайдн был приглашён князем П. А. Эстергази (Эстерхази) на должность вице-капельмейстера и работал у князей Эстергази почти до конца своих дней. Музыкальная деятельность в доме Эстергази принесла композитору известность не только в Австрии. В начале 1780-х гг. Гайдн познакомился и подружился с Моцартом.

64

...в Филадельфии... континентальный конгресс, принявший декларацию. — Декларация независимости США была принята 4 июля 1776 г. Вторым Континентальным конгрессом во время войны за независимость.

65

Вашингтон Джордж (1732—1799) — первый президент США (1789—1797). В войне за независимость он был главкомом армии колонистов, председателем Конвента (1787) по выработке конституции.

66

...испанским монархам Фердинанду и Изабелле. — Фердинанд II Арагонский (1452—1516) — король Арагона, Сицилии, Неаполитанского королевства. Его брак с Изабеллой (1451—1504), королевой Кастилии, привёл к фактическому объединению Испании, превращению её в абсолютную монархию, строго придерживающуюся католицизма.

67

Георг III (1738—1820) — английский король с 1760 г. Один из вдохновителей английской колониальной политики и борьбы с восставшими североамериканскими колониями.

68

...тори и вигов... — английские политические партии, возникшие в конце 70-х — начале 80-х гг. XVII в. Тори выражали интересы аристократии и высшего духовенства Англиканской церкви. С середины XIX в. на их основе сложилась консервативная партия. Виги возникли как партия обуржуазившейся дворянской аристократии и крупной финансовой буржуазии. В XIX в. стала основой либеральной партии.

69

Генрих IV (1553—1610) — французский король, во время Религиозных войн был главой гугенотов. В 1593 г. перешёл в католичество, и тогда Париж признал его королём. Был убит католиком-фанатиком.